This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Lotze, Hermann

МИКРОКОЗМЪ.

МЫСЛИ О ЕСТЕСТВЕННОЙ И БЫТОВОЙ ИСТОРІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ОПЫТЪ АНТРОПОЛОГІИ

ГЕРМАНА ЛОТЦЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

4. Человѣкъ. 5. Духъ. 6. Ходъ міра.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Цѣна 2 р. с.

МОСКВА
Изданіе К. Солдатенкова.
1866.

Digitized by Google

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милюкова

Digitized by Google

B3293
M53R9
1866
v.2

МИКРОКОЗМЪ.

M646930

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ — ЧЕЛОВѢКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа и идеи.

Стр.

Механическое объясненіе и идеальное истолкованіе природы.— Независимость обоихъ взглядовъ другъ отъ друга, и необходимость ихъ сочетанія. — Ставящее цѣли творчество — Идеально-реальное. — Природа, какъ опытъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природа изъ Хаоса.

Сомнѣнія въ господствѣ цѣлей. — Созданія, какъ самоцѣльныя существа.—Цѣли и результаты.—Развитіе вещей изъ хаоса. — Добровольное возникновеніе порядка изъ безпорядицы. — Элементы

Digitized by Google

Стр.

хаоса. — Внутренняя цѣлесообразность вещей и ея дѣйствія. — Единство природы, какъ произведеніе многоразличныхъ взаимодѣйствій 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Единство природы.

Единство причины вещей и ея слѣдствія. — Система веществъ и ихъ распредѣленіе. — Поддержка единства въ кругообортѣ естественныхъ событій. — Понятіе о чудѣ. — Планъ всемірноисторическаго развитія. — Различныя эпохи или возрасты міра. — Всеобщая и земная природа. — Постепенность естественныхъ произведеній. — Царство животныхъ и типическія его формы. . . . 54

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Человѣкъ и животныя.

Череда животныхъ и ея значеніе. — Объемъ тѣла. — Тѣлесная сила. — Долговѣчность. — Потребность въ пищѣ. — Способность къ акклиматизаціи — Прямое (отвѣсное) положеніе. — Причины его и слѣдствія — Симметрія и красота тѣлосложенія. . 84

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разности человѣческаго рода.

Условія индивидуальнаго образованія. — Наслѣдственность родовыхъ формъ и индивидуальныхъ чертъ типа. — Звѣрообразія. — Племенныя разности. — Догадки о происхожденіи ихъ. — Негры, Индѣйцы, Малайцы, Монголы, Кавказцы — Понятія о видѣ и разновидности. 123

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ — ДУХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Духъ и душа.

Стр.

Животная душа и разумный духъ — Взаимное ихъ соотношеніе. — Упраздненіе этой двойственности. — Понятіе о душѣ вообще и душа особи (индивидуальная). — Душа — феноменологическое обозначеніе разныхъ существъ. — Переходъ этого предиката или прозвища въ обозначеніе однороднаго существа. — Душа сама по себѣ и ея развитіе. — Идея развитія, какъ первобытное содержаніе сущности. — Реальность идеи, нереальность простаго качества. — Единство идеи. — Общія свойства душъ — Царство душъ и его члены 167

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Человѣческая чувственность.

Различныя толкованія внѣшнихъ чувствъ. — Безкорыстное по себѣ содержаніе внѣшняго чувства и неразлучное съ нимъ ощущеніе довольства и недовольства. — Настоящая цѣнность чувственныхъ впечатлѣній. — Соотвѣтствіе ихъ свойствъ съ порождающими ихъ раздраженіями. — Примѣры: свѣтъ и звукъ. — Эстетическая оцѣнка. — Симметрія въ пространствѣ и во времени. — Математическая сентезія чувственности. — Сонаслажденіе чуждыми формами природы и непониманіе ихъ — Употребленіе въ дѣло орудій. — О щегольствѣ и убранствѣ — Обряды 207

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Языкъ и мышленіе.

Стр

Укладъ возбужденій движеніями вообще. — Укладъ ихъ дыхательными движеніями. — Голосъ. — Членораздѣльный звукъ и система звуковъ. — Тѣлесная обоснова словоспособности. — Значеніе словъ. — Мышленіе. — Части рѣчи. — Синтактическія формы языка — Національная его логика. — Зависимость мышленія отъ рѣчи. — Важность именъ. — Безпредметныя словообразованія. — Порядокъ мыслей и порядокъ конструкцій въ предложеніи. — Рѣчь просеби. — Непосредственное созерцаніе и опосредствованное мышленіе. — Бесѣда. 259

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Познаніе и истина.

Идеальная природа духа и механическій ея равновѣсъ (эквивалентъ). — Сущность человѣческаго разумѣнія. — Ступени самоотраженія мысли — Общій позывъ къ знанію и дѣйствію. — Возникновеніе частныхъ и общихъ понятій. — Значеніе понятія о видѣ въ человѣческомъ міровоззрѣніи. — Прирожденныя смыслу понятія и ихъ рѣшительная невозможность. — Происхожденіе всеобщихъ и необходимо полносильныхъ сущеній. — Понятіе истины. — Законъ тожества и винословности. — Самородная метаѳизика жизни и ея выработка. 311

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Совѣсть и нравственность.

Міровоззрѣніе сердца. — Содержаніе совѣсти. — Довольство и недовольство, какъ дѣйствующія причины поступковъ — Довольство

Digitized by Google

Стр

ство и благо. — Понятіе достоинства или внутренней цѣнности и связь его съ понятіемъ довольства. — Довольство въ смыслѣ нравственнаго начала. — Чувственныя влеченія души. — Личныя чувства. — Эгоизмъ и всеобщее. — Нравы и ихъ содержанье. . . 366

КНИГА ШЕСТАЯ — ХОДЪ МІРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вліяніе внѣшней природы.

Ходъ міра и исторіи. — Космическія и теллурическія дѣйствія на душу человѣка. — Параллелизмъ макрокосма съ микрокосмомъ. — Свойство края и природный характеръ жителей. — Жизнь съ природою. 411

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природное свойство человѣка.

Темпераменты, понятіе и различіе ихъ. — Преемственность возрастовъ. — Связь жизненныхъ чувствъ тѣла и души. — Разность половъ. — Общая духовная своеобразность женщинъ 437

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нравы и обычаи.

Совѣсть и нравственный вкусъ. — Неблагонадежность естественной душевной жизни. — Яства. — Людоѣдство. — Жестокость и

Digitized by Google

Стр.

провождность. — Чистота тѣла и души. — Стыдливость.—Ненависть и пристрастіе къ природѣ. — Реализмъ прекрасной личности и идеализмъ труда. — Обходительность 509

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Расчлененіе внѣшняго быта.

Природа и образованность. — Родной край. —Охотничій бытъ; пастушескій бытъ; осѣдлость и земледѣліе. — Домъ и семья. — Общество. — Подѣлъ труда и званій. — Однообразное и многообразное расчлененіе общества. — Цивилизація. — Исторія. 542

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внутренняя жизнь.

Соображенія насчетъ цѣлей и назначенія жизни. — Человѣкъ, какъ преходящее произведеніе природы — Непосредственныя мнѣнія и думы на этотъ счетъ—Связь съ сверхчувственнымъ міромъ.— Суевѣріе.—Религіозность.—Непостоянство и безсвязность человѣческихъ стремленій. 573

Digitized by Google

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа и идеи.

Механическое объясненіе и идеальное истолкованіе природы. — Независимость обоихъ взглядовъ другъ отъ друга, и необходимость ихъ сочетанія. — Ставящее цѣли творчество. — Идеально-реальное. — Природа, какъ опытъ.

Какъ неохотно и недовѣрчиво встрѣчаемъ мы всякую попытку назойливаго остроумія разобрать по частямъ тончайшій строй нашей внутренней природы, и какъ мало уваженія внушаетъ намъ спокойная увѣренность, думающая съ общихъ точекъ зрѣнія вѣрно предсказать необходимое развитіе этой опредѣленной смѣси наклонностей! Мы считаемъ себя чѣмъ-то поболѣе одной изъ множества группировокъ общеизвѣстныхъ намъ свойствъ; всякая попытка мѣрить насъ на одинъ аршинъ съ другими истощается, думаемъ мы, безтолку только надъ внѣшностями нашего существа, обходя нетронутымъ и непонятымъ тотъ ни съ чѣмъ не сравнимый остатокъ, то истинное *я*, которое во всемъ, въ чемъ доступно оно наблюденію, даетъ себѣ одну только поверхность, приравнимую къ другимъ (а въ сущности все-таки остается несравнимымъ). Требуемое нами такимъ образомъ для себя, готовы мы, пожалуй, уступить и внѣшнимъ намъ произведеніямъ природы. Есть такая скромная добросовѣстность наблюденія, которая охотно высматриваетъ въ каждомъ естественномъ обликѣ осо-

Digitized by Google

бенную послѣдовательность своеобразнаго его образованія; идя безъ своенравной прихоти по стопамъ самихъ вещей, оно желало бы дойдти этимъ путемъ до чуткаго уразумѣнія того тайнаго смысла, который оживляетъ все сущее и ускользаетъ отъ насъ рѣшительно вездѣ, пока слишкомъ равнодушною рукою подводимъ мы все выразительное многоразличіе вещей подъ одни общія мѣрила (не обращая вниманія на индивидуальность, или особность). Такой бережи къ живой своеобразности явленій въ прежнемъ нашемъ разысканіи не видно и слѣда. Съ жесткостью, повидимому, совершенно неприступной, отвергали мы тѣ краснорѣчивыя убѣжденія, которыя тщетно обращали они къ намъ, умоляя признать особое ихъ значенье; вездѣ стояли мы упорно въ томъ, что явленія — только примѣры многоразличныхъ результатовъ, вытекающихъ изъ всеобщей сферы законности, коль скоро игра случая доставитъ этой сферѣ элементы дѣйствительнаго осуществленія въ той или другой данной связи.

Подобный взглядъ на теченіе природы, конечно, ни мало не удовлетворитъ тѣхъ ожиданій, съ какими обыкновенно принимается наблюдать его каждый здравый и безпредубѣжденный умъ; и дѣйствительно, съ такого рода мнѣніемъ мы едвали избѣжали бы укора, что незамѣтнымъ для насъ образомъ мысль о самой природѣ совершенно ускользаетъ у насъ изъ-подъ рукъ. Вѣдь не обозначитъ же никто этимъ именемъ одно лишь только скученіе неопредѣленно-многоразличнаго матеріала, собравшагося изъ невѣдомыхъ источниковъ, безъ всякаго соотношенія между собой, и движимаго только рядомъ какихъ-то непредрасчислимыхъ случайностей, — матеріала, въ слѣпомъ броженіи котораго отражается одна несокрушимая сила всеобщихъ законовъ, дѣйствующихъ съ неизбѣжною, но безнамѣренною правильностью. Напротивъ, всѣ мы скорѣе говоримъ о царствѣ природы; и то живое расчлененіе частей,

Digitized by Google

благодаря которому составляютъ онѣ цѣлое, тѣ взаимныя отношенія предполагающихъ и поддерживающихъ другъ друга образованій, при которыхъ малѣйшая постройка значитъ уже гораздо-больше, нежели простой примѣръ соблюденныхъ въ ней законовъ статики, ту разумную знаменательность строго-соображенной внутренней связи, — все это хотѣлось бы намъ обезпечить и за природою. Пусть это влеченіе къ неразрывному ея единству происходитъ первоначально изъ одного мечтательнаго убѣжденія фантазіи, чающей отыскать свой идеалъ гармоническаго бытія въ самой дѣйствительности: оно способно только усилиться и поощриться отъ воспоминанія о загадкѣ, занимающей теперь всѣ мысли наши, — о нашемъ собственномъ положеніи среди этой природы, въ тревожный круговоротъ которой мы замкнуты неотрѣшимо и навсегда. Усвоенный нами взглядъ на поприще нашего существованія непремѣнно долженъ вліять и на оттѣнокъ тѣхъ убѣжденій, какія бы ни составили мы себѣ о смыслѣ и цѣли нашей дѣятельности. Будь мы брошены въ разнообразнѣйшій круговоротъ, получающій свое направленіе только отъ вліяній прошлаго и ни мало не зависящій отъ плана въ будущемъ, намъ конечно пришлось бы опасаться и за прочность цѣлей нашего собственнаго стремленія: вся полнота надеждъ, вся радость человѣческаго существованія основаны на вѣрѣ въ предобдуманное единство міропорядка, уготовившее намъ соотвѣтственный пріютъ и уже въ слѣпыхъ дѣйствіяхъ природы заложившее сѣмя того развитія, которое должна принять въ себя и вести далѣе духовная жизнь.

Самоувѣренную теплоту этихъ взглядовъ, которую сердце человѣка будетъ вѣчно порождать вновь и вновь, мы не обзавидовали бы даже и въ томъ случаѣ, еслибъ попытка отнять ихъ у него окончательно была гораздо менѣе безнадежна. И вотъ въ этомъ-то именно настроеніи оглядываемъ мы теперь

Digitized by Google

пройденный нами путь и не можемъ не найдти его пустынным. Конечно, всегда останется истиной, и всякая противоположная попытка фантазіи невольно вынудится опять къ признанію, что всѣ вопросы о способѣ осуществленія какого бы то ни было явленія и о возможности дальнѣйшей его поддержки непремѣнно должны возвращаться на прежде указанную нами дорогу механическаго воззрѣнія. Однакожь никогда не удовлетворимся мы тѣмъ, чтобъ для объясненія любой знаменательной гармоніи и красоты дѣйствительнаго намъ вѣчно повторяли одно и то же, что и она порождается съ слѣпой необходимостью, какъ неизбѣжный результатъ, если только однажды даны эти, а не иныя обусловливающія предсобытія, эта, а не иная связь элементовъ. Пусть механическое естествознаніе радуется той надежностью, съ какою изъ любого положенія вещей, какъ бы впрочемъ ни сочеталъ ихъ случай, оно умѣетъ выводить ближайшія послѣдствія; мы все-таки не станемъ искать сущности природы въ этихъ всеобщихъ законахъ, нуждающихся въ случаѣ для того, чтобы найдти къ чему имъ приложиться, и, толь благодаря найденному (случайно) предмету, обратиться въ какой-нибудь опредѣленный результатъ. Напротивъ, въ томъ именно лежитъ истинное творчество природы, что̀ прежде (съ механической точки зрѣнія), служа только примѣромъ общаго правила, казалось намъ чѣмъ-то въ родѣ зеркальной наводки, нужной лишь для отраженія закона съ безпредѣльнымъ его могуществомъ; творчество это именно состоитъ въ томъ, что вообще есть на лицо извѣстное разнообразіе дѣеспособныхъ элементовъ, которыми и можетъ уже распоряжаться законъ,— въ томъ, что сочетанія этихъ элементовъ попадаютъ въ связную сѣть механическихъ правилъ не врозсыпь, какъ распуганная дичь, но что, напротивъ, эти группы или созвѣздія обстоятельствъ выступаютъ всегда съ извѣстнымъ подборомъ и

Digitized by Google

послѣдовательностью, въ опредѣленномъ сродствѣ между собой, и передаютъ содержащіяся въ нихъ сѣмена лучшихъ и обильнѣйшихъ результатовъ неослабному блюстительству закона для благонадежнѣйшаго развитія ихъ впереди. Выслѣдить основу и происхожденіе этого порядка — такая задача, которой важность намъ отнюдь не должно умалять, и механическому воззрѣнію необходимо будетъ допустить ее съ собою рядомъ.

Отъ попытокъ рѣшить эту задачу съ своей стороны, оно, конечно, въ полномъ правѣ отступиться. Оно напомнитъ при этомъ, что любое объясненіе должно же вѣдь предполагать какую-нибудь фактическую данность, которую бы оставалось ему только признать, а оно, въ свою очередь, уже послѣдовательно разовьетъ дальнѣйшія дѣйствія этой данности по вѣрному указанію дознанныхъ имъ всеобщихъ законовъ. Ни что, скажетъ оно намъ, не мѣшаетъ допустить первую сопоставку элементовъ міра такою, что вся позднѣйшая гармонія, красота и цѣлесообразность дѣйствительнаго уже заключалось въ ней, какъ необходимая ея будущность; нежеланіе же успокоиться на этой гипотезѣ втайнѣ неразлучно съ другимъ, еще болѣе страннымъ предположеніемъ, будто безрядица, естественнѣе порядка, и будто дикій хаосъ имѣетъ болѣе вѣроятности, даже чуть не болѣе права на существованіе, нежели стройный порядокъ вещей, для установки котораго будто бы нельзя было обойдтись безъ всегдашнихъ сторонніхъ пособій. Какъ непредвидима, непредрасчислима однакожь гибкость мыслей! Тогда какъ одинъ взглядъ увѣренъ въ томъ, что всего благочестивѣе освятить глубокое чувство красотъ природы возведеніемъ ихъ къ верховному источнику, онъ неожиданно узнаетъ, что далеко опереженъ другимъ взглядомъ, который съ негодованіемъ указываетъ, какъ неприлично и несовмѣстно съ достоинствомъ дѣйствительности опасеніе, будто всему худому и безрядному

Digitized by Google

доступъ къ существованію самъ по себѣ гораздо легче, нежели совсѣмъ противоположнымъ элементамъ.

Не будемъ слѣдить далѣе этотъ споръ: намъ довольно той уступки, которая становится неизбѣжною для механическаго взгляда, какъ скоро онъ приметъ въ немъ участіе. Вѣдь, возводя всю красоту, цѣлесообразность и идеальную знаменательность природы къ первоначальному распорядку, смѣшенію и движенью элементарныхъ началъ, думаетъ онъ, хотя правда только отрицательно, устранить отъ себя мысль о разумно творящей причинѣ міра; но противъ воли подтверждаетъ тѣмъ самымъ то, что первое состояніе міра было все-таки уже разумнымъ порядкомъ, и что всѣ объяснительные труды механической науки живутъ и пробавляются одними неизбѣжными послѣдствіями этого первоначальнаго разума. Относительно къ ближайшимъ цѣлямъ своихъ изслѣдованій, наука можетъ-быть и права, разсматривая этотъ разумъ только въ видѣ вѣчноданнаго факта и не восходя еще далѣе къ источнику его существованія. Въ самомъ дѣлѣ, всякая попытка объяснить его происхожденіе можетъ вѣдь предположить лишь другой предшествующій фактъ, а вразсужденіи его опять тотъ же самый вопросъ повторился бы опять съ прежнимъ успѣхомъ или неуспѣхомъ. Но необходимость, при объясненіи перваго возникновенія вещей, все-таки остановиться когда-нибудь на признаніи какого-либо даннаго факта, — необходимость эта вовсе не мѣшаетъ сдѣлать изначальную первопричину предметомъ новыхъ разысканій съ другой совсѣмъ стороны. Потому что всегда съ изнова будетъ всплывать на поверхность не осиленный вопросъ о томъ, откудажь идетъ несмѣтное число тѣхъ необходимо-предполагаемыхъ первыхъ соотношеній между міровыми элементами, и именно въ такомъ удачномъ пополненіи одного изъ нихъ другимъ, въ такомъ всеобщемъ взаимнодѣйствіи ихъ между собою, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой первой фак-

Digitized by Google

тической постановки вышла связная и благоустроенная для общей жизни природа. Такъ, рядомъ съ механическимъ міровоззрѣніемъ, возникаетъ другое, съ иными цѣлями и съ иными формами изслѣдованія. Если та первая, собственно разъяснительная, наука вездѣ ищетъ только реальныхъ средствъ, которыхъ законнымъ сопряженіемъ все въ мірѣ, и большое и малое, прекрасное и отвратительное, здоровое и больное, не только порождается и поддерживается само, но порождаетъ еще и другое, то, рядомъ съ нимъ, есть совсѣмъ иной взглядъ на дѣйствительность, который слѣдуетъ назвать истолковательнымъ и который равнодушенъ къ этимъ средствамъ осуществленья. Отказываясь объяснить происхожденіе первоначальнаго распорядка, къ признанію котораго онъ принужденъ (точно такъ же, какъ и механическая наука), этотъ взглядъ хочетъ наверстать такой недостатокъ доказательствомъ другого рода, что по крайней мѣрѣ не разсѣянное множество безотносительныхъ единичностей, но единство многозначительной идеи составляетъ тотъ первичный фактъ, — идеи, которая по безусловной своей цѣнности достойна лечь въ глубочайшую и непоколебимѣйшую основу міра, и изъ совокупнаго смысла которой развивается безконечное многоразличіе всѣхъ первоначальныхъ фактовъ кругооборота природы съ неодолимо-убѣждающею силой поэтической необходимости.

Между двумя этими взглядами видимъ мы, съ одной стороны, борьбу, порождаемую недоразумѣніемъ, съ другой — такого рода примиреніе или сдѣлку, которыя далеко не устраняютъ всѣхъ сомнѣній нашихъ на этотъ счетъ. Легко замѣтить, какъ удобно до извѣстной черты держать взгляды эти порознь и удовлетворять требованіямъ каждаго въ его очередь. Вѣдь эстетическое впечатлѣніе картины зависитъ конечно всего ближе отъ подробностей, которыя мы видимъ въ ней готовыми и прямо у себя передъ глазами, а не отъ знанія тѣхъ пріемовъ,

Digitized by Google

благодаря которымъ удалось художнику ее выполнить. Такъ точно и уразумѣніе идеальнаго значенія любого существа въ природѣ, уразумѣніе мысли, какую призвано оно собой выразить, опирается не на свѣдѣніе о механизмѣ, благодаря которому удалось природѣ его произвесть. Только тамъ, гдѣ продолжающееся еще развитіе само принадлежитъ къ тѣмъ особенностямъ, въ которыхъ выражается смыслъ живаго естественнаго созданья, можетъ быть важно изслѣдованіе служебныхъ элементовъ и посредствующихъ процессовъ, употребляемыхъ здѣсь для осуществленія этого смысла не безъ особой знаменательности самаго ихъ выбора. Но если къ числу весьма обыкновенныхъ заблужденій принадлежитъ мысль, что будто способъ произведенія чего-либо вполнѣ опредѣляетъ и эстетическую цѣнность послѣдняго, то надо сказать, что естествовѣдъ рѣдко вдается въ подобную ошибку: разъясненій своихъ о ходѣ извѣстнаго процесса онъ вовсе и не считаетъ за опредѣленіе идеальной его цѣнности, охотно предоставляя отыскать ее другого рода изслѣдованіямъ, болѣе убѣжденнымъ въ дѣйствительномъ ея существованіи и приписывающимъ себѣ знаніе надежнаго къ ней пути. Наоборотъ, идеальное толкованіе природы гораздо чаще ошибается насчетъ границъ, въ какихъ способно оно принести пользу: оно нерѣдко хочетъ, чтобъ указанный имъ смыслъ явленій принимался вмѣстѣ и за объясненіе того, какъ они произошли. А между тѣмъ знаніе, какимъ именно способомъ что-либо осуществилось, столько же независимо отъ уразумѣнія той мысли, которая въ немъ можетъ-быть заключена, какъ и это уразумѣніе отъ того знанія. Потому что, управляются ли вещи какою-либо идеей или нѣтъ, и каково ни будь содержаніе этой царящей надъ ними мысли, — существовать и совершаться возможно для чего бы то ни было въ той лишь степени, въ какой ведутъ къ тому предъидущія обстоятельства, какъ необходимыя причины. Поэтому, что ни пове-

Digitized by Google

лѣвалось бы идеею, — вопросъ о томъ, исполнится ли вообще ея велѣніе, и въ какой опредѣленной формѣ оно исполнится, рѣшается напослѣдокъ все-таки однимъ знаніемъ тѣхъ наличныхъ средствъ и того даннаго способа ихъ сочетанія, которые предоставлены ей въ распоряженіе дѣйствительнымъ ходомъ природы, и изъ которыхъ, коль скоро они однажды на лицо, тотъ же самый результатъ непремѣнно вышелъ бы съ слѣпою необходимостью и безъ вызова со стороны идеи, даже вопреки ея велѣнію. Такъ рознятся между собой двѣ эти области изслѣдованія и стоятъ одна наряду съ другою. Механическое розысканіе объясняетъ возникновеніе событій шагъ-за-шагомъ изъ необходимыхъ причинъ, и не споритъ противъ другого изслѣдывающаго направленія, которое въ совокупности этого процесса внѣшней природы предполагаетъ открыть еще и разумный смыслъ. Идеальное толкованіе выдвигаетъ всегда на первый планъ внутреннюю связность и послѣдовательность этого смысла, и если не споритъ противъ показанія, что знаменательныя идеи осуществляются только посредствомъ механизма, то все же оно вполнѣ убѣждено, что во всякомъ случаѣ, будь даже совокупность этихъ средствъ и совершенно иная, тѣ же самыя мысли проявились бы и въ этомъ новомъ мірѣ только другими, равно соотвѣтственными имъ, формами.

Однако этотъ (полюбовный) раздѣлъ труда имѣетъ же вѣдь и свою границу. Для всякаго изслѣдованія отдѣльныхъ явленій порознь можетъ быть полезно примирять споръ противоположныхъ воззрѣній даже и такою сдѣлкою, благо ею устраняется незаконное смѣшеніе двухъ различныхъ задачъ; но гдѣ рѣчь идетъ о образованіи совокупнаго міровоззрѣнія нашего въ цѣломъ, тамъ не можетъ уже казаться удовлетворительною эта размежевка двухъ разныхъ вопросовъ, которые, напротивъ, ищутъ себѣ здѣсь отвѣта изъ одного и того же источника. Наше восхищеніе прекрасною картиной, сколь ни мало опирается оно

Digitized by Google

на знаніе механическихъ пріемовъ живописи, все же основано по крайней мѣрѣ на предположеніи, что картина эта — произведеніе художнической фантазіи, которая единствомъ своего умысла свела пестрые элементы къ единству связнаго въ себѣ явленія. Будь мы вполнѣ убѣждены, что одинъ лишь безурядный вихрь случайностей снесъ цвѣтовыя точки въ видимыя нами очертанія, и не имѣй мы способности по крайней мѣрѣ хоть ошибочно поддаваться противоположному чувству,*) тогда и восторгъ нашъ ощутительно пострадалъ бы отъ сознанія, что вѣдь только мы одни влагаемъ въ эти формы то значеніе, которое не возникаетъ для насъ изъ нихъ самихъ, какъ выраженіе собственной ихъ живости. Тѣ же самыя сомнѣнія пробуждаются въ насъ и тогда, когда рѣчь зайдетъ о совокупномъ постиженіи дѣйствительности. Нельзя смотрѣть на природу, какъ на калейдоскопъ, потрясаемый случаемъ и тогда только производящій образы, которые принимаютъ такой видъ, какъ будто бы они и въ самомъ дѣлѣ полны смысла: чтобы этому смыслу самому имѣть смыслъ, надобно и предполагать его не на шутку, надо крѣпко держаться за убѣжденіе, что та же самая мощь, которою установляются всѣ механическія дѣеспособности, непосредственно заключаетъ въ себѣ и ту формодатную фантазію, которая доставляетъ этимъ способностямъ точки приложенья и вмѣстѣ указываетъ знаменательныя направленія. Стало быть, желая примирить противоположные взгляды, мы не отдѣлаемся одною лишь той уступкою, что рядомъ съ механическимъ ходомъ природы, и притомъ, разумѣется, посреди его, признаемъ также и существованіе идеальной знаменательности; нѣтъ, каждое міровоззрѣніе, стремящееся завершиться въ одно цѣлое, вынуждено будетъ составить себѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе о томъ отношеніи, въ

*) То-есть чувству предобдуманнаго порядка.

Digitized by Google

какомъ предобразующая мысль природы должна находиться къ причинамъ, вырабатывающимъ ея осуществленіе, наглядно воспроизводящимъ ея первообразъ. *)

Это обыкновенно происходитъ двумя различными способами, и любой изъ нихъ скоро подпадаетъ, свойственнымъ каждому, особаго рода затрудненьямъ.

Одинъ безоглядно перелагаетъ отношеніе наше къ нашимъ собственнымъ произведеніямъ на отношеніе природы къ ея началу: изъ предрасчитывающей, преднамѣренной мудрости самосознательнаго Божества изводитъ онъ всю стройную организацію общаго міропорядка. Не станемъ, по примѣру другихъ, слишкомъ строго укорять этотъ способъ за высокомѣрное о себѣ мнѣніе, будто бы онъ постигаетъ замыслы Творца; вѣдь и всеобщіе законы механическаго порядка природы не лежатъ въ насъ прирожденнымъ познаніемъ, а есть однакоже возможность овладѣть ими, если и не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительномъ объемѣ: почемужь не допустить, что вдумчивое наблюденіе природы, не щедрое на пышныя поученія, а напротивъ скромно изучающее, способно изъ сравненія опытовъ также приблизительно разгадать хотя и не всѣ замыслы Всевышняго, однакожь много такого, что съ добросовѣстнымъ убѣжденіемъ можетъ оно отнести къ этому источнику, и чѣмъ можетъ воспользоваться при опредѣленіи взаимной связи всѣхъ остальныхъ явленій? Да къ томужъ и вѣрность основной его мысли вовсе не зависитъ отъ возможности въ самомъ дѣлѣ провести ее по всѣмъ подробностямъ наблюдаемаго міропорядка: вѣдь не сомнѣваемся же мы въ вѣрности всеобщихъ нашихъ механическихъ воззрѣній изъ-за одного лишь того, что край-

*) Эта именно необходимость и есть общій источникъ всѣхъ философскихъ стремленій, корень всѣхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ философіи, сколько ни видоизмѣнялись бы эти стремленія и задачи вліяніемъ исторической обстановки.

Digitized by Google

ная запутанность предметовъ дозволяетъ намъ прилагать эти воззрѣнія къ дѣлу часто только въ видѣ гуловыхъ, не совсѣмъ точныхъ смѣтъ. Такъ и вышеприведенный взглядъ могъ бы остаться непоколебимымъ, хотя бы только и не многое объяснялось имъ вполнѣ: довольно, если рядомъ съ благопріятнымъ для него общимъ впечатлѣніемъ природы не найдется ни одного частнаго опыта, который бы неотразимо ему противорѣчилъ.

Но пусть и посчастливилось бы ему въ усиліяхъ объяснить намъ данное содержанье; гораздо тяжеле преодолѣть тѣ болѣе общія трудности, которыя неразлучны съ переносомъ человѣческаго образа дѣйствій на этотъ несравненно высшій примѣръ творческой дѣятельности. Цѣли можетъ имѣть только такая воля, чье воленіе не есть уже вмѣстѣ и выполненье, чей умыслъ, задерживаясь сопротивленіемъ независимой отъ нея природы вещей, становится вслѣдствіе того цѣлью, до которой волѣ предлежитъ еще болѣе или менѣе дальняя и трудная дорога. Цѣлесообразнаго дѣйствованія не найдемъ мы тамъ, гдѣ безусловная образовательная сила порождаетъ сама изъ себя все непосредственно; оно наступаетъ лишь среди условій, гдѣ ограниченная дѣятельность нуждается для своихъ результатовъ въ средствахъ, которыя потому только и можетъ подчинить своимъ цѣлямъ, что наоборотъ сама принаравливается въ формѣ своихъ предначертаній къ свойству этого чуждаго ей матеріала. Все, что способенъ совершить человѣкъ, основано на этомъ именно отношеніи, основано на томъ, что царство чуждыхъ намъ элементовъ, дѣйствующее по опредѣленнымъ, независящимъ отъ насъ законамъ и расчлененное заготовь въ тончайшіе переливы формъ, окружаетъ насъ отовсюда, и мы сами вплетены въ него тѣснѣйшими органическими связями. Отсюда не только становится возможнымъ, что всѣ вообще внутреннія наши движенья, наши представленія, умыслы

Digitized by Google

и волеръшенія находятъ себѣ дѣйствительный доступъ въ среду внѣшняго міра; но изъ того же источника проистекаютъ всѣ наглядныя и животрепещущія формы нашей дѣятельности. Безформны сами по себѣ крайнія, послѣднія пружины всякаго въ насъ стремленья: искомая нами утѣха, страданіе, которое насъ гнететъ, даже всякій благороднѣйшій порывъ фантазіи къ чему-либо высшему, — все это первоначально одно лишь внутреннее волненіе безъ всякаго направленья; самъ по себѣ короткій и безвидный еще смыслъ желаній нашихъ только при осуществленіи своемъ расширяется въ подробное явленіе и пріобрѣтаетъ характеристическія черты, облекаясь въ формы одолѣнія опредѣленно сложившихся препятствій и въ способы употребленія себѣ на пользу встрѣчаемыхъ имъ по пути внѣшнихъ толчковъ. Отнимите этотъ независимый отъ насъ внѣшній міръ, котораго воспитывающее противленіе именно и придаетъ намъ извѣстный обликъ, — тогда наглядный образъ нашей дѣятельности тотчасъ же расплывется для насъ опять въ непостижимое единство замысла съ его (непосредственнымъ) выполненьемъ. Но эти условія, благодаря которымъ мы только и понимаемъ результаты своихъ собственныхъ дѣйствій, развѣ можно переносить на Высшее Существо, источникъ всего міра? Мы и думаемъ иногда понять нѣкоторыя частности въ смыслѣ общихъ предначертаній Создателя, но тѣмъ темнѣе остается для насъ происхожденіе цѣлаго міра формъ, въ предѣлахъ котораго только и можетъ быть рѣчь о планѣ. Что могли бы мы представить себѣ въ существѣ Божіемъ послѣднею животворною причиной созданія, кромѣ духа святости, блага и красоты? Но тщетно старались бы мы открыть въ послѣднемъ необходимое направленіе творческой Его дѣятельности къ произведенію тѣхъ именно формъ природы, которыми мы окружены. Еслибъ мысли этой противостоялъ независимый міръ вещества, только въ такомъ случаѣ было бы для

Digitized by Google

насъ понятно, какъ своеобразность этого чуждаго ей условія дѣятельности могла бы увлечь ея безформное сначала стремленіе къ выраженію себя въ опредѣленныхъ формахъ. Такъ приходитъ этотъ взглядъ къ неустранимому почти разногласію. Рядомъ съ творческою премудростью Божіей, источникомъ идеальнаго содержанія вселенной, становится другая мощь, на которой, какъ на темномъ грунтѣ, впервые преломляется безформный лучь идей, порождая этимъ игру наглядныхъ образовъ (видимой природы). Не льзя намъ обойдтись безъ этой чуждой и непостижимой стихіи, да нѣтъ у насъ и ни какого права ее отстаивать: если самобытная ея природа и подзаконность служатъ упорною и вмѣстѣ воспитывающею средою для насъ, развивающихся только на препятствіяхъ, то ни тѣмъ, ни другимъ не можетъ она быть для Бога.

Другой взглядъ, о которомъ хотѣли мы упомянуть, уклоняется отъ роковой противоположности между ставящимъ цѣли умысломъ и служебнымъ средствомъ его осуществленія, прибѣгая къ непосредственному сліянію ихъ между собой. По его мысли, безконечное, эта трезящая душа міра, эта совокупность вещества и идеи, послушнаго матеріала и образующаго помысла, животрепетно течетъ во всѣхъ явленіяхъ, и изъ единства самородной своей развивчивости порождаетъ стройную красу вещей. Не руководясь ни какимъ внѣстоящимъ познаніемъ, не гнетомая обязанностью выполнять такія цѣли, которыя не были бы ея собственнымъ влеченьемъ, и, наоборотъ, не связанная въ своихъ произведеніяхъ ни какими общими законами, которые противостояли бы безучастно ея творчеству, дѣйствительность, есть вѣчно-свободное саморазвитіе, и важное дѣло и утѣха вмѣстѣ, безцѣльное броженіе образующей фантазіи, которая потѣшается до безконечности все новымъ и новымъ размноженіемъ знаменательныхъ и многоразличнѣйшихъ формъ. Въ такихъ и тому подобныхъ выра-

Digitized by Google

женіяхъ этотъ способъ представленія не только живо, коротко и мѣтко обозначаетъ тѣ загадки, которыхъ нѣтъ надобности произвольно выдумывать, такъ какъ мы находимъ ихъ въ самой природѣ вещей; но обличаетъ вмѣстѣ и ту безпечно-юношескую романтику мысли, которая однимъ восторженнымъ выраженіемъ загадокъ думаетъ уже найдти для нихъ и полное рѣшеніе. Во всѣ эпохи человѣческаго образованія взглядъ этотъ появлялся въ различныхъ видахъ вновь и вновь, никогда существенно не подвигаясь къ своей цѣли; даже и новѣйшія его выраженія, къ отголоску которыхъ такъ прислушалась наша фантазія, едвали можно назвать чѣмъ-либо инымъ, кромѣ развѣ пышнѣйшимъ только повтореніемъ тѣхъ же самыхъ помысловъ, какіе издревле возникали у каждаго при произнесеніи имени «природа». Рѣзкую противоположность свѣта и тѣни можно вѣдь смягчить не только разжиженіемъ послѣдней, но и ослабленіемъ перваго: чуть ли не отъ подобной причины происходитъ и естественная наклонность человѣческаго размышленія всегда съизнова погружаться въ бездну этого мечтательнаго взгляда. Сводя представленіе творческаго самосознанія на болѣе блѣдный образъ безсознательнаго разума, который будто бы есть вмѣстѣ и образующееся вещество, онъ не столько отстраняетъ глубокій мракъ, лежащій, по прежде-приведенному нами мнѣнію, только на соотношеніи этихъ двухъ явно раздѣльныхъ членовъ, сколько разливаетъ его въ видѣ болѣе отрадной неясности уже прямо на цѣлую эту мысль. Правда, что весь міръ естественныхъ формъ долженъ быть не одною только наружною оболочкой, но какъ бы собственною поверхностью внутренняго разума; правда, что разумъ не долженъ трудиться какъ бы извнѣ надъ чуждымъ ему вещественнымъ матеріаломъ, но долженъ отражать въ сознаніи только то, что̀ порождено его же безсознательною дѣятельностью: но дѣло въ томъ, что цѣль эта останется не-

Digitized by Google

достижимой, если мы не умалимъ напередъ значеніе того вопроса, который именно и привелъ къ этой попыткѣ слить вмѣстѣ обѣ высшія противоположности. Вѣдь, пока подъ именемъ разума понимаемъ мы то, что̀ должно̀ имѣть для насъ силу животворной мысли духовнаго міра, — то-есть идеи святости, блаженства и добра, — до тѣхъ поръ видимое нами царство формъ, съ его свѣтилами, камнями, растеніями и животными, отнюдь не будетъ собственною поверхностью этого разума: оно виситъ на немъ какъ наружная одежда, случайнаго и непонятнаго происхожденія, — способная можетъ-быть намекать своими складками на внутреннюю его жизнь, но не имѣя ни какого права слыть единственно возможною и исчерпывающею внѣшностью этого внутренняго смысла. Только оскудивъ понятіе разума до совершенной почти безъинтересности и не ища въ немъ съ самаго начала ни чего, кромѣ фантазіи, мечтающей о какомъ-то будущемъ магнитизмѣ и порывающейся излить свою тревогу въ расширяемость растенія или въ самоподвижность животнаго тѣла, — только послѣ такой жалкой урѣзки найдемъ мы міръ естественныхъ формъ подходящимъ выраженіемъ для этихъ идей, настоящей наружностью этой внутренности. Но тѣмъ самымъ измѣнится и смыслъ вопроса, который мы добиваемся рѣшить. Вѣдь всепроникающее единство природы, изъ-за котораго выработалось все это воззрѣніе, имѣетъ для насъ важную цѣну только оттого, что исключительно благодаря ему представлялось возможнымъ полное подчиненіе всякой дѣйствительности волѣ того истинно-духовнаго идеальнаго міра, въ которомъ лучезарнѣйшею точкою сіяетъ безусловная цѣнность нравственныхъ идей. Эта жажда высшаго не достигаетъ своей цѣли предположеніемъ такой міровой души, которая знаетъ только совершающееся, да и сама есть только это совершающееся, не болѣе, которой внутренность предобразуетъ внѣшнее, а наружность воспроизводитъ

Digitized by Google

внутреннее, причемъ ни гдѣ не проявляется что-либо еще, способное освятить всю эту игру своею безусловною и безконечною цѣнностью. Идеальная основа, творческая мысль, одержима здѣсь побудомъ къ опредѣленному видообразованію, не порождая его собственно изъ самой себя и ограничиваясь только приводомъ къ сознанію того самаго, что побудъ этотъ порождаетъ для ея же наглядки. Не нахожу, чтобы подобный результатъ былъ соблазнительнѣе того, который выведенъ изъ прежде-изложеннаго взгляда. Если тамъ оставалась безъ примиренія рознь между ставящею цѣли мудростью и царствомъ осуществляющихъ цѣли средствъ, то мудрость была по крайней мѣрѣ самостоятельна въ своихъ планахъ; стремясь къ истинно-духовнымъ цѣлямъ, противустояла она внѣшности, какъ преобладающая мощь, подслужному ей матеріалу. Второй же взглядъ знаетъ только этотъ матеріалъ и пренебрегаетъ всякое высшее надъ нимъ могущество; потому-что душа міра у него не что иное, какъ тотъ чуждый, неизслѣдимый элементъ, тотъ непроглядно-темный грунтъ, отъ котораго и противоположному взгляду пришлось, какъ мы видѣли, ожидать опредѣленныхъ формъ для осуществленія божественныхъ цѣлей. Здѣсь темный этотъ грунтъ выдвигается впередъ самъ по себѣ, одаренный сознаніемъ того, что есть онъ въ самомъ дѣлѣ; но эта искра небеснаго свѣта употреблена во зло, чтобъ округлить въ систематическое единство самодовольную, безцѣльную и пеструю игру событій, въ чемъ мы сами укоряли прежде мертвое механическое міровоззрѣніе.

Ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не достигаетъ своей цѣли; оба оставляютъ нерѣшеною ту задачу, надъ которой и потерпѣть крушеніе не зазорно, правда, для человѣческаго ума. Подъ конецъ своихъ изслѣдованій мы сами подвергнемся той же опасности; но уже и на ближайшіе предстоящіе шаги не слѣдуетъ намъ отваживаться безъ чистосердечнаго признанья,

Digitized by Google

какую неодолимую загадку оставляемъ мы покамѣстъ за собой. Изъ трехъ разныхъ началъ исходитъ у насъ вообще всякое міровоззрѣніе. Мы встрѣчаемъ въ себѣ знаніе всеобщихъ законовъ, которые, не обосновывая ни какой особенной формы существованія, предстоятъ намъ неизбѣжными, непосредственно достовѣрными предѣлами, которыхъ поневолѣ должна держаться всякая дѣйствительность. Съ другой стороны, мы находимъ въ себѣ вѣрованіе, указывающее намъ въ идеяхъ святости, блага и красоты единственную непреложную цѣль, дающую всякой дѣйствительности ея цѣну; но и эта цѣль не опредѣляетъ для нашего познанія формы тѣхъ средствъ, которыя должны вести къ ея достиженію. Между двухъ этихъ крайнихъ точекъ простирается для насъ третья еще область, — область опыта, съ несмѣтнымъ богатствомъ обликовъ и событій, неизвѣстнаго происхожденія. Въ этой богатой области можемъ мы слѣдить тѣ всеобщіе законы, которымъ подчинено все совершающееся въ цѣломъ мірѣ; и въ первой части нашего изслѣдованія старались мы выдвинуть впередъ безущербную и безразличную силу этихъ законовъ во всѣхъ отрасляхъ дѣйствительности. Въ томъ же самомъ обиліи данныхъ фактовъ можемъ мы слѣдить и проявленіе идей, которыя придаютъ цѣну всему существующему и совершающемуся; и послѣдняя часть нашего труда будетъ посвящена розысканію тѣхъ признаковъ, которые обличаютъ присутствіе идей и образовательное ихъ участіе среди очевидной намъ сумятицы явленій. Но чѣмъ болѣе, при попыткѣ удовлетворить той или другой изъ этихъ задачъ, углубляемся мы въ частныя подробности кругооборота природы, тѣмъ сильнѣе выступаетъ передъ нами опять собственная его первобытность: — тотъ независимый избытокъ формъ, какимъ облекаетъ онъ всеобщіе и безцвѣтные законы механизма, и тотъ своенравный образъ дѣйствія, съ какимъ онъ подчиняется идеямъ, выполняя при-

Digitized by Google

зывъ ихъ не всегда тѣмъ путемъ, который мы считаемъ за кратчайшій, но напротивъ блуждая разными окольными дорогами и упорно держась общихъ и далеко распространенныхъ повадокъ дѣятельности. Природа вовсе не какой нибудь сборъ разныхъ приспособленій и орудій, пригодныхъ къ удовлетворенію тѣхъ или другихъ требованій идеальнаго міра: она прежде всего связное въ себѣ цѣлое, — организмъ, домохозяйство въ огромныхъ размѣрахъ, готовое, правда, всею совокупностью своей служить и совокупности идей, принимать отъ нихъ предначертаніе задачъ общей своей дѣятельности, но съ тѣмъ, что распорядокъ выполненія предоставляетъ оно самому себѣ и удовлетворяетъ каждой отдѣльной потребности не вдругъ и не особымъ мгновеннымъ усиліемъ или напряженьемъ; напротивъ, событія, повидимому, совсѣмъ не помня своихъ задачъ, долго предаются разнообразной игрѣ въ свои собственныя формы, часто проходятъ какъ бы неуказнымъ путемъ мимо предназначенныхъ имъ цѣлей, или даже наперекоръ тому направленію, какое, въ интересѣ высшихъ идеаловъ, хотѣла бы придать имъ наша торопливая фантазія. Кто, вмѣсто маленькаго лоскутка природы, доступнаго въ пространствѣ и времени нашему наблюденію, могъ бы окинуть однимъ взглядомъ все цѣлое, только тотъ замѣтилъ бы окончательное согласіе этой кажущейся сумятицы съ великими цѣлями, имѣющими безусловную свою цѣну. Но даже и это такой взглядъ, который мы составляемъ себѣ, далеко опережая опытъ и наблюденіе, и хотя не запретимъ ему представляться намъ тихомолкомъ въ видѣ цѣли, къ которой слѣдуетъ намъ идти, однакожь мы все-таки должны покамѣстъ отъ него уклониться. Ближайшія соображенія свои надобно намъ ограничить изслѣдованіемъ, какія главныя фактическія повадки и формы дѣйствія раскрываетъ передъ нами природа, какое единство и какую взаимную связь обнаружи-

Digitized by Google

ваютъ намъ различныя явленія ея на опытѣ, какое, наконецъ, положеніе занимаетъ между ними человѣческое существо и какія именно благопріятныя, перечащія или образовательныя условія поставила она его развитію.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природа изъ Хаоса.

Сомнѣнія въ господствѣ цѣлей.—Созданія, какъ самоцѣльныя существа.—Цѣли и результаты.—Развитіе вещей изъ хаоса.—Добровольное возникновеніе порядка изъ безпорядка.—Элементы хаоса.—Внутренняя цѣлесообразность вещей и ея дѣйствія.—Единство природы, какъ произведеніе многоразличныхъ взаимодѣйствій.

Доселѣ мы безоговорочно отдавались тому воззрѣнію, для котораго, не смотря на мгновенную неудачу попытокъ нашихъ приблизиться къ его цѣли, истина послѣдней сама по себѣ, то есть живое внутреннее единство природы, остались непоколебимы. Полезно выслушать здѣсь еще третій голосъ,—голосъ духа отрицанія, подъ чѣмъ я разумѣю тотъ именно механическій взглядъ, которому, готовясь распроститься съ нимъ окончательно, можемъ мы доставить еще случай къ послѣдней самообороне.

На какое опытное основаніе, спроситъ онъ насъ прежде всего, опирается эта ваша мысль о такомъ единствѣ природы, которое можно было бы понять только изъ всеобъемлющаго преднамѣренья Создателя или изъ развивчиваго стремленія единой сущности, лежащей въ основѣ многоразличія всѣхъ вещей? Мы понимаемъ, скажетъ онъ, что въ душѣ человѣка можетъ быть влеченіе провести этотъ взглядъ на природу; но на какія же данныя опереться для доказательства того, что желаніе

Digitized by Google

это исполнимо и на самомъ дѣлѣ, что связная внутренняя живость и нераздѣльное единство природы существуютъ дѣйствительно (а не въ одной нашей мысли)? Не должны ли мы скорѣе допустить, что въ сущности только немногія черты и событія пробуждаютъ въ насъ эту мысль о цѣлесообразности и полноидейной послѣдовательности природы? что потомъ частные эти опыты мы безъ достаточнаго права расширяемъ въ предполагаемую нами всеобщую гармонію и цѣлесообразность? что съ пріобрѣтенной такимъ образомъ точки зрѣнія мы доказываемъ необходимость разумно-творящаго существа? что, наконецъ, отсюда же заключаемъ мы обратно, будто разумность и цѣлесообразность должны обнаруживаться въ общемъ кругооборотѣ природы даже и тамъ, гдѣ, къ сожалѣнію, намъ такъ часто не удается показать ихъ на самомъ дѣлѣ? Краткаго обзора данныхъ довольно для того, чтобъ обозначить кругъ, въ какомъ относительно этого вопроса вращаются наши мысли. Живое тѣло всего чаще служитъ вѣдь исходною точкой для подобныхъ соображеній. Мы преисполняемся удивленіемъ къ безконечной цѣлесообразности его строя и безоглядно повторяемъ вошедшее въ привычку положеніе, что все въ немъ и средство и цѣль въ одно и то же время. А между-тѣмъ какая бездна остается въ немъ такихъ частей, которыхъ цѣли до сихъ поръ ни кто не вѣдаетъ и о которыхъ, за отсутствіемъ всякихъ доводовъ со стороны дѣйствительнаго знанія, можно утверждать только на вѣру, опираясь именно на недоказанное еще общее положеніе, будто онѣ имѣютъ какую-нибудь цѣль, а не суть неумышленныя порожденія той или другой образовательной силы! Далѣе, міръ животныхъ можетъ представить многія соблазнительныя подобія той же цѣлесообразности; но неоспоримо, что онъ даетъ столько же и необъяснимаго, что̀ кажется намъ совершенно безцѣльнымъ, тысячи такихъ странностей образованія, которыя легко понять какъ случайныя вы-

Digitized by Google

ходки и побочные результаты полнаго разгула природы, разливающейся вольною струей во всѣ возможныя свои слѣдствія; но втѣснить ихъ въ раму умышленной цѣлесообразности можно только искусственно и полунасильно. Еще менѣе можно прослѣдить эту мысль предопредѣленной цѣлесообразности въ царствѣ растеній, гдѣ уже нельзя указать ни на какую цѣль, кромѣ одного осуществленія извѣстнаго слагающагося облика, котораго расчлененье, долговѣчность, развитіе и самохранительная сила представляются въ крайне различныхъ видѣ и величинѣ. Да наконецъ и весь этотъ міръ живыхъ существъ, не поддерживается ли Землею, не объемлется ли отовсюда міровымъ пространствомъ? а между-тѣмъ ни въ геологическомъ образованіи первой, ни въ распредѣленіяхъ массъ послѣдняго, ни какому человѣческому остроумію не открыть сплошной, всепроникающей цѣлесообразности, да быть-можетъ и не пожелалось бы открыть ее. Напротивъ, мы съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ переводимъ духъ, замѣчая, что здѣсь по крайней мѣрѣ въ основу дивнаго, безконечнаго расчета и преднамѣренности міровой жизни положена громадно-подавляющая дѣйствительность, которая, безъ всякаго притязанія знаменовать что-либо, кромѣ самой себя, простирается косным, спокойнымъ предѣломъ передъ нашими тревожно ищущими помыслами. И нужно ли прибавлять, что наблюденіе событій повело бы насъ къ тому же двойственному результату, какъ и наблюденіе обликовъ? Къ тому, что рядомъ съ намеками на цѣлесообразность выступаютъ и темныя, необъяснимыя случайности, да вмѣстѣ и къ тому, что, утомясь наконецъ вѣчнымъ расчетомъ и преднамѣреніемъ, мы не только съ покорностью, но даже съ чувствомъ истиннаго облегченія отдаемся мысли о непреодолимой, всемогущей, только самоё себя хотящей судьбѣ?

Съ нами согласятся, можетъ-быть, что это не совсѣмъ

Digitized by Google

невѣрно передаетъ тѣ смутныя и неясныя настроенья, въ какія часто повергается душа неудачами нашихъ объяснительныхъ попытокъ; но привязанность къ мысли о единствѣ природы не тотчасъ уступитъ этимъ возраженіямъ. Она напомнитъ вопервыхъ, что давно уже разсталась съ безнадежной страстью отыскивать внѣшнія цѣли для каждаго существа, для каждаго событія, для каждой подробности всего совершающагося: это и вправду такая привычка, скажетъ она намъ, которая по большой части ведетъ лишь къ тому, что мы не усматриваемъ наконецъ ни важности предполагаемыхъ цѣлей, ни необходимости того именно способа выполненія ихъ, какой думаемъ видѣть передъ собою. Напротивъ, замѣтитъ она далѣе, цѣль всякаго созданія лежитъ въ собственномъ его существованьи, и если благотворное и стройное взаимнодѣйствіе многоразличнаго есть въ самомъ дѣлѣ фактъ, представляющійся опыту въ весьма обширномъ размѣрѣ, то все же настоящій центръ тяжести общаго взгляда на природу лежитъ не въ малодоступныхъ намъ соотношеніяхъ отдѣльныхъ существъ между собой, но во внутренней цѣлесообразности каждаго порознь, которою различныя составныя его части смыкаются въ цѣлость крѣпко-сплетенной организаціи. Не внѣшняя польза (такъ заключитъ это мнѣніе свою оборону) служитъ для каждаго созданія той средостремительною точкой, изъ-за которой образовались всѣ его свойства и качества, но идея его собственнаго существованія есть та высшая цѣль, для выполненія которой всѣ частности его строя взаимно согласованы и приноровлены между собою, какъ средства.

Конечно, мы не захотимъ воротиться къ тѣмъ плоскимъ толкованіямъ, которыми страсть оправдывать существованіе вещей одною внѣшнею отъ нихъ пользой часто искажала пониманіе природы. Намъ сдается, однако, что и замѣщеніе внѣшней цѣли внутреннею, представляемою собственной идеей лю-

Digitized by Google

баго существа, не упрочиваетъ всего этого взгляда. Вѣдь убѣдительно отстоять преднамѣренное единство природы и умышленное дѣйствіе творческой силы могъ бы онъ только тогда, еслибъ съумѣлъ напередъ показать, помимо еще всякаго опыта, какимъ именно видамъ совершенія и какимъ формамъ существованья надлежало быть необходимыми цѣлями всякой дѣйствительности, благодаря безусловной ихъ цѣнѣ, и еслибъ затѣмъ удалось ему положительно выяснить, что только тѣ причины и дѣйствія, которыя служатъ къ выполненію этихъ задачъ, допущены въ составъ общаго кругооборота природы, а всѣ прочія, хотя они сами по себѣ ни немыслимы, ни не невозможны, совершенно изъ него исключены. Однимъ этимъ путемъ подготовилъ бы онъ въ насъ убѣжденье, что тѣ самыя явленія, которыхъ внутреннею стройностью онъ заставляетъ насъ потомъ дивоваться, имѣютъ неоспоримое право жить для развитія своей собственной идеи, какъ самоцѣльныя существа. Но обыкновенное размышленіе поступаетъ иначе. Оно, напротивъ, слишкомъ рано и безподозрительно соображается съ тѣми фактами, которые видитъ передъ собою, и когда приметъ тотъ именно ходъ событій, въ которомъ привыкли мы вращаться какъ въ своей собственной стихіи, за наилучшій или за совершеннѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ состояній, тогда ему конечно очень легко доказать безъизъятную цѣлесообразность всѣхъ процессовъ природы для достиженія этого именно состоянія.

Я хочу сказать: если, напримѣръ, въ каждой породѣ животныхъ, рядомъ съ понятными для насъ, очевидными цѣлесообразностями ея строя, мы допустимъ и всѣ непонятныя намъ странности; если рядомъ съ ловкою дѣеспособностью животнаго въ извѣстномъ направленіи, мы допустимъ и явную неловкость его въ другомъ, рядомъ съ самохранительной его силою противъ одного рода внѣшнихъ нарушеній и совершенную

Digitized by Google

беззащитность его противъ другихъ, если такимъ образомъ всю эту сумму положеній и отрицаній, какъ открывается она опыту, все счастіе и все неизбѣжное бѣдствіе существованья мы включимъ въ опредѣленіе той или другой породы животныхъ, и вздумаемъ видѣть въ этой разногласной совокупности идею, которую призвана она собой выразить, — то, разумѣется, намъ будетъ очень легко показать, что для выполненія этой именно задачи всѣ подробности организаціи сложены совершенно цѣлесообразно. Но этимъ мы ни мало не расширимъ своего знанія, а выскажемъ только произвольнымъ образомъ законъ виновловной связи. Вѣдь пока все сущее и совершающееся держится въ точности той мѣры и того образа дѣйствій, какіе опредѣлены общими законами, до тѣхъ поръ каждый дѣйствительно состоявшійся результатъ будетъ какъ-разъ содержать въ себѣ ни болѣе ни менѣе того, что̀ указано предшествовавшими причинами, и наоборотъ причины будутъ въ точности обосновывать единственно лишь то, что̀ впослѣдствіи обнаружится въ результатѣ. Поэтому, какъ скоро мы станемъ смотрѣть на результатъ съ точки зрѣнія предназначенной ему цѣли, то, разумѣется, всегда и необходимо сумма причинъ его будетъ представляться намъ не только точно расчитанною на ея достиженіе, но притомъ и единственною системой средствъ, достаточною для рѣшенія такой задачи. Слѣдовательно, какую ни подмѣтили бы мы цѣлесообразность въ томъ или другомъ созданіи, она способна доказать происхожденіе свое изъ предрасчитывающаго разума по крайней мѣрѣ только тогда, когда существенная идея созданія убѣдитъ насъ напередъ въ своемъ правѣ жить самоцѣльнымъ существомъ въ томъ именно воплощеніи, въ какомъ она предстоитъ намъ. Внутренняя послѣдовательность и гармонія частей, нужная для порожденія извѣстной жизненной формы, вздумай мы принять въ уваженіе исключительно только ее, не защитила бы насъ отъ мѣткости той

Digitized by Google

печальной шутки, что пожалуй и уродъ сложенъ вполнѣ цѣлесообразно для урода. Да наконецъ будь этотъ міръ и совсѣмъ иной, будь онъ наполненъ совершенно другими созданіями, волнуйся процессомъ совсѣмъ другихъ событій, возникни онъ изъ нѣдръ самой дикой случайности, или изъ столкновенія многихъ случайностей однимъ разомъ, онъ все-таки обладалъ бы этимъ формальнымъ характеромъ цѣлесообразной гармоніи; все, что однажды смогло бы въ немъ существовать и поддерживаться, было бы щепетильно-точнымъ выраженіемъ его причинъ, а эти причины являлись бы всегда достаточною, единственно-цѣлесообразною системой средствъ для его осуществленія. Едвали нужно еще упоминать о томъ, что и всѣ событія, какъ бы они впрочемъ ни происходили, повидимому выражали бы для пытливаго ума все-таки непремѣнно какой-нибудь смыслъ, и слѣдовательно всегда могли бы пониматься какъ предобдуманные и предопредѣленные способы проявленія той именно идеи, какую случайно вызовутъ они въ мысли наблюдателя. Вотъ, къ какой ничтожной игрѣ пришло бы наконецъ такимъ путемъ это воззрѣніе.

На подобныя возраженья оно, конечно, вооружится отрицаніемъ, что никогда и нейдетъ этимъ путемъ, а если иногда имъ пользуется, то развѣ лишь какъ исходною точкой для дальнѣйшихъ своихъ соображеній. Оно охотно согласится съ тѣмъ, что въ отношеніи къ каждому результату сумма дѣйствительно порождающихъ его причинъ всегда представляется тонко расчитанною системой для достиженія своей цѣли; но потому-то именно мысль о происхожденіи природы изъ единства цѣлеуставной премудрости и не опираютъ на эту чисто-формальную цѣлесообразность, которая встрѣчается точно такъ же во всемъ безсмысленномъ и больномъ, какъ и въ полномъ смысла и здоровомъ. Ее основываютъ, напротивъ, на знаменательномъ содержаніи видимыхъ результатовъ, которыхъ свое-

Digitized by Google

образный строй совершенно исключаетъ неумышленную, случайную встрѣчу причинъ для его осуществленія. Если разсмотрѣть отдѣльный органъ животнаго тѣла, то здѣсь можно еще попытаться уразумѣть отправленіе его, какъ послѣдствіе его устройства, а не послѣднее какъ обдуманное средство предназначеннаго ему отправленія. Пусть скажутъ: на сѣтчаткѣ рисуется образъ потому, что механическія силы животнаго зародыша, каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, не могли обойдтись безъ того, чтобы передъ сѣтчаткою не образовать свѣтопреломляющаго снаряда, глаза; если рука невольно ищетъ обхватить предметъ, раздражившій чувствительную ея кожу, то пусть движеніе это будетъ однимъ только слѣдствіемъ передачи раздраженья, которой, при существующей связи между чувствительными и движительными нервами, нельзя было избѣжать; короче, пусть будетъ такъ, какъ увѣрялъ уже и Лукрецій: пусть животныя шагаютъ только потому, что у нихъ колѣнчатыя ноги, а не для того обладаютъ колѣнами, чтобы имѣть возможность шагать. Но далеко ли мы уйдемъ съ этимъ способомъ воззрѣнія? Организація состоитъ не въ одномъ скученіи такихъ парныхъ соотношеній строя и проистекающихъ отсюда отправленій; она состоитъ въ томъ, что безчисленныя этого рода пары соединены между собою въ такой формѣ, которая даетъ имъ возможность совокупнаго дѣйствія для осуществленія согласнаго въ себѣ жизненнаго плана. Теперь, вѣроятно ли и даже мыслимо ли, чтобъ, безъ руководящаго замысла, въ одной и той же тѣлесной массѣ, въ которой здѣсь, напримѣръ, образуется отражающій глазъ, тамъ возникалъ бы совсѣмъ другой членъ для схватыванья, способный ощупывать и брать видимые предметы? въ третьемъ мѣстѣ выростали зубы, для размельченія того, что подъ нихъ попадетъ? въ четвертомъ — органы пищеваренія, способные переработывать яства на пользу всей этой совокупности частей? И та же оче-

Digitized by Google

видно предрасчитанная связь подробностей постоянно встрѣчается опять и въ образованіи отдѣльныхъ органовъ. Далѣе, слѣдуетъ еще спросить: вѣроятно ли, чтобъ безъ руководящаго замысла сложилась вмѣстѣ такая группа элементовъ, которой слѣпо-механическое развитіе должно было повести къ возникновенію прозрачныхъ и непрозрачныхъ перепонокъ и плевъ, болѣе или менѣе свѣтопреломляющихъ приспособленій, и сверхъ-того къ размѣщенію этихъ частей въ такихъ именно положеніяхъ и разстояньяхъ, какія были нужны для того, чтобъ упадающія на этотъ глазъ кисти свѣта собирались опять въ глубинѣ его въ малѣйшій пунктъ? Мы не отрицаемъ, что въ однажды заведенномъ распорядкѣ міра органическое образованіе поддерживается только преемственнымъ механизмомъ, такъ-сказать механическимъ преданіемъ; но первая установка тѣхъ зародышей, которыхъ слѣпое и необходимое развитіе образуетъ теперь весь ходъ природы, не видимъ мы возможности постигнуть безъ предположенія управляющаго сознанія. И затѣмъ, однажды наведенные на допущеніе этой правящей руки, мы рѣшаемся и на то обратное заключенье, которое порицали выше: мы вѣримъ въ содѣйствіе ея даже и тамъ, гдѣ вовсе его не видимъ. Мы, конечно, можемъ себѣ вообразить, что для тѣхъ недостатковъ текущаго міропорядка, которые повидимому противорѣчатъ вездѣприсутствію цѣлеуставной премудрости, есть невѣдомое намъ оправданіе, основанное на содержаніи такого плана дѣйствительнаго бытія, который намъ не подъ силу вполнѣ постигнуть; напротивъ, безъ предположенія этой премудрости кажется намъ невозможнымъ объяснить каждый отдѣльный примѣръ превосходства и дѣятельнаго разума, которые въ безчисленныхъ случаяхъ поражаютъ собою всякій здравый, непредубѣжденный умъ. Притомъ, даже и тамъ, гдѣ, покоряясь необходимости, мы отказываемся понять содержаніе міровыхъ цѣлей, намъ вездѣ встрѣчаются такія формы сущест-

Digitized by Google

вованія и совершенья, которыя довольно явно обличаютъ происхожденіе свое изъ всеобъемлющаго замысла. — Вѣдь дѣлится же эта бездна видимыхъ существъ на множество всякихъ родовъ и видовъ, которые явственно и безъ малѣйшей натяжки расчленяются въ постепенность болѣе или менѣе сродственныхъ образованій; какъ бы ни были темны планъ и норма этой послѣдовательной череды, тѣмъ не менѣе неодолимо производимое ею общее впечатлѣніе, — впечатлѣніе единства образующей воли, вездѣ просвѣчивающей выдержки, которая не даетъ многоразличію дѣйствительнаго распадаться на неприравнимыя (и потому безотносительныя) единичности, но связываетъ ихъ въ цѣлое благоустроенное царство вещей.

Вотъ на какихъ соображеніяхъ основана постоянная и убѣдительная сила, съ какою этотъ взглядъ на природу всегда умѣетъ отстоять себя противъ всѣхъ возможныхъ опроверженій. Несомнѣнно, что и механическому воззрѣнію прійдется наконецъ признать полновѣсность подобныхъ доводовъ; но очень важно, чтобы признаніе это послѣдовало не слишкомъ рано, и противъ высказаннаго только-что нами мнѣнія объ органическомъ единствѣ природы, механизмъ въ правѣ еще представить неожиданное множество возраженій.

Онъ, вопервыхъ, основательно можетъ замѣтить, что удивленіе наше къ естественнымъ произведеніямъ часто происходитъ не столько отъ знаменательности ихъ формъ, сколько отъ обилія частей, которыя видимъ мы связанными въ одно цѣлое, и отъ разнообразія и перемѣнчивости движеній, возникающихъ изъ взаимнаго ихъ сочетанія. Подобно тому, какъ на насъ внушительно дѣйствуетъ уже сама по себѣ одна величина предметовъ, такъ точно озадачиваетъ насъ количество и пестрота внутреннихъ соотношеній, все равно, какая бы ни вышла изъ того окончательная форма результата; и вездѣ, гдѣ мы видимъ, что въ тѣсномъ объемѣ совершается многое, мы чувствуемъ

Digitized by Google

тайную наклонность искать порождающаго начала въ такой силѣ, которой достоинство превышаетъ природу чисто-физическихъ, непреднамѣренныхъ дѣятельностей. А между-тѣмъ мы знаемъ и можемъ научно доказать, что очень незначительное число элементовъ и самыя простыя между ними отношенія способны заключать въ себѣ вполнѣ достаточное основанье для безконечной игры крайне разнообразныхъ и многоизмѣнчивыхъ формъ развитія, въ которыхъ, только осуществись онѣ передъ нами, умъ человѣческій навѣрно призналъ бы владычество предрасчитывающаго замысла. Кто даже и припомнитъ, что ни одна органическая тварь не возникаетъ вдругъ готовою, а напротивъ взращается изъ своего зачатка, въ кругообротѣ природы, разными окольными путями и съ нарочитымъ трудомъ, тотъ, не смотря на то, часто будетъ наклоненъ воображать себѣ зачатокъ этотъ слишкомъ многосложнымъ: перенося въ него способности, необходимыя для всѣхъ проявленій дальнѣйшаго развитія, — какъ будто бы онѣ не порождались только каждая въ свою очередь взаимнодѣйствіями образующагося существа и окружающихъ его внѣшнихъ условій, — мы конечно найдемъ неимовѣрнымъ, чтобы элементы этого таинственнаго сочетанія когда-либо могли сойдтись между собою безъ высшаго преднамѣренья. Ближайшее знакомство съ множествомъ результатовъ, способныхъ возникать изъ весьма простыхъ, сравнительно, причинъ, будетъ постепенно ослаблять въ насъ подобное раздумье, но никогда не устранитъ его совсѣмъ. Потому что тутъ всегда готово повториться возраженіе: сколь бы ни были просты первые зачатки естественныхъ произведеній, все же остается непонятнымъ чудомъ, какъ изъ безконечнаго множества мыслимыхъ элементарныхъ группъ, которыя могли быть всячески набросаны случаемъ, именно одинъ этотъ знаменательный подборъ нашелъ себѣ доступъ въ дѣйствительность.

Digitized by Google

Но механическій взглядъ и тутъ можетъ указать на одно невѣрное предположенье. Въ самомъ дѣлѣ, удивленіе наше оправдывалось бы только тогда, еслибы мы въ тоже время находили, что всѣмъ другимъ, менѣе разумнымъ или просто безсмысленнымъ сочетаніямъ, элементовъ съ самаго начала преграженъ былъ путь попытать счастія и занять въ дѣйствительности столько мѣста, на сколько допускаютъ это ихъ способности. *) Будь настоящій міръ и вправду такимъ краткимъ, отборнымъ извлеченьемъ изъ безконечнаго царства возможностей, гдѣ то, что не подходитъ къ общей его связи и что въ ней собственно не встрѣчается, никогда и не готовилось, никогда не порывалось бы къ существованію, тогда этотъ строгій выборъ осуществленнаго бытія дѣйствительно пришлось бы приписать одному цѣлеуставному промыслу, свободно ограничивающему свою дѣятельность такими-то, а не другими цѣлями. Но чѣмъ же опытъ вынуждаетъ насъ къ подобной догадкѣ, или чѣмъ даетъ намъ на нее право? А если мы не отважимся на такое предположеніе (помимо опыта), то будемъ въ полномъ правѣ возразить, что для выдѣла немногихъ случаевъ изъ безконечнаго царства возможностей не нужно ни какой иной цензуры и критики, ни какого инаго подбора, кромѣ тѣхъ, которые механическая связь вещей и безъ того должна порождать сама собою. Начнемъ, напримѣръ, съ представленія о хаосѣ, и вообразимъ себѣ его такимъ хаотическимъ, какъ только возможно; предположимъ, поэтому, что въ немъ вовсе не было преобладающей наклонности къ какому-либо опредѣленному видообразованію, но что, по выраженію древнихъ атомистовъ, все въ

*) На отрицаніи этого именно предположенья, основанъ взглядъ Дарвина, высказывавшійся, впрочемъ, уже не разъ и прежде. Онъ вѣренъ на столько, на сколько справедливо это отрицаніе; но придавать ему значеніе всеобъясняющаго положительнаго начала могутъ только тѣ неразборчивые поклонники, у которыхъ восторгъ помутилъ ясность мысли.

Digitized by Google

немъ всячески сновало и волновалось по всѣмъ направленіямъ: въ подобномъ броженіи частицъ любое сочетаніе двухъ или болѣе элементовъ будетъ совершенно такъ же вѣроятно, какъ и всякое другое соединеніе одинаковаго числа этихъ началъ. Но дальнѣйшія судьбы подобныхъ образованій будутъ тѣмъ не менѣе весьма различны. Правда, ни одного изъ нихъ избирающій Промыслъ не оттолкнетъ отъ самаго порога существованія, но въ общей ихъ совокупности можетъ оказаться безчисленное множество такихъ, что собственные законы механизма, правящаго ихъ взаимнодѣйствіями, не дозволятъ имъ ни продолжаться, ни развиться. Зародясь хилыми, они или тотчасъ же опять исчезнутъ, за недостаткомъ поддерживающаго ихъ внутренняго равновѣсія, или могутъ, пожалуй, быть обречены на то, чтобъ не воспользоваться даже и однимъ кратчайшимъ мигомъ существованія, а таиться въ потокѣ готовящагося бытія всегда только предстоящими и преждевременно распадающимися зачатками. Да и то, чему удалось сомкнуться въ такія отношенія, которыя не преградили ему, по крайней мѣрѣ, доступа въ дѣйствительность, испытываетъ, даже и въ этомъ случаѣ, крайне разнообразную судьбу. На дѣлѣ бываетъ вѣдь совсѣмъ не такъ, какъ иногда выставляютъ это защитники предначертаннаго единства природы: не каждое изъ образованій, призванныхъ къ дѣйствительному бытію, удивляетъ насъ равно явными признаками разумной своей преднамѣренности. Рядомъ съ сложными, многоразличными и въ этомъ многоразличіи своемъ все-таки подзаконными и полными идеи произведеньями, стоятъ также простыя, неразвивчивыя и косныя созданія, которыхъ породимость прихотливымъ случаемъ едвали кто осмѣлится прямо отрицать. Само царство животныхъ заключаетъ въ себѣ множество разноцѣннѣйшихъ породъ: иныя изъ нихъ, несостоятельныя въ себѣ самихъ и обреченныя на скорую погибель, легко возобновляются однакожь опять среди

Digitized by Google

общаго потока естественныхъ событій; другія, при гораздо болѣе могучемъ и утонченномъ сцѣпленіи частей, сомкнуты въ разнообразнѣйшую гармонію встрѣчныхъ и перекрестныхъ отправленій. Оглянувъ всю совокупность созданія, мы найдемъ въ немъ не одно только извлеченіе отличнѣйшаго, сдѣланное будто на подборъ; мы увидимъ, что великое и мелкое, простое и сложное, совершенное и несовершенное стоятъ здѣсь бокъ-о-бокъ въ такомъ смѣшеньи, какое только можно представить себѣ въ томъ случаѣ, еслибъ оно вышло изъ безпристрастной случайности хаоса. Разнообразному этому міру недостаетъ лишь одного, — превратнаго и безцѣльнаго въ самомъ себѣ, чему механическіе законы не могли дозволить прочной дѣйствительности изъ-за внутреннихъ его противорѣчій. Временно и переходно встрѣчаются, правда, и такія противорѣчивыя явленія, какъ доказываетъ намъ множество болѣзней и разновиднѣйшихъ уродствъ; но для всѣхъ тѣхъ образованій, которыя, въ качествѣ постоянныхъ породъ, принадлежатъ къ прочному естественному порядку, внутренняя цѣлесообразность просто равнозначительна естественной возможности. Нѣтъ ничего немыслимаго въ предположеніи, что нынѣ существующей совокупности созданій предшествовали менѣе совершенныя попытки природы, пожалуй даже противорѣчивыя, чудовищныя образованія, которыя, не будучи способны къ долговѣчности и погибнувъ сами, оставили по себѣ элементы подготовленнаго сочетанія для лучшихъ уже произведеній. Но, не вдаваясь далѣе въ это миѳическое представленье, мы можемъ вообще сказать, что, существовало ли превратное, или нѣтъ, долговѣчности его мѣшаетъ его механическая несостоятельность. Дѣйствительная же природа получила изъ безконечнаго множества элементарныхъ сочетаній, которыя могъ доставить неразумный хаосъ, не такого рода выборъ, какой произвело бы, конечно, расчетливое предначертанье, но меньшую только сумму тѣхъ

Digitized by Google

образованій, которыя самъ механическій ходъ природы перепыталъ въ необозримой чередѣ смѣняющихся событій, и, какъ цѣлесообразныя, способныя поддерживаться существа, выдѣлилъ изъ отребія несостоятельныхъ превратныхъ зачалъ, которымъ, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, далъ онъ, правда, возникнуть, но которыя потомъ также безпристрастно обрекъ и гибели.

Да развѣ все это менѣе чудесно? возразятъ намъ противники механическаго воззрѣнія: отчего же всегда бываетъ такъ, что вашъ механическій ходъ природы постоянно благопріятствуетъ разумному и выметаетъ изъ дѣйствительности превратное? Вѣдь разумность вещей, къ объясненію которой мы стремились, не совпадаетъ же съ тѣмъ механическимъ безпротиворѣчіемъ, которое хотятъ намъ незамѣтно подсунуть на мѣсто ея; напротивъ, ея ищутъ во внутренней гармоніи и выдержкѣ, вовсе не ограничивающихся тѣмъ, чтобы, благодаря одному отсутствію погрѣшностей, только обезпечить какъ-нибудь существованіе явленій, но знаменательнымъ превосходствомъ своего содержанія смыкающихъ разнообразнѣйшіе элементы для общей и полной смысла жизни всѣхъ ихъ въ совокупности. А механическій ходъ природы, разумѣется, уже вполнѣ удовлетворенный всѣмъ, что только послушно общимъ его законамъ, — какъ могъ бы онъ стать источникомъ еще и этого преизбыточнаго совершенства? Но вѣдь самая мысль, что будто наличная природа безъизъятною разумностью своихъ произведеній подкрѣпляетъ догадку о преднамѣренномъ творчествѣ, — она-то именно и есть то своеобразное предположеніе, которое мы въ правѣ назвать вполнѣ произвольнымъ взглядомъ своего опыта. Въ самомъ дѣлѣ, вовсе еще не доказано, чтобы всѣ части природы наводили насъ на идеальное свое значеніе и на опредѣленныя какія-нибудь цѣли: рядомъ съ тысячью явленій, дѣйствительно производящихъ это впечатлѣніе, есть

Digitized by Google

тысяча другихъ, которыя кажутся только нечаянно-возникшими, побочными результатами случайнаго сопряженія атомовъ, — результатами, которымъ, въ силу предобдуманнаго плана, вовсе не неизбѣжно было возникать, но которые между тѣмъ возникли, и, разъ возникши, удержались въ дѣйствительности, потому что не противорѣчили механическимъ условіямъ своей дальнѣйшей поддержки. Такимъ образомъ механизмъ произвелъ быть-можетъ много такого, что вовсе было не нужно для творческой идеи, если мы разъ допустимъ ея бытіе, и наоборотъ онъ не осуществилъ можетъ-статься многаго, чего хотѣлось бы идеѣ и чье существованіе составляло для нея предметъ болѣе или менѣе живаго интереса. Вѣдь кто же въ самомъ дѣлѣ возьмется доказать, что не только все дѣйствительное разумно, но и что все разумное дѣйствительно? *) Неужели должно бросить всѣ прекрасныя мечты и считать дѣйствительность за полное совершенство? Само наше воображеніе прибавляетъ къ составу естественныхъ обликовъ оригинальные примыслы собственныхъ своихъ фантазій. Крылатыхъ ангеловъ, надъ которыми такъ умиляется благочестивое искусство, дѣйствительность не представляетъ намъ нигдѣ, и однакожь мы не съумѣемъ доказать, почему не заслуживалъ бы дѣйствительнаго существованья этотъ образъ, котораго идеальное значеніе непосредственно подтверждаемъ мы сами тѣмъ почитаніемъ, какое ему воздаемъ. Положимъ, оно противорѣчило тѣмъ средствамъ и законамъ которыми природа распоряжается въ своихъ работахъ. Зато какъ щедро производитъ она камелопардовъ и кенгуру, хотя намъ вовсе не понятно, почему для полнаго выра-

*) Самъ Гегель, въ лицѣ котораго безусловный идеализмъ достигъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, удовольствовался только тѣмъ, что высказалъ это положеніе, ни мало не доказавъ его на дѣлѣ.

Digitized by Google

женія верховной идеи надобно было выставить на лицо и ту замѣчательную походку, къ какой породы эти вынуждены поневолѣ странною несоразмѣрностью своихъ заднихъ и переднихъ ногъ. Мнѣ кажется, я слышу уже негодующее возраженіе, что навѣрно и эти факты не лишены глубокаго смысла, темнаго только для нашей человѣческой близорукости. Не стану этого оспоривать, но за признаніе въ близорукости ухвачуся крѣпко. Потому что до сихъ поръ рѣчь вообще шла о томъ, подкрѣпляется ли, или вынуждается у насъ опытомъ вѣра въ повсемѣстную цѣлеуставную преднамѣренность творческой силы. Мы вовсе и не думаемъ утверждать чтобы вѣра эта не имѣла другихъ, вполнѣ надежныхъ основаній; но знаменательная и глубокомысленная идея вещей, которой мы часто отнюдь въ нихъ не замѣчаемъ, не можетъ же служить опытнымъ доказательствомъ сплошной разумности всего созданія. Вздумай мы выразить производимое природою непосредственное впечатлѣнье, не преобразованное еще ровно ни какимъ ученымъ взглядомъ, намъ прійдется сказать одно, что многое, правда, обличаетъ гармонію внутренней цѣлесообразности, хотя существованіе его вообще не имѣетъ, повидимому, ни какого особеннаго значенья, и что, наоборотъ, не все, что могло бы казаться намъ возможною цѣлью преднамѣреннаго умысла, осуществилось и на самомъ дѣлѣ. А это именно и есть тотъ характеръ, какого мы въ правѣ естественно ожидать отъ міра, если представимъ его себѣ возникшимъ изъ неумышленнаго хаоса, изъ котораго всегда должны происходить только возможныя и цѣлесообразныя въ самихъ себѣ существа, но въ томъ числѣ незначительныя—такъ же безсвязно и свободно, какъ и полныя смысла.

При всемъ томъ механическій взглядъ отнюдь не въ силахъ стереть съ своихъ положеній неизгладимое пятно невѣроятности. Прійдется, правда, уступить ему въ томъ, что всякое

Digitized by Google

созданіе, даже и всякое органически-живое, состоитъ изъ элементовъ, которые не всегда были въ связи, но которые надлежало прежде соединить даже самому творческому преднамѣренію, когда оно приступило къ обосновкѣ первыхъ зачатковъ. Слѣдовательно, была же этимъ элементамъ возможность такъ сойдтись между собою, и притомъ ни путь, который предстояло имъ совершить отъ прежнихъ своихъ мѣстъ къ этому соединенію, ни само единящее движеніе, не могли же противорѣчить ихъ природѣ или тѣмъ механическимъ законамъ, которымъ она подлежитъ. А затѣмъ позволительно далѣе утверждать, что всякое движеніе, которое могло быть придано элементамъ толчкомъ уряжающей руки, точно такъ же могъ сообщить имъ и неумышленный толчокъ случая. Въ самомъ дѣлѣ, для постепеннаго возведенія египетскихъ пирамидъ изъ крутимыхъ вихремъ песчинокъ достаточно было извѣстной череды вѣтровъ въ разныхъ послѣдовательныхъ направленіяхъ. Отъ чудовищной невѣроятности подобныхъ доводовъ противоположный взглядъ отвертывается уже просто молча: ему мало одной неневозможности; рядомъ съ нею требуетъ онъ еще положительныхъ понужденій, согнавшихъ элементы хаоса именно въ существующія сочетанія, такъ какъ обокъ съ ними сама же механическая теорія допускаетъ одинаковую возможность безконечнаго множества другихъ.

И дѣйствительно, пора намъ теперь отступиться отъ того совсѣмъ несбыточнаго предположенія, которое нарочно допустили мы выше; только по устраненіи его механическій взглядъ будетъ въ состояніи взвѣсить всю тяжесть приводимыхъ противъ него возраженій. Изреченіе древнихъ атомистовъ, будто въ началѣ міра безконечное двигалось и мѣшалось безконечно-различнымъ образомъ въ безконечно-различныхъ направленьяхъ, не имѣетъ ни какого основанія и ровно ни какой цѣны. Ни кто, дорожащій ясностью своей собственной

Digitized by Google

мысли, не сможетъ и представить себѣ такого безмѣрнаго скученія неисчислимыхъ возможностей. Въ какомъ многоразличіи ни вообразимъ мы себѣ отношенія первоначальныхъ элементовъ, все же они представляли въ совокупности такое общее состояніе міра, которое существовало исключительно, такъ что безконечное число другихъ состояній, которыя могли бы существовать за отсутствіемъ его, отнюдь не были возможны съ нимъ вмѣстѣ. Слѣдовательно, та бездна неопредѣленности, какую обозначали мы прежде подъ именемъ хаоса, просто совсѣмъ не мыслимая мысль, и всякая попытка уяснить себѣ возникновеніе формъ природы неизбѣжно должна начинать съ какого-нибудь опредѣленнаго первичнаго состоянія, которое, будучи именно такимъ, а не другимъ, до вѣка исключало изъ круга дѣйствительности многое по себѣ возможное, а для другаго, напротивъ, представляло не одну лишь пустую возможность, но вмѣстѣ и болѣе или менѣе непосредственную и нудящую основу положительнаго осуществленія. Какъ же теперь вообразитъ себѣ первичное это состояніе теорія механическаго взгляда?

Она, вопервыхъ, не имѣетъ ни какого основанія, ни права, соглашаться съ предположеніемъ древнихъ атомистовъ, принимавшимъ элементы за существенно-одинаковые, различные по обтескѣ, строевые камни: предположеніе это само вытекаетъ вѣдь изъ того необдуманнаго стремленія къ единству, которому претитъ уже всякое обиліе первичнаго множества. Она, напротивъ, должна будетъ допустить несмѣтное многоразличіе первобытно-разныхъ элементовъ, которые охватываются и смыкаются не внѣшнимъ только образовательнымъ движеньемъ, но которыхъ своеродныя силы существенно вліяютъ на результаты ихъ сочетанія. И сами силы эти не примкнуты къ нимъ, какъ позднѣйшія, произвольно имъ данныя способности, но суть выраженія разнообразныхъ внутреннихъ состояній, которыя

Digitized by Google

въ предѣлахъ пространственнаго явленія конечно не могутъ обнаружиться въ иной формѣ, кромѣ монотонныхъ притяженій и оттолкновеній, то-есть именно того, на что можно свести всѣ вообще физическія и химическія дѣйствія. Наконецъ, механическому взгляду всего менѣе повода идти по стопамъ отнюдь не родственнаго ему матеріализма, съ которымъ связываетъ его по привычкѣ одно только распространившееся недоразумѣніе. Подобно тому, какъ этотъ взглядъ долженъ же признать за фактъ вліяніе духовной жизни въ предѣлахъ опыта, такъ точно не слѣдъ ему уклоняться и отъ признанія искры этой внутренней жизни въ первобытныхъ сверхчувственныхъ элементахъ, изъ законнаго взаимнодѣйствія которыхъ онъ выводитъ призракъ протяженнаго вещества и цѣлое міростроеніе. Конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ будто бы онъ могъ понять силу духа въ видѣ всевластнаго животворнаго дыханія или какого-нибудь свѣтлаго тумана, проникающаго собою все сущее; нѣтъ, онъ разрѣшаетъ ее въ безчисленное множество рѣзко ограниченныхъ лучезарныхъ точекъ, и каждая нераздѣльно сама въ себѣ образуетъ одинъ изъ взаимнодѣйствующихъ атомовъ, которые этотъ взглядъ принимаетъ за истинныя дѣятельныя причины явленій. Но коль скоро мы расширимъ такимъ образомъ первобытно данные элементы мирозданья, то соотвѣтственно тому стѣснятся и предѣлы области случая. Уже не отъ безформино-бурнаго движенія, сталкивающаго атомы другъ съ другомъ какъ попало, ожидаемъ мы тогда внезапнаго сложенія знаменательныхъ формъ природы; мы уже не думаемъ, чтобъ съ прекращеніемъ внѣшняго толчка, побудившаго тысячи косныхъ и послушныхъ частицъ къ безразличному для нихъ соприкосновенью, завершился строй органическаго зародыша или даже хоть какой-нибудь неорганической быти. Здѣсь, какъ и въ области духовной жизни, внѣшній побудъ принимаемъ мы лишь за подводящую причину,

Digitized by Google

сближающую различныя существа на столько, что одно изъ нихъ вступаетъ въ кругъ дѣйствій другаго; внутренняя сила обоихъ и пробудившееся теперь живое соотношеніе ихъ природныхъ свойствъ опредѣляютъ дальнѣйшій ходъ ихъ развитія и ведутъ его къ гораздо большему обилію формъ и къ безконечно большей глубинѣ смысла, нежели какія могъ бы породить самъ по себѣ одинъ скудный толчокъ внѣшняго движенія.

Можно сомнѣваться, способна ли даже и эта внутренняя живость множества все-таки разсѣянныхъ еще элементовъ объяснить намъ стройную гармонію возникающихъ изъ нихъ существъ; но ближайшее наблюденіе обнаруживаетъ ясно, что во всѣхъ элементахъ извѣстная цѣлесообразность дѣйствія не только что совмѣстна съ основными представленіями механическаго взгляда, но едвали по настоящему и не неразлучна съ ними. Всѣ мы безъ изъятія согласны въ томъ, что силы, которыми вещи дѣйствуютъ другъ на друга, не внѣдрены въ готовую уже ихъ природу впослѣдствіи; кто говоритъ о силѣ элемента, тотъ разумѣетъ, что сила эта его собственность, не въ смыслѣ какого-либо случайнаго обладанія ею, котораго могло бы, пожалуй, и не быть, но именно такъ, что она необходимое и послѣдовательное изліяніе его сущности Да и этимъ не вполнѣ еще выражается понятіе, какое мы должны о томъ имѣть, и какое дѣйствительно имѣемъ. Вздумай кто-либо утверждать, что эта внутренняя необходимость и послѣдовательность каждаго существа именно и приводитъ къ тому, что всѣ воздѣйствія его на внѣшнія раздраженья должны обращаться къ его пагубѣ или по крайней мѣрѣ къ ухудшенію его внутреннихъ состояній, то по невольному въ насъ отпору нелѣпости такого мнѣнія мы удостовѣрились бы въ томъ, какъ рѣшительно предполагали мы здѣсь тихомолкомъ совсѣмъ другое, обратное отношеніе. Мы готовы допустить, что въ любомъ мно-

Digitized by Google

госложномъ образованіи взаимный распорядокъ частей можетъ порушиться такъ неисправимо, что любая попытка противодѣйствовать этому со стороны цѣлаго только ускоряетъ его гибель; но мы отнюдь не усомнимся въ томъ, что всякое простое существо будетъ само по себѣ оказывать такія только дѣйствія, которыя способны примирять случайно-выпавшее ему положеніе съ условіями его долговѣчности. На сколько дѣятельность его относится къ этой задачѣ самохраненія, она будетъ казаться намъ необходимою и самопонятной; съ меньшею уже увѣренностью присовокупимъ мы ту догадку, что дѣятельность эта содержитъ въ себѣ также и стремленіе къ саморазвитію и самоулучшенью. Правда, самое имя стремленія собственно не подобаетъ еще тому, что̀ мы здѣсь подъ нимъ разумѣемъ. Ибо, безъ возбужденія извнѣ, всякое существо, и на нашъ взглядъ, должно оставаться въ первобытномъ состояніи; оно можетъ быть вызвано къ воздѣйствію (то есть къ перемѣнѣ этого состоянія) однимъ только внѣшнимъ раздраженьемъ, и само воздѣйствіе это будетъ не предрасчитанною дѣятельностью, которую фантазія существа развивала бы изъ самой себя, сообразно возникающему передъ ней представленью о болѣе-благопріятномъ положеніи; напротивъ, она всегда остается необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ встрѣчи природы этого именно существа съ этимъ именно внѣшнимъ раздраженьемъ. И потому самому, ограничиваясь такого рода вызовомъ, дѣятельность эта должна довольствоваться порожденіемъ того малаго элемента цѣлесообразности, какой въ любомъ данномъ случаѣ овнословленъ вызовомъ; готовая отвѣчать на слѣдующее за тѣмъ раздраженье столь же цѣлесообразнымъ вторичнымъ элементомъ дѣйствія, она все-таки не способна породить сама изъ себя ни какого обширнаго плана послѣдовательнаго развитія *).

*) То-есть, выдержавъ существеннаго плана въ цѣломъ остается необъ-

Digitized by Google

Не возводя этой мысли о началѣ прогресса, присущемъ каждому дѣйствительному бытію, на степень умозрительнаго положенія, мы можемъ однакожь, попытаться включить ее въ число вспомогательныхъ средствъ для дальнѣйшихъ нашихъ объясненій. Между безчисленнымъ множествомъ первоначальныхъ фактовъ, изъ которыхъ намъ все-таки прійдется предположить существованіе тѣхъ, либо другихъ, нельзя же вѣдь на выборъ исключить одни разумные и полные смысла въ явное предпочтеніе безсмысленныхъ. Но мы только то и утверждаемъ, что эта черта внутренней цѣлесообразности принадлежитъ къ той фактически данной природѣ существъ, къ которой механическій взглядъ прилагаетъ свои законы. А однажды примѣненные къ такой природѣ, законы эти поведутъ къ міру полныхъ смысла формъ съ тою же точно необходимостью, съ какою, будучи отнесены къ иной первобытной природѣ элементовъ, они конечно также породили бы разнообразное царство обликовъ, но уже совсѣмъ не то, къ которому обращаемся мы теперь съ удивленіемъ и интересомъ пытливаго изслѣдованья.

Иному быть-можетъ покажется, что послѣднее наше соображеніе внезапно рушитъ и измѣняетъ предѣлы того, что обыкновенное наше словоупотребленіе разумѣло до сихъ поръ подъ именемъ механизма. Чего добраго, подумаютъ, что мы отворяемъ дверь для мистической мечтательности, которая грозитъ стереть всѣ прежде такъ рѣзко проведенныя границы убѣжденій нашихъ. Между-тѣмъ мы только выдвинули здѣсь ту черту, которая и всегда лежала въ основѣ нашихъ мыслей и которой убѣгать не нужно даже самому строго-механическому воззрѣнію. Любой расчетъ, какъ скоро онъ захочетъ

ясными для механическаго взгляда даже и тогда, когда онъ распирится до предположенія внутренней живости въ первоначальныхъ элементахъ.

Digitized by Google

быть чѣмъ-нибудь болѣе простой смѣты однихъ только численныхъ отношеній, какъ скоро онъ захочетъ примѣняться къ чему-либо дѣйствительному, необходимо долженъ предполагать природу этого дѣйствительнаго независимою данностью. Чѣмъ ни будь вещи сами по себѣ и какъ ни замышляй онѣ дѣйствовать другъ на́ друга, — это уже ихъ собственное дѣло, и ни какая механическая теорія не сможетъ заранѣе измѣрить глубь ихъ существа и приписать имъ, напримѣръ, тѣ или другія немногія свойства, тѣ или другія немногія формы дѣйствія, за рѣшительнымъ исключеніемъ всѣхъ прочихъ. Когда эти свойства и способы дѣйствія захотятъ выступить въ видѣ величинъ, и притомъ такихъ, которыя можно свести къ общему мѣрилу единства, — только тогда механизмъ и въ правѣ заявить неопредѣлимой имъ сущности вещей, что этимъ шагомъ (въ дѣйствительности) она связала себя на будущее время, и что съ той поры цѣнность и окончательная форма ея дѣйствій подвластны ему въ силу всеобщихъ законовъ, вездѣ управляющихъ результатомъ всякаго опредѣленнаго отношенія между разными величинами. Итакъ, съ какими именно свойствами, съ какими внутренними побужденіями природа вещей захочетъ вступить на этотъ путь расчислимости, — это вполнѣ предоставлено ей самой; но разъ признавши за собой ту или другую опредѣленную форму бытія и дѣйствія, она уже не властна помѣшать законамъ механизма выводить для нея въ каждомъ данномъ случаѣ по общимъ правиламъ послѣдствія ея собственнаго признанья. Философское изслѣдованіе можетъ попытать силъ надъ вопросомъ, какую природу и какія побужденія дозволительно имѣть вещамъ въ разумномъ составѣ міра; естествознанію же всегда предстоитъ лишь розыскъ того, какіе роды дѣятельности встрѣчаются дѣйствительно и какіе надобно предположить для объясненія того или другаго факта: но оно ошибочно поймет свою задачу, если вздумаетъ быть чѣмъ-

Digitized by Google

нибудь болѣе простой обработки тѣхъ данныхъ, которыя доставляются ему природою вещей. Такимъ суетнымъ и опрометчивымъ покушеніемъ со стороны прежнихъ механическихъ теорій была затѣя опорожнить отъ всѣхъ внутреннихъ особенностей, отъ всѣхъ сокровенныхъ свойствъ ихъ сущности тѣ первоначальные элементы, изъ которыхъ эти теоріи думали возсоздать міръ, понимая ихъ только какъ однородныя, разсѣянныя въ пространствѣ точки для завязи многоразличныхъ дѣйствій, или даже еще менѣе,—какъ точки, способныя лишь принять толчекъ и прійдти отъ него въ извѣстное движенье. Маловаженъ былъ возвратный шагъ, когда внутреннюю пустоту этихъ точекъ задумали опять наполнить по крайней мѣрѣ хоть притягательными и отталкивающими силами; маловажнымъ останется онъ до тѣхъ поръ, пока и эти силы будутъ считать только привходящими, а не происходящими изъ самой природы элементовъ. Чѣмъ менѣе естествознаніе въ строгомъ смыслѣ должно заниматься внутренними состояніями вещей, вовсе не подлежащими его наблюденью, тѣмъ болѣе, при образованіи высшихъ основныхъ понятій нашихъ, слѣдуетъ намъ обращать вниманіе на эту внутреннюю жизненность: мы должны не отрицать ее, а напротивъ готовиться найдти въ ней величайшее богатство, и вездѣ, гдѣ ни выступятъ передъ нами ясно вліянія ея на ходъ явленій, стараться усовершенствовать пріемы своей понятливости до того, чтобы съумѣть оцѣнить вліянія эти по достоинству и вполнѣ употребить ихъ въ пользу.

Такимъ образомъ, на мѣсто пустоты, оставляемой по необходимости механическимъ воззрѣніемъ, мы ставимъ нашу собственную догадку. Если намъ нельзя заранѣе опредѣлить, какія воздѣйствія дастъ отъ себя каждое существо при столкновеніи съ другими, и, слѣдовательно, какой именно матеріалъ доставитъ оно механическому вычисленію, то объ этомъ неизвѣст-

Digitized by Google

номъ нами предметѣ мы можемъ дозволить себѣ, по крайней мѣрѣ въ видѣ гипотезы, такое общее предположеніе, что одновременная встрѣча или послѣдовательная череда разныхъ условій, дѣйствующихъ на какой бы то ни было элементъ, зажигаетъ въ немъ такія дѣятельности, которыя, кромѣ самохраненія, стремятся еще достигнуть и улучшенія внутреннихъ состояній. Намъ необходимо только воздержаться тутъ отъ ложнаго примысла, будто бы это стремленіе любаго отдѣльнаго существа даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и неограниченную власть надъ другими. Будь это существо — душа, и породи въ ней соприсутствіе съ другими элементами стремленіе удовлетворить свои потребности такимъ образомъ, чтобы обстановить себя стройною системой разныхъ веществъ, — отсюда все же не приложилась бы душѣ безпредѣльно-образующая сила, такъ что, повинуясь ея волѣ, возникалъ бы, напримѣръ, весь тѣлесный организмъ. Всякое внутреннее состояніе отдѣльнаго существа будетъ обладать наружу-дѣйствующею силой въ томъ лишь случаѣ, если дозволятъ это общіе законы природы и повелятъ, чтобы ему повиновалось другое состояніе другаго существа; а потому и здѣсь окружающіе элементы не въ угоду желанію души соединятся въ пріятную ей органическую форму, но подчинятся этому желанію въ той только мѣрѣ, въ какой они къ тому вынуждены, и въ какой требуемая форма также удовлетворяетъ и ихъ собственныя внутреннія состоянія. Поэтому строгая необходимость механизма все еще будетъ безущербно властвовать надъ образованіемъ вещей, только не привязывая уже исключительно къ однимъ внѣшнимъ состояніямъ другія такъ же внѣшнія, но на каждой точкѣ своего пути погружаясь въ глубину элементовъ и допуская развивающіеся тамъ разумные побуды оказывать свое законно-мѣрное вліяніе на видообразованіе дальнѣйшей будущности. Поэтому возможны иногда счастливые примѣры, что

Digitized by Google

многіе сперва случайно столкнувшіеся элементы найдутъ въ томъ самомъ распорядкѣ, къ которому стремятся они всѣ, удовлетвореніе и тѣхъ новыхъ своихъ потребностей, какія пробудила у нихъ общая ихъ встрѣча. Счастливыя эти событія, въ которыхъ цѣлесообразность отдѣльныхъ частей прійдетъ сама собою къ цѣлесообразному равновѣсію цѣлаго, — эти по преимуществу гармоническія существа будутъ живыя твари, и точно такъ же, какъ первоначальное ихъ возникновеніе, самый механизмъ ихъ расплода и поддержки будетъ представляться намъ проникнутымъ внутреннею, цѣлесообразною живоподвижностью.

Мы можемъ уяснить себѣ смыслъ и процессъ подобныхъ явленій, припомнивъ судьбы и формы общественнаго быта, возникающія изъ встрѣчи человѣческихъ личностей, — можемъ тѣмъ скорѣе, что и общепринятое мнѣніе думаетъ всего ближе обозначить ихъ именемъ органическихъ образованій. Вѣдь не какой-нибудь рядъ внѣшнихъ толчковъ внезапно сводитъ множество лицъ въ удовлетворительныя формы взаимнаго общенія, да и не внутренній побудъ ихъ находитъ прямымъ, неокольнымъ путемъ тотъ именно урядъ ихъ общежительства, на какомъ могли бы они успокоиться и остановиться; наконецъ, столь же мало и сама общественная организація можетъ назваться дѣломъ сознательно-художественнаго преднамѣренья, которое, дѣйствуя съ самаго начала по извѣстному плану, витая внѣ отдѣльныхъ лицъ и какъ бы надъ ними, ставило бы ихъ въ подобающія имъ положенія. Всякое случайно происшедшее соприкосновенье возбуждаетъ въ подвергшихся ему личностяхъ такія впечатлѣнія и противодѣйствія, которыя сперва только атомически ищутъ удовлетворенія мгновенно родившихся желаній и потребностей, и этимъ исканіемъ, съ одной стороны, порушаютъ внѣшнюю обстановку, съ другой—сами ощущаютъ новыя, небывалыя чувствованія отъ выгодъ и невыгодъ такого

Digitized by Google

порушенья. Часто, въ противорѣчіи между собою, эти внутреннія движенія отдѣльныхъ личностей обусловливаютъ какое-нибудь переходное общественное учрежденіе, котораго и польза и гнетъ въ свою очередь воздѣйствуютъ на всю совокупность этого множества и на каждаго члена порознь, пока наконецъ, послѣ многоразличныхъ перемѣнъ, устанавливаются болѣе прочныя формы общежитія, въ которыхъ, какъ и во всякомъ другомъ организмѣ, потребности частей приходятъ въ согласіе съ существенными условіями цѣлаго. Такъ случайное соприкосновенье вызвало внутреннюю жизнь личностей къ взаимнодѣйствію, а въ дальнѣйшемъ его ходѣ, безъ всякаго организующаго замысла съ чьей либо стороны стороны, но благодаря общему соучастію элементовъ разумной дѣятельности, постепенно выдѣлялось само собою все нецѣлесообразное и достигалось такое равновѣсіе взаимныхъ положеній, при которомъ сочетавшіеся элементы успокоились, потому что каждый изъ нихъ удовлетворенъ, или потому что неудовлетвореніе иныхъ, при мощномъ отпорѣ со стороны всѣхъ прочихъ, лишилось по крайней мѣрѣ всякой силы возбуждать новыя тревоги и сумятицы. Одну только способность внутренно страдать отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и изъ этого страданія развивать съ разумной необходимостью улучшающія воздѣйствія, — только эту одну способность должно намъ признать въ тѣлесныхъ элементахъ, чтобы постичь, какъ и изъ хаотической ихъ встрѣчи возникаютъ органическіе обліки съ полнымъ смысла образованіемъ, не въ видѣ сразу готовыхъ существъ, но въ видѣ порожденій долгой и усильной работы взаимнодѣйствія, точно такъ, какъ и теперь еще природа не производитъ ни одного изъ этихъ созданій готовыми зàразъ, но каждому предоставляетъ развиться изъ зародыша путемъ долгаго и многотруднаго образованья. Сколько такихъ зародышей свелъ вмѣстѣ хàосъ, столько же и могло развиться, отчасти удачныхъ, от-

Digitized by Google

части неудачныхъ попытокъ достигнуть вышеозначеннаго равновѣсія. Поэтому, если вся бездна живыхъ созданій распадается въ постепенную лѣствицу родовъ и группъ, въ которыхъ явно сквозитъ преобладаніе немногихъ главныхъ или общихъ типовъ, то для объясненія и этой характеристической черты отнюдь не нужно предполагать вездѣ одну тожественную мысль, создавшую всѣ ихъ въ совокупности, а довольно допустить, что сами элементы заключали въ себѣ не безконечное, но лишь опредѣленное число различій. Тогда извѣстныя однородныя черты и приравнимыя между собою формы процесса должны были сохраниться какъ въ сочетаніяхъ элементовъ, такъ и въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

Покончимъ однако эту тяжбу между двухъ спорящихъ сторонъ. Вѣдь ясно, куда мѣтитъ механическое воззрѣніе. Утверждая, что, какъ бы ни были дики и безурядны зачала міра, порядокъ неизбѣжно возникаетъ изъ нихъ во всякомъ случаѣ, оно хочетъ отвадить насъ отъ мысли о единствѣ вседержительнаго творческаго могущества. Какъ же выручитъ оно теперь единство природы изъ такого многобожія началъ? Этотъ вопросъ нерѣдко повторяютъ въ спорахъ, какъ послѣднее и неопровержимое уже возраженіе, а между тѣмъ я отнюдь не думаю, чтобъ на него трудно было отвѣтить. Потому что вѣдь и этимъ, такъ часто порицаемымъ, путемъ достигается же однако единство природы; разница лишь въ томъ, что оно именно только *достигается*, то-есть оказывается послѣднимъ плодомъ работы цѣлаго множества, а не предшествуетъ существованію многоразличнаго, какъ руководящее начало. Но развѣ оно оттого хуже, что имѣетъ такимъ образомъ свою исторію? Если въ человѣческомъ быту постепенно выступаютъ и ростутъ нравственныя могущества, если общія воззрѣнья на разныя сферы обязанностей, если согласныя между собою мнѣнія насчетъ тѣхъ обязательныхъ послугъ, которыя возлагаются

Digitized by Google

на каждое отдѣльное лицо исторически-обусловленнымъ состояніемъ его народа, или насчетъ границъ, проводимыхъ ему отечественнымъ обычаемъ, если всѣ эти лучшія понятія о необходимыхъ цѣляхъ стремленья и о средствахъ достичь ихъ только мало по малу пролагаютъ себѣ путь: то развѣ такія формы человѣчности менѣе цѣнны оттого, что онѣ не выступили вдругъ прямо и безоколично изъ какого-нибудь даннаго зародыша цивилизаціи, но, какъ счастливыя состоянія достигнутаго наконецъ равновѣсія, основаны на борьбѣ безчисленныхъ страстей и противоположныхъ интересовъ? Вотъ этимъ-то единствомъ постепенно установившагося примиренія обладаетъ также и природа; въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, она не продолжаетъ уже дикой борьбы элементарныхъ началъ; мы окружены спокойными, устойчивыми отсѣдами прочныхъ образованій; постепенно развившіяся широкія и постоянныя привычки дѣйствія правильно и органически проникаютъ все обиліе совершающагося бытія; совокупность вещей или нашла уже способъ мирной сопоставки всѣхъ ихъ между собою, не порождающей иныхъ тревогъ кромѣ одной, — тревоги дальнѣйшаго правильнаго развитія, или, если и встрѣтится еще гдѣ-нибудь безурядная борьба дикихъ силъ, то будущность и этой борьбы представится нашему взгляду ни чуть не менѣе утѣшительной, какъ и тому, который ставитъ единство плана передъ началомъ всѣхъ событій.

Ни въ чемъ не ошибаемся мы такъ легко, какъ въ своемъ сужденіи о тѣхъ формахъ существованья, которыя считаемъ необходимыми для выполненія нашихъ пламеннѣйшихъ желаній. Свыкшись съ любыми намъ способами удовлетворенія, недовѣрчиво смотримъ мы на каждое новое положеніе, на каждый новый поворотъ вещей, тогда какъ смѣло предпринятая попытка научила бы насъ самымъ дѣломъ, что и новыя отношенія имѣютъ свои источники наслажденія. Быть-можетъ, къ

Digitized by Google

такимъ же заблужденіямъ принадлежитъ и мысль о необходимости начальнаго единства природы. Быть-можетъ, мы не имѣли ни какого права прежде утверждать, что исчезнетъ вся прелесть любой картины, если нельзя будетъ вѣрить въ единство создавшей ее фантазіи. И въ самомъ дѣлѣ, когда мы любуемся на какой-нибудь живописный видъ, едвали прійдетъ намъ заправду въ голову обольщать себя мечтой, будто многоразличныя и несравнимыя между собой составныя части этого образа сведены вмѣстѣ однимъ маніемъ природы, дѣйствовавшимъ здѣсь съ многообъемлющимъ единствомъ поэтической фантазіи. Вѣдь эти лачуги и развалины не существовали же въ планѣ тѣхъ естественныхъ силъ, которыми нагромождены эти горы, а сѣмена растеній, восхищающихъ насъ переливами своей зелени, снесены въ тихую долину безурядною силой бурь, ничего и не знавшихъ другъ о другѣ; да и солнце, если оно обливаетъ золотымъ багрянцемъ укромную нашу мѣстность, блещетъ при этомъ съ такого дальняго пути, который проложенъ ему надо всѣмъ безъ различія, оно свѣтитъ и сквозь туманы, подымающіеся тутъ же въ другихъ краяхъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, что картина эта многоначальна; вся прелесть ея въ томъ довѣрчивомъ и спокойномъ согласіи, съ какимъ единятся здѣсь первобытно чуждые другъ другу элементы и каждый изъ нихъ дѣлится съ другимъ отрадою этого удовлетворительнаго сочетанія.

Только одно представляется совершенно недоступнымъ для механическаго взгляда: это — мысль о предназначеніи. Пока мы преклонялись передъ единой міропричиною, мы сознавали себя включенными въ составъ великаго міростроенія, завершавшагося преднамѣренною цѣлью; соучаствуя въ этомъ міростроительствѣ и своимъ собственнымъ трудомъ, мы находили оправданіе своему бытію и норму для своихъ стремленій въ томъ именно назначеніи, какое налагалось на насъ такимъ соу-

Digitized by Google

частьемъ. Міръ, просто свернувшійся изъ безчисленныхъ зачатковъ, не имѣлъ бы ни конца, ни задачъ; каковъ бы ни былъ онъ, онъ въ правѣ быть такимъ, каковъ есть, и ни на самого себя, ни на отдѣльные элементы свои не налагаетъ онъ обязанности стремиться къ недостигнутой еще цѣли. Вездѣ долженъ царитъ въ немъ фактъ, и фактическое всегда должно быть въ полномъ своемъ правѣ; а между тѣмъ все человѣческое наше самочувствіе сознаетъ себя обязаннымъ осуществлять невоплотившійся еще идеалъ. Ужь не хочетъ ли механическое воззрѣніе украдкою лишить насъ этой мысли? Я думаю, напротивъ, что она извѣстна и ему, только конечно въ другой формѣ. Оно не съумѣетъ ничего сказать о томъ, что мудрое преднамѣренье вложило въ живыя души чувство нравственной обязанности и первообразы (или нормы) нравственныхъ идеаловъ, а потому и не пускается въ трудности вопроса, какъ согласить съ этой умышленной обосновкою зародыша безчисленныя препятствія, противопоставляемыя развитію его теченьемъ міра. Ему извѣстно лишь одно, что и эти внутреніе позывы также принадлежатъ къ тому фактическому составу, который собственно и есть природа душъ; и, видя въ нравственномъ влеченіи одну изъ силъ, вступающихъ въ кругооборотъ вещей для встрѣчи и борьбы между собою, оно не требуетъ, чтобъ всѣ прочія обстоятельства добровольно ей повиновались, но полагается на то, что во взаимнодѣйствіи всѣхъ силъ вообще съумѣетъ отстоять себя и эта. Далекій отъ страннаго матеріализма, ставящаго себѣ задачею выводить изъ бездушнаго вещества духовную жизненность, какъ бы какой-то придатокъ, котораго ничтожное значеніе не можетъ предъявлять ни какихъ своеобразныхъ правъ передъ единымъ истиннымъ веществомъ, — механическій взглядъ способенъ, напротивъ, вѣрить, что именно въ фактѣ нравственнаго влеченія открыта ему одна изъ важнѣйшихъ и первобытнѣйшихъ

Digitized by Google

чертъ души, откуда всѣ другія законныя формы ея дѣятельности и страдательности вытекаютъ какъ послѣдовательные акты самоотстоянія. Что есть существа, опредѣляющія цѣну самимъ себѣ и своимъ проявленіямъ, существа, способныя къ самообвиненію и самооправданью, — ни этого факта, ни безусловной высоты лежащей въ немъ заповѣди, не подвергнетъ сомнѣнію, да и не умалитъ этотъ взглядъ; и если онъ не въ правѣ утверждать, чтобы надъ каждой отдѣльной личностью витали идеалы, къ выполненію которыхъ она предназначена, то все же онъ признаётъ, что въ каждой такой личности можетъ развиться идеалъ, и что право отступничества отъ него покупаетъ она только цѣною самоосужденія.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Единство природы.

Единство причины вещей и ея слѣдствія. — Система веществъ и ихъ распредѣленіе. — Поддержка единства въ кругообротѣ естественныхъ событій. — Понятіе о чудѣ. — Планъ всемірноисторическаго развитія. — Различныя эпохи или возрасты міра.—Всеобщая и земная природа. — Постепенность естественныхъ произведеній. — Царство животныхъ и типическія его формы.

Не думаю, чтобы пристрастіе къ хаосу могло доказать возникновеніе изъ него міра какими-нибудь другими доводами, кромѣ тѣхъ, которые представили мы выше. Если всѣ они оказались неспособными заглушить голосъ противоположнаго убѣжденья, намъ нечего о томъ жалѣть, такъ какъ прежнія наши размышленія давно уже навели насъ на другой путь, съ котораго мы еще разъ старались разсмотрѣть сосредоточенную силу механическаго міровоззрѣнья. При этомъ мы остановились на немъ долѣе, нежели покажется необходимымъ иному читателю; но такъ поступили мы потому, что притязаній этого взгляда вовсе не считаемъ дотого ничтожными, какъ можетъ представляться это самоувѣренности противоположнаго воззрѣнія. Онъ подобенъ врагу, котораго внутренняя организація такъ обширна и такъ плотно сомкнута, что никогда не удастся его просто уничтожить; надо принять его въ свой общественный союзъ со всею изощренною силой его противле-

Digitized by Google

нія и открыть ему поприще полезной дѣятельности на этой новой для него почвѣ.

И дѣйствительно, мы не стали бы такъ подробно обсуждать многихъ разъясненныхъ нами мыслей, если бы въ сферѣ того другаго взгляда, который взялись мы отстоять, мысли эти, въ качествѣ подчиненныхъ членовъ, не удерживали за собой такого значенія, какого не могутъ онѣ, конечно, имѣть, въ качествѣ независимой системы міропознанія.

Когда, упреждая медленный ходъ своего труда, я старался въ предварительномъ обзорѣ ознакомить съ будущимъ его направленіемъ, мною указано было между прочимъ и на то, какъ всякая попытка, вывесть изъ безформнаго хаоса наступленіе выбора и распорядка между вещами, исключительно основывается на предположеніи, что царство всеобщихъ и безусловно властвующихъ законовъ предначертываетъ съ вѣчно одинаковою силою всѣмъ элементамъ и форму и величину ихъ взаимнодѣйствій (I, 477 и слѣд.). Послѣднія наши разысканія только подтвердили это. Хотя скудноватый запасъ объяснительныхъ средствъ, какимъ пробавляются наиболѣе ходячія мнѣнія, обогатили мы очень щедро, признавъ внутреннюю живоподвижность за самими элементами, и хотя старались сколько можно вывесть воздѣйствія каждаго изъ нихъ, какъ прямыя слѣдствія его же особой природы; однако при всемъ томъ оставалось по-прежнему необходимымъ, чтобы одно общее право связывало всѣ существа между собой и царило надъ взаимнымъ ихъ соотношеніемъ. Вѣдь никакое воздѣйствіе не можетъ произойдти безъ того, чтобъ состояніе одного элемента не заключало въ себѣ вызова другому измѣнить и его собственное состояніе,—безъ того, чтобы послѣднее не пострадало такимъ образомъ отъ перваго. Пусть распорядится оно своей самообороной по внушенію своего собственнаго генія; во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что ему могла угрожать опасность, будетъ

Digitized by Google

понятенъ только при неизбѣжномъ предположеніи всеобъемлющаго круга законовъ, который съ каждымъ опредѣленнымъ соотношеніемъ вещей нудитъ ихъ къ опредѣленному страданію. Да наконецъ сама внутренняя послѣдовательность собственнаго ихъ существа, развѣ не предполагаетъ она также этой всеобщей подзаконности всяческихъ соотношеній? Вѣдь и свободное внутреннее развитіе можетъ назваться послѣдовательнымъ только потому, что взаимная связь отдѣльныхъ его шаговъ соотвѣтствуетъ внѣшнему мѣрилу или масштабу, — той болѣе общей необходимости, которою рѣшается вопросъ, какое именно своеобразное слѣдствіе можетъ законно произойдти изъ своеобразной его причины. Любой міропорядокъ, который захочетъ допускать извѣстныя событія, какъ возможныя, исключать другія, какъ невозможныя, требовать однихъ, какъ необходимыя, а иныя предоставить даже и вполнѣ свободному выбору, — всякій міропорядокъ такого рода будетъ способенъ рѣшать различные эти случаи только по какому ни есть общему праву; и изъ хаоса можетъ развиться правильный ходъ событій только тогда, когда по суду этого права слабыя и шаткія сопряженія вещей вынуждены будутъ уступить мѣсто болѣе прочнымъ и внутренно-согласнымъ. Стало-быть, если механическій взглядъ и начинаетъ съ множества сущихъ элементовъ, онъ тѣмъ крѣпче стоитъ за единство всеобщей законности, благодаря которой изъ дикой безрядицы тѣхъ первыхъ зачалъ постепенно вырабатываются очертанія обязательнаго и нормирующаго потомъ плана.

Но мы убѣдились, какъ немыслимо это царство законовъ, въ видѣ самобытной мощи, предшествующей и предпоставленной вещамъ; коль скоро такая связь должна оказывать единящую свою силу надъ дробнымъ многоразличіемъ элементовъ, мы неизбѣжно вынуждались постигать ее, какъ дѣйствительное безконечное существо, а всѣ конечныя вещи — какъ внутренно

Digitized by Google

ютимыя имъ въ себѣ части. Только, благодаря этому, взаимнодѣйствія, обосновывающія весь ходъ событій, могли перехватывать черезъ бездну, которою каждый отдѣльный элементъ разлученъ отъ другаго и которая разлучала бы ихъ вовѣкъ, еслибъ та общая сущность, откуда всѣ они произошли, не доставляла имъ возможности и вмѣстѣ не обязывала ихъ къ взаимному соотношенію и къ обмѣну ихъ внутреннихъ состояній (I,482). Поэтому, хотя бы дума надъ содержаніемъ природы и оцѣнка цѣлесообразности ея произведеній еще и оставляли насъ, положимъ, въ сомнѣніи насчетъ того, нѣтъ ли какой нибудь возможности, чтобы она все-таки возникла изъ разсѣянныхъ и безсвязныхъ зачатковъ; однакожь во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что взаимнодѣйствіе вообще существуетъ на самомъ дѣлѣ, неизбѣжно вынудилъ бы насъ къ вѣрѣ въ реальное единство всѣхъ вещей и въ одинъ общій для нихъ источникъ.

Приступая теперь къ попыткѣ развить слѣдствія этого убѣжденія, должны мы остеречься, чтобъ не потребовать отъ него болѣе результатовъ, нежели можетъ оно дать. Путь, какимъ дошли до понятія объ этой верховной причинѣ, научилъ насъ вразсужденіи ея только тому, что она дѣйствительна и во всѣхъ отдѣльныхъ вещахъ одна и та же; но ничего не открылъ онъ намъ насчетъ содержанія и живой природы ея существа, которою наполняетъ она эту форму единства и безконечности. Изъ столь неизвѣстной верховной причины не льзя же намъ отважиться вывесть исторію міротворенія въ видѣ наглядnаго расказа; не льзя же намъ также рѣшиться на попытку заранѣе опредѣлить тотъ полный содержанія естественный урядъ, въ которомъ творческой силѣ этого первоначала надлежало проявиться, такъ какъ вѣдь замыслы его и стремленія скрыты отъ насъ незнакомствомъ съ своеобразностью его существа: мы можемъ развивать тѣ только слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ формальнаго характера единства, и кото-

Digitized by Google

рыя, независимо отъ природы того, что̀ верховная причина есть сама въ себѣ, представлялись бы во всякой твари, исходящей отъ единаго, неизбѣжными чертами ея организаціи. Сколь ни ограничены эти доступные намъ выводы, они все же простираются далеко за предѣлы того, что̀ подъ силу подтвердить пріобрѣтенному нами доселѣ опытному знанію, и мы можемъ принимать ихъ только за руководящія начала своихъ изслѣдованій, а отнюдь не за подлежащіе наблюденью факты.

Какимъ бы образомъ многое ни происходило изъ единаго, единству, во всякомъ случаѣ, противорѣчило бы возникновеніе изъ него случайно-неопредѣленнаго множества. Напротивъ, многоразличіе элементовъ должно съ самаго начала образовать замкнутую систему, выражающую въ совокупности своей цѣлую природу единаго. Но послѣднее не распадается, подобно величинѣ, на многочисленныя смежныя части, которыхъ сумму приходилось бы взять для того, чтобы получить опять единое: ни одного конечнаго элемента не породитъ изъ себя творческая причина безъ того, чтобъ не присовокупить къ нему въ то же время множества другихъ, которые только вмѣстѣ съ первымъ и составляютъ полное проявленіе дѣйствительности. Какъ многосложное химическое соединеніе отнюдь не потерпитъ выдѣла какой бы то ни было составной части въ одиночку, а напротивъ тутъ же отрѣшитъ отъ себя и другую, которая, по удаленіи первой, не нашла бы въ остающейся за тѣмъ наличности частей необходимаго равновѣсія, или подобно тому, какъ новую составную часть не приметъ оно въ розницу, но единственно лишь подъ условіемъ усвоить себѣ вмѣстѣ и другую, чтобы уравнѣсить это приращеніе въ сгруппировкѣ внутреннихъ своихъ силъ: такъ точно и совокупность дѣйствительнаго будемъ мы представлять себѣ замкнутою формулой, которой каждый членъ дополняетъ собою сумму всѣхъ прочихъ до возможно-совершеннаго выраженія общей ихъ причины.

Digitized by Google

Мысль эту слѣдуетъ намъ прежде всего примѣнить къ тѣмъ первоначальнымъ составнымъ частямъ, которыя мы видимъ вовлеченными въ міростроенье, или которыхъ участіе въ немъ мы вынуждены предполагать: — къ разнообразію вѣсомыхъ стихійныхъ веществъ природы, къ невѣсомымъ элементамъ, буде дальнѣйшіе успѣхи знанія не помѣшаютъ намъ ихъ допускать, наконецъ — къ духовнымъ природамъ, еслибъ различныя формы душевной жизни представились намъ объяснимыми, не какъ различныя ступени развитія однихъ и тѣхъ же существъ, но какъ свидѣтельства въ пользу первобытноразныхъ родовъ душевнаго существованія. Тогда какъ нашъ опытъ беретъ химическіе элементы только еще поодиначкѣ, тогда какъ прогрессъ открытій безпрерывно измѣняетъ ихъ число, и существованіе ихъ бокъ-о-бокъ представляется обыкновенно случайнымъ и безосновнымъ фактомъ,—для насъ, напротивъ, существованіе каждаго элемента будетъ заключать въ себѣ существованіе всѣхъ прочихъ, какъ необходимое уже слѣдствіе, а совокупность ихъ будетъ составлять вполнѣ замкнутую, законченную систему. Каждый членъ этой (существенно связной) череды, съ особенными его свойствами и дѣеспособностями, занимаетъ необходимое свое мѣсто среди другихъ и образуетъ со всѣми ими, неумножимое и неуменьшимое, совершенно-полное выраженіе природы одного всеобщаго вещества.

Далѣе: если для нашего опыта количество и распредѣленіе атомовъ каждаго элемента представляется совсѣмъ безправильнымъ явленіемъ, то мы, съ своей стороны, вопреки этому призраку, должны мыслить общій составъ любого элемента и размѣщеніе частей его въ пространствѣ опредѣленными формулой, предписывающей каждому веществу, сообразно особенности его природы, и количество, въ какомъ надлежитъ ему существовать, и тѣ именно мѣста, откуда его атомы дол-

Digitized by Google

жны вступать въ сообщеніе съ другими. Нынѣшнее положеніе природы, видоизмѣненное безчисленнымъ множествомъ законныхъ развитій, а въ частности и захватами беззаконнаго произволенія, не дозволяетъ намъ обратнымъ расчетомъ доискаться правильности перваго момента міра; мы можемъ только полагать, что правильность была въ немъ дѣйствительно, но ни образъ равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ элементовъ между собою, ни же образъ какой бы то ни было иной симметрической группировки многоразличнаго не могутъ почесться необходимою формою первобытнаго положенія вещей. Столь же мало рѣшаетъ нашъ домыслъ и насчетъ того, ограничено или неограничено количество дѣйствительнаго. Будь свойство безконечности связуемо съ свойствомъ единства, тогда между элементами, изъ которыхъ каждый распадался бы на безконечное множество атомовъ, разность въ ихъ совокупныхъ количествахъ была бы мыслима подобно тому, какъ между поверхностями угловъ, изъ которыхъ каждая простирается въ безконечность, могутъ однакоже существовать опредѣленныя разности величины, подлежащія вычисленью.

Наконецъ, міръ вѣдь не неподвиженъ: не только въ моментъ однократнаго его образованья должно существовать въ немъ это внутреннее равновѣсіе; единство должно поддерживаться и въ каждый дальнѣйшій мигъ его развитія. Любой такъ-сказать разрѣзъ, какой ни возьмемъ мы изъ исторіи природы, долженъ, и въ новыхъ положеніяхъ, принятыхъ его элементами вслѣдствіе совершившихся между-тѣмъ перемѣнъ, представлять новое и столько же полное выраженіе общаго согласія всѣхъ его частей со смысломъ цѣлаго. Поэтому мы не въ правѣ допустить ни одного перводвиженія малѣйшаго атома, которое не было бы изначала приноровлено къ движеніямъ всѣхъ прочихъ для образованія органическаго цѣлаго; ни одно, разъ возникшее, движенье не могло, бывъ предоставлено

Digitized by Google

самому себѣ, идти далѣе безъ того, чтобъ отношеніемъ своимъ ко всѣмъ остальнымъ, въ чьемъ сообществѣ предназначено ему трудиться надъ однимъ и тѣмъ же міроздаиіемъ, не сводилось оно постоянно съ произвольнаго своего пути и не пригонялось всегда снова къ общему согласію. Подобно тому какъ въ каждомъ замкнутомъ организмѣ перестановка одного атома измѣняетъ и разстроиваетъ составъ цѣлаго существа, и выносится имъ въ той только мѣрѣ, въ какой всѣ прочія составныя части возстановляютъ соотвѣтственно-наверстывающими перемѣщеньями новое равновѣсіе, вѣроятно, и ходъ природы надѣленъ въ свою очередь такою же раздражимостью, не дозволяющею ни одному событію развиваться на свой солтыкъ безъ того, чтобъ совокупность остальной дѣйствительности не устраняла нарушительнаго его вліянія путемъ наверстывающихъ перемѣнъ. Но не всякая часть органическаго тѣла имѣетъ равно тѣсную и важную связь съ другими, такъ чтобы перемѣна въ ней одной неизбѣжно должна была оказывать замѣтное вліяніе на состоянія цѣлаго существа; подобно тому и не всякое событіе въ природѣ такъ важно для смысла общей ея дѣятельности, чтобы ей нужно было ограждаться отъ него какими-нибудь особенными или даже только замѣтными наверстками. Далѣе: отдѣльный организмъ можетъ подвергнуться, со стороны окружающаго его міра, такой нечаянной порухѣ извнѣ, которая возбудитъ всю его жизненность къ внезапному отпору; но совокупность природы не имѣетъ вокругъ себя ни какихъ дальнѣйшихъ пространствъ, откуда могли бы нагрянуть на нее неожиданныя порухи: въ постоянной, непрерывной дѣятельности, наверстываетъ она каждое уклоненіе въ самомъ его зачалѣ. Такимъ образомъ, хотя намъ и должно держаться понятія объ этой раздражимости, какъ неизбѣжной черты всякаго дѣйствительнаго многоразличія, основаннаго на единствѣ всеобъемлющей причины, однако предположеніе это отнюдь не

Digitized by Google

вносить въ (мыслимый нами) образъ теченія природы невѣроятнаго въ немъ характера тревоги и неустойчивости.

Впрочемъ, еслибы кто принялъ этотъ уладъ разстройствъ за такую охрану порядка, которая въ ходѣ всякаго механизма разумѣется сама собой, или же вздумалъ видѣть въ ней совсѣмъ чуждое механизму, свыше ниспосылаемое возстановленіе этого порядка, — тотъ въ обоихъ случаяхъ равномѣрно впалъ бы въ недоразумѣніе. Если всѣ элементарныя дѣйствія происходятъ по всеобщимъ законамъ, не озабоченнымъ предпочтительно ни какою особенною формой предстоящаго результата, то нѣтъ ни необходимости, ни же вѣроятія, чтобъ система движимыхъ частей, соотвѣтствовавшая въ первоначальномъ своемъ положеніи какому ни есть плану, поддерживала бы и (въ случаѣ нужды) возстановляла этотъ планъ въ предоставленной самой себѣ игрѣ своего дальнѣйшаго автоматическаго дѣйствія. Какую ни прими она форму, — разумѣется, сообразно механическимъ условіямъ послѣдняго, — она все таки будетъ въ состояніи отвѣчать вмѣстѣ и тому образцу, который воспроизвесть ей предназначено. Отдѣльному созданію предоставляется за тѣмъ просторъ, пожалуй хоть и сгинуть подъ гнетомъ подобныхъ обстоятельствъ, то-есть, отрѣшиться отъ прежняго своего понятія и перейдти къ другимъ формамъ существованья; ходъ природы, въ своей цѣлости, не можетъ ни остановиться, ни отступить отъ соотвѣтствія смыслу того единаго, изъ котораго вытекаютъ всѣ дѣятельные элементы естества. Вотъ почему этотъ ходъ неизбѣжно долженъ выполнять задачу постоянной поддержки не только-что порядка вообще, но и того именно порядка, какой лежалъ въ смыслѣ перваго его сотворенія. Задача эта не выполнима безъ того, чтобъ дальнѣйшее автоматическое дѣйствіе первобытной сгруппировки міра, совершающееся только подъ рукой всеобщихъ законовъ, не испытывало постояннаго навода на тотъ путь,

Digitized by Google

какого требуетъ изначальный смыслъ всего созданія. Но мы не представляемъ себѣ этого навода такимъ образомъ, какъ будто бы высшая десница свободно вступалась въ (подзаконный) ходъ всеобщаго механизма, для исправленія ошибокъ, въ какія могъ бы онъ впасть по слѣпотѣ или для устраненія опасностей, которыхъ бы онъ, пожалуй, не замѣтилъ. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ замѣчаетъ и устраняетъ ихъ самъ собой. Потому что элементы міра не считаемъ мы мертвыми и косными, не считаемъ ихъ тѣмъ, за что въ правѣ принимать ихъ физика въ своихъ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ, то-есть за безсамыя, пустыя точки завязи для разныхъ неизмѣняемыхъ силъ, вынужденныя неизбѣжно брать на себя всякое слѣдствіе перваго своего акта, безъ малѣйшей возможности упразднить его другимъ, развѣ только внѣшній ходъ событій принудитъ ихъ и къ этому другому дѣйствію, помимо всякой заслуги (всякаго внутренняго участія) съ ихъ собственной стороны. Мы, наоборотъ, считаемъ ихъ за живыя части живаго единаго: въ любой данный мигъ элементы не только что находятся въ тысячѣ соотношеній къ другимъ элементамъ, но еще и страдаютъ отъ этихъ своихъ соотношеній. Страданіе это и есть именно тотъ новый фактъ, съ которымъ всеобщіе законы, правящіе каждымъ шагомъ хода природы, неизбѣжно связываютъ уже новое воздѣйствіе, какого, безъ этого посредства внутренней живости въ каждой дѣятельной точкѣ, никогда не могли бы они привязать къ чисто-внѣшнему соотношенію между ею и другими. Стало-быть, не какой-либо особой перемѣнѣ въ общихъ механическихъ законахъ дѣйствія приписываемъ мы постоянную поддержку основного плана природы, но перемѣнѣ въ носителяхъ тѣхъ силъ, которыя должны повиноваться этимъ законамъ. Никогда не могли мы считать дѣйствующую силу за какой-то наружный привѣсокъ къ элементамъ, но всегда видѣли въ ней необходи-

Digitized by Google

мое выраженіе ихъ собственнаго существа; такъ точно не допускаемъ мы, чтобъ одинъ и тотъ же элементъ, сколько ни измѣнялись внутреннія его состоянія, оставался бы неизмѣнно все при одинаковой величинѣ одной и той же силы. Если въ существенномъ основаніи природы дѣйствительно есть единство, и если въ какой бы то ни было важной или ничтожной перемѣнѣ своего состоянія каждый элементъ ежемгновенно чуетъ вліяніе совокупнаго положенія вселенной, то этому измѣнившемуся состоянію элемента должна соотвѣтствовать и другая уже дѣятельность, ставшая необходимою для него теперь въ смыслѣ общаго теченія или хода міра. Отнюдь не видоизмѣняя всеобщихъ законовъ и не имѣя даже никакой возможности противостоять имъ, элементъ измѣняетъ только удѣльные коэфиціэнты, обозначающіе степень соучастія его во всеобщихъ формахъ дѣйствія, и, съ этими новоопредѣленными величинами, послушно вступаетъ опять въ пути дѣйствія, предписываемые ему общими нормами (внѣшняго порядка природы). Такимъ образомъ внутренняя связь вещей, уряжающая всѣ ихъ отношенія по опредѣленному міровому плану, доставитъ внѣшней связи тѣ (основные) факты, которые по общимъ и безпланнымъ законамъ развиваетъ она потомъ въ необходимыя ихъ слѣдствія.

Постигаю, что этотъ способъ воззрѣнія прійдется не по нраву обычному мнѣнію о внутренней пустотѣ вещей; и дѣйствительно, онъ заключаетъ въ себѣ такое понятіе, котораго этому мнѣнію особенно желалось бы избѣгнуть,—понятіе о чудѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ совмѣстно оно съ законченнымъ и выдержаннымъ въ себѣ взглядомъ на природу. Названіемъ чуда высказываютъ очевидно менѣе того, что думаютъ разумѣть подъ нимъ, считая его только за нѣчто необычайное, но все же опредѣлимое для насъ въ своемъ происхожденіи какимъ либо (хотя бы и самымъ многосложнымъ) расчетомъ; имъ вы-

Digitized by Google

сказываютъ болѣе, нежели бы хотѣлось, когда принимаютъ его за полное нарушеніе всѣхъ законовъ естества. Упраздненіе любаго закона природы, послѣдуй оно хоть на единый мигъ, допустило бы возможность не только того отдѣльнаго событія, для котораго оно, положимъ, собственно предназначалось, но привело бы въ сумятицу и всю совокупность остальнаго міра, котораго законное и правильное продолженіе мы предполагаемъ однакожь необходимою наводкой для отраженія лучезарнаго блеска того исключительнаго событія, о которомъ идетъ рѣчь *). Только для особаго случая взаимнодѣйствія между немногихъ элементовъ, надъ которыми должно совершиться чуду, пришлось бы предположить упраздненіе власти естественнаго закона или, скорѣе, допустить мгновенное замѣщеніе его другимъ. Трудно было бы удовлетворительно представить себѣ такое частное упраздненіе закона природы, безъ того чтобъ не прійдти наконецъ къ той же самой мысли, съ которой мы начали. Какова ни будь чудодѣйствующая мощь, она не пойдетъ же прямо наперекоръ закону, чтобы упразднить его вліяніе; но, измѣнивъ внутреннія состоянія вещей силою внутренней связи своей съ ними, она косвенно измѣнитъ обычный результатъ закона, оставляя въ полной силѣ его дѣйствительность и продолжая пользоваться ею, какъ и всегда. Замкнутый, косный кругъ механической необходимости недоступенъ чудотворному велѣнью прямо и непосредственно, да и не можетъ быть доступенъ ему въ этомъ смыслѣ; но внутренняя природа того, что̀ должно повиноваться механическимъ законамъ, опредѣляется не ими, а единственно лишь смысломъ цѣлаго міроздавія. Она и есть

*) То-есть, событіе можетъ казаться чудеснымъ только потому, что выходитъ изъ ряда того всеобщаго порядка, которому остается послушнымъ все прочее.

Digitized by Google

то открытое мѣсто, на которое способна вліять мощь, повелѣвающая во имя этого смысла, и когда по ея велѣнію измѣнятся внутреннія состоянія элементовъ, степени сродства и противоположности ихъ между собой, то необходимость механическаго міропорядка должна будетъ развить эту новую постановку фактовъ въ чудо внѣшняго явленія не упраздненіемъ всеобщихъ законовъ механизма, но наоборотъ строжайшею ихъ выдержкой.

Въ настоящій періодъ своего изслѣдованья мы вовсе и не думаемъ рѣшать вопросъ, дозволительно ли приписать открытой нами возможности дѣйствительность, и какой именно силѣ предоставить право на перерывъ хода естественныхъ явленій необычайностью нѣкоторыхъ чудотворныхъ вмѣшательствъ (или небывалыхъ прежде мѣръ). Рѣчь шла здѣсь преимущественно о выясненіи того постояннаго порядка, благодаря которому единство безконечной міроосновы одѣтворяется въ разнообразіи явленій. И для этой именно цѣли необходимо намъ присовокупить еще одно соображеніе, еще одно послѣдствіе этого единства, хотя и на нашъ собственный взглядъ оно не такъ важно, какъ прежде изложенныя слѣдствія или ужь во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ не однородно съ ними.

Можетъ подлежать сомнѣнію, дѣйствительно ли тотъ безпрерывный уладъ, которымъ ходъ природы постоянно пригоняется къ одному и тому же плану, самъ по себѣ достаточенъ для того, чтобы завсегда оберечь въ немъ единство верховнаго начала. Еслибы, въ любой данный моментъ, творческое начало это могло придавать, въ новыхъ всегда формахъ, типъ единства своего вселенной, какъ бы готовой распасться и разнестись, благодаря движеніямъ отдѣльныхъ своихъ элементовъ, тогда оно, правда, отстаивало бы свое единство во всякомъ случаѣ; но вѣдь поводы къ этому отстаиванію возникали бы

Digitized by Google

для него только извнѣ, и вся послѣдовательная череда побѣдоносныхъ его самоохраненій представляла бы одну безсвязную, лишенную единства множественность. Обозрѣвая исторію своей жизни, человѣкъ находитъ въ ней множество разныхъ внѣшнихъ случаевъ, безсвязныхъ между собою и еще болѣе чуждыхъ его собственному существу; хотя онъ и отстаивалъ въ борьбѣ съ ними особенность своей природы, однако все же онъ ощущаетъ чуждымъ для себя гнетомъ ту череду случаевъ или судебъ, которая вынуждала его къ этимъ опредѣленнымъ формамъ самоохраненія. Онъ почувствовалъ бы этотъ гнетъ еще сильнѣе, еслибъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что благопріятнѣйшимъ результатомъ всякой борьбы съ судьбою можетъ быть одно только самоохраненіе, одинъ только возвратъ къ прежнему своему состоянію, потому что вполнѣ безсмысленною и безцѣльной казалась бы тревога отъ постояннаго раздраженія со стороны внѣшнихъ передрягъ, — тревога, всегда погружающаяся опять въ прежнее же спокойствіе. Но мы знаемъ, что случайныя эти раздраженья все-таки двинули насъ больше или меньше впередъ; они вызвали въ насъ силы, пережившія побѣду (надъ встрѣченной невзгодой) и менѣе совершенное состояніе замѣнили въ насъ все-таки же совершеннѣйшимъ. Тѣмъ самымъ, что, вразумляясь въ самоё себя, душа принимала каждое достигнутое ею положеніе за исходную точку новаго и высшаго развитія, она становилась единствомъ въ болѣе высокомъ смыслѣ противъ прежняго, и безучастную множественность случайно вызванныхъ у нея самоохранъ совокупляла въ преемственную связь поступательнаго развитія, прогресса. *) Конечно, она была бы счастливѣй, приходи къ ней внѣшнія побужденья

*) Дѣйствительно, самое понятіе прогресса возможно только подъ условіемъ постепенно-единящаго участія души.

Digitized by Google

всегда по мѣрѣ потребностей этого развитія; но и за всѣмъ тѣмъ успѣла она одолѣть совершенную безсвязность внутренней своей жизни, — безсвязность, которая такъ мало соотвѣтствовала бы ея первобытному характеру единства. Для совокупности природы, не то, что для отдѣльной души, поводы къ самоотстаиванію приходятъ не со стороны, не снаружи; сама она порождаетъ тѣ первоначальныя движенья, которыхъ дальнѣйшій ходъ доставляетъ ей всегда случаи одѣтворять единство свое вновь и вновь. Тѣмъ менѣе соотвѣтствовало бы этому единству, останься преемственный порядокъ такихъ поводовъ чистою случайностью и не завись онъ самъ отъ смысла того единства, которое хочетъ себя въ нихъ заявить. Послѣдовательная череда міровыхъ моментовъ не можетъ поэтому быть такою множественностью, гдѣ общій смыслъ міра поддерживался бы въ каждомъ только между прочимъ; напротивъ, она должна быть неразрывной цѣпью, которой любое данное звено связано единствомъ плана со всѣми рѣшительно другими. Единое властно выражаться въ различныхъ формахъ только тогда, когда это разнообразіе формъ необходимо для выраженія его смысла; оно властно выражаться въ извѣстной послѣдовательности только тогда, когда порядокъ этотъ отвѣчаетъ существенной потребности его развитія. Если выше мы хотѣли, чтобы каждый разрѣзъ міровой исторіи обнаруживалъ вездѣ-выдержанную гармонію элементовъ, то намъ должно требовать теперь, чтобы преемственность этихъ разрѣзовъ слагалась въ единство развивающейся мелодіи.

Мы могли бы сказать проще, что ходъ міровыхъ событій долженъ образовать не одно лишь множество послѣдовательныхъ моментовъ, а еще и связную въ себѣ исторію; но для насъ важно было указать съ тѣмъ вмѣстѣ основу этого положенія. Опытъ только двусмысленно подтвердилъ бы намъ поступательное развитіе вселенной; насъ мало удовлетворило

Digitized by Google

бы и то, предпочти мы такое развитіе всѣмъ другимъ догадкамъ, только какъ образъ болѣе прекраснаго существованія; а выяснить необходимость его изъ живаго содержанія міроосновы превзошло бы средства нашего познанія. Такъ удовольствуемся же покамѣсть тѣмъ, что хотя неподвижность и не противорѣчитъ понятію единаго, но что если мы однажды видимъ передъ собою положительный фактъ его неспокойства, то движенію его необходимо имѣть форму связнаго въ себѣ развитія. И къ каждому шагу этого развитія должны мы снова примѣнять требованія первоначальнаго единства. Природа наличныхъ веществъ, ихъ массы и распредѣленіе массъ въ міровомъ пространствѣ, многоразличіе и постепенность органическихъ породъ, количественныя содержанія, въ какихъ пластическая сила подѣляетъ вещества между разнообразными жизненными формами, долженствующими удерживать ихъ на время въ тѣснѣйшей связи, направленіе и скорость кругооборота, совершаемаго элементами при безпрерывномъ переходѣ ихъ изъ одного видообразованія въ другое, — вся эта совокупность существованія и дѣйствія ежемгновенно соотвѣтствуетъ тому объемистому уравненію условій, въ которомъ смыкаются требованія единаго относительно всѣхъ разнообразныхъ фазисовъ его проявленья.

Могутъ выдаваться громадные періоды, въ теченіе которыхъ мірозданье, оставаясь неизмѣннымъ въ общихъ своихъ очеркахъ и въ природѣ своихъ элементовъ, переживетъ длинную череду внутреннихъ движеній, постепенно осуществляя ими всѣ возможности многоразличнаго развитія, мыслимыя въ предѣлахъ основнаго уравненья. Однакожь, исчерпавъ все это множество, единое, не проявлявшееся въ тысячѣ моментовъ тысячу отдѣльныхъ кратъ, но связавшее тысячи формъ своего бытія въ единство такого развитія, котораго каждая ступень обусловливаетъ собой ближайшую, —

Digitized by Google

оживленное поэтому въ самомъ себѣ и стремясь все дальше и дальше, отнюдь не воротится уже къ прежнему начинанію. Этотъ міровой періодъ заключится, а быстрота и направленіе того образовательнаго движенья, какимъ верховная міроосновa достигнетъ въ такомъ случаѣ его конца, побудитъ ее проявить снова въ другомъ уже созданіи вѣчно-одинаковый смыслъ своей сущности, только возвышенный и углубленный въ самомъ себѣ, благодаря совершившемуся развитію. Для слѣдующей эпохи міра явится такимъ образомъ иное уравненіе условій. Иныя вещества, иное распредѣленіе тягъ, силъ, сродственныхъ отношеній, иное царство формъ, и, среди новыхъ внѣшнихъ условій существованія, невѣдомыя дотолѣ формы жизни повторятъ опять въ характеристически-послѣдовательной варіаціи вѣчно-нерушимую тему первопричиннаго бытія.

Здѣсь мы остановимся. Мы такъ далеко зашли за предѣлы всякаго опыта, что чувствуемъ необходимость благоразумно воротиться въ укромную его область. Правда, что послѣднія эти соображенія выставили намъ вдругъ въ гораздо меньшемъ блескѣ столь надежную, повидимому, систему механическаго естествознанія; но вѣдь въ самомъ дѣлѣ совокупность точныхъ нашихъ свѣдѣній и не способна внушить намъ болѣе высокой о ней мысли. Все, что ни знаемъ мы о неуклоннѣйшихъ законахъ естества, а слѣдовательно и все, опирающееся на нихъ, изслѣдованіе природы, есть лишь нѣчто въ родѣ наложенія квадранта на какую-нибудь точку, исчезающей отъ насъ въ безконечность, кривой. Мы въ полномъ правѣ утверждать, что направленіе хода міровыхъ событій въ этой именно точкѣ, то есть въ теченіе тысячелѣтій исторической нашей памяти, вѣрно измѣряется кривизною наложенной дуги, и безъ сомнѣнія намъ естественно предполагать, что и дальнѣйшій путь вещей въ обѣ стороны отъ этой точки, то-есть какъ прежній, такъ и будущій порядокъ ихъ, долженъ оставаться все та-

Digitized by Google

кимъ же. Но болѣе подобнаго рода упованія намъ не возможно здѣсь достигнуть. Пока надобится изслѣдовать и вычислять только то, что окружаетъ насъ въ короткій періодъ нашего существованія, мы очень хорошо дѣлаемъ, избѣгая простирать разсѣянный взоръ свой въ безконечныя дали міровыхъ эоновъ; потому что возможное (въ прошедшемъ ли или въ будущемъ) содержаніе ихъ конечно не имѣетъ прямаго вліянія на эту цѣнную пядень времени, въ которой совмѣщено все особенно для насъ дорогое, — всѣ условія и цѣли нашей дѣятельности. Шевелить тѣ крайнія и послѣднія тайны при всякомъ случаѣ, гдѣ самая цѣль наслѣдованія требуетъ отъ насъ одного, чтобъ мы крѣпко держались за наличную данность, — это, безспорно, такая затѣя, которая только обременила бы науку смутнымъ чувствомъ какого-то искательства приключеній. Гдѣ же, напротивъ, задушевное стремленіе наше жаждетъ обозрѣть и выяснить себѣ чаянія и надежды, направленныя въ безконечное, тамъ обязаны мы помнить, что смутное чувство это легко можетъ привести насъ къ истинѣ, и что дѣйствительность въ общихъ своихъ очеркахъ — настоящая поэзія, а прозаиченъ только случайный и ограниченный взглядъ, доставляемый узкою и низменною точкой зрѣнья. Съ объемомъ искомаго нами кругозора долженъ возрастать и небольшой (такъ сказать сподручный) масштабъ нашего созерцанія; намъ необходимо убѣдиться въ томъ, что этотъ вѣдомый намъ міръ наличнаго бытія, со всею кажущеюся несокрушимостью его силъ и образованія, хотя и составляетъ безпредѣльное море постоянной дѣйствительности, гдѣ существованіе наше затеряно будто одна капля, — что цѣлый этотъ міръ не что иное самъ по себѣ какъ лишь мимолетное выраженіе безконечно высшаго внутренняго смысла. Рядомъ съ этимъ верховнымъ смысломъ міра могутъ имѣть безусловное и вѣчное значеніе только самые всеобщіе, ни къ какому опредѣленному существу не пріуро-

Digitized by Google

ченные еще законы, безъ которыхъ ни одна мыслимая дѣйствительность не могла бы представлять и тѣни правильнаго порядка; напротивъ, измѣнчивы по самому понятію своему всѣ производные законы, вытекшіе изъ приложенія тѣхъ высшихъ нормъ къ природѣ наличнаго созданья. Вмѣстѣ съ кончиною послѣдняго надлежитъ прейдти и имъ; но пока оно существуетъ, законы эти безспорно будутъ служить намъ неопровержимыми и надежными средствами для его познанія.

Допустимъ же соображенія эти въ видѣ узоровъ, обрамливающихъ ту картину природы, какую представляетъ намъ нынѣшняя дѣйствительность и которой животрепещущій рисунокъ намъ приходится выводить ужь не изъ сухаго понятія о единствѣ верховной міроосновы, но или брать изъ познанія того, что̀ она есть, или просто почерпать изъ опыта. Мы не намѣрены вступать здѣсь на первый путь, такъ какъ всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ мало ободряютъ насъ на подобное предпріятіе. Мы уже имѣли случай высказать, какъ не подъ силу намъ выводить неизбѣжность окружающихъ насъ формъ природы изъ того, что̀ справедливо можемъ мы принимать за высшее и безусловное содержаніе верховнаго начала. Да на дѣлѣ вѣдь такой попытки собственно никогда и не было: съ одной стороны, изъ предпоставляемой міру идеи развивали въ широкихъ и малоопредѣленныхъ очеркахъ тѣ общія задачи, которыя должны же какъ-нибудь разрѣшаться въ дѣйствительности; а съ другой — прямо обращались къ опыту и высматривали, какія формы встрѣчающихся намъ явленій могутъ быть приняты за настоящія рѣшенія подобныхъ задачъ, за воплощенія тѣхъ еще безцвѣтныхъ предначертаній идеи. Изъ этого смѣшаннаго способа или пріема произошелъ тотъ взглядъ на природу, который теперь почти во всеобщемъ ходу, — мнѣніе о неустанно-творящемъ безусловномъ, котораго развивчивость, направленная къ наибольшему раскрытію, къ наиболь-

Digitized by Google

ней выработкѣ духовной жизни идетъ лѣствицею постепенныхъ образованій, восходящихъ все выше и выше къ совершенству. Умолчимъ о царствѣ безжизненнаго, которое и этотъ взглядъ принимаетъ только какъ бы за раму всемірнаго процесса; умолчимъ и о растительности, на которую онъ смотритъ какъ на ближайшую предвѣстницу наступающей жизни: въ самоподвижной чередѣ животныхъ всего явнѣе этотъ поступательный переходъ отъ дѣйствующаго только бытія къ сознанію дѣйствія, отъ слѣпаго выполненія—къ обдуманной свободѣ цѣлесообразной дѣятельности, и не только-что въ пріемахъ жизни, но и въ возрастающей знаменательности и красотѣ тѣлеснаго типа. На самомъ концѣ этой постепенной череды находимъ мы одухотворенный обликъ человѣка, совершеннѣйшую и вполнѣ гармоническую смѣсь многоразличныхъ чертъ образованія, которыя, только въ менѣе благопріятныхъ комбинаціяхъ, обнаруживались уже и въ низшихъ породахъ.

Прежде чѣмъ слѣдить мысли эти далѣе и, по указанію ихъ, стараться опредѣлить мѣсто, назначенное человѣку въ цѣломъ составѣ природы, выслушаемъ напередъ нѣкоторыя возраженія противъ идеи такого взгляда вообще.

Допустимъ, что спекулятивное глубокомысліе философа проникло во всеобщей метафизической наукѣ самую сущность верховной міроосновы и выразумѣло тѣ неодѣтворенные еще помыслы, которые тѣснились въ божественной фантазіи до начала міра, и допустимъ, что съ такими выводами философской думы ученіе это обращается къ созерцанію природы, чтобы найдти въ ней воплощеніе тѣхъ же творческихъ идей: но тутъ намъ должно вспомнить прежде всего, что хотя бы сущность всеобъемлющей міроосновы можно было разгадать и изъ любой мельчайшей частицы, въ ней содержащейся, однакожь изъ всего обилія явленій нашему знанію доступенъ только небольшой отдѣлъ. Въ силѣ тяготѣнія и въ движеньяхъ

Digitized by Google

свѣта естествовѣдѣніе имѣетъ конечно такія данныя, которыми всѣ части міра приводятся во взаимную связь; но когда мы говоримъ о живомъ и его постепенности, дѣло идетъ только объ ограниченномъ примѣрѣ развитія верховнаго начала, о формахъ, принятыхъ поставленными имъ себѣ задачами на поверхности той именно планеты и въ тотъ лишь періодъ времени, которые доступны нашему наблюденію. Мы должны совсѣмъ оставить въ сторонѣ тѣ жизненныя формы, которыми быть-можетъ наполнены всѣ прочія небесныя тѣла и которыя вѣрно не одинаковы съ земными; но если намъ слѣдуетъ отказаться отъ тщетной попытки рисовать себѣ фантастическіе образы такого существованія, которому предлежало бы выполнять всеобщія задачи жизни подъ совершенно иными условіями, то мы все-таки должны удержать за собой ту мысль, что рядомъ съ нами есть же однако неизмѣримая бездна совсѣмъ иного существованія, и что вся извѣстная намъ органическая природа есть только одинъ изъ безчисленныхъ типовъ, въ которыхъ творческія идеи верховнаго міроисточника проявляются въ дѣйствительность. Простой, безпредубѣжденной фантазіи человѣка довольно знакома эта мысль; одно лишь философское развитіе науки становится въ такое положеніе, какъ будто бы творящая міроосновa и подлинно выступала изъ своей скрытости въ явленіе только этой узкою тропою земной природы и, по созданіи человѣка съ его жизнію, терялась опять въ свою безконечность, словно выполнивъ уже всѣ предлежащія ей цѣли (неисчерпаемаго бытія). На мѣсто этой діалектической идиллiи намъ должно поставить безконечный видъ на другіе міры вселенной, вовсе не съ тщетною затѣей узнать недовѣдомое, но единственно для того, чтобы безмѣрностію этой дали отвести довѣдомому намъ существованію подобающій ему ограниченный удѣлъ.

Да и оставаясь при одной земной природѣ, какъ объясня-

Digitized by Google

ею мы себѣ въ ней самой восходящую постепенность ея образованій? Еслибъ поступательная развивчивость, направляясь къ высшему раскрытію духовной жизни, произвела низшія созданія только въ видѣ переходныхъ ступеней, зачѣмъ продолжали бы они существовать? Зачѣмъ не отметаются они, какъ ненужный уже образчикъ предварительнаго упражненія, отъ котораго усовершенствованная способность отвертывается потомъ вполнѣ равнодушно? Намъ можетъ-быть скажутъ, что вѣдь низшему и обосновывающему также необходимо продолжаться наряду съ высшимъ, ибо только въ этой одновременной совокупности всѣхъ пройденныхъ шаговъ выступаетъ изъ міра явленій для творческаго разума полный и вѣрный противень собственной его сущности. Но того же самаго пришлось бы тогда потребовать и отъ разныхъ эпохъ исторіи, а между тѣмъ не продолжаются же онѣ вмѣстѣ и рядомъ; но предшествующее образованіе одной удерживается другою лишь на столько, на сколько путемъ неполнаго преданія пріемлется оно въ составъ слѣдующей за тѣмъ образованности. Итакъ, мы можетъ-быть ошибаемся въ вышесказанномъ предположеніи вообще; можетъ-быть, тѣ низшія организаціи вовсе не набросаны творческимъ разумомъ какъ примѣры одного предварительнаго упражненья въ спѣшномъ переходѣ его къ высшему человѣческому облику; но каждая изъ нихъ имѣетъ свое собственное значенье, не замѣнимое значеньемъ ни какихъ другихъ. Сколько разностей въ положеніи вещей, сколько особенностей въ сочетаніи обстоятельствъ, сколько различныхъ обиталищъ и поприщъ дѣйствія представляетъ поверхность земли въ своихъ высотахъ и глубинахъ, въ своей воздушной атмосферѣ, въ своей влагѣ и тверди, столько же побужденій и было для творческаго разума создать такія существа, изъ которыхъ каждое особенностью своей организаціи оспособлялось бы приноровиться къ одному изъ этихъ положеній, урядиться въ немъ

Digitized by Google

какъ въ своемъ жизненномъ кругу, вкусить и извѣдать всѣ представляемые имъ побуды къ ощущенію и дѣятельности, и воспользоваться ими для вполнѣ характеристическаго усвоенія ихъ въ отрадѣ чувства и фантазіи *). Цѣлію организующей идеи было бы тогда единственно образованіе такого многоразличія жизненныхъ формъ, при которомъ ни одинъ элементъ не смогъ бы укрыться отъ обязанности въ свою очередь послужить къ пользѣ и усладѣ; и ни одна изъ этихъ формъ не устраняла бы необходимости другой, потому что и бѣднѣйшій кругозоръ, служа какому-либо созданію единственнымъ источникомъ жизненнаго возбужденья (переживаясь имъ вполнѣ), будетъ для него совсѣмъ иною и сладчайшею отрадою, нежели для любого высшаго образованія, которое едва скользнетъ по этому кругозору только мимоходомъ.

Итакъ, на первыхъ порахъ, не будетъ для насъ ни какого повода предполагать въ чередѣ тварей что-либо иное, кромѣ безконечнаго многоразличія образованій, организованныхъ каждое соотвѣтственно своему поприщу и своимъ жизненнымъ задачамъ. Но наблюденіе такъ ясно представляетъ намъ небольшое число вездѣ выдержаныхъ типовъ тѣлосложенія, что даже и въ уклоненіяхъ отъ этихъ образцовъ научная фантазія не могла не искать преднамѣреннаго плана со стороны организующаго разума. Какъ часто и въ нашемъ человѣческомъ образованіи обнаруживается характеристическая наклонность воплощать особо, въ какомъ-нибудь пространственно-наглядномъ символѣ, въ какой ни наесть внѣшней схемѣ, близко знакомыя мысли, которыхъ цѣнностью мы дорожимъ! и всегда сопровождается она такимъ чувствомъ, какъ будто бы однимъ этимъ воплощеніемъ въ наглядную форму истина идеи только и осу-

*) Однимъ словомъ, — перенять ихъ внутренно всею особенностью и энергіей своего индивидуальнаго существа.

Digitized by Google

ществилася вполнѣ. Какъ часто намъ кажется, что поступки наши, сколь ни непосредственно интересовали бы они насъ своимъ содержаніемъ, совершаются настоящимъ и достойнымъ образомъ только тогда, когда держатся какого-нибудь непредвидѣннаго, безрасчетнаго порядка или послѣдованія, котораго связь съ тѣмъ, что мы дѣлаемъ, едва открывается намъ въ смутномъ только чаяніи. Ту же самую наклонность думали найдти и въ дѣйствующей природѣ: казалось, для нея все дѣло въ томъ, чтобы выдерживать первичный типъ своего дѣйствія и всегда одинаково связывать себя съ этимъ предвѣчнымъ образцомъ своей дѣятельности въ достиженіи многоразличнѣйшихъ ея цѣлей. Можно было или совершенно отказаться отъ намѣренья выслѣдить начало этой нерушимой заповѣди, и тогда оно представлялось тѣмъ болѣе таинственнымъ и торжественнымъ; или можно было попытаться отыскать тѣ мысли, которымъ служитъ оно живымъ символомъ и по тому самому такъ драгоцѣнно для природы, что она должна была вездѣ выдерживать его прорись, какъ неизмѣнный законъ своего творчества. Вступивъ на первый изъ этихъ двухъ путей, изслѣдывающій умъ болѣе и болѣе тревожился успѣхомъ опытовъ, такъ какъ тутъ неизбѣжно выходила наружу вся преувеличенность того предположенія, будто во всемъ царствѣ животныхъ природа неуклонно выдерживаетъ одинъ и тотъ же типъ. Сравненіе разныхъ классовъ этого царства приводитъ неоспоримо къ различнымъ, хотя все-таки немногочисленнымъ, основнымъ формамъ, а попытка свести еще и эти на какую-нибудь всеобщую формулу пришла бы уже не къ характеристически-наглядному образу, а лишь къ совсѣмъ безформной всеобщности, не имѣющей ровно никакой цѣны. Если же, держась втораго пути, мы захотѣли бы оправдать каждый изъ существенно различныхъ типовъ выясненіемъ проображеннаго въ немъ помысла, то произошло бы то самое и здѣсь, что бываетъ при

Digitized by Google

истолкованіи любаго символа. Пока символъ пользуется безсвѣтнымъ почетомъ, въ немъ находятъ безконечно важное содержаніе; но попытаются истолковать его,—и тогда обнаружится, какъ скудно его собственное значеніе, и какъ случайна и произвольна даже самая его форма сравнительно съ тѣмъ содержаніемъ, которое надлежало ему напоминать собою. Всматриваясь въ чертежи тѣлостроенія животныхъ, находимъ, что одна ихъ форма идетъ лучами изъ средоточія, другая выходитъ наружу осью, отъ которой, или однообразно во всѣхъ направленіяхъ, или въ видѣ взаимно соотвѣтственныхъ противоположностей, простираются боковые органы; что у иныхъ обстановка эта является осложненною, и концы осей вырабатываются въ полюсы отмѣнной формы и значенія. До поры до времени, пожалуй, можно было назидаться этими чисто-формальными, отношеніями, и полагать, что въ общихъ понятіяхъ средоточія и окружности, параллелизма и полярности, единства и повторительнаго разрозненія на противоположности содержатся тѣ мистически-знаменательные образцы, которыхъ вѣчно-обновляющимся воспроизведеніемъ въ формахъ органическихъ тѣлъ именно и дорожитъ пластическая природа. Но вскорѣ надобно же будетъ прійдти къ сознанію, что понятія эти вовсе не такъ глубоки, и что осуществленіе смысла ихъ нельзя почесть задачею пластически-образующей природы; напротивъ, это такія общія и вездѣ почти встрѣчающіяся отношенія, что сила, которой захотѣлось бы произвесть то или другое сложное образованіе, неизбѣжно попала бы и безъ умысла на который-нибудь изъ этихъ типовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣй природа въ виду образованіе вполнѣ однороднаго шара, и отличи она хоть одну точку въ немъ особенностью отправленія или формы, какъ могла она помѣшать, чтобы въ сложившемся за тѣмъ обликѣ не выразилась, повидимому, мысль объ извѣстномъ отношеніи средоточія къ окружности? А только вы-

Digitized by Google

ступи она изъ шаровидной формы, куда же могли бы простереться ея образованія, не заподозриваясь въ умыслѣ принять или параллельное, или лучевое, одноосное или многоосное расчлененіе? Далѣе, выработай она концы оси различнымъ образомъ, не показалось ли бы намъ, что она имѣетъ въ виду полярность; да и вообще создай она только какое бы то ни было ограниченное цѣлое, развѣ могла она отстранить отъ себя подозрѣніе въ расчетѣ наглядно осуществить истину, что все ограниченное имѣетъ начало, средину и конецъ?

Этимъ я вовсе не хочу оспоривать значенія той опредѣленной соотносительности внѣшнихъ формъ, за которую природа держится почасту такъ крѣпко и упорно; я только отрицаю, чтобы произведеніе этихъ чисто-геометрическихъ формъ было тѣмъ идеаломъ, котораго осуществленіемъ наиболѣе дорожитъ природа. Ни одно вѣдь органическое созданіе не представляетъ же такихъ формъ только вообще, но всегда лишь въ видѣ живо дѣйствующихъ членовъ; и конечно смыслъ и отправленіе послѣднихъ, цѣнность, какую имѣютъ они для жизни животнаго, только обратно придаютъ цѣну и той внѣшней формѣ, въ которую они сложились. Представлять одну полярность самоё по себѣ не можетъ быть разумнымъ началомъ ни какого видообразованія; напротивъ, если есть двѣ части, которыхъ смыслъ заключаетъ въ себѣ своеобразную противоположность ихъ относительно къ цѣлому, то дать имъ выразить эту противоположность и въ явленіи будетъ вполнѣ прилично такой природѣ, которая озабочивается вообще выразительной красою своихъ организацій. Поэтому не станемъ болѣе въ пустыхъ по себѣ пространственныхъ формахъ искать основы для типовъ облика; поищемъ лучше въ содержаніи того, чему надобно сложиться въ пространствѣ, причины этой строгой выдержки типическихъ повадокъ образованія.

Вся жизнь на земной поверхности пробавляется однимъ и

Digitized by Google

тѣмъ же родомъ веществъ: изъ углекислоты и азота атмосфернаго воздуха и изъ немногихъ растворимыхъ солей земной коры всѣ растенія и животныя строятъ свое тѣло. Но даже и соединенія этихъ элементовъ, служащихъ ближайшими составными частями для постройки органическихъ тѣлъ, неожиданно однообразны во всемъ царствѣ живаго созданія: клѣтковина, хитинъ и бѣлковина встрѣчаются вездѣ въ качествѣ тканеобразовательныхъ матеріаловъ почти совершенно безъ соперниковъ. Быть-можетъ, при данныхъ условіяхъ на поверхности нашей планеты, изъ всѣхъ возможныхъ соединеній помянутыхъ элементовъ, только эти немногія обладали всѣми потребными свойствами, по которымъ они годились для постройки измѣнчиваго, раздражительнаго, живаго облика; но какъ бы, впрочемъ, ни было, фактъ этого однообразія химическаго типа въ сложеніи тѣлъ неоспоримъ для всего живаго, и онъ не могъ остаться безъ самыхъ важныхъ послѣдствій для дальнѣйшаго образованія. Потому-что, вопервыхъ, химическая природа составныхъ частей тѣла неизбѣжно обусловливаетъ для всѣхъ животныхъ необходимость получать замѣну потребленнаго и средства для своего роста всегда изъ подобныхъ же источниковъ и приводить ихъ опять въ тотъ самый составъ подобною же химическою обработкой; далѣе, должна она обусловливать и измѣнчивость сложившихся тканей, которыя, вслѣдствіе однороднаго химическаго образованія, наклонны повсемѣстно и къ подобнымъ разложеніямъ; отъ нея же, наконецъ, должны зависѣть разныя, отсюда возникающія, однородныя потребности, а равно и согласное въ сущности для всѣхъ вообще животныхъ многоразличіе отправленій и соотвѣтственныхъ имъ органовъ. Такимъ образомъ, изъ химическаго типа для міра животныхъ возникаетъ уже другой типъ, экономическій, выдерживаемый съ чрезвычайнымъ однообразіемъ во всѣхъ болѣе развитыхъ классахъ этого цар-

Digitized by Google

ства. Вездѣ встрѣчаемъ мы здѣсь, кромѣ собственно пищеварительныхъ органовъ, еще и опредѣленныя орудія дыханія, образованія желчи, мочи, кругообращенія соковъ, и только у низшихъ разрядовъ животныхъ, для которыхъ, при маломъ объемѣ тѣла, становится менѣе нужнымъ распредѣленіе этихъ работъ по различнымъ органамъ, находимъ мы, вмѣсто этого многочленнаго образованія, уже простѣйшее. Такимъ многосложнымъ приборомъ снарядовъ, который вовсе еще не служитъ настоящимъ жизненнымъ цѣлямъ, а лишь доставленію употребимыхъ для того средствъ, обременена животная организація; въ чемъ она собственно нуждается и что хочетъ образовать прежде всего, —орудія чувственной воспріимчивости и дѣятельнаго движенія, — должна она теперь расчленить и пристроить вокругъ этого первичнаго кряжа неизбѣжнѣйшей внутренней постройки; ей должно тутъ же озаботиться и тѣмъ, чтобы наибольшую и специфическую пригодность этихъ орудій совмѣстить съ необходимыми требованіями однажды навсегда установившагося внутренняго строя. Пусть, говоря вообще, могутъ быть многоразличныя формы облика, выполняющія это требованіе и сами по себѣ,—въ тѣхъ именно случаяхъ, когда природа удовлетворяла бы, положимъ, своеобразную общую потребность каждаго отдѣльнаго рода новымъ, независимымъ путемъ пластическаго образованія и новыми избираемыми для того веществами. Но она принуждена допускать возникновеніе каждаго животнаго тѣла изъ такихъ веществъ, которыя въ химическомъ своемъ составѣ разнятся не до безконечности, а въ умѣренныхъ лишь предѣлахъ. И подобно тому, какъ во всякомъ веществѣ химическая природа обусловливаетъ форму будущаго его облика, такъ точно и число возможныхъ видообразованій, предоставляемыхъ химическимъ типомъ животному міру вообще, будетъ въ свою очередь не безгранично. Изъ соединенія всѣхъ упомянутыхъ здѣсь

Digitized by Google

условій произойдетъ, напротивъ, тотъ результатъ, что вообще только ограниченное число формъ останется въ качествѣ постоянно-выдерживаемыхъ образцовъ, и что каждая особенность сложенія, требуемая въ какой бы то ни было породѣ ея жизненною цѣлію, будетъ осуществляться не непосредственно, но всегда только путемъ видоизмѣненья или своеобразной выдѣлки той или другой части облика, заключавшейся уже въ общемъ типѣ, какъ одна изъ употребимыхъ въ дѣло возможностей. Такимъ образомъ морфотическій типъ, типъ облика извѣстнаго разряда животныхъ, представляется намъ только подъ-конецъ,—вовсе не изначала установленною идеальною формой, которой собственную знаменательность предлежало бы осуществить, но тѣмъ, благодаря лишь механической возможности, выполнимымъ видообразованіемъ, въ которомъ, при господствующихъ на землѣ условіяхъ, единственно и можетъ совмѣститься великое многоразличіе жизненныхъ формъ съ крайне ограниченнымъ и однороднымъ выборомъ способовъ, готовыхъ къ ихъ осуществленью.

Съ этими замѣчаніями воротимся мы опять къ ближайшей исходной точкѣ нашего изслѣдованія. Намъ казалось, что открытый нашему опыту міръ явленій, со всею дробностію его формъ, нельзя непосредственно вывесть изъ развивчиваго стремленія верховной міроосновы; онъ представлялся намъ только однимъ изъ многихъ возможныхъ наряду съ нимъ примѣровъ или образцовъ, и мы искали причины той своеобразности, съ какою, въ различіе отъ другихъ, только чаемыхъ нами, міропорядковъ, воплощаетъ онъ по-своему всеобщія мысли верховнаго начала бытія. Причину эту мы нашли въ особомъ характерѣ земной природы. Въ наблюдаемыхъ нами жизненныхъ формахъ очевидно вліяніе своеобразности земли; подборъ веществъ этой планеты, ея температура, атмосфера, все, чѣмъ разнится она отъ другихъ небесныхъ тѣлъ въ своихъ

Digitized by Google

физическихъ и метеорологическихъ отношеніяхъ, — все это выступаетъ здѣсь цѣлымъ рядомъ помѣхъ или благопріятствъ, вообще — формоопредѣлительныхъ условій, и обосновываетъ большую часть оригинальности порожденныхъ ею тварей, которую мы напрасно приняли бы за настоящее ядро и цѣль ихъ существованія, и должны по справедливости считать только за земную его форму.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Человѣкъ и животныя.

Череда животныхъ и ея значеніе. — Объемъ тѣла. — Тѣлесная сила. — Долговѣчность. — Потребность въ пищѣ. — Способность къ акклиматизаціи — Прямое (отвѣсное) положеніе. — Причины его и слѣдствія — Символика и красота тѣлосложенія.

Опредѣлить человѣку существенное его мѣсто въ ряду созданій, — вотъ умыселъ, побудившій насъ къ послѣднимъ соображеніямъ. Однакожь въ преемственномъ ходѣ ихъ повидимому улетучилась та цѣль, къ которой мы стремились: въ замѣнъ расчлененной лѣствицы, гдѣ любое отдѣльное существо нашло бы свое мѣсто въ качествѣ высшаго или низшаго члена цѣлой череды, явилось передъ нами вольное многоразличіе образованій; каждое изъ нихъ призвано къ особенному наслажденію, каждое опредѣлено въ своей формѣ приноровкою къ общему ходу природы, и ни одно не обязано подчиняться распорядку какой бы то ни было послѣдовательной череды и, своимъ относительнымъ въ ней положеніемъ, снискивать подобающую себѣ мѣру цѣнности и значенія. Мы, въ самомъ дѣлѣ, остаемся при этой мысли и положительно отрицаемъ, чтобъ произведеніе постепенной череды тварей было цѣлію природы само по себѣ, или чтобъ изъ ступени, подобающей въ этой лѣствицѣ каждому отдѣльному существу, можно было понять своеобразную природу его лучше и глубже,

Digitized by Google

нежели путемъ безпристрастнаго наблюденія, обращеннаго прямо на его явленье, на тѣлесный его обликъ и дѣеспособности, на всѣ особенности его положенія и образа жизни. И о человѣкѣ будемъ мы судить не иначе; если же насъ въ самомъ дѣлѣ интересовала попытка разъяснить отличительное положеніе его среди природы, то значенія этого положенія ищемъ мы не въ ступени той лѣствицы, на которой онъ, допустимъ, стоитъ, но въ своеобразности, въ сравнительныхъ выгодахъ и невыгодахъ той обстановки, съ которою организація его назначено быть во взаимнодѣйствіи.

Мы и тутъ разойдемся опять съ одною изъ сильно укоренившихся привычекъ. Философская наклонность, выводить необходимость отдѣльныхъ существъ изъ мысленнаго содержанія верховной причины, которой совокупность ихъ должна служить явнымъ противнемъ, рѣшительно повела къ искушенію предпочесть или предпоставить міръ формъ міру событій. Думали вполнѣ уразумѣть природу, лишь бы удалось распредѣлить въ извѣстный порядокъ постоянныя формы разнообразныхъ ея созданій; и мало значенія придавали самой жизни, развивающейся въ каждомъ членѣ этой пестрой череды. А междутѣмъ природа конечно ужь не стоячая, неподвижно распредѣленная система типическихъ обликовъ; она, напротивъ, безконечная, живая, шумная сумятица, въ которой несчетные экземпляры этихъ формъ услаждаются своимъ существованіемъ, мѣшаютъ и норовятъ другъ другу, играютъ, борятся, взаимно уничтожаются, и развиваютъ во всемъ этомъ безконечное чарующее обиліе характеристическихъ пріемовъ и настроеній. Тогда какъ естественная исторія былыхъ временъ неутомимо слѣдила всѣ отдѣльныя черты этой сказочно-блестящей картины, умозрительная наклонность, жаждущая видѣть всѣ созданія преимущественно лишь на томъ мѣстѣ, какое занимаютъ они въ развитіи безконечнаго, затемнила па-

Digitized by Google

мять о той естественно-истинной (т. е. индивидуальной) жизни природы. Въ систематическихъ условіяхъ теоріи мы, правда, видимъ четы или пары какъ бы подобранными на плясъ, но никогда не доходитъ у нихъ до самой пляски; онѣ словно ужь исполнили всю свою обязанность, разстановясь въ торжественномъ порядкѣ неподвижно.

Нѣтъ философскаго предразсудка, который намъ такъ желалось бы уничтожить, какъ именно это недоразумѣніе насчетъ мѣста, гдѣ искать настоящей цѣнности вещамъ, какъ это обоготвореніе покоящихся формъ, всеобщихъ первообразовъ, знаменательныхъ типовъ, это постоянное занятіе одними средствами, назначенными для живаго употребленія, причемъ остаются безъ послѣдствій всѣ хлопоты, никогда не доходя до настоящаго, рѣшительнаго употребленія въ дѣло этихъ средствъ. И не только въ области пониманія природы наклонность эта мѣшаетъ намъ услаждаться великою, раскрытою передъ нами картиной; ложные ея выводы вредятъ и при обсужденіи историческихъ событій. Напрасно, въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго ума, силится она украсить себя предлогомъ глубокой основательности: только карикатурою глубокомыслія можетъ быть часто повторяемое положенье, будто нельзя хорошо познать человѣка, не изучивъ наперед всѣхъ низшихъ членовъ животной череды, во главѣ которой стоять ему предназначено. Что за педантство воображать себѣ, будто человѣка поймет только тотъ, кто прежде понялъ инфузорія, насѣкомое и лягушку! Какая дерзость, сказать это въ виду цѣлыхъ тысячелѣтій человѣческой исторіи, въ теченіе которыхъ безъ сомнѣнія тысячекратно ощущалась вся значительность человѣческаго существованія среди самой страстной и горячей борьбы! А ужь конечно герои, которые вели ее, не сознавали себя при этомъ главами млекопитающихъ, и глубокомысленные люди, чьи открытія пролагали пути но-

Digitized by Google

вымъ успѣхамъ образованности, вѣрно руководились при томъ не думами о великомъ разстояніи, отдѣляющемъ человѣка отъ какого-нибудь изъ гадовъ въ ряду животныхъ. Познаніе человѣкомъ самого себя есть прежде всего познаніе его предназначенья, средствъ, данныхъ ему для достиженія послѣдняго и перечащихъ тому препятствій; если же и помимо этого есть еще какой-нибудь интересъ сравнивать человѣка и житейскій бытъ его съ жизнію тѣхъ окружающихъ насъ созданій, которыя идутъ каждое своимъ особеннымъ путемъ, то это уже такое малоцѣнное и ничтожное сравнительно отношенье, что полагать его въ основу тѣмъ неизмѣримо важнѣйшимъ соображеніямъ нѣтъ рѣшительно ни какой стати.

По всему этому мы отнюдь не намѣрены приступить къ своему изслѣдованію о существенныхъ свойствахъ человѣка окольнымъ путемъ предварительнаго обзора всего царства животныхъ; только немногими словами коснемся мы отношенія его къ человѣку, да и то не въ такомъ смыслѣ, какъ обыкновенно разсматриваютъ этотъ вопросъ. Хотя мы и не въ правѣ назвать преднамѣреньемъ природы восходящую постепенность въ живыхъ созданіяхъ, не льзя же намъ однако не допустить въ нихъ разноцѣнности, сравнимъ ли мы ихъ по бо́льшему или мѣньшему богатству видообразованія и членосостава, или по высотѣ и дальнометности ихъ жизненныхъ цѣлей. Помимо всякаго искательства и умысла съ нашей стороны въ этомъ сравненіи самъ собою выступитъ для насъ опять образъ восходящаго порядка или, точнѣе, выступятъ образы разныхъ порядковъ; потому что вѣдь отъ приложеннаго нами мѣрила, отъ интереса, привносимаго нами къ этому сравненью, будетъ зависѣть, въ какомъ именно порядкѣ совершенства представятся намъ одни и тѣ же существа. Физіологія охотно наблюдаетъ гармоническое согласіе многоразличныхъ перекрестныхъ отправленій, морфологія всего больше дорожитъ изслѣдованіе

Digitized by Google

емъ, къ какой степени гибкости и видоизмѣнчивости способенъ простой родовой типъ: обѣ онѣ признаютъ тѣмъ болѣе совершенства за животнымъ, чѣмъ болѣе найдутъ въ немъ многоразличныхъ дружно-дѣйствующихъ частей, чѣмъ явнѣе разныя отправленія распредѣлены въ немъ по особымъ органамъ, чѣмъ, наконецъ, богаче расчленены и многосторонѣе выработаны въ его обликѣ формоочертанія общеживотнаго типа. Напротивъ, другому взгляду, цѣнящему живое созданіе по величинѣ доступныхъ для него наслажденій и его собственныхъ дѣеспособностей, эта пестрота членосостава покажется сама по себѣ безразличною: онъ готовъ признать совершеннѣйшимъ самое простое, уютное и однородное образованье, достань лишь скудовидныхъ его средствъ для достиженія искомыхъ этимъ взглядомъ (внутреннихъ) цѣлей, и если, не смотря на то, онъ по большей части все-таки сойдется съ физіологическимъ и морфологическимъ взглядами, то единственно лишь въ силу того предположенья, что употребленіе въ дѣло бо́льшаго числа органическихъ средствъ всегда обличаетъ собою и стремленіе къ высшимъ жизненнымъ цѣлямъ.

Догадка эта подтверждается соображеніемъ преимуществъ типа организаціи, общаго человѣку съ позвоночными животными, которыхъ высшій разрядъ, — млекопитающія, — отдѣленъ отъ насъ ничуть не рѣзче того, какъ различаются между собой и разныя породы этого класса. Изъ мягкихъ массъ, не опирающихся въ своихъ формоочертаніяхъ ни на внѣшній, ни на внутренній остовъ твердыхъ частей, природа могла образовать только такихъ животныхъ, которымъ предстояло жить или въ вездѣ податливомъ, вездѣ равномѣрно гнетущемъ и поддерживающемъ элементѣ воды, или, пожалуй, и на сушѣ, но за то безъ всякой способности къ очень сильнымъ и разнообразнымъ движеніямъ и съ приноровкою лишь къ кругу возможно-одинакихъ внѣшнихъ условій. Мы не знаемъ въ точ-

Digitized by Google

ности причинъ, но подмѣчаемъ какъ фактъ, безъ сомнѣнія необходимо связанный съ такимъ типомъ образованія, что ни одно изъ этихъ безостовныхъ животныхъ не достигаетъ значительной величины и что расчлененіе внутренности тѣла на разные дѣйствующіе органы остается у нихъ менѣе совершеннымъ. Мягкость тѣлесной массы и большія видоизмѣненія, какимъ подлежитъ она вслѣдствіе внѣшнихъ случайностей, повидимому отстранили здѣсь цѣлесообразность такого распорядка, при которомъ поддержка жизни опирается на очень богатую гармоническую игру внутреннихъ органовъ, которыхъ безпрепятственное дѣйствіе не было бы способа достаточно оградить и обезпечить. Относительная простота этого поддерживающаго механизма и, пожалуй, невозможность надѣлить большія мягкія массы необходимой связностью при ихъ движеніи, вынудили потомъ ограничить тѣло вообще малымъ сравнительно объемомъ, такъ что и безъ особо-организованныхъ путей сквозь всю глубину его проникаютъ необходимые жизненные пособуды и разыгрываются въ немъ всѣ потребные для него химическіе процессы. Такія же отчасти обстоятельства замѣтны еще и у тѣхъ классовъ животныхъ, которымъ наружный, роговидный или камнеобразный, остовъ придаетъ твердо-опредѣленную форму тѣла. Хотя внутреннее расчлененіе ихъ очень тонко и разнообразно, міръ насѣкомыхъ и ближайше-сродственныя имъ группы представляются, сравнительно съ позвоночными, только миніатюрнымъ міромъ: тѣло ихъ доходитъ иногда до крайней мелкости, а между тѣмъ въ немъ нѣдрится чрезвычайная юркость и подвижность душевной жизни. Механизмъ наружнаго остова не благопріятствовалъ имъ къ достиженію большихъ размѣровъ. Оболочка эта могла служить щитомъ или отъ однихъ лишь незначительныхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ слабо и медленно, или для мелкихъ только тѣлъ, которыхъ паденіе достаточно умѣряется уже сопротивленіемъ

Digitized by Google

воздуха, и которыхъ мякоть, при внезапномъ препятствіи ихъ движенію, не слишкомъ ударяетъ своею собственною тяжестью о задерживаемый напередъ черепъ ея, или покровъ. Какъ скоро наружный остовъ хоть немного превышалъ скромные размѣры, то необходимая скрѣпа частей его между собою, неразлучное съ тѣмъ образованіе довольно большихъ твердыхъ бляхъ или пластинъ и, наконецъ, самый вѣсъ послѣднихъ должны были постоянно противорѣчить легкости и гибкости предназначенныхъ организму движеній: неудобства такого рода встрѣчаемъ мы даже и въ разрядѣ позвоночныхъ, у крокодиловъ и черепахъ, лишь только броненосцы эти покинутъ текучій элементъ воды (облегчающій имъ движеніе). Планъ внутренняго остова представляетъ, напротивъ, большія преимущества. Недвижная ось, идущая сквозь нутрь мягкаго тѣла, при одинаковомъ постоянствѣ формы, какую она ему придаетъ, далеко не такъ массивна, какъ наружный черепъ; а если эта ось подѣлена еще на пригнанныя другъ къ другу суставчатыя колѣна, то соприкасающіяся площадки каждаго сочлененія представляютъ гораздо меньшую поверхность, нежели представлялъ бы, напримѣръ, длинный суставочный шовъ, который, проходя между каждыхъ двухъ бляхъ черепа, обусловливалъ бы собою движеніе такого же размѣра. Ясно, какъ скрадываются здѣсь и тяжесть и степень сопротивленія въ пользу выигрывающей отъ того движущей силы.

Вотъ стало-быть первое преимущество, доставляемое этимъ общимъ типомъ позвоночнымъ животнымъ и человѣку: возможность для нихъ значительныхъ тѣлесныхъ массъ (при высокой степени подвижности). Несправедливо было бы считать это маловажнымъ и принимать за нѣчто безразличное размѣръ абсолютной величины, въ какомъ выполнено то или другое созданье. Для возможности человѣческаго образованія необходима извѣстная мѣра физической дѣеспособности, и всякая мень-

Digitized by Google

шая степень тѣлесной силы повела бы здѣсь не къ миловидному воспроизведенію такой же точно жизни, только въ маломъ видѣ, но не дала бы уже ни какой человѣческой жизни вообще. Правда, что многія насѣкомыя, соразмѣрно своему объему, одолѣваютъ тяжести больше нашего; правда, что и мы, благодаря остроумному приспособленію машинъ, совершаемъ еще несравненно болѣе противъ непосредственной своей силы: но все же послѣдняя непремѣнно должна быть такъ велика, чтобы смогла употребить въ дѣло всякія орудія, способныя полезно видоизмѣнять окружающіе насъ предметы. Эта-то степень силы, съ помощью которой мы строимъ машины и можемъ пользоваться ими, должна принадлежать намъ во всякомъ случаѣ, и она конечно составляетъ не уменьшимую произвольно, а въ извѣстной мѣрѣ постоянную величину. Какой ни дивный землекопъ муравей, а никогда ему не подъ силу ни земледѣліе, ни горное дѣло. Вѣдь корнямъ растеній неизбѣжно уходить въ почву на такую-то извѣстную глубину, а потому до такой именно глубины необходимо взрывать и землю: это предполагаетъ уже способность подымать извѣстныя массы почвы въ извѣстный срокъ времени на извѣстную высоту, то-есть предполагаетъ такую задачу, которая выполнима только при помощи твердыхъ и прочныхъ орудій, стало-быть—при обладаніи такою силою, которая способна обдѣлать камень или желѣзо и управлять обдѣланнымъ. Но крѣпость металловъ тоже вѣдь извѣстная величина, и мельчайшіе кусочки ихъ, за которые возьмется муравей, точно такъ же крѣпки, какъ и большіе: разнять и обработать эти крупинки меньшая сила не въ состояніи. Вся промышленость и техника основаны въ концѣ концовъ на затратѣ опредѣленной тѣлесной силы; и народу пигмеевъ, какъ бы ни многосторонняя была его дѣятельность, никогда не достигнуть той человѣческой культуры, которая возникаетъ изъ способ-

Digitized by Google

ности легко ворочать даже и массами, и которая смогла поэтому дойдти до обзора цѣлой земной поверхности, до посредственнаго одолѣнія хотя и не всякой мѣры, но всякаго почти рода, препятствій, наконецъ—до произвольнаго пользованія чуть не всѣми въ мірѣ веществами, какъ бы недоступны ни были они ей сперва.

Присовокупимъ къ этому еще другое, не менѣе замѣчательное, преимущество. Не вполнѣ объяснима физіологически, но на дѣлѣ дознана ограниченная долговѣчность не только безостовныхъ, но и всѣхъ безпозвоночныхъ животныхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ короткій ихъ вѣкъ зачастую наполненъ удивительнымъ разнообразіемъ превращеній ихъ облика и образа жезни. Обѣ эти отличительныя черты представляются у нихъ близкими слѣдствіями малообъемности тѣла; вѣроятно, сила отпора внѣшнимъ вліяніямъ и перемѣнчивости внутреннихъ соотношеній вообще невелика въ немъ и потому едвали способна противостоять разложенію въ одной и той же спокойной формѣ: она поддерживаетъ его нѣкоторое время, благодаря лишь постоянному преобразованію. И то и другое обстоятельство равно неблагопріятны для развитія духовной жизни; они замыкаютъ всю жизнь животнаго въ одинъ или въ немногіе срочные кругообороты природы и тѣмъ самымъ неизбѣжно задерживаютъ то образованіе, которое могло бы возникнуть только изъ надоумки повторительнымъ опытомъ: теченіе года, съ его стройной чередою всѣхъ жизненныхъ фазисовъ, не повторяется вѣдь для мелкихъ животныхъ нарочно въ маломъ видѣ; одни только долговѣчныя испытываютъ на себѣ правильность возврата періодическихъ зрѣлищъ природы. Но даже и спѣшное развитіе, быстрый ростъ и потомъ отцвѣтъ, разныя часто-повторяющіяся превращенья,—вся эта внутренняя тревога и сумятица отнюдь не могутъ предоставить душевной жизни того непрерывнаго, сознательнаго, вдумчиваго развитія, какое ста-

Digitized by Google

новится возможнымъ для долговѣчнѣйшаго позвоночнаго животнаго, благодаря медленному и однородному ходу его жизни, благодаря мѣрному многоразличію его внѣшнихъ впечатлѣній и сравнительному тожеству его жизненныхъ чувствъ.

На первый взглядъ, ни въ одномъ изъ этихъ отношеній человѣкъ не стоитъ во главѣ животной череды: величиною и силой тѣла превосходятъ его многіе изъ обычныхъ его спутниковъ, домашнихъ животныхъ; въ долговѣчности уступаетъ онъ колоссамъ млекопитающихъ и многимъ ниже стоящимъ породамъ; въ подвижности отстаетъ отъ своей каррикатуры, обезьяны. Но, всмотрѣвшись ближе, мы тѣмъ не менѣе убѣдимся въ превосходствѣ его организаціи. Есть безъ сомнѣнія предѣлъ, за которымъ выгоды возростающей тѣлесной массы обращаются въ ущербъ высотѣ развитія и становятся несовмѣстны съ тѣми благопріятными условіями, какія стремится доставить жизни типъ позвоночныхъ. Представимъ себѣ костякъ млекопитающаго одинаково увеличеннымъ во всѣхъ размѣрахъ: тогда тяжесть костей возрастетъ вмѣстѣ съ ихъ длиной и поперечникомъ, но сила на столько же увеличенныхъ мышцъ, назначенныхъ служить имъ къ движенію, выиграетъ не отъ возросшей длины ихъ, а отъ одной прибыли въ поперечникѣ, завися только отъ бо́льшаго числа дѣйствующихъ волоконъ, которыя, при этомъ поперечникѣ, умѣстятся рядомъ. Если понадобилось бы наверстать такую несоразмѣрность между силою и тяжестью, то мышцамъ пришлось бы утолститься въ бо́льшемъ содержаніи противъ костей, а отсюда произошелъ бы очевидно уже болѣе дебелый тѣлесный обликъ, у котораго промежутки костяка наполнились бы значительнѣйшими мясистыми массами, или сократилась бы по возможности длина костей, чтобъ вознаградить эту перемѣну съ противоположной стороны уменьшеніемъ невыгодныхъ ры-

Digitized by Google

чажныхъ отношеній *). Такія плотныя, приземистыя формы тѣла могутъ, правда оказывать необыкновенную силу, но сравнительно—менѣе полезнымъ образомъ; такъ какъ неповоротливость ихъ или тѣ односторонніе направленія, въ какихъ они способны двигаться все-таки еще повольнѣе, мѣшаютъ имъ быстро переносить свою способность на ту или другую точку по мѣрѣ нужды и чрезъ то самое пользоваться своими силами какъ слѣдуетъ. Мы удивляемся страшной силѣ гиппопотама и слона, но по-настоящему это скорѣе вѣдь разрушающая нежели рабочая сила, и мы были бы въ затрудненіи, прійдись намъ указать, какія соразмѣрно-большія выгоды этотъ трудно употребимый капиталъ могъ бы доставить самимъ тѣмъ животнымъ въ отношеніяхъ естественнаго ихъ быта. Не громадная эта величина, но надѣленіе слона подвижнымъ хоботомъ,—вотъ что оспособляетъ его къ такимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ онъ оказывается умнѣе, изворотливѣе и могучѣе всѣхъ другихъ чудовищныхъ звѣрей. Итакъ, многосторонняя, живая подвижность безъ значительной силы дана въ удѣлъ мелкимъ созданіямъ, а страшная сила безъ соразмѣрной ловкости, или пригодная только въ извѣстныхъ формахъ движенья, досталась на долю самыхъ большихъ; между этими двумя крайностями стоитъ человѣкъ въ той, повидимому, серединѣ, которая, совокупляя обѣ въ равновѣсіе многосторонпѣйшей употребимости или угоды, должна почесться настоящею вершиной всей животной череды.

Сомнительно, можно ли сказать то же самое и вразсужденіи долговѣчности животныхъ. Мы считаемъ себя въ правѣ сожалѣть о тѣхъ слишкомъ преходящихъ породахъ, которымъ кратковременная жизнь дозволяетъ взглянуть только на

*) Едвали нужно напоминать при этомъ случаѣ, что кости двигутся по механическимъ законамъ рычага.

Digitized by Google

небольшой клочокъ кругооборота природы; съ другой стороны мы не пожелали бы жизни бо́льшаго продолженія, чѣмъ нужно для того, чтобы совокупность судебъ, способныхъ доставить ей наслажденіе, была извѣдана ею вполнѣ, и чтобъ почерпаемая отсюда радость успѣла сложиться въ постоянное, преобладающее настроеніе. Въ силу такого мнѣнія намъ можетъ, пожалуй, казаться, что животныя ничего не выигрываютъ своею, иногда бо́льшею, долговѣчностью. По завершеніи ихъ роста, организація ихъ уже не заключаетъ въ себѣ ни какихъ дальнѣйшихъ средствъ ставить ихъ годъ отъ году все въ новыя и новыя положенія, дѣйствительно достойныя участія, возвышающія цѣну и красу ихъ внутренней жизни: ежегодно представляются имъ опять одни и тѣ же наблюденія. Слѣдовательно, и въ этомъ смыслѣ, удѣлъ человѣка можетъ быть счастливѣйшій изъ всѣхъ. Съ одной стороны, намъ не хотѣлось бы противорѣчить тѣмъ жалобамъ, которыя, сознавая, какъ безгранично побуждаемся мы своими опытами всегда къ новому усовершенію, находятъ жизнь слишкомъ короткою для того, чтобы исчерпать эту обильную задачу; съ другой стороны, въ насъ невольно коренится чувство, что, рядомъ съ этою всегда новою разновидностью отдѣльнаго лица, великія жизненныя событія, въ которыхъ духъ нашъ принимаетъ глубочайшее участье, такъ же исчерпаемы для насъ, какъ и великія, многообъемлющія истины, кажущіяся доступными нашему уму. Мы все-таки допускаемъ же вѣдь въ тайнѣ, что главнѣйшее изъ всего, представляемаго намъ этимъ земнымъ существованіемъ, легко умѣщается въ естественныхъ предѣлахъ нашей жизни, и что значительно-бо́льшая долговѣчность не возвысила бы, а лишь постепенно умалила наше благополучіе. Поэтому, если и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ наша жизнь едвали когда продолжается два вѣка, а обыкновенно не достигаетъ даже и полнаго столѣтія, тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе, совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ свойственныхъ нашей организаціи преимуществъ порождается и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ такое многостороннее развитіе и такое богатство внутренней жизни, какихъ не дано въ удѣлъ ни одному роду смертныхъ, кромѣ человѣка, являющагося и здѣсь настоящею вершиной живаго созданія. Онъ переживаетъ не одно поколѣніе ближайшихъ своихъ спутниковъ, домашнихъ животныхъ, и часто видитъ передъ собой внуковъ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми игралъ въ дѣтствѣ, какъ съ сверстниками; напротивъ то, что̀ переживаетъ его самого и даже его поколѣнія, лежитъ бо̀льшею частью за предѣлами близкаго его кругозора, и онъ только слышитъ расказы о немъ, не имѣя никогда передъ глазами этой долговѣчности, которая уже слишкомъ напоминала бы ему его собственную бренность: такимъ образомъ онъ чувствуетъ себя поставленнымъ въ настоящую середину. Быть-можетъ особаго рода чувство рождается у него въ иныхъ краяхъ, гдѣ онъ видитъ вокругъ себя тѣхъ самыхъ слоновъ, которые брали пищу изъ рукъ его дѣда и будутъ потомъ брать ее изъ рукъ внуковъ, — были сверстниками прежнихъ поколѣній и обречены жить съ грядущими; тогда какъ въ нашей полосѣ эти далекія, отрадныя или грустныя, мечты, воспоминанія и надежды могутъ опираться развѣ лишь на тихіе образы вѣковѣчныхъ деревъ.

Намъ впрочемъ весьма мало извѣстны механическія причины, опредѣляющія мѣру долговѣчности. Въ предѣлахъ одного и того же типа организаціи; тѣлесная величина безспорно имѣетъ на тѣло удолговѣчивающее вліяніе, но не менѣе сильно дѣйствуетъ тутъ и жизненный планъ породы, недоступный намъ непосредственно въ общемъ своемъ значеніи, а просвѣчивающій только въ отличительномъ по̀шибѣ тѣлосложенья. Сильная и безпрерывная подвижность изводитъ массу органическихъ частей, и быстроногія породы гонныхъ животныхъ,

Digitized by Google

собакъ, даже обезьянъ, уступаютъ въ долговѣчности не только человѣку, но и большимъ хищнымъ звѣрямъ, удовлетворяющимъ свои потребности одиночными энергическими порывами, но не предающимся чрезмѣрному движенью. Такъ точно быстрый, могучій, но притомъ спокойный летъ орла нуждается въ сравнительно мѣньшемъ напряженіи противъ непосѣдной тревоги перепархиванія, изводящей легкое тѣло мелкихъ птичекъ. Неповоротливость земноводныхъ дозволила, напротивъ, и мелкимъ разрядамъ ихъ гораздо бо́льшую долговѣчность, а природа, повидимому, еще усилила преимущество это тѣмъ, что отступилась здѣсь отъ постоянной теплоты крови. Для всѣхъ вообще тварей, которыхъ жизнь должна составлять ровный потокъ дѣятельности, не перемежающійся періодами онѣмѣнія или зимней спячки, самостоятельность одинаковой температуры была неизбѣжною необходимостью, но вмѣстѣ и источникомъ многихъ внутреннихъ разстройствъ. Изъ разнообразныхъ этихъ возможностей человѣческая организація избрала себѣ наивыгоднѣйшую,—всегда готовое, всегда бдительное, но не изводящееся въ безцѣльной тревогѣ соединеніе силы и многосторонней подвижности, которое никогда не совершитъ разомъ ничего чрезмѣрнаго, но въ теченіе цѣлой жизни имѣетъ довольно времени совокупить одиночныя свои дѣйствія въ одно знаменательное цѣлое.

Какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, такъ и вразсужденіи внѣшнихъ жизненныхъ потребностей, природа поставила человѣка выгоднѣе всѣхъ другихъ созданій. Извѣстно, въ какой тѣсной чужеядственной связи съ крайне ограниченнымъ поприщемъ жизни находится большая часть низшей сферы животнаго царства, получая отъ одной этой почвы и пригодную для себя пищу, и прочія необходимыя условія существованія. Всѣ позвоночныя свободны отъ этихъ грубѣйшихъ узъ (чужеядственнаго отношенія къ какой-либо части другаго существа),

Digitized by Google

приковывающихъ животное къ извѣстному клочку почвы; однако тѣмъ не менѣе даже и многія породы млекопитающихъ, изъ-за особой пищи, къ которой исключительно влечетъ ихъ инстинктъ, прикрѣплены къ необширнымъ сравнительно мѣстамъ водa и зависятъ отъ власти очень перемѣнчивыхъ обстоятельствъ. Въ организаціи человѣка обойдено даже и послѣднее, самое впрочемъ широкое, изъ всѣхъ подобныхъ ограниченій,— предназначеніе питаться исключительно либо растительностью, либо мясомъ. Его зѣвъ снабженъ зубными формами и плотоядныхъ, и травоядныхъ вмѣстѣ; сочлененіе челюстей приноровлено у него такъ, что равно допускаетъ ихъ и энергически смыкаться сверху внизъ, и тереться другъ о друга въ горизонтальномъ направленіи; длина и устройство его кишечнаго канала столько же способны къ медленному усвоенію растительной пищи, какъ и къ быстрѣйшей переваркѣ мясъ. Кругъ средствъ возможной самоподдержки очерченъ для человѣка широко; съ другой же стороны онъ надѣленъ способностью довольствоваться только небольшою долею этого обширнаго круга. Необходимыя ему для питанія существенныя составныя части, бѣлковинныя тѣла, вещества изъ группы крахмала, сахару и жировъ, распространены, хотя и не вездѣ въ равно-выгодныхъ содержаніяхъ, такъ же по растительному царству, какъ и по животному, и опытъ представляетъ намъ примѣры народовъ, извлекающихъ себѣ пищу преимущественно или почти исключительно изъ того, либо изъ другаго.

Но мнѣ хотѣлось бы присовокупить, что человѣческая организація даже не терпитъ и значительныхъ ущербовъ въ своей жизнедѣятельности, ограничиваясь только небольшою долей даннаго въ ея распоряженіе міра веществъ, хотя конечно не способна вынести или наверстать дѣйствительный недостатокъ въ необходимомъ. Принятыя нынѣ мнѣнія судятъ объ этомъ иначе и готовы, пожалуй, утверждать, будто отъ

Digitized by Google

рода и количества пищи прямо и непосредственно зависятъ характеръ и величина тѣлесной и духовной жизненной силы. Сказать правду, точныя наши свѣдѣнія объ этой части животной экономіи очень еще невелики; вѣроятно только то, что въ кругу болѣе знакомой намъ образованной жизни пищеупотребленіе, считающееся необходимымъ, часто далеко превышаетъ дѣйствительную надобность. Одна лишь поддержка теплоты можетъ вести къ необходимости потреблять довольно большія массы, а это повидимому удобнѣе достигается путемъ растительной пищи въ теплыхъ климатахъ, и животно-жировой въ холодныхъ; напротивъ, издержка тѣла собственно въ отправленіяхъ требуетъ уже конечно гораздо менѣе и едвали нуждается для своей наверстки въ значительномъ пріемѣ мясныхъ яствъ, неоспоримо самыхъ для того пригодныхъ. Излишекъ поглощаемыхъ веществъ вѣроятно идетъ или на полезное пріумноженіе силы тѣла, или только попусту обременяетъ собою дѣятельности, орудущія въ немъ смѣной вещества, навязывая имъ напрасную работу вознаграждать то, что могло бы еще обойтись и безъ всякаго вознагражденія. Не нужно упоминать о множествѣ болѣзней, явно происходящихъ отъ послѣдняго обстоятельства; что же касается до перваго случая, то каждое живое тѣло надѣлено извѣстною пищеемкостью, которая не дозволитъ ему полезно употребить въ дѣло любой произвольно-принятый излишекъ яствъ. Способность усвоенія развивается постояннымъ упражненіемъ силъ тѣлесныхъ, и только при этомъ условіи болѣе обильная и лучшая пища можетъ содѣйствовать ихъ росту и укрѣпленію. Чтобы для достиженія такой цѣли мясная пища была гораздо лучшимъ средствомъ нежели растительная и чтобы отъ этого выбора такъ же необходимо зависѣла живость духовныхъ отправленій, это справедливо не въ той степени, да и не томъ смыслѣ, въ какихъ часто выставляются оба эти положенія.

Digitized by Google

Взглянемъ ли мы во-первыхъ на животное царство вообще, то найдемъ, что напримѣръ у быка нашихъ стадъ нѣтъ недостатка ни въ тѣлесной силѣ, ни въ храбрости, ни же въ задорѣ, хотя онъ ѣстъ ту же самую траву, что и гораздо смирнѣйшія коровы; громадная сила медвѣдей и слоновъ поддерживается по большой части растительною пищею; кровожадная гіэна не обнаруживаетъ, напротивъ, ни большой силы, ни мужества. Если въ опроверженіе приводятъ льва и подобныхъ ему звѣрей, то вѣдь и они всего свирѣпѣе голодные, когда сталобыть терпятъ недостатокъ въ мясной пищѣ; такъ что отвагу ихъ можно по крайней мѣрѣ настолько-же признать за средство, данное имъ природою для удовлетворенія ихъ потребностей, какъ и за послѣдствіе того вещества, въ которомъ находятъ они это удовлетвореніе. Подвижность и смышленость животнаго также не неразрывно связаны съ родомъ его пищи: травоядной овцѣ противостоятъ серна и носорогъ, а плотоядной собакѣ—лошадь. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ предѣлахъ одного и тото же общаго типа млекопитающихъ природа властна производить всѣ возможныя степени тѣлесной силы и духовной живости путемъ самыхъ разнообразныхъ способовъ питанія. Причина разностей должна поэтому заключаться въ прирожденныхъ особенностяхъ каждаго разряда, и кто вздумалъ бы утверждать такую коренную разнозначительность питанія для людей, тому надлежало бы опереться на опыты, а не на доктринерскую оцѣнку питательной силы тѣхъ или другихъ веществъ,—оцѣнку, обличаемую въ несостоятельности вышеприведенными фактами, которые легко было бы пріумножить еще бездною другихъ. Всѣ таблицы, распредѣляющія питательныя средства по содержанію въ нихъ бѣлка или углеводныхъ соединеній, въ качествѣ болѣе или менѣе хорошихъ подспорьевъ тѣлесной силѣ или теплотѣ, могутъ показать только одно, что въ по-

Digitized by Google

нанутыхъ нами веществахъ содержится извѣстное количество пригоднаго матеріяла, если только способна воспользоваться имъ та организація, которой ихъ предлагаютъ. Но завѣренія въ наличности этого послѣдняго условія тутъ именно и недостаетъ. Между двумя веществами, равно обильными бѣлкомъ, могутъ существовать въ ихъ группировкѣ, плотности, смѣшеніи съ другими частицами, такія различія, вслѣдствіе которыхъ одно изъ этихъ веществъ много уступаетъ другому въ дѣйствительной пользѣ для животной организаціи *). Развѣ не часто случается намъ видѣть на опытѣ пристрастіе къ одному роду пищи и рядомъ съ нимъ такое отвращеніе отъ другой, которое доходитъ до совершенной неспособности ее переваривать, хотя по всѣмъ химическимъ свойствамъ она въ самомъ близкомъ сродствѣ съ первою. Благодаря такимъ побочнымъ обстоятельствамъ, вещество съ гораздо мѣньшимъ питательнымъ содержаніемъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ питательнѣе другаго, представляющаго полезные элементы въ бо́льшемъ сосредоточеніи и обиліи, но не въ столь благопріятныхъ для организма формахъ.

Если мы обратимся теперь къ опыту, то найдемъ, что обильная пища вообще, а мясная въ особенности, безъ соотвѣтственныхъ тѣлесныхъ напряженій, не пріумножаетъ силу, но производитъ только излишнее обремененіе и разныя внутреннія разстройства; живое упражненіе нашихъ силъ, подкрѣпляемое избыткомъ мясной пищи, развиваетъ правда

*) Такими же, еще непонятными для насъ, различіями должно, повидимому, объяснять и тѣ изумительныя на первый взглядъ разнородности, въ какихъ представляются иногда вещества, тожественныя по своему химическому составу: такъ, напримѣръ, волокно хлопчатника, молочный сахаръ и кислота крапивной капусты состоятъ, по свидѣтельству химическаго анализа, изъ углерода, водорода и кислорода совершенно въ одинаковыхъ пропорціяхъ.

Digitized by Google

дюжесть тѣла, но отнюдь не всю возможную прочность здоровья, такъ какъ привычка къ обильному вознагражденію уменьшаетъ способность переносить его недостатокъ; то же упражненіе, при умѣренной, но достаточной пищѣ, развиваетъ рядомъ съ значительной, хотя и не наибольшею еще, тѣлесною силой, тѣ крѣпкожильныя сложенія, которыя сносливы на всякой трудъ и повидимому особенно долговѣчны; тѣлесныя упражненія безъ достаточныхъ наверстокъ пищею приводятъ къ преждевременной дряхлости, но нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы это ослабленіе организма причинялось перевѣсомъ растительной пищи надъ мясною. Когда же вздумаютъ выводить непосредственно изъ лучшихъ яствъ высшее духовное развитіе человѣка, то совершенно уже удаляются отъ показаній опыта. Холодные чердаки, куда часто почти совсѣмъ не проникало другой пищи, кромѣ скуднаго куска хлѣба, видали въ стѣнахъ своихъ рожденіе такихъ безсмертныхъ идей, какихъ не представляютъ намъ роскошные пиры современныхъ талантовъ, и новое поколѣніе, открывшее наконецъ въ избыткѣ фосфора прямой путь къ возвышенію ума, находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и готовое сокровище познаній, которое накопили для него прошлыя столѣтія, ничего не вѣдавшія объ этомъ легкомъ способѣ, и которое трудно будетъ перещеголять замѣтно-ускоренною быстротою. Еслижь, наконецъ, не столько разумъ, сколько готовую на дѣло энергію, назвать плодомъ или порожденьемъ лучшаго питанія, то подобная мысль заставила бы насъ печально оглянуться на ту дѣятельность, какою въ недавнія еще времена отличались наилучше питаемыя части народа: изъ нихъ энергически дѣйствовали развѣ лишь тѣ однѣ, которыя и прежде пользовались выпавшими имъ на долю благопріятнѣйшими матеріальными условіями для упражненія силъ своихъ въ настоящемъ дѣлѣ. Но что онѣ поступали именно такъ, это уже заслуга того мужества, котораго

Digitized by Google

энергія не зависитъ отъ пищи, но которому нельзя поставить въ укоръ того, что возможности снискать силу для свершенія своихъ замысловъ ищетъ оно и въ достаточномъ питательномъ подспорьѣ. Вѣдь никто не рѣшится отрицать тотъ фактъ, что сила эта находится въ связи съ состояніемъ тѣлесной организаціи; если же, повидимому, и самый огонь воли и его устойчивость обусловливаются иногда непосредственно тою же причиной, то мы считаемъ возможнымъ допустить подобное явленіе только въ случаяхъ несомнѣнной болѣзненности; тогда какъ, говоря вообще, печальный упадокъ мужества, и въ дѣлѣ знанія, и въ дѣлѣ жизни, настаетъ гораздо болѣе окольнымъ путемъ, отъ стеченія неблагопріятныхъ общественныхъ состояній, изъ которыхъ духовное наше бытіе тщетно силится извлечь подобающую ему пищу.

На этой независимости отъ опредѣленной формы питанія частію основана способность человѣческаго рода сживаться съ разнообразнѣйшими климатическими условіями. Она происходитъ однакожь не отъ одной этой причины, и многоразличныя породы животныхъ уступаютъ въ этомъ человѣку не по одной лишь особенности пригоднаго для нихъ корма. Одѣвая звѣрей періодически то густымъ, то болѣе жидкимъ волосомъ, природа хотя и снабдила ихъ самою явною защитой отъ сильныхъ перемѣнъ температуры, однакожь только немногіе изъ нихъ въ состояніи переносить большія уклоненія отъ естественнаго имъ климата; да и эти оспособляются къ тому единственно лишь тѣмъ, что, въ качествѣ домашнихъ животныхъ человѣка, пользуются постояннымъ уходомъ и хранительнымъ пріютомъ, уготовляемыми его заботливой рукою. Большей части породъ нейдетъ въ прокъ даже обычная имъ пища, какъ скоро онѣ удалены отъ естественной обстановки своей въ жизненномъ быту. Если въ организаціи ихъ и есть такія малоизвѣстныя намъ невыгодныя обстоятель-

Digitized by Google

ства, которыя мѣшаютъ имъ оклиматиться, то съ другой стороны не вѣроятно, чтобы тѣло человѣка представляло гораздо благопріятнѣйшія къ тому условія, само по себѣ. Онъ, напротивъ, былъ бы еще скорѣе обреченъ на гибель, не опирайся онъ ни на что, кромѣ пособія органическихъ своихъ отправленій, и не обладай сверхъ того водимымъ духовною сообразительностью рукодѣльнымъ искусствомъ, приготовлять себѣ множество перемѣнныхъ и дѣйствительно гораздо надежнѣйшихъ охранныхъ средствъ. Что природа предоставила ему руки въ совершенно свободное распоряженіе для удовлетворенія многоразличнѣйшихъ нуждъ и не обрекла ихъ исключительно на службу подпирать тѣло, на этомъ основано истинное и великое значеніе прямо-отвѣснаго его положенія, въ которомъ видѣли искони преимущество человѣческаго строя надъ всѣми ближайшими къ нему организмами животныхъ.

Болѣе поэтическій нежели научный, иногда болѣе сантиментальный чѣмъ положительный взглядъ, искалъ смысла этого характеристическаго признака, кажется, не тамъ, гдѣ надлежало. Пусть эстетическое чувство видитъ въ прямизнѣ тѣла символъ назначенія возвыситься надъ землей и обратиться челомъ къ небу; но нельзя же спорить противъ того, что четвероногимъ равно удобно подмѣчать всѣ звѣзды небосклона, а отыскивать ихъ въ зенитѣ стоитъ во всякомъ случая неудобнаго заноса головы и намъ. Да и не пригнуты же такъ рѣшительно къ землѣ головы всѣхъ другихъ животныхъ: камелопардъ и верблюдъ, благодаря прямизнѣ ихъ длинной шеи, могли бы похвалиться кругозоромъ еще гораздо обширнѣе нашего. Даже и легчайшее прикосновеніе къ землѣ двумя только ногами не составляетъ нашего исключительнаго преимущества: всѣ птицы дѣлятъ его съ нами наравнѣ. Что наконецъ долевая ось нашего тѣла стоитъ почти совсѣмъ пря-

Digitized by Google

но, тогда какъ у птицъ по крайней мѣрѣ задняя часть обыкновенно держится въ горизонтальномъ направленіи, — вотъ единственная, можно сказать всеобщая, у насъ съ ними разность; но на ней едвали захотимъ мы основать свое первенство. Напротивъ, и отъ птицъ и отъ млекопитающихъ рѣшительно рознитъ насъ свободное и многостороннее назначеніе рукъ, организованныхъ не для опоры тѣлу и не какъ крылья, въ видѣ орудій его движенія, но для безконечнаго разнообразія всякихъ отправленій.

Въ предназначенной намъ прямизнѣ старались высмотрѣть какое то господствующее вліяніе на всю остальную формацію человѣческаго тѣла, и часто вполнѣ основательно, хотя мы отнюдь не раздѣляемъ того восторженнаго увлеченья, съ какимъ Гердеръ готовъ былъ выводить изъ одного этого источника всѣ почти преимущества человѣческой природы. Но такъ какъ для насъ не было бы возможности понять, почему отвѣсная линія сама по себѣ благороднѣе горизонтальной, то кажется слѣдуетъ начать съ того, чтобъ вникнуть напередъ въ необходимость этого отвѣснаго положенія, которое составляетъ преимущество вѣдь не само же по себѣ, а единственно лишь потому, что оно неизбѣжное условіе высшей жизнедѣятельности. Я считаю возможнымъ доказать, что для существа, принадлежащаго по своему строенію къ типу млекососущихъ, досужая пользоупотребимость рукъ, которой безконечную цѣну разберемъ мы впослѣдствіи, мыслима только подъ условіемъ отвѣснаго положенія. Для насѣкомыхъ и другихъ нижнихъ тварей вопросъ сталъ бы уже иначе. Природа надѣлила ихъ бо́льшимъ числомъ членовъ, такъ что для горизонтальнаго положенія осталось бы все-таки вдоволь опоръ, еслибъ даже нѣкоторые члены и развились у нихъ въ болѣе или менѣе досужія руки: да насѣкомыя и дѣйствительно имѣютъ въ сяжкахъ, щупальцахъ и клещахъ органы подобнаго же от-

Digitized by Google

части значенья. Типъ млекопитающаго представляетъ всего-на-все двѣ пары членовъ: при посвященіи одной изъ нихъ тому вполнѣ свободному движенію, опора-болѣе массивнаго здѣсь тѣла приходилась уже всецѣльно на долю другой пары, и въ отвѣсную долевую ось ея, если принять спервa въ расчетъ одно лишь спокойное положеніе, долженъ упадать центръ тяжести всего тѣла вообще. Это однакожь не ведетъ насъ непосредственно къ тому, что́ мы зовемъ прямизною человѣка: строеніе птицъ также разрѣшаетъ эту механическую задачу, но при господствующей горизонтальности значительнѣйшей массы тѣла. Тазовыя кости птицы удлиннены болѣе назадъ, къ хвостовымъ позвонкамъ примкнуто опахало перьевъ. Хвостъ часто гораздо длиннѣе туловища и, не смотря на небольшую свою тяжесть, онъ пользуется, при выгодныхъ рычажныхъ условіяхъ, отпоромъ воздуха, чтобъ дѣйствовать въ видѣ противовѣсія тяжести тѣла, простирающагося по другую сторону общей точки вращенья (то-есть ногъ). Остроугольный сгибъ бедра въ эту же переднюю сторону, и сила мышечнаго дѣйствія, держащая его преимущественно въ этомъ направленьи, переноситъ точку вращенія, которая приходилась бы собственно въ срединѣ поперечной линіи между головками бедряныхъ костей, то-есть подаетъ ее къ переду, ближе къ центру тяжести всего тѣла; наконецъ у многихъ породъ незначительный уже и самъ по себѣ вѣсъ головы закидывается длинною изогнутою шеей также къ срединѣ тѣла, ближе къ центру тяжести, а въ нѣкоторыхъ положеніяхъ даже и дальше, такъ что голова можетъ съ своей стороны служить противовѣсіемъ передней части тѣла. Такимъ-то образомъ овозможена здѣсь двуножная ходьба, а рукамъ данъ просторъ развиться въ крылья. Но чтобы имъ быть пригодными на летъ, не слѣдовало обременять ихъ передвиженіемъ тѣла значительной тяжести; экономія массъ, ставшая необходи-

Digitized by Google

мостью для птицъ, разительно обнаруживается между прочимъ въ тонинѣ ногъ, которыхъ движущія мышцы расположены подъ самымъ туловищемъ, тогда какъ долевая ось ноги сопровождается только крѣпкими, тонкими, сухожильями. Отсюда та ненадежность равновѣсія или зыбкость, какую замѣчаемъ мы въ тѣлѣ птицъ. Легкая масса ногъ не всегда можетъ однимъ вѣсомъ своимъ противодѣйствовать перемѣщеніямъ центра тяжести за предѣлы той площади, въ которой онѣ служатъ ему опорой *; вотъ отчего каждому неравновѣсію въ своемъ положеніи птица силится пособить движеньями и крыльевъ, и хвоста, и головы, и только совокупнымъ ихъ дѣйствіемъ сдерживается наклонность ея къ паденію, для чего она отчасти пользуется упоромъ воздуха, отчасти же, мѣняя свои положенія, перемѣщаетъ центръ тяжести всего тѣла. Это стремленіе къ равновѣсію даже и въ спокойной походкѣ обличается у птицъ безпрерывною подачею впередъ и отдачею назадъ шеи (т. е. покачиваніемъ).

Организація млекососущаго не представляла такого рода способовъ; она не могла уравновѣсить гораздо болѣе массивное тѣло въ горизонтальномъ направленіи на двухъ тонкихъ столбахъ, не будучи въ состояніи придать ему ни раскиднаго перистаго хвоста въ видѣ противовѣсія, ни крыльевъ, которыми, упираясь въ воздухъ, могло бы оно сдерживать перевѣсъ передней половины тѣла. Положимъ, затѣйливое остроуміе готово придумать разныя чудовидныя перемѣны формъ, которыя быть-можетъ и привели бы къ этой цѣли; но онѣ навѣрно уклонились бы отъ однажды установленнаго типа млекососущихъ гораздо далѣе, нежели выборъ, дѣйствительно усвоенный природой, то-есть отвѣсное положеніе долевой оси со всѣми видоизмѣненіями облика, неизбѣжными при этомъ пер-

* То-есть площади бедренаго сочлененія.

Digitized by Google

вомъ условіи. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ образованіе ногъ. Во-первыхъ массивность ихъ, которою человѣкъ отличается отъ всѣхъ ближайшихъ къ нему животныхъ: даже и четыре ноги слона составляютъ меньшую часть массы его тѣла, нежели двѣ ноги человѣка сравнительно съ его собственною массою. Такая полнота была необходима для того, чтобы съ одной стороны уравновѣсить значительную тяжесть тѣла при общемъ перемѣщеніи ея относительно къ оси ногъ, при наклонѣ или растяженіи, съ другой стороны — чтобъ овозможить самыя эти движенія посредствомъ усиленнаго дѣйствія мышцъ. Вотъ почему тазъ и соединеніе его съ вершиной бедряной кости окружены такимъ избыткомъ послѣднихъ, въ сравненіи съ которымъ этотъ снарядъ у обезьянъ отличается самой жалкой скудостью. Та же мышечная полнота идетъ и ниже бедръ, ибо только на головкахъ ихъ сочлененія держится все туловище, и всякій поворотъ его въ сторону, производимый человѣкомъ стоймя, требуетъ противоположнаго уклона обѣихъ ногъ отъ прежняго вертикальнаго направленія ихъ оси, такъ какъ соединительная линія тѣхъ головокъ должна принять въ каждомъ подобномъ случаѣ новое положеніе. Если, стоя прямо и держа ноги вмѣстѣ, повернуть тѣло вправо, то ось правой ноги отдастся противъ отвѣснаго направленія своего назадъ влѣво, а ось лѣвой ноги подастся впередъ направо,—не большія, но очень сильныя движенія, которыхъ нельзя было бы успѣшно выполнить безъ помощи значительныхъ слоевъ мышцъ, прилегающихъ къ бедряной кости и служащихъ ей для перемѣнъ ея положеній относительно таза. Подобныя же вспомогательныя средства требовались и для выполненія подъема на ноги (вставанія), особенно, когда приходится совершать его подъ гнетомъ тяжелой ноши: эта задача,—усиленно выпрямлять колѣнный составъ, ведетъ въ свою очередь къ утолщенію мышечной массы лядвеи, тогда какъ плодъ этого предваритель-

Digitized by Google

шаго усилія, — спокойное стояніе на мѣстѣ, поддерживается уже гораздо простѣйшимъ способомъ. Потому что при стояніи ось ножныхъ костей не образуетъ совершенно прямой, отвѣсной линіи, но бедро и голень сходятся въ колѣнѣ подъ тупымъ угломъ, котораго дальнѣйшему погибу назадъ мѣшаютъ отчасти колѣнная чашка (предколѣнникъ), отчасти же крѣпкія крестообразныя связки, которыми позади колѣннаго состава скрѣпляются концы бедра и голени и которыхъ одно напряженіе, безъ содѣйствія живой мышечной силы, уже достаточно поддерживаетъ спокойное положеніе ноги. Малѣйшее движеніе тѣла, особенно вызываемое такъ легко гнетомъ какой-нибудь ноши, нарушаетъ однакожъ это равновѣсіе и вынуждаетъ снова прибѣгать къ помощи мышечныхъ усилій. Незначительная степень взаимной вращаемости, какою бедро и голень обладаютъ притомъ относительно другъ друга, и обладаютъ только при особенныхъ условіяхъ, дозволила природѣ оставить самое колѣнную мѣстность свободною отъ большихъ мышечныхъ слоевъ; но они выступаютъ опять съ новой силою въ образованіи икры, которой развитіемъ человѣческая нога также отличается отъ ближайшихъ къ намъ животныхъ. Походка человѣка, еще болѣе чѣмъ поступь какого бы то ни было животнаго, можетъ назваться постояннымъ, сплошнымъ паданьемъ. Пята, подымаясь отземи, подымаетъ съ собою всю тяжесть тѣла, и предоставляетъ въ опору ей только плюсну и пальцы стопы; между тѣмъ, безъ всякаго живаго напряженія, махнетъ мимо, какъ любой маятникъ, другая нога, чтобы опережающимъ своимъ наступомъ дать падающему впередъ тѣлу новую точку опоры. И не одна только естественная походка требуетъ этого не высокаго, но очень сильнаго подъема тѣла, представляясь намъ неуклюжею тамъ, гдѣ его недостаетъ, и изысканною, гдѣ онъ чрезмѣру преувеличенъ; даже любое выпрямленіе всякаго сгиба колѣнъ, всходъ на высоту, подъемъ

Digitized by Google

каждой тяжести,—все это нуждается въ содѣйствіи тѣхъ же самыхъ мышцъ. Эти своеобразныя потребности движенія, которыхъ удовлетвореніе въ ходьбѣ четвероногихъ распредѣлено на многіе дружно-дѣйствующіе члены, придали образованію человѣческой стопы совсѣмъ не тотъ видъ, какой имѣетъ оно у животныхъ. Многія кости разнообразной формы и величины, плотно и вмѣстѣ гибко соединенныя крѣпкими сухожильными связками, образуютъ плоско-дужный сводъ, касающійся земли только спереди и сзади, тогда какъ средина его остается на вѣсу. Въ самой вершинѣ дуги, близко къ заднему ея краю, лежитъ та суставная плоскость, на которой нисходящая голень покоится отвѣсно къ долевому направленію стопы, и отъ которой вся тяжесть тѣла проводитъ къ землѣ гнетъ свой, распредѣленный на обѣ вѣтви свода, сзади и спереди. Для дѣйствія ножныхъ мышцъ стопа представляетъ такимъ образомъ двуплечный рычагъ, къ заднему плечу котораго, именно къ пяточной кости, прикрѣплено короткое и толстое сухожиліе сильныхъ икорныхъ мышцъ *), которыя собственно и производятъ упругій подъемъ всей тѣлесной тяжести, одну изъ самыхъ отличительныхъ особенностей человѣческаго передвиженья. Ни одна стопа животнаго не представляетъ подобнаго устройства. Отдѣльныя кости, связанныя у человѣка въ одно цѣлое, которое своимъ горизонтальнымъ направленіемъ противъ отвѣсной голени отличается и наружно въ видѣ стопы,—эти кости подверглись у другихъ животныхъ многоразличнымъ преобразованіямъ и перемѣщеньямъ. Какъ колѣнный составъ, съ сокращеніемъ бедра, приблизился у млекососущихъ къ туловищу, такъ и пяточный поднятъ у нихъ выше, а удлиненныя кости плюсны внѣдрились между ею и преобразованными ножными пальцами. У многихъ породъ пальцы эти составляютъ единственную площадь для наступа; сравнительно немно-

*) Такъ-называемое Ахиллово.

Digitized by Google

гія ступаютъ на землю всею сплошь стопой, — собственно такъ-называемые стопоходы. Ноги обезьянъ имѣютъ, какъ извѣстно, руковидное образованіе, и, предназначенныя служить имъ для житья на деревьяхъ, лазанья и хватанья, онѣ такъ мало пригодны для продолжительной ходьбы, что отнюдь не могутъ возбудить сомнѣній насчетъ исключительнаго предназначенія человѣка къ прямо-отвѣсному положенію. Онъ одинъ способенъ вытянуть ногу въ совершенно отвѣсномъ направленіи, прямоугольно къ подпирающему и движущему ее рычагу стопы; всѣ животныя, если они ходятъ, ходятъ съ согнутыми колѣнами, и потому, даже для спокойно-прямаго положенія, нужна имъ такая натуга силъ, отъ которой человѣкъ вполнѣ избавленъ.

Легко было бы вдаться въ подробныя изслѣдованія этихъ организаціонныхъ отношеній, на которыя мы намекнули здѣсь только мимоходомъ; еще интереснѣе было бы разыскать, какія дальнѣйшія вліянія на строй и отправленія всего тѣла оказываетъ это предназначеніе наше къ прямизнѣ. Несомнѣнно, что тѣсная связь объемлетъ собою всѣ подробности органической постройки; но при настоящемъ положеніи научныхъ знаній мы тѣмъ не менѣе вынуждены утверждать, что не льзя представить полныхъ доказательствъ на тѣ чрезвычайныя вліянія, какія иногда приписываются прямизнѣ въ этомъ смыслѣ. Скорѣе лишь изъ дѣйствительнаго совмѣщенія человѣческой фигуры съ прямой поступью и изъ прекраснаго эстетическаго согласія такой формы со смысломъ этого отправленія, заключаютъ уже о томъ, что между отвѣсностью оси нашего тѣла и всѣмъ остальнымъ его пошибомъ существуетъ необходимое механическое соотношенье. Вразсужденіи строя и отправленій внутреннихъ органовъ не льзя указать ни на какое значительное вліяніе съ этой стороны, и догадки Гердера, будто всѣ силы въ прямомъ положеніи должны дѣйствовать иначе, са-

Digitized by Google

мая кровь — иначе возбуждать нервы, — догадки эти, если отнести ихъ къ положительно-важнымъ для жизни различіямъ, лишены всякихъ основаній. Даже въ наружномъ строѣ туловища найдемъ мы одну только значительную разность между человѣкомъ и животными, — перемѣщеніе наибольшихъ поперечниковъ. У четвероногихъ, грудная и брюшная полости, отъ хребта до живота, простерты больше въ длину, чѣмъ въ ширину, справа налѣво; у человѣка, напротивъ, ребра распираютъ грудь преимущественно въ ширину, и грудная кость отдалась назадъ ближе къ позвоночнику. Такая же разность обнаруживается въ формѣ таза и самыхъ даже ногъ: бедра бо́льшей части четвероногихъ плоски, съ обѣихъ сторонъ сдавлены; нога человѣка обличаетъ своей округлостью возрастающій распоръ въ ширину, который выступаетъ еще разительнѣе въ формѣ ляжвей. Для прямой поступи очень выгоденъ подобный строй, потому что тяжесть тѣла собрана такимъ образомъ преимущественно въ направленіи той площади, которая стоитъ отвѣсно къ опорному направленію стопы. Послѣдней надлежало бы быть длиннѣе, предназначайся она служить равно-надежною опорой для массы тѣла, собранной болѣе отъ переда на задъ. Напротивъ, при данномъ направленіи всѣхъ главныхъ сочлененій, тѣло гораздо менѣе валко въ стороны, и потому менѣе нуждается здѣсь въ опорѣ; однакожь находятъ ея весьма достаточно, такъ-какъ въ этомъ направленіи наибольшей его ширины тяжесть его подѣляютъ между собою двѣ ноги, взаимно помогающія другъ другу въ противодѣйствіи боковымъ его наклонамъ. Перевѣсу тѣла на передъ противодѣйствуютъ онѣ въ томъ лишь случаѣ, когда одна изъ нихъ выставлена передъ другою; если же онѣ сомкнуты рядомъ вплоть, то при подающемся впередъ движеніи могутъ служить только опорой (а не средствомъ, противодѣйствующимъ валкости).

Мы отнюдь не въ силахъ доказать, чтобъ видообразованіе

Digitized by Google

человѣка вытекало необходимымъ слѣдствіемъ изъ прямой его поступи, сколь ни стройно гармонируетъ оно съ послѣднею какъ существующій однажды фактъ. Чѣмъ больше голова и чѣмъ длиннѣе рычажное плечо шеи, на которомъ она держится, тѣмъ болѣе потребно силы, чтобы нести ее горизонтально при четвероножной ходьбѣ. Вертикальное положеніе избавляетъ отъ потраты силъ собственно на это, да приноситъ и еще одну выгоду, что тяжесть головы распредѣлена самымъ симметричнымъ образомъ на площади тѣхъ сочлененій, которыми она держится на непосредственной своей опорѣ, шейно-позвоночномъ столбѣ. Для этого не были впрочемъ механически необходимы тѣ важныя отмѣны въ образованіи головы, какія мы постепенно замѣчаемъ при переходѣ отъ четвероногихъ къ человѣку, — именно увеличеніе черепа и уменьшеніе лицевой части отдачею назадъ носа и зѣва, которые у первыхъ сначала столь значительно выступаютъ впередъ. Продолговатая голова млекососущаго могла бы уравновѣситься подъ прямымъ угломъ на столбѣ шеи, подобно тому, какъ и стопа только у человѣка расположена прямоугольно къ оси ноги: для этого понадобилось бы лишь подать нѣсколько впередъ затылочную дыру, сквозь которую спинной мозгъ продолжается въ массу головнаго, а изгибъ, какимъ направленіе перваго переходитъ къ направленію второго, немного увеличить противъ дѣйствительныхъ размѣровъ его у человѣка. Звѣроподобныя образованія, часто представляемыя человѣческою головой, значительный выступъ рта и не менѣе значительный отвалъ лобной кости, — эта типическая форма облика цѣлыхъ иногда породъ, которыя держатся однакожъ тѣмъ не менѣе прямо, — все вмѣстѣ показываетъ самымъ явнымъ образомъ, что связь между формой головы и прямизною тѣла, хотя конечно и дѣйствительная, далеко не такъ непосредственна, какъ представляется иными. Что брюшная сторона тѣла должна была сдѣ-

Digitized by Google

ляться при этомъ переднемъ, — той, куда вообще совершаются всѣ передвиженья и куда по преимуществу направлена дѣятельность рукъ, — обстоятельство это конечно влекло за собою цѣлесообразность размѣщенія въ ту же сторону и органовъ внѣшняго чувства. Но ни это важное условіе, ни потребность дать достаточный просторъ массѣ головнаго мозга, возросшей соразмѣрно богатству жизненныхъ цѣлей, не вынуждали еще сами по себѣ къ такому сильному уклоненію отъ обычнаго типа образованія цѣлаго класса млекососущихъ. Однакожь въ общихъ предѣлахъ этого типа строеніе головы измѣняется довольно характеристически при переходѣ отъ одной породы къ другой, смотря отчасти по особеннымъ потребностямъ питанія и по необходимымъ для удовлетворенія ихъ средствамъ, отчасти же смотря по духовной природѣ и нраву животнаго: слѣдовательно, мы можемъ удовольствоваться здѣсь заключеніемъ, что и образованіе человѣческой головы есть та именно разновидность (общаго типа), которая представляла собою яснѣйшее выраженіе внутренняго существа, призваннаго къ высшему предназначенію.

Развѣ только заперли мы себѣ сами этотъ путь тѣми неблагопріятными отзывами, какіе давали мимоходомъ насчетъ взглядовъ, наклонныхъ къ символическому истолкованію формъ природы? Но вѣдь наши отзывы отнюдь не подвергали сомнѣнію того, что и красота принадлежитъ къ цѣлямъ творческаго созданья. Намъ не хотѣлось допустить при этомъ только мысли, будто природа бьетъ прежде всего на представительность. Гдѣ призываетъ она свое созданіе къ великому предназначенію, тамъ для нея не главное дѣло въ томъ, чтобы наружной формою наложить на него печать этого предназначенья; гораздо важнѣе для нея предоставить ему всѣ практическія средства къ осуществленію такого призванія и къ удержанію за собой своего достоинства, своей опредѣленной череды. Она надѣляетъ

Digitized by Google

его вопервыхъ мощью чѣмъ нибудь быть, а не прежде всего формою — чѣмъ-нибудь казаться, и за тѣмъ полагается уже вполнѣ на то, что истинное обладаніе этой мощью и употребленіе ея въ дѣло (какъ указываетъ его цѣль) всегда будетъ для него и самымъ выразительнымъ способомъ обезпечить себѣ явную, кажущуюся внѣшность. Итакъ главное собственно не въ томъ, чтобъ человѣкъ выпрямилъ тѣло въ наружный знакъ своего владычества: это самое съ напрасной торжественностью повторятъ за нимъ, пожалуй, и пингвины полярнаго моря; тутъ преимущественно имѣлось въ виду то, что положеніе это одно способно доставить ему возможность къ такимъ дѣйствіямъ, которыми онъ въ самомъ дѣлѣ осуществляетъ свое господство среди всѣхъ другихъ породъ. Когда же создалась эта важнѣйшая часть его, это ядро, кто не нашелъ бы тогда вѣроятнымъ, что оно одѣнется соотвѣтственною скорлупою, что во внѣшней формѣ тѣла найдетъ себѣ выраженіе совокупный характеръ внутренности, на сколько вообще внутренность изобразима въ пространственныхъ формахъ? Но тутъ именно и обнаруживается неблагонадежность той символики, которая ставитъ духовныя свойства въ непосредственную связь съ пространственными формами, не принимая въ расчетъ средняго звена, — механическаго и практическаго значенія того, что выступаетъ въ этихъ формахъ *). Я вовсе не говорю о томъ наивномъ воззрѣніи, для котораго вся красота заключена въ простыхъ численныхъ соотношеньяхъ и слѣдовательно, въ силу однѣхъ этихъ пропорцій, можетъ прямо приложиться внѣшнему облику любого явленія, каковъ бы впрочемъ ни былъ его смыслъ. Скорѣе именно тѣ взгляды, которые вдаются въ по-

*) То-есть, не сообразая того неизбѣжнаго видоизмѣненія наружныхъ формъ, какое вносится практическимъ приспособленіемъ механизма организаціи къ предназначеннымъ ей дѣлямъ.

Digitized by Google

ложительную символизацію и подробно разбираютъ своеобразное значеніе частей,—они-то и обнаруживаютъ всю свою ничтожность въ томъ отношеніи, что вѣдь едвали можно придумать какую бы то ни было тѣлесную форму, которой не удалось бы удовлетворительно истолковать съ такимъ же точно глубокомыслiемъ, какъ и всякую другую. Если, напримѣръ, человѣкъ ходитъ прямо, тутъ знаменательно то, что онъ касается земли только стопой, а голову возноситъ къ небу; не летаетъ онъ, — и это также знаменательно, потому что тѣмъ самымъ обличаетъ онъ постоянную связь свою съ матерью-землей; ходи онъ теперь на четырехъ лапахъ, какъ камелопардъ, — это было бы еще знаменательнѣй, потому что тутъ обращалъ бы онъ къ землѣ, какъ слѣдуетъ, только земную часть свою, одно туловище, а голова, презирая низшее, стремилась бы у него въ высь. Человѣкъ противопоставляетъ бурямъ широкую грудь свою,—какъ знаменательна эта выжидающая отвага! Но будь у него и отдутый впередъ птичій зобъ, это опять вышло бы знаменательно, потому что тутъ именно и обнаружилось бы его мужество идти прямо противъ общаго потока; будь, наконецъ, грудь его углублена впадиной или даже ямой,—какъ трогательно можно истолковать тогда эту форму за символъ влеченія принять въ глубь собственнаго сердца цѣлый міръ! Къ подобной игрѣ въ сантиментальность и безплодное остроуміе всегда приводитъ подъ конецъ желанье непосредственно истолковывать пространственныя формы, тогда какъ выработку ихъ въ смыслѣ только формъ или единственно изъ-за того, что будто онѣ сами по себѣ всегда проявляютъ извѣстную идею, природа конечно ужь отнюдь не могла имѣть въ виду. Если существуетъ выразительная красота обликовъ, то она всегда состоитъ въ томъ, что форма обнаруживаетъ намъ прежде всего овозможиваемый ею способъ дѣйствія, что изъ очертаній тѣла, ихъ мягкаго слiянія между собой или энергической

Digitized by Google

рѣзкости другъ противъ друга, изъ относительной величины разныхъ частей его, мы возсоздаемъ образъ напряженія живой силы, легкости съ какою она возбуждается, быстрой измѣнчивости, къ какой она способна, услады, какую стройное равновѣсіе многоразличныхъ частей доставляетъ самому живому существу, настроенія, ощущаемаго изъ-за этихъ характерныхъ чертъ его собственною внутренностью, наконецъ—той страсти, которая дремлетъ въ немъ, готовая вспыхнуть при первомъ случаѣ, или которую умѣетъ оно унять и обуздать.

Но этотъ образъ живаго существа можетъ даваться только живому же; только собственный нашъ опытъ и руководимое имъ наблюденіе другихъ породъ могутъ научить насъ видѣть въ человѣческомъ обликѣ то выраженіе, которымъ мы способны восторгаться. Природа надѣлила человѣка крутымъ и высокимъ челомъ не съ тѣмъ, чтобы онъ казался полнымъ мысли; чело это само по себѣ пустая стѣнка, не болѣе. Одинъ опытъ и свойственный человѣку безсознательно-научный инстинктъ внушили ему искать именно здѣсь лабораторію духовной жизни и приблизительно оцѣнять силу ея по пространственному объему лба. Есть неоспоримо такія формы, которымъ и помимо ихъ значенія присуща уже извѣстная краса, хотя конечно не высшаго свойства; но къ нимъ гораздо скорѣе относятся симметрическія грани кристалловъ и миловидные, роскошно пестрые облики цвѣтовъ, нежели очертанія человѣческой головы и физіономіи. Доведись древесному корню принять въ своемъ родѣ форму этой головы, мы тотчасъ убѣдились бы, что нѣтъ ровно ни какой самобытной прелести въ этомъ погибѣ черепнаго свода, въ вольномъ очеркѣ глазныхъ впадинъ, въ овалѣ щекъ и въ разрѣзѣ губъ. Все это, разсматриваемое какъ одна лишь форма, представится только безпорядочною кучей разныхъ возвышеній и выемокъ; одно знаніе о томъ, какія силы духа работаютъ подъ однообразнымъ

Digitized by Google

сводомъ черепа, какая прелесть внутреннихъ чувствъ употребляетъ глаза и губы орудіями своей дѣятельности, — одно такое пониманіе (внутренняго) представляетъ намъ всѣ эти формы прекрасными на видъ. Итакъ природа не дала своимъ созданіямъ извѣстныхъ, знаменательныхъ по себѣ, формъ, чтобы самопонятною ихъ символикой соотвѣтственно выразить внутреннюю ихъ сущность; но какъ скоро она надѣлила живое существо необходимыми средствами для дѣйствія, то безъинтересныя сами по себѣ формы, въ какихъ эта организація нашла свою проявляющую ее поверхность, естественно стали знаменательными символами для всѣхъ, кто собственнымъ внутреннимъ опытомъ или наблюденіемъ чужихъ натуръ пріобрѣлъ способность разгадывать подъ оболочкою поверхности работающую внутри силу.

Но что сила эта вообще обнаружилась, а не скрылась вполнѣ за нерасчлененной внѣшностью, — это властенъ отнести къ преднамѣреньямъ природы всякій умъ, если онъ допускаетъ подобныя преднамѣренья. Конечно, не съ тѣмъ однимъ, чтобъ только существовало такое явленіе, природа установила соотвѣтствіе между внутреннимъ и внѣшнимъ; дѣло было не въ томъ, чтобы внутреннее только что выступило наружу: вѣдь какое проистекло бы изъ того добро, удайся это обнаруженіе даже и въ величайшемъ совершенствѣ? Проявленіе любого существа всегда предполагаетъ еще другое существо, которому оно проявляется, и происходящее отсюда благополучіе взаимнаго бытія другъ для друга есть та дѣйствительная и глубоковажная цѣль, которой служитъ всякое вообще явленье. Не праздною ли качкой маятника было бы, напротивъ, то, еслибъ совсѣмъ помимо этой цѣли творящая мірооснова безпрерывно переходила отъ обнаруженія существа къ овнутренію обнаруженнаго и обратно? А вѣдь въ этомъ докучномъ маятномъ ходѣ приведенное нами роковое воззрѣніе, безплодно разрѣ-

Digitized by Google

нающее въ символъ цѣлый міръ, готово видѣть какую-то священную и непреложную необходимость. Животное предназначено не для одинокой жизни, а для общенія съ себѣ подобными; чѣмъ выше и обширнѣе содержаніе его жизни, тѣмъ болѣе должно оно не только слѣпо принимать дѣйствія другихъ, но прозрѣвать и въ тѣ внутреннія ихъ движенія, отъ которыхъ оно мгновенно ни чуть не страждетъ: на этомъ пониманіи и сочувствіи основывается всякое общеніе или обхожденье, и именно тѣмъ, что̀ хотимъ мы выразить послѣднимъ этимъ словомъ, общеніе живыхъ созданій отличается отъ всякаго взаимнодѣйствія веществъ. Поэтому каждый родъ понимаетъ прежде всего себѣ подобныхъ и имъ кажется прекраснымъ въ свою очередь; но если какому-либо избранному созданію высокія жизненныя его цѣли дали такую многостороннюю организацію, что богатство ея дозволяетъ ему углубляться въ простѣйшіе внутренніе по̀буды бѣднѣе одаренныхъ породъ, съ соуслажденіемъ воспроизводить и понимать ихъ, то мы не укоримъ его за то, если оно поставитъ себя судьею красоты всѣхъ обликовъ и найдетъ высшее совершенство въ той формѣ, которая отражаетъ въ себѣ значительнѣйшую внутреннюю жизнь, передавая и самую мелкую черту ея какъ не льзя яснѣе. А есть ли возможность отрицать, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ человѣческое тѣло стоитъ во главѣ созданій? Что оно отдѣлено великой еще бездною даже и отъ тѣхъ, которыя всего ближе подходятъ къ нему по законамъ своего образованія? Бросимъ хоть бѣглый только взглядъ на постепенную череду животныхъ обликовъ, и мы увидимъ, какъ развитіе ихъ обнаруживаетъ поступательность свою преимущественно въ томъ, что воспріимчивость души ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ становится все болѣе нѣжною и чуткой, а воздѣйствующая власть ихъ надъ малымъ міромъ тѣла, какъ и надъ великимъ міромъ внѣшности, болѣе многостороннею, завися притомъ однако отъ

Digitized by Google

все простѣйшихъ и простѣйшихъ средствъ. Низшія свои созданія природа одѣваетъ въ твердыя брони и черепы, которые даютъ проявляться въ выступающихъ ихъ членахъ только уже послѣдней тревогѣ дѣятельности, не обличая живыхъ погибовъ въ спокойномъ объемѣ самаго тѣла; постепенно смягчаетъ она за тѣмъ эту нѣмоту: перната я одежда птицъ, шерсть или волосъ четвероногихъ, вмѣстѣ съ возрастающею ихъ подвижностью, обнаруживаютъ мало по малу сильную и гибкую мускулатуру, которая у рыбы совершенно прикрывалась еще чешуей; но лишь нагая кожа человѣка выдаетъ всѣ тѣ легкія напруги и растяженія, которыя, помогая другъ другу и какъ бы взаимно понимаясь, постоянно ища движенья или равновѣсія, пробѣгаютъ по всему его тѣлу подобно связной въ себѣ мелодіи. Здѣсь-то, наконецъ, теплота обильной жизни совершенно наполняетъ своимъ трепетнымъ біеніемъ предѣлы проявляющихся формъ, тогда какъ миловидный образъ птицы только пышною оболочкой перьевъ, а многія изъ четвероногихъ только густою полстію волосъ прикрываютъ некрасивое и узловатое тѣлоочертанье. Въ постепенномъ развитіи животнаго царства, изъ неопредѣленной массы туловища все яснѣе и яснѣе выступаетъ мѣстилище властной воли, голова, и становится въ соразмѣрную противоположность ко всему прочему тѣлостроенію; ни втянутая наглухо, какъ у скорлупняковъ и рыбъ, ни колеблясь черезъ-чуръ подвижно на тонкомъ стержнѣ шейки, какъ у малоумныхъ насѣкомыхъ, выдается она у млекопитающихъ впередъ, какъ энергически-властное начало всему тѣлу; нигдѣ однакожь не поставлена она во главу организаціи такъ явственно, какъ поверхъ шеи прямо стоящаго человѣка. И духу, которому служитъ она обителью, принадлежитъ тихая, безшумная власть надъ міромъ, а вовсе не такая, которая съ заранѣе оглашающей тревогою и чрезмѣрною потратой средствъ для овладѣнія внѣшними предметами, обличала

Digitized by Google

бы (не столько свою мощь, сколько) то усиліе, какое предстоитъ ей совершить въ самомъ дѣлѣ. Вотъ почему объемъ головы не ростетъ съ объемомъ ея дѣеспособностей: вмѣстѣ съ прибылью массы, въ какой нуждалась бы, положимъ, душа для разнообразныхъ своихъ отправленій, убывала бы вѣдь неизбѣжно чара (незримаго) ея могущества; всякое размноженіе видимыхъ, казистыхъ средствъ, какими пришлось бы ей пользоваться, обличило бы только ея собственную безпомощность и ненадежность. Поэтому странныя удлиненія и наросты въ чувственныхъ органахъ природа допускаетъ лишь для низшихъ своихъ созданій, у высшихъ же, и особенно у человѣка, совмѣщаетъ она эти орудія укромно въ самый небольшой пріютъ. Глаза не выпучиваются далеко наружу, какъ бы со страха, чтобъ вещи не убѣжали отъ нихъ прочь: спокойно ютясь подъ сводомъ своихъ впадинъ, они увѣрены и безъ того, что все-таки успѣютъ овладѣть самымъ отдаленнымъ. Ни для пріема пищи, ни для подачи голоса ротъ не выставляется впередъ; и знаменательный звукъ слова льется изъ устъ безъ затрудненія, потому что душа хочетъ дѣйствовать уже не силой крика, этимъ грубымъ заявленіемъ внутреннихъ чувствъ, при которомъ животное съ напругой вытягиваетъ голову и шею. Такъ же точно поступаетъ природа и съ органами движенія. Низшихъ тварей надѣляетъ она извѣстнымъ числомъ хватальцевъ или клещей, съ присосными подушечками, бородавками, сяжками, — надѣляетъ такими орудіями, которыя, будучи безъ составовъ и костей, способны къ самымъ даже отвратительнымъ извивамъ; у высшихъ животныхъ ограничиваетъ она этотъ многосложный приборъ, уменьшаетъ вообще число членовъ, особенно же сходныхъ и совсѣмъ тожественныхъ. Она стѣсняетъ предѣлы изгибистой подвижности множества составовъ вмѣстѣ, и у человѣка оставляетъ ее только пальцамъ руки въ самомъ уже небольшомъ размѣрѣ. Зато

Digitized by Google

немногимъ сбереженнымъ ею членамъ придаетъ она и теплую полноту и пріятную округлость: руки и ноги человѣка проникнуты жизнебіеніемъ до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ своего строя. Какую противоположность представляютъ тонкія, многосуставныя, изгибистыя ножки насѣкомыхъ, прикрѣпленныя снаружи въ видѣ ходуль, въ которыхъ, при нитеобразной ихъ толщинѣ, жизнь повидимому и не можетъ бить полною струею! какъ различна въ этомъ отношеніи неподатливая, жилистая нога птицы! и даже тѣ домашнія животныя, которыхъ силой и красивымъ движеніемъ мы любуемся, какъ далеко отстаютъ они отъ человѣка въ полнотѣ, мягкости и энергической живости всѣхъ тѣлоочертаній!

Но къ чему продолжать этотъ обзоръ, способный лишь порознь перечислить подобныя преимущества, тогда какъ въ одномъ живомъ соединеніи ихъ только и сама фантазія могла бы ощутить полную цѣну человѣческаго тѣлостроенья? Предоставимъ же наглядному созерцанію природы или художественныхъ произведеній отрадную задачу прочувствовать всю знаменательную красоту того облика, который мы, въ своемъ изслѣдованіи, должны были разсмотрѣть только со стороны практической пользы.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разности человѣческаго рода.

Условія индивидуальнаго образованія — Наслѣдственность родовыхъ формъ и индивидуальныхъ чертъ типа. — Звѣроподобія. — Племенныя разности. — Догадки о происхожденіи ихъ. — Негры, Индѣйцы, Малайцы, Монголы, Кавказцы — Понятія о видѣ и разновидности.

Путешественникъ, по прибытіи въ новый для него край, обыкновенно подвергается тому обману чувства, что каждое встрѣчаемое имъ лицо кажется ему чрезвычайно похожимъ на другое: черты дѣйствительнаго племеннаго сходства выступаютъ передъ нимъ, въ противоположность привычному для него родному типу, дотого рѣзко, что ихъ собственныя разности сначала ускользаютъ отъ его вниманія. Быть-можетъ, подобный же предразсудокъ располагаетъ насъ видѣть равнокачественные только экземпляры одного извѣстнаго типа въ тѣхъ разрядахъ животныхъ, которыхъ организація уклоняется далеко отъ нашей, такъ что мы не замѣчаемъ между ними другаго существеннаго различія въ индивидуальныхъ чертахъ, кромѣ перемѣнчивой величины и силы пластическаго развитія. Животнымъ можетъ представляться это иначе, но едвали совсѣмъ неправы и мы съ нашимъ предразсудкомъ. Вѣдь и у высшихъ, гораздо сходнѣе съ нами организованныхъ, разрядовъ, насколько они доступны нашему наблюденію, родовой характеръ оказывается преобладающимъ дотого, что ин-

Digitized by Google

дивидуальныя черты почти не могутъ замѣтно входить въ соображеніе; только уже домашнія животныя, которымъ соучастіе въ человѣческомъ быту доставляетъ своеобразное и совсѣмъ отличное воспитаніе, а также и иную жизненную опытность, развиваютъ въ себѣ большее многоразличіе тѣлесной и духовной индивидуализаціи. Да и человѣческій родъ, безъ сомнѣнія несравненно превосходящій всѣ разряды животныхъ богатствомъ и утонченнымъ тѣлеснымъ проявленіемъ своихъ личныхъ особенностей, производитъ разнообразіе это не самъ собой и не отъ природы. Чѣмъ однороднѣе судьбы и занятія отдѣльнаго лица, чѣмъ тѣснѣе духовный кругозоръ его, чѣмъ вообще ниже и одностороннѣе бытъ какого-нибудь племени, тѣмъ болѣе и принадлежащія къ нему лица погружаются въ однообразіе тѣлеснаго и духовнаго характера. Вкругъ центра тяжести общаго видоваго типа колеблется, уклоняясь въ разныя стороны, индивидуальное образованіе; но когда мы захотимъ составить себѣ понятіе о величинѣ возможныхъ для него уклоновъ и о причинахъ, обусловливающихъ ихъ особенность, мы вступаемъ на такую почву, гдѣ нынѣшнее состояніе нашихъ свѣдѣній нетолько не даетъ намъ ничего достовѣрнаго, но часто не дозволяетъ даже и рѣшительнаго сужденія насчетъ вѣроятности возникающихъ по этому вопросу догадокъ.

Начавъ съ любого, вполнѣ готоваго уже, облика, мы найдемъ, что внѣшнія психическія и физическія дѣйствія воспитанія, общее впечатлѣніе всего, пережитаго организмомъ и упражненіе всѣхъ силъ его способны вести къ чрезвычайнымъ разностямъ въ духовномъ развитіи, но что они, напротивъ, только незначительно видовзмѣняютъ однажды полученное отъ рожденія тѣлесное образованье. Конечно, могутъ встрѣтиться безчисленныя препятствія, которыя помѣшаютъ полному раскрытію первоначальныхъ способностей; и именно отъ того, что

Digitized by Google

однимъ устраненіемъ этихъ помѣхъ воспитаніе достигаетъ изумительныхъ результатовъ, намъ обыкновенно кажется, что оно не только можетъ обезпечить развитіе существующихъ уже способностей, но пріобрѣсти и привить къ нимъ сверхъ-того еще такія, какихъ въ зернѣ облика вовсе не бывало. Положимъ, что такъ оно и есть, хотя въ очень небольшомъ размѣрѣ, положимъ, что ростъ тѣла и сила его мышцъ, опредѣленные изначала природою, могутъ пріумножиться въ теченіе жизни, благодаря цѣлесообразной гимнастикѣ; тѣмъ не менѣе, говоря вообще, ни видообразованіе тѣла, ни наклонность его къ одностороннему или болѣзненному развитію не измѣнятся значительно отъ тѣхъ вліяній, которыя станутъ дѣйствовать на живое существо уже послѣ его рожденія. Только на однѣ черты лица и, путемъ укореняющихся привычныхъ движеній, на осанку тѣла, да на утонченность всего наружнаго вида вообще, высшее духовное образованіе дѣйствуетъ, какъ мы видимъ, благопріятно; но при всемъ этомъ характеристическомъ усовершеніи облика, оно безсильно изгладить установленныя первоначальнымъ планомъ образованія коренныя черты. Если кто и захочетъ видѣть въ индивидуальной душѣ зиждительницу собственнаго ея тѣла, онъ все-таки долженъ будетъ допустить, что пластическая сила ея по крайней мѣрѣ скоро угасаетъ, и что даже въ (краткій) періодъ предполагаемой ея дѣятельности она неизбѣжно связана вдвойнѣ, не только вынужденная образовать тѣло соотвѣтственно родовымъ своимъ законамъ, но и не властная освободиться въ частности отъ множества оригинальныхъ чертъ, принадлежавшихъ ея породителямъ: чѣмъ болѣе оба они представляли въ своемъ обликѣ равномѣрную и тожественную племенную форму, тѣмъ вѣрнѣе обычная эта форма повторится и въ потомствѣ, хотя она во все не была предначертана общимъ родовымъ типомъ, а только предоставлена имъ въ видѣ одной изъ многихъ возможностей. Меж-

Digitized by Google

ду тѣмъ, въ теченіе поколѣній, отнюдь не переходя за предѣлы племенной формы, возникаютъ у насъ передъ глазами новыя индивидуальныя особенности образованія, и происхожденіе ихъ составляетъ для насъ предметъ только не многихъ правдоподобныхъ догадокъ.

Мы ничего не знаемъ о физическихъ посредствахъ, благодаря которымъ въ массахъ органическихъ зачатковъ вообще слагается наклонность къ повторенію родовой формы; ничего не знаемъ о процессахъ, обусловливающихъ привычное сходство дѣтей съ родителями; намъ неизвѣстны даже причины, опредѣляющія полъ ребенка. Еще менѣе мы съумѣемъ объяснить тѣ уклоненія, путемъ которыхъ наслѣдственная передача одной и той же племенной формы мало по малу расходится на разныя индивидуальности. Мы можемъ однакожь допустить, что тѣ измѣненныя состоянія, къ какимъ непрерывный токъ жизни приводитъ организацію родителей, что пріобрѣтенныя ими, напримѣръ, болѣзненныя наклонности, ихъ житейскія привычки, что наконецъ даже возрастаніе ихъ лѣтъ могутъ содѣйственно вліять на своеобразность существа, которое должно отъ нихъ возникнуть. Въ этомъ заключаются вѣроятно тѣ обстоятельства, которыя исподволь порождаютъ цѣлый рядъ индивидуальныхъ видоизмѣненій въ одной и той же семьѣ, даже и тогда, если предположить первоначально вполнѣ одинакую типическую форму обоихъ родителей. Но самый способъ расплода, свойственный всѣмъ высшимъ животнымъ вообще, долженъ опять ограничивать и степени разновидности отдѣльныхъ этихъ формъ и устойчивость ихъ въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ.

Желая расплодить существующія разновидности какого-нибудь растенья, мы дѣлаетъ это съ вѣрнымъ успѣхомъ только отводками. Въ нихъ множество органически связныхъ клѣточекъ свыклись уже съ извѣстною особенностью жизненныхъ

Digitized by Google

процессовъ, которою та или другая разновидность отдѣлилась отъ болѣе общей видовой формы. Этотъ широкій и могучій потокъ жизни представляетъ слѣдовательно такую величину силъ, которую внѣшнимъ вліяніямъ трудно уклонить съ упорно-отстаиваемаго ею пути развитія. Напротивъ того, сѣмя растенія хотя быть-можетъ и заключаетъ въ распорядкѣ элементовъ ту же своеобразную пластическую наклонность, но представителемъ ея въ немъ служитъ лишь соразмѣрно малая масса, и даже вѣроятно только извѣстная доля соотношеній между разными ея частицами. Эту мѣньшую величину образовательнаго движенья, среди развитія ея, внѣшнимъ вліяніямъ легче свести опять на общій путь предоставленнаго надъ нею племеннаго вида, котораго форма гораздо тверже обоснована въ зернѣ всѣми соотношеніями первоначальныхъ его элементовъ. Поэтому изъ сѣмени разновидности выходитъ то племенной видъ, то (одно изъ обособленій его) какая-нибудь другая разновидность, и только изрѣдка появляется опять совершенно та же самая. Если отобрать послѣднія эти (вполнѣ тожественныя) растеньица и дать имъ расти до осѣмененія при тѣхъ же точно условіяхъ, подъ какими родоначальникъ ихъ впервые достигъ своего особеннаго образованія, то чрезъ нѣсколько (такихъ отборныхъ) поколѣній утверждается иногда форма ихъ разновидности, становясь въ такомъ случаѣ плодучею и чрезъ сѣмяна; но продолжительное дѣйствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ всегда почти мало по малу возвращаетъ ее опять къ формѣ племеннаго вида.

Высшій міръ животныхъ знаетъ одинъ этотъ способъ размноженія (то-есть сѣмянной). А потому, съ самаго начала должно уже сомнѣваться въ томъ, чтобы всякая особенность родительской организаціи находила себѣ дѣятельныхъ представителей въ элементахъ массъ, готовящихся въ зародышъ будущему облику: дѣло тутъ естественно не въ видообразованіи

Digitized by Google

порождающаго тѣла, но главное въ томъ, какія изъ пластическихъ чертъ его выразятся въ опредѣленныхъ отношеніяхъ зародышныхъ частицъ такъ рѣшительно, чтобъ имъ неизбѣжно надлежало повториться въ слѣдующемъ за тѣмъ развитіи порождаемаго. Поэтому вѣроятно ни кто не поколебался бы допустить здѣсь вліяніе, напримѣръ, общихъ разстройствъ въ смѣнѣ вещества и въ питательныхъ процессахъ, сильно укоренившихся болѣзней соковъ или нервной системы; дѣйствіе подобныхъ перемѣнъ можетъ простираться и на образованіе частицъ зародыша и, передавая имъ наслѣдственное расположеніе къ болѣзнямъ, способно причинять и извѣстное уклоненіе возникающаго облика отъ общихъ нормальныхъ соотношеній организма. Уклоненіе это можетъ представлять сходство съ особеннымъ образованіемъ родителей, если послѣднее состоялось также подъ вліяніемъ переданнаго имъ болѣзненнаго расположенія; оно можетъ, напротивъ, значительно порознить дѣтей съ родителями, если только уже въ теченіе жизни первыхъ организмъ ихъ внутренно преобразовался вслѣдствіе наступившихъ разстройствъ, хотя бы впрочемъ еще и безсильныхъ существенно видоизмѣнить сложившуюся вполнѣ наружную его форму. Гораздо менѣе вѣроятно, чтобы совершенно особенныя принадлежности облика, и всего невѣроятнѣе, чтобы какія-нибудь случайныя увѣчья повторялись у дѣтей въ видѣ прирожденныхъ образованій. На опытѣ однакожь первый изъ этихъ случаевъ представляется намъ зачастую: особенныя формы губъ или глазъ явно переходятъ по наслѣдству черезъ многія поколѣнія; даже такія уродства, которыя не имѣютъ себѣ повидимому ни какого оправданія въ общемъ типѣ, напримѣръ шестипалыя руки, передаются такимъ образомъ изъ рода въ родъ; только передача случайныхъ, не прирожденныхъ родителямъ извращеній не встрѣчаетъ надежнаго подтвержденія въ опытѣ. Итакъ, говоря вообще, наслѣдственный переходъ

Digitized by Google

однажды укоренившихся особенностей организаціи совершается чаще нежели бы должно было полагать; но этимъ гораздо скорѣе объясняется неизмѣнная передача существующихъ уже особенностей, а не первое возникновеніе ихъ въ предѣлахъ общаго типа. Почти одинѣ лишь болѣзненныя наклонности понятны для насъ въ своемъ происхожденіи и постепенномъ вліяніи ихъ на образовательные побуды чрезъ цѣлыя поколѣнья; но многоразличіе отдѣльныхъ формъ, развивающихся изъ общаго человѣческаго типа, не состоитъ же только въ безднѣ всякихъ искаженій или порчъ.

Прежде чѣмъ вести эти соображенья далѣе, намъ должно упомянуть о другомъ препятствіи, повидимому мѣшающемъ укорениться и наслѣдственно переходить всякому особливому образованью, какъ бы оно впрочемъ ни произошло. Это именно племенная помѣсь, скрещиванье. Растеніе производитъ мужскіе и женскіе цвѣтовые органы большею частью въ ближайшемъ сосѣдствѣ, собственно на одномъ и томъ же стеблѣ; совокупность всѣхъ жизненныхъ условій, опредѣлившихъ и взлелѣявшихъ тѣ и другіе, одна и та же: надо поэтому ожидать, что подъ условіемъ столь благопріятныхъ отношеній, матеріалы, какіе привнесутъ они къ образованію сѣменника, будутъ вполнѣ соотвѣтственны и въ точности пригнаны другъ къ другу для воспроизведенія племеннаго облика. Родители животнаго, какъ бы ни совершенно подѣляли они между собой одинъ и тотъ же типъ первоначальнаго образованья, всѣ-таки выросли каждый подъ весьма различными условіями; индивидуализація этого общаго имъ характера въ особенности должна проявляться у человѣка, котораго житейскій бытъ представляетъ наиболѣе всѣхъ возможныхъ разностей и тончайшихъ оттѣнковъ. Въ числѣ перемѣнъ, испытанныхъ вслѣдствіе того тѣлами родителей, можетъ конечно быть много и такихъ, которыя не обнаружатся физически-дѣятельнымъ образомъ въ при-

Digitized by Google

плодѣ; но другія непремѣнно обнаружатся. Изъ встрѣчи столь различныхъ образовательныхъ побудовъ неоспоримо могутъ произойдти новыя формы потомковъ; но та же самая помѣсь, вслѣдствіе которой возникшая такимъ образомъ особенность вынуждена въ свою очередь дѣйствовать заодно съ чуждою ей другою, разумѣется, помѣшаетъ укорениться и неизмѣнно блюстись въ потомствѣ какой либо изъ нихъ одной. И чѣмъ болѣе нравственный обычай ведетъ здѣсь къ переходу за тѣсный кругъ родства, гдѣ господствуетъ одно и то же образованіе, тѣмъ менѣе помѣсь разнородныхъ свойствъ допуститъ племенную форму разойдтись въ прочные, слишкомъ уклоняющіеся другъ отъ друга подобы, и произведетъ вмѣсто того общее постоянное колебанье въ тѣсныхъ предѣлахъ около оси довольно однообразнаго среднесложнаго типа.

Но по какимъ именно законамъ разность родительскаго тѣлообразованія обусловливаетъ особенность послѣдняго въ ребенкѣ, насчетъ этого есть у насъ только немного общихъ указаній опыта. Если огуломъ и можно допустить положеніе, что дѣти держатся въ этомъ смыслѣ середины между обоихъ родителей, то все-таки останется за тѣмъ вопросъ, что собственно значитъ эта середина. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ быть-можетъ вразсужденіи роста, полноты и нѣкоторыхъ особенностей тѣлосложенія, оба образовательные побуда дѣйствуютъ, кажется, подобно двумъ механическимъ силамъ, соединеннымъ для произведенія среднесложнаго результата, въ которомъ каждый изъ нихъ принимаетъ соразмѣрное могучести своей участіе; въ физіономически-знаменательномъ образованіи лица нерѣдко видимъ мы, напротивъ, какъ бы сліяніе отдѣльныхъ чертъ, изъ которыхъ однѣ принадлежатъ только отцу, другія – только матери, такъ что въ совокупной формѣ, словно въ какомъ-нибудь химическомъ соединеніи, одинъ элементъ замѣщается равнозначительнымъ ему другимъ.

Digitized by Google

Такъ часто глаза матери и волосы отца соединены въ обликѣ ребенка порознь, тогда какъ можетъ-быть всѣ прочія черты составляютъ нераздѣльную смѣсь особенностей обоихъ родителей. Въ другихъ же случаяхъ характеръ отца или матери получаетъ односторонній, рѣшительный перевѣсъ, хотя условія этого явленія намъ совершенно неизвѣстны. Только вразсужденіи пола дѣтей представляется вѣроятнымъ то общее указаніе опыта, что если отецъ старѣе (зрѣлѣе), то родится больше мальчиковъ, и что вѣроятность эта возрастаетъ въ той мѣрѣ, чѣмъ старѣе матери отецъ. Въ этомъ хотѣли видѣть одну изъ причинъ, обусловливающихъ перевѣсъ числа новорожденныхъ мальчиковъ надъ дѣвочками и дающихъ около 21 мужскаго рожденія на 20 женскихъ. Но какъ упомянутая нами разность лѣтъ вовсе не исключаетъ рожденія и дѣвочекъ, то опытъ этотъ недостаточенъ для объясненія причины общеизвѣстнаго факта *). Перевѣсъ тѣлесной силы и крѣпости на одной изъ сторонъ кажется вовсе не опредѣляетъ пола для потомства; онъ повидимому неспособенъ даже наверстать въ сложеніи дѣтей вліяніе тѣлесной слабости или болѣзни другаго ро-

*) Нельзя не указать при этомъ случаѣ на часто встрѣчающееся нынѣ недоразумѣніе относительно великой разницы между числовымъ (статистическимъ) выраженіемъ какого-нибудь факта и закономъ, который лежитъ въ его основаніи. Такъ между-прочимъ Бокль не обинуясь смѣшиваетъ одно съ другимъ и ставитъ подмѣченное опытомъ числовое отношеніе равнозначительнымъ закону. Но разница тутъ громадная: законъ тяготѣнія, напримѣръ, указываетъ намъ причину цѣлаго круга разнообразныхъ явленій, а потому и ведетъ въ извѣстной мѣрѣ къ ихъ объясненію; тогда какъ статистическій фактъ перевѣса мужскихъ рожденій надъ женскими (не говоря уже о пресловутомъ фактѣ писемъ съ невѣрными адресами) только еще требуетъ разъясненія своихъ причинъ. Статистическія данныя, если они точны, могутъ быть очень полезны въ томъ именно отношеніи, что ставятъ вопросы и наводятъ на изслѣдованія; но принимать ихъ прямо и безоглядно за общіе законы было бы доказательствомъ если не совершеннаго отсутствія мысли, то уже во всякомъ случаѣ—крайней опрометчивости.

Digitized by Google

дителя. Далѣе, извѣстно и часто замѣчено, что особенности образовательныхъ побудовъ перескакиваютъ иногда цѣлое поколѣніе или остаются въ немъ какъ бы дремлющими до времени, и что черты дѣда или бабушки часто выразительнѣе проявляются опять у внуковъ. Наконецъ, и совсѣмъ загнанную въ новѣйшее время догадку, что воображеніе матери можетъ передать дитятѣ черты портрета, на который она заглядится, не нахожу я поводовъ считать совершенно несбыточной, въ виду неопровержимыхъ фактовъ, прямо говорящихъ за нее, хотя я впрочемъ убѣжденъ какъ нельзя больше, что пластическая сила души ограничена очень тѣсными предѣлами и отнюдь не постою за опрометчивое злоупотребленіе этой мыслью для объясненія всѣхъ возможныхъ недостатковъ тѣлообразованія.

Результатомъ этихъ соображеній нашихъ выйдетъ слѣдовательно одна только мысль, которой намъ можно будетъ держаться вразсужденіи индивидуальныхъ отличій формы. Исторія жизни, все-таки всегда особенная для каждаго отдѣльнаго экземпляра племени, вырабатывается организаціею его въ характеристическій образъ путемъ цѣлой череды отмѣнныхъ вліяній, никогда не дающихся многимъ экземплярамъ вполнѣ одинаково, совершенно на тотъ же самый ладъ. Если вліянія эти и не въ состояніи замѣтно уклонить отвердившееся уже тѣлосложенье отъ общаго родоваго типа, они могутъ однако сильнѣе отозваться на слѣдующемъ поколѣніи, котораго все развитіе отъ нѣжнѣйшихъ зачалъ своихъ находится подъ напоромъ этого видоизмѣненнаго сложенія его породителей. Неравновѣсіе отправленій, преобладаніе дѣятельности одной извѣстной группы органовъ, особое направленіе, принятое тѣломъ въ усвоеніи питательныхъ веществъ, односторонніе возбужденія нервной системы, наконецъ снисканныя привычки сердца и воображенія, которыхъ нѣжное вліяніе на строй облика мо-

Digitized by Google

жетъ быть замѣтнѣе въ первомъ возникновеніи организма, нежели въ преобразованіи его, когда онъ уже сложился и готовъ: —всѣ эти условія, данныя налично въ тѣлахъ родителей, способны пожалуй разобразовать одинъ и тотъ же первобытный племенной типъ въ различныя индивидуальности. И какъ органическая природа не терпитъ рѣшительно нигдѣ, чтобы какая-либо составная часть произведеній ея измѣнялась безотносительно ко всѣмъ прочимъ и помимо соотвѣтственнаго тому преобразованія въ нихъ самихъ, то эта совокупность условій произведетъ характеристическія преобразованія даже и въ такихъ частяхъ, на которыя дѣятельное вліяніе ихъ непосредственно не простиралось. Итакъ строгая выдержка органическаго образованія можетъ удалить вновь-возникающее тѣло отъ формы родителей еще болѣе и еще рѣзче, нежели можно было бы предполагать, судя только по отдѣльнымъ мотивамъ преобразованія. Въ этомъ-то и слѣдуетъ видѣть основу акклиматизаціи, примиряющей въ теченіе многихъ поколѣній позднѣйшія изъ нихъ съ такими внѣшними условіями, отъ которыхъ гибли прежнія поколѣнья; тѣлосложеніе потомковъ неоспоримо стало здѣсь гармоничнѣе само въ себѣ и, въ новыхъ формахъ, снискало опять то равновѣсіе, которое готовою уже и потому неподатливою формой предковъ утрачено было подъ гнетомъ непривычныхъ для нея порухъ извнѣ.

Быть-можетъ, та же мысль сплошнаго, непрерывнаго единства въ органическомъ образованіи способна и въ другомъ смыслѣ служить намъ путеводною нитью сквозь лабиринтъ многоразличія индивидуальныхъ формъ. Хотя разность между этими формами дотого велика, что можно каждый отдѣльный экземпляръ отличить отъ всѣхъ прочихъ особымъ именемъ, однако же не вѣроятно, чтобы это была одна лишь безнорминая множественность, въ такомъ родѣ напримѣръ, что всякое особенное образованье извѣстной части тѣла составляло бы съ

Digitized by Google

любою формаціей другой части пригодное соединеніе, осуществимое въ самомъ дѣлѣ для зиждущихъ силъ организма. Произволъ карикатуриста конечно уже переступаетъ завѣтные предѣлы, которые сама природа обязана строго соблюдать. Не всякое образованіе головы совмѣстимо для нея съ любымъ ростомъ, не всякая форма рукъ совмѣстна съ любымъ строеніемъ ноги, даже еще помимо тѣхъ крайнихъ несоразмѣрностей объема, благодаря которымъ игривая фантазія всего легче порождаетъ чудовищныя и невозможныя образованія. Въ томъ общемъ уравненіи, какое содержитъ въ себѣ законъ тѣлеснаго строя, только опредѣленные коэфиціенты входящихъ въ уравненіе перемѣнныхъ величинъ, способны соединяться въ возможную и на дѣлѣ сбыточную форму. А затѣмъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что тѣ самые способы соединенія различныхъ частей, которые ведутъ къ установкѣ надежнѣйшаго равновѣсія, именно и употребляются природою повсемѣстно, въ образованіи самостоятельныхъ родовыхъ типовъ вообще. Искони въ ходу замѣчаніе, на которое повседневная жизнь наводитъ каждаго изъ насъ въ его очередь, именно: что физіономія, осанка и движеніе отдѣльныхъ лицъ сильно напоминаютъ собою извѣстные виды животныхъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ наблюденіе это истолковывали такъ, какъ будто природа потѣшается здѣсь только безпричиннымъ повтореніемъ предыдущихъ типовъ,— повтореніемъ, которое было бы конечно не у мѣста, не оправдывайся оно механическою необходимостью. При безъизъятномъ равенствѣ самаго всеобщаго закона формаціи, царящаго въ цѣлой чередѣ позвоночныхъ животныхъ, мысль о подобномъ оправданіи — весьма возможна. Коль скоро какія-нибудь побочныя обстоятельства побудятъ природу къ тому или другому своеобразному уклоненію отъ всеобщей нормы человѣческаго облика, она всего охотнѣе и всего удобнѣй попадаетъ на одинъ изъ иныхъ установившихся аккордовъ, которые выработаны

Digitized by Google

уже ею въ постоянные типы для другихъ породъ животныхъ и которые потому именно такъ и легко намъ выводить изъ общаго начала формаціи всего царства позвоночныхъ. Конечно, къ составу человѣческаго облика не придастъ она отдѣльныхъ принадлежностей какого-нибудь звѣря, и вездѣ удержитъ за нимъ человѣческое очертаніе; но въ предѣлахъ его все-таки повторитъ характеристическій пòшибъ извѣстной породы съ тою явною близостью къ общему его выраженью, которая знакома намъ изъ непосредственной наглядки гораздо лучше, нежели мы съумѣли бы ее описать. Къ этому можно прибавить, что повседневное наблюденіе обыкновенно подмѣчаетъ такіе намеки только въ формѣ нѣкоторыхъ частей, именно лица; но что на самомъ дѣлѣ они сквозятъ можетъ-быть очень правильно въ цѣломъ составѣ тѣла и во всѣхъ его отправленьяхъ.

Кому не случалось видѣть блѣдныхъ, жидковолосыхъ людей, съ выпученными по-рыбьи круглыми глазками, съ формою рта точь-въ-точь какъ у карпа? Они обыкновенно чавкаютъ губами, кожа у нихъ холодная и влажная, походка чуть слышна: большею-частію скользятъ они потихоньку и плашмя всей стопою, едва приподнимая ее отземи. У другихъ, къ орлиному носу присоединяется крутодужное очертаніе глазныхъ впадинъ и темноцвѣтный, блестящій птичій взглядъ; лицо у нихъ не широкое; ротъ, не выдаваясь далеко, заостренъ однакожь къ переди; характерная фигура ихъ завершается длинною шеей, узкою грудью, высокимъ подъемомъ ступни съ значительнымъ выгибомъ подошвы, наконецъ — быстрыми, часто угловатыми движеньями, свойственными птицѣ на ходу. Мелкіе, бѣлые зубки, по большой части неправильно сидящіе въ уютной челюсти, продолговатое лицо и пристрастіе къ сухой, сладкой, растительной пищѣ сходятся вмѣстѣ съ миніатюрнымъ, тонкимъ туловищемъ и щепетко-приличными движеньями. Совсѣмъ другія звѣриныя формы напоминаетъ могучій зевъ съ

Digitized by Google

сокрушительными коренными и торчащими впередъ глазными зубами, явно предназначенными для рушенія мяса и костей; широкое, скуластое лицо, среди котораго онъ зіяетъ, обыкновенно соединено съ шаровидною головой, приземистою фигурой, короткими и сильными ручными пальцами. Но не размножая далѣе этихъ примѣровъ, выскажемъ лучше сомнѣніе насчетъ того, имѣемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ право придавать имъ такъ много значенія. Вѣдь вся область подобныхъ сравненій конечно ужь до крайности скользка, и тогда какъ мы думаемъ угадать въ нихъ настоящій законъ формаціи, съ нами можетъ сыграть шутку заносчивость нашей художественной фантазіи, и немногія дѣйствительно представшія намъ рѣзкія черты мы пожалуй разрисуемъ себѣ въ цѣлые стройные образы, которыхъ на дѣлѣ совсѣмъ и не бывало. Не нужно большой внимательности для того, чтобъ и въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ открыть многія подробности, правда заманчивыя для эстетическаго чувства, но не имѣющія ни какого значенія для физіолога, насколько можемъ мы судить о томъ при нынѣшнемъ состояніи науки. Итакъ критическаго разбора этой мысли вообще намъ должно ожидать отъ точнѣйшаго и тщательнѣйшаго изученія дѣйствительно встрѣчаемыхъ обликовъ, а не отъ случайныхъ только наблюденій повседневной жизни, какъ водилось оно до сихъ поръ; но затѣмъ мы конечно готовы вѣрить, что такого рода критика съумѣла бы отыскать зерно истины даже и въ кучѣ фантастическихъ сравненій *).

---

*) Участіе аналогическихъ заключеній въ жизни вообще, и въ знаніи особенно, гораздо шире чѣмъ иногда кажется съ перваго взгляда. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, довольно сообразить одно, какихъ великихъ и многоразличныхъ результатовъ достигъ человѣкъ благодаря присущей его духу аналогизаціи: не на ней ли въ самомъ дѣлѣ основанъ безцѣнный для насъ пріемъ воспроизводить въ маломъ видѣ и совсѣмъ иными средствами не

Digitized by Google

Если отъ этихъ замѣтокъ нашихъ о возникновеніи индивидуальныхъ образованій мы воротимся теперь къ общему типу племени, то живучесть, съ какою совсѣмъ особыя семейныя черты нерѣдко переходятъ многія поколѣнья, прямо наводитъ насъ на фактъ, что съ неоспоримо бо́льшею еще выдержкой отстаиваетъ себя всякій болѣе общій и внутренно-гармоническій племенной характеръ. Мы не можемъ сомнѣваться, что народъ, котораго всѣ члены раздѣляютъ сплошь одну и ту же основную форму тѣлостроенія, будетъ постоянно передавать по наслѣдству даже и малѣйшія ея особенности до тѣхъ поръ, пока не смѣшается съ иначе сложившимися племенами. Недовѣріе, питаемое при этомъ къ силѣ и живучести родовъ, плодившихся долго однимъ только скрещиваніемъ въ тѣсномъ кругу близко-сродственныхъ формацій, — недовѣріе это отнюдь не основательно въ отношеніи къ природному племенному характеру, и имѣетъ силу только тамъ, гдѣ одностороннія вліянія быта въ извѣстныхъ семьяхъ придали этому болѣе общему характеру слишкомъ особливое видообразованье, котораго продолжительнымъ нарощеніемъ обусловливается наконецъ неравновѣсіе всей жизненной организаціи. Обозрѣвая исторію народовъ, мы всегда видимъ, что тамъ, гдѣ нерушимо велась

только громадныя явленія природы, но даже и то, что въ дѣйствительности просто необозримо,—держать напримѣръ передъ собой на листѣ бумаги изображеніе Земли или свѣтилъ небесныхъ, съ полною увѣренностью, что рисункомъ передаетъ намъ именно то, чего никогда не смогли бы мы иначе оглянуть однимъ взглядомъ? Не ею ли зарождаются тысячи разнообразныхъ сближеній и домысловъ, которые оправдываетъ потомъ самое тщательное изслѣдованіе и, съ надлежащими дополненіями или поправками, возводитъ на степень вполнѣ дознанныхъ истинъ? Не ею ли наконецъ руководится въ большей части своихъ полетовъ и замысловъ фантазія художника? Но чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ сподручнѣе для насъ это средство, тѣмъ осторожнѣе должны мы имъ пользоваться, соображаясь и со всѣми другими условіями разумной природы человѣка.

Digitized by Google

череда туземныхъ поколѣній, неизмѣнно сохранялись въ теченіе тысячелѣтій и древнія національныя физіономіи и особенности тѣлосложенья. Памятники Ассиріи и Египта, упредившіе многими вѣками нашу хронологію, представляютъ намъ въ своихъ изображеніяхъ фигуры и черты лица тѣхъ же племенъ, которыя и теперь живутъ въ этихъ мѣстностяхъ. Пошибъ израильскаго народа, не смотря на разсѣяніе его по всѣмъ возможнымъ климатамъ, вездѣ сохранился очень явно и допускаетъ только извѣстное число постоянно встрѣчающихся разновидностей. Даже отличительныя черты греческаго, римскаго, кельтскаго и германскаго тѣлосложенія, при всей пестрой плетеницѣ передрягъ, испытанныхъ этими народами въ теченіе исторіи, выступаютъ еще мѣстами въ качествѣ господствующихъ формъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни какой причины предполагать, чтобы это было иначе. Организація природнаго вида совсѣмъ не такой хрупкій и нестройный въ себѣ механизмъ, чтобы только въ рѣдкихъ счастливыхъ случаяхъ удавалось ему вполнѣ одинаково воспроизводиться приплодомъ; къ нормальному предназначенію естественныхъ произведеній несправедливо было бы обращаться съ тѣмъ же недовѣріемъ, какое овладѣваетъ нами, когда мы беремся заранѣе разсчитать результаты какого-нибудь искусственнаго приспособленія. Поэтому гораздо менѣе загадочно упорное постоянство племенныхъ видовъ, нежели первоначальное ихъ развитіе, коль скоро предположить, что и они, съ своими гораздо бо́льшими другъ отъ друга различіями, развились изъ болѣе общаго родоваго типа точно такъ же, какъ происходятъ на нашихъ глазахъ меньшія разновидности индивидуальныхъ образованій изъ господствующей надъ ними формы племени.

Что этотъ часто обсуждавшійся вопросъ о видовомъ единствѣ или неединствѣ всего человѣческаго рода не вызвалъ еще рѣшительнаго отвѣта и до сихъ поръ, съ этимъ согласится, я

Digitized by Google

думаю, всякій безпредубѣжденный изслѣдователь. Но тутъ сейчасъ же возникаетъ вообще сомнѣніе насчетъ самой постановки вопроса. Было бы вполнѣ произвольнымъ предположеніемъ съ нашей стороны, еслибъ той постепенной классификаціи, въ какой соединяемъ мы семейства подъ именемъ племени, племена — подъ именемъ народа, народы подъ именемъ расы и наконецъ всѣ расы подъ общимъ означеніемъ человѣческаго рода,—еслибъ, говорю, этой классификаціи, рядомъ съ логическимъ и физическимъ ея значеніемъ, мы вздумали придавать еще сплошь и историческое. Правда, смыслъ ея не только что логиченъ; ибо нельзя же допустить, что изъ-за одного лишь нагляднаго удобства мы совмѣстили и распредѣлили здѣсь эти облики, вовсе не заботясь о томъ, оправдываетъ ли лежащая въ природѣ ихъ родственная связь и это совмѣщеніе и этотъ постепенный распорядокъ. Но подобно тому, какъ различные роды растеній принимаемъ мы за сродственныя видоизмѣненія одного и того же всеобщаго типа, который между-тѣмъ самъ по себѣ, какъ растеніе вообще, никогда не существовалъ въ самомъ дѣлѣ, такъ точно и различія человѣческихъ расъ или породъ могутъ быть уклоненіями отъ одного и того же родоваго характера, котораго въ этомъ собственно качествѣ никогда не бывало въ природѣ. Всѣ онѣ возможные случаи, способные произойдти изъ общаго уравненія человѣческаго существа, какъ скоро отдѣльные параметры, отъ которыхъ зависитъ каждая характеристическая форма его видообразованія, опредѣлятся такъ или иначе. Мы не знаемъ ни этого уравненія, ни способа физическаго его осуществленья, а потому съ нашей стороны было бы, хотя и не тотчасъ же опровержимымъ, но тѣмъ не менѣе произвольнымъ, предположеніемъ, допустить, что общій родовой типъ выразился съ самаго начала въ дѣйствительной, и притомъ въ одной только дѣйствительной формѣ, а разнообразное опредѣленіе параметровъ, отъ котораго

Digitized by Google

должны были зависѣть всѣ позднѣйшія различія, совершалось подъ вліяніемъ внѣшнихъ жизненныхъ условій только впослѣдствіи и преемственно надъ этимъ существовавшимъ уже произведеніемъ природы. Намъ слѣдуетъ, напротивъ, всегда имѣть въ виду ту другую возможность, что каждое, разъ состоявшееся осуществленіе общаго типа въ какой бы то ни было дѣйствительной формѣ, именно и устраняетъ уже собою историческое развитіе всякихъ другихъ формъ, точно такъ, какъ, напримѣръ, тѣлостроенію ребенка предоставленъ широкій просторъ неопредѣленности, пока оно еще не рождено и пока установлена только организація родителей, отъ которыхъ предлежитъ ему возникнуть; напротивъ, порожденное однажды тѣло имѣетъ всегда одно какое-нибудь сложеніе, за исключеніемъ уже рѣшительно всѣхъ остальныхъ.

Понятно, что выборъ между двумя этими возможностями мы постараемся рѣшить точнѣйшимъ анализомъ каждаго наличнаго даннаго случая. Никто навѣрно не хватится за мысль о жившемъ будто бы когда-то первобытномъ млекопитающемъ, изъ котораго, благодаря только внѣшнимъ вліяніямъ, произошли потомъ, преимущественно передъ другими животными, слоны, верблюды, быки; но въ разновидностяхъ человѣческаго рода нѣтъ вѣдь, скажутъ, такого крайняго различія, которое возбраняло бы историческій выводъ ихъ изъ одного и того же источника. Правда, ни одна человѣческая порода не обладаетъ такимъ физіологически-важнымъ органомъ, котораго не было бы и у другой; ни у одной множественныя части, каковы напримѣръ зубы или составы пальцевъ, не встрѣчаются обыкновенно въ иномъ невиданномъ количествѣ; ни одно изъ костныхъ сочлененій, ни одинъ мышечный слой не образованы и не расположены у разныхъ породъ по различнымъ началамъ приспособленія; всѣ онѣ предназначены къ прямой поступи, всѣ способны говорить; физіологическія отправленія распредѣлены у

Digitized by Google

всѣхъ по одному плану; въ живучести, въ срокѣ беременности, въ эпохѣ возмужанія, не смотря на множество колебаній, какимъ родъ человѣческій подверженъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, нѣтъ такихъ постоянныхъ различій, которыми одна порода разнилась бы отъ другихъ. Всѣ разности ограничиваются уклоненіями въ относительной величинѣ частей тѣла, особенно же въ образованіи и окраскѣ внѣшнихъ покрововъ. Вѣдь не окрась природа негра въ черный, а индѣйца въ красный цвѣтъ, во всей прочей организаціи этихъ породъ развѣ только щепетильная разборчивость естествовѣда, а ужь конечно не общая фантазія человѣчества, стала бы искать основаній для распредѣленія ихъ на разные виды и для непризнанія за ними одного и того же источника. Остальныя за тѣмъ дѣйствительныя отличія, какъ всѣ разности, основанныя только на соотношеніяхъ величинъ и измѣнчивыхъ ихъ комбинаціяхъ, переходятъ безчисленными ступенями одно въ другое; сами цвѣтовыя противоположности замѣтно смягчаются тѣмъ, что хотя повидимому и не бываетъ между ними середнихъ оттѣнковъ, встрѣчаются однакожъ случаи, когда въ одиночныхъ пятнахъ кожи любая порода можетъ произвесть отличительный цвѣтъ другой, такъ что стало-быть и для этихъ уклоненій представляется возможность развитія изъ одного общаго родоваго типа. Если же наконецъ присовокупить что разныя породы способны и плодиться помѣсью, то изъ всего этого выйдетъ уже несомнѣнный фактъ, что самая близкая аналогія физическаго образованія связываетъ всѣ разновидности человѣческаго рода воедино.

Но всѣ эти обстоятельства, даже и послѣднее, какъ увидимъ дальше, не доказываютъ, чтобъ физическая аналогія заключала въ себѣ непремѣнно и историческое сродство происхожденія. Ненадежны всѣ тѣ смягчающія сравненія, которыми, съ помощью безчисленныхъ промежуточныхъ оттѣнковъ,

Digitized by Google

хотятъ скрасть разстояніе между двумя крайностями: вѣдь если допустить, что чрезъ незамѣтную перемѣну величинъ одна крайность способна перейдти въ другую, тогда не останется ровно ничего вѣрнаго, и изо всего можно будетъ сдѣлать, что̀ угодно. Вопросъ здѣсь собственно въ томъ, можетъ ли природа съ ея дѣйствующими силами совершить надъ обрабатываемымъ ею физическимъ матеріаломъ тотъ именно рядъ переходовъ, какой воображеніе наше совершаетъ очень легко надъ простымъ представленіемъ того или другаго облика? Нѣтъ ничего труднаго мысленно превратить любую форму кристалла во всякую другую, если только вообразить себѣ, какъ могутъ постепенно притупиться и заостриться его грани и углы. Но на дѣлѣ минералы гораздо упрямѣе: они часто отказываются принять вмѣсто обычной своей формы иную, которая, въ чисто-стереометрическомъ отношеніи, находится съ нею повидимому въ ближайшемъ сродствѣ, а между тѣмъ образовательнымъ силамъ было до нея такъ далеко, что она осталась для нихъ недостижимою. О человѣческомъ обликѣ мы не вѣдаемъ совсѣмъ, какую именно, большую или малую, цѣну имѣютъ для него разности въ пропорціяхъ, встрѣчаемыя нами у различныхъ породъ; что же касается до цвѣта кожи, то я готовъ приписать ему большое значеніе, такъ какъ образованіемъ этого покрова вообще человѣкъ весьма существенно отличается отъ животныхъ.

Противуположности, такъ живо подмѣченныя между разными породами въ былыя еще времена, правда нѣсколько посмягчились нынѣ, благодаря нашему знакомству со многими промежуточными формами, сближающими ихъ крайнія проявленья. Но я не въ состояніи видѣть въ этомъ значительный доводъ въ пользу единства человѣческаго рода. Съ исторической точки зрѣнія въ высшей степени невѣроятно, чтобъ уже съ самыхъ раннихъ поръ не происходило помѣсей между племе-

Digitized by Google

нами разновиднѣйшаго образованья,—помѣсей, изъ которыхъ постепенно возникла бездна переходныхъ формъ. Поэтому, на каждую, встрѣчающуюся и нынѣ, племенную особенность, даже господствуй она въ довольно обширныхъ предѣлахъ, мы вовсе не расположены непосредственно смотрѣть, какъ на первобытно-особую форму человѣческаго рода. И по самому существу дѣла, и въ силу общепринятаго всегда мнѣнія, здѣсь, какъ и въ случаѣ любого многоразличія, смыкающаго въ себѣ путемъ многихъ переходовъ самыя разнообразныя звенья, вниманіе наше особенно устремлено на тѣ казистыя точки пестрой череды, гдѣ всего явнѣе сливаются въ опредѣленный и выразительный образъ характерные признаки, которые въ обѣ стороны отъ этихъ точекъ теряютъ уже свою чистоту и очевидность. Если такихъ точекъ найдемъ мы нѣсколько, если замѣтимъ, что множество особенныхъ чертъ образованія, встрѣчающихся только въ одиночку и въ видѣ намека у разныхъ племенъ, въ другихъ постепенно собираются вмѣстѣ и составляютъ какую-нибудь исключительную комбинацію; если замѣтимъ, что черты эти, выступая каждая явнѣе, сопрягаются все въ болѣе крѣпкій и характеристическій союзъ, и если мы наконецъ увидимъ, что возникающій такимъ путемъ образъ не случайно-попавшаяся гдѣ-нибудь исключительная странность, но однородный пошибъ великаго, многочисленнаго, всегда одинаково воспроизводящагося народа: то факты эти дозволятъ намъ всего ближе одно только правдоподобное заключеніе, что въ каждомъ такомъ образѣ имѣемъ мы передъ собой первобытную формацію, а не такую, которая постепенно сложилась бы изъ многоразличныхъ условливающихъ обстоятельствъ. Лежащія между этими казистыми точками переходныя формы гораздо скорѣе принять за порожденія побочныхъ условій, которыя свели ту или другую изъ установившихся коренныхъ формъ на менѣе характеристическія видообразова-

Digitized by Google

нія. Облики негра и краснокожаго индѣйца представляютъ, напримѣръ, два такихъ существенно живыхъ и стройныхъ въ себѣ типа, которыхъ отдѣльныя черты едва ли чей безпредубѣжденный взглядъ подумаетъ выводить изъ тысячи разныхъ мелкихъ вліяній со стороны внѣшней обстановки. Противъ этого очень слабо говоритъ то обстоятельство, что и безъ всякой помѣси породъ иныя европейскія головы отличаются типомъ негра или шерстистыми его волосами; фактъ теряетъ еще болѣе силы, когда сообразимъ, что случаи эти гораздо рѣже, нежели обыкновенно думаютъ, если только одного довольно поверхностнаго сходства не принимать здѣсь за полное равенство. Мало значитъ въ этомъ отношеніи и то, что отъ негровъ родятся иногда бѣлыя или свѣтлоцвѣтныя дѣти, а на кожѣ Европейцевъ проступаетъ пятнами чернота. Всѣ подобные случаи объяснимы или болѣзнію, или вліяніемъ мѣстно и временно ограниченныхъ условій: ни одинъ изъ нихъ у большихъ народовъ этихъ расъ не бываетъ многовѣковымъ, однообразно возвратнымъ проявленіемъ пластическихъ побудовъ. Итакъ, пока другія соображенія не внушатъ намъ поневолѣ противуположнаго взгляда, первичная разность небольшаго, хотя быть-можетъ никогда не опредѣлимаго вполнѣ, числа коренныхъ формъ будетъ все таки самымъ естественнымъ предположеніемъ; тѣмъ не менѣе, изслѣдовать возможность перехода этихъ типовъ одного въ другой имѣетъ неоспоримо свой самостоятельный интересъ для науки о физической природѣ.

За разности въ обиталищахъ, климатахъ, пищѣ и образѣ жизни, а также и въ циливизаціи, хватались какъ за необходимыя условія подобнаго превращенья: Между тѣмъ, нѣтъ ровно ни какихъ историческихъ наблюденій, свидѣтельствующихъ въ пользу того, чтобы хоть одна какая-нибудь комбинація этихъ преходящихъ элементовъ когда-либо обладала способностью производить столь важныя перемѣны въ человѣче-

Digitized by Google

скомъ развитіи. *) Мы вынуждены порознь подбирать дѣйствія, оказываемыя каждымъ изъ нихъ въ гораздо меньшей степени на видообразованіе ближе знакомыхъ намъ племенъ; да и одиночныя-то эти вліянія не всѣ еще вполнѣ выяснены достаточнымъ числомъ наблюденій: тѣмъ ненадежнѣе становится образъ совокупнаго ихъ итога, рисуемый нами уже просто на авось. Дѣйствіе свѣта и тѣни на видъ кожи неоспоримо казалось всегда убѣдительнѣйшимъ доводомъ въ пользу силы климата, — казалось по крайней мѣрѣ внѣнаучной фантазіи. Что знойное солнце Судана вычернило бѣлаго человѣка въ негра, это считалось самою естественною гипотезой, и наряду съ ней, только поскромнѣе, высказывалась обратная догадка, что первобытно-черный человѣкъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ помемногу выбѣлился въ чистаго кавказца. Бѣлая порода, въ обѣихъ своихъ разновидностяхъ: бѣлокурой или рыжей, свѣтлокожей, голубоглазой, и потомъ — темноволосой, смуглой, черноглазой, повидимому, уже исперва носила задатокъ раздвоя на разныя породы; стоило прибавить сюда еще одно предположеніе, что цвѣтъ кожи и волосъ зависитъ отъ одной и той же физіологической причины, и тогда далеко ли до надежды развить все многоразличіе типовъ изъ этого одного. Но факты не оправдали такой надежды. Цѣлый, чрезъ всѣ поясы протянутый, материкъ Америки былъ сплошь населенъ однимъ, хотя и часто видоизмѣняющимся, коричневымъ племенемъ: рѣшительное уклоненіе представляли только жители сѣверныхъ полярныхъ странъ; въ жаркомъ поясѣ древняго міра, въ направленіи отъ запада къ востоку, встрѣчаются нег-

*) Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, смѣлые выводы естествовѣдовъ явно погрѣшаютъ противъ превозносимаго ими индуктивнаго метода, а дилетанты естественной науки сплошь да рядомъ и не подозрѣваютъ этихъ грѣховъ.

Digitized by Google

ритянскіе народы, темноцвѣтныя малайскія и бѣлыя кавказскія племена, чуть не подъ одними и тѣми же климатическими условіями; умѣренный поясъ земнаго шара подѣленъ между кавказскою и монгольскою породами. Далѣе, никогда, при достовѣрномъ отсутствіи помѣси, бѣлое племя, подъ самыми даже тропиками, не пріобрѣтало, вмѣстѣ съ поверхностнымъ осмугленіемъ кожи кстати и бархатистаго лоска негровъ, никогда его волоса не становились шерстистыми, образованіе головы не принимало типа черной расы, да и духовная жизнь его не запечатлѣвалась ея характеромъ; точно также и обратно, съ извѣстнымъ отбѣленіемъ негра въ неблагопріятномъ для него прохладнѣйшемъ климатѣ никогда не соединялся переходъ въ настоящую кавказскую породу (разумѣется, опять-таки помимо помѣси). Послѣ безчисленныхъ наблюденій надъ американскими неграми, тѣперь не стоитъ возвращаться къ устарѣлымъ и недоступнымъ провѣркѣ разсказамъ о томъ, какъ совершенно отбѣливались будто бы въ Европѣ иные негры. Чтобъ тысячелѣтія произвели въ этомъ отношеніи болѣе нежели вѣка, дѣло отнюдь не вѣроятное: развѣ не видимъ мы, что въ теченіе тысячелѣтій неослабно держатся гораздо менѣе важныя разности образованія даже между близко-сродственными племенами? Старались какъ нибудь приноровиться и къ этимъ (неоспоримымъ) опытамъ. Говорили что каждая порода вначалѣ исторіи, хотя бы и не одновременно съ другими, вышла изъ первобытнаго племени въ соотвѣтственномъ ей климатѣ; но, однажды возникнувъ, она стала будто бы неизмѣнною, и перво-общій характеръ человѣчества, принявъ одну изъ этихъ особенныхъ формъ сложенія, не могъ уже быть возвращенъ къ коренному своему типу, ни преобразованъ въ другія породы ни какими противуположными климатическими вліяніями, такъ что будто бы одно только скрещиваніе породъ способно производить переходныя или промежуточныя формы.

Digitized by Google

Многоразличныя судьбы содѣйствовали, говорятъ намъ, къ тому, чтобъ вытѣснить возникшія такимъ путемъ разновидности за предѣлы ихъ первоначальныхъ обиталищъ, и климатическое разселеніе ихъ въ настоящее время не соотвѣтствуетъ уже климатическимъ условіямъ ихъ происхожденія. Между-тѣмъ для всякаго очевидно, какъ близко это мнѣніе къ обсужденному нами выше другому, что первоначальное единство лежало будто бы только въ родовомъ понятіи человѣка: вѣдь и оно должно считать кавказскій типъ одною изъ этихъ же климатически-производныхъ формъ, такъ какъ будь онъ первичною формою, ему слѣдовало бы обладать еще и до сихъ поръ способностью перехода въ разныя породы; а потому предположеніе физически-осуществленнаго и исторически-былаго первообраза есть уже чисто-произвольный придатокъ къ настоящей дѣйствительности.

Опыты надъ міромъ животныхъ равно неблагопріятны предположенію о подобной силѣ климатическихъ вліяній. Ни кого не убѣдятъ примѣры, которыхъ доказательность основана на такихъ же опять ненадежныхъ догадкахъ, — положимъ, хоть примѣръ чрезвычайнаго разнообразія песьихъ породъ. Такъ какъ ни одна изъ нихъ не покидаетъ своего типа безъ помѣси съ другою, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать ихъ за многоразличныхъ (климатическихъ) выродковъ одной прежде существовавшей первичной породы: первоначальная разность ихъ столько же вѣроятна, какъ и разность человѣка. Рогатый скотъ, лошади и овцы переходятъ, напротивъ, подъ вліяніемъ ухода и климата, во множество разновидностей, которыхъ наружный очеркъ иногда довольно рѣзко отличается отъ общаго имъ родоваго типа, не только тѣмъ однимъ, что у нихъ увеличивается напримѣръ производство жира или значительно густѣетъ шерсть, и наступаютъ иногда непривычныя и странныя образованія хвоста и рога, но и такими еще перемѣнами

Digitized by Google

въ соразмѣрностяхъ костей, которыя при тщательномъ соблюденіи породы передаются по наслѣдству. Разности эти соотвѣтствуютъ подобнымъ же видоизмѣненіямъ въ ростѣ, часто наступающимъ, а часто и нѣтъ, у одного и того же человѣческаго племени, по мѣрѣ внѣшнихъ условій. Длина тѣла сокращается обыкновенно въ холодномъ климатѣ, великорослость принадлежитъ однакожь умѣренному (а не жаркому); въ умѣренно сухихъ и теплыхъ равнинахъ формы развиваются полно и крѣпко, сырыя низины порождаютъ вялую тучность, горныя высоты даютъ небольшія, коренастыя и притомъ худощавыя фигуры; чрезмѣрный, еще во время роста начинающійся, трудъ задерживаетъ развитіе тѣла, и потому городское населеніе, говоря вообще, тщедушнѣе деревенскаго. Но всѣ эти правила подлежатъ безднѣ исключеній, невольно напоминающихъ о томъ, что область внѣшнихъ условій — крайне запутанное и темное для насъ дѣло, съ которымъ мы только еще начинаемъ знакомиться. (*) Всѣ вышеупомянутыя разновидности животныхъ, какъ бы онѣ впрочемъ ни произошли, безсильны отстоять свое существованіе по прекращеніи породившихъ ихъ причинъ и по перемѣнѣ климата; всѣ онѣ вырождаются мало по малу опять въ болѣе общій характеръ племеннаго вида.

Итакъ опыты вообще не говорятъ въ пользу великой преобразовательной силы внѣшнихъ вліяній, по крайней мѣрѣ насколько мы знаемъ ее до сихъ поръ. Вотъ почему часто принимались выводить разнообразіе породъ изъ другихъ, не-

*) Только этимъ начинающимся и естественно заманчивымъ на первый разъ знакомствомъ можно объяснить себѣ тѣ крайнія преувеличенія, въ какія впадаютъ иногда нынѣшніе естествовѣды, приписывая дѣйствительной, а потому и строго опредѣленной, силѣ внѣшнихъ вліяній чуть не безпредѣльное могущество.

Digitized by Google

вѣдомыхъ намъ, климатическихъ условій прежней эпохи міра, дѣйствовавшихъ будто бы не въ примѣръ могущественнѣе. Но не усугубляется ли трудность вопроса именно тѣмъ, когда для вещи, которой дѣйствительность сама еще подлежитъ сомнѣнію, мы вздумаемъ допустить даже и не вообразимыя для насъ причины. Если жь вообще сослаться на то, что жизнь земли была прежде могучѣе въ своемъ творчествѣ, то этимъ не совсѣмъ опредѣленнымъ представленіемъ точно такъ же легко воспользоваться и противоположному взгляду. Чѣмъ производительнѣе была земля, тѣмъ вѣроятнѣе, что она съ самаго начала создала различные типы рядомъ. При всемъ томъ, нѣтъ ни какой возможности вполнѣ опровергнуть предположеніе о первоначальномъ единствѣ человѣческаго рода; и сколь ни полновѣсны аналогіи, на какія опирается противъ него естествовѣдъ, онѣ все-таки недостаточны для того, чтобъ на основаніи ихъ окончательно доказать необходимую многоразличность первоначальныхъ образованій

Еслибы однакожь снова принялась мысль о постепенномъ развитіи породъ путемъ внѣшнихъ вліяній, хотя она, такъ же рѣзко, какъ и самый отъявленный матеріализмъ, проповѣдуетъ зависимость организаціоннаго типа отъ неорганической природы, то мы и тогда смотрѣли бы на вліянія климата, какъ на содѣйствующія только условія, которыя уклоняютъ, пожалуй, образовательный побудъ отъ первоначальнаго его направленія, но могутъ свести его на новый путь единственно лишь потому, что самъ онъ отъ природы наклоненъ перескочить на эту дорогу и крѣпко держаться ея впослѣдствіи. Когда къ одному химическому элементу примѣшивается другой въ бо́льшемъ количествѣ, нежели нужно для того, чтобъ образовать между ними низшую степень (возможнаго для нихъ) соединенія, тогда излишекъ остается непоглощеннымъ. Еслижь пріумножить его еще болѣе, то можетъ наступить такой мо-

Digitized by Google

ментъ, когда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и эта увеличенная масса втораго привлечется первою и войдетъ съ ней уже въ иное, своеобразное, соединеніе. Такъ точно, можно себѣ представить, что на установившуюся органическую форму совокупность внѣшнихъ условій оказываетъ сначала такія преобразовательныя вліянія, которыя долго безсильны помѣшать постоянному воспроизведенію этой коренной формы, и потому обосновываютъ лишь второстепенныя, индивидуальныя или народныя, особенности, подобныя разновидностямъ домашнихъ животныхъ, удерживающимся только до тѣхъ поръ, пока существуютъ условившія ихъ причины. Но при дальнѣйшемъ ходѣ этихъ ограниченныхъ вліяній могъ современемъ настать такой моментъ, когда организующей силѣ собственное самосохраненіе обойдется дешевле, если она вполнѣ отступитъ отъ первоначальной своей формы и перескочитъ въ другую, такую именно, которая, подобно первой, заключалась въ общемъ уравненіи организма, не только какъ простая возможность, но какъ возможность преимущественная, потому что и въ ней, какъ прежде въ той, образовательные побуды нашли себѣ опять надежное, способное постоянно воспроизводиться, равновѣсіе. Многоразличіе всѣхъ возможныхъ формъ образованія представилось бы намъ тогда въ видѣ ряда, имѣющаго нѣсколько высшихъ точекъ твердости, внутренняго согласія и органической самосохранности. Если, силою вдѣшнихъ вліяній, органическое развитіе уклонится отъ одной изъ этихъ точекъ, этихъ преобладающихъ типовъ образованія, оно породитъ сперва шаткія, измѣнчивыя, ненадежныя формаціи, постоянно тяготѣющія опять къ тому прочнѣйшему типу, къ которому онѣ всего ближе. Но если совокупностью внѣшнихъ вліяній образовательный позывъ доведенъ однажды до водораздѣла между его собственнымъ участкомъ и участкомъ сосѣдней господствующей точки, тогда онъ пе-

Digitized by Google

рейдетъ за этотъ рубежъ уже не въ силу однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но благодаря своей собственной падкости, своему ускоренному тѣмъ движенію, ищущему надежнаго равновѣсія для его силъ, и тутъ возникнутъ образованія по новому, постоянному опять типу, который ничуть не менѣе прежняго будетъ корнемъ общаго уравненія основныхъ формъ. Такимъ способомъ представленія объяснялась бы та чрезвычайная живучесть, съ какою вездѣ выдерживаютъ себя главные типы, ставши разъ въ независимость отъ внѣшнихъ вліяній; имъ объяснялось бы далѣе то обстоятельство, что вкругъ этихъ упорныхъ типовъ группируется множество податливыхъ, легче изгладимыхъ, промежуточныхъ формъ, дѣйствительно зависящихъ отъ вліяній такого рода, да наконецъ указывалась бы и возможность происхожденія одного главнаго типа изъ другаго, безъ того чтобъ нужно было прибѣгать къ какимъ-либо чрезвычайнымъ и недовѣдомымъ для насъ причинамъ его превращенія. Чего тысячелѣтній гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ не смогъ бы произвесть надъ племенемъ, предназначеннымъ по своей природѣ къ одному постоянному пути развитія,—это самое многоразличіе видовыхъ особенностей могло возникнуть отъ тѣхъ же причинъ, дѣйствуй онѣ только на такой образовательный побудъ, который, сверхъ многихъ случайныхъ выраженій, не обезпечивавшихъ ему надлежащаго покоя, способенъ отъ природы выработаться еще на нѣсколько ладовъ, равно прочной и благонадежной устойчивости. Но, правда, опытомъ не доказано еще и то, что̀ мы здѣсь предполагаемъ за вѣрное, — именно, что многочисленныя переходныя или промежуточныя формы, будучи удалены изъ природнаго своего отечества, оказываются не столько неизмѣнными, какъ коренные типы, которые мы приняли за исходныя ихъ точки.

Во всякомъ случаѣ, многоразличіе дѣйствительно встрѣчающихся формацій дотого велико, что нѣтъ возможности его

Digitized by Google

здѣсь описать; да интересъ всеобщей антропологіи собственно и не требуетъ отъ насъ рѣшенія такой обширной этнографической задачи. Если же мы станемъ отыскивать только упомянутые нами главные типы, то нѣтъ, кажется, ни какого основанія покидать данное уже Блуменбахомъ дѣленіе на пять главныхъ племенъ: негритянское, краснокожее американское, малайское, монгольское, и кавказское. *)

За исключеніемъ ладоней и подошвъ, остающихся блѣдно мясного цвѣта, красноватое при рожденіи тѣло негренка вскорѣ чернѣетъ, благодаря лежащему подъ верхнею кожей слою красильныхъ клѣточекъ. Чернота, которой свѣтлые и темные тоны составляютъ отчасти національныя разности племенъ, усиливается подъ вліяніемъ жара и свѣта, а въ старости и на болѣе свѣжемъ воздухѣ блѣднѣетъ. Кожа, мягкая словно бархатъ и притомъ маслистая, издаетъ непріятную для Европейца, всегда пахучую испарину. Волоса, черные какъ смоль, не круглые, а продолговатые въ толщину, мягки въ младенчествѣ, но скоро потомъ жестчаютъ, клочатся, закручиваются въ очень мелкія спирали и, имѣя каждый не болѣе нѣсколькихъ дюймовъ въ длину, сваливаются сплошнымъ войлокомъ, въ видѣ плотной шерстистой ткани. Размѣры тѣла во многомъ напоминаютъ формы животнаго. Тазъ, по крайней мѣрѣ — мужской, гораздо уже чѣмъ у кавказской породы, и подвздошныя кости стоятъ круче, отчего лядвеи не такъ толсты, а нижняя часть брюха отвислая. Верхняя часть руки или короче, или по крайней мѣрѣ не длиннѣе чѣмъ у Европейца; но длинная локтевая часть, вмѣстѣ съ длинною же и узкою долгопалою кистью, придаютъ негру характеръ поражающей длиннорукости. Бедро сравнительно съ голенью также короче,

*) Ученіе Блуменбаха изложено имъ въ 1776 году въ сочиненіи: «О коренной разновидности человѣческаго рода» (De generis humani varietate nativa).

Digitized by Google

что живо напоминаетъ подобные размѣры и у обезьянъ. Нога вообще худощава и, какъ говорятъ, своей сдавленностью часто обнаруживаетъ сходство съ звѣриной. Малоразвитая икра ведетъ, наконецъ, къ неуклюжей длинно-плоской стопѣ, которая всею сплошь подошвой касается доземи и, не имѣя подъема, отличается притомъ широкою, низкою пятой и мелкими сравнительно пальцами; изъ числа ихъ большой, явнѣе чѣмъ у Европейца, уступаетъ въ длинѣ второму и особенно напоминаетъ строй животнаго своею оттопыренностью отъ другихъ. Короткая, жилистая шея поддерживаетъ сдавленную съ боковъ голову, удлиненную отъ переда кзади. Къ низкому, покатому лбу присоединяются, между тупо-выгнутыми окраинами глазныхъ впадинъ, плоскія носовыя кости съ закругленною выемкой, широкія торчмя скулы, далеко выдвинутыя впередъ челюсти съ откосно сходящимися рядами зубовъ и толстыми, дутлыми губами. Отдавшійся назадъ подбородокъ почти совершенно безволосъ, ухо мало, но толстостѣнно и оттопырено. Горизонтальная линія, касающаяся отверстія наружнаго слуховаго канала, образуетъ съ другою линіей, соединяющей самыя выдающіяся точки лба и верхней челюсти, уголъ отъ 70 до 75°. Уголъ этотъ во всѣхъ человѣческихъ породахъ у ребенка больше нежели у взрослаго; у негра, точно такъ же какъ и у орангъ-утанга, особенно выростаетъ потомъ лицевая часть головы, а черепъ тѣмъ болѣе отдается противъ нея кзади. Кожа негра всего чернѣе не подъ самымъ экваторомъ, но нѣсколько на сѣверъ и на югъ отъ этой линіи; противный въ цѣломъ обликъ этого типа облагораживается у многихъ племенъ болѣе утонченнымъ тѣлостроеніемъ. Черные какъ смоль Іолофы, красноватые Ашантіи, желточерные Мандинги и Феллаты, замѣчательные и по умственнымъ способностямъ, отличаются хорошимъ ростомъ и прекрасными иногда чертами; даже широкій и вдавленый носъ замѣняется у нѣкоторыхъ племенъ

Digitized by Google

выпуклымъ, почти орлинымъ. Вся порода, въ первоначальномъ разселеніи своемъ, ограничена внутренностью, западомъ и югомъ африканскаго материка; на югозападѣ примыкаетъ къ ней грязно-бурое, мелкое, сухощавое и невзрачное племя Готтентотовъ; на юговостокѣ — многочисленнѣйшее, рослое, темнобронзовое племя Кафровъ.

Красная порода разсѣлена по всему американскому материку, за исключеніемъ полярнаго его пояса. Колоритъ, переходя отъ цвѣта дубленой кожи до краснобурыхъ оттѣнковъ различной темноты, густѣетъ и выдается рѣзче при значительномъ упражненіи въ тѣлесныхъ движеніяхъ. Не смотря на многія разности между отдѣльными племенами, общее впечатлѣніе, производимое видообразованіемъ этой породы дотого одинаково, что оно невольно бросалось въ глаза всѣмъ наблюдателямъ съ самаго начала. Ростъ по большой части не очень высокъ, скорѣе коренастъ и приземистъ, грудь и руки мускулисты и хорошо развиты, ноги не такъ полны, но красиво сложены. Ступня мала такъ же какъ и ручная кисть, которой холодность считается характеристическимъ признакомъ даже и у ублюдковъ этой породы съ Европейцами; пальцы на рукахъ и ногахъ тонки и длинны, большой палецъ ноги немного оттопыренъ; станъ прямой, брюхо довольно длинно и выпукло. Голова, которой многія племена придаютъ въ младенчествѣ искусственную форму стяжкою или сгнетомъ, при маломъ развитіи затылка широка посереди. Лицо велико, но не плоско; сильно выдавшіяся, однакожь не угловатыя скулы переносятъ наибольшую ширину его въ область щекъ, которыя круглы, полны и одутлы; да и въ профиль разстояніе отъ уха до лицеочертательной линіи значительно. Низкій, покатый, кверху съуживающійся лобъ прикрываетъ выдавшимися накостными буграми большія и глубокія глазныя впадины, скошенныя немного къ низу и притомъ внутрь; самые глаза, съ черными

Digitized by Google

или карими зрачками, смотрятъ важно и даже мрачно изъ-подъ дугообразныхъ бровей, что, говорятъ, представляетъ замѣчательную противоположность съ кроткими по выраженію, хотя и широкими, устами. Носъ выгнутъ болѣе или менѣе горбомъ, часто въ орлиной формѣ или даже съ замѣтнымъ изломомъ очерчивающей его линіи; губы толсты, но не одутлы, ухо красиво и миніатюрно, борода большею частію жидка, иногда едва замѣтна; волоса грубы, длинны, лоснисты и совершенно прямы. Какъ низко ни упали многія изъ этихъ племенъ, въ типѣ образованія ихъ все-таки видѣнъ такой характеръ, который гораздо болѣе негритянскаго облика вызываетъ къ эстетической идеализаціи.

Малайская порода представляетъ менѣе характерности въ наружномъ видѣ. Острова Индѣйскаго и Великаго океановъ заселены такого пестрою смѣсью племенъ, которой происхожденіе и сопринадлежность съ другими породами выяснить очень трудно. Между этими племенами отличаютъ Малайцевъ въ тѣсномъ смыслѣ, вышедшихъ повидимому съ Филиппинскихъ и другихъ сосѣднихъ острововъ, какъ изъ первобытной своей родины, и занявшихъ на материкѣ полуостровъ Малакку. Цвѣтъ кожи ихъ темный, переходящій отъ каштановаго въ разные оттѣнки до ревенно-желтаго; волоса у нихъ густые, черные, кудрявые и мягкіе; тѣло вообще тонко, средняго роста, но мускулистое и чрезвычайно ловкое; руки и ноги небольшія. Черепъ довольно узокъ, лобъ высокъ и круто выгнутъ, разрѣзъ глаза великъ, носъ широкій и книзу расплющенный, ротъ большой, верхняя челюсть выдается слабо, подбородокъ острый, черты продолговатаго лица болѣе рѣзки, нежели округлы.

Желтая монгольская порода разсѣяна на огромномъ пространствѣ. Она занимаетъ полярныя страны Европы и Америки, а въ Азіи живетъ отъ Каспійскаго моря и Урала до Японіи и Кореи, отъ Ледовитаго моря до Гималайи, Ганга и

Digitized by Google

Бенгальскаго залива. Великое многоразличіе климатовъ такой обширной полосы и разнообразіе быта, дозволяемое ею обитателямъ, ведетъ и ко многимъ разностямъ тѣлесныхъ свойствъ этой породы. Всего рѣзче выступаетъ монгольскій типъ у кочевыхъ и донынѣ пастушескихъ народовъ внутренней Азіи. Шарообразный или почти кубовидный черепъ отличается низменнымъ, пологимъ лбомъ, сильно выдавшимися угловатыми скулами, расширяющими плоское лицо всего болѣе въ лапитной части, по линіи между большихъ торчащихъ ушей. Носъ коротокъ, сплющенъ и широкъ, съ совсѣмъ ровною площадкой лба надъ переносицей; узкіе въ разрѣзѣ, скошенные книзу и внутрь глаза далеко расходятся другъ отъ друга, внутренній уголъ ихъ скругленъ; веки толсты, брови слегка намѣчены. Негустые волоса черны и совсѣмъ прямы, ростъ средній, очень соразмѣрный, легкое и крѣпкое тѣло вообще не мясисто. Цвѣтъ кожи, пшенично-желтый, смуглѣетъ у кочевниковъ и становится еще темнѣе у полярныхъ племенъ, которыя при малорослости и крайне раздражительной нервной системѣ, постоянно живутъ подъ неблагопріятнѣйшими внѣшними условіями. У осѣдлыхъ и цивилизованныхъ народовъ монгольскаго племени, Китайцевъ и Японцевъ, колоритъ свѣтлѣе, и особенно у женщинъ высшихъ классовъ даже приближается къ кавказскому; но черты лица и фигура вообще сохраняютъ типъ породы еще вѣрнѣе и представляютъ его облагороженнымъ, конечно — въ его же смыслѣ.

Не нужно перечислять общеизвѣстныхъ особенностей кавказской породы, каковы овалъ лица, подъемъ и крутизна лба, отвѣсно нисходящій профиль, съ легко осунувшимся ртомъ и съ подбородкомъ навыкатѣ, а также и разныя другія пропорціи слишкомъ знакомой намъ фигуры. Племя это, какъ носитель историческаго развитія человѣчества, будетъ по преимуществу занимать насъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ,

Digitized by Google

а потому намъ часто прійдется упоминать о характеристическихъ чертахъ разныхъ его отраслей.

Какъ пріурочить многочисленныя межеумочныя формы, къ которымъ не приходится вполнѣ ни одинъ изъ этихъ типическихъ образовъ, напримѣръ формы Папуанцевъ и Альфуровъ на южно-океанійскихъ островахъ, какія именно образованія считать помѣсями разныхъ породъ между собою и какія принять за чисто-климатическія видоизмѣненія, — рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ должны мы предоставить спеціальной сравнительной этнографіи и притомъ вѣроятно въ далекой еще будущности. Настоящія наши наблюденія восходятъ, мнѣ кажется, такъ недалеко назадъ, что не даютъ возможности судить о вліяніи климата въ этомъ отношеніи; ихъ не достаточно даже для того, чтобы вполнѣ обозрѣть дѣйствія междупородной помѣси. Что отъ нея происходитъ плодучее потомство, это не доказано еще въ точности относительно соединенія всякихъ породъ между собою, хотя само по себѣ оно впрочемъ довольно вѣроятно. Но чтобы всѣ ублюдки, даже и безъ новыхъ соединеній съ одною изъ коренныхъ формъ, были плодучи до безконечности, это далеко еще не неоспоримо, и въ самой Америкѣ повидимому не вполнѣ довѣряютъ такой способности. Скрестка двухъ породъ на первый разъ всегда даетъ помѣсь тѣлесныхъ разностей между родителями, тогда какъ въ предѣлахъ одной и той же расы индивидуальная особенность одного изъ родителей часто почти исключительно переходитъ на дѣтей. Впрочемъ донынѣ изучали болѣе цвѣтоотѣнки ублюдковъ, нежели ихъ тѣлосложеніе. Помѣсь бѣлыхъ съ неграми въ мулатахъ, и бѣлыхъ съ индѣйцами въ местицахъ, часто производитъ красивыя и духовно-одаренныя образованія, особенно при повторяющемся затѣмъ соединеніи этихъ ублюдковъ съ бѣлымъ племенемъ. Въ пятомъ поколѣніи такой повторительной помѣси съ бѣлыми у мулатовъ исчезаетъ ма-

Digitized by Google

лѣйшій слѣдъ негритянской крови; отъ четвертой помѣси мулатовъ съ неграми родится опять совсѣмъ черное потомство. Потомки негровъ съ индѣйцами, Хиносы, — одна изъ самыхъ дурныхъ помѣсей, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. У Кафузовъ *) индѣйская красота слилась съ эѳіопскою чернотой въ темнокофейный оттѣнокъ, и замѣтная въ чертахъ лица помѣсь этихъ породъ особенно видна въ образованіи волосъ: длинные, прямые индѣйскіе волосы подымаются съ надлобья превысокимъ хохломъ и, закручиваясь концами, какъ у негровъ, сваливаются мало по малу плотнымъ войлокомъ.

Рѣчь объ этихъ подробностяхъ приводитъ насъ еще къ одному мнѣнію, обыкновенно усвоиваемому на первыхъ же порахъ, при самомъ приступѣ къ обзору многоразличія человѣческихъ формацій. Изслѣдованія эти начинаютъ по большей части увѣреніемъ, что необходимо прежде всего какъ можно точнѣе установить понятія естественнаго **вида** (species) и **разновидности** (varietas). Стараются утвердить то положеніе, что всѣ породы человѣческія — только разности одного и того же вида, а не разные виды одного рода. Выраженія эти употребляя и до сихъ поръ совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы отъ нихъ зависѣло рѣшительное опредѣленіе взглядовъ нашихъ на разсматриваемый предметъ; я думаю, напротивъ, что торжественное водвореніе и подробное обсужденіе этихъ терминовъ способно только заслонить игрою въ логическія формальности настоящее содержаніе вопроса, которымъ мы занимаемся. Очевидно, нѣтъ ни какой важности въ томъ, которое изъ двухъ именъ будетъ принято для обозначенія разностей въ человѣческихъ породахъ; но здѣсь ищутъ отвѣта на другой вопросъ: — всѣ ли они могли произойдти отъ

*) Такъ называется та же самая помѣсь въ южной Америкѣ

Digitized by Google

одного первичнаго племени историческимъ путемъ, чрезъ народженіе и климатическія вліянья? Думаютъ обезпечить возможность эту тѣмъ, если предположатъ ихъ только разностями одного и того же вида: тогда будто бы всѣ онѣ должны уже слѣдовать одному общему закону образованія, дающему потомъ разныя формаціи, благодаря лишь многоразличнымъ опредѣленіямъ извѣстныхъ величинъ, которыя онъ, съ своей стороны, оставилъ еще неопредѣленными. Наше невѣдѣніе органическихъ законовъ образованія не дозволяетъ намъ однакожь прямо доказать это существенное тожество всѣхъ племенныхъ типовъ человѣческаго рода, или тожество, простирающееся по крайней мѣрѣ такъ далеко, чтобы всѣ извѣстныя намъ различія можно было отнести насчетъ однихъ наружныхъ вліяній. Вотъ отчего мы ищемъ какого-нибудь внѣшняго признака, удостовѣряющаго въ его существованіи, и думаемъ видѣть такой признакъ въ томъ фактѣ, что человѣческія породы плодучи во взаимной помѣси и что плодъ послѣдней способенъ размножаться еще и дальше. Конечно, признакъ этотъ важенъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что если природа хочетъ соблюсти предѣлы между отдѣльными родами своихъ тварей, то должна же наступать гдѣ-нибудь такая разность въ образовательныхъ побудахъ, которою вполнѣ исключается порожденіе ублюдочныхъ, переходныхъ формъ. Итакъ, по этому свидѣтельству опыта, люди безспорно принадлежатъ къ одной общей группѣ, въ которой господствуетъ существенно одинаковый образовательный побудъ. Но я не знаю, что мы выиграемъ, переложивъ этотъ фактъ въ выраженіе, что человѣческія породы суть только разности одного и того же вида. Разновидность для нихъ нѣчто въ родѣ бездоходнаго титула. Если въ послѣднемъ должно заключаться одно то, что онѣ сохраняютъ плодучесть и въ помѣси, то вѣдь онѣ всегда это дѣлали и дѣлаютъ такъ до сихъ поръ, не выжидая на то права отъ логи-

Digitized by Google

ческаго титула (разновидности); да и мы знали этотъ фактъ искони, насколько онъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ: на сколько же онъ не подтвердился еще опытомъ, мы не повѣримъ ему ни на волосъ больше прежняго, изъ-за одного этого титула. Вѣдь чтожь мѣшаетъ намъ допустить, что внѣшнія вліянія, развившія многія разновидности отъ одного вполнѣ тожественнаго корня, пожалуй производятъ иногда такія различія, которыя могутъ прекратить дальнѣйшую плодучесть ихъ смѣшеній? что есть стало-быть дѣйствительныя разности одного и того же вида, которымъ недостаетъ именно признака, побуждающаго насъ принимать между человѣческими породами только такую степень различія, а отнюдь не больше? Бездѣтность многихъ браковъ въ одной и той же породѣ, тогда какъ по разрывѣ ихъ обѣ стороны становятся плодучи съ другими лицами, указываетъ на возможность такого отношенья. Если же въ названіи разновидности должно заключаться вмѣстѣ и то, что породы развились внѣшними вліяніями изъ одного и того же первобытнаго корня; тогда невольно представляется вопросъ, что именно даетъ намъ право на такой излишекъ въ предположеніи? Если два образованія способны смѣшаться въ третье, тутъ нѣтъ еще ни какого доказательства на то, чтобъ ему должно было имѣть возможность произойдти также и изъ общаго всѣмъ четвертаго. Въ первой помѣси скрещиваются два органически-образовательныхъ побуда; что соединеніе это даетъ отъ себя живучія и плодучія порожденья, не можетъ же быть порукою за то, что и изъ одного органически-образовательнаго побуда, подъ вліяніемъ только внѣшнихъ условій, могутъ возникнуть различныя между собой типическія формаціи; или короче: возможность сліянія воедино органическихъ разностей не рѣшаетъ еще ничего насчетъ возможности раздѣльнаго выступленія ихъ изъ третьяго типа. Напротивъ, дѣло статочное, что хотя разъ существующія уже племена на-

Digitized by Google

столько однородны между собою, что способны давать отъ себя помѣсь, но тѣмъ не менѣе физически не возможна ни одна коренная форма, отъ которой могли бы всѣ они произойдти. Въ такомъ случаѣ, видъ и разновидность будутъ служить только названіемъ для степени сродства наличныхъ образованій, но безъ всякаго надежнаго, вѣрно-опредѣляющаго смысла для способа ихъ происхожденія. Ни эти формальныя понятія, ни попытки точнѣе разграничить ихъ между собой, не рѣшаютъ тутъ ровно ничего (относительно фактическаго содержанія); единственный реальный предметъ изслѣдованія, къ которому всегда прійдется опять возвращать ихъ, состоитъ въ задачѣ, говорить о внѣшнихъ вліяніяхъ не только по какому-то предчувствію и вообще, но перечислять опредѣлительно тѣ изъ нихъ, которыя дали бы намъ возможность исторически и даже отчасти на опытѣ доказать дѣйствительное превращеніе ими одной породы въ другую. Но, разумѣется, мы не простираемъ своихъ требованій до того, чтобы искать здѣсь именно этой крайней степени вполнѣ осязательной достовѣрности: дойди физіологическая наука до точнѣйшаго знакомства съ механизмомъ нарожденія и съ тѣми физическими процессами, путемъ которыхъ видообразованіе родителей и привходящія сюда внѣшнія обстоятельства опредѣляютъ форму дальнѣйшихъ поколѣній, тогда быть-можетъ и удалось бы замѣнить здѣсь простое указаніе опыта состоятельною теоріей; а одно изукрашеніе вопроса логическими терминами не подаетъ ни какой надежды на успѣхъ.

Всего хуже, наконецъ, было бы то, еслибъ и въ практическомъ смыслѣ общеніе между разными породами человѣчества вздумали основать не на дѣйствительной наличности фактовъ, все-таки извѣстной намъ довольно хорошо, но на логическихъ объ ней предположеніяхъ. Положимъ, будь документально доказуемымъ дѣломъ, что предки негра были несомнѣнно на-

Digitized by Google

тоящія обезьяны, но при этомъ оставайся неоспоримымъ тотъ фактъ, что нынѣшніе негры ходятъ всегда прямо, говорятъ, думаютъ и вообще обладаютъ тою большою или малой долею смышлености, какую открываетъ намъ въ нихъ опытъ: гдѣ было бы тогда нравственное оправданіе той жестокости, прійди кому нибудь въ голову обращаться съ ними не на основаніи того, что они есть, а на основаніи того, чѣмъ были нѣкогда ихъ предки, или выражаясь логически — на основаніи того вида, къ какому принадлежали бы они по происхожденію? Или, будь наоборотъ доказано, что обезьяны — выродившіеся люди, чьихъ предковъ въ исторіи древнѣйшихъ эпохъ встрѣчаемъ мы быть можетъ подъ человѣческою еще формою, и въ то же время оставайся вполнѣ достовѣрнымъ то, что онѣ теперь ничего болѣе какъ дѣйствительныя обезьяны, конечно мы уступили бы въ этомъ случаѣ истинно-человѣческому чувству чливости или сердечной памяти *) и стали бы обращаться съ ними не такъ, какъ съ другими дикими звѣрями: вѣдь и помимо всѣхъ подобныхъ соображеній одно сходство ихъ съ человѣкомъ наводитъ иногда какую-то невольную робость даже на суроваго охотника. Однакожь единственно изъза того, чѣмъ были нѣкогда ихъ дальніе предки, или изъ-за естественнаго вида, къ какому онѣ, допустимъ, принадлежатъ, никто не подумаетъ забыть нынѣшнее ихъ состояніе и поставить ихъ въ общественномъ быту на одну доску съ человѣкомъ. Какъ трудно нашему затѣйливому времени оставаться при опредѣленномъ содержаніи наличнаго вопроса, и какъ великъ соблазнъ основывать даже и нравственныя отношенія не на требованіяхъ настоящаго дѣла, а на самыхъ ненадежныхъ догадкахъ о возможномъ способѣ его происхожденія!

---

*) „О, память сердца, ты милѣй разсудка памяти печальной!"

Digitized by Google

Въ разсужденіяхъ своихъ до сихъ поръ мы постоянно обращали вниманіе на одно только тѣлесное образованье. Мы видѣли, какъ особенный характеръ земного шара,—этого поприща всякой жизни, доступной нашему опыту, — видѣли, какъ свойственныя ему вещества, присущія ему силы, потокъ смѣняющихся на немъ событій и внѣшнихъ условій жизненности наконецъ,—какъ все это вмѣстѣ ведетъ къ извѣстнымъ общимъ формамъ, въ которыхъ должны вращаться разнородныя его существа, чтобы въ этихъ именно предѣлахъ выступить многосложно-перепутанною чередой сродственныхъ между собою образованій. Во всѣхъ этихъ формаціяхъ, рядомъ съ общими механическими законами, которымъ подвластны всѣ элементы въ своихъ измѣнчивыхъ соотношеніяхъ, мы признавали, въ качествѣ содѣйствующей силы, и внутреннюю природу элементовъ. Казалось, кстати было бы выставить тутъ же и эту другую сторону, изобразить вмѣстѣ и ту духовную жизнь, которая трепещетъ въ каждой изъ этихъ формацій и отчасти находитъ въ нихъ условія своего проявленія, отчасти же сама производитъ на нихъ формирующее воздѣйствіе, наконецъ, соотвѣтственно съ тѣлеснымъ строемъ, развиваетъ цѣлую родовую череду существъ, принадлежащихъ уже царству духовности. Но во-первыхъ внутренняя жизнь міра животныхъ недоступна намъ до такой степени, что попытка эта дала бы по необходимости одни лишь ненадежные и шаткіе очерки; а потомъ и разныя другія недоумѣнія насчетъ права нашего вообще прилагать форму систематическаго порядка къ міру духовному, навѣрно помѣшали бы намъ въ этомъ предпріятіи. Особое изслѣдованіе духовной жизни, къ которому приступимъ мы теперь, быть-можетъ поведетъ къ инымъ воззрѣніямъ, не похожимъ на представшія намъ здѣсь сначала.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ.

ДУХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Духъ и душа.

Животная душа и разумный духъ. — Взаимное ихъ соотношеніе. — Упраздненіе этой двойственности. — Понятіе о душѣ вообще и душа особи (индивидуальная). — Душа — феноменологическое обозначеніе разныхъ существъ. — Переходъ этого предиката или прозвища въ обозначеніе однороднаго существа. — Душа сама по себѣ и ея развитіе. — Идея развитія, какъ первобытное содержаніе сущности. — Реальность идеи, нереальность простаго качества. — Единство идеи. — Общія свойства душъ. — Царство душъ и его члены.

Много дивъ наполняютъ Землю, дивнѣе человѣка нѣтъ на ней ничего. Въ самомъ дѣлѣ, невольно чувствуешь искушенье повторить здѣсь ту древнюю пѣснь, въ которой поэтъ Софоклъ размышляетъ о чудныхъ успѣхахъ человѣческаго образованія, — размышляетъ со всею свѣжестью думы, не опошлѣвшей еще отъ избитаго навыка. Взглянемъ ли на природу, вездѣ беззащитный, смирный обликъ человѣка вступилъ въ борьбу съ ея ужасами, въ частностяхъ иногда и неудачно, но все-же побѣдоносно вообще; хитростію одолѣлъ онъ превосходную силу животныхъ, принудилъ къ невольному послушанію однихъ, развилъ себѣ на пользу способности другихъ, въ иныхъ, наконецъ,

Digitized by Google

воспиталъ любовь къ себѣ и привязанность. Да и нужно ли тратить много словъ для того, чтобы припомнить всѣ блага общественной жизни разомъ и этимъ воспоминаніемъ обозначить ту ненаполнимую вовѣки бездну, которая лежитъ между нимъ и всѣмъ остальнымъ міромъ живаго созданія? Въ чемъ же теперь зерно этого величія человѣка? Можно ли указать на какую-нибудь значительную силу, на какую-нибудь опредѣленную способность, которая, привходя вновь къ человѣческому существу, выводитъ его развитіе далеко за предѣлы животной дѣятельности? Или, положимъ, мы нашли бы въ немъ одно только приращеніе тѣхъ же самыхъ способностей, которыя свойственны и царству животныхъ,—откроются ли намъ тогда такія обстоятельства, которыми объяснился бы этотъ внезапный разростъ, не предвозвѣщенный ни какими промежуточными, приготовительными и посредствующими ступенями? Или ужь не заблуждаемся ли мы тутъ сами, и нѣтъ ли можетъ-быть дѣйствительно въ многоразличіи жизненныхъ состояній человѣка такой преемственности высшихъ и низшихъ развитій, которая ведетъ непрерывно и безъ скачка отъ тупоты животнаго бытія вплоть до самой вершины человѣческаго образованія? Дотого различны между собой отдѣльныя части великой картины, передъ которою мы стоимъ, что намъ хотѣлось бы утвердительно отвѣчать на каждый изъ этихъ вопросовъ въ его очередь, смотря по тому, на ту или другую черту великаго цѣлаго попадетъ сперва нашъ взоръ и остановится на ней въ невольномъ очарованьи.

Сравненіе высшихъ вершинъ нашей образованности съ полубезсмысленными и безсвязными проявленіями окружающей насъ душевной жизни другихъ тварей показываетъ такую безмѣрность разстоянія между обѣими сферами бытія, что, кажется, только привхожденіемъ какого-нибудь совершенно новаго элемента развитія можно объяснить себѣ громадный перевѣсъ че-

Digitized by Google

ловѣческаго образованья. Вотъ почему издревле существовалъ уже такой взглядъ, который, приписывая чувственную душу міру животныхъ, противопоставлялъ ей разумный духъ, какъ верховное могущество, прилагающееся одному только человѣческому роду и дающее живости его чувственныхъ ощущеній и стремленій высшее ихъ направленіе. Но это имя духа можно необинуясь допустить собственно только какъ имя, не болѣе: положимъ, что въ немъ совмѣщены всѣ тѣ безвѣстныя особенности, благодаря которымъ человѣческое развитіе возвеличивается въ своихъ успѣхахъ надъ всѣмъ прочимъ земнымъ существованіемъ; но причины этихъ успѣховъ едвали имъ сколько-нибудь объясняются. Вѣдь нельзя же намъ воротиться снова къ тому простодушному подѣлу нашей личности, который видитъ въ душѣ и духѣ два разныя, отрѣшимыя другъ отъ друга существа: душу, напримѣръ, считаетъ какимъ-то временнымъ, срочнымъ повѣвомъ, который проходитъ вмѣстѣ съ пространственнымъ образомъ, а духъ — чѣмъ-то переживающимъ предѣлы земной жизни и устремленнымъ къ рѣшенію гораздо высшихъ задачъ.

Впрочемъ, насъ прежде всего оскорбляетъ здѣсь не кажущійся раздѣлъ того, чему бы надлежало быть единымъ: сколь ни неясно понималось часто взаимное соотношеніе между духомъ и душой, само по себѣ оно все-таки не перечило бы вполнѣ всякому опредѣленному уразумѣнію. Естественно, мы думали бы видѣть тогда исключительно только въ духѣ единство всего нашего существа, наше истинное *я*; душа же отступала бы передъ нимъ въ общій рядъ тѣхъ многоразличныхъ элементовъ, которые, при всей разноцѣнности своей, одинаково отданы въ его распоряженіе организаціоннымъ планомъ. Этотъ рядъ только пріумножился бы въ такомъ случаѣ однимъ вліятельнѣйшимъ членомъ, который, по преимуществу ли своей собственной природы, или по превосходству своего положе-

Digitized by Google

нія, превышалъ бы всѣ остальные элементы внутренней подвижностью, совокупллялъ въ себѣ ихъ раздраженія, передавалъ ихъ единосущему духу и въ обмѣнъ за то получалъ отъ него наказы, чтобы уже своимъ собственнымъ смысломъ подготовлять потомъ ихъ выполненіе посредствомъ тѣлесныхъ орудій. Тогда въ предѣлахъ тѣлеснаго облика дѣйствительно существовала бы двойная жизнь. Ибо, подобно тому, какъ душа животнаго неоспоримо собираетъ разнообразныя впечатлѣнья въ единство сознанія, сопровождаетъ ихъ чувствомъ довольства или недовольства и переработываетъ въ исходныя точки послѣдующихъ дѣйствій, такъ точно и наша душа имѣла бы тогда свои представленія, воспоминанія, чувства и стремленья заглазно отъ господствующаго надъ нею духа, и это ея частное сознаніе отнюдь не было бы нашимъ. Разныя проявленія того, что зовемъ мы обыкновенно своей жизнью, исходили бы изъ этого втораго жизнедѣятеля внутри насъ безъ нашего вѣдома и безъ нашей воли; иныя созерцалъ бы, правда, и нашъ духъ, такъ какъ взаимнодѣйствіе между нимъ и душою доводило бы и до его сознанія впечатлѣнія, наполняющія (частное) сознаніе души, но, кромѣ этого пріема ихъ къ свѣдѣнью, не вызывало бы у него ни какихъ самостоятельныхъ дѣйствій. Тогда могли бы, конечно, встрѣтиться и такіе случаи, что дѣятельность души, побуждаясь внѣшними раздраженьями проявить въ извѣстномъ смыслѣ свою способность, приводила бы къ живому воздѣйствію и самый духъ, такъ что, замкнутая прежде, его область раскрывалась бы наконецъ въ свою очередь, и, въ силу общихъ законовъ, управляющихъ конечно и этимъ соотношеніемъ, высшая природа духа отчасти обнаруживала бы свою собственную внутреннюю жизнь, отчасти вліяла бы преобразовательно, руководительно и направительно на внѣшнія дѣйствія души, а черезъ нихъ и на внѣшнія движенья тѣла.

Digitized by Google

Такъ возникаетъ передъ нами образъ тѣснаго и небезплоднаго общенія двухъ существъ (души и духа), которыя, явно раздѣляясь между собою, выполняютъ этотъ игривый механизмъ психическаго взаимнодѣйствія. Знакомая съ безчисленными соотношеньями органическихъ образованій, которыхъ раздраженія воспринимаетъ она въ себя, душа передавала бы духу эти впечатлѣнія, хотя быть-можетъ и не порознь, но въ видѣ того общаго настроенія, въ какое слагаются они для нея самой, и тѣмъ доставляла бы высшей его дѣятельности постоянную или смѣняющуюся почву своеобразнаго жизненнаго чувства. Изъ однороднаго тона этого настроенія выступали бы потомъ разныя опредѣленныя черты, рисунки, незыблемые въ своей формѣ; приводясь въ порядокъ душой, обнаруживающей способность эту даже и у животныхъ, пространственныя созерцанія и многоразличныя сродства и противоположности чувственныхъ ощущеній представали бы духу для того, чтобъ испытать въ немъ ту чуткую эстетическую оцѣнку, которая не дается повидимому чувственной душѣ. Возбужденный, наконецъ, въ глубинѣ своей сущности, духъ, самъ по себѣ незнакомый съ внѣшнимъ міромъ, блуждалъ бы туда и сюда по прихоти своей взволнованной фантазіи; но невыразимые словомъ побуды высшей его природы налегаютъ на живоподвижность чувственной души, и она-то, подъ властительнымъ ихъ вліяніемъ, влечетъ сродственную ей тѣлесную организацію къ безчисленнымъ движеньямъ, которыхъ результаты наглядно воплощаютъ передъ духомъ неясную и безформную прежде загадку его вѣщихъ стремленій. И когда, напослѣдокъ, расторгнется общеніе этихъ дѣятелей, тогда преходящая душа давно уже успѣла ввѣрить духу весь добытокъ жизни и опыта, а духъ, удерживая за собой то, чего не могъ онъ пріобрѣсть самъ собою, готовится, пожалуй, къ новому существованію въ иныхъ уже (невѣдомыхъ намъ) формахъ.

Digitized by Google

Довольно этихъ замѣчаній, чтобы показать, какъ не неодолимы тѣ трудности, которыя обыкновенно мѣшаютъ намъ ясно представить себѣ механизмъ взаимнаго соотношенія между духомъ и душою; гораздо менѣе ясно и въ неопредѣленныхъ только выраженіяхъ могли мы коснуться вопроса о раздѣлѣ труда между этими сверхчувственными существами, вопроса о тѣхъ вкладахъ, какіе каждый изъ нихъ способенъ привнести въ сокровищницу нашей жизни. Потому что именно ближайшее изслѣдованіе тѣхъ особенностей, которыми человѣческое образованіе возвышается надъ животнымъ бытіемъ, — изслѣдованіе это еще только предстоитъ намъ впереди, и противъ всякой попытки заранѣе овладѣть его выводомъ говоритъ то недовѣріе, съ какимъ мы невольно смотримъ на этотъ странный и какъ-то слишкомъ ужь рѣзкій образъ соединенія двухъ силъ, будто бы озаряющихъ двоякимъ свѣтомъ всѣ жизненныя наши движенія. Начни мы свои изслѣдованія прямо съ развитія человѣка, оставляя міръ животныхъ въ сторонѣ, тогда чувственная душа, какъ нѣчто совсѣмъ лишнее, очевидно выпала бы изъ нашихъ соображеній. Положимъ, ей было бы легко совокуплять въ единство одного сознанія, одного чувства, одного побуда, потрясенія безчисленнаго множества тѣлесныхъ элементовъ, или, наоборотъ, овладѣвать тѣмъ стремленьемъ, которое возникало бы въ духѣ изъ переработки этихъ внутреннихъ состояній, и дѣйствительно выражать его потомъ въ самыхъ движеніяхъ элементарныхъ частицъ; но развѣ не такъ же легко могъ бы непосредственно и духъ производить то же самое дѣйствіе при помощи составныхъ частей тѣла (и, слѣдовательно, помимо всякаго участія души)? Или, иначе, всѣ затрудненія, какія вообразятся намъ, пожалуй, въ непосредственномъ взаимнодѣйствіи между духомъ и физическими массами, развѣ не встрѣтятся опять точно такъ же неизбѣжно и во взаимнодѣйствіи между тѣломъ и душой, кото-

Digitized by Google

рымъ вздумали бы мы замѣнить первое? Какъ часто бываетъ при вводѣ, объяснительнаго на видъ, средняго звена, загадка и тутъ не только осталась бы нерѣшеною, но даже еще и болѣе бы усложнилась. Очевидно, одно воспоминаніе о мірѣ животныхъ, о низшей сферѣ душевной жизни, общей имъ съ человѣкомъ, и о той высшей сферѣ, которой они лишены,—только сугубое это воспоминаніе собственно и оправдываетъ раздѣлъ между двумя сверхчувственными властями. Но этотъ фактъ, если мы и допустимъ покамѣстъ полную его силу, быть-можетъ объяснимъ для насъ еще и иначе.

Заправду едвали кому прійдетъ на умъ противопоставлять между собою духъ и душу, въ качествѣ различныхъ существъ, такъ буквально, какъ сдѣлали мы выше: привычки новѣйшей думы чуждаются такихъ рѣшительныхъ разрозненій и не любятъ ихъ обидной ясности. Хотя труднѣе уловить прямой смыслъ такого взгляда, всякой предпочтетъ смотрѣть на нихъ, какъ на разныя ступени, разныя стороны или моготы (потенціи) одного и того же сверхчувственнаго существа, или выводить превосходство духа изъ высшей какой-нибудь способности, напримѣръ—разума, которымъ онъ надѣленъ и котораго чувственная душа лишена вовсе. Не будучи въ силахъ объяснить, что собственно значатъ здѣсь ступени и стороны, мы должны оставить эти мнѣнія въ покоѣ; послѣднее однакожь еще исправимо, и съ нимъ можно опять выйдти на торный, проходимый путь. Вѣдь въ чемъ ни заключайся разумъ, ясно, что душа не можетъ воспринять, въ видѣ особаго, дароваго придатка къ своей природѣ, какую то совсѣмъ новую способность, не обоснованную уже въ этой природѣ такимъ образомъ, что способность или необходимо должна была развиться изъ нея, или по крайней мѣрѣ могла развиться при содѣйствіи благопріятныхъ условій. Ни одно въ мірѣ существо не терпитъ ни какихъ привѣсковъ къ своей сущности; если къ которому либо

Digitized by Google

изъ нихъ приходитъ новая какъ-будто способность, недостающая подобнымъ ему другимъ, то ясно, что они не были вполнѣ схожи съ нимъ въ самомъ дѣлѣ, что втайнѣ коренной кряжъ его природы, къ которому примкнула будто бы невиданная мощь, былъ не таковъ, какъ у другихъ сродственныхъ существъ, лишенныхъ этого чуднаго прироста. Вмѣсто того, чтобъ искать въ человѣкѣ души животнаго, къ которой, какъ къ низкородному дичку, прививается потомъ отличительный высшій побудъ, намъ должно съ самаго начала видѣть въ человѣческомъ духѣ своеобразное существо, котораго особая природа сквозитъ даже въ простѣйшихъ и низшихъ проявленіяхъ его дѣятельности, хотя полное ея значеніе и противоположность ея съ душой животнаго явнѣе обнаруживаются только въ послѣднихъ результатахъ ея развитія.

Общія понятія — вотъ тотъ обоюдуострый мечъ, который одинъ даетъ нашему человѣческому познанію возможность обнажать коренной кряжъ первобытной силы и дѣятельности изъ-подъ перепутанной плетеницы поверхностныхъ явленій; а между тѣмъ употребленіе этого меча такъ часто задѣваетъ невзначай тотъ животрепетный побудъ, который бы хотѣлось намъ пощадить и оберечь. Когда, сравнивая представляющееся намъ многоразличіе, мы сначала подбираемъ сходное въ мѣньшія группы, а потомъ общія особенности этихъ отдѣльныхъ группъ сводимъ подъ высшія точки зрѣнья, и наконецъ, восходя далѣе, распредѣляемъ все обиліе частностей какъ бы въ расчлененную лѣствицу взаимно предпоставленныхъ и подчиненныхъ другъ другу понятій, тогда мы часто готовы думать что направленіемъ того пути, какой описываетъ наша мысль, восходя и нисходя по этой лѣствицѣ, обозначается вмѣстѣ и путь внутреннихъ соотношеній между вещами, которыя встрѣчаемъ мы на различныхъ ея ступеняхъ. Самое общее, высшее и потому бѣднѣйшее по опредѣленному содержанію понятіе

Digitized by Google

такой постепенной череды представляется намъ какъ бы въ видѣ грубой мраморной глыбы: изъ ея-то вещественной и благонадежной твердости привходящія потомъ условія вырабатываютъ, думаемъ мы, опредѣленныя уже формы; и въ той же самой послѣдовательности, въ какой мысли наши систематически пробѣгаютъ по разнымъ видамъ и подвидамъ, должны, сдается намъ, выступать изъ того истиннаго ядра всего сущаго сначала самыя общія различія высшихъ родовъ или разрядовъ, а потомъ, при вѣчно новомъ вліяніи все болѣе обособляющихся условій, постепенно выходятъ и несравнимыя между собою образованія одиночекъ или отдѣльныхъ особей. Если же членосоставу (систематикѣ) своихъ классификацій мы и не припишемъ непосредственно значенія исторически-былой череды, то думаемъ по крайней мѣрѣ выразить ею точно и соотвѣтственно бо́льшую или мѣньшую величину прямой или косвенной зависимости, связывающей различныя свойства дѣйствительныхъ особей между собою, а равно и съ тѣмъ общимъ ядромъ, въ которомъ онѣ укоренены. Мы видимъ, какъ самые разнообразные предметы сходятся взаимно въ томъ, что одинаково служатъ средоточіями входящихъ и исходящихъ дѣйствій, одинаково страдаютъ и обнаруживаютъ дѣятельность, оставаясь при обмѣнѣ всѣхъ этихъ событій постоянными точками: вотъ почему собственно мы и придаемъ имъ названіе вещей. Но мы скоро забываемъ, что названіе это одинъ титулъ, заголовокъ, данный для обозначенія въ многоразличномъ общей ему формы бытія, страданія и дѣйствія; онъ незамѣтно превращается для насъ въ обозначеніе вездѣ-однороднаго, кореннаго содержанья, которое будто бы и составляетъ истинную сущность, и изъ котораго привходящія потомъ условія вырабатываютъ все многоразличіе образованій, встрѣчаемое нами на опытѣ. Вещью простодушное представленіе называетъ все то, что̀ надѣлено вышеупомянутою формой

Digitized by Google

самостоятельности и способности къ дѣйствію и страданью: оно, стало-быть, готово считать возможнымъ, чтобы и саморазличнѣйшія существа одинаково наслаждались этого рода существованіемъ; точно такъ же, какъ ядомъ называетъ оно все зловредное для органической жизни, сколь бы ни различны были вредоносныя вещества. Только уже начатокъ философской думы сбиваетъ съ толку это естественное воззрѣніе, — сбиваетъ по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ простотой обсуждаемыхъ предметовъ устраняется всякій поводъ къ заблужденію. Вѣдь, говоря о несчастныхъ случаяхъ, ни кто, конечно, не скажетъ, что сперва случается несчастье само по себѣ, а изъ него, благодаря привходящимъ къ тому ближайшимъ опредѣленіямъ, образуется послѣ всякая особая непріятность. Гдѣ же, напротивъ, зайдетъ рѣчь о разныхъ естественныхъ явленіяхъ, представляющихъ намъ, вслѣдствіе невѣдомыхъ причинъ, свойства матеріальности, каковы непроницаемость и другія, тутъ мы находимъ самопонятнымъ дѣломъ, что эту общую форму соотношенія должно перетолковать въ общее содержанье, — въ матерію или вещество, которыхъ участокъ присущь будто бы исперва каждому тѣлу непремѣнно и только уже извѣстными побочными условіями выработывается потомъ въ особливыя свойства тѣхъ или другихъ элементарныхъ частицъ. Заговоримъ ли мы, наконецъ, вообще объ этой сродной всѣмъ вещамъ формѣ соотношенія ихъ между собою, тутъ ужь не далеко до роковыхъ поисковъ за той сущностью, которая только и есть что сущность, — за всемірнымъ веществомъ, изъ котораго будто бы дѣлаются вещи (какъ изъ тѣста пекутся пироги) и котораго клочокъ лежитъ въ каждой, обезпечивая ей заготовь всеобщее свойство самостоятельнаго бытія, страданія и дѣйствія, пока не наступятъ особыя обстоятельства и не опредѣлятъ, чѣмъ ей именно быть и какъ она должна страдать и дѣйствовать. Вотъ такъ-то общія понятія, которыми сначала мы обозначили толь-

Digitized by Google

ко, какъ заголовками, однородныя свойства самыхъ можетъ-быть различныхъ существъ, вовсе не касаясь ихъ разностей, перешли въ совершенно превратное значенье, ни дать, ни взять, какъ еслибы намъ вздумалось, напримѣръ, утверждать, что общее понятіе о господинѣ и рабѣ есть предшествующая дѣйствительность и реальность, изъ которой, благодаря привходящимъ потомъ условіямъ, возникаютъ называемыя этими именами отдѣльныя лица со всѣми особенностями характеристическихъ ихъ свойствъ.

Психологія также испытала на себѣ вліяніе этого извращенія понятій. Сравнительный взглядъ на внутреннюю жизнь обнаружилъ у различныхъ тварей вездѣ однородныя формы ея проявленія, — ощущенія и представленья, чувствованія и стремленія, вездѣ сходные между собою законы и навыки обоюднаго сочетанія и взаимнодѣйствія этихъ проявленій. Такая однородность побудила обозначить невѣдомыхъ носителей ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ: чѣмъ они себѣ ни будь, ихъ заподрядъ назвали душами, такъ какъ всѣ они схожи между собою въ томъ, что облекаютъ внутреннія свои состоянія въ эти оригинальныя формы; но коренное содержаніе, выражаемое отдѣльными существами на этомъ однородномъ языкѣ, могло быть тѣмъ не менѣе различно, и различно, пожалуй, до несравнимости. Принятое однажды словоупотребленіе незамѣтно вывороталось наизнанку: имя, означавшее одинаковость соттошеній внутренно-различнаго, стало именемъ для внутренно-тожественнаго существа, къ которому разность привѣшивалась только въ видѣ сторонняго придатка. Въ томъ и должна была заключаться истая и существенная природа носителя внутреннихъ явленій, что онъ вообще душа, что ему присуща способность ощущенія, чувствованія и желанья; что же именно ему ощущать, что чувствовать и что желать, это зависѣло уже отъ другихъ условій, о которыхъ забота предоставлялась

Digitized by Google

или тѣлесной организаціи, или особенности внѣшнихъ жизненныхъ отношеній, или, наконецъ, позже привходящему дарованію: только которымъ-нибудь изъ этихъ путей вполнѣ однородное душевное существо всѣхъ тварей могло, какъ утверждали, достигать того разнообразія въ выработкѣ, какое представляетъ намъ опытъ.

Подобные взгляды распространялись между нами въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Въ борьбѣ съ матеріализмомъ нерѣдко говорили о сущности или субстанціи души такимъ образомъ, что тутъ замѣтно сквозила наклонность противопоставить всеобщему веществу, какъ метеріалу, изъ котораго дѣлаются вещи, другое вещество, изъ котораго дѣлались бы души. Всего больше мѣтили тутъ, кажется, на твердое, постоянное ядро, которое ставъ среди внутреннихъ явленій, давало бы имъ въ себѣ надежную опору; довольно было уже и того, чтобъ ядро это своей природою не походило на общій матеріалъ (или субстратъ) тѣлеснаго міра; какъ бы ни было оно впрочемъ безсодержательно, все-таки надѣялись вывесть изъ него особенности отдѣльныхъ душъ точно такъ же, какъ изъ всеобщей матеріи выводили особые элементы природы. При этомъ не догадывались, какъ и эта послѣдняя попытка можетъ удасться только навидъ, какъ она собственно потому лишь и кажется возможною, что ни что не помѣшало бы намъ сводить всѣ разности тѣлесныхъ элементовъ на различные способы соединенія атомовъ одной и той же всеобщей матеріи. Тутъ предполагалась бы съ нашей стороны только рѣшимость смотрѣть на элементы эти не какъ на первично-простые, но какъ на сложные, да предполагалось бы еще, что намъ извѣстны причины того постоянства, съ какимъ эти различныя формы соединенія тожественнаго въ себѣ вещества, пребываютъ, безпереходно одна въ другую, неизмѣнными основами видимой дѣйствительности. Необходимая простота или безсложность души

Digitized by Google

дѣлаетъ подобную попытку невозможною: ни разжиженіемъ или сгущеньемъ, ни различной группировкою элементовъ всеобщей психической субстанціи не объяснить намъ разностей между отдѣльными душами; онѣ должны быть или совершенно равны, и всѣ уклоненія въ высотѣ достижимаго для нихъ развитія должны исключительно зависѣть отъ обстоятельствъ, или онѣ изначала различныя существа, которыя, рядомъ съ сходственностью въ однородныхъ формахъ своего выраженія, надѣлены безпредѣльнымъ несходствомъ того содержанья, которое проявляютъ онѣ посредствомъ этихъ однородныхъ формъ. Вездѣ неудержимо распадается въ прахъ ложное представленіе о неопредѣленной сперва сущности, предшествующей будто бы настоящему бытію, въ видѣ какой-то всеобщей закваски, необходимой для сгущенія въ дѣйствительность какого бы то ни было привходящаго къ ней послѣ содержанья; и мы вынуждены сызнова признать, что именно само живое содержаніе, благодаря своей собственной природѣ, пріобрѣтаетъ способность дѣйствовать и страдать, пріобрѣтаетъ свойство существенности, и что опрометчивая только мысль готова увлечься мечтою, будто бы этой формой своего существованія обязано оно не самому себѣ, а лежащему въ немъ ядру всеобщей сущности.

Съ подобнымъ же вообще порицаніемъ, но лишь нѣсколько иначе, должны мы отнестись къ одной теоріи, пытавшейся возсоздать все многоразличіе внутренней жизни изъ взаимнодѣйствій между представленіями, какъ изъ чисто-самоотстойчивыхъ актовъ души противъ угрожающихъ ей разстройствъ и порушеній. *) Отнюдь не предпосылая всеобщаго душевнаго

*) Авторъ разумѣетъ психологическую систему Гербарта, считающую и до сихъ поръ многихъ горячихъ приверженцевъ въ Германіи.

Digitized by Google

матеріала, изъ котораго выработывались бы потомъ отдѣльныя души, она указывала въ опредѣленномъ и простомъ, хотя конечно-невѣдомомъ намъ, качествѣ то содержанье, которое будто бы и есть коренная природа всякаго порознь существа, причемъ изначала допускалось ею безконечное многоразличіе этихъ качествъ, а потому и столь же великое первобытное разнообразіе существъ; наконецъ, подъ названіемъ душъ разумѣла она тѣ именно существа, которыхъ самоотстойчивыя дѣйствія носятъ на себѣ вездѣ однородную форму представленія или ощущенья. Но, пытаясь развить всѣ многосложнѣйшіе и высшіе акты духовной жизни изъ одного только дальнѣйшаго взаимнодѣйствія ощущеній, помимо всякаго новаго участія со стороны природы души, кромѣ, разумѣется, того, какое вытекаетъ изъ чисто-формальнаго характера ея единства, теорія эта въ сущности возвращалась опять къ тому же взгляду, который мы только-что успѣли передъ этимъ осудить. Вѣдь и она, въ понятіи представляющаго существа, точно также видитъ матеріалъ, изъ котораго при содѣйствіи однихъ внѣшнихъ условій, допускающихъ бо́льшую или мѐньшую многосложность во внутреннихъ взаимнодѣйствіяхъ между элементами дѣятельности, можно будтобы вывести всѣ отличительныя черты разныхъ душъ, какъ человѣческихъ, такъ и скотскихъ. Правда, ни что не мѣшаетъ допустить, что именно смотря по разности ихъ коренной природы бываютъ различны и простыя ощущенія, какъ первыя проявленья самоотстойчивой ихъ дѣятельности, что поэтому многое можетъ представляться душѣ животнаго не такъ, какъ нашей; но механическіе законы, по которымъ совершается дальнѣйшая взаимная переработка этихъ элементовъ, положительно и, безъ сомнѣнія, справедливо признаются вполнѣ одинакими во всѣхъ сплошь существахъ. Итакъ, для разности духовнаго образованія не остается у этой системы ни какого достаточнаго внутренняго моти-

Digitized by Google

ва или побужденія: вѣдь не искать же его, конечно, въ томъ, что, напримѣръ, противъ раздраженья тѣла со стороны свѣтовыхъ волнъ одна душа силится отстоять себя извѣстнымъ цвѣтоощущеніемъ, а другая какимъ-либо инымъ невѣдомымъ для насъ качествомъ впечатлѣнья. Но мы прежде высказали свое убѣжденіе насчетъ того, до какой степени невозможно, всѣ формы дѣятельности даже одной и той же душевной жизни объяснить изъ механическихъ взаимнодѣйствій между представленьями; какъ необходимо, напротивъ, уразумѣть, что существо души должно постоянно съизнова вступаться въ ходъ этого процесса, — и вступаться съ такими коренными дѣеспособностями, которыя въ производствѣ простыхъ представленій не находили еще достаточнаго повода къ проявленію своей дѣятельности, но воздерживались отъ нея до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшія соотношенія, завязавшіяся между многоразлично тѣснящими другъ друга представленьями, не пробудили ихъ одну за другой раздраженьями высшаго уже порядка. Мы нашли, что душѣ прирождена несравненно бо́льшая глубина своеобразнаго содержанія, нежели одна только голая способность отстаивать себя ощущеньями; ежемгновенное положеніе хода представленій всегда имѣетъ, казалось намъ, два послѣдствія: — одно предрасчислимое, котораго, въ силу механическихъ законовъ внутренней жизни, могло оно требовать равно вездѣ, и другое — непредвидимое, порожденное дѣйствіемъ мгновеннаго состоянія на своеобразность этой именно души; а потому сколько ни были бы одинаковы для всѣхъ существъ механическіе законы процесса внутреннихъ явленій, — результатъ ихъ, высота и особый оттѣнокъ духовнаго развитія, зависитъ не отъ бо́льшаго или мѣньшаго объема и многоразличія этого все же вообще однороднаго механическаго потока, но отъ первобытной разности почвы, по которой онъ бѣжитъ, отъ различной природы душъ, на кото-

Digitized by Google

рую онъ всегда воздѣйствуетъ и о которую разбиваются его волны. Простое напоминаніе, что механическіе законы вездѣ оставляютъ неопредѣленною самую природу того, что́ обречено имъ повиноваться, должно бы, кажется, быть достаточнымъ для утоленія жажды нашей думать и уповать, что высшее и своеобразнѣйшее, чего душа достигаетъ въ своемъ развитіи, основано на глубочайшемъ и первобытнѣйшемъ существѣ ея природы, — думать и уповать безъ того, чтобы по этому поводу приходилось отступиться отъ возможныхъ еще выгодъ, какія убѣжденіе въ строгомъ механическомъ порядкѣ внутренней жизни обѣщаетъ для науки по крайней мѣрѣ въ будущемъ.

Вотъ и эти соображенія повели насъ опять къ такому выводу, къ которому природный смыслъ довольно наклоненъ вообще; только непривычка заниматься ненаглядными предметами путаетъ его въ этомъ вопросѣ множествомъ ни на чемъ не основанныхъ сомнѣній. Ни кто, конечно, не думаетъ, что коренной кряжъ всѣхъ растеній одинъ и тотъ же, и что только обстоятельства вырабатываютъ на немъ разнообразіе произрастаемости, — листа, цвѣта и плода; мы знаемъ, что всякая особенность дальнѣйшаго строя предопредѣлена въ первичной зародышной клѣточкѣ и что всѣ сходства послѣдующаго развитія суть лишь однородные способы выраженія, какъ бы одинаковый языкъ, которымъ открываются и высказываются первобытно-различныя природы растеній. Не слѣдъ, конечно, проводитъ это сравненіе слишкомъ далеко: оно можетъ служить только поясненіемъ, и отнюдь не доказательствомъ. Вѣдь и первая зародышная клѣточка должна же непремѣнно быть соединеніемъ многоразличныхъ элементовъ; и въ своеобразномъ сопряженіи частицъ, лежащихъ можетъ-быть равномѣрно въ коренной основѣ всѣхъ вообще растеній, особый образовательный побудъ каждаго изъ нихъ въ частности найдетъ для себя достаточное основаніе. Вотъ здѣсь-то, какъ уже и прежде за-

Digitized by Google

мѣчено, представленіе наше о природѣ души, которой нераздѣльное единство должны мы всячески отстаивать, неизбѣжно разойдется съ употребленнымъ выше сравненьемъ. Но о томъ, какъ слѣдуетъ понимать это представленіе, мы для устраненія ощутительной еще неясности, присовокупимъ здѣсь нѣсколько замѣчаній къ тѣмъ размышленіямъ, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нашей книги не было намъ повода простирать такъ далеко (Томъ I, стран. 234 и слѣд.).

На вопросъ, что̀ такое тотъ или другой предметъ, мы обыкновенно отвѣчаемъ прежде всего описаніями, въ которыхъ сообразительность наша вскорѣ усматриваетъ только обозначеніе того, какъ предметъ дѣйствуетъ или страждетъ, а не того, что̀ онъ собственно есть. Всѣ приписываемыя ему нами чувственныя свойства суть формы отношенія его къ другимъ предметамъ въ случаѣ взаимнодѣйствія между нимъ и послѣдними; да и всѣ сверхчувственные предикаты (или обозначенія), которыми пытаемся мы далѣе охарактеризовать природу вещей, когда всмотришься въ нихъ поближе, превращаются опять-таки въ показанія о томъ, что̀ дѣлаютъ вещи при извѣстныхъ условіяхъ, или въ перечень происходящихъ между ними событій. Сколь ни отчетливо какая-либо теорія разъяснила бы всю плетеницу взаимныхъ соотношеній между вещами, сами онѣ, тѣ постоянныя точки, которыя вступаютъ въ эту спутанную сѣть, или отъ которыхъ идутъ ея нити, остаются совершенно неизвѣстными. Если мы прежде и должны были допустить, что существо души, какъ оно есть до развитія своего силой внѣшнихъ возбужденій, также ускользаетъ отъ нашего познанія, то не считали этого однако важною утратой. Потому что именно въ томъ, чѣмъ становится душа благодаря своему развитію, мы находили существенное содержаніе ея, которое одно и могло быть для насъ важно. Еслижъ, не смотря на то, все еще возникаетъ желаніе познать ее такъ, какъ она

Digitized by Google

есть сама въ себѣ, то мы видѣли въ немъ скорѣе любопытство вывѣдать, какъ дѣлается, чтобы могло существовать нѣчто, способное дѣйствовать и страдать и порождающее изъ себя небезъизвѣстное намъ въ сущности содержаніе духовнаго развитія. Дѣйствительно, бо́льшаго уразумѣнія существенной природы души мы вовсе и не надѣялись почерпнуть въ открытіи того, чѣмъ была она прежде своей жизни; только, какъ и въ любомъ художественномъ созданіи, котораго все значеніе лежитъ въ его формѣ и вполнѣ уразумѣвается нами изъ нея одной, насъ интересовало здѣсь стороной узнать также и матеріалъ, изъ какого она составлена и который даетъ возможность этимъ изящнымъ и полнымъ смысла линіямъ протягиваться въ пространствѣ надежно, состоятельно и для насъ явственно. Этотъ вопросъ о способѣ, какъ именно дѣлается существованіе и дѣйствіе, находили мы тогда нелѣпымъ; желаніе же узнать, что́ такое сама душа, помимо ея развитія, показалось намъ только излишнею затѣей: къ обоимъ этимъ отзывамъ должны мы теперь присовокупить два тѣсносвязанныя между собою дополненія.

Касательно послѣдняго отзыва надо́ сказать, что знаніе того, что́ совершается душою въ ея развитіи, могло бы удовлетворить насъ только, будь у насъ какая-нибудь порука, что дѣйствительно въ извѣстной намъ части ея развитія открылась вполнѣ вся глубина ея существа. Но душа вѣдь не выростаетъ въ такой наглядно-опредѣленный образъ, какъ напримѣръ растеніе, о которомъ мы знаемъ, что весь скрывавшійся въ его зародышѣ запасъ побуда и образовательной силы совершенно изживается имъ, съ перваго ростка до вызрѣва сѣмянъ, въ извѣстныхъ всѣмъ формахъ растительности, которыя у безчисленныхъ особей однѣ и тѣ же. Духовное существованіе, въ противуположность тѣлесному строю, не имѣетъ опредѣленнаго числа представленій, чувствованій, стрем-

Digitized by Google

леній, которымъ ограничивался бы нормальный его кругъ или составъ, какъ напримѣръ тѣло ограничено положеннымъ числомъ членовъ: между элементами внутренней жизни не совершается такого мѣрно-очерченнаго кругооборота отправленій, какъ между тѣлесными органами; а если—какъ хотятъ иные—и совершается, то отнюдь не въ немъ состоитъ внутренняя жизнь, а въ той безмѣрно-многоразличной, непредвидимо-своеобразной мелодіи, въ какую, по поводу внѣшнихъ возбужденій, постоянные аккорды располагаются у каждаго отдѣльнаго существа иначе. Да и мелодія не представляетъ еще вѣрнаго образа духовной жизни: вѣдь переливы мелодіи въ неизмѣняемыхъ предѣлахъ гармоническихъ аккордовъ вынуждаются у души только чуждыми ей раздраженьями, которыя разбрасываетъ на пути ея ходъ міра; ей надлежитъ принять эти внѣшніе побуды въ преемственную череду своего собственнаго развитія, и такъ какъ они вызываютъ у ней иногда внезапные скачки, разныя неожиданныя уклоненья, то истая, глубочайшая ея природа, то, чего наиболѣе хотѣлось бы ей самой, лежитъ ужь не непосредственно въ слышимой мелодіи, но въ неслышной, ни какими опредѣленными интервалами не связанной формѣ, силѣ и своеобразности того упруго-податливаго процесса, которымъ она усвоиваетъ этотъ чуждый ей элементъ и даетъ себѣ въ немъ явственный обликъ. Трудно было бы уловить этотъ вовсе не наглядный характеръ даже и тогда, еслибъ намъ вполнѣ давалась послѣдовательная череда тѣхъ тоновъ, въ которыхъ онъ постепенно выражаетъ свое содержаніе. Но что же будетъ въ томъ случаѣ, когда намъ прійдется сказать, что безконеченъ рядъ поводовъ, способныхъ возбуждать душу къ проявленію себя и къ дальнѣйшему всегда самораскрытію? что тысячи помѣхъ могутъ задержать развитіе лежащихъ въ ней зародышей? что уже и въ этой жизни насъ такъ часто поражаетъ неожиданная новизна воздѣйствій,

Digitized by Google

наступающихъ вслѣдъ за неновыми въ сущности впечатлѣньями? что, наконецъ, въ иныхъ совсѣмъ формахъ существованія, на предчаяніе которыхъ наводитъ насъ настоящій смыслъ нашего земнаго развитія, могутъ выработаться новыя, доселѣ и не мечтающіяся намъ способности? На этотъ разъ все равно, по какому праву вдаемся мы въ каждое изъ приведенныхъ недоумѣній; довольно, что на дѣлѣ существующее недовѣріе удерживаетъ насъ отъ попытки представить себѣ въ духовной жизни, чтобы природа зачатка ея исчерпывалась дѣйствительнымъ развитіемъ уже вся сполна. Да не понять бы намъ и самого этого развитія, не имѣй мы въ самобытномъ существѣ души законодательно-творческой формы, *) научающей насъ восполнять то, чего не можетъ показать намъ опытъ, и тѣмъ самымъ вносить смыслъ и послѣдовательность даже и въ ограниченный участокъ развитія, открытый нашему наблюденью. Эта-то потребность всегда съизнова и приводитъ насъ къ вопросу, что же такое душа сама въ себѣ, но приводитъ уже не совсѣмъ такъ, какъ прежде. Для насъ главное не общая природа душъ, изъ которой происходили бы отдѣльныя души порознь, но та единая идея, которая въ предѣлахъ каждой особой души развивается въ многоразличныя дѣятельности, какъ въ естественныя свои послѣдствія.

Рѣчь теперь не о томъ, сумѣемъ ли мы отыскать и выразить словами эту животворную и зиждительную идею любого даннаго существа; для насъ интересно сообразить, такова ли вообще форма идеи, чтобы ее можно было допустить, какъ способъ уразумѣнія того, въ чемъ мы отыскиваемъ сущность всякой вещи. Съ двухъ различныхъ сторонъ можемъ мы усомниться въ ея годности. Вопервыхъ, идея повидимому не довольно тѣлесна, осязательна для того, чтобы образовать что

*) Мы предпочли бы назвать эту форму нормативною.

Digitized by Google

нибудь прочное и стойкое, изъ чего бы естественно было исходить дѣйствіямъ; да она притомъ не обладаетъ, кажется, и характеромъ единства, необходимымъ для коренной сущности всякаго истиннаго бытія.

Первымъ изъ недоумѣній этихъ касаемся мы опять той черты, о которой говорили уже выше, — касаемся наклонности предпосылать дѣйствительной душѣ всеобщую душевную сущность, или субстанцію. Но прежде эта субстанція выходила у насъ общею психическою природой, изъ которой возникали особенныя свойства разныхъ душъ, а теперь ищутъ въ ней чего-то реальнаго, на что явленія внутренней жизни опирались бы, какъ на прочнаго носителя. Извѣстно, что въ любомъ явленіи, которое при всей измѣнчивости своей даетъ однакожь угадывать въ себѣ господство какого-нибудь постояннаго закона, ходячее мнѣніе наклонно видѣть причину этой послѣдовательной связи или выдержки въ какомъ-то темномъ, недоступномъ для мысли ядрѣ вещности. Насчетъ всего, что намъ въ самомъ дѣлѣ понятно, мы готовы усомниться, возможна ли еще полная, самобытная его дѣйствительность; только дойдя въ явленіи до того крайняго остатка, который нѣтъ намъ ни какой надежды когда-либо себѣ выяснить, мы думаемъ, что въ немъ-то и отыскали истинно-сущее, прямо противоположную мысли и совсѣмъ недоступную для нея вещь, настоящее дѣло, реальное. Намъ мнится, что мы понимаемъ только сложное, что наша мысль проникаетъ въ швы или пазы, оставляемые реальнымъ при его смычкахъ, и что благодаря этому анализу узнаемъ мы всѣ свойства, основанныя на такого рода сплоченіи (реальныхъ элементовъ). Мы высматриваемъ такимъ образомъ тайну многосложнаго, но само реальное, составляющее матеріалъ этихъ сочетаній, только разнимается, а отнюдь не разлагается нашей мыслью; растворенныя, подобно химическому веществу въ какой-нибудь неразлагающей его жидкости, пла-

Digitized by Google

ваютъ эти дѣйствительно простыя ядра вещности въ нашемъ соотносительномъ мышленіи такъ же неразрѣшенными, какъ и прежде. И это-то именно должно служить порукой въ томъ, что они — нѣчто истинно-сущее. Будь они разрѣшимы для ума, имѣй мы возможность вполнѣ выразить ихъ въ мысляхъ, они сдѣлались бы только мыслями и перестали уже быть вещностями. Если то, что они есть въ себѣ, вздумаемъ мы приравнять качеству, то и качество должно же имѣть что-нибудь еще, чему оно присуще какъ качество; назовемъ ли сущность ихъ силою, вѣдь и сила предполагаетъ оказывающаго ее носителя: примемъ ли ихъ за идею, тогда понадобится кто-нибудь, имѣющій или мыслящій эту идею. Короче, какъ ни уловчись мы воспроизвесть сущность вещей умственно, всегда воспроизведеніе это окажется только образомъ ихъ, не больше; все таки тутъ не будетъ того твердаго, неразрѣшимаго ядра реальности, поверхъ, внутри или вокругъ котораго, или наконецъ въ видѣ исходящихъ отъ него лучей, отдѣльныя характерныя черты образа отверждались бы въ въ прочную, устойчивую вещность. Такъ доходимъ мы напослѣдокъ до того, что и внутри самихъ себя ищемъ чего-то неразрѣшимо-реальнаго и ставимъ въ никогда не объяснимую зависимость отъ него знакомую намъ ясную полноту духовной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, такой невѣрный способъ представленья можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока мы не станемъ опредѣлять себѣ точнѣе, какого именно рода эта зависимость, а будемъ по прежнему удовлетворяться грубымъ образомъ носителя, на который многоразличное содержаніе сущаго навѣшивается какъ будто бы извнѣ. Но коль скоро мы уразумѣемъ, что обладаніе какимъ бы то ни было свойствомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленное бытіе того, кому оно принадлежитъ; что, далѣе, два существа, разнящіяся въ своихъ свойствахъ, необходимо должны быть различны и въ томъ, что они есть, что, поэтому

Digitized by Google

преимущество быть вещнымъ, реальнымъ, принадлежитъ не исключительно одному вездѣ равному себѣ содержанію, но что многоразличное неоспоримо реально: коль скоро мы до этого дойдемъ, то сейчасъ же увидимъ, что реальность, какъ опредѣленный родъ бытія, есть самое первичное понятіе, необходимо предшествующее въ нашей мысли всякому другому, и что названію реальнаго подпадаетъ всякое содержаніе, которому, по какимъ бы то ни было причинамъ, довѣдомымъ или недовѣдомымъ нашему изслѣдованью, принадлежитъ эта опредѣленная форма существованья. Но отнюдь не льзя сказать наоборотъ, будто вещи имѣютъ реальность потому, что въ нихъ есть нѣчто реальное. Вещи суть то, что онѣ есть, благодаря только своему содержанію; благодаря тому, что содержаніе это способно дѣйствовать и страдать, и быть постояннымъ элементомъ въ измѣнчивой чередѣ явленій, вещи существуютъ дѣйствительно и отличаются, какъ реальныя, отъ своего образа (или отраженья въ мысли). Но какъ, наконецъ, сдѣлано, что содержаніе это обладаетъ дѣйствительностью, способною дѣйствовать и страдать, вотъ тотъ безумный вопросъ о скрытной механикѣ существованія, который мы уже не разъ прогоняли отъ своей мысли. Мы знаемъ только одно, что ничего не выиграть намъ отъ напрасныхъ хлопотъ заручиться напередъ какимъ-то всеобщимъ матеріаломъ дѣйствительности, чѣмъ-то реальнымъ, и отъ него уже раздавать дѣйствительность въ помѣстные участки всему тому, что̀ захочетъ къ нему пріютиться; что, напротивъ, мы всегда должны смотрѣть на существованіе, какъ на непостижимый для насъ въ своемъ началѣ первоукладъ (Setzung), которому непосредственно и безъ всякихъ промежуточныхъ, переходныхъ звеньевъ подпадаетъ все то, что̀ образуетъ содержаніе сущаго.

Если, въ ожиданіи подробнѣйшаго обсужденія этихъ вопросовъ, мы пока дозволимъ себѣ предположить, что содержанье

Digitized by Google

сущаго ускользаетъ отъ нашего понятія не потому, чтобы природа его была совершенно чужда мысли, но потому, что именно въ противоположность такой неразрѣшимой для ума вещности, оно вполнѣ заслуживаетъ названія идеальнаго, то результатъ этой догадки можно опредѣленнѣе выразить въ слѣдующихъ словахъ: реальное есть не что иное какъ идея, непостижимо вылитая въ форму дѣеспособной самобытности.

Это совсѣмъ не то мнѣніе, которое часто высказывается также въ отпоръ идолопоклонству передъ косным ядромъ реальнаго. Освободясь отъ этого грубѣйшаго изъ заблужденій, мы готовы отдаться восторженному увлеченію равно несбыточною противоположностью: сущность вещей, говоримъ мы, сама — чистая, непрерывная дѣятельность, вовсе не опирающаяся на что-либо бездѣйственное, откуда бы она исходила. Очевидно, выраженья эти не передаютъ того представленія, какое необходимо имѣть передъ собой, когда ихъ произносишь. Нельзя приравнивать духъ къ неопредѣленному (отвлеченно-представляемому) мышленью; мы чувствуемъ, что онъ долженъ быть чѣмъ-то мыслящимъ (то-есть непремѣнно существомъ); сущность вещей не можетъ быть ни бытіемъ, ни дѣятельностью (въ отвлеченномъ смыслѣ): она необходимо суща и дѣюща (положительно, опредѣленно). Все дѣло въ томъ, чтобъ явственное въ этихъ причастіяхъ подлежащее опредѣлить себѣ по-возможности точнѣе; но мы не выиграемъ ни на волосъ, если, откинувъ подлежащее, поставимъ на мѣсто его неопредѣленное наклоненіе или отвлеченное существительное, которыми отнюдь его не замѣнить. Приведенное нами мнѣніе могло бы еще имѣть видъ состоятельности въ томъ лишь случаѣ, еслибъ вещь, которой сущность оно думаетъ опредѣлить по-своему, оказывала сплошь одну и ту же дѣятельность, такъ-что проявленіе послѣдней развѣ задерживалось бы только иногда противоположными ей дѣйствіями, или, еслибъ вся природа

Digitized by Google

вещей исчерпывалась непрерывной смѣною формы и содержанія, вѣчнымъ бытодвиженіемъ, вѣчнымъ становленьемъ (Werden). Но природа вещей, какими онѣ намъ представляются, и особенно занимающая насъ здѣсь природа души, не постижима безъ того, чтобы рядомъ съ дѣйствіемъ не предположить въ ней и страданья; не постижима, если не допустить, что по мѣрѣ испытываемой ею отъ разныхъ условій страды, измѣняется не только внѣшнее проявленіе ея дѣятельности, но и сама эта дѣятельность, ея форма и существенный характеръ; не постижима, наконецъ, если не присовокупить, что и эта измѣнчивость не вѣчно текущее бытодвиженье, но нѣчто самовозвратное, или такое, въ чемъ возвратъ одинаковыхъ условій производитъ опять и одинаковые результаты. Вещи — очевидно, средоточія, откуда по разнымъ направленіямъ идутъ различные токи дѣйствія, то бьющіе ключемъ, то задерживаемые, бѣгущіе то сильно, то слабо, то смѣняющіеся, то сопровождающіе другъ друга. Явленіе такой перемѣнной дѣятельности требуетъ объяснительнаго основанія, оно должно на что-нибудь опираться; эти основаніе и опора лежатъ именно въ томъ, что̀ есть существо, въ содержаніи его, которое мы не можемъ уразумѣть какъ дѣятельность, а понимаемъ только какъ идею, какъ единственную нормативную формулу для многоразличности дѣйствія, страданія и всѣхъ вообще внутреннихъ состояній. Содержаніе именно тотъ безсмѣнный сопричастникъ текущаго бытія и дѣйствія, который мы видимъ передъ собою сущимъ и дѣйствующимъ и который равно далекъ отъ неудержнаго расплыва въ дѣятельность, какъ и отъ совершенной косности такого ядра, которое никогда бы само не тронулось къ дѣйствію, а только допускало бы его къ себѣ извнѣ.

Положимъ, возразятъ намъ съ сомнѣніемъ, пусть все это такъ и есть; но развѣ то, что̀ поймемъ мы здѣсь подъ формою идеи, какъ сущность вещей, способно наслаждаться тѣмъ

Digitized by Google

опредѣленнымъ существованіемъ, которое должно составлять
ихъ необходимую принадлежность? Не то, чтобъ вопреки преж-
нимъ своимъ заявленіямъ, мы все-таки желали теперь узнать,
какимъ чудомъ дается вещамъ существованіе, въ чемъ бы они
себѣ ни заключались; но какъ не всему же мыслимому при-
надлежитъ эта самобытная дѣйствительность, то идеѣ сущно-
сти слѣдовало бы носить на себѣ по крайней мѣрѣ тѣ общіе
признаки или примѣты, которыми допущенное въ дѣйствитель-
ность различно отъ того, чему она остается недоступной. Не
относится ли къ этимъ признакамъ, къ этимъ отмѣтамъ вся-
каго истинно-сущаго прежде всего то, что оно едино въ себѣ
самомъ? а, напротивъ, все, что̀ называемъ мы идеей, не пред-
полагаетъ ли, повидимому, множественности элементовъ, ко-
торыхъ взаимное сочетаніе ею выражается? и выражается
притомъ такъ, что дѣйствіемъ этого выраженія на воспріим-
чивую нашу фантазію порождается въ насъ единичное настро-
еніе, тогда какъ этого ощущаемаго нами внутренно единства
нѣтъ вовсе въ соотношеніяхъ тѣхъ элементовъ, которые ле-
жатъ внѣ насъ? Поэтому, не всякая ли идея просто одна толь-
ко мысль, составляемая сообразительностью познающаго су-
щества, коль скоро оно соберетъ въ себѣ множественность
явленій,—мысль, которая не присуща, однакожь, самой эте
множественности никогда, какъ порождающая и формиру
щая ее сила?

Часто дѣлывались эти возраженія, и ихъ пытались отстр
нить тѣмъ, что на мѣсто идеи, конечно объемлющей многора
личныя стремленія и отношенія сущаго къ иному, ставил
совершенно простое, первичное качество, какъ сущность ка
дой отдѣльной вещи по себѣ. Это значило, смотря по взгля
на дѣло, вводить или только новое названіе для стараго грѣ
или вмѣстѣ съ именемъ и само̀ прежнее заблужденье. Вѣ
сущность вещи должна во всякомъ случаѣ быть такова, что

Digitized by Google

изъ нея могли происходить дальнѣйшія ея дѣйствія и многоразличныя свойства, хотя, положимъ, и не безпосредственно, а подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; далѣе, она должна быть такова, чтобы тѣ виды сопряженія ея состояній, которые зависятъ не отъ одной вереницы внѣшнихъ раздраженій, необходимо развивались изъ нея по поводу послѣднихъ; однимъ словомъ, простое это качество должно заключать въ себѣ совершенно такой же источникъ дѣйствія и страданья, причину того же самаго порядка внутреннихъ состояній, какихъ искали мы и въ идеѣ. Въ этомъ смыслѣ, простое качество — одна только перемѣна имени, въ которомъ развѣ слышится лишь еще требованье понимать содержаніе идеи не въ томъ, по необходимости раздробномъ, видѣ, въ какомъ выразилъ бы его нашъ языкъ, знай мы въ самомъ дѣлѣ это содержаніе, но совмѣстить его въ сжатость единичнаго опредѣленья, въ форму одного первобытнаго качества, какъ сущности той или другой вещи. Конечно, на такого рода совмѣщеніе мѣтили мы и сами, но это новое представленье погрѣшаетъ тѣмъ, что именно форма качества неспособна дать требуемаго сосредоточенія идеи къ единству. Сколь ни невѣдомымъ и недоступнымъ всякому познанію вообразили бы мы себѣ качество любой вещи, какъ скоро имя качества должно быть не совсѣмъ пустымъ и произвольнымъ обозначеніемъ существеннаго содержанія вещей, но по крайней мѣрѣ формально обозначать его опредѣленнымъ и характеристическимъ образомъ, тогда и тому невѣдомому качеству необходимо обладать особенностями, неразлучными съ нимъ по его природѣ. Намъ знакомы только качества чувственнаго ощущенія; только отъ нихъ отвлекаемъ мы общее понятіе и только ихъ имѣемъ собственно въ виду, говоря о сущности вещей въ томъ смыслѣ, какъ разумѣетъ его сейчасъ-приведенное нами мнѣнье; представленіе о сверхчувственныхъ качествахъ образуемъ мы вполнѣ по примѣру извѣстныхъ намъ чувственныхъ, и на

Digitized by Google

сколько оно намъ удается, на столько мы этимъ и удовлетворены. Мы воображаемъ себѣ сущность вещи такъ же вполнѣ тожественною въ самой себѣ, какъ, напримѣръ, синева неба, повидимому такъ сочно и пластично наполняющая міровое пространство, такъ ровно-спокойная, что незамѣтно въ ней ни малѣйшаго признака, ни малѣйшаго зачатка движенья за собственные предѣлы, такъ безотносительная и безчастичная, какъ любой простой, первичный цвѣтъ: мы воображаемъ себѣ сущность вещи такою, и сами успокоиваемся на этомъ отрадномъ созерцаніи. Мы забываемъ только одно, что спокойствіе это слишкомъ неподвижно, что это единство слишкомъ уже просто. Настойчиво должны мы всегда припоминать себѣ, что единство вещи существуетъ не для того, чтобъ вѣчно утѣшаться самимъ собою, но что ему необходимо порождать изъ себя измѣнчивое многоразличіе явленій. А къ этому-то и неспособно содержаніе, которое по его природѣ, пришлось бы понимать въ формѣ качества. Оно было бы только упразднимо, но отнюдь не измѣняемо, потому что всякая перемѣна предполагаетъ за собой постоянный, всегда одинаковый родникъ силъ, который необходимъ измѣняющемуся для того, чтобы оно могло развиться изъ него опять въ новой формѣ. Простое качество не имѣетъ за собой ничего подобнаго, и чѣмъ оно проще, тѣмъ менѣе приложимы къ нему понятія дѣйствія и страданья. Та спокойная, открытая гладь безхитростнаго тожества, которую видѣли мы въ чувственныхъ качествахъ и которою любовались какъ истымъ выраженіемъ невозмутимой природы сущаго, ему-то именно никогда и не принадлежитъ. Она даже и не намекъ на какое-либо спокойное свойство вещности; она не болѣе какъ отрадный призракъ, въ которомъ отверждается для нашего только созерцанія любой живоподвижный моментъ процесса, то-есть взаимнодѣйствія между многими элементами: и въ этой аналогіи всего менѣе можно уловить то сущее, ко-

Digitized by Google

тораго спокойнѣйшій и вмѣстѣ объективнѣйшій символъ мы воображали себѣ въ ней видѣть.

Закончимъ же теперь это разсужденіе. Если бы кто-нибудь и затѣмъ еще спросилъ, какимъ образомъ содержаніе идеи можетъ имѣть то единство, которое необходимо для сущаго, и которое мы, правда, встрѣчали въ качествѣ, но лишенное равно-необходимаго зародыша многоразличности, — на подобный вопросъ мы отвѣтили бы слѣдующимъ соображеньемъ. Каждый взглядъ, ищущій выразить и воспроизвесть сущность какого-либо предмета въ понятіяхъ и словѣ, хочетъ, разумѣется, чтобы не самое это выраженіе, а обозначаемое имъ содержаніе принималось за сущность. Слово идея имѣетъ двоякое значеніе: подъ нимъ разумѣютъ вопервыхъ содержаніе вещей, а потомъ и ту форму мысли, въ какой мы умственно воспроизводимъ это содержаніе. Окольные пути, которыми идетъ наше воспроизводящее мышленіе, не тѣ же самые, что собственные пути воспроизводимой вещи; множественность не только однихъ словъ, но можетъ-быть и безсловно мыслимыхъ соотношеній, нужная намъ для уясненія себѣ того, что у насъ въ виду, вовсе не предполагаетъ такой же многочастности и въ предметѣ мышленія. Поэтому, если, въ значеніи созидаемой нами мысли, идея неоспоримо оказывается многоразличною и тревожною въ себѣ дѣятельностью соотносящаго и сравнивающаго познанія, — дѣятельностью, которую въ этой формѣ ея отнюдь не льзя принять за объективную сущность вещи, то, наоборотъ, предметъ, выражаемый этой мыслію, тѣмъ не менѣе способенъ къ первобытному единству. Развѣ одно и то же сиующее въ насъ размышленіе не воспроизводитъ изъ многоразличныхъ элементарныхъ звеньевъ стихотворенія единство его поэтической души? Сомкнутую въ такую именно форму единства, называемъ мы идею сущностью вещей. Еслибъ, наконецъ, вѣчно-несытое

Digitized by Google

любопытство вздумало потребовать еще наставленія, какъ сдѣлать, чтобы содержаніе идеи сомкнулось въ это единство дѣйствительно, и пожелало бы узнать, какъ ему представить себѣ результатъ подобнаго усилія, то-въ этомъ заключалось бы уже совершенное непониманіе задачи и дѣеспособности познанія. Потомучто это равнялось бы точь въ точь желанію вывѣдать, какъ ухитриться, чтобы самому быть тѣмъ, о познаніи чего здѣсь идетъ дѣло. Да насъ не привела бы къ цѣли даже и такая блажь: имѣй мы дѣйствительно возможность всякой разъ превращаться въ то, что̀ хотѣлось бы намъ вполнѣ проникнуть, тогда стремленіе наше узнать, чѣмъ именно мы стали по превращеніи, неизбѣжно лишило бы это новое наше существо первоначальнаго его единства и преобразило бы его въ сложное представленіе, опять-таки состоящее изъ разныхъ частей и многоразличныхъ ихъ соотношеній.

Намъ остается прибавить еще только пару словъ о причинѣ, по которой мы воспользовались этой двусмысленностью названія идеи: вѣдь не безъ причины же это сдѣлано. Между разными формами пониманія предметовъ именемъ идеи обозначаемъ мы ту, которая характеризуетъ свой предметъ не какою-либо опредѣленною наличностью постоянныхъ признаковъ и не какою-либо извѣстной формой сочетанія между измѣнчивыми признаками, но исключительно тѣмъ, всегда тожественнымъ, смысломъ, который способенъ выражаться въ безконечномъ многоразличіи признаковъ и ихъ взаимныхъ сочетаній. Наглядное созерцанье человѣка есть только пространственный его образъ, не болѣе; представленіе прибавляетъ къ этому образу и связанному съ нимъ воспоминанью о прочихъ его признакахъ стороннюю мысль, что вся эта многоразличность составляетъ одно цѣлое; понятіе о человѣкѣ возникаетъ у насъ тогда, когда въ бездну особенныхъ его признаковъ мы внесемъ, какъ объяснительное ихъ средоточіе, болѣе общую, предержащую

Digitized by Google

формулу рода; идея же человѣка не дается намъ до тѣхъ поръ, пока мы не уразумѣемъ мысли, которую онъ призванъ осуществить собою, — мысли, не привязанной ни къ какому опредѣленному ряду признаковъ, но содержащей въ себѣ основную причину, почему онъ долженъ быть пространственнымъ явленіемъ, связнымъ въ себѣ организмомъ, главою животнаго царства на землѣ. Употребивъ слово идея въ смыслѣ формы мышленія, хотѣли мы перенесть это значеніе и на ея предметъ: тутъ намъ важно было выяснить, что сущность вещи не исчерпывается постояннымъ качествомъ, не выражается ни опредѣленнымъ какимъ-либо дѣйствіемъ, ни опредѣленнымъ рядомъ многихъ дѣйствій, но что полное ея содержаніе слѣдуетъ видѣть только въ томъ (всегда вѣрномъ себѣ) смыслѣ, который осуществляется ею на разнообразнѣйшіе лады и въ многоразличнѣйшихъ формахъ развитія. Но, выбирая это имя, мы, напротивъ, вовсе не думали соглашаться съ тѣмъ знаменитымъ положеніемъ (Шеллинговой школы), которое отожествляетъ мысль и бытіе и не находитъ въ вещахъ ни какого уже иного содержанія, кромѣ воспроизводимаго нами умственно въ формѣ идеи, или, пожалуй, кромѣ самой этой формы вообще. Мы, правда, выразили прежде въ видѣ общаго убѣжденія, что существо вещей состоитъ не въ недоступной духу чужеродности; но духъ и его жизнь все же гораздо болѣе нежели одно мышленье. Дѣло возможное, что цѣлый духъ способенъ переживать въ себѣ коренную природу вещнаго, и что, не смотря на то, она все-таки остается непостижимою для одной изъ формъ внутренней его дѣятельности, — для отдѣльной формы мышленья. Чувствованіе и хотѣніе, довольство и недовольство, мы внутренно переживаемъ въ самихъ себѣ, и, подмѣчая ихъ, сознательное наше мышленіе правда изобрѣтаетъ для нихъ имена, но никогда не въ силахъ оно выяснить въ формахъ мысли, чѣмъ именно разнятся эти внутреннія

Digitized by Google

состоянія отъ всякаго вообще мышленья: они понятны только для того, кто переживаетъ ихъ самъ. Такъ точно и сущность вещей, проникни до нея нашъ взглядъ сквозь оболочку явленій, стала бы, положимъ, доступна описанію нашей мысли, но все же вѣроятно только такъ, что описаніе это заключало бы въ себѣ разныя названія, которыхъ смыслъ, не воспроизводимый для ума, могъ бы только быть пережитъ, не иначе. Но какова ни будь эта сущность, она непремѣнно носила бы форму идеи, то-есть была бы всегда безликимъ смысломъ непрерывно смѣняющихся обликовъ.

Авось либо намъ простятъ эту длинную вереницу отвлеченныхъ соображеній. Они не привели къ концу вопросовъ, въ которые мы незамѣтно вдались и на которые отвѣтить съ строгою послѣдовательностью могла бы только метафизическая наука; но, надѣемся, ими довольно ясно обозначилась та точка зрѣнья, съ которой будемъ мы смотрѣть на ходъ духовнаго развитія далѣе. Если мы оглянемся теперь на то, къ чему собственно примкнуло послѣднее наше отступленье, то припомнимъ, что намъ казалось невозможнымъ допустить существенное равенство между человѣческимъ духомъ и душами животныхъ, съ тѣмъ, чтобы вознести его потомъ надъ всѣми тварями добавочнымъ приложеніемъ ему особенной высшей способности, — разума. Чѣмъ онъ былъ, тѣмъ надлежало ему быть нераздѣльно и всецѣло; чѣмъ были души животныхъ, тѣмъ были онѣ, какъ живодѣйственныя, завершенныя въ себѣ идеи, каждая вполнѣ раздѣльно отъ другихъ, вполнѣ единая въ себѣ самой. Такимъ образомъ можно было бы представить себѣ царство душъ, гдѣ каждый родъ, а въ послѣднемъ каждая душа, находили бы опредѣленное свое мѣсто, смотря по тому, выше или ниже, или, наконецъ, въ уровень съ другими, стоитъ въ смыслѣ общаго міропорядка та живая идея, которая каждою изъ нихъ выражается. Отсюда можно

Digitized by Google

бы повидимому заключить, что и тутъ лучшаго познанія всякаго отдѣльнаго существа слѣдуетъ ожидать отъ предварительнаго обзора той совокупной цѣлости, которой оно частью; что уразумѣніе природы человѣческаго духа зависитъ отъ знакомства съ душами животныхъ, которыя служатъ ему передовыми ступенями. Но, не говоря уже о недостаточномъ знаніи нашемъ животно-душевной жизни, при которомъ въ бо́льшей части случаевъ мы ставили бы недоказанныя догадки на мѣсто достовѣрныхъ фактовъ, такой взглядъ ложенъ или по крайней мѣрѣ безполезенъ для настоящей нашей цѣли и по другимъ еще причинамъ. Вѣдь даже и знай мы этотъ порядокъ душевнаго царства, онъ скорѣе повелъ бы насъ къ уразумѣнію безконечной сущности, быть-можетъ созерцающей себя въ этомъ образѣ; но онъ мало пособилъ бы намъ въ оцѣнкѣ задачъ, выпавшихъ на долю человѣческой жизни, а равно и въ оцѣнкѣ средствъ, предоставленныхъ намъ для ихъ выполненія. Чтобъ уяснить себѣ этотъ послѣдній вопросъ, далеко не такъ важно знать, какое мѣсто лѣствицы существъ занимаетъ духъ человѣка, и напротивъ крайне важно свѣдѣніе о тѣхъ винословно-дѣйствующихъ на него обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ его развитіе. Въ этомъ отношеніи положеніе его въ царствѣ душъ совсѣмъ не то, какое принадлежитъ ему въ постепенности родовъ живой твари. Какъ ни близка или какъ ни различна была бы душа извѣстной породы животныхъ съ душею человѣческой, для насъ это все равно, если только она на насъ не дѣйствуетъ. Большая часть животныхъ поставлена въ это безучастное положеніе къ нашему развитію, и безжизненная или неодушевленная природа имѣетъ въ кругу условій нашего образованія сравнительно гораздо болѣе значенья. Что ловкій инстинктъ многихъ низшихъ породъ животныхъ движется, по крайней мѣрѣ навидъ, совсѣмъ не въ такихъ формахъ, какъ живость человѣческой души, это,

Digitized by Google

говоря вообще, для насъ не важно; тысячи подобныхъ инстинктовъ могутъ быть еще невѣдомы человѣку, да и извѣстные только немногимъ изъ насъ попадаются на глаза: существуй они, или нѣтъ, человѣческое развитіе осталось бы все то же самое. О другихъ разрядахъ тварей можемъ мы отозваться иначе: многія изъ нихъ подступаютъ къ намъ близко и притомъ дѣятельно, но это можетъ-быть именно не тѣ, которыя сосѣди намъ по ступенямъ душевной лѣствицы. Съ обезьянами, напримѣръ, ни мало не связанъ прогрессъ человѣческаго быта, а съ лошадью и другими ручными животными имѣетъ онъ разнообразнѣйшую связь Они оказываютъ намъ услугу не одною лишь тѣлесной силою, въ качествѣ живодѣйствующихъ машинъ: на обхожденіи съ ними преимущественно основаны всѣ тѣ представленія, какія мы пріобрѣтаемъ о чуждой намъ и однакожь вообще сродственной душевной жизни другихъ тварей; а неоспоримо, что именно представленія, образуемыя нами о чужой душѣ, и составляютъ важнѣйшую часть того дѣйствія, какое она на насъ производитъ. Естественно, что на человѣка всего болѣе дѣйствуетъ самъ же человѣкъ; важность этого обоюднаго между нами вліянія заслоняетъ собою всѣ отношенія такого рода, связывающія насъ съ міромъ животныхъ. Изслѣдованіе взаимнодѣйствія людей другъ на друга, вотъ что должно проливать свѣтъ на существенныя особенности жизни человѣческой; напротивъ, всякая попытка поставить человѣка во главу земнаго царства душъ и выяснить его назначеніе изъ природы низшихъ ступеней этого царства, была бы однимъ изъ тѣхъ великолѣпно-затѣваемыхъ, но безплодно-оканчивающихся позорищъ, которыхъ уже такъ много представляла намъ антропологія.

Этимъ мы не дали еще отвѣта на послѣдній изъ двухъ вопросовъ, поставленныхъ въ самомъ началѣ нашего разсужденія. Вѣдь все сказанное доселѣ могло вести лишь къ тому,

Digitized by Google

чтобъ показать, какъ должна быть мыслима коренная особенность человѣческаго духа, въ случаѣ если соображеніе наличныхъ фактовъ вынудитъ предположить ея существованіе. Этимъ не рѣшается еще сомнѣніе, что быть-можетъ человѣческій духъ, не рознясь существенно съ душою другихъ тварей и отличаясь передъ ней только обширностью своего развитія, непосредственно примыкаетъ къ душевной жизни животныхъ. Мы вовсе не скрывали своей наклонности отринуть подобное сомнѣнье, однакожь положительная отповѣдь не возможна еще для насъ теперь, и мы должны покамѣсть удовлетвориться однимъ указаніемъ на ея трудности. Если рѣшенія вопроса искать независимо отъ сравнительнаго опыта, тогда пришлось бы ожидать его только отъ послѣднихъ выводовъ умозрѣнія о необходимомъ образованіи вселенной и взаимной связи ея частей. Что можно вывесть изъ этого источника, постараемся мы изложить въ послѣдней части своихъ изслѣдованій, и мы тогда увидимъ, что съ этой высшей точки зрѣнія значительно умалится для насъ и самая важность вопроса. Тѣ общія начала, которыя можно бъ было примѣнить сюда помимо этого, не привели бы ни къ какому достовѣрному заключенью Предположеніе, будто однородныя вездѣ души достигаютъ разностепеннаго развитія только вслѣдствіе далеко не равно благопріятныхъ условій тѣлесной организаціи, — предположеніе это вздумаютъ, пожалуй, опровергнуть напоминаньемъ, какъ невѣроятно, чтобъ однородныя именно души какъ-нарочно поставлялись въ необходимую связь съ столь разнообразными тѣлесными оболочками. Но тутъ разныя догадки о душескитаніи (метемпсихозѣ), правда затѣйливыя и не опирающіяся на опытъ, однако и не вполнѣ-опровержимыя, — явились бы тотчасъ наготовѣ устранить подобный парадоксъ и показать, какой смыслъ прогрессивнаго воспитанія могъ бы заключаться въ томъ планѣ, что первобытно-равныя души переходили бы

Digitized by Google

постепенно все въ новыя и совершеннѣйшія тѣла. Обратимся ли затѣмъ къ опыту, рѣшеніе не облегчится ни на волосъ и этимъ. Все, что̀ видимъ мы передъ собой какъ фактъ, ограничивается однимъ общимъ и дѣйствительно неотразимымъ впечатлѣньемъ, что животныя достигаютъ гораздо мѣньшаго развитія; но это впечатлѣніе, такъ еще мало разъясненное до сихъ поръ, не дозволяетъ ни какого достовѣрнаго вывода о причинахъ такой отсталости. Наши свѣдѣнія о душевной жизни животныхъ гораздо поверхностнѣе и ненадежнѣй, чѣмъ обыкновенно допускаетъ это самоувѣренность такъ-называемой философской классификаціи. Высоту душеразвитія оцѣниваемъ мы сплошь да рядомъ неточно и, по всей вѣроятности, ниже настоящаго: мы справедливо приписываемъ животнымъ тѣ способности, которыхъ дѣйствія ясно видимъ передъ собою; но едвали справедливо отрицаемъ у нихъ тѣ, которыхъ они или проявить не въ силахъ, или которыхъ проявленія слишкомъ чужды нашему смыслу. Если изъ этихъ недостаточныхъ матеріаловъ сужденія мы попытаемся вывесть какія-нибудь догадки насчетъ сходства или разности между человѣческими и скотскими душами, насъ соблазнятъ два противоположные пути, равно невѣрные оба.

Исходною точкой всегда служитъ намъ неизбѣжно созерцаніе нашего собственнаго внутренняго бытія; *) только отсюда упадаетъ для насъ нѣкоторый свѣтъ на душевную жизнь другихъ тварей, которой непосредственно мы не вѣдаемъ. Положимъ теперь, мы непривычны разбирать отдѣльныя дѣйствія своего собственнаго духа и отыскивать въ ихъ простѣйшихъ соотношеніяхъ зачатки разныхъ, свиду новыхъ, способностей: тогда мы остановимся на любомъ поверхностномъ от-

*) Мы не можемъ ничего мѣрить иначе, какъ своимъ человѣческимъ аршиномъ.

Digitized by Google

личіи, розняшемъ животное съ человѣкомъ, и какъ разъ попадемъ на тотъ сподручный путь классификаціи, который опредѣляетъ природу разныхъ душъ, со всей самоувѣренностью химическихъ формулъ, однимъ только соединеніемъ разныхъ способностей, будто бы необходимо принадлежащихъ одной породѣ и такъ же необходимо отсутствующихъ у другой. Съ другой стороны, даже и вѣрный по себѣ навыкъ сводить многосложныя и производныя духовныя отправленія на простѣйшіе ихъ корни, легко вовлечетъ въ противоположный грѣхъ, — въ преувеличенную оцѣнку внѣшнихъ подспорьевъ дѣйствія и въ заносчивый пріемъ вытягивать изъ совершенно-однородныхъ существъ, при помощи безконечно-измѣнчивыхъ внѣшнихъ раздраженій, такія дѣеспособности, которыя могутъ развиться только на первобытно-разной почвѣ. Естественно, что тутъ предпочтительно напираютъ на тѣлесную организацію, такъ какъ ею по большой части обусловливается особенность внѣшней жизненной обстановки, въ какой вращается любое существо и которой вліяніе представляетъ другой обширный кругъ условій, обособляющихъ и самое душевное образованіе. Неоспоримо, что можно указать такія черты въ тѣлесномъ строѣ, которыя благопріятствуютъ или перечатъ той или другой формѣ духовныхъ проявленій: такъ у безглазыхъ животныхъ общее представленіе пространства неизбѣжно будетъ не то, что у зрячихъ; животныя, вполнѣ симметрическаго сложенія, не въ силахъ будутъ различать направленій въ пространствѣ; у безголосыхъ передача внутреннихъ состояній не только будетъ иначова, но безъ сомнѣнія и далеко не полна. Вообще, изъ отсутствія какого-нибудь органа легко понять отсутствіе (предназначеннаго ему) отправленья, но изъ присутствія органа не тотчасъ же понятно его употребленіе и разнообразіе проявляющейся въ немъ духовной жизни. Впослѣдствіи мы приведемъ не одинъ такой примѣръ; между-тѣмъ вездѣ, гдѣ ста-

Digitized by Google

раемся мы хотя сколько-нибудь освѣтить душевную жизнь животныхъ, это дѣлается собственно для того, чтобы уяснить себѣ контрастомъ значеніе душевной жизни человѣка; въ большей части случаевъ подобныя сравненія выражаютъ только то, какъ мы представляемъ себѣ душу животнаго, а вовсе не какое-либо достовѣрное или необходимое ея свойство.

Эта неблагонадежность сужденія (о разности душъ человѣка и животныхъ) не повліяетъ однакожь на предметъ ближайшаго нашего изслѣдованья. Для разысканій другаго рода, которыя имѣли бы въ виду не исключительно человѣческое образованіе, а всеобщую механику душевной жизни, вопросъ объ однородности или разности степеней развитія стоялъ бы, конечно, на первомъ планѣ. Для насъ, напротивъ, главное дѣло, въ томъ, что̀ такое человѣкъ, а не въ томъ, чѣмъ никогда не бываютъ животныя. Боязнь, прійдти съ ними въ слишкомъ тѣсную близость, напрасно становится въ зависимость отъ вопроса, однородны ли мы имъ, или нѣтъ. Вѣдь въ концѣ концовъ за нами все-таки останется высшее развитіе; вотъ этотъ-то неотъемлемый нашъ кладъ и рознитъ насъ постоянно съ царствомъ животныхъ, а раздѣляющая насъ съ нимъ бездна не станетъ отъ того ни меньше, ни больше, выдадутъ ли ее за родовое различіе, или за результатъ не равномѣрно благопріятныхъ вліяній на однѣ и тѣ же коренныя черты. Вѣдь вещи всегда то и есть, чѣмъ онѣ себя постоянно заявляютъ; не стоило бы труда чѣмъ-либо сдѣлаться, еслибъ насъ цѣнили единственно по тому, изъ чего мы такими стали.

Почти тѣ же замѣчанія, и особенно послѣднее, должны мы покамѣстъ примѣнить и къ третьему изъ вопросовъ, поставленныхъ въ началѣ этой главы. Въ предѣлахъ самого̀ человѣческаго рода духовное образованіе бываетъ весьма различно, начиная отъ скотской грубости до высоты генія, которыя мы слишкомъ уже поспѣшно дозволяемъ себѣ величать боже-

Digitized by Google

ственнымъ. Есть ли въ этихъ чудовищныхъ разностяхъ какой-нибудь имъ всѣмъ равно присущій элементъ, который намъ можно было бы принять за всеобщій духъ человѣчества? Существенно ли разнятся между собою дýхи отдѣльныхъ человѣческихъ породъ? да и въ предѣлахъ одной и той же породы гдѣ найдемъ мы среди безконечнаго многоразличія особей одну общую имъ мѣру, и какъ ее приложимъ? высоко ли беретъ она вообще, и грубость остается ли ниже уровня этой мѣры только оттого, что задерживается неблагопріятствомъ обстоятельствъ и недостатками тѣлесной организаціи? или самъ уровень стоитъ низко, и геній возносится надъ нимъ только благодаря счастливымъ жизненнымъ условіямъ и преимуществу тѣлесныхъ органовъ? или, наконецъ, можно указать на какія-либо опредѣленныя черты, на характеристическіе навыки дѣйствія, которые, встрѣчаясь во всѣхъ человѣческимъ душахъ, связываютъ ихъ въ одно сопринадлежное цѣлое, не являясь у отдѣльныхъ особей въ безконечно-разныхъ степеняхъ силы и оттѣнковъ, порождаютъ неописанное многоразличіе индивидуальныхъ образованій? Дальнѣйшее наше изслѣдованіе имѣетъ въ виду утвердительно рѣшить этотъ послѣдній вопросъ. Тогда, поставивъ общую связь человѣческихъ душъ внѣ всякаго сомнѣнья, мы не найдемъ уже ни какого повода выключать изъ ряда условій, опредѣляющихъ высоту образованія, ни внѣшнія обстоятельства, ни тѣлесную организацію, которыя сами по себѣ недостаточны для полной его обосновки. Общій же уровень мѣры человѣческаго образованія стоитъ ни высоко, ни низко, говоря въ томъ смыслѣ, въ какомъ искали мы его сейчасъ: можно провести средній уровень наличнаго образованія, но мѣры долженствующаго быть мы не найдемъ. Для тѣла существуетъ нормальный обликъ, и оно считается совершеннымъ, когда въ точности его выполнитъ; но духу, вмѣсто нормальнаго образа его развитія, мечтается всег-

Digitized by Google

да идеальный образъ совершенства, недостижимаго во вѣкъ; одно лишь направленіе къ этому совершенству предначертываютъ ему вообще характеристическія формы дѣятельности его рода, но не опредѣляютъ мѣры того пути, пройдя который онъ и достигнетъ уже цѣли. Наконецъ, какія ни возникали бы сомнѣнія насчетъ равенства коренныхъ духовныхъ свойствъ у разныхъ племенъ человѣческаго рода, во всякомъ случаѣ свойства эти однородны настолько, что оспособляютъ всѣ безъ изъятія племена ко взаимному человѣческому общенію, хотя конечно и не въ равной степени участія, не на равныхъ такъсказать паяхъ: всѣ они образуютъ одну сопринадлежную, взаимно воспитывающуюся, общину человѣчества. Это истинно-практическое единеніе вполнѣ вознаграждаетъ насъ за неудовлетвореніе праздпаго логическаго любопытства, довѣдаться, участвуютъ ли они въ рѣшеніи этой задачи какъ разновидности одного рода духовъ, или какъ ближайшія отрасли одного совершенно одинаковаго корня.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Человѣческая чувственность.

Различныя толкованія внѣшнихъ чувствъ. — Безкорыстное по себѣ содержаніе внѣшняго чувства и неразлучное съ нимъ ощущеніе довольства и недовольства.—Настоящая цѣнность чувственныхъ впечатлѣній.—Соотвѣтствіе ихъ свойствъ съ порождающими ихъ раздраженьями. — Примѣры: свѣтъ и звукъ.—Эстетическая оцѣнка.—Симметрія въ пространствѣ и во времени.—Математическая фантазія чувственности.—Сонаслажденіе чудными формами природы и пониманіе ихъ. — Употребленіе въ дѣло орудій. — О щегольствѣ и убранствѣ. — Обряды.

Съ чувственныхъ ощущеній не только что начинается всякое движеніе духовной жизни, но къ нимъ же оно безпрерывно и возвращается, чтобы почерпать въ нихъ матеріалъ и поводъ для новыхъ и новыхъ развитій своей дѣятельности. Съ ощущеній прійдется начать и намъ, если мы захотимъ обозрѣть особенныя наклонности и привычки, которыхъ постоянствомъ обличаетъ себя природа человѣческаго духа и которыхъ сопоставленіемъ должны мы начертать себѣ образъ этой природы. Конечно, всю глубину коренныхъ свойствъ духа едвали можно вполнѣ измѣрить даже и совершеннѣйшими проявленіями его дѣятельности; но единство его существа должно освѣщать зарею-предвѣстницей высшихъ его стремленій уже и самые несложные процессы внутренней жизни, и быть-можетъ, свидѣтельствующія о томъ черты настолько для насъ явственны, что мы съумѣемъ распознать ихъ.

Digitized by Google

Но изъ числа многоразличныхъ помысловъ, вызываемыхъ вниканіемъ въ человѣческую чувственность, мы напередъ выдѣлимъ всѣ тѣ, которые совершенно чужды цѣли нашихъ соображеній и въ которыхъ, какъ мнѣ кажется, зачастую ищутъ того объясненія, какого неспособны они дать. Къ нимъ вопервыхъ принадлежитъ помыслъ открыть причины нашихъ ощущеній въ физическихъ побудахъ. Мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что ни одно возникшее въ сознаніи ощущенье не сохраняетъ ни малѣйшей памяти объ особенномъ свойствѣ внѣшнихъ движеній, дѣйствующихъ на наши органы въ качествѣ раздраженій чувства. На мѣсто сотрясеній воздуха становится у насъ звукъ, на мѣсто дрожаній эѳира — цвѣтъ, — оба, конечно, послѣдствія, но отнюдь не снимки, не копіи съ внѣшняго ихъ повода. Для безпредубѣжденнаго сознанія во всякомъ случаѣ совершенно исчезаетъ все, предшествовавшее наступленію тѣхъ внутреннихъ явленій, которыя, какъ звукъ и цвѣтъ, всегда будутъ произведеніями только собственной же природы духа; въ этомъ именно качествѣ дѣйствуютъ они въ естественномъ ходѣ духовной жизни и далѣе, и всякое разысканіе порождаемыхъ ими въ ней послѣдствій напрасно обратилось бы за объясненіями къ своеобразности ихъ внѣшнихъ, физическихъ причинъ. Какъ въ звукѣ слышится намъ не количество звуковыхъ волнъ, а именно только звукъ, не болѣе; такъ и музыка отнюдь не кажется гармоничнѣе тому, кто знаетъ способъ происхожденія тоновъ и ихъ согласій, сравнительно съ другимъ слушателемъ, который, вовсе этого не зная, просто испытываетъ отъ нея душевное волненіе. Знаніе, открытое уже въ довольно позднюю эпоху и чуждое большинству людей даже и теперь, не можетъ заключать въ себѣ объяснительнаго начала тѣхъ живѣйшихъ впечатлѣній, которыя чувственныя эти возбужденія производятъ на каждый воспріимчивый индивидуальный духъ: намъ поэтому надлежитъ

Digitized by Google

имѣть въ виду одни только готовыя ощущенія, какими являются они въ сознаніи, а вовсе не физическіе ихъ поводы.

Но совсѣмъ иной вопросъ, какое положеніе вся наша чувственность занимаетъ относительно къ внѣшнему міру, этому поприщу нашей жизни, къ отраженію котораго какимъ бы то ни было способомъ предназначена она, повидимому, сама. Каждый изъ физическихъ процессовъ, служащихъ для насъ чувственнымъ возбужденіемъ, выполняетъ, пожалуй, свою опредѣленную задачу въ общемъ кругообротѣ природы, или, говоря проще, каждый вноситъ въ совокупный составъ ея своеобразную, болѣе или менѣе значительную черту. Если обратить вниманіе на эту опредѣленную цѣнность чувственныхъ раздраженій относительно къ общей связи внѣшняго міропорядка, то конечно, въ томъ, что каждое изъ нихъ отражается у насъ такою именно, а не иною формой чувственнаго ощущенія, можно находить особенный, глубокій смыслъ, быть-можетъ болѣе доступный сердцу, нежели словесному выраженію. Тогда легко замѣтить, что, несмотря на всю несравнимость физическихъ движеній съ сопровождающими ихъ ощущеньями, послѣднія умѣютъ передавать на своемъ языкѣ то особое значеніе, какимъ каждое изъ первыхъ обладаетъ въ общей связи переплетающихся между собою естественныхъ процессовъ. Въ этомъ есть своя доля истины, и она выясняется намъ въ другомъ взглядѣ на человѣческую чувственность, хотя и не вѣрно понимающемъ ея значенье. Часто пытались смотрѣть на отдѣльныя формы духовной дѣятельности, какъ на такую постепенную череду, въ которой первобытный позывъ человѣка, находить въ вещахъ самого себя, достигаетъ будто бы все полнѣйшаго и совершеннѣйшаго удовлетворенія. Подобно тому и во внѣшнихъ чувствахъ — сколько бы ихъ ни насчитывала тонкая діалектика—видѣли одну сопринадлежную систему, которой звенья предназначены для того, чтобы существенныя

Digitized by Google

формы дѣятельности естественной жизни перелагать въ соотвѣтственныя формы духовнаго возбужденія. Правда, изъ такого рода умствованій никогда не выйдетъ образа настоящей духовной жизни, которая состоитъ вѣдь не въ діалектической послѣдовательности, но въ безконечно-разнообразномъ сплетеніи всѣхъ возможныхъ формъ дѣятельности, которыя ежемгновенно тѣснятся въ взволнованной душѣ, отнюдь не соблюдая указываемаго имъ системою іерархическаго порядка. Но по крайней мѣрѣ относительно къ чувственности можно бъ было возразить, что также безпорядочно переплетаются между собой во внѣшнемъ мірѣ основныя формы естественной жизни, и не перестаютъ же онѣ изъ-за этого удерживать за собой по прежнему разноцѣнность своего значенія въ качествѣ составныхъ нитей цѣлой ткани. Можно бы сказать, что вотъ это-то самое и передаетъ намъ чувственность, и что если она соединяетъ въ одинъ нераздѣльный мигъ многоразличныя ощущенія или даетъ имъ безпорядочно слѣдовать другъ за другомъ, то этимъ она воспроизводитъ только дѣйствительный ходъ природы, которая, точно такимъ же образомъ, то выставляетъ одни простѣйшіе, элементарные свои позывы, такъ что ими наполняется вся сцена явленій, то на этомъ сравнительно темномъ грунтѣ раскидываетъ болѣе свѣтлый рисунокъ высшихъ своихъ способовъ дѣйствія. Я, конечно, сомнѣваюсь, чтобы попытки такого рода вѣрно схватывали настоящее значеніе процессовъ, лежащихъ въ основѣ чувственныхъ ощущеній, и цѣну ихъ для смысла природы въ ея совокупности; сомнѣваюсь, чтобы «свѣтъ былъ чистымъ тожествомъ вещества самого съ собою, или единствомъ своего внутренняго самоотраженія *),

*) Какъ это, такъ равно и слѣдующія за тѣмъ опредѣленія, взяты Авторомъ, въ видѣ образчика односторонней идеализаціи, изъ такъ-называемой философіи природы (Naturphilosophie), наводившей Германію въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Digitized by Google

чтобы звукъ былъ «отрицаніемъ самобытности своего разсѣянія въ пространствѣ», а теплота представлялась «живодѣятельнымъ отрицаніемъ сплошнаго наполненія пространства»; я не увѣренъ, что назвавъ запахъ «обособленною воздушностью», а вкусъ — «обособленною водою», мы придали бы какіе-нибудь существенно пріятныя черты естественному образу, возникающему для насъ изъ этихъ первичныхъ ощущеній. Но даже и крайняя неловкость выполненія не повредила бы еще истинѣ объяснительнаго начала въ немъ самомъ, и нельзя, пожалуй, отнять своего рода интереса у попытокъ сравнить значеніе чувственныхъ раздраженій для внѣшней природы съ большею или меньшею живостью, энергіей и своеобразностью тѣхъ формъ ощущенія, которыя соотвѣтствуютъ имъ въ насъ самихъ. Но почти всѣ подобныя попытки, кажется мнѣ, погрѣшаютъ тѣмъ, что на умозрительное толкованіе, которое глядящаяся въ себя мысль *можетъ* привязать къ любому чувственному содержанію, и которое по большей части лучше бы ей было не привязывать, онѣ прямо смотрятъ какъ на составную часть этого содержанія, дотого естественную, что она должна будто бы вязаться къ нему сама собой въ каждой непредубѣжденной еще головѣ. Тѣхъ умозрительныхъ значеній, какія философъ — положимъ и справедливо — придаетъ ощущенію и его предметамъ, нѣтъ вѣдь ни въ самомъ ощущеніи, ни въ ощущающемъ духѣ; они не являются ни какъ побочныя мысли, всегда примыкающія къ впечатлѣнію, ни какъ сознательные побуды, въ силу которыхъ своеобразность ощущаемаго содержанія необходимо вліяла бы на всю остальную духовную жизнь въ опредѣленной степени и опредѣленномъ направленьи. Все это одинъ лишь фантазіи *по поводу* ощущенья, а вовсе не его собственная фантазія; тогда какъ намъ можетъ быть удастся показать, что существуетъ нѣчто заслуживающее и этого названья.

Digitized by Google

Я такъ часто дозволялъ себѣ невѣжливость, переходить вдругъ отъ даннаго своего предмета къ самымъ общимъ соображеніямъ, что ужь немного бы выигралъ, избѣгнувъ такого уклоненія на этотъ только разъ. Тѣ взгляды, которые такъ превосходно различаютъ простое бытіе по себѣ скрытаго еще въ зародышѣ образованья отъ полнаго бытія для себя уже законченнаго его развитія, *) — эти взгляды, въ бо̀льшей части приложеній, кажется мнѣ, сами позабываютъ то рѣзкое различіе, которое они только-что успѣли поставить. Все ихъ созерцаніе природы и духовной жизни постоянно вѣдь направлено къ тому, чтобъ для каждаго существа и для любого въ мірѣ явленія подыскать идею, которой бы представлялись они осуществленіемъ; но рѣдко кто задается вопросомъ, на сколько глубокомысленное содержаніе этой представляемой существомъ идеи заключается въ самомъ существѣ, какъ дѣятельный, сознаваемый побудъ особенныхъ его свойствъ или какъ предметъ его внутренняго самоуслажденія. Короче, мы, тутъ, правда, узнаемъ, какими представляются намъ предметы въ силу своей идеи, но что̀ достается изъ нея имъ самимъ, — объ этомъ высокіе взляды ни полслова. А между тѣмъ послѣдній этотъ вопросъ вовсе не маловаженъ и не лишенъ значенія, какъ скоро дѣло идетъ не о естественныхъ уже процессахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ, положимъ, безсознательный только разумъ, а объ высшемъ духовномъ существованіи. Мы не прочь, конечно, допустить, что процессы внутренней жизни часто представляютъ разумную послѣдовательность и въ такихъ случаяхъ, гдѣ настоящій носитель этой жизни вовсе того не замѣчаетъ; но не можетъ же такъ быть сплошь, и кто положительно не поставитъ себѣ вопроса, чѣмъ собственно каждое отдѣльное существо пользуется отъ своей идеи,

*) Извѣстныя категоріи Гегелевской философіи.

Digitized by Google

которую оно осуществляетъ для цѣлаго, какъ сопринадлежная его часть, тотъ во всякомъ случаѣ пренебрежетъ извѣстною стороной своего предмета, пожалуй и очень значительной, можетъ-быть именно тою самою, въ которой заключаются истинно-дѣйствующія причины важнѣйшихъ жизненныхъ событій. Для обзора исторіи не достаточно привесть поочереди всѣ двигавшія міръ идеи, которыя выступаютъ существенными отмѣтами каждой эпохи передъ мыслію, сравнивающей событія по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій; надо еще знать, каково было самой эпохѣ и въ ней каждому отдѣльному лицу, и много ли изъ идеи, представляющейся намъ въ дальней перспективѣ, существовало въ современныхъ ей душахъ, въ качествѣ дѣйствительно ощущаемой услады, въ качествѣ дѣйствительнаго направленія ихъ фантазіи, въ качествѣ живаго двигателя ихъ стремленій, въ качествѣ утѣхи, страданія, побужденія, надежды. Такъ точно и для нашего взгляда на чувственность важно не то, какой смыслъ можетъ кто-либо найти въ ея отправленьяхъ; главное, какой смыслъ, въ моментъ выполненія ихъ, связываетъ съ ними сама ощущающая душа, — и связываетъ необходимо, хотя не уясняя ихъ себѣ размышленьемъ до полнаго сознанія.

Уже и прежнія наши изслѣдованія привели насъ къ предположенью, что, собственно говоря, впечатлѣнія отъ внѣшнихъ раздраженій никогда не ограничиваются однимъ безучастнымъ ощущеніемъ, которое представляло бы подмѣчающей мысли нашей опредѣленное только содержаніе, но что къ каждому ощущенію привходитъ элементъ внутренняго чувства, которое измѣряетъ довольствомъ или недовольствомъ цѣнность полученнаго возбужденія для нашего индивидуальнаго бытія. Что касается качественнаго содержанія ощущеній, то навсегда останется нерѣшимымъ для насъ вопросъ, отвѣчаетъ ли одинаковымъ раздраженіямъ въ различныхъ душахъ одно и

Digitized by Google

то же ощущеніе; но нѣтъ ни какихъ основаній допустить и противное. Поэтому, мы предполагаемъ, что всѣ животныя, если только они обладаютъ органами для пріема внѣшнихъ раздраженій вообще, принимаютъ ихъ въ одинаковой формѣ съ нами: — эѳирныя волны — какъ свѣтъ, дрожанія воздуха — какъ звукъ. Широко или нѣтъ проведены границы ихъ воспріимчивости, этого точно не опредѣлить намъ также ни наблюденіемъ, ни опытомъ; если у извѣстнаго разряда животныхъ нѣтъ обычной формы чувственнаго органа, обосновывающаго для насъ дѣйствительность извѣстнаго раздраженья, то дѣйствительность послѣдняго этимъ не исключается еще вполнѣ; вѣроятно только, что она войдетъ гораздо меньшею долей въ совокупный итогъ разсматриваемой чувственности. Судя по характеру общаго результата наблюденій, должно полагать, что для животныхъ менѣе ясны тѣ тонкія разности, которыя поражаютъ насъ въ отдѣльныхъ впечатлѣніяхъ одного и того же чувства, и что самый кругъ этихъ разностей у нихъ совсѣмъ не такъ обширенъ, какъ у насъ. Если, по особенному свойству нашей нервной дѣятельности, и для насъ уже ощутительны только немногія октавы тоновъ и едва лишь одна полная октава цвѣтовъ, то чувственности животныхъ дано можетъ-быть еще менѣе простора, и то, что̀ ею ощущается, выступаетъ быть можетъ не такъ явственно и живо, подобно, напримѣръ, тому, какъ мы сами замѣчаемъ бо́льшую или меньшую сродственность между различныхъ отзывовъ или вкусовъ, но не въ силахъ выразить ее ска̀лою опредѣленныхъ степеней. Въ вознагражденіе за этотъ недостатокъ, у нѣкоторыхъ классовъ животныхъ можетъ-быть яснѣе развиваются иныя возбужденія изъ глубины того темнаго хаоса, который мы называемъ общимъ чувствомъ, и дозволительно полагать, что для многихъ тонкихъ видоизмѣненій электрическаго и химическаго состоянія окружающей обстановки, а, бла-

Digitized by Google

годаря особенному строю нервныхъ сплетеній, и для многихъ фазисовъ смѣны вещества и пластической дѣятельности собственнаго тѣла, въ сознаніи животныхъ пробуждается такая воспріимчивость, которой нѣтъ у насъ и слѣда. На этомъ-то основаны можетъ-быть многія цѣлесообразныя дѣятельности животныхъ, принимаемыя нами за предчувствія или предвѣдѣнія будущаго, тогда какъ онѣ происходятъ отъ несвойственной намъ подмѣты наступившихъ уже перемѣнъ въ жизненныхъ условіяхъ. *)

Другую составную часть ощущенія, чувство довольства или недовольства, привходящее къ его содержанію, нашли бы мы безъ сомнѣнія и у животныхъ, зачастую вѣроятно даже въ сильнѣйшей степени нежели у насъ; но въ немъ-то однако и думаемъ мы открыть существенную разность между чувственностью человѣка и животнаго, или ужь во всякомъ случаѣ— отличительную и важную черту первой.

Въ низшемъ разрядѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то-есть въ тѣхъ, которыя, по строенію своихъ органовъ и по свойству ощутительнаго имъ содержанія, всего менѣе способны къ тонкой воспріимчивости, отражающей въ себѣ многоразличныя отношенія предметнаго міра, — въ нихъ-то именно и находимъ мы живость внутренняго чувства развитою въ высшей степени. Въ болѣхъ отъ разстройства внутреннихъ органовъ или отъ сильныхъ раздраженій кожи, передъ жестокостію мукъ исчезаетъ вся опредѣленность ощущаемаго содержанія, и становится опять замѣтной, да и то неявственно, только съ

---

*) Этимъ объяснялась бы между прочимъ изумительная чуткость многихъ животныхъ вообще, и особенно извѣстная чуткость нѣкоторыхъ въ предстоящимъ перемѣнамъ погоды, не говоря уже о едвали подлежащемъ сомнѣнію инстинктѣ у иныхъ отыскивать себѣ цѣлебныя средства, въ случаѣ болѣзни.

Digitized by Google

прекращеніемъ вызвавшаго ее раздраженья. Боли свои описываемъ мы исключительно лишь по формѣ ихъ временнаго и пространственнаго наступленія *): какъ бы онѣ ни терзали, ни сверлили, ни кололи, ни грызли, ихъ настоящее качественное свойство остается для насъ просто невыразимымъ. Только мѣньшія ихъ степени обличаютъ нѣкоторое сродство съ своеобразнымъ ощущеніемъ сильнаго жара; но если мы назовемъ ихъ жгучими, то обозначимъ этимъ опять только мучительную боль въ общемъ смыслѣ слова, — боль, такъ же происходящую отъ крайнихъ степеней тепла, какъ и отъ другихъ жестокихъ раздраженій. Обоняніе и вкусъ, доступные уже гораздо многоразличнѣйшимъ впечатлѣніямъ, но неспособные еще породить образъ, который воспроизводилъ бы соотношенія многосложнаго предмета, — обоняніе и вкусъ, стоящіе оба въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностями, на которыхъ основана поддержка индивидуальной жизни тѣла, — оба чувства эти производятъ разнообразныя, но уже далеко не такъ сильныя, ощущенья. Разнообразны они потому, что рядомъ съ явственнѣе выступающимъ содержаніемъ замѣчаются тутъ въ своей особенности и то подспорье или тотъ ущербъ, какіе мы отъ нихъ получаемъ: недовольство горькимъ и противнымъ разнится не только по величинѣ, но и по самому роду страданія; каждый запахъ пріятенъ или гнусенъ по-своему, въ особомъ родѣ. Но какъ бы ни были сильны эти чувства, никогда не дойдутъ они до степени мукъ, и надо согласиться, что даже и самое противное въ этой области все-таки не причиняетъ намъ боли. Къ тонамъ, которыхъ послѣдовательностью и одновременнымъ сочетаніемъ музыка раскрываетъ передъ нами цѣлый міръ строго-опредѣленныхъ отношеній, толь-

*) Говоря, напримѣръ: „вотъ теперь больно тутъ“, и называя боль сосредоточенною или сплошною, постоянною или перемежающеюся и т. д.

Digitized by Google

ко уже случайно и со стороны примѣшивается иногда непріятное впечатлѣніе; то чрезмѣрная сила, то нечистота, пронзительность или какой-нибудь другой недостатокъ звука еще раздражаютъ намъ нервы дотого, что вызываютъ у насъ судорожныя движенія; самъ же по себѣ ни одинъ звукъ не противенъ своимъ непосредственнымъ свойствомъ до такой степени, какъ многіе запахи или вкусы. Тогда какъ всякой вполнѣ чистый и ровно выдержанный тонъ производитъ самъ по себѣ отдѣльно несомнѣнное чувство удовольствія, недовольство происходитъ уже только отъ сочетанія разныхъ (несоотвѣтственныхъ) тоновъ; но какъ ни непріятна для слуха всякая разноголосица, непріятность эта далеко не такъ противна, какъ физическое отвращеніе, возбуждаемое гадкимъ вкусомъ. Насъ оскорбляетъ, правда, разладица тоновъ, но тутъ же намъ невольно приходитъ на умъ и то, что вѣдь и сопоставленіе ихъ само по себѣ столько же негодно, какъ непріятно производимое ими впечатлѣніе (что, слѣдовательно, тоны не виноваты здѣсь ни въ чемъ). Свѣтъ не соединенъ даже и съ тою степенью непріятности, какою сопровождается иногда особенный звукъ многихъ тоновъ; только высшее его напряженіе способно ослѣпить насъ; отдѣльные же цвѣта дѣйствуютъ особенно пріятно или непріятно исключительно лишь на индивидуальныя настроенія того или другаго лица, и даже мутность колорита или несоотвѣтствіе красокъ между собою не возбуждаютъ уже того рѣшительнаго противорѣчія со стороны чувства, какое вызывается музыкальной разладицей. Мы чувствуемъ, что впечатлѣнья этого рода не угрожаютъ болѣе нашему собственному *я*, и начинаемъ только уже осуждать, какъ некрасивое само по себѣ, то, чѣмъ въ другихъ чувствахъ гнушались съ непосредственнымъ отвращеніемъ, встрѣчая тутъ явный ущербъ своему личному существованью. Ясно, что для глазъ, которыхъ назначеніе — вѣрно и безпристрастно переда-

Digitized by Google

вать несмѣтное множество тонко-соотносящихся между собою точекъ, — для глазъ могло быть пригодно только это хладнокровное безстрастіе ощущенья, отнюдь не допускающее свою равнодушную внимательность увлечься къ какому-нибудь ложному взгляду пріятнымъ или непріятнымъ свойствомъ впечатлѣнія.

Тогда какъ въ высшемъ разрядѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ теряется такимъ образомъ мало по малу страстная сила внутренняго чувства, тѣмъ яснѣе выступаетъ въ нихъ за то совсѣмъ другой способъ обсужденія впечатлѣній, отчасти дѣйствующій уже тайно и въ тѣхъ менѣе развитыхъ ощущеніяхъ, и составляющій, на нашъ взглядъ, истинно отличительный характеръ человѣческой чувственности. Съ одной стороны, чувственныя впечатлѣнія никогда не даются намъ однимъ качественнымъ своимъ содержаніемъ, а съ другой мы ощущаемъ въ сопровождающемъ ихъ чувствѣ не одну только цѣнность ихъ для насъ, но и ихъ собственную цѣнность, въ самихъ себѣ. Исключительно лишь въ низшихъ чувствахъ сила боли часто заглушаетъ это всегда присущее намъ обсужденіе и представляетъ намъ дѣло такъ, какъ будто бы довольство или недовольство наше измѣряло только степень пользы или вредности, а не собственное достоинство впечатлѣній; но въ подмѣтахъ зрѣнія и слуха этотъ животный эгоизмъ ощущенія возвышается уже до яснаго признанія за ними собственной тѣлесности и знаменательности содержанія, къ чему отъ природы наклоненъ нашъ духъ, помимо всякихъ расчетовъ личной своей пользы. Не думаю, чтобъ душевная жизнь животныхъ была знакома съ такимъ явленіемъ. Если и они гнушаются оскорбляющимъ ихъ чувства предметомъ, то въ этомъ лежитъ конечно тотъ первый зачатокъ примѣненія винословныхъ представленій, котораго нельзя у нихъ отнять; но этотъ сводъ внутренняго чувства на какую-нибудь внѣшнюю причину или

Digitized by Google

вину не составляетъ еще вполнѣ того, что̀ мы приписали сейчасъ человѣческой чувственности. Животныя все-таки вѣдь ограничиваются представленіемъ внѣ себя, какъ дѣйствующею на нихъ извнѣ, только той степени боли или отрады, какую они испытываютъ; но ощущенію ихъ недостаетъ соединенной съ тѣмъ подмѣты той утонченной своеобразности ощущаемаго, которую можно было бы отнести къ чему-либо внѣшнему, какъ его собственную природу, независимо отъ боли или отрады, причиняемой ею чувствующему существу. Какъ гравюра передаетъ только свѣтъ и тѣнь, а отнюдь не краски извѣстнаго образа, такъ и въ ощущеніи животныхъ можетъ преобладать бо̀льшая или меньшая степень довольства или недовольства, и между-тѣмъ отступать на задній планъ собственный колоритъ вызывающихъ эти чувства раздраженій. Если механизмъ ихъ представленія порождаетъ передъ ними неясный образъ чего-то, причиняющаго ихъ собственныя состоянья, то очерки этого предмета могутъ они наполнять только отраженіемъ своей собственной услады или боли; а не такимъ (независимымъ отъ этихъ ощущеній) содержаніемъ, которое представлялось бы имъ своеобразнымъ существомъ, само по себѣ. Но, какъ прежде уже замѣчено, подобныя догадки могутъ служить только контрастами для поясненія того, что̀ мы наблюдаемъ въ человѣкѣ, и я не рѣшился бы прямо утверждать, что животныя въ самомъ дѣлѣ ощущаютъ одну только безцвѣтную тѣнь впечатлѣній, а краски остаются для нихъ недоступными совсѣмъ. Въ человѣкѣ же находимъ мы слѣдующее.

Какъ ни противнымъ, какъ ни близко напоминающимъ животненность можетъ казаться намъ особое образованіе чувства вкуса, тѣмъ не менѣе справедливо, что, даже и въ случаяхъ гнуснѣйшаго сластолюбія, ищется человѣкомъ не одинъ только смакъ, въ видѣ отраднаго возбужденья его тѣлу, но что

Digitized by Google

испытующій языкъ скорѣй распознаетъ во вкусѣ яствъ какую-то особую, своеродную заслугу, которой пріятнымъ побочнымъ дѣйствіемъ на него онъ конечно готовъ пользоваться весьма охотно. Только о животномъ можно собственно сказать, что оно локаетъ и жретъ, то-есть тратитъ внѣшнія средства единственно въ угоду тяжкой потребности или для порожденія себялюбивой утѣхи ощущеньемъ: оттого оно и не медлитъ на этихъ средствахъ, а тотчасъ же спѣшитъ поглотить ихъ; оно ни мало не углубляется въ разборъ, въ разсмакованіе ихъ природы; для него -- это средства потребленія, вотъ и все. Напротивъ, человѣкъ не ѣстъ и не пьетъ безъ того, чтобъ не встрѣтить дружелюбно сладость, будто особую какую-то пріязнь со стороны вещей, а на нестерпимую горечь ихъ не взглянуть какъ на свойственную имъ злобу; его трогаетъ иногда та внутренняя доброта естественныхъ веществъ, къ которой одинъ только путь указывается ему чувствомъ вкуса. Дѣло тутъ не въ собственномъ его услажденіи; только, помимо чувственной услады, нѣтъ у него другихъ способовъ подмѣтить и распознать эту доброту. Уже въ двусмысленномъ пристрастіи человѣческой чувственности къ раздраженію вкуса предпочтительно влагами проявляется освобожденіе ея отъ грубѣйшаго интереса угодить только массѣ, тѣлу; этотъ позывъ погружаться въ утонченную прелесть матеріальнаго еще явнѣе въ склонности его къ благовоніямъ, къ духамъ. Міръ животныхъ, повидимому, чуждъ этого влеченья; сколь ни развито обоняніе или чутье у нѣкоторыхъ классовъ на службу ихъ жизненнымъ цѣлямъ, мы нигдѣ не найдемъ примѣра особой наклонности, удовлетворяемой однимъ запахомъ вещей. Напротивъ, человѣческое образованіе окружаетъ себя этой усладой въ самомъ уже началѣ, сперва только въ торжественныя минуты религіознаго настроенія, вскорѣ потомъ и для украшенія жизни въ повседневномъ быту. Ничтожная величи-

Digitized by Google

на порождаемой такимъ образомъ чувственной услады не можетъ служить основаніемъ подобному навыку; она становится значительной только благодаря фантазіи человѣческой чувственности, которая не можетъ перенестись въ другую атмосферу существованія безъ того, чтобы рядомъ съ испытываемою отъ нея утѣхою не предаваться вѣщему чаянію о собственной, внутренней цѣнности этой новой атмосферы. Нужно ли прибавлять, что ощущаемое и другими чувствами содержаніе, что даже, напримѣръ, теплота и холодъ принимаются нами не только за безъинтересную для насъ разность, не только за силы, порождающія отраду или боль? Мы и въ нихъ умѣемъ найдти свойственную имъ самобытную красу или непригожесть, а польза или вредъ отъ нихъ приходятся намъ только между-прочимъ, стороной. Нужно ли, возвращаясь опять къ высшимъ чувствамъ, напоминать еще о томъ, какъ въ звукахъ и цвѣтахъ исчезаетъ уже почти и малѣйшій слѣдъ эгоистическаго интереса, такъ что мы отдаемся здѣсь безкорыстно и вполнѣ созерцанію самобытнаго изящества? Такъ велика собственная цѣнность этихъ впечатлѣній, что и при всей прочей тѣснотѣ жизни нашей намъ всегда слѣдовало бы благодарить судьбу, открывшую нашимъ чувствамъ прекрасный этотъ міръ на ежедневное услажденье и дозволившую намъ погружаться въ живую, вѣщую глубину цвѣтовъ, звуковъ и запаховъ.

Но въ этихъ элементахъ чувственности что же собственно видится нашему воображенію, нашей фантазіи? Едвали сумѣемъ мы выразить это словами, а между-тѣмъ, не менѣе сродное нашему духу, вполнѣ естественное побужденье обыкновенно требуетъ отвѣта на тотъ вопросъ и даже пытается дать его. Въ выраженіяхъ каждаго образованнаго языка находимъ мы многіе примѣры попытокъ уяснить себѣ особенность ощущеній одного чувства приравненіемъ къ ощущеніямъ другихъ: духъ нашъ подмѣчаетъ стало-быть между разными ощущеньями

Digitized by Google

нѣчто однородное. Хотя всего ближе искать этого общаго имъ элемента въ сходствѣ дѣйствій, производимыхъ различными раздраженьями, или въ аналогіи тѣхъ потрясеній, какія испытываетъ отъ нихъ наше внутреннее состояніе; нельзя однакожь отрицать, что вмѣстѣ съ этимъ наша фантазія думаетъ прямо видѣть существенное сходство и въ самой природѣ ощутимаго. Мы вѣдь не только говоримъ о рѣзкихъ тонахъ и жгучемъ вкусѣ, но еще и сравниваемъ низкій тонъ съ тѣнью, съ темнотой, а высокій—со свѣтомъ; въ ряду гласныхъ думаемъ мы видѣть передъ собой сходныя природы и разности ихъ или оттѣнки, точно такъ же, какъ въ скалѣ цвѣтовъ, и въ свою очередь цвѣта для иной раздражительной чувственности какъ будтобы воспроизводятъ особенности разныхъ вкусовъ. Конечно, во всѣхъ подобныхъ вещахъ великое разнообразіе какъ тѣлесной организаціи, такъ и духовной природы отдѣльныхъ лицъ, всегда будетъ мѣшать общему согласію, и если, положимъ, для всякаго *a* и *y* будутъ соотноситься между собою какъ бѣлое съ чернымъ, то не всякой же представитъ себѣ *e* желтымъ, *i* краснымъ, а *o* голубымъ; точно такъ же, какъ не всякой увидитъ, напримѣръ, въ красномъ ароматическую сладость, въ голубомъ—водянистую кислоту, въ желтомъ—металлическій отзывъ и т. п. Далѣе, мы, конечно, готовы допустить, что для каждой отдѣльной личности сходства, подмѣчаемыя между разными ощущеньями, основываются не на сравненіи же ихъ непосредственнаго содержанія, но на подмѣтѣ тончайшаго и сокровеннѣйшаго сходства тѣхъ потрясеній, какія испытываетъ отъ нихъ ея собственное общее чувство; уступки эти ни мало не измѣнятъ однако значенія всего этого взгляда для нашего человѣческаго развитія. Довольно, что позывъ къ такимъ уподобленіямъ живетъ и движется въ каждой отдѣльной душѣ; открывается ли этимъ путемъ что-либо общезаконное или нѣтъ, это все равно: для чувственности,

Digitized by Google

идущей на такого рода уподобленья, весь доступный намъ міръ превращается, въ обоихъ случаяхъ, въ игру явленій, которой отдѣльные образы намекаютъ другъ на друга и на то идеальное содержанье, которому всѣ они служатъ разноформнымъ, правда, выраженіемъ, но разнящимся лишь на столько, не болѣе, чтобы чуткая фантазія всегда могла угадать въ нихъ дѣтей одного и того же духа. Даже и заблуждайся мы насчетъ сравненій этихъ въ томъ смыслѣ, что сходства страданія, причиняемаго намъ разными впечатлѣньями, принимали бы мы, положимъ, за сходства собственнаго ихъ содержанія; вѣдь и тогда не должно намъ забывать, что вся чувственность только и живетъ что этимъ сплошнымъ общимъ заблужденіемъ: вездѣ смотритъ она на формы внутренняго возбужденія какъ на внѣшнюю намъ, предлежащую или предметную природу. Обманъ это, или нѣтъ, довольно того, что такой способъ воззрѣнія образуетъ естественную составную часть человѣческой нашей чувственности и что, какова она ни есть, она безконечно вліяетъ на цѣлое наше міросозерцанье. Мы вѣдь никогда не думаемъ, что только сами мы возбуждаемся сходнымъ или различнымъ образомъ, но всегда ищемъ причины своихъ отрадныхъ или тягостныхъ возбужденій, а равно причины ихъ сходствъ и разностей. въ собственной, предметной добротѣ или злокачественности дѣйствующаго на насъ впечатлѣнья и въ томъ внутреннемъ сродствѣ, которое связываетъ разныя впечатлѣнья между собою.

Воротимся еще только на одну минуту къ тому, съ чего мы начали, — къ вопросу, есть ли возможность открыть какое-либо полное смысла согласіе между физическимъ значеніемъ чувственныхъ раздраженій въ общей связи процессовъ природы и между качествомъ того ощущенія, какое возбуждаютъ они въ нашей чувственности. Едва ли удастся превратить изъ чувства въ ясное созерцаніе то, что мы здѣсь, повидимому, дѣй-

Digitized by Google

ствительно замѣчаемъ; но мы выиграли бы уже и тогда, еслибъ намъ можно было сослаться именно на безпредубѣжденное внутреннее чувство. Вѣдь не иначе какъ въ формѣ такого чувства могли бы мы предположить вышеупомянутое согласіе, какъ дѣйствующій элементъ внутренней нашей жизни.

Между спокойными или подвижными массами природы снуютъ туда и сюда сотрясенія упругихъ веществъ, порождающія свѣтъ и звукъ, — снуютъ, какъ самые нѣжные, самые гибкіе посредники взаимныхъ соотношеній. Нужно много времени, чтобы силы, обыкновенно дѣятельныя въ природѣ, привели разрозненныя тѣла къ значительному новому взаимнодѣйствію, и достаточно очень небольшихъ препятствій для того, чтобы вполнѣ остановить или по крайней мѣрѣ ограничить обмѣнъ между ними ихъ внутреннихъ состояній. Безъ живаго волнообразнаго движенія упругихъ веществъ, отдѣльныя массы земного шара находили бы только очень скудное общеніе въ одномъ лишь взаимномъ натискѣ или гнетѣ; но особенности любой изъ нихъ, то есть, какъ внѣшній ея видъ, такъ и форма ея внутренняго состоянія, да и самая природа составныхъ ея элементовъ, большею частію пропадали бы бездѣйственно для всѣхъ прочихъ. Въ этотъ хаосъ массъ, ничего не вѣдающихъ другъ о другѣ, волны свѣтоваго эѳира вносятъ своеобразную, характиристическую связь. Каждая плоскость, каждая грань или каждый уголъ тѣла, каждый своенравный выступъ его облика, заявляютъ себя тѣмъ особеннымъ направленіемъ, въ какомъ отражаютъ они набѣгающія волны; каждая изъ этихъ линій, сторонъ или частей геометріею своей собственной формы освѣщаетъ всѣ элементы вокругъ себя, и далеко за предѣлы ближайшаго сосѣдства расходится, быстрое какъ мысль, это самооткровеніе природы тѣла по всѣмъ пространствамъ, не возмущаясь подобными же излученіями отъ безчисленныхъ другихъ массъ. Но и свойтсво внутренняго

Digitized by Google

содержанія, наполняющаго пространственные его предѣлы, тѣло обозначаетъ выборомъ какъ отражаемыхъ, такъ и пропускаемыхъ имъ цвѣтовъ; правильность его строя и сплошное однообразіе внутренняго распорядка обличаются его прозрачностью, тогда какъ разноформность составныхъ частей обнаруживается мутнымъ или темнымъ его видомъ. Такимъ образомъ то, чѣмъ тѣло было лишь само для себя, становится дѣйствительностью и для другихъ; мы, конечно, не въ правѣ назвать изъ-за этого свѣтъ прямо духомъ, озаряющимъ природу изнутри или извнѣ, но, безспорно, зыбкоструйныя его волны составляютъ то всемірное и податливое средство общенія, въ которомъ любой отдѣльный элементъ можетъ выказать индивидуальныя свои состоянія и подѣйствовать ими на состоянія другихъ. Если вообразить присутствіе духовной живости въ самихъ элементахъ, тогда они выйдутъ способными взаимно подмѣчать въ себѣ свои внутреннія состоянія; но на болѣе хладнокровный взглядъ физики взаимнодѣйствіе ихъ ограничится наименьшею мѣрой. Потому что, когда струи свѣта не сопровождаются волнами теплоты, весьма рѣдко производятъ онѣ сами по себѣ прочное измѣненіе въ природѣ тѣла; тысячу разъ свѣтовой лучь пройдетъ сквозь прозрачныя тѣла или отразится ихъ зеркальной поверхностью, безъ всякихъ для нихъ послѣдствій, и весь результатъ многоразличной игры волнъ сведется вообще не столько къ энергическому, глубокому взаимнодѣйствію элементовъ, сколько къ связи и опосредствованію такихъ соотношеній, которыя бережно обходятъ самую природу вещей и обозначаютъ только наружное общеніе ихъ съ другими, оттѣняя тонко и вѣрно малѣйшія его подробности.

Представятъ ли намъ свѣтовыя волны это же самое значеніе и съ той стороны, которая кажетъ ихъ нашему глазу въ видѣ свѣта и блеска? Чувствую, какъ трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, котораго смыслъ не льзя уяснить себѣ сравни-

Digitized by Google

тельнымъ противоположеніемъ какому-либо другому удобоступному соотношенію. Вѣдь кто же въ силахъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что было бы, еслибъ возбужденіе глаза эопирными волнами являлось намъ не свѣтомъ, а какимъ либо совсѣмъ инаковымъ ощущеніемъ, похожимъ на цвѣта только тѣмъ, что созерцанія его, подобно имъ, были бы способны къ протяженію и опредѣленной сопостановкѣ въ пространствѣ? Удайся намъ такого рода представленіе, мы поняли бы скорѣе чѣмъ теперь, что въ своеобразности нашего свѣтоощущенія, въ томъ именно, чѣмъ свѣтъ становится для насъ свѣтомъ, въ самомъ лучезарномъ блескѣ, лежитъ уже непосредственно впечатлѣніе такой законченности всѣхъ соотношеній, такой прозрачной рѣшености всякаго сомнѣнія, и наконецъ такого всеобъемлющаго единства, что любой отдѣльный предметъ находитъ или можетъ найдти себѣ въ немъ опредѣленное свое мѣсто. Совсѣмъ не такъ, какъ звукъ, возникающій то тутъ, то тамъ, прерываемый паузами и доходящій по извѣстнымъ только направленіямъ, — всеобщій дневной свѣтъ, обращаясь несмѣтнымъ числомъ отраженій въ сплошную, непрерывную ясность, образуетъ для нашего созерцанія открытое, блестящее, широкое поприще, гдѣ многоразличныя взаимнодѣйствія могутъ встрѣчаться и скрещиваться между собою, но гдѣ на первый разъ они сопоставлены еще бездѣйственно и явны только въ очевидности своихъ внѣшнихъ соотношеній. Ни какому другому ощущенію не произвесть такого непосредственнаго впечатлѣнія, ни какому соображенію не замѣнить его; въ темнотѣ, безконечная даль пространства ужь не кажется намъ столь же отрадно вѣроятною, какъ среди бѣлаго дня, хотя бы мы и оставались твердо убѣждены въ этомъ умственно; положимъ, что слѣпорожденный и пріобрѣлъ бы себѣ точное представленіе объ окружающемъ, связывая понятія о движеньяхъ съ осязательными впечатлѣнія-

Digitized by Google

ями, но никогда не уразумѣетъ онъ такъ ясно, какъ зрячій, что̀ именно значитъ существовать въ пространствѣ, потому что міръ не лежитъ передъ нимъ, облитый свѣтомъ, во всей ясности. Конечно, этому преимуществу зрячаго много содѣйствуетъ легкость, съ какою взглядъ его разомъ окидываетъ бездну подробностей, дающихся осязанію только поодиначкѣ и съ трудомъ; но я все-таки не думаю, чтобы своеобразность ощущеній свѣта и цвѣтовъ оставалась при этомъ совершенно безучастною. Языкъ нашей поэтической фантазіи не почерпнулъ бы именно изъ нихъ названій для обозначенія всякаго вѣдѣнія, всякой бдительности духа, еслибъ и естественнѣйшему чувству сердца человѣческаго блескъ цвѣтовъ не казался самымъ непосредственнымъ явленіемъ чуждой, противостоящей намъ дѣйствительности, въ глубь которой мы думаемъ смотрѣть и которая ясна для насъ между тѣмъ одною только заманчивой поверхностью, дающей ей особое ея мѣсто въ общемъ порядкѣ всѣхъ созданій. Вѣдь конечно цвѣтъ обличаетъ намъ одинъ только внѣшній очеркъ дѣйствительнаго; это наилучшій примѣръ того, что̀ мы обыкновенно называемъ качествомъ, — того содержанія, безъ котораго сущее не имѣло бы для насъ наглядной полноты, и которое однакожь именно потому, что оно только извнѣ-наглядное качество, остается намъ вѣчно чуждымъ, непроглядным въ своей глубинѣ, никогда сполна не усвоимымъ душѣ образомъ.

Глубокую нутрь вещей всегда чаяли уловить только въ звукѣ. И дѣйствительно, не самое ли существо тѣлъ сильно потрясаютъ звуковыя волны, нерѣдко положительно видоизмѣняя его и даже иногда разрывая напоромъ движенія? О напряженности, съ какою дѣйствующія въ тѣлахъ силы отстаиваютъ коренную связь и распорядокъ ихъ частицъ, объ ихъ твердости и мягкости, о хрупкости или равнодушной зыбкости, свидѣтельствуютъ разные звуки, порождаемые ихъ сотрясеніемъ. Со-

Digitized by Google

образно этимъ отношеньямъ, звукъ не воспроизводитъ, подобно цвѣту, спокойной стороны существованія, но проторгается наружу, какъ страстная душа вещей, какъ оживляющій ихъ побудъ, или какъ прямое проявленіе того первичнаго характера, откуда исходятъ всѣ эти физическія силы, въ качествѣ нормально-послѣдовательныхъ формъ соотношенія любой данной вещи съ другими. Ужь не по оказываемой тѣломъ силѣ, не по величинѣ сопротивленія его напору внѣшнихъ вліяній, цѣнимъ мы теперь его твердость, плотность, хрупкость или упругость: въ полнотѣ звуковъ, въ ихъ мягкости или жесткости, въ рѣзкомъ или плавно-округленномъ ихъ тонѣ, мнится намъ ощущать, какимъ духомъ (какой сущностью) порождены всѣ тѣ физическія свойства, и какая въ самомъ дѣлѣ твердость и хрупкость, какая существенная мягкость, скрывается въ цѣломъ мірѣ подъ внѣшними, наружными только формами пространственно-дѣйствующихъ силъ. Есть много способовъ взаимнаго пониманія и сообщенья, но и совершеннѣйшій изъ нихъ никогда не будетъ имѣть той убѣдительной ясности, съ какою подступаетъ къ намъ звукъ, какъ природный глашатай внутреннихъ состояній каждой вещи.

Но довольно съ насъ этихъ примѣровъ: слѣдить за ними долѣе предоставляемъ мы, по необходимости, естественному чувству каждаго. Быть-можетъ, и изъ нихъ стало уже вѣроятнымъ, что наши способы ощущенія связаны съ внѣшними раздраженьями не случайно или безправильно, что, напротивъ, значеніе однихъ отражается въ своеобразности другихъ. Но для насъ всего важнѣе было убѣдиться, что человѣческая чувственность исперва наклонна открывать въ природѣ вещей свойственную каждой изъ нихъ заслугу, цѣнность или нецѣнность, такъ что для нея онѣ не могутъ быть просто чѣмъ-нибудь или какъ-нибудь, но бытіемъ своимъ всегда соотвѣтствуютъ или противорѣчатъ какому-то предписанному имъ праву. Эта на

Digitized by Google

клонность нашего созерцанія гораздо явнѣе выступаетъ впередъ при сравненіи различныхъ содержаній, чѣмъ при какомъ-либо разобщенномъ вниканіи въ одно и тоже, и обнаруживаетъ себя здѣсь не только крайнимъ разнообразіемъ въ производствѣ такихъ сравненій, которыхъ умышленностью человѣческая дума безспорно отличается передъ ходомъ представленій животнаго, но и еще явственнѣе — стремленіемъ дать каждому содержанію опредѣленное мѣсто въ ряду подобныхъ ему другихъ, да понять и самый этотъ рядъ въ видѣ цѣлой организованной системы. Въ этомъ помогаетъ намъ природа ощущаемаго содержанія, хоть, правда, и не равномѣрно. Такъ тоны располагаются для насъ въ правильную лѣствицу или скалу членовъ, которыхъ взаимныя разстоянія, а равно лады или разлады, мы вполнѣ понимаемъ какъ настоящее внутреннее право міра звуковъ; тогда какъ цвѣта воспроизводятъ передъ нами подобный же законный строй, только менѣе опредѣленно, а всѣ прочія чувственныя ощущенія даютъ лишь одинъ слабый отголосокъ этой внутренней соотносительности ихъ отдѣльныхъ случаевъ. Міръ животныхъ лишенъ, повидимому, какъ силы тонко распознавать бо́льшую часть подобныхъ различій, такъ равно и внутренняго чутья ихъ цѣнности: посмотрите, какъ даже пѣніе птицъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ способны различать гармоническіе интерваллы тоновъ, удерживать ихъ въ памяти и воспроизводить по слуху,—какъ это пѣніе развивается не самостоятельною мелодіей, но въ своихъ повышающихся или понижающихся тонахъ, точно такъ же, какъ и въ безурядномъ многоразличіи рѣзвыхъ тѣлодвиженій птицы, выражаетъ только величину и живость внутренней ея возбужденности; только въ этомъ, да въ пріятномъ звукѣ голосовъ, заключается вся прелесть звонкихъ птичьихъ пѣсенъ.

И фантазія наша систематизируетъ не одни лишь ощущаемыя содержанія; такъ же точно систематизируетъ она и

Digitized by Google

тѣ всеобъемлющія формы, въ предѣлахъ которыхъ они намъ являются, — всеобщія формы пространства и времени. Напрасно захотѣли бы мы опредѣлить, какъ представляютъ ихъ себѣ животныя; вѣдь въ естественномъ (первоначальномъ) сознаніи и у человѣка не найдемъ мы вовсе того созерцанія этихъ формъ, какое философіи желалось бы выдать за вѣрное или за общечеловѣческое. Правда, мы очень легко увлекаемся къ признанію безконечности и вмѣстѣ собственной несущественности пространства и времени, однакожь безъ особаго какого-либо повода не думаемъ ни о томъ, ни о другомъ. Пространство кажется намъ дѣйствительнымъ протяженіемъ, какъ бы далеко оно ни простиралось, время — дѣйствительнымъ теченіемъ, какъ бы долго оно себѣ ни шло; но въ обоихъ мнится намъ видѣть внутренній членосоставный распорядокъ. Не къ земному небосклону, которому онѣ собственно принадлежатъ, но къ самому пространству относимъ мы разныя страны свѣта, — сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, верхъ и низъ (зенитъ и надиръ); лишь, подѣленное такимъ образомъ, міровое пространство имѣетъ для насъ дѣйствительность, реальность, и эти сами по себѣ неизмѣненныя направленья должны, сдается намъ, нормировать или руководить всѣ естественныя движенія. Не точку, откуда встаетъ солнце, называемъ мы востокомъ, чтобы эту безразличную по себѣ точку пространства отмѣтить въ ряду одинаково безразличныхъ другихъ; нѣтъ, намъ кажется естественнымъ, что именно съ востока, какъ отъ исперва намѣченной точки міроваго пространства, восходитъ солнце, чтобы закатиться въ такой же исперва отмѣченной точкѣ запада. И если, смотря по временамъ года, оно мѣняетъ мѣсто своего захожденія, намъ мнится, что въ силу какихъ-то таинственныхъ причинъ солнце не попало на ту точку, которая сама по себѣ въ правѣ быть мѣстомъ заката. Такъ точно и время, съ постоянно ровною быстротой

Digitized by Google

своего теченія, кажется намъ общею мѣрою всѣхъ возможныхъ движеній; и хотя, не представляй намъ сама природа преемственной череды въ точно-повторяющихся звеньяхъ вполнѣ одинаковыхъ явленій, мы никогда не были бы въ силахъ дѣлить долготу времени и сравнивать величину ея частей, но для навыка нашей фантазіи снисканное такимъ образомъ представленье времени неизбѣжно превращается въ совершенно независимый, самъ по себѣ расчлененный масштабъ, по частямъ котораго мы распредѣляемъ массу всяческаго совершенія. Въ выработкѣ всѣхъ этихъ способовъ представленія помогаетъ намъ больше или меньше сама природа усвояемаго опытомъ содержанья, и мы вовсе не имѣли здѣсь въ виду оспоривать эту постепенную прививку намъ воспитаніемъ нашихъ созерцаній времени и пространства, или показать, что оба они составляютъ первобытную, коренную собственность человѣческой фантазіи. Но они все-таки не сложились бы безъ того, еслибъ навстрѣчу внѣшнимъ опытамъ не шла своеобразная наклонность нашего духа видѣть во всѣхъ вещахъ, во всѣхъ явленіяхъ и событіяхъ свойственную имъ постоянную мѣру и норму существованія, — наклонность, которую само научное знаніе не вдругъ убѣдитъ въ томъ, что естественныя ея опредѣленія имѣютъ часто относительную только цѣну.

Числа и измѣренья величинъ — вотъ существеннѣйшія пособія, которыми стараемся мы провѣрить законность многоразличныхъ явленій, содержащихся въ объемѣ двухъ обширныхъ рамъ, — пространства и времени. Часто говорили, что человѣкъ отличается отъ всѣхъ прочихъ животныхъ, какъ существо, способное считать или вообще числить. Но такія краткія обозначенія никогда не схватываютъ всего характера даннаго развитія, и очень трудно доказать, на сколько они вѣрны. Конечно, одна неутомимая настойчивость, съ какою человѣче-

Digitized by Google

скій умъ соображаетъ все вновь и вновь подмѣчаемыя имъ между отдѣльными мыслями многоразличныя соотношенья, — только эта настойчивость и даетъ средства основать математическое знаніе, даже въ первопростѣйшихъ его зачаткахъ. Но мы видимъ, однако, что сообразительность эта не на всякой степени культуры идетъ далеко, и что счетная сила истощается у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ очень небольшими уже числами, что для важнѣйшихъ количествъ они довольствуются затѣмъ общими только обозначеньями, что поэтому, вѣроятно, и понятія, составляемыя ими о взаимныхъ соотношеніяхъ скуднаго запаса извѣстныхъ имъ чиселъ не многимъ глубокомысленнѣе тѣхъ представленій о просто бо́льшемъ или мѣньшемъ множествѣ, какія необходимо приписать и животнымъ. Вѣдь ужь конечно для животнаго три видимые имъ человѣка не то, что́ два; конечно, эти трое, какъ раздѣльные между собой предметы, могутъ тутъ же вѣдь и разойдтись, а потому и для созерцанія животнаго сливаются они не въ одно и то же представленіе; оно видитъ въ нихъ три образа и безъ сомнѣнія различаетъ эту тройку отъ двоицы, представляющейся ему въ другомъ случаѣ. Если такую подмѣту разностей назвать счетомъ, тогда пожалуй выйдетъ, что и животныя умѣютъ считать; если же подъ именемъ счета подразумѣвать вмѣстѣ и дѣйствующее тутъ сознаніе, что число три даже въ безконечномъ ряду чиселъ всегда займетъ опредѣленное свое мѣсто только между двумя и четырмя, и что оно происходитъ изъ обоихъ этихъ членовъ съ прибавкой или убавкой единицы, то животнымъ конечно не подъ силу счисленіе, и одинъ только человѣкъ обладаетъ способностью прилагать къ вещамъ мѣру и число съ такимъ яснымъ сознаніемъ всѣхъ открывающихся тутъ соотношеній. Одно особенное свойство нашихъ собственныхъ ощущеній даетъ намъ впрочемъ подобіе того состоянія, въ какомъ должна находиться представи-

Digitized by Google

тельность, неспособная къ опредѣленнымъ числосравненіямъ. Мы легко отличаемъ разныя степени силы чувственныхъ раздраженій, ощущая, которое изъ нихъ больше, которое меньше, такъ что не ускользнетъ отъ насъ, пожалуй, ни малѣйшій оттѣнокъ въ этомъ отношеніи. Глазъ нашъ слѣдитъ за разгарающеюся ясностью только что зажженой свѣчи, ухо наше ловитъ послѣдніе отголоски замирающаго звука, и мы замѣчаемъ легчайшую разность въ видоизмѣнчивыхъ впечатлѣніяхъ; но никогда не указать намъ здѣсь точки, про которую могли бы мы рѣшительно утверждать, что вотъ именно такая-то ясность свѣта ровно вдвое больше прежней, что такая-то сила звука втрое болѣе силы подобнаго же другаго: тонко ощущаемая разность просто для насъ неисчислима.

Не входя здѣсь дальше въ развитіе математическаго знанія, можемъ мы однако замѣтить, какъ легко и какъ рано возникаютъ у насъ всякаго рода представленія объ относительныхъ величинахъ не только однихъ внѣшнихъ явленій, но и о силахъ, которыми они производятся. Подобно тому, какъ родъ прирожденной намъ метафизики руководитъ насъ йсперва въ самыхъ общихъ сужденіяхъ о вещахъ міра, такъ точно уже и на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи человѣкъ слѣдуетъ внушеніямъ какого-то (какъ бы врожденнаго) математическаго и механическаго инстинкта. Простѣйшія машины, покатую плоскость, рычагъ и разныя производныя отъ нихъ приспособленья находимъ мы въ употребленіи вездѣ; хотя, по незнакомству съ началами ихъ дѣйствія, они часто прилагаются невыгодно и неудобно тамъ, гдѣ подробности даннаго случая затрудняли условія ихъ примѣненья. Но и тутъ уже представленія эти достаточны для того, чтобъ заявить собой существованіе идеи внутренней законности, которую наша фантазія вноситъ вездѣ въ содержаніе подмѣченныхъ яв-

Digitized by Google

леній, которой наглядное выраженіе она въ нихъ ловитъ, и тамъ, гдѣ не найдетъ его, старается возстановить.

Этимъ хочу я напомнить о томъ эстетическомъ обсужденіи, какому фантазія подвергаетъ всѣ формы и событія природы. Идеи равновѣсія и соразмѣрности, единства и полноты совершенно господствуютъ надъ чувственнымъ нашимъ взглядомъ, если онъ только не предубѣжденъ; въ формальныхъ этихъ свойствахъ лежитъ, по его мнѣнію, нерушимое коренное право вещей, которому должны онѣ повиноваться, и отсутствіе такихъ свойствъ оскорбляетъ насъ, какъ явное несовершенство существованія. Обозрѣвая все многоразличіе мелочныхъ жестовъ, игривыхъ тѣлодвиженій и болѣе серьёзныхъ дѣйствій съ какими человѣкъ врывается преобразовательно въ окружающую его обстановку, мы конечно откроемъ между ними грубую, суровую, скорѣе разрушительную, чѣмъ зиждущую черту дѣятельности, какую-то злорадную шаль, въ которой нѣтъ, повидимому, ничего, кромѣ заявленія своего собственнаго произвола, кромѣ желанія расправиться съ вещами по свѣему. Но очень уже рано облагораживается эта грубая черта, и мѣсто разрушенія вскорѣ заступаетъ созиданье; если произведенія природы отрываются отъ естественнаго своего положенія и привычныхъ связей, за то они приводятся въ другія, всегда съ мыслью о какомъ нибудь улучшеніи, такъ чтобы въ новой, повидимому, произвольной ихъ постановкѣ только явнѣе выступала та внутренняя строгость и правомѣрная истина, которая предписана вещамъ ихъ собственнымъ существомъ, но помутилась въ нихъ болѣе или менѣе безурядицею природы. Лишь только пробудится при обработкѣ почвы влеченіе выровнять своенравную ея поверхность, въ видѣ геометрически-точной площади, и правильными, прямолинейными межами обозначить ея границы и раздѣлить ее на извѣстные участки или полосы, тотчасъ же прививается къ это-

Digitized by Google

му наклонность симметрически распредѣлять предметы, въ порядкѣ, дотолѣ совсѣмъ чуждомъ данной мѣстности, какъ будто бы предметы въ самомъ дѣлѣ обязаны были занимать тѣ именно мѣста, которыя въ общей сѣти пространственныхъ соотношеній подходятъ другъ къ другу по своему значенью и своей цѣнности, въ качествѣ преобладающихъ надъ всѣми остальными точекъ! Этимъ размѣщеніемъ своимъ должны они установлять такое равновѣсіе въ группировкѣ массъ, которое, останься оно безъ видимаго выраженія, какъ будто лишало бы весь этотъ распорядокъ доли его истиннаго, настоящаго значенья. Все, что наисильнѣе и наирѣзче высказываетъ эту мысль необходимой законности,—прямыя линіи, параллельныя стороны, прямые углы, ровныя площади, — однимъ словомъ всякую легко замѣтную соразмѣрность, охотно ставитъ этотъ зарождающійся художественный смыслъ на мѣсто ирраціональныхъ формъ природы, и только уже далеко шагнувшая впередъ выработка фантазіи способна найдти не только эту, но и высшую еще правильность, въ развязныхъ, непринужденныхъ и оттого пренебрегаемыхъ сперва очеркахъ самобытной природы.

Для сравнительной психологической эстетики было бы интересною задачей отыскать тѣ простыя формы, къ выработкѣ которыхъ побуждала человѣка вездѣ одинаковая наклонность, даже и среди разнороднѣйшихъ условій бытоваго образованія. Гдѣ дойдетъ до пляски и игры или до какого бы то ни было торжественнаго обряда, человѣкъ вездѣ стремится распредѣлить время по какому-нибудь такту, а пространству придать симметрическое расчлененіе; ни что, кажется ему, нейдетъ какъ слѣдуетъ, если процессъ дѣйствія не совпадаетъ съ ритмически отмѣченными точками времени; ни что не покоится какъ слѣдуетъ, если не занимаетъ своего мѣста въ извѣстной правильно уряженной чередѣ. Лишь только произведенія ху-

Digitized by Google

дожественной фантазіи перейдутъ гдѣ-нибудь за раскраску и татуировку тѣла, тамъ уже скоро обнаруживается чувство формъ, въ которомъ явно сквозитъ чаяніе, что каждая проведенная черта обладаетъ своимъ внутреннимъ, нерушимымъ правомъ. Если черта, напримѣръ, крива, то изгибу ея начала должна соотвѣтствовать необходимая для равновѣсія величина и въ изгибѣ ея продолженія; параллельныя повторенія (одной и той же подробности) часто усиливаютъ впечатлѣнье; если на правой щекѣ кривизна черты обращена направо, то не рѣдко тотъ же узоръ повторяется съ лѣвой стороны, обращенный уже влѣво: такъ природный инстинктъ научилъ фантазію достигать чувства равновѣсія соединеніемъ одинаковыхъ и однакожь не сводимыхъ другъ на друга узоровъ. Гдѣ дѣло идетъ объ изукрашеніи какой-нибудь утвари, тамъ вездѣ оказывается прежде всего необходимость явственно отличить ее отъ всякой случайной доли вещества, какъ естественно-сопринадлежное и законченное цѣлое: ей не слѣдъ просто начинаться и просто оканчиваться, она должна съ явной добровольностью замкнуться въ предѣлы своего объема. Поэтому изукрашающая фантазія никогда не довольствуется тѣмъ, чтобъ закончить, напримѣръ, площадь дѣйствительнымъ ея краемъ; одною или нѣсколькими параллельными каймами намекаетъ она на постепенно зрѣющее рѣшеніе площади ограничиться по своей собственной волѣ. А гдѣ встрѣтятся между собой два разныя направленья, тамъ смыкающійся уголъ ихъ наполняетъ она переходною чертою, чтобъ обозначить ею то взаимнодѣйствіе, какого (по убѣжденію фантазіи) не можетъ не быть между различными членами одного цѣлаго; гдѣ, наконецъ, употребитъ она мелкій орнаментъ, характеристически дополняющій выраженіе своеобразной силы, тамъ повторитъ она его многократно заподрядъ, потому что въ часто-повторенномъ существенное значенье становится ощутительнѣе нежели въ одиночномъ, а между тѣмъ

Digitized by Google

возрастающая многократность вмѣстѣ и понижаетъ его цѣну до степени побочной только принадлежности.

Всѣ эти позывы увлекаютъ человѣческую фантазію на первыхъ же порахъ ея развитія; они движутъ рукою дитяти въ ребяческихъ его опытахъ и являются съ созрѣвшимъ сознаніемъ своего смысла въ пріемахъ болѣе цвѣтущаго художества. Но гдѣ бы они ни обнаруживались, нигдѣ, мнѣ кажется, не имѣютъ они того значенія, чтобы только напоминать намъ о нерушимой, но впрочемъ непонятной внутренней законности вещнаго міра; формы, къ осуществленію которыхъ они побуждаютъ насъ, или которыми они заставляютъ насъ любоваться въ природѣ, — это дѣйствительные способы соотношенія многоразличнаго, доступные нашему сочувствію въ своей собственной отрядности и усладѣ. Я и прежде высказывалъ уже мнѣніе, что подобно тому, какъ ни одно ощущенье не можетъ состояться безъ участія внутренняго чувства, такъ не возникаетъ въ насъ ни одно понятіе о какомъ бы то ни было взаимномъ отношеніи безъ того, чтобъ намъ не соусладиться тою своеобразною степенью довольства или недовольства, какую отношеніе это неизбѣжно подѣляетъ между обоими своими членами. Мы не подмѣтимъ ни одного тожества безъ легкаго по крайней мѣрѣ воспоминанія о блаженствѣ мира и любви, ни одного контраста безъ вѣщей думы то о ликодѣйствѣ сопротивности, то объ усладѣ, происходящей отъ взаимнаго дополненія другъ другомъ различнаго; ни одно равновѣсіе, ни одна сразмѣрность, ни одна явная косность очерковъ не промелькнутъ передъ нами безъ того, чтобъ въ нашемъ созерцаніи не ощутилось разнообразное довольство и недовольство отъ благонадежности покоя, отъ строгой подзаконности, отъ ограниченности и тѣсноты. Эта способность подмѣчать во внѣшнихъ формахъ счастіе или несчастіе таинаго ими существованія собственно и оживляетъ для насъ міръ; нѣтъ такого недоступ-

Digitized by Google

наго облика, въ который не съумѣла бы перенестись наша сживчивая фантазія.

Конечно, одушевленію нашихъ созерцаній много способствуетъ обобщаемое нами воспоминаніе о живоподвижности нашего собственнаго тѣла. Вѣдь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ понятій, какими обусловлена возможность нашего міровоззрѣнія, остались бы для насъ совсѣмъ темными, еслибъ обозначаемое ими содержанье не представляло вмѣстѣ и доступной внѣшнему чувству стороны. Одинъ тотъ, кто самъ движется усильно и многотрудно, способенъ знать, что̀ такое движеніе; предоставь природа члены наши въ безотвѣтную услугу силѣ воли, такъ чтобъ ни малѣйшее чувство тягости или истомы никогда не сопровождало ихъ движеній, тогда сами эти движенія, при всей цѣлесообразности своей взаимной связи, были бы для насъ только непонятнымъ какимъ-то дерганьемъ *); и все, что̀ движется во внѣшней природѣ, являлось бы намъ только непонятнымъ представленіемъ о томъ, что вотъ извѣстный предметъ теперь здѣсь, а потомъ онъ же въ другомъ мѣстѣ. Ни мы сами не чувствовали бы себя причинами такого слѣдствія, которое не стоило бы нашей дѣятельности ни малѣйшаго напряженья, да не пришло бы намъ на мысль и въ созерцаніе естественныхъ явленій внести понятіе дѣйствующей силы, въ которомъ для всякаго непредубѣжденнаго ума очевидно воспоминаніе не только о волѣ, но еще и о трудѣ всякаго дѣйствія, — очевидны такія побочныя представленія, отъ которыхъ, въ видахъ научнаго изслѣдованія, приходится его потомъ положительно очистить. Но на дѣлѣ выходитъ оно не такъ: каждое выполняемое нами движеніе, каждый отдыхъ,

*) Любопытно, что русскій человѣкъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ не понимаетъ, зачѣмъ что-нибудь затѣялъ рѣшительно не въ попадъ, говоритъ: «Вѣдь дернуло же меня это сдѣлать».

Digitized by Google

какимъ мы пользуемся, понятны для насъ въ своемъ значеніи, только благодаря сопровождающему ихъ чувству усилія или отрады. Вотъ отчего мы, чувственныя существа, кому тысячи мелкихъ ощущеній безпрестанно напоминаютъ собою наши собственныя тѣлоочертанія и выясняютъ, какой обильный запасъ напряженности, какая чуткая раздражительность или терпѣливая сила, какая граціозная слабость или надежная крѣпость дремлетъ въ каждой отдѣльной части этихъ очертаній,— мы, опираясь на такую помощь со стороны чувственности, конечно умѣемъ уже понять и чуждый, безмолвный передъ нами обликъ. И мы проникаемъ въ своеобразныя жизненныя ощущенія не одного лишь того, что̀ близко намъ по свойству и сущности,—въ радостный полетъ пѣвуньи-птицы или въ изящную подвижность стройныхъ сернъ; мы не только умѣемъ сосредоточить воспріимчивость своего духа на самомалѣйшемъ созданіи, чтобы представить себѣ, напримѣръ, крайне тѣсное существованіе слизняка и войдти въ однообразное удовольствіе, ощущаемое имъ всякой разъ при растворѣ и затворѣ своей ракушки; мы не только способны разлиться по тонкимъ формамъ дерева вмѣстѣ съ наполняющимъ ихъ сокомъ и пріобщиться оживленному движенію его гибкихъ побѣговъ и вѣтвей: даже на совсѣмъ безжизненные предметы переносимъ мы эти истолковательныя ощущенія и, благодаря ихъ вѣщему внушенью, обращаемъ мертвыя массы и неподвижныя опоры любаго зданія въ сопринадлежные члены живаго тѣла, котораго внутреннія переливы отзываются въ насъ какъ нѣчто намъ родное, близкое, свое.

Не путемъ одного лишь эстетическаго наслажденія расширяемъ мы, впрочемъ, свою участливую чувственность за предѣлы собственнаго своего тѣла: но и въ тѣхъ случаяхъ, когда захотимъ дѣятельно преобразовывать окружающую насъ внѣшнюю природу, необходимый для того расчетъ присущихъ ей

Digitized by Google

многоразличныхъ соотношеній облегчается для насъ подобнымъ же переносомъ въ нее нашей фантазіи,—переносомъ, который возможенъ и тутъ, благодаря утонченности нашего осязанія и легкой сочетаемости всѣхъ прежнихъ нашихъ опытовъ съ каждымъ новымъ. Поверхность кожи нашего тѣла не сплошь организована такимъ образомъ, чтобы точнымъ воспроизведеніемъ различныхъ мѣстныхъ признаковъ она способна была отчетливо рознить также и возбужденія своихъ смежныхъ, ближайшихъ точекъ, давая нашему сознанію поводъ къ соотвѣтственнымъ тому различнымъ ощущеньямъ, а слѣдовательно и къ построенію въ мысли образа ихъ взаимной связи, формы и положенія. По большой части, раздраженныя точки должны быть замѣтно удалены другъ отъ друга, чтобы не сливаться въ одно неясное и безразличное общее ощущеніе; только немногія мѣста, и между ними особенно конечности ручныхъ пальцевъ, устроены такъ, что раздраженія, встрѣчающіяся имъ на разстояніи какой-нибудь доли одной линіи, возбуждая въ нихъ разныя мѣстныя чувства, становятся для насъ замѣтно различными, хотя просранственно и близкими, впечатлѣньями. Эти-то чувствительныя поверхности человѣческая рука всегда и простираетъ навстрѣчу предметамъ,—простираетъ не одну, а цѣлыхъ пять, способныхъ разомъ осязать множество различимыхъ для нихъ точекъ; далѣе, эти пять поверхностей не скованы однимъ неизмѣннымъ положеньемъ, — онѣ вольны разнообразно измѣнять его, благодаря суставчатымъ пальцамъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ и независимо отъ другихъ свободно передвигаетъ свою оконечность на цѣлые полкруга. И какъ это передвиженіе, такъ и измѣнчивое разстояніе простертыхъ врозь или сжатыхъ пальцевъ, ежемгновенно переходитъ у насъ въ ясное чувство опредѣленнаго положенія, повидимому только непосредственное, на дѣлѣ же возникающее изъ бездны прежнихъ мыслесочетаній. Вся эта дивная система

Digitized by Google

чувствительныхъ поверхностей, сгибами и разгибами кисти и локтя и еще свободнѣйшимъ размахомъ плеча переносится по всѣмъ направленіямъ пространства, и нѣтъ ни одного мѣста нашего собственнаго тѣла, которое не могли бы мы ощупать той или другой рукой. Вотъ почему не нужно тратить словъ на доказательство подмѣченнаго уже въ глубокой древности факта, что значительная доля человѣческаго образованія основана на устройствѣ руки и на облегченіи для насъ ею безчисленныхъ наблюденій, чего у большей части животныхъ не допускаетъ вовсе, или допускаетъ только случайно, гораздо менѣе совершенное строеніе ихъ органовъ. Главное не въ томъ, чтобъ наблюденія только вообще какъ-нибудь производились; прогрессъ образованія зависитъ можетъ-быть еще болѣе отъ того, какимъ способомъ мы ихъ производимъ. Знаніе наше путемъ опыта возникаетъ лишь благодаря тому, что пока одна рука удерживаетъ предметъ передъ нами, другая изслѣдываетъ его и многократно измѣняетъ его положеніе для новаго и новаго осмотра. Чувствуя себя властными то вызвать у предмета различныя его свойства, то заставить ихъ опять скрыться, мы тутъ же, среди этой работы, невольно поддаемся съ другой стороны противоположному чувству, — чувству внутренней законной связи, поставляющей эти свойства вообще въ зависимость отъ какихъ-либо условій.

Изъ всѣхъ живыхъ тварей одинъ человѣкъ, при естественной своей беззащитности, необходимо нуждается въ орудіяхъ для достиженія своихъ цѣлей. Способность пользоваться ими основана не на одной только мышечной силѣ его рукъ, но зависитъ въ высшей степени отъ утонченности ощущенія и отъ чрезвычайной легкости и мѣткости мыслесочетаній (или безсознательныхъ соображеній). Если въ рукѣ у насъ лежитъ, напримѣръ, палка, удерживаемая такимъ легкимъ обхватомъ, что дается нѣкоторый просторъ ея движеніямъ, то она конеч.

Digitized by Google

но гнететъ на разныя мѣста поверхности нашей кожи. Непосредственное, повидимому, чувство положенія нашихъ членовъ, рождающееся у насъ каждый мигъ, тотчасъ ведетъ къ соображенію, можно ли нагнетенныя въ тотъ мигъ мѣста нашей руки соединить прямою или кривою, отвѣсною или горизонтальною линіей, и смотря по этому мы приписываемъ ту же форму и то же самое положенье палкѣ, производящей въ насъ эти ощущенія. Если палка станетъ двигаться, нагнетаемыя точки нашей кожи будутъ мѣняться ежемгновенно, и для каждаго мгновенія чувственная фантазія наша сообразитъ направленіе той линіи, въ какой тогда лежитъ палка, и вмѣстѣ породитъ представленіе той точки, въ которой всѣ эти направленія взаимно пересѣкаются. Если одинъ конецъ палки попалъ на какое нибудь задерживающее препятствіе, и только другой конецъ могъ перемѣщаться въ пространствѣ движеньями нашей руки, тогда эта точка пересѣченія ляжетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ палка коснулась сопротивляющагося предмета; въ эту точку, отнюдь не подлежащую нашему непосредственному ощущенію, переносимъ мы дѣйствительно ощущенное чувство сопротивленія и думаемъ, что соприкосновеніе палки съ далекимъ отъ насъ предметомъ мы ощущаемъ такъ же непосредственно, какъ и соприкосновеніе ея съ ладонью нашей руки. На этомъ двоякомъ чувствѣ соприкосновенія, на этомъ благотворномъ обманѣ чувственности, основано употребленіе всѣхъ орудій: ни одно изъ нихъ не было бы намъ такъ сподручно, ощущай мы въ держащей его рукѣ одно только собственное его существованіе и не чувствуй съ такою же точно ясностью, какъ захватывается имъ любой обработываемый матеріалъ. Только подъ этимъ условіемъ полезенъ ощупающій посохъ слѣпому, а зондъ или щупъ оператору; кисть и перо были бы въ рукѣ живописца или пишущаго очень неподатливымъ подспорьемъ, если бъ мы не чувствовали непосредствен-

Digitized by Google

но соприкосновенія ихъ съ бумагою, и еслибъ тонкій инстинктъ, постепенно вырабатываемый въ насъ опытомъ, не научалъ насъ сверхъ-того, при обсужденіи дѣйствія этихъ упругихъ орудій на чуждую имъ поверхность, принимать въ расчетъ тѣ легкіе погибы, которые претерпѣваютъ они подъ гнетомъ нашей руки. Ножъ и вилка не достигали бы вполнѣ своего назначенія, ощущай мы только положеніе черенковъ ихъ въ своей рукѣ, а не чувствуй вмѣстѣ вонзанія клинка въ разрѣзываемыя и прокалываемые предметы; каждое движеніе вязальной спицы тутъ же даетъ намъ чувствовать легкій упоръ, съ какимъ свободный конецъ ея попадаетъ подъ нитку; при шитьѣ вся наша воспріимчивость какъ будто бы живетъ на концѣ иглы, и мы чувствуемъ, какъ она сначала ежитъ передъ собою ткань возвышеннымъ горбикомъ, чтобы потомъ пронять ее насквозь внезапнымъ тычкомъ. Такъ плотникъ или дровосѣкъ, вмѣстѣ съ отдачею въ рукѣ топорища, чувствуетъ и шипучую врѣзку стали въ сердце дерева, а солдатъ ощущаетъ вонзеніе штыка или сабли въ тѣло противника; такъ свирѣпой грубости всегда отрадно то, что она можетъ соуслаждаться разсыпаемыми ею ударами: ее не тѣшила бы боль другаго, не ощущай она со всей чувственной ясностью сама каждаго шлепка палки о чужую спину.

Не нужно дальше разъяснять, какимъ чрезвычайнымъ подспорьемъ къ изслѣдованію предметовъ служитъ это свойство нашего осязанія, и какъ, благодаря ему, удается намъ распознавать, въ ихъ формѣ, плотности, упругости и подвижности, такіе предметы, которые, по своему малому объему или недоступному положенію, не даются намъ въ руки непосредственно. Упомянемъ только вкратцѣ еще о томъ, что не одни руки надѣлены у насъ такой чувствительностью; все тѣло, хотя и въ различной степени, смотря по частямъ, да и то иногда только при содѣйствіи особенныхъ условій, спо-

Digitized by Google

собно къ такимъ же почти ощущеніямъ. Неподатливый камень подъ нашею ногой сообщаетъ намъ совсѣмъ не то чувство, что деревянная ступенька лѣстницы или перекладина стремянки, которыя обѣ приводятся нашей тяжестью въ разносильныя колебанія, повторяющіяся не съ одинаковою быстротой. По разностямъ этихъ колебаній намъ уже легко бываетъ распознать, широка или узка перекладина стремянки, и мы какъ бы непосредственно чувствуемъ ея длину, а равно и точки скрещивающихся ея колебаній, именно — точки скрѣпы ея съ боковыми балками. Даже, напримѣръ, то обстоятельство, обоими ли концами, или только однимъ укрѣпленъ во что-нибудь неподвижное гибкій шестъ, о который мы споткнемся въ потемкахъ; близко ли къ вольному его концу, или ближе къ закрѣпленному мы его коснулись, — все это, кажется намъ, нашли мы не обсужденіемъ, всѣ эти свѣдѣнія какъ будто лежали уже готовыми въ одномъ внезапномъ ощущеньи. *) Также мимоходомъ укажу я и на то, что поразительныя эти явленія непремѣнно должны быть приняты въ расчетъ тѣми изслѣдователями, которые находятъ, что постоянное ощущеніе нами всѣхъ очертаній, положеній и движеній нашего собственнаго тѣла объяснимо только догадкою, будто ощущающая душа должна будто бы распространяться или разливаться по всему объему тѣла. Вѣдь въ приведенныхъ нами случаяхъ душа распространяется стало-быть еще далѣе; съ тою же убѣдительною видимостью, съ какою она казалась намъ присущею концамъ пальцевъ, является она, воспріимчивая и чувствительная, въ оконечности палки, щупа или иглы. Никто заправду не подумаетъ, чтобы въ моментъ употребленія этихъ орудій она дѣй-

*) До какой степени, при особенныхъ условіяхъ, развивается чувствительность въ ногахъ, этому могутъ служить примѣромъ довольно обыкновенные у безруких случаи шитья и вязанья ногами.

Digitized by Google

ствительно распространялась въ нихъ подобно электрической жидкости, хотя, какъ навѣрно знать, что̀ кому покажется иной разъ вѣроятнымъ? Если однакожъ допустить, что только лишь крайне разнообразнымъ сцѣпленіемъ представленій порождается въ насъ этотъ призракъ ощущенія, слагающагося внѣ предѣловъ нашего собственнаго тѣла, то надо будетъ согласиться и съ тѣмъ, что еще легче и путемъ гораздо кратчайшей цѣпи посредствующихъ представленій можетъ возникнуть въ насъ мнимая видимость того, будто душа присуща каждому чувственному органу и каждой точкѣ нашего тѣла, отъ которыхъ ежемгновенно получаетъ она впечатлѣнія. Для настоящей нашей цѣли все равно, какого бы кто ни держался мнѣнія: призракъ ли это, или дѣйствительность, во всякомъ случаѣ этотъ выступъ ощущенія за предѣлы нашего тѣла составляетъ непосредственное достояніе нашей чувственности; если это и обманъ, онъ тѣмъ не менѣе ведетъ насъ къ живому схватыванью внѣшнихъ намъ предметовъ и происходящихъ въ нихъ перемѣнъ и постепенно пріучаетъ человѣка сживаться съ вещами такимъ путемъ, который необходимъ для выработки всего его міровоззрѣнія. Намъ остается теперь показать, что этотъ посредствующій характеръ чувственности имѣетъ еще и другія слѣдствія для нашего развитія.

Приведенные сейчасъ примѣры касались полезнаго употребленія нами орудій для переработки внѣшнихъ вещей; другіе, имъ подобные, покажутъ намъ средства, которыми человѣкъ пользуется безъ всякой другой цѣли, кромѣ украшенія своего жизненнаго чувства. Мы говоримъ объ убранствѣ, щегольствѣ, къ которому насъ однихъ влечетъ первоначальное побужденье; даже и у обезьянъ является оно только въ видѣ подражанія. Умолчимъ о другихъ сторонахъ вопроса, на которыхъ или не стóитъ останавливаться или которыхъ обсужденье можно отложить, — не станемъ говорить ни о пользѣ

Digitized by Google

одежды, какъ защиты отъ частыхъ непогодъ, ни о стыдливости, которая ищетъ въ ней покрова; мы спросимъ только о причинѣ удовольствія, доставляемаго намъ одеждою, какъ и всякимъ другимъ убранствомъ. Оно состоитъ вовсе не въ одномъ лишь удовлетвореніи суетности, жаждущей удивленія со стороны другихъ, но въ дѣйствительномъ усиленіи и возвышеніи жизненнаго чувства, испытываемыхъ хорошо одѣтымъ человѣкомъ. Только пестрота и металлическій блескъ наряда служатъ одному тщеславію; въ прочемъ же удовольствіе отъ наряда и убранства основано на дѣйствительныхъ ощущеньяхъ, доставляемыхъ ими нашему общему самочувствію.

Каждый знаетъ, что для нашего ощущенія далеко не все одно, поднять шестъ равномѣрной толщины, взявшись за самую середину или напротивъ ближе къ концу. Въ первомъ случаѣ, онъ лежитъ въ рукѣ горизонтально, равновѣсно, и пока онъ неподвиженъ, мы ощущаемъ только его тяжесть, а отнюдь не длину; намъ должно поколебать его, чтобъ изъ свойства его качаній узнать и послѣднюю. Во второмъ случаѣ, мы чувствуемъ что шестъ норовитъ лежать у насъ въ рукѣ наклонно, и необходимъ усиленный поворотъ, чтобы перетягивающій конецъ его привесть въ горизонтальное положеніе. Такъ какъ вслѣдствіе этой тяжести одно плечо шеста постоянно стремится книзу, постоянно немножко падаетъ, и всякой разъ опять приподнимается небольшими напряженіями мышцъ, то здѣсь длина шеста явственна для насъ по большой части съ самаго начала. Если мы попытаемъ установить шестъ на концѣ пальца прямо или стоймя, то въ моментъ дѣйствительной его отвѣсности мы ощутимъ только его тяжесть; но едва лишь наклонится верхній его конецъ и принудитъ насъ передвинуть руку, чтобы поддержать его опять въ равновѣсіи, намъ кажется, что мы непосредственно чувствуемъ въ то же

Digitized by Google

время и вышину места, разстояніе вольнаго его конца отъ опорной точки. Когда мы держимъ на ниткѣ отвѣсно и сперва неподвижно какой-нибудь шарикъ, намъ и тутъ замѣтна только тяжесть шарика, а не длина нитки; когда же примемся размахивать шарикомъ вокругъ, такъ что нитка, съ перемѣннымъ напряженіемъ и скоростью, станетъ нагнетать разныя мѣста ручной кожи въ правильной послѣдовательности, тогда намъ мнится непосредственно ощущать и длину разстоянія, въ какомъ вращается размахиваемый шарикъ, радіусъ круга, описываемаго размахомъ, и вмѣстѣ быстроту и силу съ какими шарикъ движется по окружности. Если упремъ палецъ въ дно какого-нибудь полаго сосуда, такъ что, всунувъ въ него руку, уловчимся раскачать его на пальцѣ въ равновѣсіи, то ощутимъ каждое прикосновеніе сосуда, гдѣ бы оно ни произошло, и сообразимъ не только направленіе, въ какомъ подобный толчокъ прійдется внутри его, и разстояніе тронутаго мѣста отъ поверхности нашей руки, а слѣдовательно и самую величину сосуда, — но, по роду его колебаній, которыя сообщатся и концу нашего пальца, мы обсудимъ твердость и упругость вещества, изъ котораго сосудъ выдѣланъ: этотъ опытъ часто пускается въ ходъ домовитыми хозяйками при покупкѣ глиняной посуды. Физико-математическая теорія всѣхъ этихъ процессовъ довольно многосложна, да слишкомъ много времени потребовалъ бы и психологическій анализъ всѣхъ мыслесочетаній, изъ которыхъ эти какъ-бы инстинктивные расчеты возникаютъ съ самоувѣренностью непосредственнаго чувства; но и безъ того ясна важность ихъ для нашего чувственнаго жизнеощущенія. Вѣдь не одна только рука способна порождать такія своеобразныя особенности; вездѣ, гдѣ поверхностью своего тѣла сообщаемся мы съ чуждыми намъ предметами, сознаніе нашего личнаго бытія какъ бы протягивается въ окраины и поверхности стороннаго предмета, и въ насъ возника-

Digitized by Google

ютъ чувства расширенія нашего собственнаго *я*, — то чувство доступной для насъ теперь формы и величины движенія, то чувство необычайнаго напряженія, устойчивости или самоувѣренности въ нашихъ пріемахъ.

Первая форма этихъ чувствъ — чтобъ ограничиться немногими лишь примѣрами — порождается въ насъ головною покрышкою и ножной обувью, преимущественно способными замѣтно подвысить насъ, по крайней мѣрѣ наяву. Каждая шапка, шляпа, каждый головной уборъ представляютъ въ отвѣсной линіи, идущей чрезъ центръ ихъ тяжести, нѣчто въ родѣ того шеста, о которомъ мы сейчасъ говорили; важность ихъ для чувства естественно возрастаетъ съ ихъ вышиной и отчасти съ ихъ формою, именно въ томъ случаѣ, когда послѣдняя требуетъ такого распредѣленія массъ, отъ котораго центръ тяжести замѣтно подается кверху и, при всякомъ уклонѣ отъ прямаго направленія, сильно кренитъ въ одну сторону, такъ что приходится противодѣйствовать этому уравновѣшивающимъ напряженіемъ головныхъ и шейныхъ мышцъ. Когда грозитъ это неравновѣсіе, тутъ только и становится ощутительна вся важность головной покрышки; въ равновѣсномъ положеніи, она представляетъ лишь извѣстную величину тяжести, не болѣе: вотъ почему шляпу и надѣваютъ немного наискось (на глаза, на затылокъ или на бекрень), чтобы постоянно ощущать разстояніе высшей, наклонной ея точки отъ поддерживающей опоры, — головы. Такъ возникаетъ втайнѣ ласкающее намъ заблужденіе, какъ будто и сами мы, съ своей жизнію и силою, досягаемъ до той верхушки, и при каждомъ колеблющемъ ее шагѣ, при каждомъ повѣвѣ накренивающаго ее вѣтерка, нашему внутреннему чувству явственно сдается, что тамъ, высоко надъ нами, торжественно колышется часть нашего собственнаго существа. Вотъ отчего мы чувствуемъ себя совсѣмъ иначе подъ цилиндрическою шляпой, нежели, на-

Digitized by Google

примѣръ, подъ колпакомъ, котораго торчащій конецъ далеко не сослужилъ бы намъ подобной службы; и намъ становится вполнѣ понятно, отчего такъ рано и на низкихъ еще ступеняхъ быторазвитія возникаетъ совершенствующаяся потомъ наклонность, употребленіемъ высокихъ, крутыхъ шишаковъ, медвѣжьихъ шапокъ, башневидныхъ уборовъ, не только что усиливать грозность или внушительность своего облика въ глазахъ другихъ, но — что̀ еще важнѣе — укрѣплять душу самого носителя этихъ украшеній чувствомъ величаво-подвышеннаго существованія. Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ вздумали развить всѣ особенности чувства, порождаемыя другими, болѣе широкими и низменными формами шляпъ: ясно, что онѣ не поблажаютъ гордости, а скорѣе намекаютъ на чувство обремененія такою ношей, которая не подъ силу, не по плечамъ. Изъ подробностей обуви упомяну я только о высокихъ коблукахъ, представителяхъ того же опять шеста, что̀ очевидно по ходулямъ, которыхъ миніатюрнымъ снимкомъ они являются. Коблуки явно даютъ двоякое чувство соприкосновенія; мы ощущаемъ ступъ ихъ по землѣ вмѣстѣ съ ихъ непосредственнымъ гнетомъ на нашу ногу и тутъ же соображаемъ во всей точности мѣстное разстояніе этихъ двухъ прикосновеній. Такимъ образомъ родится у насъ живое чувство не только возвышенія надъ почвою, но и какъ-бы какой-то заслуги съ нашей стороны изъ-затого, что всю эту высоту наполняемъ мы своимъ собственнымъ удлиненнымъ ростомъ, такъ-какъ ощущеніе не теряетъ при этомъ почвы и подъ собою. Сюда можно присовокупить, что каждая трость, носимая нами не въ видѣ опоры, а просто для удовольствія, возбуждаетъ то же самое сознанье объ удлиненіи нашей личности, такъ какъ мы чувствуемъ непосредственно и разстояніе отъ насъ конца трости и соприкосновеніе его съ внѣшними предметами. Вотъ отъ чего почетные жезлы, въ какомъ бы видѣ то ни было, слыли всегда знаками предводительства и власти.

Digitized by Google

Другою формой этого чувства обязаны мы всякому висячему и зыблющемуся убору, который наподобіе упомянутаго нами кружащаго на ниткѣ шарика, возбуждаетъ поверхность нашего тѣла пріятной смѣною колебаній въ разныхъ направленіяхъ и непосредственно ведетъ къ такому чувству, что мы какъ бы соприсутствуемъ этимъ свободнымъ размахамъ вѣющихъ его оконечностей и окраинъ. Когда дѣти привязываютъ себѣ хвостъ, въ которомъ отказала имъ природа они не только рады, чтобы видѣли его другіе, но такъ какъ конецъ его тащится по земи, то они чувствуютъ и самое соприкосновеніе его съ поломъ; а если, на бѣгу, онъ вольно развѣвается по воздуху, они ощущаютъ колебанія его вплоть до конца тѣмъ явственнѣе, чѣмъ онъ длиннѣе: такъ доставляютъ они себѣ невинную утѣху продолженнаго въ эту сторону подвижнаго существованія, чуть ли не въ той же пожалуй степени, какъ еслибъ былъ у нихъ настоящій хвостъ. Эта форма чувства особенно доступна изящному поэтическому утонченію и дѣйствительно была во всѣ времена идеаломъ человѣческаго туалетнаго искусства. Вѣль и сама уже природа украсила нашу голову осѣняющими, обрамливающими ее волосами; отобрать ихъ въ отдѣльныя массы или локоны и окружить мѣстилище мысли своеобразно-раскинутымъ многоразличіемъ пріятныхъ ощущеній человѣческой живоподвижности, было естественно первою задачею фантазіи, и есть неоспоримо возможность, изъ формы любимаго какимъ-нибудь народомъ головнаго убора заключить объ оттѣнкѣ его фантазіи, о его предпочтеніи къ строгости и выдержкѣ или скорѣе къ геніальному, свободному размаху жизни. Раковины, бусы, каменки и косточки, которыми Индіянка унизываетъ и увѣшиваетъ свое запястье, серги, развивающіяся ленты и длинные кушаки нашихъ дѣвицъ, легкіе сюры и тяжелые жгуты и кисти военныхъ мундировъ, цѣпочки, кресты, султаны, брелоки, вуали и нан-

Digitized by Google

тильи,—всѣ эти средства затѣйливая фантазія употребляетъ для того, чтобы не только расширить во всѣ стороны наше существованіе, но и создать себѣ ласкающій обманъ, будто во всѣхъ привѣскахъ этихъ, мѣрными, мелодичными переливами, колышется, зыблется и играетъ наша собственная личность. И тамъ, гдѣ нѣтъ уже вовсе ни какого дѣйствительнаго ощущенія, фантазія дополняетъ этотъ недостатокъ и все-таки считаетъ себя непосредственною участницей въ движеніи какихъ-нибудь обрамливающихъ платье кружевъ или блондъ.

Наконецъ послѣднюю изъ выше помянутыхъ формъ наши чувства принимаютъ подъ впечатлѣніемъ одежды въ тѣсномъ смыслѣ слова. Бо́льшая или меньшая стойкость и упругость, какими ткань одежды обладаетъ сама по себѣ или благодаря покрою, переносится на насъ въ видѣ достоинства нашей собственной поступи или стати. Корсетъ подобенъ приведенному нами полому сосуду, съ тою только разницей, что онъ наполняется тѣломъ не въ одной лишь точкѣ, а во всемъ объемѣ своемъ снизу до верху; съ каждымъ прикосновеніемъ къ твердой этой оболочкѣ упругость или остойчивость ея ощущаются точно такъ же живо, какъ еслибъ онѣ принадлежали намъ самимъ; поэтому неоспоримо, что корсетъ доставляетъ намъ чувство подкрѣпленнаго и болѣе упругаго существованія. Каждый поясъ, каждый браслетъ или наручникъ, какъ бы онъ тамъ ни назывался, воспроизводятъ въ свою очередь долю подобнаго же внутренняго чувства; первыя панталоны со штрипками наполняютъ мальчугана чувствомъ гордости, благодаря мужественной выправкѣ, которую онъ тутъ невольно ощущаетъ; идеаломъ его желаній остается, конечно, желѣзный доспѣхъ, — какъ бы ни тяжелый, все равно: мальчикъ весь погруженъ въ величавое чувство неодолимаго молодечества, которое онъ ему обѣщаетъ. Къ подобному же чувству, отъ котораго не совсѣмъ прочь и дѣвушка, примѣши-

Digitized by Google

вается у ней ощущеніе болѣе нѣжной и легкоподвижной оболочки; и въ самомъ дѣлѣ волны легкихъ, полупрозрачныхъ тканей, обдающія ея тѣло, пріятны не для однихъ стороннихъ глазъ. Нѣтъ, сама носительница непосредственно присутствуетъ своимъ чувствомъ въ тѣхъ мягкихъ извивахъ, которые едва касаются только немногимъ мѣстамъ кожи, но уже и этими точками соприкосновенія даютъ очень явственно ощущать всю воздушную зыбкость ихъ волнообразнаго колыханія. Самое удовольствіе, доставляемое намъ такимъ зрѣлищемъ, гораздо менѣе основано на прелести внѣшнихъ формъ наряда, нежели на томъ, что мы сами способны вдуматься въ фантастическое, милое и изящное чувство, какое должны внушать скрытому подъ ними облику тысячи порождаемыхъ ими мелкихъ впечатлѣній. Вотъ почему и всякая искусственная поддѣлка утраченной тѣлесной полноты обманываетъ не только другихъ, но и (часто еще болѣе) самого носителя, потому что всякое возбужденіе, попадающее на эту фальшивую добавку, ощущается, благодаря двоякому чувству соприкосновенія, точно такъ же, какъ еслибы оно достигало дѣйствительныхъ границъ живаго тѣла.

Чего добраго! выясненіемъ этихъ трехъ основныхъ законовъ оказалъ я, пожалуй, ученію о нарядѣ такую же услугу, какую нѣкогда Кеплеръ астрономіи. Но затѣмъ предоставляю ученую ихъ разработку другимъ, а самъ перехожу къ различнымъ явленіямъ, въ которыхъ многоразличнѣе обнаруживается та же наклонность непосредственно видоизмѣнять данныя условія природы эгоистическимъ произволомъ и тѣмъ самымъ придавать имъ новую цѣну, новое достоинство. Во всѣхъ дѣйствіяхъ, начиная съ самаго простаго движенія до многосложнѣйшихъ житейскихъ установленій, явенъ этотъ всегдашній позывъ замѣщать естественный ходъ событій церемоніальнымъ

Digitized by Google

обрядомъ, котораго источникомъ одна воля человѣческой личности и который выступаетъ однакожь съ притязаніемъ уряжать событія такъ, какъ слѣдуетъ имъ происходить.

Пріятная гармонія тѣлодвиженій не бываетъ результатомъ образованія, да не зависитъ вообще значительно и отъ достоинства или генія духовной жизни; она вполнѣ обусловлена отсутствіемъ тѣхъ препятствій, какія механическіе законы движенія могли бы повстрѣчать въ неправильномъ или хиломъ тѣлостроеніи. Не только любое животное, въ состояніи дикой свободы, развиваетъ вполнѣ непринужденно свойственную породѣ его грацію, но и каждая маріонетка, прикрѣпляйся только члены ея къ туловищу свободно и безъ задерживающаго тренія, обнаруживала бы въ своихъ движеніяхъ, по однимъ только механическимъ законамъ, всю ту округлость размаха и то стройное согласіе дѣйствій своихъ членовъ, чѣмъ мы такъ часто любуемся въ живомъ тѣлѣ, какъ одушевленнымъ выраженіемъ. Въ немъ они дѣйствительно становятся выраженіемъ души, но единственно потому, что тутъ есть душа, которой перемѣнныя внутреннія состоянія возбуждаютъ и этотъ механизмъ, и особенную красоту послѣдовательности его движеній. Итакъ, пока счастливыя жизненныя условія поддерживаютъ природную живость души и тѣла, до тѣхъ поръ, и безъ значительнаго духовнаго образованія, тѣлодвиженія развиваются совершенно граціозно. Другое дѣло, когда члены отяжелѣютъ подъ гнетомъ неблагопріятнаго климата, или когда слишкомъ однообразный кругъ опыта притупитъ живоподвижность чувственной души, когда, наконецъ ремесленный подѣлъ работы навяжетъ тѣлу постоянное выполненіе все одного и того же ряда движеній. Тогда утрачивается эта красота, отчасти вслѣдствіе возрастающаго сопротивленія, встрѣчаемаго душевными побужденіями въ усилившейся неподатли-

Digitized by Google

кости членовъ, отчасти вслѣдствіе флегматизаціи самой души, только уже скудно порождающей возбужденія. Такъ, иныя счастливыя племена Южнаго Моря, какъ описываютъ ихъ намъ первые открытели, природною красой и гибкостью движеній противоположны и климатически пригнетеннымъ жителямъ, полярныхъ странъ, и неуклюжести Европейцевъ, порождаемой однообразіемъ тяжелой работы. Высшее образованіе, пріобрѣтая опять граціозность тѣлодвиженій, не создаетъ собственно ничего новаго, а устраняетъ лишь препятствія, подавляющія благородство естественнаго ихъ механизма. Но прежде чѣмъ окончательно воротиться къ природѣ, оно по дорогѣ впадаетъ еще въ манерность. У всѣхъ вообще народовъ, которыхъ жизнь знакома намъ довольно наглядными образомъ, оно ввело сначала извѣстный этикетъ приличія, который держалъ въ струнѣ естественную подвижность, здѣсь урѣзывая что-нибудь изъ ея живости, тамъ присоединяя къ ней иные жесты, не имѣющіе ни какого основанія въ тѣлесной организаціи и въ предназначенномъ ей способѣ выражать различныя состоянія души. Такъ и тутъ, въ этой произвольной манерѣ держать себя, человѣкъ думаетъ скорѣе найдти то, чему быть должно, нежели руководясь внушеніями природы.

Тѣлесныя свои побужденія животное спѣшитъ удовлетворить въ самый моментъ и въ порядкѣ ихъ наступленія, не вѣдая при этомъ иной цѣли, кромѣ только унятія раздраженной потребности. Человѣкъ, какъ скоро онъ выбился изъ-подъ гнета крайней нужды, находитъ въ удовлетвореніи каждой изъ своихъ потребностей поводъ къ какому-нибудь обрядовому дѣйствію. Тогда какъ животное глотаетъ свою пищу по́ходя, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, сколько нибудь безопасномъ отъ хищничества, человѣкъ приготовляетъ себѣ трапезу или столъ. Потому что именно время ѣды для него не без-

Digitized by Google

различно; у него этотъ вопросъ рѣшается не голодомъ: весь день для жизни человѣка представляетъ распредѣленную череду времени, — череду съ своимъ собственнымъ внутреннимъ организмомъ; надо, чтобъ одна потребность удовлетворялась въ такой-то часъ, другая — въ другой. И за столомъ онъ обыкновенно не одинъ, а въ обществѣ; дѣло не въ одномъ утоленіи физическаго позыва, но еще и въ томъ, чтобъ соучастіемъ многихъ и это дѣйствіе признавалось однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, значеніе и право въ общемъ распорядкѣ всякой человѣческой жизни. И какъ скоро, съ началомъ осѣдлости, съ основаніемъ роднаго крова, съ развитіемъ богослуженія, прививается къ этому множество утонченнѣйшихъ обрядовъ, чтобы какъ простыя вседневныя событія, такъ и каждый значительнѣйшій отдѣлъ жизни, ввести правомѣрнымъ звеномъ въ стройный общій составъ человѣчности! Поколѣнія животныхъ возникаютъ, множатся, старѣются, исчезаютъ, и никогда не блеснетъ въ нихъ искра помысла оглянуть этотъ измѣнчивый потокъ жизни и подѣлить разные его періоды, съ сознаніемъ относительнаго ихъ значенья. Напротивъ, гдѣ человѣческія племена только что не гибнутъ отъ крайняго бѣдствія, вездѣ знаменуютъ они обрядами рожденіе дитяти, эпоху его совершеннолѣтія, его бракъ, смерть и погребенье; часто видимъ мы при этомъ грубѣйшія продѣлки, отвратительные обычаи, но все же и явные намеки на то чувство, что въ жизни человѣческой ни что не совершается законно и какъ слѣдуетъ, если оно только совершается, а не признается мысленнымъ соучастіемъ общины, общества, семьи въ какомъ нибудь особомъ обрядѣ и не ставится такимъ образомъ на подобающее ему мѣсто въ преемственномъ порядкѣ событій и дѣлъ. Не льзя ни родиться, ни умереть какъ надо, если преданіе человѣческаго обычая не окружитъ естественныхъ этихъ

Digitized by Google

катастроф своими символическими торжествами. Чѣмъ далѣе въ старину какого-нибудь народа, тѣмъ чуть ли не строже узаконяется тамъ каждый случай жизни предписанными формами; и одного взгляда на понятія современнаго намъ простонародья довольно для убѣжденія себя въ томъ, какъ и здѣсь крѣпка еще наклонность не признавать во всей полнотѣ ни одного событія, даже и по совершенномъ осуществленіи настоящаго его содержанья, пока оно не запечатлѣно какою-нибудь издавна ведущеюся церемоніей.

Этимъ и закончимъ мы покамѣстъ свой очеркъ, такъ какъ то, что̀ примкнетъ къ нему далѣе, нельзя уже отнести къ изслѣдованію чувственности человѣческой. А только объ ней хотѣлъ я здѣсь говорить и именно выставить ту отличительную черту, которая во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ казалась мнѣ всегда собственно человѣческимъ ея элементомъ. Что̀ бы чувственность наша ни принимала въ себя ощущеніемъ, она принимаетъ не безучастно къ содержанію, а также и не въ видѣ своего только удовольствія или недовольства; но всегда чувствуетъ вмѣстѣ и собственную цѣну принятаго, благодаря которой оно занимаетъ свое мѣсто въ какой-нибудь знаменательной чередѣ явленій. Къ какимъ бы дѣйствіямъ ни приводилась чувственность побужденіями своими, она совершаетъ ихъ не въ силу чисто-механической понуды и не для одного лишь удовлетворенія своихъ потребностей, но придаетъ имъ сверхъ-того форму, возводящую ихъ въ правомѣрность извѣстнаго порядка жизни; которому необходимо слѣдуетъ быть, и котораго не существуетъ, однакожь, отъ природы. Эти отличительныя черты чувственности могутъ имѣть исторію своего психологическаго происхожденія, и было бы безсказательно съ нашей стороны утверждать, что онѣ такъ просто и выводятся изъ первобытной различительности человѣ-

Digitized by Google

ческаго духа. Но рѣшеніемъ этого вопроса, на сколько оно возможно, не займемся мы еще теперь, такъ какъ изслѣдованіе высшаго духовнаго развитія приведетъ насъ къ тому само собою.

Окинувъ взоромъ всѣ пройденныя нами подробности, мы можемъ напомнить здѣсь о поэтической жалобѣ, часто повторяемой и до сихъ поръ. Обширные отдѣлы чувственности, со всей полнотою свойственнаго имъ наслажденья, повидимому отнюдь не доступны для нашей организаціи. Намъ хотѣлось бы, напримѣръ, знать, какъ повадно рыбѣ на днѣ морскомъ, какъ весело летящая птица разсѣкаетъ океанъ воздуха и съ недосягаемыхъ высотъ озираетъ горныя вершины земнаго шара. Мнѣ кажется, ставя такіе вопросы, поэтическая фантазія тѣмъ самымъ и доказываетъ, что у нея дѣйствительно готовъ на нихъ отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы способны такъ вполнѣ переноситься въ эти положенія міра животныхъ, дотого сочувствовать всякому роду ихъ наслажденія, что собственно-чувственное ощущеніе могло бы, правда, усилить впечатлѣніе, но не уяснило бы намъ больше ни на волосъ характеристическую форму этой чуждой для насъ утѣхи. Чувственность наша далеко не бѣдна; она, напротивъ, всѣхъ сильнѣе и богаче. Какъ подымаетъ и носитъ на себѣ волна, какъ мягко объемлетъ она члены, это испытываетъ любой купальщикъ, любой пловецъ; но, огражденный отъ страшнаго однообразія такой жизни, которая вся до конца полна только подобными впечатлѣньями, онъ скорѣе долженъ пожалѣть о рыбѣ, которой на минуту было позавидовалъ. Да наконецъ и видъ съ горныхъ вершинъ, котораго мы, люди, добиваемся только благодаря напряженному усилію, самое даже сознаніе, что многоразличныя формаціи земной коры ставятъ препятствія нашему движенью,—развѣ все это не даетъ намъ гораздо полнѣе насладиться мѣстностью, нежели безтрудная зоркость — птицѣ, которая перелетая съ выси на высь, даже и не подозрѣваетъ, чѣмъ онѣ разнятся

Digitized by Google

отъ пропастей? Утѣшимся же мыслію: въ томъ, что мы непосредственно ощущаемъ, и въ томъ, что привываетъ къ этому наша фантазія, способная прочувствовать любую характеристическую черту внѣшняго міра, дана намъ громадная доля наслажденія, больше чѣмъ какой бы то ни было породѣ животныхъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Языкъ и мышленіе.

Уладъ возбужденій движеніями вообще. — Уладъ ихъ дыхательными движеньями. — Голосъ. — Членораздѣльный звукъ и система звуковъ. — Тѣлесная обезпечена словоспособности. — Значеніе словъ. — Мышленіе. — Части рѣчи. — Синтактическія формы языка. — Національная его логика. — Зависимость мышленія отъ рѣчи. — Важность именъ. — Безпредметныя словообразованія. — Порядокъ мыслей и порядокъ конструкціи въ предложеніи. — Рѣчь про себя. — Непосредственное созерцаніе и опосредствованное мышленіе. — Бесѣда.

Въ чемъ бы ни состояли возбужденія, причиняемыя чувствительнымъ нервамъ внѣшними раздраженьями, они во всякомъ случаѣ представляютъ опредѣленную величину какого бы то ни было движенія физической массы, которое, по закону косности, не можетъ успокоиться само, но должно или сокрушиться о какое-нибудь препятствіе или разсѣяться, переходя въ раздробь на окружающіе предметы. Если цѣль чувственныхъ органовъ — служить намъ посредствующимъ путемъ для познанія внѣшняго міра, то самая отчетливость и вѣрность ихъ отправленій необходимо требуютъ того, чтобъ потрясеніе, произведенное въ данный мигъ извѣстнымъ впечатлѣньемъ, тотчасъ же унималось или смягчалось, дабы не противодѣйствовать ближайшему за тѣмъ впечатлѣнію, или не помутить его своей примѣсью. Покавозбуждающія чувство

Digitized by Google

физическія раздраженья представляютъ лишь незначительной величины движенія, можно допустить, что постоянное уничтоженіе или поглощеніе ихъ дѣйствій совершается отчасти въ чувственномъ органѣ безпрерывно продолжающимися въ немъ процессами смѣны вещества, отчасти же и порожденіемъ самаго ощущенья. Какъ вновь наступающее внутреннее состояніе души, которая, въ качествѣ субстанціи, находится въ механически-взаимнодѣйственной связи съ элементами тѣла, ощущеніе не можетъ же возникать только по поводу нервнаго возбужденья безъ того, чтобы часть послѣдняго не потратилась на произведеніе перваго. Обыкновенно дѣйствующія на насъ свѣтовыя и звуковыя раздраженія всегда и остаются въ этихъ предѣлахъ живости, такъ что сознанію нашему не замѣтна ни какая особенная дѣятельность, которая бы поправляла или улаживала ихъ вліянія. Если же, напротивъ, сила внѣшняго впечатлѣнья дойдетъ до степени боли, то мы, разумѣется, должны будемъ ожидать соотвѣтственнаго ей противодѣйствія. Такъ какъ нервныя нити предназначены для провода къ мозгу возбужденій, принятыхъ ихъ же оконечностями, то нельзя полагать, чтобы противодѣйствіе состояло во внезапномъ перерывѣ этого провода или въ замѣтно усиленномъ разсѣяніи возбужденья во всѣ стороны. И то и другое противорѣчило бы естественному отправленію чувствительнаго нерва, и мы можемъ принять за общій характеръ организаціи, что она противудѣйствуетъ угрожающимъ разстройствамъ не новыми или въ другихъ случаяхъ употребительными средствами, но всегда лишь такими, которыя заготовлены или предобразованы уже въ здоровомъ состояніи нерва. И такъ пока напоръ раздраженія не парализуетъ самый нервъ непосредственно и этимъ не пресѣчетъ дальнѣйшихъ слѣдствій слишкомъ сильнаго впечатлѣнья, до тѣхъ поръ мы будемъ принимать, что возбужденіе распространяется до цен-

Digitized by Google

тральныхъ органовъ и унимается только тѣмъ, что произведетъ тамъ въ большей степени тѣ дѣйствія, которыхъ меньшіе признаки замѣтны уже и при раздраженіяхъ обыкновенной силы.

Тройкій путь открытъ дальнѣйшему распространенію впечатлѣнья въ самомъ мозгу, такъ какъ обокъ съ каждымъ чувствительнымъ нервомъ есть тамъ и другіе, частію чувствительные, частію растительные, частію, наконецъ, движительные нервы. Переносу тревоги его на другіе нервы чувства и стало быть вызову соощущенія въ другихъ частяхъ, кромѣ дѣйствительно раздраженныхъ, долженъ быть данъ только небольшой просторъ для того, чтобы чувственности во всякомъ случаѣ обезпечено было вполнѣ достиженіе ея цѣлей, — служить посредницей нашего сближенія съ внѣшнею природою. И дѣйствительно, сильнѣйшее возбужденіе одного чувственнаго органа не влечетъ съ собой даже и замѣтнаго только возбужденія другаго: самое крайнее раздраженье свѣтомъ не вызоветъ ни какого звукоощущенія, оглушительный звонъ не вызоветъ не малѣйшаго ощущенья запаха; только общее самочувствіе тѣла перемѣною своего состоянія всегда участвуетъ въ потрясеніи какого бы то ни было изъ внѣшнихъ чувствъ. Переносъ возбужденія на растительныя нити сочувственной системы былъ бы, пожалуй, выгоднѣй, потому что въ числѣ многоразличныхъ отправленій этихъ нервовъ есть довольно и такихъ, которыя, безъ всякаго ущерба жизни, способны выносить мгновенное свое увеличенье, и въ которыхъ, какъ и въ иныхъ, порождаемыхъ ими, особенностяхъ смѣны вещества, тревога организма можетъ разсѣиваться и теряться совсѣмъ безвредно. Въ лихорадочныхъ припадкахъ обнаруживается переносъ возбужденія въ эту именно сторону. Но чувственныя ощущенья въ нормальномъ ходѣ жизни особенно предназначены служить поводами къ движеніямъ, посредствомъ которыхъ

Digitized by Google

душа, такъ или иначе, дѣлаетъ все пріемлемое ею извнѣ предметомъ своей внутренней разработки. Тѣсная связь чувствительныхъ нервовъ съ движительными и возбудимость движеній непосредственно однимъ раздраженьемъ первыхъ необходимы по столь многимъ причинамъ, что ни мало не удивительно, если и болѣзненныя потрясенія унимаются преимущественно этимъ же переходомъ на движительные нервы и стало быть порожденіемъ движеній, — то-есть такимъ путемъ, который всегда открытъ для жизненныхъ цѣлей въ здоровомъ состояніи.

Вотъ почему всякая жестокая боль въ живомъ тѣлѣ, а равно и сильныя раздраженья даже у обезглавленнаго животнаго, вызываютъ движенія сперва въ непосредственно затронутыхъ частяхъ, а при возрастающемъ гнетѣ впечатлѣнія — и во всемъ тѣлѣ. То наступаютъ они смѣнной чередой, и все тѣло проникается тревожною дрожью, то — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы захотимъ настойчиво преодолѣть ихъ — происходитъ цѣпенящее, продолжительное, возможно-усиленное сокращеніе извѣстной группы мышцъ, чтобы избыткомъ употребленной при этомъ дѣятельности дать какой-нибудь выходъ внутреннему возбужденью. Такъ, страдалецъ стискиваетъ зубы, сжимаетъ кулаки, или, судорожно выпрямляя хребетъ, далеко откидываетъ вытянутую въ струну ногу. Продолжающееся или усиливающееся возбужденіе совершенно выводитъ наконецъ движенья эти изъ-подъ власти воли и истощается въ непрерывныхъ судорожныхъ припадкахъ. И точно такъ же, какъ здѣсь внѣшнія чувственныя впечатлѣнья, дѣйствуютъ собственно и душевныя потрясенья изнутри. И на нихъ, при механическомъ взаимодѣйствіи между тѣломъ и душою, нельзя смотрѣть какъ на процессы, совершающіеся въ одной только душѣ и требующіе особенныхъ какихъ-либо побудовъ для воплощенія своего въ тѣлѣ; они съ самаго начала ихъ не что иное, какъ извѣстное количество дѣйствующаго движенья, ко-

Digitized by Google

тораго вліяніе на тѣло отстранимо особенными только средствами, но отнюдь не нуждается ни въ какихъ особенныхъ средствахъ для своего обезпеченья.

Не нужно входить въ дальнѣйшія подробности насчетъ общей тревоги тѣла и тѣхъ полусудорожныхъ движеній, къ какимъ приводится оно напоромъ всякаго душевнаго волненія. Необходимо однакожь выдѣлить изъ этого многоразличія одну группу, особенной для насъ важности. Тамъ, гдѣ душевное потрясенье содержитъ въ себѣ вмѣстѣ и побудъ къ какому-либо опредѣленному дѣйствію, мы видимъ, что возникаютъ такія тѣлодвиженья, которыя или воспроизводятъ въ маломъ видѣ это дѣйствіе, или представляютъ хоть его зачатки. Таковы, напримѣръ, тѣлодвиженія гнѣва, который видитъ передъ собой свой предметъ, или по крайней мѣрѣ его знаетъ. Когда же, напротивъ, душа безсовѣтно мечется въ волнахъ скорби или утѣхи, тогда внутреннее движенье преимущественно выдаетъ себя разнообразнѣйшими перемѣнами дыханія, или, скорѣе, ограничивается только однимъ этимъ выраженіемъ, сопровождающимъ больше или меньше и всѣ другіе роды тѣлодвиженій. Въ радости, въ горѣ, при всякой нечаянности, дыханіе у насъ становится неровнымъ, ускореннымъ и тяжелымъ, или быстрымъ и поверхностнымъ, или наконецъ рѣдкимъ, прерывистымъ, и глубокимъ. Какъ скоро мы тронуты, спокойная и однообразная дѣятельность дыхательныхъ мышцъ переходитъ въ тренетное дрожательное движеніе, предшествующее формальному рыданью; гнѣвъ и негодованіе задерживаютъ на минуту глубоко втянутый внутрь воздухъ какъ бы для того, чтобъ намъ идти встрѣчу непріятности съ напряженною, расширенною грудью: такъ мы обыкновенно приступаемъ и къ подъему любой тяжести; ярость, не находя себѣ противника, пышетъ отъ нетерпѣнья, усиленно и произвольно совершая дыхательныя движенія, происходящія обыкновенно съ инстинктивною не

Digitized by Google

брежностью; наконецъ, при хохотѣ, потѣха отъ безвредно-шалящаго противорѣчія вырывается у насъ въ судорожномъ движеніи дыхательныхъ мышцъ. Всѣ насильственныя эти движенья отличаются тою сейчасъ же выдающеюся особенностью, что они ровно ничего не порождаютъ: дѣйствуя лишь воздухомъ и не достигая ни малѣйшаго осязательнаго результата, да не направленныя и ни къ какой опредѣленной цѣли, они — чисто лишь выраженія самоуслаждающагося или прискорбнаго волненья. Уже и такъ представляли бы они собой наблюдателю живой и выразительный образъ внутреннихъ состояній: но природа, соединивъ съ системою дыхательныхъ органовъ дрожащія пластинки голосовыхъ связокъ, дозволяетъ каждой малѣйшей особенности этого безцѣльнаго внутренняго волненья явственно выражаться въ слышныхъ тонахъ голоса и становится внятною даже на дальнее разстоянье. Такимъ образомъ въ царствѣ животныхъ впервые выступаетъ звукъ скорби и звукъ радости, который, въ смыслѣ положительнаго указанія предметовъ и дѣйствій, несравненно скуднѣе даже и самаго грубаго тѣлодвиженія, но, какъ выраженіе внутренней подвижности души, безконечно богаче всякаго другаго средства, какое смогли бы избрать себѣ живыя твари для взаимнаго сообщенія. Какъ фотографическій снимокъ есть противень самаго облика, такъ и голосъ, своей высотою, особою интонаціей и степенью выдержки, напряженности и силы, представляетъ слышный образъ множества мелкихъ и тонко сочлененныхъ впечатлѣній, какими движеніе души проторгается въ подвижныя массы тѣла.

Если одинъ устарѣлый книжный взглядъ, котораго возобновленія намъ теперь нечего бояться, смотрѣлъ на языкъ, какъ на изобрѣтенье, въ томъ смыслѣ, что будто родъ человѣческій обдуманно выбралъ этотъ способъ сообщенія изъ числа представлявшихся ему многихъ, то предшествующія замѣтки должны

Digitized by Google

были ясно показать, какъ, совсѣмъ напротивъ, естественно-предопредѣленная физіологическая необходимость принуждаетъ душу выражать по крайней мѣрѣ общій характеръ своихъ внутреннихъ состояній непремѣнно звуками. Но отсюда еще далеко до человѣческаго языка, и новѣйшія мнѣнія, превозносящія сплеча органическое единство и связь между мыслеродною фантазіей и звукороднымъ голосомъ, позабываютъ множество посредствующихъ звеньевъ, изъ которыхъ не льзя не упомянуть особенно объ иныхъ.

Голосъ данъ отъ природы многимъ разрядамъ животныхъ; нѣкоторые изъ нихъ развиваютъ его въ пѣніе, но ни одинъ не доходитъ до рѣчи, до языка. Спрашивается, отчего это? Недостаетъ ли у животныхъ содержанія, которое побуждались бы они выражать голосомъ, или мѣшаетъ имъ въ этомъ какое-нибудь физическое препятствіе въ ихъ организаціи? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о содержаніи скотскаго сознанія, я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто отвѣчаетъ отрицательно на послѣднее предположенье; я, напротивъ, убѣжденъ, что недостатки организаціи во всякомъ случаѣ помѣшали бы выработкѣ голоса животныхъ въ настоящую рѣчь, и что, съ другой стороны, преимущество человѣка въ этомъ отношеніи основано больше или меньше на своеобразно-лучшей организаціи. Анатомическое изслѣдованіе голосовыхъ орудій, побудившее нѣкогда Рудольфи *) положительно утверждать, что отсутствіе рѣчи у обезьянъ не обусловлено по крайней мѣрѣ неспособностью къ ней ихъ органовъ, — анатомическое изслѣдованіе можетъ показать лишь одно, что есть на лицо всѣ условія къ образованію только голоса, не больше; но это и безъ того извѣстно намъ изъ самаго обыкновеннаго опыта. Языкъ же или

*) Въ его Beiträge zur Anthropologie. Berlin 1821—26.

Digitized by Google

рѣчь развиваются изъ голоса только черезъ явственную членораздѣльность звуковъ; а этого мы или вовсе не находимъ въ царствѣ животныхъ, или находимъ только крайне маловажными урывками.

Въ виду человѣческой системы звуковъ, съ ея гласными и согласными, мы найдемъ поразительнымъ тотъ фактъ, что хотя иныя птицы и въ состояніи перенять наши слова, ни у одного млекососущаго никогда не замѣчалось даже и этой способности. А между тѣмъ строенія гортанной полости, зубовъ, языка и нёба у этого класса несравненно ближе къ человѣческому, нежели у птицъ. Далѣе можно прибавить, что нѣкоторыя согласныя и гласныя дѣйствительно встрѣчаются у млекопитающихъ, разсѣянныя по разнымъ породамъ, хотя не соединимыя ни у одной въ членораздѣльный звукъ. Собака довольно ясно произноситъ *р* и мягкое *г*, кошкѣ доступно *ф* (при фырканьѣ), коровѣ и овцѣ носовое *н*, и едвали можно сомнѣваться, что бо̀льшая часть тѣхъ особенныхъ положеній рта, на которыхъ основаны наши членораздѣльные звуки, были бы механически возможны и для животныхъ, если бы только мышцы ихъ побуждались производить эти звуки, а фантазія стремилась ихъ связывать. При всемъ томъ, даже и природная переимчивость обезьянъ остается всегда нѣмою; собака, какъ ни внимательна она къ смыслу нашихъ словъ, никогда не отваживается и на малѣйшую попытку рѣчи; однѣ только птицы повторяютъ натверживаемыя имъ слова, но по природѣ остаются и онѣ при свойственныхъ имъ нераздѣльныхъ звукахъ и напѣвахъ. Въ чемъ же лежитъ тутъ препятствіе? Я думаю, въ двухъ вещахъ: въ несовершенствѣ слуха и въ отсутствіи органически-предобразованнаго согласія между представленіями звуковъ и движеньями мышцъ, необходимыхъ для порожденія тона.

Высшая степень развитія голоса у животныхъ, пѣніе птицъ,

Digitized by Google

обнаруживаетъ вообще полное отсутствіе гармоническихъ звукоотношеній. Мелодія идетъ у нихъ самымъ неправильнымъ образомъ; то выдерживаетъ она звукъ со всею чистотой и съ очаровательною металличностью; то пробѣгаетъ рядъ звуковъ, изъ которыхъ въ каждомъ множество тоновъ различной высоты сливается въ какую-то безформную массу шума; то идетъ, наконецъ, четвертными тонами или совсѣмъ уже негармоническими скачками. Напрасно было бы предполагать, что для птицы невозможно послѣдовательное произнесеніе двухъ чистыхъ, созвучныхъ въ одномъ аккордѣ тоновъ, потому что случайнымъ образомъ она попадаетъ вѣдь и на такую послѣдовательность: у ней очевидно нѣтъ лишь чувственнаго интереса предпочитать эти звукосочетанія другимъ. Поэтому я думаю, что слуху и фантазіи птицъ недостаетъ чутья къ гармоническимъ интерваллам, и что скала тоновъ представляется имъ только со стороны большей или меньшей высоты, тогда какъ онѣ вовсе не замѣчаютъ тѣхъ качественныхъ отношеній, благодаря которымъ два далекіе другъ отъ друга тона скалы кажутся намъ тѣмъ не менѣе ближайшими по сродству, нежели два непосредственно смежные. Недостатокъ этотъ не былъ бы еще рѣшительной помѣхою для образованія языка, но къ нему присоединяется другой, встрѣчающійся намъ въ голосахъ всѣхъ животныхъ. Всякой знаетъ, какъ трудно выразить звуки ихъ буквами: въ рычащемъ лаѣ или воѣ собаки, если вообразить его себѣ разложеннымъ на безконечно малыя мгновенья, почти каждая изъ этихъ частицъ времени звучитъ намъ или какою-нибудь гласною, или какою-нибудь согласной, но пасть животнаго не остается почти ни на единый мигъ въ одномъ и томъ же положеніи, и каждый сколько-нибудь опредѣленный звукъ, въ самый моментъ своего зарожденія, переходитъ уже въ нѣчто другое. По этому, какъ громко ни раздавайся голосъ собаки или быка, никогда не выльется онъ

Digitized by Google

недвумысленною гласной, но лишь мгновенно напоминаетъ ту, либо другую. Я и тутъ не думаю, чтобъ неспособность мышечнаго строенія препятствовала чистой выдержкѣ звука; скорѣе надо полагать, что хотя для слуха животнаго и не незамѣтны разности членораздѣльныхъ звуковъ рѣчи, онѣ не имѣютъ для него однакожь той затрогивающей эстетической цѣны, которая могла бы побудить чувственность налегать на нихъ съ особеннымъ удареньемъ. По этому поводу слѣдуетъ вставить здѣсь одно общее замѣчаніе о звуковомъ матеріалѣ рѣчи, которое естественно примыкаетъ къ прежнимъ нашимъ соображеніямъ о характерѣ человѣческой чувственности.

Вздумай мы точно обозначить всѣ гласныя, встрѣчающіяся намъ въ устахъ разныхъ отдѣльныхъ лицъ и племенъ, намъ понадобилось бы безчисленное множество знаковъ; но природное чувство смекаетъ тотчасъ же, что это многоразличіе звуковъ далеко не равноцѣнно. Только очень малое ихъ число отмѣтитъ оно въ качествѣ чистыхъ коренныхъ гласныхъ, которыя мы отличаемъ не только потому, что онѣ признаны за простые элементы въ однажды установившейся у насъ письменности, но которыя сами по себѣ бросаются въ глаза и обладаютъ особеннымъ значеньемъ. Между этими постоянными точками *a*, *e*, *i*, *o*, *y*, размѣщаемъ мы всѣ другія гласныя, въ видѣ уклоненій, приблизительныхъ или переходныхъ отзвуковъ и помѣсей, точно такъ же какъ безконечное разнообразіе цвѣтооттѣнковъ мы сводимъ на небольшое число основныхъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ безчисленное множество гласныхъ звуковъ не составляетъ для нашего уха неопредѣленнаго, безурядная множества, которое мы могли бы ежемгновенно наполнить новыми, никогда еще не слыханными гласными, стóитъ намъ только необыкновенно расположить свой ротъ или вообразить себѣ что наши голосовыя орудія устроены совсѣмъ иначе. При всемъ несмѣтномъ ихъ множествѣ число гласныхъ

Digitized by Google

заключено, напротивъ, въ строгіе предѣлы; потому что есть твердыя точки, между которыми все возможное многоразличіе ихъ непремѣнно должно размѣститься во всякомъ случаѣ. Вотъ почему гласныя и представляются нашей фантазіи въ видѣ системы, въ видѣ внутренне-законной череды съ объективнымъ (предметнымъ) значеніемъ, такъ что, выговаривая ихъ, нашъ голосъ порождаетъ не произвольныя какія-нибудь созданія, но подчиняется настоящей необходимости и нормѣ такой скáлы, которая кажется самобытною, хотя бы даже никто и никогда не осуществлялъ ея членовъ выговоромъ. Сколь ни мало объяснены донынѣ физическія условія, при которыхъ возникаютъ различные гласные звуки, можно однакожь съ вѣроятностью предполагать, что въ пяти простыхъ гласныхъ многоразличныя отраженія, испытываемыя въ полости рта звуковыми волнами голоса, производятъ особенно простые, правильные и симметрическіе переливы разжиженія и густоты, такъ что будь у насъ способъ сдѣлать видимою совокупность колеблющихся при этомъ воздушныхъ частицъ, — для каждой изъ коренныхъ гласныхъ вышла бы непремѣнно фигура, удобовыразимая математической формулой. На этомъ основано можетъ-быть то, что только эти звуки кажутся намъ чистыми, настоящими, простыми и нормальными, а всѣ прочіе наша чувственность старается объяснить себѣ какъ ихъ помѣси. Вотъ этутo чуткость къ объективной истинѣ звуковъ и готовъ я приписать одному человѣческому слуху, въ противоположность съ животненнымъ; и чѣмъ тоньше эта различительная сила, тѣмъ способнѣе и чувственность воспроизводитъ звуки своимъ дѣятельнымъ орудіемъ — голосомъ, тѣмъ болѣе стремится она распредѣлить всю безрядную совокупность звучащаго на эти явно-разрозненные элементы, то-есть придать имъ членораздѣльность въ выговорѣ.

Труднѣе было бы показать то же самое относительно со-

Digitized by Google

гласныхъ; но одного взгляда на употребленіе ихъ въ языкахъ довольно для того, чтобы увидѣть, какъ тонко чувствуется сродственность ихъ между собою, и я думаю, сродственность эта подмѣчалась бы непосредственно въ ихъ звукѣ даже и тогда, еслибъ для насъ не была ясна аналогія въ способѣ ихъ происхожденья. Помимо всякой теоріи, каждый отнесетъ, напримѣръ, нёбныя къ различной отъ всѣхъ остальныхъ, сопринадлежной по себѣ группѣ переходящихъ другъ въ друга звуковъ. Да едвали и могъ бы сложиться языкъ для выраженія мыслей, не будь все это такъ, какъ оно есть; не представляйся намъ весь звуковой матеріалъ въ видѣ объективно, расчлененнаго царства тоновъ, съ явственнымъ порозненіемъ каждаго члена отъ другихъ и однакожь съ отнесеніемъ по естественному сродству ко многимъ, такъ что каждый, будучи розенъ и чистъ самъ по себѣ, способенъ однакожь сгруппировать вокругъ себя бездну приблизительныхъ къ нему видоизмѣненій. Съ этой точки зрѣнія понятно, что человѣческій языкъ исключилъ изъ числа полезныхъ матеріаловъ довольно многіе звуки, которые мы, правда, можемъ произнесть, но которые слишкомъ неясны со стороны родства своего съ другими; далѣе, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что языкъ въ первобытнѣйшемъ своемъ образованіи довольствовался тремя гласными: *a*, *i*, *y*, какъ напрѣзче отличающимися и вполнѣ чистыми, звуки же *e* и *o* усвоилъ себѣ только позже, такъ какъ, безъ особенной внимательности къ ихъ произношенію, они никогда не выдерживаются, а постоянно переходятъ въ *i* и *y*. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы три коренныя гласныя дѣйствительно только и произносились сначала; напротивъ, очень рано могъ обнаружиться тотъ странный феноменъ словосознанія, что звуки и слова зовутся собственно не такъ какъ выговариваются, — чудной въ самомъ дѣлѣ споръ между представленіемъ о звукѣ, какъ бы слѣдовало ему быть, и удоб-

Digitized by Google

ствомъ дѣйствительнаго его произношенія. Но мнѣ кажется естественнымъ, что въ первыхъ своихъ попыткахъ эта вырабатывающая фантазія проявляла свой законодательный или законопризнательный произволъ скорѣе въ самыхъ жесткихъ и рѣзкихъ противоположностяхъ; такая выцвѣтшая и чуткая преимущественно къ мелочнымъ оттѣнкамъ система звуковъ, какова напримѣръ сродная теперь англійскому языку, можетъ принадлежать только эпохѣ, занятой уже однимъ сплоченіемъ обломковъ и конгломератовъ древнихъ, первобытныхъ образованій.

Итакъ я прежде всего имѣлъ въ виду показать, что слухъ человѣка подмѣчаетъ такіе оттѣнки звуковъ, которые, правда, не пропадаютъ и для чувственности животнаго, но не ощущаются имъ со стороны взаимныхъ своихъ соотношеній. Уже однимъ этимъ объяснялся бы недостатокъ побуда производить такого рода звуки; но выше я присовокупилъ еще догадку о томъ, что, помимо этого, несовершенство въ механизмѣ движенія голоса усугубляетъ трудность ихъ производства. При всѣхъ произвольно выполняемыхъ движеніяхъ, какъ показали мы прежде (I, 356), остается недоступнымъ для нашего сознанія настоящій процессъ ихъ осуществленья; только образъ имѣющаго народиться новаго положенія и воспоминаніе объ особенной перемѣнѣ въ самочувствіи, испытываемой нами при дѣйствительномъ его порожденіи, — вотъ двѣ точки, явно выступающія въ сознаніи, къ которымъ примыкаетъ потомъ самое выполненіе движенья черезъ какой-то безсознательный и непроизвольный уже механизмъ. Въ языкѣ слуховой образъ нарождающагося звука заступилъ мѣсто зрительнаго образа предстоящаго движенья. Для надлежащаго произнесенія звука совершенно необходимо, чтобы обокъ съ слуховымъ образомъ, который мы представляемъ себѣ не только однимъ изъ внутреннихъ состояній души, но вмѣстѣ и исходящимъ отъ

Digitized by Google

него тихимъ возбужденіемъ слуховаго нерва, какое-нибудь органическое приспособленіе вызывало побудъ къ опредѣленному движенью мышцъ, — къ тому сгруппированному, дружному движенію, которымъ всѣ участвующія въ порожденіи звука орудія приводятся въ необходимыя взаимныя положенья. Гдѣ нѣтъ такого органическаго приспособленія, тамъ хотя и можетъ быть звукопредставленье но оно никогда не выразится въ движеніяхъ голосовыхъ органовъ. Я думаю, что вообще подобный распорядокъ нервныхъ нитей встрѣчается у всѣхъ голосистыхъ животныхъ и что на присутствіе такого центральнаго органа, которымъ опосредствованъ правильный переходъ звукопредставленій въ голосовыя движенья, указываетъ и простирающійся далеко назадъ корень слуховаго нерва, какъ бы для сближенія съ корнями нервовъ, движущихъ орудіями голоса. Но можетъ-быть одному лишь человѣку свойственна такая тонкая выработка этого органа, что, рядомъ съ способностью различать многообразнѣйшія звуко-представленья по ихъ высотѣ, сродству и качеству, существуетъ здѣсь и тонко организованная податливость движительныхъ нервовъ на воспроизведеніе всѣхъ этихъ особенностей. Вотъ это-то именно и можно назвать человѣческимъ органомъ слова; ибо участіе тѣла въ образованіи матеріальной стороны языка не можетъ идти далѣе того, чтобъ предложить душѣ и ея стремленью высказаться это сподручное средство выраженья, и упомянутымъ нами физіологическимъ побудомъ увлечь ее къ употребленію этого средства для своихъ нуждъ.

Если сравнить развитіе дара слова у глухонѣмаго съ выучкою попугая какому-нибудь говору, тогда ясно увидишь, какъ одинъ и тотъ же результатъ достигается съ двухъ совсѣмъ разныхъ точекъ исхода. Первому недостаетъ звукопредставленья, но голосовыя орудія образованы у него на тотъ же ладъ, какъ и у учителя; поэтому его человѣческую внима-

Digitized by Google

тельность, при заботливомъ и усердномъ руководствѣ, можно довесть до того, что она не только составитъ себѣ понятіе объ опредѣленномъ движеніи этихъ орудій, соотвѣтствующемъ каждой видимой ею буквѣ, но даже выполнитъ самое это движеніе и породитъ требуемый звукъ. Чувство движенія, ощущаемое глухимъ при произнесеніи звука, останется въ его памяти тою исходною точкой, которая всего прежде выступитъ въ сознаніи его, какъ скоро явится передъ нимъ та же буква вновь, и къ которой тотчасъ же примкнетъ съ механическою легкостью возобновленіе соотвѣтственнаго ей движенья. Но, конечно, въ переливахъ (модуляціяхъ) такой рѣчи всегда сохранится слѣдъ жесткости, происходящей отъ недостатка подвѣты возникающаго результата. *) Напротивъ, обучаемая птица способна представить себѣ звукъ, но органы ея своей наружностью такъ несходны съ органами учащаго ее человѣка, что животненной ея смѣтливости никакъ уже не подъ силу разгадать, какъ порождаются имъ тѣ или другіе звуки, и какъ ей самой направить свой иначе устроенный голосовой снарядъ для того, чтобы воспроизвесть ихъ въ свою очередь. Очевидно, это можетъ удасться ей въ томъ лишь случаѣ, когда въ организаціи ея есть причины, по которымъ звукопредставленіе, становясь вмѣстѣ и физическимъ возбужденьемъ для нервныхъ массъ, переходитъ непосредственно дѣятельнымъ образомъ на голосовые нервы и выполняетъ за птицу то, чего бы ей самой никогда не сдѣлать. Ребенку свойственъ одинъ этотъ послѣдній способъ обучиться языку: не то, чтобъ онъ высматривалъ у насъ слова изо рту (то-есть, угадывалъ ихъ по его положенью); онъ выучивается имъ только благо-

*) Такъ какъ глухой все-таки не слышитъ звука, имъ произносимаго, а только угадываетъ его по движенію голосовыхъ органовъ и положенью рта.

Digitized by Google

дая тому, что звукопредставленіе непосредственно руководитъ его голосовымъ снарядомъ. При этомъ двѣ вещи для насъ поразительны: чрезвычайный интересъ, съ какимъ дитя преимущественно отдается этой игрѣ своихъ движительныхъ органовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очевидная трудность для него овладѣть этою игрою. Въ ту пору, когда движеніе всѣхъ прочихъ членовъ далеко еще отстаетъ у него отъ ловкости, какою обладаютъ ровестныя ему животныя, въ ребенкѣ, вмѣстѣ съ игрой физіономіи, особенно пробуждается стремленье потѣшаться самыми странными изгибами губъ, кривляньями рта и коверканьями языка, тогда какъ податливость нёба и глоточныхъ частей обыкновенно приходитъ уже послѣ. Наблюдая эти явленія, каждый можетъ наглядно убѣдиться въ работѣ естественнаго физіологическаго побуда, очевидно наводящаго здѣсь внутреннія состоянія самочувствія именно на эту форму выраженья. А трудность вполнѣ подчинить себѣ эти движенія, остающаяся все же и за тѣмъ, ни мало не вредитъ увѣренности въ органической ихъ обосновкѣ. Подобно тому, какъ глаза, неоспоримо предназначенные всѣмъ своимъ строемъ къ правильному собиранію лучей свѣта, не выполняютъ, однакожь, этой задачи тотчасъ по рожденіи и едва способны подмѣчать неопредѣленный какой-то блескъ, точно такъ же вѣроятно не вдругъ является въ совершенствѣ и тонкое чувство слуха, способное различать звуки и тоны, но образуется мало по малу изъ неопредѣленнаго сначала шумоощущенія. По мѣрѣ возростающей его чувствительности явнѣе обнаруживается и инстинктивное дѣйствіе его возбужденій на голосовые органы.

Окончимъ эти замѣчанія объ участіи тѣла въ образованіи языка бѣглымъ взглядомъ на такую область, которой подробнѣйшій обзоръ несовмѣстенъ съ болѣе общею цѣлью настоящихъ нашихъ изслѣдованій. Что тѣлесная организація должна

Digitized by Google

вообще участвовать въ обосновкѣ слова, это не покажется неестественнымъ ни кому, кто припомнитъ себѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь дѣйствіи духовной силы, самомъ по себѣ, но о вводѣ этого дѣйствія въ физическое явленіе. Въ послѣднемъ духъ не у себя дома, и достоинству его нѣтъ ни какого ущерба въ томъ, что выборъ для него выраженія посредствомъ звука и возможность пользоваться этимъ средствомъ вообще сами даются ему подъ руку независимыми отъ него побудами тѣла. Въ дальнѣйшей выработкѣ языка это физіологическое вліянье отзывается еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ. Не только выборъ звуковъ, употребляемыхъ языкомъ извѣстнаго народа, можетъ зависѣть отъ тонкихъ особенностей строя голосовыхъ его орудій — особенностей, подлежащихъ отчасти, пожалуй, и вліянію климата: — замѣчаемъ же мы, напримѣръ, у горскихъ народовъ общее пристрастіе къ терпкимъ нѣбнымъ звукамъ, а у островитянъ наклонность къ зубнымъ согласнымъ; — мало этого, даже способы перезвуковки гласныхъ и согласныхъ во флексіи и сочетаньѣ словъ заставляетъ предполагать въ себѣ отчасти вліяніе органической основы. Но будетъ очень трудно выслѣдить ея характеристику опредѣленнѣе. Сомнителенъ уже вопросъ о томъ, что именно побуждаетъ къ этимъ перезвуковкамъ, — акустика или фонетика? то-есть, производятся ли онѣ для того, чтобы представить уху благозвучное равновѣсіе въ распорядкѣ и послѣдованіи тяжелыхъ и легкихъ звуковъ, особенно подъ ладъ ударенью или акцентуаціи, такъ чтобы готовое уже слово парило передъ слухомъ правильно очерченнымъ и расчлененнымъ въ себѣ обликомъ; или, напротивъ, удобство голосовыхъ орудій, переходящихъ не одинаково легко изъ одного положенія во всякое другое и не способныхъ повторить всякое движеніе нѣсколько разъ сряду, — это ли преимущественно удобство ведетъ къ стремленію по-возможности приноровить выборъ и

Digitized by Google

распорядокъ звуковъ къ особенному строю рта. Въ простонародномъ выговорѣ общеизвѣстныхъ словъ дѣйствуетъ эта послѣдняя причина; если-жъ, напротивъ, большая часть языковъ передѣлываетъ заимствуемыя изъ другихъ рѣченія, и особливо собственныя имена, для своего только обихода, то это не всегда основывается на одномъ лишь фонетическомъ удобствѣ, но часто и на потребности пересоздать чуждую звукопостройку заимствованнаго на родной свой ладъ или стиль, какъ на исключительно правильный и вѣрный. Часто присоединяется къ этому и третье, грамматическое уже основаніе. Напримѣръ: иная череда звуковъ, не терпимая въ сложномъ словѣ, и устраняемая перезвуковкою коренной гласной, встрѣчается затѣмъ тотчасъ же во флексіи простаго слова и не вызываетъ уже ни малѣйшаго стремленія измѣнить ее. Стало-быть, ни слуховой ея образъ самъ по себѣ не противенъ, ни выговоръ ея не затруднителенъ; она не нравится только сравнительно съ синтактической цѣнностью одного слова и нравится вслѣдъ за тѣмъ въ другомъ.

Вотъ это-то послѣднее замѣчаніе собственно и приводитъ насъ къ началу человѣческаго языка. Изъ всего прежняго не льзя вѣдь вывесть ни чего болѣе, кромѣ побуда къ музыкальной игрѣ голоса, отказавшейся пользоваться высотою тоновъ и воспользовавшейся вмѣсто того звукоразличіемъ. Языкъ возникаетъ только съ привходящимъ къ звуку смысломъ и съ тою своеобразною формой пониманія, въ какую будетъ онъ приведенъ, — формой, которая или также выражаясь въ звукахъ, или оставаясь невыраженною, одна превращаетъ знаменательный звуковой обликъ въ синтактически-связное слово или рѣченіе. Если изъ числа разныхъ этихъ элементовъ взять вопервыхъ содержательное значеніе, знаменательность, то намъ извѣстно, что въ настоящее время оно распространяется уже только преданіемъ, и что чувственная наша фантазія совершен-

Digitized by Google

но неспособна, по звуку существующихъ въ образованномъ языкѣ словъ, ощутить въ нихъ такой смыслъ, который находился бы въ неизбѣжномъ внутреннемъ съ ними соотвѣтствіи. Думаютъ, что не такъ оно было при первомъ зачалѣ языка; говорятъ, что тогда по крайней мѣрѣ каждое простое чувственное впечатлѣніе, которое желалось впервые передать, требовало для себя особо свойственнаго ему звука, и что въ корневыхъ словахъ рѣчи есть возможность различить то значеніе, какое придавалось незаполоненною и свѣжею еще фантазіей человѣка каждой гласной и согласной и каждому простому ихъ сочетанію. Можетъ-быть, наша нынѣшняя предубѣжденность виной тому, что мы уже теперь этого не чувствуемъ и что, говоря чистосердечно, большая часть корней, кажется намъ, получила свое значеніе совершенно лишь случайно; во всякомъ случаѣ, нѣтъ ничего ненадежнѣе попытки указать теперь съизнова необходимость такого сочетанья. При этомъ надлежало бы обратить вниманіе на двѣ вещи. Знакомый уже намъ физіологическій побудъ влекъ бы самъ по себѣ только къ выраженію особенной формы и величины душевнаго волненія, причиненнаго намъ какимъ-нибудь внѣшнимъ впечатлѣньемъ, но онъ оставлялъ бы въ сторонѣ свойство породившей его причины. Смотря по различію, то индивидуальной и постоянной, то мгновенно обнаруживающейся пріимчивости души, возбужденіе однимъ и тѣмъ же впечатлѣньемъ выходило бы весьма различно, и здѣсь — одинъ звукъ, тамъ — другой съ равною физіологическою необходимостью прививались бы, въ качествѣ имени, къ одной и той же вещи. Довольно сходныхъ обозначеній могли бы мы ожидать только для такихъ предметовъ или событій, которыхъ дѣйствіе достаточно сильно для того, чтобъ вызывать одинаковыя возбужденія при всякомъ настроеньѣ духа. Мы допускаемъ, однакожь, что существуетъ и другой еще побудъ фантазіи, направленный, помимо свойства нашего соб-

Digitized by Google

ственнаго страданія, прямо къ подражательному воспроизведенію объективной особенности того раздраженья, которымъ вызвано впечатлѣніе. Къ этой-то вообще наклонности должны мы большею частью относить развитіе языка, который уже и въ первыхъ своихъ зачаткахъ былъ, конечно, не однимъ только сборомъ страстныхъ восклицаній, но съ истинно-человѣческимъ соучастіемъ стремился передавать какъ спокойныя состоянія души, такъ и безстрастные результаты естественнаго хода представленій. Но вѣдь плодъ этого подражательнаго побуда только тогда былъ для всѣхъ однообразенъ и общепригоденъ, еслибы въ отдѣльныхъ звукахъ, которыми естественно должна воспроизводить наша чувственность, она находила рѣшительное подобіе съ подмѣчаемыми ею свойствами вещей, а равно и съ формами событій. Тогда вполнѣ несомнѣнная и непосредственно понятная символика научала бы каждаго связывать съ любымъ опредѣленнымъ представленіемъ только опредѣленный же и звукъ, а съ звукомъ только это именно представленье. Но, очевидно, на дѣлѣ оно совсѣмъ не такъ, да и не можетъ быть такъ уже по той одной причинѣ, что бо́льшая часть подмѣчаемыхъ предметовъ представляетъ намъ множество разныхъ признаковъ, а между тѣмъ нѣтъ вовсе общаго правила, въ какомъ преемственномъ порядкѣ должна совокуплять ихъ наша внимательность, или которые изъ нихъ должна она выдвинуть впередъ и положить въ основу наименованію предмета. Поэтому непосредственно понятны тѣ только слова, которыя мѣтятъ на воспроизведеніе естественнаго звука, а они составляютъ лишь небольшую и сравнительно маловажную долю общаго запаса языка.

Итакъ, первое возникновеніе простѣйшихъ словъ оставимъ мы въ сторонѣ; передъ нами безъ того лежало бы еще обильное поле изслѣдованій, ограничься мы однимъ указаніемъ путей, какими изъ немногихъ сравнительно обозначеній чувст-

Digitized by Google

венно-ощущаемаго содержанья, безспорно составлявшихъ первоначальный запасъ словъ, фантазія народныхъ племенъ постепенно извлекала выраженья для безконечнаго разнообразія всего сверхчувственнаго и его тонкихъ, крайне перепутанныхъ соотношеній. Предавшись это рода разысканьямъ, мы найдемъ, что въ попыткахъ, выразить новые предметы или новыя порожденія мысли чувственнымъ уподобленіемъ чему-либо знакомому или прозваннному уже прежде, не только обнаруживается крайне-живая дѣятельность соотносящаго воображенія вообще, но что она притомъ существенно характеризуетъ духовную особенность народа и своеобразные пріемы его пониманія. Тѣ аналогіи, сравненія и образы, которые въ развившемся нашемъ языкѣ употребляетъ только уже одна поэзія, чтобы незатрогивающія насъ болѣе выраженія обиходной жизни замѣнить такими, которыхъ неистертый еще смыслъ живѣе воспроизводитъ передъ нами цѣнность обозначаемаго ими содержанія, — всѣ эти (искусственныя для насъ) средства составляютъ естественную принадлежность молодаго еще языка, и цвѣтистая рѣчь многихъ, не переученыхъ размышленіемъ, народовъ часто совпадаетъ въ этомъ отношеніи съ общимъ способомъ выраженія самыхъ раннихъ эпохъ человѣческой рѣчи. Иное слово, хотя и обозначающее теперь извѣстный предметъ коротко и крайне въ обрѣзъ, но повидимому, ничего не высказывающее о его свойствахъ, — въ первобытной полнотѣ своей, которую удается иногда выяснить этимологическимъ изслѣдованьемъ, представляетъ знаменательный опытъ теоріи или истолкованія обозначаемаго предмета. Конечно, не льзя оправдать страннаго злоупотребленія словопроизводствомъ для того, чтобъ изъ смысла имени рѣшительно заключать о самой природѣ вещи, и мнѣнія, заложенныя въ это имя словотворною фантазіею доисторическихъ временъ принимать за норму нашего собственнаго о ней познанья; но все же очень

Digitized by Google

любопытно, да не безполезно и для самого дѣла, наблюдать, какая именно характеристическая черта предмета увлекла первобытную фантазію своей новизною или цѣнностью и побудила именовать его исключительно себѣ въ честь. Нерѣдко нашли бы мы въ подобныхъ случаяхъ, какъ удивительно тонка была воспріимчивость этой отдаленной эпохи, о которой исторія уже не въ силахъ составить себѣ ни какого наглядnаго понятія; какъ чутко подмѣчаетъ она самыя общія и не всегда вдругъ видныя подобія и сродства явленій, и какъ различныя вѣтви языковъ, тожественными сравненьями при нарицаніи однихъ и тѣхъ же предметовъ, обличаютъ даже иногда въ частностяхъ удивительное сходство пріемовъ общей человѣческой фантазіи. Но заманчивыя эти изслѣдованія, способныя научить и убѣдить только обиліемъ своихъ подробностей, лежатъ за рубежомъ того узкаго пути, который намъ предначертанъ. Мы можемъ воротиться опять къ языку только уже на степени высшаго его развитія, когда давно забытъ первоначальный смыслъ этихъ живописно-сложенныхъ словосочетаній. Бо́льшая часть слоговъ, которые, напоминаніемъ наглядныхъ явленій, уподобительно выражали сперва особенность того или другаго представляемаго содержанія, перешли потомъ въ разрядъ флективныхъ звуковъ, въ окончанія и зачальныя приставки, и служатъ лишь, хотя къ точному, но зато безцвѣтно-абстрактному, обозначенію того формальнаго смысла, какой (смотря по обстоятельствамъ) занадобится придать содержанію коренной части прежняго словосостава.

Принимаясь теперь за отношеніе языка къ мысли, мы касаемся такихъ вопросовъ, которыя не будучи слишкомъ темны и двусмысленны сами по себѣ, служили поводомъ ко многимъ жаркимъ спорамъ только подъ ощутительнымъ еще вліяніемъ односторонности прежнихъ способовъ обсужденья. Какое бы опредѣленное значеніе ни придавали мы слову мышленье,

Digitized by Google

оно во всякомъ случаѣ не то, что̀ языкъ, служащій ему только выраженіемъ, да притомъ не исключительно ему, а еще и всякому другому душевному движенію, какъ страсти, такъ и спокойному чувству, равномѣрно. Легко предвидѣть, что рѣчь умолчитъ о многомъ, что̀ мысли прійдется за нее додумать для своей собственной полноты; какъ въ обыкновенномъ разговорѣ многія переходныя звенья предоставляются на угадъ слушателю, такъ точно и типическія формы предложеній въ языкѣ могутъ быть не совсѣмъ полнымъ, и однакожь достаточнымъ для своей цѣли, выраженіемъ членораздѣльнаго хода мыслей. Поэтому, требовать, чтобы словесная организація рѣчи точно соотвѣтствовала логическому организму мысли, значитъ—требовать ненужнаго. Съ другой стороны, рѣчь вовсе не имѣетъ въ виду передачу мыслей въ возможномъ только сокращеніи, въ обрѣзъ; чтобы тронуть душу другаго, убѣдить его, чтобъ выразить съ живописной ясностью свое собственное ощущенье и воспроизвесть его въ слушателѣ, чтобъ намекнуть на свою убѣжденность или неувѣренность, отличить недоумѣвающій вопросъ отъ положительнаго утвержденія, прямой вызовъ—отъ болѣе скромнаго желанья, полный негодованія отпоръ—отъ простаго лишь отрицанія,—для всѣхъ этихъ цѣлей говорящій долженъ имѣть средства облекать настоящее содержаніе своихъ помысловъ въ многоразличнѣйшія формы, которыя, не прибавляя къ логическому очерку его предложенія ни одного существеннаго члена, сообщаютъ однакожь всѣмъ его членамъ въ совокупности особый, только психологически-знаменательный колоритъ. Конечно, при нѣкоторомъ старанія, сумму этихъ побочныхъ опредѣленій можно было бы также разнести на краткія логическія предложенія и въ этой скудной формѣ прибавлять къ главному содержанью; но вѣдь не лежитъ же отъ природы на языкѣ обязанность высказывать вяло и длинно то, что̀ можетъ онъ высказать коротко и живо. Такъ же легко

Digitized by Google

присовокупить сюда и другія побочныя опредѣленія, нужныя для полноты самóй мысли, а между тѣмъ умалчиваемыя ею; и надо сказать, что старанія объ этомъ гораздо уже дѣльнѣе. Правда, логика вездѣ должна спрашивать лишь о томъ, что́ собственно мыслится въ каждомъ предложеньи, не заботясь, на сколько именно высказано это мыслимое; нельзя однакожь отрицать, что неполнотою выраженія она часто вовлекалась въ напрасныя и копотливыя недоумѣнья.

Намъ слѣдуетъ помнить здѣсь одно: какъ ни естественно предназначенье слова воспринимать въ себя тончайшія движенія души, въ область его входятъ однако тѣ только ея проявленья, которыя для выраженія своего употребляютъ какимъ бы то ни было образомъ формы мысли. Ни замѣтная перемѣна голоса съ сопровождающимъ ее жестомъ, ни одинъ только восклицательный звукъ, при всей несомнѣнности его смысла, не составляютъ еще слова сами по себѣ; къ членораздѣльности звука и къ его значенію, то-есть къ указываемому имъ опредѣленному содержанію, должна еще привходить особая форма усвоенія его мыслью, одна превращающая звукъ въ слово и придающая ему синтактическую цѣнность. *) Для лучшаго обзора этихъ подробностей намъ должно тщательнѣе вникнуть въ своеобразную природу мышленія и въ то близкое соотношеніе его съ языкомъ, которое побудило насъ совмѣстить въ одномъ общемъ изслѣдованіи эти два характеристическіе элемента человѣческаго образованья.

Въ другомъ мѣстѣ (I, 290 и слѣд.) старался я выяснить разницу между мышленіемъ, исключительно-достойнымъ этого имени, и тѣмъ естественнымъ ходомъ представленій, который, въ силу общихъ законовъ психическаго механизма, со-

*) То есть, въ точности опредѣляющая роль его по отношенію къ сопринадлежнымъ ему другимъ.

Digitized by Google

вершается на одинъ и тотъ же ладъ во всѣхъ одушевленныхъ существахъ, хотя и съ весьма различными степенями живости. Въ послѣднемъ сознаніе наше является преимущественно только пріимчивымъ и страдательнымъ; напирающія на него отовсюда многоразличныя впечатлѣнія принимаетъ оно такъ связно или безсвязно, въ томъ порядкѣ или той безрядицѣ, какъ представляются они случайно и урывками въ ходѣ міра; далѣе, оно допускаетъ память, въ силу общихъ правилъ сочетанія и воспроизведенья, обновлять отдѣльныя впечатлѣнія въ той же осмысленной или безсмысленной сопоставкѣ, въ какой сплотились они нѣкогда при первоначальной ихъ подмѣтѣ. Очень можетъ быть, что продолженіе хода представленій современемъ и само собою устранило бы постепенно эту случайность ихъ сопряженія; такъ какъ общій ходъ вещей, хотя и допускаетъ иногда совмѣстное появленіе безсвязныхъ между собою единичностей, но не всегда же сплошь придаетъ ему форму связнаго. Поэтому, обозрѣвъ любой, довольно длинный участокъ своего личнаго опыта, мы увидимъ, что сочетанія, основанныя на взаимной сопринадлежности явленій, преобладаютъ въ немъ надъ рѣже повторяющимися сочетаньями такихъ вещей, которыя сводятся вмѣстѣ только случаемъ. Вотъ какъ возникаютъ у насъ исподволь постоянные образы единичныхъ предметовъ и выдѣляются изъ перемѣнчивости всѣхъ прочихъ впечатлѣній, какъ неразлучныя между собою купы признаковъ, слагаются надежныя воспоминанія о преемственной связи событій и руководятъ инстиктивное наше чаяніе, предвидѣть отъ наличныхъ обстоятельствъ тѣ именно плоды, какіе въ самомъ дѣлѣ происходятъ отъ нихъ съ естественною послѣдовательностью. Положимъ, что исправленный такимъ образомъ ходъ представленій вполнѣ достаточенъ для того, чтобъ способить душу животнаго найдтись въ ограниченномъ кругу его опытовъ и озаботиться удовлетвореніемъ (немногосложныхъ)

Digitized by Google

его потребностей; но въ немъ нѣтъ и тѣни той духовной работы, какую видѣли мы въ человѣческомъ мышленіи. Не только уступчиво и страдательно принимаемъ мы сначала то вѣрныя, то невѣрныя сочетанья представленій, какъ даются они намъ чувственною подмѣтой, а потомъ и пересмотрѣнный ихъ выборъ, — результатъ самоисправчивой дѣятельности психическаго механизма: мало того, мышленіе наше самодѣятельно уничтожаетъ случайныя сочетанья представленій, да и подлинно сопринадлежныхъ не оставляетъ при томъ, чѣмъ они сначала были, но воспроизводитъ ихъ сызнова въ такихъ формахъ, которыми выражаетъ вмѣстѣ и правомѣрность (особенную нормальность) ихъ сочетанія. Вѣдь и сознаніе животнаго совершенно право въ содержаніи своего представленья, когда съ образомъ тяжести, какую хотятъ на него взвалить, оно связываетъ предчувствіе давящаго гнета; человѣческое сужденіе, что тяжесть гнететъ, ровно ничего не прибавляетъ къ этому содержанію, но ставя тяжесть подлежащимъ (опредѣленнымъ для себя источникомъ), откуда происходитъ именно такой-то гнетъ, оно оправдываетъ связь двухъ этихъ представленій самымъ свойствомъ ихъ содержанія, отношеніемъ между причиною и слѣдствіемъ, и чисто-фактическую смычку обоихъ въ нашемъ сознаніи выясняетъ объективно властнымъ закономъ, предписывающимъ ихъ неизбѣжный союзъ. Нѣтъ нужды размножать подобные примѣры; если механизмъ представленія заботится не только дать содержаніе нашимъ мыслямъ, но до нѣкоторой степени и очистить дѣйствительно-сопринадлежное въ немъ отъ приставшаго случайно, то одному мышленію принадлежитъ въ этомъ содержаніи та постоянная причина, благодаря которой догадки наши о необходимой связи всѣхъ вещей и событій нѣдрятся и въ самую подмѣту его ощущеніемъ, такъ что чисто-наглядный образъ, рисуемый намъ чувственностью и психическимъ механизмомъ все-

Digitized by Google

гда уже болѣе или менѣе оживленъ познаніемъ внутреннихъ связей, соединяющихъ отдѣльныя точки его содержанія.

Вотъ эта-то особенная дѣятельность мысли проявляется въ организаціи языка и наоборотъ опирается на ея помощь въ своихъ собственныхъ предпріятіяхъ. Что до первой части этого двойственнаго отношенія, то нѣтъ ни какой надобности, чтобы каждое отдѣльное дѣйствіе мысли имѣло особенное свое выраженіе; нужно только, чтобы простые ея элементы, которыхъ употребленіемъ и сочетаньемъ выполняются всѣ тончайшія и высшія задачи ума, порознивались языкомъ въ такихъ формахъ, которыя давали бы возможность пользоваться ими для этой цѣли. Обычное изложеніе Логики, мнѣ кажется, напрасно начинаетъ съ поиска за тою простѣйшею формой связи, какою мысль соединяетъ различные элементы представленія. Мышленію неизбѣжно напередъ рѣшить еще болѣе простую и первоначальную задачу: уже всякому простому элементу, чтобы вообще сдѣлать его связуемымъ съ другими, должно оно придать опредѣленную форму, благодаря которой, изъ чистаго лишь впечатлѣнья, непосредственно порождаемаго психическимъ возбужденіемъ, становится онъ органически-употребимымъ въ дѣло мысленнымъ атомомъ. Вѣдь связи, которыя мысль стремится установить между многоразличнымъ содержаніемъ, разнятся отъ простой сопоставновки, порождаемой уже и однимъ психическимъ механизмомъ, именно тѣмъ, что обнаруживаютъ внутреннюю архитектонику своего членосостава. Груду камней, если для насъ все равно, какъ они лежатъ, всегда можно возстановить съизнова, какова ни будь ихъ форма; постройку же, въ которой силы упора и взаимной поддержки должны проявиться непремѣнно въ извѣстныхъ направленіяхъ, нельзя будетъ сложить изъ однихъ шаровидныхъ глыбъ: смотря по плану и рисунку, прійдется обтесывать строевой камень въ такія формы, чтобы онѣ обезпечивали

Digitized by Google

другъ другу свою прочную связь и представляли вездѣ удобныя для спая поверхности. Подобно тому и мысль не можетъ прямо употреблять въ дѣло ощущенія, чувства, настроенія, витающіе передъ ней простые и сложные образы, въ качествѣ матеріала для своихъ построекъ; каждый изъ этихъ элементовъ, этихъ особыхъ состояній нашей возбужденности, должна она заключить въ такую форму, которая, при послѣдующемъ ихъ сочетаніи, опредѣляла бы любому изъ нихъ и способъ его употребленія, и особенный родъ связи его съ другими. Эту первую работу мысли языкъ проявляетъ въ разрозненіи такъ-называемыхъ частей рѣчи. Понимая какое-нибудь содержаніе въ смыслѣ существительномъ, она (формально) признаетъ его за нѣчто самобытное, самоосновное, способное служить исходною точкой для другаго, цѣлью дѣйствія для третьяго содержанія; завершенное въ себѣ самомъ и самодовлѣющее цѣлое, существительное есть та естественная форма, въ которой первобытное образованіе языка воспроизводитъ понятіе вещи, и которую оно вначалѣ употребляетъ только для обозначенія того, что̀ дѣйствительно предстаетъ взору чувственнаго созерцанія въ видѣ самостоятельнаго предмета. Давая другому содержанію по̀шибъ прилагательнаго, оно тѣмъ самымъ (формально) обозначаетъ его какъ нѣчто несамобытное, такое, чья наличность, опредѣленная величина, форма и граница зависятъ отъ другаго существеннаго содержанія, на которое оно по необходимости должно постоянно опираться; и всѣ чувственныя свойства вещей, какъ они выступаютъ присущими послѣднимъ въ подмѣчаемомъ явленіи, прежде всего схватываются нами въ формѣ (зависимости) прилагательности. Къ этимъ кореннымъ элементамъ рѣчи языкъ присовокупляетъ необходимую еще третью, — глаголъ, для обозначенія того плавнаго перехода, которымъ совершеніе или текущее бытіе спаиваетъ недвижные эти образы между собою; и

Digitized by Google

эта форма разсчитана сначала на выраженіе однѣхъ чувственныхъ перемѣнъ, но вскорѣ потомъ употреблена и для обозначенія всякаго постояннаго соотношенія между вещами, такъ какъ то внутреннее движеніе нашего сравнительнаго знанія, которымъ мы только и постигаемъ всѣ соотношенья (I, 199 и слѣд.), перетолковывается здѣсь нами въ смыслѣ собственнаго движенія того, что̀ мы соотносимъ.

Съ насъ довольно было поставить на видъ три эти необходимыя формы всякой рѣчи, и пусть уже само языкознаніе не только рѣшитъ вопросъ о томъ, которую изъ нихъ считать за первобытную и предшествующую двумъ прочимъ, но пусть оно слѣдитъ исторію происхожденія и другихъ еще формъ, которыя, какъ, напримѣръ, предлоги и союзы, вводя въ человѣческую рѣчь многосложнѣйшія соотносительныя понятія, развиваютъ ее въ совершенно гибкое и податливое средство выраженья. Удовольствуемся здѣсь яснымъ сознаніемъ, что три вышеприведенныя формы даютъ наименьшую мѣру организаціи и распредѣленія предстающихъ намъ содержаній, — ту мѣру, съ какою наша мысль можетъ впервые отважиться на попытку начать разнообразныя свои дѣйствія и производства. Безъ нихъ ходъ нашихъ представленій шелъ бы только подъ сурдиной, неявственно; нашъ говоръ былъ бы только слышною (но не отчетливо-понятною) музыкой; представленія и тоны конечно намекали бы еще другъ на друга и обличали бы чувству свои противоположности или сродства, но исчезала бы вся та точно-разрозняющая членораздѣльность, которою обосновывается для нашего познанія явственная форма всякой внутренней связи. Какъ бы ни многозначительна была музыкальная мелодія, она по самой своей природѣ совсѣмъ не то, что ея текстъ; — въ ней ни одинъ тонъ не представляетъ такого существительнаго, которое ожидало бы себѣ дополненія въ какомъ-нибудь прилагательномъ признакѣ; ни

Digitized by Google

одинъ не является, преимущественно передъ другими, выразителемъ дѣйствія, идущаго отъ какого-нибудь живаго субъекта и переходящаго на какой-нибудь страдательный объектъ. Никогда два тона не вступятъ одинъ съ другимъ въ такія многоразлично расчлененныя соотношенія, какія обозначаются въ языкѣ падежами имени или дѣйствительными и страдательными формами глагола; родительный, связывающій обладаемое съ обладателемъ, винительный, соединяющій дѣятеля съ его произведеніемъ, не выразимы ни какими средствами музыкальной гармоніи. Вотъ именно, что̀ называли мы выше тѣмъ своеобразнымъ пониманіемъ или осмысливаніемъ, благодаря которому знаменательный звукъ впервые только и становится словомъ рѣчи; потому что для этого еще мало ему имѣть значеніе: напротивъ, междометія, всего чище выражающія непосредственное психическое возбужденье, такъ и остаются неорганизованнымъ элементомъ словеснаго матеріала. Настоящимъ же словомъ звукъ становится только по милости тѣхъ логическихъ примысловъ, которые обнаруживаются въ выработкѣ частей рѣчи; ибо, только благодаря имъ, различныя содержанія представляютъ другъ другу характеристическія смычныя площади и членосоставы, и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ потребную для мысли синтактическую связуемость.

Я не боюсь того возраженія на этотъ взглядъ, что иные языки не выставляютъ разности частей рѣчи въ особыхъ, каждой изъ нихъ свойственныхъ звукообразованьяхъ. Дѣло существенно не въ томъ, чтобы форма нашей мысли прямо и отражалась въ звуковомъ обликѣ: главное, — чтобы онъ сопровождался этой формою, какъ (соотвѣтственнымъ ему) внутреннимъ дѣломъ мысли. Пусть иной языкъ не обозначаетъ своихъ существительныхъ ни какою внѣшнею помѣтой; тѣмъ не менѣе его синтактически-безформное слово душа говорящаго все-таки превратитъ въ существительное, благо-

Digitized by Google

даря тому примыслу нарочитой самобытности, съ какимъ онъ его произнесетъ. Вообще мысль не такимъ образомъ зависима отъ рѣчи, чтобы особеннымъ сопостановкамъ звуковъ неизбѣжно было служить средствомъ для выраженія формальнаго взгляда на представляемое себѣ ею содержаніе. Еслибъ вмѣсто рѣчи, природа такъ же настойчиво предлагала человѣческому духу иной способъ выраженія, тогда тѣ же самыя различія, которыя въ выработанномъ уже языкѣ являются теперь въ видѣ частей рѣчи, онъ постарался бы выразить равнозначительными формами и въ этомъ другомъ, несловесномъ матеріалѣ; наконецъ, не будь у него вовсе ни какихъ способовъ выраженія, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ бы ютить ихъ внутри себя, хотя въ такомъ случаѣ ему много мѣшало бы отсутствіе того подспорья, какое получаетъ, въ свою очередь, мысль отъ внѣшняго своего выраженія. И такъ, грамматическая форма языка, конечно, можетъ отставать отъ точности логическаго расчлененія мысли; но тамъ, гдѣ бываетъ это, она уже отстанетъ отъ него дѣйствительно, и всякій языкъ, равно далекій отъ первоначальной грубости, какъ и отъ старческаго распаденья, всегда будетъ заботиться о томъ, чтобы логическія разности его словозапаса просвѣчивали и въ въ доступномъ слуху звуковомъ обликѣ. Напротивъ, словообразовательная фантазія переходитъ далеко за потребности мышленія и порождаетъ бездну такихъ грамматическихъ формъ и синтактическихъ правилъ, которыя возрастающее самосознаніе мысли постепенно опускаетъ, какъ вовсе не необходимыя. Такъ, существительное и глаголъ древнѣйшихъ языковъ утратили понемногу богатство своихъ флексій, а мысль научилась замѣщать представляемые ими тонкіе оттѣнки выраженія атомистическимъ сплоченіемъ многихъ вспомогательныхъ словъ и частицъ; наоборотъ, въ различныхъ языкахъ, хотя и въ очень неравной мѣрѣ, удерживается еще

Digitized by Google

до сихъ поръ родоразличіе существительныхъ, — истинная роскошь языка, неоспоримо полная смысла, но составляющая во всякомъ случаѣ такую эстетическую прибавку къ логически-необходимому расчлененію мыслей, безъ которой очень можно обойтись.

Возможность эта допустима, конечно, только до тѣхъ поръ, пока мы станемъ принимать языкъ единственно за отпечатокъ самыхъ общихъ пріемовъ мысли, которыхъ произвольнымъ употребленіемъ обусловливается для насъ познаніе вещей въ его дѣйствительномъ выполненіи. Но, безспорно, языкъ съ самаго начала хотѣлъ быть не только этимъ, а чѣмъ-то поболѣе; значительную часть работы, предстоявшей ему въ качествѣ выразителя общихъ пріемовъ мысли, предложилъ онъ сознанію уже совсѣмъ готовою (какъ плодъ предсознательнаго развитія духа). Каждый предметъ нашего внѣшняго ощущенія, каждое событіе, каждая пространственная фигура, набрасываемая нашимъ воображеньемъ, каждое соотношеніе между какимъ бы то ни было множествомъ, открываютъ сообразительности нашей доступъ къ нимъ съ различныхъ сторонъ. Поэтому о каждомъ содержаніи можно составить себѣ разныя понятія, смотря по тому, съ какой именно его части, съ какой соотносительной точки начнемъ мы умственно воспроизводить это содержаніе, и въ томъ или другомъ порядкѣ станемъ присовокуплять къ нему прочіе его признаки. Названія предметовъ во всякомъ давно-живущемъ языкѣ достаточно уже освободились отъ воспоминанія о первоначальномъ своемъ значеньи, пріемы конструкціи для выраженія разныхъ соотношеній обдержались до такой степени, что предоставляютъ въ этомъ гораздо болѣе простора личному произволу воображенія; раннія поколѣнія людей должны были чувствовать себя далеко не такъ вольно. Еще живо ощущаемое происхожденіе всѣхъ ихъ словъ и обрядпѣе устано-

Digitized by Google

вленный способъ ихъ сочетанія окружали дальнихъ предковъ нашихъ какъ бы атмосферою общей національной мысли, въ которой способъ пониманія тысячи предметовъ и ихъ взаимныхъ соотношеній былъ уже рѣшенъ заранѣе *), такъ что мыслить далѣе въ ея духѣ становилось естественною обязанностью для каждаго отдѣльнаго лица. Вотъ двусмысленный отчасти даръ сложившагося уже языка, который за насъ фантазируетъ и мыслитъ; но если сообразить, какъ безмѣрна выгода, получаемая каждымъ изъ насъ отъ этого крайне богатаго и совсѣмъ готоваго міра мысли, то передъ ней рѣшительно исчезаетъ ничтожный вредъ, неразлучный съ навязываемымъ ею навыкомъ къ извѣстнымъ одностороннимъ пріемамъ пониманья. И всякое стремленіе, излагать свои мысли съ полной развязностью индивидуальной свободы, можетъ вообще возникнуть только тогда, когда за исходную себѣ точку приметъ это сокровище наслѣдственной мудрости народнаго слова и отсюда станетъ извлекать силы для дальнѣйшаго своего развитія. Со временемъ отношеніе языка къ мысли измѣнится само по себѣ и безъ того. Въ простыхъ условіяхъ быта, поэтическая и сердечная сторона общественныхъ отношеній рѣшительно преобладаетъ и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ, но чѣмъ болѣе человѣкъ переходитъ отъ нихъ къ раздѣленію трудовыхъ занятій, чѣмъ пытливѣе всматривается онъ въ природу вещей, чѣмъ болѣе въ своихъ рѣчахъ даетъ мѣста дѣлу, а не чувству, — словомъ, чѣмъ болѣе развивается у него техническая проза жизни, тѣмъ болѣе языкъ освобождается отъ укоренившихся въ насъ изначала, живыхъ предубѣжденій относительно вещей. День-ото-дня стираясь въ своемъ производствѣ, слова становятся лишь звуковыми обо-

*) Рѣшенъ, можно-сказать, безсознательнымъ глазомѣромъ народной мысли.

Digitized by Google

значеніями, не болѣе; утѣха ихъ звукомъ и гармоническими смѣнами мало по малу исчезаетъ; освященные древностью обороты и конструкціи невольно отступаютъ передъ практической потребностью четкаго и точнаго выраженія для совсѣмъ новыхъ отношеній. Такъ, наконецъ, мы видимъ, что цѣлыя области познанья, напримѣръ — математика, идутъ все больше и больше къ совершенной почти безсловности и избѣгаютъ медлительности говора уже просто рядами звуковыхъ знаковъ, которыхъ сочетаніе, видимое на письмѣ, часто можно бываетъ выразить въ рѣчи однѣми паузами или особенными ударѣньями; такъ и вообще въ прогрессѣ мужественнаго развитія утрачивается то та, то другая изъ красотъ внѣшней формы, и обыкновенно впереди на этомъ поприщѣ идутъ не тѣ народы, которые дорожатъ по-старому привычной благозвучностью обстановки и выражаютъ мало дѣла во множествѣ словъ. Впрочемъ, обзоръ историческаго развитія народовъ дастъ намъ поводъ подробнѣе вникнуть и въ эти отношенія, на которыя достаточно здѣсь только указать. Но мы немедленно должны заняться еще однимъ болѣе общимъ соображеніемъ, касательно воздѣйствія слова на развитіе идей.

Подобно тому, какъ рѣчь называли мышленьемъ вслухъ, такъ точно и наоборотъ мышленіе называли внутреннею рѣчью. Но ни одинъ изъ принадлежащихъ сюда вопросовъ не рѣшался такъ разногласно, какъ именно этотъ. Одни видѣли въ словоспособности явное преимущество человѣческой природы, которое одно даетъ возможность развивать настоящее мышленіе изъ чисто-механическаго хода представленій; другіе, признавая всѣ преимущества рѣчи передъ безсловесностью, не только считали мышленіе совершенно независимымъ отъ нея дѣломъ, но, повидимому, даже иногда сомнѣвались, не должно ли скорѣе сожалѣть о невыгодахъ, которыя неразлучны съ

Digitized by Google

навыкомъ внутренно привязывать мысли всегда къ какимъ-нибудь соотвѣтственнымъ словамъ.

Въ этомъ отношеніи обыкновенно указываютъ на то, что въ насъ непримѣтно развивается очень странное суевѣріе: какъ часто намъ сдается, что предметъ, котораго свойства изслѣдованы нами всесторонне и котораго образъ мы успѣли начертать себѣ вполнѣ, все-таки еще остается намъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не узнали словеснаго его имени. Звукъ послѣдняго какъ бы внезапно разгоняетъ темноту, хотя ровно ничего не придаетъ къ содержанію, да не выясняетъ его даже и указаніемъ опредѣленнаго мѣста, подобающаго предмету въ извѣстномъ какомъ-нибудь ряду или въ области какого-нибудь высшаго понятія. Ботанизирующая молодежь съ наслажденіемъ узнаетъ латинское прозвище каждаго сорваннаго цвѣточка и затѣмъ весело и бодро идетъ себѣ впередъ, пока не попадется ей какая нибудь досадная гора, стоящая къ удивленью безъ всякаго имени и потому какъ будто бы и не существующая въ полномъ смыслѣ слова. Чего же недостаетъ въ послѣднемъ случаѣ, и какая собственно прибыль въ первомъ? Странность эта, по-моему, не такъ маловажна, какъ она кажется; я вижу въ ней, напротивъ, отраженье или продолженіе того же чисто-человѣческаго разумѣнія, которое выяснилось намъ прежде при изслѣдованіи чувственности. Мы никогда не довольствуемся тѣмъ, чтобы вещь была только предметомъ нашего ощущенія; она существуетъ по праву единственно лишь тогда, когда входитъ, какъ особая часть, въ цѣлую расчлененную систему вещей, имѣющую свое собственное значеніе вполнѣ независимо отъ нашей подмѣты. Если мы не въ состояніи дѣйствительно опредѣлить мѣсто, занимаемое какимъ-нибудь произведеніемъ природы въ ея совокупности, то насъ, конечно, успокоиваетъ уже и одно его имя; оно свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что и вниманіе многихъ дру-

Digitized by Google

гихъ людей останавливалось на томъ самомъ предметѣ, который занимаетъ теперь насъ; оно удостовѣряетъ, что общее разумѣніе заботилось отвести и этому предмету опредѣленное его мѣсто въ связи болѣе обширнаго цѣлаго. Хотя звукъ имени и не научаетъ насъ ни чему новому и особенному насчетъ самаго дѣла, имъ по крайней мѣрѣ утоляется свойственная человѣку жажда къ предметной (объект..вной) знаменательности вещей; *) оно узаконяетъ невѣдомое намъ существо, какъ нѣчто, не безъизвѣстное общей мысли человѣчества, какъ нѣчто, давно уже пріуроченное ею къ своему мѣсту. Вотъ почему и всякое произвольно данное имя — не имя въ собственномъ значеніи: мало назвать вещь какъ-нибудь, надо, чтобъ она и дѣйствительно такъ называлась; имя должно быть свидѣтельствомъ, что вещь принята въ міръ общеизвѣстнаго и общепризнаннаго бытія, и такимъ образомъ нерушимо противустоять всякому личному произволу, какъ собственное, постоянное ея опредѣленіе. Какъ мало обращаетъ на это вниманія тотъ, кто, увлекаясь мелкими случайностями своего личнаго строя мыслей, капризами своей фантазіи, всегда падкой до новыхъ, затѣйливыхъ путей и изворотовъ, готовъ одѣть въ необычныя слова подчасъ даже и старыя, престарыя мысли, ниспровергнуть общепринятую въ наукахъ терминологію и придать всѣмъ вещамъ, на чудо міру, такія названія, какими ни кто ихъ не называетъ. Только первому открытелю какого-нибудь предмета или первому изобрѣтателю дѣльной научной абстракціи можетъ принадлежать право наречь имъ такое имя, которымъ новое пріобрѣтеніе примкнуло бы къ наличной совокупности знанія.

---

*) Можно сказать, что вещь вполнѣ опредмечивается для насъ только именемъ; такъ какъ подъята ея мыслію человѣческой находитъ себѣ въ звукѣ имени первое общепризнанное, осязательное выраженье.

Digitized by Google

Гораздо важнѣе другая жалоба, что при продолжительномъ употребленіи любого языка постепенно накопляется бездна такихъ выраженій, которыя удобно вижутся между собой, благодаря синтактической гибкости рѣчи, а между тѣмъ мысль не въ силахъ уже выслѣдить перепутанный лабиринтъ этихъ (давно установившихся) сочетаній. Изъ словъ можно вѣдь построить многое, и если должно существовать средство выразить даже явную безсмыслицу грамматически правильно и въ своемъ родѣ изящно, хоть по крайней для того, чтобъ тотчасъ же вызвать на нее опроверженіе: то, благодаря открытому для всего доступу къ усвоенію себѣ грамматически-законныхъ формъ, тѣмъ скорѣе можетъ обмануть насъ видомъ всесторонней правильности любая полуистина или неясность, любой софизмъ или кривотолкъ. Всего скорѣе можно выслѣдить процессы такого рода въ комбинаціяхъ языка математическихъ знаковъ. Есть спеціальныя сопостановки этихъ взаимно дѣйствующихъ другъ на друга знаковъ (то-есть формулы), первоначально придуманныя для одного только опредѣленнаго случая, какъ выраженіе понятнаго здѣсь соотношенья; сопостановки эти можно подвергать за тѣмъ цѣлому ряду перемѣнъ или особыхъ приложеній, которыя въ иной (переходный) моментъ не имѣютъ уже сами по себѣ ни малѣйшаго смысла, часто не даютъ его даже и послѣ всѣхъ возможныхъ выкладокъ, а все-таки наводятъ иногда на открытіе новыхъ истинныхъ соотношеній между величинами, обнаруживающихся намъ въ своемъ понятномъ значеніи только уже подъ-конецъ. Гибкая податливость языка правда рѣдко приводитъ къ столь благопріятнымъ результатамъ и, по большой части, порождаетъ только такія формы соображенія, которыя все больше и больше удаляются отъ истины. Изъ этой богатой области заблужденій и погрѣшностей довольно будетъ привести одинъ только примѣръ, правда уже самъ по себѣ очень многосмкій. Форма существительнаго при-

Digitized by Google

надлежитъ первоначально только вещамъ, форма прилагательнаго—свойствамъ, форма глагола—событіямъ или совершеньямъ. Но языку не всегда же надобится начинать свои сужденія именно съ вещи, и къ ней, какъ къ подлежащему, привязывать извѣстныя свойства и событія; ему хочется иногда поставить предметомъ своей мысли свойства или событія сами по себѣ. Для этого онъ отрѣшаетъ ихъ отъ первоначальной связи ихъ съ вещами и придаетъ существительную форму имъ самимъ, индѣ снабжая ихъ особымъ окончаніемъ, указывающимъ на новый этотъ характеръ, индѣ предпоставляя неопредѣленному наклоненію глагола или среднему роду прилагательнаго соотвѣтственный членъ и тѣмъ самымъ обозначая ихъ, какъ сопринадлежное и завершенное въ себѣ самостоятельное цѣлое. Окидывая взоромъ, длящіеся донынѣ, споры тѣхъ наукъ, которыя преимущественно работаютъ понятіями и не могутъ оградиться отъ ошибокъ постоянною провѣркой своихъ выводовъ по масштабу какой-нибудь наглядки, мы должны будемъ допустить, что одинъ этотъ примѣръ податливости языка открываетъ намъ уже самое роковое вліяніе послѣдняго. Почти вездѣ видимъ мы наклонность перетолковывать новое синтактическое значенье словъ въ новое метафизическое значенье самаго ихъ содержанія. Такъ мы уже почти совсѣмъ отвыкли говорить объ изящныхъ предметахъ, то-есть мы забыли, что все называемое нами изящнымъ есть лишь прилагательное опредѣленіе, дѣйствительно сущее только въ своемъ носителѣ; мы говоримъ теперь объ «изящномъ» или много-много объ «изяществѣ», и эстетика наша убѣждена вполнѣ, что то, что можетъ существовать только въ видѣ свойства, поймется ею правильно единственно лишь тогда, когда, наперекоръ настоящей природѣ, она представитъ себѣ его напередъ вездѣ себѣ равнымъ и однороднымъ существительнымъ. Нужно ли приводить еще бездну другихъ подобныхъ примѣровъ? нуж-

Digitized by Google

но ли упоминать о безконечномъ, о злѣ? о горѣ, неизбѣжно уготовляющемся намъ въ нравонаучныхъ изслѣдованіяхъ нашею привычкой говорить не о свободноволящемъ духѣ, а о свободѣ просто-на-просто, какъ будто бы свобода сама по себѣ была дѣйствительною мощью, чью дѣятельность можно взаправду цѣнить и обсуждать, не поминая ни единымъ словомъ о духѣ, котораго она неотъемлемая принадлежность? Во всѣхъ этихъ случаяхъ языкъ создаетъ намъ цѣлую миѳологію, отъ которой мы конечно никогда не можемъ совсѣмъ отдѣлаться въ обычномъ словоупотребленіи безъ того, чтобъ изъ огня точности не впасть въ полымя чрезмѣрнаго педантизма, но которой вліяніе на строй нашихъ мыслей мы всегда должны заботливо стеречь и отстранять. Логика, съ своей стороны, не всегда дѣлаетъ то, что̀ нужно, для этой цѣли; напротивъ, своими совѣтами она иногда вредно поблажаетъ ложной наклонности нашего словоупотребленія. Чтобы опредѣлить какое-нибудь содержанье, она требуетъ вопервыхъ подчиненія его высшему общему понятію, естественно принимаемому вездѣ въ существительномъ смыслѣ, а затѣмъ уже присовокупленія къ нему какого-нибудь особеннаго признака или отмѣты. Такимъ образомъ любое логически-опредѣляемое прилагательное и глагольное содержаніе утрачиваетъ свою природную форму и свое настоящее положеніе, тогда какъ оно удержало бы ихъ за собой, слѣдуй мы въ этихъ случаяхъ не логикѣ, а тѣмъ не совсѣмъ ловкимъ, но все-таки болѣе вѣрнымъ попыткамъ опредѣленія, какими пробавляемся во всѣдневномъ обиходѣ. Положимъ, что сказать: болѣзнь есть уклоненіе жизни отъ законной ея нормы, почти все равно, что сказать: живое тѣло больно̀ тогда, когда уклонится отъ этой нормы; но формально правильнѣе и дѣльнѣе послѣднее опредѣленіе, гдѣ то, что̀ можетъ быть только состояніемъ или свойствомъ другаго, прямо выступаетъ въ видѣ прилагательнаго

Digitized by Google

и явственно имѣетъ при себѣ то подлежащее, при которомъ оно только и существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Скажутъ ли: упругость такое свойство тѣлъ, въ силу котораго они возстановляютъ (порушенный) свой обликъ? здѣсь неоспоримо лучше выразиться такъ: тѣло упруго, если оно возстановляетъ свой обликъ; ибо первая изъ этихъ формъ уже явно содержитъ въ себѣ зародышъ метафизически-ложнаго представленія, которое неминуемо и развивается изъ подобнаго словооборота, — того именно представленія, что будто бы на свойство, обозначающее собою только извѣстный результатъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дѣйствующую причину этого результата или на средство, которымъ онъ производится. Математика и физика, куда укрылось почти все, что̀ уцѣлѣло еще отъ настоящей и плодоносной логики, приняли эту гипотетическую форму опредѣленій вездѣ, гдѣ требуетъ того самое свойство дѣла.

Не смотря на всѣ эти соблазны, угрожающіе нашему мышленію со стороны податливости языка, ни кто однакожь не рѣшится пренебречь его помощью, и все, что̀ мы сейчасъ только порицали, представляетъ нѣкоторую опасность исключительно вѣдь для хода однихъ научныхъ соображеній. Но языкъ существуетъ вовсе не для нихъ однихъ, и всѣ эти овеществленія предстающихъ намъ зависимыхъ (прилагательныхъ и глагольныхъ) содержаній такъ же необходимы для поэтически-живаго и задушевнаго постиженія міра и его событій, какъ съ другой стороны соблазнительны для научнаго мышленія. То же самое прійдется сказать и о другомъ неудобствѣ языка, рѣдко нами ощущаемомъ, но между тѣмъ довольно важномъ, если всмотрѣться въ него попристальнѣй. Такъ какъ языкъ только преемственно выводитъ составныя части мысли одну за другою, то и самая безхитростная рѣчь не убережется отъ того, чтобъ не выдалась иногда череда словъ, несоотвѣтственная наличной связи обозначаемыхъ ими представленій;

Digitized by Google

при наклонности же образованнаго слога переплетать вмѣстѣ многое, что въ просторѣчіи откровенно принизывается одно къ другому, мы зачастую удивительно извращаемъ порядокъ, требуемый повидимому совокупнымъ смысломъ нашихъ словъ. Кто неискусно пользуется этими вольностями, тотъ конечно впадаетъ въ тяжелую для слушателя или читателя темноту; но до чего сноснва въ этомъ отношеніи наша сообразительная и воспроизводящая фантазія, показываютъ всего яснѣе словоизвороты латинскаго стихотворства. Тамъ, гдѣ разлучаютъ они вполнѣ-сопринадлежные и не понятные врозь члены рѣчи, мы все-таки находимъ часто очень легко такой способъ произношенія и слогоударенья, который обезпечиваетъ намъ чувство ихъ сопринадлежности даже и въ этомъ видимомъ разбросѣ; но въ случаяхъ, гдѣ не удается и это, конечно ужь одно только благоговѣніе къ сѣдой старинѣ воздерживаетъ насъ отъ справедливаго укора древнимъ въ злоупотребленіи. Вообще же кажется мнѣ неосновательнымъ, искать нормы для лучшаго распорядка словъ въ возможно-точнѣйшей логической послѣдовательности. Рѣчь имѣетъ вѣдь кромѣ-того въ виду замѣнять собой и подмѣту чувственныхъ ощущеній. Подобно тому, какъ въ послѣдней весьма часто неважный самъ по себѣ задній планъ или какая-нибудь казистая, но впрочемъ мелочная подробность предмета является намъ напередъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ важнѣйшее, — очевидное дѣйствіе выступаетъ прежде закрытой еще причины, страданіе одного прежде вызвавшей его, вредоносной дѣятельности другаго, — такъ точно всего яснѣе будетъ та именно рѣчь, которая выставитъ разныя точки соотношенія въ наглядномъ для воспроизводящей фантазіи порядкѣ, все равно, будетъ ли этотъ порядокъ соотвѣтствовать и правильной логической іерархіи внутреннихъ соотношеній, или нѣтъ. Какъ въ подмѣтѣ чувственнаго ощущенія сужденіе наше объ этой внутренней связи не сбивается слу-

Digitized by Google

чайностью порядка, въ какомъ предстало намъ ощущаемое содержаніе, такъ точно и мысль наша вообще легко прививаетъ къ данному наглядно образу событія тѣ внутреннія соотношенія, благодаря которымъ онъ становится понятенъ; напротивъ, фантазія бываетъ сильно затруднена въ томъ случаѣ, когда должна представлять себѣ извѣстныя соотношенія одно за другимъ по приказу предшествующаго каждому изъ нихъ слова, не провидя напередъ цѣлей, къ какимъ собственно направляются эти такъ-сказать простертыя руки мышленія.

Но все это состоитъ въ связи съ однимъ важнѣйшимъ еще недоумѣніемъ относительно пользы слова. Не только при передачѣ любого мнѣнія краткій собственно смыслъ его растягивается на словахъ въ довольно длинную рѣчь, но даже и въ тихой бесѣдѣ ума съ самимъ собою навыкъ къ словесному выраженію оказываетъ замедляющее дѣйствіе на развитіе мыслей. Фактъ этотъ неоспоримъ и имѣетъ притомъ странную физіологическую сторону. Когда мы захотимъ отчетливо повторить въ памяти какую-нибудь музыкальную вещь, мы чувствуемъ себя связанными извѣстнымъ темпомъ: не льзя представить себѣ череду тоновъ, истекающею скорѣй, нежели бы мы смогли продѣть ее на самомъ дѣлѣ. Мы всегда невольно сопровождаемъ мыслимые нами слуховые образы безмолвными позывами къ соотвѣтственнымъ движеньямъ голосовыхъ органовъ, и нѣтъ возможности сдѣлать такъ, чтобы образы слѣдовали другъ за другомъ быстрѣе послѣднихъ. Если въ подобномъ случаѣ взять на себя роль только слушателя, тогда музыкальная образованность пособитъ правда скорѣйшей удачѣ припоминанья, но въ той же точно мѣрѣ ослабится его (внутренно ощущаемая) ясность, и за извѣстнымъ предѣломъ быстроты ни кто уже не въ силахъ различить правильную череду тоновъ отъ смутнаго неопредѣленнаго шума. То же самое, въ усиленной только степени, бываетъ и съ словами: бездна

Digitized by Google

мелкихъ затрудненій, представляемыхъ голосовымъ органамъ различными смѣнами гласныхъ и согласныхъ, еще болѣе замедляетъ теченіе словесныхъ образовъ и въ простомъ лишь представленіи себѣ нами рѣчи. Поэтому, пока къ каждому элементу мысли должны мы придумывать соотвѣтственный ему словесный знакъ и представлять себѣ связь отдѣльныхъ элементовъ въ видѣ внутренно-высказаннаго или выслушаннаго предложенія, до тѣхъ поръ наше мышленіе не можетъ перейдти извѣстную мѣру быстроты: ибо, какъ бы ни было оно само по себѣ быстро, какъ ни стремилось бы опередить словесное выраженіе, оно все-таки должно поджидать его и поэтому иногда съ явнымъ нетерпѣніемъ останавливаться на какомъ нибудь элементѣ до тѣхъ поръ, пока успѣетъ дать ему втихомолку словесное выраженье. Конечно, не въ видѣ общаго правила, но все же въ видѣ наблюденья, которое часто подтверждаетъ опытъ, можно привести тотъ фактъ, что наклонность и вмѣстѣ способность къ извѣстной быстротѣ говора находится въ обратномъ содержаніи къ длинѣ тѣла. Очень малорослые люди отъ природы наклонны къ скороговоркѣ, подобно тому какъ и походка у нихъ быстрѣе, благодаря короткости ихъ ногъ; самое сердце ихъ бьется обыкновенно скорѣе. Великорослые отличаются напротивъ зачастую медленностью и флегматичностью своего говора; темпъ рѣчи соотвѣтствуетъ у нихъ медлительному размаху шаговъ и сердцебіеній; впрочемъ они любятъ иногда сразу высказаться непрерывнымъ потокомъ словъ и потомъ уже отмалчиваются относительно большей части предметовъ. Это не можетъ оставаться безъ вліянія на ходъ мыслей, но въ какой именно степени, я не возьмусь опредѣлить. Можно лишь догадываться, что малый ростъ, такъ часто соединенный съ сангвиническою живостью и дающій при избыткѣ этой комбинаціи одинъ изъ общеизвѣстнѣйшихъ комическихъ характеровъ, наклоненъ къ болѣе обильной фантазіи,

Digitized by Google

къ быстрой находчивости и всегда готовому остроумію, но зато и къ опрометчивымъ поступкамъ; тогда какъ длинная, флегматическая фигура, въ каррикатурномъ своемъ видѣ также сподручная для комедіи, возвѣщаетъ какъ будто бы степенную обстоятельность и вмѣстѣ невольную запоздалость вездѣ и во всемъ.

Но оставимъ въ сторонѣ небольшія эти разности: дѣло не въ томъ, что одинъ внутренно высказываетъ свои мысли нѣсколько быстрѣе, другой — медленнѣй, а главное, что въ обоихъ случаяхъ это невольное высказыванье такъ значительно замедляетъ ходъ мыслей. И несомнѣнность этого факта подтверждаютъ намъ разные опыты. Довольно одного мгновенія, чтобъ по лицу того, кто съ нами говоритъ, по звуку его голоса, составить себѣ множество представленій, и каждое изъ нихъ, прежде чѣмъ раздастся слѣдующее слово, готовое можетъ-быть опровергнуть всѣ наши опасенія, — каждое успѣло уже сомкнуться съ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, ожиданій и чувствованій. Не льзя сказать, чтобы то крайне-изящнчивое состоянїе, въ какое можетъ привести насъ рѣчь другаго, заключалось только въ одномъ какомъ либо измѣняющемся чувствѣ; чтобъ вообще произвесть то дѣйствіе, какое мы отъ нихъ ощущаемъ, слова говорящаго должны быть не только услышаны, какъ звуки, но и поняты какъ настоящія слова, — смыслъ ихъ долженъ быть прочувствованъ въ той цѣнности, какую имѣетъ онъ для нашего собственно положенья и какой не имѣлъ бы, пожалуй, вовсе для положенія третьяго лица: ничего этого не могло бы быть, еслибъ дѣйствительно въ нашемъ сознаніи не скрещивались многія череды мыслей разомъ. Въ другихъ случаяхъ, весьма обыкновенныхъ въ практической жизни, при помощи нѣкотораго упражненія, достаточно бываетъ связать съ какимъ-нибудь начальнымъ представленіемъ извѣстный окончательный позывъ къ движенью, чтобы,

Digitized by Google

какъ скоро возобновится это представленіе, наступалъ вмѣстѣ съ нимъ и привычный позывъ, не пробуждая болѣе въ сознаніи всѣхъ посредствующихъ звеньевъ, которыми первоначально сомкнулись въ немъ между собою оба. Такъ бываетъ при письмѣ, при игрѣ на фортепьяно и т. д.; но возницѣ или корчему не пробавиться уже этимъ сподручнымъ средствомъ: они должны уклоняться отъ завидѣннаго ими препятствія каждый разъ такимъ способомъ, который хотя и предопредѣленъ въ общихъ чертахъ упражненіемъ или привычкой, но все таки долженъ быть особенно еще приноровленъ къ данному въ тотъ мигъ положенію. Такъ же точно и первому дѣйствительному ощущенію совсѣмъ новыхъ предметовъ конечно оказываетъ льготное подспорье тотъ или другой навыкъ нашей воспріимчивости; но, во всякомъ случаѣ, новое впечатлѣніе не сольется же отъ того въ сплошное (безпереходное) единство: оно все-таки будетъ заключать въ себѣ множественность представленій (то-есть различныхъ моментовъ), которую собственно говоря отнюдь не льзя выразить на словахъ, или которая, въ словесной формѣ мысли, потребовала бы по крайней мѣрѣ очень много времени для своего развитія.

Эти жалобы на рѣчь еще усиливаются тою важнѣйшею противъ нея уликой, что она не только замедляетъ мышленіе, но первая и пріучаетъ его подчиняться теченью времени. Что будто все, чѣмъ для мысли необходимо овладѣть въ одинъ нераздѣльный мигъ, и чѣмъ она дѣйствительно такъ овладѣваетъ, то самое разносится словомъ на множественную череду, и непосредственная наглядка фантазіи превращается, по его милости, въ разъемчивое, раздробное мышленье. Мысль снуетъ будто бы туда и сюда, перебѣгая отъ одного изъ познатыхъ элементовъ своего содержанія къ другому, а между тѣмъ упрямая медлительность этого безмолвнаго говора никогда не дозволяетъ сомкнуть ихъ разомъ. То соотносительное

Digitized by Google

мышленіе, въ которомъ чествовали мы прежде зародышъ всякаго высшаго духоразвитія, порицается здѣсь какъ та искаженная уже форма, въ которой привычка къ языку дозволяетъ намъ рѣшать важныя задачи только несовершеннымъ образомъ. Вѣдь не противорѣчитъ ли вся эта хлопотливая сообразительность мышленія своей собственной цѣли? Еслибъ, руководясь нитью медленно текущей рѣчи, фантазія наша не разрозпивала напередъ тѣ точки, которымъ слѣдовало быть неразлучными, зачѣмъ было бы ей съ усиленнымъ напряженіемъ соотносить опять между собою розпятые элементы? Это усиліе тратится безъ всякаго плода, когда нашему представленію случится забыть первую точку соотношенія тотчасъ же при переходѣ къ слѣдующей; оно совершенно излишне въ томъ случаѣ, если намъ и безъ того есть какая-нибудь возможность удержать передъ собой обѣ точки вдругъ, да вмѣстѣ и взаимное ихъ соотношенье. Конечно, обладай мы разомъ множествомъ голосовъ и раздавайся всѣ они въ одно и то же мгновеніе, высказывая каждый свое особое содержанье и выражая въ своей общей гармоніи взаимныя соотношенія этого многоразличія, тогда только былъ бы у насъ языкъ, передающій вещи и мысли наши такъ, какъ онѣ есть въ самомъ дѣлѣ; тогда и безмолвное наше мышленіе превратилось бы въ обильный, величавый потокъ, между тѣмъ какъ теперь наше озабоченное и хлопотливое воспоминаніе нанизываетъ лишь на тоненькую нить сопринадлежные другъ другу элементы (какъ бисеринки), каждый поодиначкѣ.

Прежде всего намъ должно поумѣрить эти упреки въ ихъ заносчивости: вѣдь они бьютъ не только одинъ языкъ, они бьютъ вмѣстѣ наше мышленіе, да притомъ кстати и самое наше существованье. Мы не только-что мыслимъ вразбивку, мы вразбивку и живемъ; не только мы обработываемъ такимъ образомъ свои впечатлѣнія, но и сами они не предстаютъ намъ

Digitized by Google

иначе. Ни въ одинъ мигъ мы не тѣ, что были прежде или будемъ послѣ, да и изъ того, что̀ мы есть теперь, въ каждый данный моментъ сознаемъ мы только сущую малость. И внѣшніе предметы даются намъ точно такъ же отрывочно; мы не чувствуемъ, чтобъ жилобіеніе, оживляющее собственную суть вещей, непосредственно проникало наше сердце; творческую силу, которая въ нихъ движется, и идею, связывающую ихъ измѣнчивыя отношенія въ одно цѣлое, — все это должны мы поневолѣ стараться разгадать только изъ постепеннаго подбора отдѣльныхъ опытовъ; то, что̀ само по себѣ можетъ статься и едино, неизбѣжно предстаетъ намъ въ видѣ цѣлой сѣти соотношеній между многими. Если поверхъ этой розни и дробности мы стремимся къ тому спокойному, не то чтобъ созерцанію, но прозрѣнію, провидѣнью вещей, которое представляется нашему уму всемогущимъ и безтруднымъ вѣдѣніемъ Божіимъ, то мы должны напередъ убѣдиться, что и намъ даны отдѣльныя минуты приближенья къ этому состоянію, что неумѣнье слить ихъ въ сплошную ясность безразличнаго мышленія — вина не языка, но всего духовнаго существа человѣка. Когда, прослушавъ какіе-нибудь стихи или музыкальную мелодію, мы позабываемъ потомъ отдѣльные слова и тоны, а между тѣмъ въ душевномъ настроеніи еще живо длится у насъ все ими высказанное; когда, послѣ долгихъ думъ, взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ, мы наконецъ пришли къ рѣшенію и чувствуемъ въ наполнившей насъ теперь волѣ совокупное дѣйствіе всѣхъ побужденій, которыя разобрала передъ тѣмъ поодиначкѣ наша мысль; когда, по заманчивомъ обзорѣ разбросанныхъ частей пейзажа, мы долго услаждаемся потомъ неизгладимымъ въ насъ общимъ впечатлѣніемъ, давно забывъ всѣ опредѣленныя очертанья, — во всемъ этомъ удается же намъ слить тысячи подробностей въ цѣлость одного сверхчувственнаго созерцанія, и мы только уже нехотя раз-

Digitized by Google

нимаемъ его на составныя части для передачи нашихъ чувствъ другимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы стали вѣдь чѣмъ-то новымъ; ощущенное нами многоразличіе осталось вѣдь не по прежнему внѣ насъ, но вся цѣлость внутренняго его сопряженія повторилась въ новомъ состояніи нашей собственной внутренности такъ совершенно и вполнѣ, какъ будто бы мы сами превратились въ духъ восхитившихъ насъ явленій. Но одно лишь безконечное существо, которое воистину было бы само всѣмъ тѣмъ, что оно противопоставляетъ себѣ предметомъ своего ощущенія, способно переживать внутри себя сущность всѣхъ конечныхъ вещей, и именно переживая ихъ, можетъ обойтись безъ всякаго соображенія, силящагося разгадать ихъ ощупью. Конечному же духу дано уразумѣвать природу вещей только по аналогіямъ своей собственной природы. Для него воля не есть вмѣстѣ и исполненіе, мысль не есть вмѣстѣ и бытіе; для него дѣйствующіе и страдательные элементы міра распадаются порознь, и единство того, что здѣсь существуетъ и совершается, можетъ онъ постигать не иначе, какъ въ видѣ перехода дѣйствія съ чего-нибудь одного на другое; для него не ясно, какъ многоразличіе преемственныхъ явленій можетъ быть однимъ и тѣмъ же съ единствомъ сущности, и онъ вынужденъ отдѣлять ихъ, какъ сказуемыя, отъ подлежащаго, къ которому они прикрѣплены только нитью соотношеній; для него, наконецъ, не сами собой осуществляются цѣли, но единая, всесодержащая и всенаполняющая жизнь идеи превращается на его взглядъ въ стройное согласіе многихъ средствъ, выступающихъ на сцену независимо другъ отъ друга. Всѣ эти аналогіи, всѣ эти понятія вещи и свойства, силы и дѣйствія, сущности и явленія, и всѣ тѣ соотносительныя формы, которыми разбросанные эти члены смыкаются опять воедино, духъ человѣческій долженъ прилагать къ познанію вещей. И такъ необходима для него эта соотносительность,

Digitized by Google

что даже каждый мигъ душевнаго восторга, когда мы въ самомъ дѣлѣ наслаждаемся высшимъ единствомъ, производитъ на насъ какой-то жуткій и тревожный гнетъ, пока и его внутреннее содержанье не успѣемъ мы опять выразить въ той или другой формѣ сопряженія многоразличнаго, пока оно не предстанетъ намъ какъ бы наглядно (въ своихъ подробностяхъ), и мы не перенаслади́мся имъ еще разъ въ этомъ сообразительномъ движеніи нашей собственной мысли. Въ каждой поэтической фантазіи, пока она не создастъ своего произведенія, лежитъ то же самое мистическое единство, и каждая ищетъ освободиться отъ него внѣшнимъ творчествомъ; сколь ни будь прекрасно то, чѣмъ были бы мы, положимъ, сами, оно не удовлетворило бы насъ ни въ какомъ случаѣ, потому что мы все-таки не поймемъ его иначе, какъ развернувъ безформную его глубину въ поверхность многоразличнаго и полнаго соотношеній явленія.

Во всемъ, что̀ ни дѣлаетъ языкъ, онъ только отпечатокъ, а не причина этой наклонности нашего духа. Я долго ограничивался одною оборо́ной рѣчи отъ разныхъ порицаній; но теперь скажу еще въ короткихъ словахъ, что даже эта форма мышленія, которая одна только и свойственна конечному существу человѣка, оставалась бы въ самомъ дѣлѣ очень несовершенною безъ помощи того отпечатка, какой даетъ она себѣ въ языкѣ. Конечно, слово не научаетъ духъ элементамъ мысли, но оно необходимо для него, когда онъ захочетъ связать эти элементы въ громадную постройку своего образованія. Подобно тому какъ вездѣ мы освѣжаемъ себя чувственною наглядкой и отрадно убѣждаемся въ успѣшности труда только какимъ нибудь очевиднымъ его результатомъ, такъ точно и въ слуховыхъ о́бразахъ именъ, въ звукосочетаніяхъ грамматическихъ и синтактическихъ формъ рѣчи, должны предстоять намъ прочнымъ чувственнымъ явленіемъ, тамъ—многоразли-

Digitized by Google

чіе вещей, здѣсь—систематическая множественность возможныхъ между ними отношеній. Ни какая ясность мысли не вообразима тамъ, гдѣ разныя представленія и массы представленій, долженствующія, при взаимной соотносительности, сложиться въ мысль, безъименно наполняютъ въ одинъ и тотъ же мигъ наше сознаніе только въ своемъ первобытномъ качествѣ, — въ качествѣ душевныхъ впечатлѣній: положимъ, что и въ этомъ видѣ они не составляютъ безурядной кучи или толпы, что между ними есть и тогда уже отношенія, равнозначительныя тѣмъ, которыя послѣ выскажутся словомъ; но дѣло въ томъ, что сознаніе наше ни мало не подмѣчаетъ всей этой внутренней организаціи. Она становится для насъ истинною и дѣйствительной только тогда, когда, выражаясь словесно, мы прежде выдвинемъ впередъ какое-нибудь представленіе, а потомъ, руководясь синтактическою формой, приданною нами его имени, пойдемъ отъ него въ извѣстномъ направленіи далѣе, отстранимъ и задержимъ на время многія другія, пока не присоединимъ къ первому того втораго представленія, на которое указывало намъ помянутое направленье. Ни одна мысль не становится ясна и чиста, не выдержавъ напередъ этого разъема и возсоединенія*), и изъ простѣйшаго самонаблюденія каждому будетъ ясно, какъ по мѣрѣ выступа наружу этого пластическаго облика идеи (опредѣленнаго въ словѣ понятія) исчезаютъ постепенно темноты, которыми была она окружена прежде, еще не высказанная. Любое созданіе искусства можетъ сдѣлаться вполнѣ гармоническою истиной только по выполненіи его въ мраморѣ или бронзѣ, а въ качествѣ одного лишь замысла художника, всегда остается отрывочною и очень недостаточною красотой; такъ точно и языкъ для человѣчества представляется тѣмъ всеобщимъ сподручнымъ матеріаломъ,

*) То-есть, такъ-называемыхъ анализа и синтеза.

Digitized by Google

изъ котораго волны представленій нашихъ только и вырабатываются въ настоящее мышленіе.

Мнѣ особенно хотѣлось выдвинуть впередъ этотъ взглядъ, близко подходящій къ основной мысли всѣхъ прежде изложенныхъ соображеній,—къ тому глубокому убѣжденію, что все, въ чемъ ни желалось бы намъ видѣть высшее содержаніе міра, мы необходимо должны представлять себѣ осуществленнымъ исключительно лишь чрезъ строго-законный механизмъ. Мимоходомъ только ворочусь я еще разъ къ тому первоначальному образу, въ какомъ представилось намъ слово. Предназначенный служить средствомъ сообщенія, языкъ незамѣтно выросъ передъ нами въ самостоятельный организмъ, котораго образованіе не зависитъ уже отъ нашего произвола, котораго коренной природѣ мы должны, напротивъ, себя подчинить. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ много и въ первомъ предназначеніи своемъ, то-есть одною уже открытою намъ возможностію рѣчи, языкъ споспѣшествуетъ высотѣ нашего человѣческаго развитія. Не только первоначальное воспитаніе, котораго настоятельная потребность даетъ себя почувствовать намъ ужь нѣсколько позже, но и всякая дальнѣйшая выработка живо-пробудившагося духа, находятъ себѣ въ немъ необходимое пособіе. Уединенно струящійся токъ мысли каждаго отдѣльнаго лица, который измѣнялся бы въ своемъ направленіи однимъ только напоромъ новыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, благотворно прерывается теперь вопросами и отвѣтами другихъ; односторонность привычныхъ мыслесочетаній расширяется подъ вліяніемъ чуждаго намъ міра чувствъ и мыслей, доставляющаго то новыя созерцанья, то новыя точки зрѣнія для тѣхъ, которыя общи намъ съ другими умами. Но зачѣмъ приводить здѣсь въ самыхъ общихъ очеркахъ то, на что намъ прійдется еще обратить подробное вниманіе? Прибавимъ только, что даже и мыслямъ уединеннаго человѣка не

Digitized by Google

мѣньшія услуги оказываетъ языкъ. Изъ звука именъ, изъ мѣрнаго ритма ихъ сочетанія возникаютъ для него сопровождающія ихъ представленія и чувства, возникаютъ, далѣе, воспоминанія объ отсутственномъ, которыя никогда не сопровождали бы съ такой полнотой и ясностью совершенно нѣмой ходъ безмолвныхъ мыслей. Подобно тому какъ ритма иногда неожиданно подскажетъ поэту удачный и граціозный оборотъ, такъ вообще и слова, благодаря многоразличію побочныхъ представленій, часто сопровождающихъ ихъ образное значенье, ведутъ нашу фантазію разными неторными еще путями, — ведутъ не всегда прямо къ цѣли, завлекая ее подъ-часъ въ какую-нибудь глушь, но всегда открывая передъ нами обильнѣйшее поле, гдѣ можемъ мы выбирать себѣ пригодные плоды.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Познаніе и истина.

Идеальная природа духа и механическій ея равновѣсъ (эквивалентъ). — Сущность человѣческаго разумѣнія. — Ступени самоотраженія мысли. — Общій позывъ къ знанію и дѣйствію.—Возникновеніе частныхъ и общихъ понятій. — Значеніе понятія о видѣ въ человѣческомъ міровоззрѣніи. — Прирожденныя смыслу понятія и ихъ рѣшительная невозможность.—Происхожденіе всеобщихъ и необходимо полносильныхъ сужденій. — Понятіе истины —Законъ тожества и противорѣчія.—Самородная метафизика жизни и ея выработка.

Въ предыдущихъ своихъ изслѣдованіяхъ я вовсе не касался происхожденія языка. Это такой вопросъ, на который можно бы, пожалуй, отвѣтить коротко простымъ признаніемъ въ полномъ нашемъ невѣдѣніи, и подобный отвѣтъ былъ бы на столько же приличенъ, какъ и тѣ немногія замѣтки на этотъ счетъ, которыя приберегемъ впереди до другаго удобнѣйшаго для насъ повода. Каждому отдѣльному лицу языкъ достается вѣдь только по преданію, чрезъ воспитанье; онъ предстаетъ ему готовымъ уже цѣлымъ, допускающимъ преобразованію въ немногихъ только чертахъ, — такимъ цѣлымъ, которое каждый стремится усвоить себѣ въ его духѣ и которому, въ

Digitized by Google

счастливѣйшемъ развѣ случаѣ, отплачивается за то мелочными послугами къ дальнѣйшему его развитію, совершенно исчезающими передъ непомѣрною величиной того, что каждый самъ отъ него принялъ. Какъ бы далеко ни восходили мы къ началу исторіи, вездѣ встрѣчаемъ одну и ту же картину; уже и въ древнѣйшія времена языкъ предстаетъ намъ давно развившимся образованіемъ,—взрощеннымъ совокупной силою несмѣтнаго числа забытыхъ поколѣній. Но здѣсь мы вовсе еще не имѣли въ виду разсматривать тѣ обильныя блага человѣчности, которыхъ порожденіе обезпечивается только общими усиліями всего человѣческаго рода. Еще поодаль отъ всякаго историческаго развитія, старались мы, напротивъ, разыскать тѣ коренныя, всегда себѣ равныя, вездѣ, во всякое время и въ каждой особи встрѣчающіяся наклонности, которыми обладаетъ человѣческій духъ, какъ средствами для всѣхъ своихъ дѣлъ и дѣйствій. Онѣ ни чуть не оспособляютъ отдѣльное лицо достигать цѣли человѣчности одною собственною его силой, но даютъ ему возможность съ одной стороны, пользоваться уготовленнымъ для него плодомъ чужихъ усилій, съ другой—присоединять къ унаслѣдованному сокровищу тѣ незамѣтныя крупицы, которыхъ накопленіемъ питается и ростетъ медленный прогрессъ всеобщаго образованья. Поэтому съ насъ было здѣсь достаточно упомянуть лишь о побудахъ, влекущихъ каждый отдѣльный духъ жадно схватывать всякое вновь предстающее ему слово, какъ желанное удовлетвореніе его собственной потребности, и дозволяющихъ ему овладѣвать имъ съ инстинктивною быстротой сочувственнаго пониманія, которое само собою породило бы точно такіе же зачатки языка, не будь онъ уготовленъ для него вполнѣ сродственною дѣятельностью ранніхъ поколѣній.

Взглянемъ ли на всѣ прочія явленія жизни человѣческой, вездѣ встрѣтимъ нѣчто очень похожее на эту картину. Въ

Digitized by Google

наукѣ и въ обиходномъ сужденьи о вещахъ, въ нашихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и въ произвольной силѣ обычая, въ великихъ созданіяхъ, орудующаго массами, техническаго искусства, равно какъ въ мельчайшихъ сноровкахъ и пріемахъ вседневной потребности,—вездѣ живемъ мы на счетъ несмѣтнаго капитала извѣстной и безвѣстной намъ исторической подготовки. И дотого всеобща эта характерная черта нашей образованности, что возможность идти впередъ, опираясь на историческое преданіе, противополагалась во всѣ времена, какъ отличительный признакъ человѣческаго образованія, неразвивчивой душевной жизни міра животныхъ. Выдѣлить изъ этой окружающей насъ массы принятаго по преданію тѣ однородныя рабочія силы, съ какими каждый отдѣльный духъ приступаетъ всегда вновь, по неизмѣнному влеченью нашей природы, къ общему дѣлу всѣхъ въ совокупности,—попытка эта тѣмъ труднѣе, чѣмъ разнообразнѣе выходитъ всегда ближайшій результатъ подобныхъ силъ, смотря по благопріятству или неблагопріятству того мѣста, гдѣ каждый въ свою очередь былъ призванъ къ участію въ общемъ трудѣ. Тутъ равно легко отнести слишкомъ много на долю того, что̀ дано человѣческому духу отъ природы, какъ съ другой стороны, впасть и въ преувеличенную оцѣнку историческаго развитія. Прежнія времена особливо погрѣшали первымъ изъ этихъ заблужденій: въ виду любого великаго результата, добытаго человѣчествомъ въ его образованіи, приписывали они отдѣльному лицу прямонаправленную къ этой цѣли особую наклонность, которой недоставало будто бы только одного повода, чтобы такъ и проявиться совсѣмъ готовою на бѣлый свѣтъ. Мнѣнія эти не во вкусѣ нашей эпохи: мы знаемъ, что нѣтъ такого голоса природы, который непосредственно научалъ бы человѣка, будто во снѣ, внезапно открывать плоды человѣчности; что напротивъ долгимъ и многотрудимъ развитіемъ человѣческаго рода вы-

Digitized by Google

рощены для него тѣ изъ нихъ, которые онъ наконецъ собираетъ. Но, съ другой стороны, изъ-за шума историческихъ взаимнодѣйствій, мы быть-можетъ уже слишкомъ готовы проглядѣть, какъ необходимы тутъ и положительныя наклонности для содѣйствія втихомолку работѣ внѣшнихъ условій. Мнѣ остается лишь вкратцѣ напомнить то, что́ замѣчалъ я объ этой повадкѣ нашей уже прежде.

Когда въ первой части этихъ изслѣдованій мы обсуждали общую организацію, которую необходимо намъ предполагать въ душевной жизни каждой особи, къ какой ни принадлежи она породѣ, мы не нашли возможнымъ истолковать себѣ единство души на такой ладъ, какъ будто бы изъ-за него ей дозволена была исключительно одна, вполнѣ тожественная, основная форма дѣятельности. Намъ казалось, что единство требуетъ лишь того, чтобы всѣ способы проявленія души, какъ бы ни были они первоначально различны и не сводимы другъ на друга, все таки смыкались, какъ взаимно-подходящія звенья въ цѣлость одного плана, одного характера. Поэтому, если разныя способности и не всѣ происходили непремѣнно одна изъ другой, не отчасти возникали рядомъ изъ глубины душевной природы, то мы видѣли, что эта ихъ сопричисленность все-таки давала стройный, гармоническій аккордъ, и что, при (нераздѣльной) полнотѣ своего существа, природа души не можетъ развивать ни одной изъ своихъ дѣятельностей безъ того, чтобъ, въ силу какой-то поэтической справедливости, не удѣлять большей или меньшей доли въ этомъ развитіи и всѣмъ прочимъ. Съ такимъ-то именно представленіемъ, которое относилось тогда къ душевнымъ жизнямъ всѣхъ вообще созданій, мы, по плану второй части этихъ изслѣдованій, подошли еще недавно къ вопросу, какими-собственно причинами опредѣляются неодинаковыя степени развитія различныхъ одушевленныхъ породъ. Здѣсь оказалось возможнымъ и такое мнѣніе, что при-

Digitized by Google

рода всѣхъ вообще душъ пожалуй можетъ-быть тожественная, и что вліяніе совокупныхъ внѣшнихъ условій, какъ тѣхъ, которыя лежатъ въ самой организаціи различныхъ тѣлъ, такъ равно и привходящихъ со стороны жизненнаго ихъ поприща и бытовыхъ обстоятельствъ, причиною опредѣленнаго психическаго развитія каждой отдѣльной породы, причиною отсталости цѣлаго міра животныхъ въ одномъ случаѣ, и преимуществъ человѣческаго образованія — въ другомъ. Мы не считали себя въ силахъ рѣшительно отвергнуть это мнѣніе; напротивъ, намъ всегда прійдется съ участіемъ слѣдить за объяснительными его попытками, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онѣ въ обширномъ смыслѣ вѣрны и справедливы. Но то, что дано намъ нами по сихъ поръ, дѣйствительно производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы, доведя насъ до той черты, гдѣ конецъ душевной жизни животнаго и начало душевной жизни человѣка становятся уясненными изъ обстоятельствъ, онѣ все-таки оставляютъ за тѣмъ кое-что, отнюдь не объяснимое одними этими обстоятельствами. Мы часто приходимъ (ихъ путемъ) повидимому чуть не къ самой цѣли, но всегда чего-то недостаетъ для достиженія ея вполнѣ: недостаетъ положительнаго указанія, откуда однако у привилегированнаго человѣческаго рода является эта живая готовность пользоваться всѣми выгодами внѣшнихъ условій и даже идти наперекоръ многимъ ихъ невыгодамъ, и откуда, напротивъ, этотъ положенный животному зарокъ, всегда удерживающій его въ извѣстныхъ предѣлахъ, которыхъ непреходимости для него отнюдь не льзя положительно доказать изъ естественныхъ обстоятельствъ его жизни.

Соображенія эти даютъ другому возможному еще тутъ мнѣнію такого рода перевѣсъ, который принадлежитъ ему на нашъ взглядъ и въ силу болѣе общихъ основаній, — тому именно мнѣнію, что въ каждой породѣ живыхъ существъ навстрѣчу

Digitized by Google

внѣшнимъ условіямъ идетъ своеобразная душевная природа, которую суждено имъ развить своимъ вліяніемъ. Не измѣняя тѣхъ общихъ законовъ психическаго механизма, которымъ послушна всякая душевная жизнь вообще, природа эта, какъ вездѣ дѣятельный коэффиціентъ, измѣняетъ однакожь свойство результата возникающаго изъ приложенія общихъ законовъ къ дѣлу и такимъ образомъ полагаетъ основу направленія и высоты всякаго дальнѣйшаго развитія. Основа эта конечно можетъ стѣсняться въ своей дѣятельности препятствіями, но ни какому благопріятному стеченію обстоятельствъ не замѣнить ея тамъ, гдѣ ея нѣтъ вовсе; зародышамъ случается хилѣть и пропадать вездѣ, а потому и человѣческое развитіе не всегда успѣетъ выполнить свое назначенье; но даже и при скотскомъ одичаніи въ духѣ человѣка все еще остается способность къ самоулучшенью, которой въ душѣ животнаго и среди благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Этого взгляда будемъ мы держаться и впослѣдствіи. Но я воротился здѣсь къ общему выраженію его вовсе не съ тѣмъ, чтобы доказать безусловную его вѣрность; напротивъ, пусть имѣетъ онъ покамѣстъ значеніе только избраннаго мною взгляда, — избраннаго между двухъ возможностей, о которыхъ мы погодимъ до времени рѣшать, не обнаружится ли подъ-конецъ несостоятельность одной изъ нихъ, въ силу присущихъ ей внутреннихъ основаній. Насчетъ того, какъ провести этотъ взглядъ далѣе, а равно и насчетъ представляемыхъ имъ затрудненій, хотѣлось бы мнѣ высказать еще нѣсколько словъ.

То, чѣмъ одна душа разнится отъ другой, въ особенности то, чѣмъ душа человѣка отлична отъ души животнаго, не есть какая-нибудь отъемная составная часть общей ея формы, или просто привходящая къ другимъ, которыя остаются впрочемъ безъ всякой перемѣны, или только замѣняющая собой одну изъ нихъ, которая зато отходитъ прочь; совсѣмъ напротивъ, это

Digitized by Google

какой-то трудно-опредѣлимый своеобразный колоритъ, разливающійся по всему составу внутренней жизни. Уже языкъ допускаетъ это въ своихъ обозначеніяхъ внутреннихъ процессовъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онъ еще безхитростно передаетъ въ прозвищахъ общее впечатлѣніе человѣческаго наблюденья. Неоспоримо, что въ частности у животныхъ обнаруживается много соображенія и даже иногда видна поразительная смѣтливость, но мы затруднимся приписать имъ настоящій разсудокъ или смыслъ; они грезятъ во снѣ, да безъ сомнѣнія и наяву думаютъ подчасъ объ отсутственномъ и будущемъ, но мы едвали согласимся приписать имъ воображеніе, а въ фантазіи даже и рѣшительно откажемъ; у нихъ несомнѣнно есть чувства, и не только одни грубыя, основанныя лишь на внѣшнихъ ощущеньяхъ, — мы говоримъ о вѣрности одного животнаго, о благородствѣ другаго, — но способность задушевнаго чувства, сердце, мы исключительно приписываемъ человѣку; не льзя не допустить въ животномъ страстныхъ раздраженій и не видѣть, что многія изъ нихъ у разныхъ породъ могутъ быть подавлены и отстранены дисциплиной, но свободнымъ самообладаніемъ надѣлемъ мы только человѣка, хотя должны сознаться въ томъ, что онъ собственно никогда не употребляетъ своей свободы вполнѣ очевиднымъ для насъ образомъ, и что перевѣсъ одной страсти надъ другой и страхъ передъ внѣшней дисциплиною опредѣляютъ по бо́льшей части и для него обыкновенный способъ его дѣйствій. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ духовная жизнь человѣка не надѣлена повидимому ни какимъ преимуществомъ особой природы составныхъ элементовъ; на повѣрку выходитъ напротивъ, что образъ ея набранъ изъ тѣхъ же кусочковъ мозаики, которые вошли въ душевное существо животнаго; своеобразность ея лежитъ въ способѣ ихъ сочетанія и употребленья, въ томъ смыслѣ, который орудуетъ этими средствами, утончая, облагороживая

Digitized by Google

всѣ частные результаты особеннымъ значеніемъ, какое придаетъ онъ имъ, какъ выраженіямъ устойчиваго и связнаго въ себѣ жизненнаго плана. Единство, заключающееся только въ томъ, что различныя дѣятельности исходятъ изъ нѣдръ одной и той же природы, какъ равно необходимыя ея слѣдствія, — это единство неоспоримо принадлежитъ и любой скотской душѣ; въ человѣческомъ духѣ возникаетъ поверхъ того характеръ методически-вырабатываемаго развитія, подбирающаго весьма многоразличныя средства для осуществленія той образованности, которой идеалъ предстаетъ ему въ видѣ цѣли и предназначенья.

Этимъ-то впечатлѣніемъ собственно всегда руководился тотъ взглядъ на душевную жизнь, который развился исподоль внѣ всякой ученой школы; его же въ сущности держится и та своеобразная форма психологіи, которая охотно рознитъ себя отъ другихъ обработокъ этой области подъ именемъ ученія о духѣ. Вѣдь, если устранить всѣ заблужденія, порожденныя отчасти собственной неясностью этого взгляда, отчасти вызванною имъ раздражительностью противниковъ, то легко будетъ усмотрѣть, что его собственное мнѣніе и причина всегда воздаваемаго ему одобренія заключается въ согласіи его съ весьма замѣтною наклонностью общепринятаго, ходячаго убѣжденья. Первоначальная наша любознательность, при обзорѣ какихъ бы-то ни было предметовъ, вовсе не интересуется преимущественно тѣмъ, какъ возникаютъ и поддерживаются отдѣльные ихъ признаки и состоянья; для нея главное, какъ именно сложены, какъ соглашены они между собой. Изслѣдованіе духовной жизни занималось, правда, уже съ весьма раннихъ поръ между прочимъ и вопросами о механизмѣ ея хода, но гораздо живѣйшее участіе принимало оно всегда въ попыткахъ выводить изъ одного всеобъемлющаго стремленья, какъ согласныя между собою отправленія, всѣ разнородныя способ-

Digitized by Google

ности, дѣятельности и повадки, находимыя нами внутри себя. Подобно тому, какъ мы слѣдимъ отдѣльныя черты какого-нибудь художественнаго произведенія въ ихъ необходимости для выраженія единой всецѣлой идеи, не заботясь сначала о техническихъ подробностяхъ исполненія, благодаря которымъ одна черта вслѣдъ за другой выступала въ мраморѣ или бронзѣ: такъ точно истинное существо духа отыскиваемъ мы въ томъ, чего собственно хочетъ онъ всею своею дѣятельностью, и думаемъ, что поняли его, когда въ каждомъ изъ многоразличныхъ его проявленій распознаемъ выраженіе его стремленья, а въ совокупности ихъ всѣхъ — единство послѣдняго. И при этомъ, на первыхъ порахъ, мы также не заботимся узнать, какою чередой причинъ каждое изъ этихъ явленій духовной жизни приводится къ осуществленію и становится въ многодѣйственную связь съ другими. Мы увѣрены, что какимъ-нибудь естественнымъ способомъ обезпечено же это непремѣнно; но истинная сущность всякой опредѣленной формы духовной жизни лежитъ все-таки не въ общихъ законахъ, по которымъ могла бы вѣдь точно такъ же возникнуть и всякая другая форма (а не эта именно): она лежитъ скорѣе въ своеобразности тѣхъ точекъ приложенія, которыя дались здѣсь общимъ законамъ иначе и лучше нежели въ другихъ случаяхъ и такимъ образомъ доставили имъ возможность произвесть эти существенно отличные результаты. Допустимъ теперь, что помянутыя выше своеобразныя точки приложенія состоятъ не въ особенной лишь комбинаціи или сгруппировкѣ внѣшнихъ условій, но что главнѣйшая изъ нихъ есть именно та особая живая идея, на которой основано различіе человѣческаго духа отъ другихъ душъ: вѣдь и въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться однимъ совершеннымъ отказомъ принять въ соображеніе тотъ процессъ, благодаря которому идея эта только и можетъ дѣйствительно овладѣть механизмомъ психическихъ взаимнодѣй-

Digitized by Google

ствій, долженствующихъ всегда и вездѣ служить поприщемъ и средствомъ для ея осуществленія. Избитая противоположность между какимъ-то высшимъ и низшимъ взглядомъ на вещи всего менѣе можетъ дать намъ право уклониться отъ опредѣленнаго указанія, какимъ образомъ идеальное стремленіе души становится дѣятельнымъ соучастникомъ развитія внутренней жизни, совершающагося вездѣ по всеобщимъ законамъ.

Извѣстно, что для порожденія всякаго событія нужны многія совокупно дѣйствующія причины, всѣ равно необходимыя, но впрочемъ различныя по своей важности, по цѣнѣ. Часто есть возможность которую-нибудь одну изъ нихъ назвать причиною (по преимуществу), такъ какъ ею почти исключительно опредѣляется вся форма возникающаго результата: другія-же играютъ тогда роль второстепенныхъ, вспомогательныхъ причинъ, которыя, въ качествѣ вызывающихъ раздраженій, будятъ готовое, но дремлющее еще слѣдствіе. или — чѣмъ вѣрнѣе выражается сущность этого случая — дополняютъ собою недостаточныя условія развитія или отстраняютъ вліяніе задерживающихъ его помѣхъ. Такъ, сѣмя растенія требуетъ для своего всхода содѣйствія многихъ вспомогательныхъ причинъ, но всѣ онѣ способствуютъ развитію только того, что̀ предопредѣлено и предначертано совокупностью невыразимыхъ для насъ свойствъ сѣмени, на которыхъ именно и основанъ образовательный его позывъ. Но безъ возбужденія, производимаго въ немъ силой внѣшнихъ раздраженій, этотъ позывъ остался бы навсегда невыполненнымъ; и, даже въ случаѣ наступившаго ихъ вліянія, самъ по себѣ опредѣляетъ онъ только первую, мгновенную и безконечно-малую перемѣну, неизбѣжно претерпѣваемую состояніемъ зерна. Все же остальное многоразличіе растительныхъ фазисовъ порождается лишьвъ извѣстной послѣдовательности и единственно благодаря тому, что

Digitized by Google

на наличное состояніе зерна и вмѣстѣ на быстроту и направленіе, съ какими происходящія въ немъ тутъ движенья силятся вывесть его изъ этого состоянія, внѣшнія вспомогательныя причины дѣйствуютъ ежемгновенно вновь и вновь. Не только наклонность къ опредѣленной формѣ цвѣта и плода, которую мы обыкновенно предполагаемъ присущею уже сѣмени, порождается лишь въ извѣстный моментъ его развитія, но и всякая наклонность къ образованію ближайшаго момента производится (ежемгновенно вновь) наличнымъ общимъ состояніемъ сѣмени и совокупностью вновь дѣйствующихъ условій. Сколь однакожь ни вѣрно, что каждый второй шагъ развитія удается только благодаря тому, что податливое къ образованію зерно предстаетъ соопредѣляющей силѣ раздраженій въ измѣненномъ видѣ, какой приданъ ему первымъ (самороднымъ) шагомъ, мы тѣмъ не менѣе въ правѣ внѣнить всю послѣдовательную череду этихъ фазисовъ коренной, первобытной его природѣ. На зернѣ лежитъ забота объ одномъ, чтобы тотъ пай, какой внесенъ имъ, по этой коренной природѣ, въ обосновку формы перваго преобразованія, имѣлъ на столько рѣшительнаго вѣса, что сила внѣшнихъ раздраженій, хотя и способная задавить его совсѣмъ, не могла бы однако свести его на другой путь, пока оно существуетъ. Въ первобытномъ его состояніи, равно какъ и въ любомъ изъ дальнѣйшихъ преобразованій послѣдняго, внѣшнія условія всегда должны признавать главную причину (настоящую основу) всякой формы, имѣющей возникнуть въ ближайшій за тѣмъ мигъ, и необходимо подчиняться этой причинѣ, въ видѣ силъ, только способствующихъ ея осуществленію. Изъ совокупности образовательнаго побуда, въ любой данный моментъ выступитъ поэтому, въ качествѣ дѣйствующей силы, только такая, опредѣленная по величинѣ и свойству, часть его, какая именно вызвана происходящимъ тутъ взаимнодѣйствіемъ между послѣднимъ состояніемъ пре-

Digitized by Google

дыдущаго момента и новыми условіями наступившаго; но различныя эти дѣйствія сомкнутся въ непрерывную череду согласныхъ между собою дѣятельностей развитія, такъ какъ всѣ они пронизаны насквозь первичнымъ стремленіемъ сѣмени, какъ всеуряжающею (нормативною) мощью. Итакъ, съ одной стороны выходитъ, что ни мало не помогъ бы растенію образовательный побудъ, задумай оно нетерпѣливо дать плодъ прежде цвѣтка, а съ другой — становится совершенно очевиднымъ, что жолудь (зерно дуба) всегда будетъ производить только дубы исключительно, и ни какія въ мірѣ обстоятельства не вызовутъ изъ него бука или березы.

Кто принимаетъ, подобно намъ, что всякая особая форма духовной жизни предобразована въ первоначальномъ стремленіи духа, тотъ знаетъ, что это выраженіе, хотя конечно, слишкомъ коротко, обозначаетъ нѣчто вполнѣ сходное съ только что описаннымъ нами процессомъ. Онъ знаетъ, что душа съ самаго начала не есть даже и въ миніатюрѣ то, чѣмъ надлежитъ ей сдѣлаться послѣ, и что безъ какого-либо внѣшняго побужденія никогда не выйдти ей на предстоящій путь; онъ знаетъ, далѣе, что, даже и дѣйствительно возбужденная, она не вдругъ и не сплошь развернется въ своемъ развитіи, какъ будто бы требовалось отнять лишь извѣстную плотину для того, чтобъ роднику ея образовательнаго позыва дать тотчасъ же свободное теченье. Только непрестанно обновляющееся вліяніе содѣйственныхъ причинъ на то, чѣмъ сдѣлалась душа при первомъ шагѣ къ развитію, порождаетъ въ ней способность и вмѣстѣ необходимость ступить опредѣленный второй шагъ. И пусть эти содѣйственныя причины состоятъ не сплошь изъ новыхъ только внѣшнихъ раздраженій, а заключаются отчасти въ продолжающихся отзывахъ или послѣдахъ своихъ собственныхъ внутреннихъ состояній, подобно тому, какъ планетная система своимъ же собственнымъ движеньемъ приво-

Digitized by Google

дится опять въ новое движеніе,—пусть все это будетъ такъ, тѣмъ не менѣе первичное стремленіе души, какъ ни парит оно высоко, не властно распорядиться и своими внутреннимъ состояньями съ беззаконнымъ произволомъ. Вѣдь и изъ образовательнаго ея по́буда въ любой данный моментъ осуществится только то, что́ будетъ вызвано къ дѣятельности суммою наличныхъ возбужденій. Такъ, стремленіе ея въ самомъ дѣлѣ осуществляется лишь непрерывною механическою связью, но оно все таки не страдательное произведеніе послѣдней. Ибо хотя душа не можетъ воздѣйствовать и отвѣчать, пока не будетъ возбуждена или спрошена, но содержаніе отвѣтовъ неотъемлемая ея собственность, и оно ежемгновенно выражаетъ собою то, чѣмъ, по внутренней послѣдовательности своей природы, душа была готова отозваться на эти опредѣленныя возбужденія, что́ на этой опредѣленной ступени своего развитія она готова была произвесть. Интеграломъ этихъ послѣдовательныхъ проявленій все-таки выходитъ первобытное ея стремленіе; только здѣсь пришлось бы суммировать не однѣ лишь разныя величины воздѣйствія, замѣсто перемѣнныхъ величинъ возбужденій, но отъ различныхъ моментальныхъ формъ дѣйствія восходить, при перемѣнныхъ условіяхъ, къ начальной, порождающей формѣ функціи.

Но тутъ и конецъ всей пригодности сравненія съ растительною жизнью. Вѣдь сѣмя растенія все-таки остается чѣмъ-то многочастнымъ, опредѣляющимъ типъ будущаго прозябенія только извѣстнаго рода сопряженіемъ своихъ наличныхъ частей. Такъ и при расплодѣ система связныхъ между собой частицъ порождается изъ прежняго однороднаго сопряженія другихъ, имъ подобныхъ; но никогда образовательный по́зывъ растенія не имѣетъ своего особаго, сосредоточеннаго существованья, никогда не дремлетъ онъ (ожидая пробужденія) въ какомъ либо единственномъ, нераздѣльномъ атомѣ, какъ настоящая

Digitized by Google

его природа и существо. Вотъ почему развитіе растенія занимаетъ собой объяснительную форму науки вездѣ, на каждомъ своемъ шагу; не только первое возникновеніе зерна и коренаго пластическаго его склада становится здѣсь всегда новымъ предметомъ разысканій, но изслѣдывается также и причина всякаго дальнѣйшаго воздѣйствія, какое, это преобразованное уже зерно, даетъ снова вызвать у себя напирающей силѣ внѣшнихъ раздраженій; потому что и это воздѣйствіе зависитъ опять отъ новой сгруппировки (новаго склада) разнообразныхъ частицъ зерна и должно стало быть обсуждаться на основаніи всеобщихъ законовъ противодѣйствія различныхъ элементовъ. Совсѣмъ иное дѣло духъ. Первоначальный складъ его образованія состоитъ вѣдь не въ соотношеніяхъ какихъ либо различимыхъ одна отъ другой частей, но въ единомъ нераздѣльномъ смыслѣ идеальной его природы; родъ отвѣтовъ, какіе, въ теченіе своего развитія, даетъ онъ на вызовы внѣшнихъ раздраженій, пожалуй зависитъ такъ же отъ совершившагося между-тѣмъ переуряда его внутренности, но не отъ пространственной перестановки самостоятельныхъ частей, а отъ измѣнившагося мыслимаго отношенія между мгновенно достигнутою формою и величиною возбужденья или проявленія духовной природы, съ одной стороны, и между постояннымъ идеальнымъ ея содержаніемъ, съ другой,—содержаніемъ, которое сначала вовсе не ищетъ можетъ-быть проявиться, но однажды къ тому возбужденное, хочетъ уже проявиться все вполнѣ*). Стало-быть, и въ

*) Съ этой точки зрѣнія, идеальность можно, пожалуй, назвать выдержкой единства среди смѣны многоразличнѣйшихъ условій. Какую важную роль играетъ эта выдержка въ развитіи человѣчества, которія свидѣтельствуетъ на каждомъ шагу, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ и разницу между истиннымъ единствомъ, дѣйствительно связывающимъ данныя условія, и тѣмъ фантастическимъ единствомъ, которымъ часто силится связать ихъ личный произволъ.

Digitized by Google

этихъ глубочайшихъ основахъ духовнаго развитія есть все-таки выдержка, послѣдовательность необходимой связи; только послѣдовательность эта не носитъ на себѣ характера математически законнаго порядка, а имѣетъ характеръ эстетической правомѣрности, отличающейся отъ перваго только родомъ своей выдержки, но не уступающей ему въ строгой непреложности своихъ заповѣдей или нормъ. Тогда какъ математическій законъ опредѣляетъ непосредственно взаимныя вліянія однородныхъ лишь данныхъ или событій, эстетическая справедливость связываетъ между собою то, что̀ не однородно для нашего разсудочнаго сравненія (на первый взглядъ такъ-называемаго здраваго смысла), и однакожь необходимо сопринадлежно къ цѣлому извѣстной идеи. *) Пусть въ общемъ составѣ нашего человѣческаго пониманія подмѣта этой справедливости является только въ видѣ смутнаго чаянья, и ссылка на нее слыветъ несовершеннымъ способомъ обсужденія вещей и событій, далеко уступающая той благонадежности, какой математическое знаніе достигаетъ въ своей сферѣ; зато въ общемъ составѣ дѣйствительнаго бытія завѣты ея самые первые и нерушимые, на которыхъ зиждется вся связь вещей между собою: она-то именно и установляетъ между ними тѣ неизмѣнныя соотношенія, на которыя, какъ на данную основу, неизбѣжно долженъ опираться всякій расчетъ только уже для того, чтобы найти по крайней мѣрѣ возможность вычислить жребій или долю одного элемента по жребіямъ или долямъ другихъ. Всеобщая статика и механика внутренняго содержанія предшест-

*) Математика дѣйствуетъ уравненіями необходимо-соотносимыхъ величинъ; эстетика, въ обширномъ смыслѣ слова, уравненіями необходимо-соотносимыхъ цѣнностей, достоинствъ: простѣйшій пріемъ первой такъ и зовется уравненіемъ (équation), гораздо болѣе трудный пріемъ второй слыветъ правомѣрностью (équité).

Digitized by Google

вуетъ въ мірѣ другой статикѣ и механикѣ, относящейся только къ измѣненіямъ величинъ этого содержанья. Ея заповѣди обнаруживаются намъ при созерцаніи природы въ видѣ фактическихъ законовъ взаимнодѣйствія, которые вычисляющая теорія не властна создать, а можетъ только признать; въ духовной жизни онѣ выступаютъ передъ нами въ видѣ того общаго стремленья, которое становится ощутительнымъ для насъ какъ побуждающій двигатель всего ея развитія.

Сколь ни трудно удовлетворительно выразить это стремленіе, сколь ни многочисленны здѣсь источники заблужденья, и какъ ни велика опасность произвольно и односторонне оцѣнить или истолковать разныя явленія въ развитіи духовной жизни, но, готовясь вступить на этотъ трудный путь, мы отнюдь не можемъ допустить, чтобы ненаполнимая никогда бездна мѣшала мысли объ идеальномъ единствѣ духовной жизни смыкаться съ другою мыслію — о механическомъ ея осуществленіи. Кто внимательно прослѣдитъ высказанныя нами сейчасъ замѣтки, тому легко признать въ нихъ второе, дополнительное звено къ тому самому ряду мыслей, который отстаивали мы въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія (томъ II, стр. 38 и слѣд.). Тамъ мы должны были указать на то, какъ въ основаніи всякаго внѣшняго, и стало быть расчислимаго, механизма тѣлесной природы непремѣнно лежитъ какая-нибудь внутренняя дѣятельность; здѣсь намъ пришлось выставить впередъ другое положеніе, какъ неизбѣжно всякая внутренняя дѣятельность, каково бы ни было значеніе идеальнаго ея величія, должна быть не только вполнѣ подзаконна сама въ себѣ, но и непремѣнно примыкать къ составу какого-либо сравнительно-внѣшняго механизма, то есть такого, который соображается не съ эстетическою послѣдовательностью и выдержкой идеальныхъ моментовъ, но только уже съ величиною той дѣйствующей силы, съ какою каждый изъ нихъ умѣетъ себя отстоять.

Digitized by Google

Среди противоборствующихъ взглядовъ на духовную жизнь наше мнѣніе становится такимъ образомъ, что, съ одной стороны, не предоставляетъ знаменательной идеѣ парить, какъ безпредѣльно зиждущая мощь, надъ низшею сферой простого психическаго механизма въ качествѣ чего-то отъ него особаго, да не удовлетворяется, съ другой, и одною слѣпой работой зиждущаго идеальнаго побуда безъ того, чтобъ не предположить вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнаго его существованья. Намъ хотѣлось бы, напротивъ, видѣть въ идеѣ одну изъ сопричастныхъ къ этой работѣ силъ, такъ что хотя по существу своему она, какъ всякая первичная, коренная сила, и предшествуетъ всегда механизму, однако становится дѣйствующею въ той единственно мѣрѣ, насколько теплота (или живость) ея стремленія является также и механическимъ подспорьемъ, наравнѣ со всѣми прочими дѣйствующими силами. Но дальнѣйшая разработка этихъ мыслей до такой степени предстоитъ намъ впереди, что мы должны удовольствоваться здѣсь однимъ оправданіемъ коренной основы нашего взгляда; между этою основой и развитіемъ ея въ подробностяхъ лежитъ цѣлая бездна, конечно отрадная для тѣхъ, кто полагалъ, что это новое опять разъясненіе уже не разъ выраженныхъ нами убѣжденій заведетъ насъ, пожалуй, въ слишкомъ туманную даль. Мы поневолѣ должны теперь воротиться къ привычному для всѣхъ насъ зрѣлищу опытовъ, въ которыхъ первоначальный побудъ духовной жизни быть можетъ яснѣе выдастъ самъ себя передъ взоромъ наблюдателя.

И съ такимъ живѣйшимъ участіемъ останавливался этотъ взоръ на любимомъ предметѣ своемъ искони, что намъ нечего бояться совершенной безуспѣшности, въ виду частыхъ попытокъ человѣка высказать коренную сущность духовнаго развитія. Грезящему только существованію міра животныхъ, переходчиво подвластнаго силѣ переходчивыхъ же впечатлѣній, противопоставляли духовный бытъ человѣческій, какъ то не-

Digitized by Google

ное и бодрое бдѣнье, которое, путемъ безконечно-разнообразной и всегда снова обдумывающей себя думы властно дѣлать каждое впечатлѣніе и каждое состоянье предметомъ новаго опыт познанія и такимъ образомъ тупую погрязлость въ данномъ содержаніи міра представленій обращать въ свободное и живое свое достояніе. Неясному сознанію животнаго, которое различаетъ себя отъ другихъ особей своей породы только непосредственнымъ, чувственнымъ ощущеніемъ своего бытія и воспоминаніемъ объ отмѣнныхъ — да и то какъ мало отмѣнныхъ! — обстоятельствахъ своей жизни, противополагали сознаніе человѣческой личности, которая знаетъ себя какъ нѣчто вполнѣ особое (индивидуальное) вразсужденіи всего остальнаго міра. Во всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія находили ясно выраженнымъ призваніе духа, не только претерпѣвать со стороны внѣшняго міра впечатлѣнія и на нихъ воздѣйствовать, какъ любая вещь терпитъ отъ другой и заставляетъ ее терпѣть въ свою очередь, но и уничтожать въ этомъ взаимодѣйствіи темный призракъ той чуждой, неусвоимой реальности, которая постоянно окружаетъ животное непонятною для него средой. Говорили, будто въ ясномъ познаніи обнаруживается человѣку самое нутро́ вещей, будто онъ постигаетъ, что вся эта вещность, все это *не я*, одно лишь переряженное сознаніе, подъ личиною котораго открываетъ онъ только самого себя и черты своей собственной природы. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ, и во многихъ подобныхъ имъ другихъ, мы безспорно чуемъ намеки на истинную природу духа, быть-можетъ отзывающіеся нѣкоторою наклонностью къ преувеличенной оцѣнкѣ одной только познающей его дѣятельности; но крайней мѣрѣ дальнѣйшая разработка такихъ мыслей не свободна отъ упрека въ томъ, что она слишкомъ уже прямо относитъ къ естественнымъ результатамъ нашего развитія тѣ высшія ступени образованности, которыхъ способно оно достичь только при

Digitized by Google

благопріятныхъ условіяхъ; взгляды эти можетъ-статься грѣшатъ еще наконецъ и тѣмъ, что, съ извинительнымъ впрочемъ пристрастіемъ къ свѣтлой сторонѣ этого развитія, они обращаютъ вниманіе почти лишь на одинъ зародышъ добра въ духѣ и изображаютъ его не на столько обстоятельно, чтобъ изъ природнаго же его строя становилось понятнымъ также все гнусное, превратное и злое, которыхъ существованіе, противъ нашей воли, открывается намъ опытомъ. Такого рода оговорки не помѣшаютъ намъ однако примкнуть къ вышепомянутымъ взглядамъ по крайней мѣрѣ здѣсь, гдѣ для насъ, прежде всего, главное дѣло въ томъ отличіи, какимъ разумность человѣческаго духа, чѣмъ бы онъ впрочемъ еще ни былъ сверхъ того, превосходитъ внутреннюю подвижность души животнаго.

У неодушевленныхъ вещей, впечатлѣніе, оставляемое въ нихъ предыдущимъ моментомъ, является одною изъ причинъ, опредѣляющихъ форму ближайшаго момента, такъ что прошлое живетъ своими послѣдствіями въ настоящемъ. Сравнительно съ этимъ, внутренняя жизнь животныхъ неоспоримо имѣетъ уже то преимущество, что прежнія ея состоянія не только облегчаютъ точно такъ же трудъ дальнѣйшихъ, но что они часто удерживаются еще наряду съ послѣдними въ качествѣ сознательныхъ представленій, и что отношеніе между обоими, бывшее тамъ одною слѣпо-дѣйствующею силой, можетъ становиться здѣсь предметомъ новаго опять сознанія. Тщетно было бы стараніе опредѣлить, до какой тонкости способна развиваться соотносящая эта дѣятельность и у животныхъ; мы можемъ допустить, что она идетъ, пожалуй, очень недалёко, хотя увѣренность, съ какою часто отваживаются это утверждать, основана гораздо больше на свойственномъ человѣку самомнѣніи, нежели на дѣйствительномъ познаніи животной души. Но способность наша, доводить это вниманіе въ собст-

Digitized by Google

венныя свои состоянія до высшей степени, не можетъ приниматься только въ смыслѣ большей силы; не льзя ясно представить себѣ, чтобы общее соотношеніе двухъ элементовъ выходило больше или меньше, если не искать этого бо́льшаго или мѐньшаго въ различной полночисленности дѣйствительно происходящихъ соотношеній между всѣми удобосоотносимыми точками даннаго содержанья, стало быть — во всесторонности этого рода дѣйствія, или же — въ многократномъ повтореніи одного и того же акта, который при всякомъ своемъ совершеніи опять становится предметомъ своего собственнаго, новаго уже, соображенья. Часто придавали помянутой разности именно послѣдній этотъ смыслъ: допускали у животныхъ знаніе, что они имѣютъ различныя представленья и ощущаютъ взаимное отношеніе между ихъ содержаньями, но думали, что тѣмъ и исчерпывается вся душевная ихъ живость, о человѣкѣ же утверждали что это знаніе своихъ представленій дѣлаетъ онъ сверхъ-того предметомъ новаго (самоиспытывающаго) знанія, что стало-быть онъ наблюдаетъ, провѣряетъ себя въ этой соотносящей своей дѣятельности, потомъ съизнова наблюдаетъ и это наблюденіе, и продолжаетъ такимъ образомъ сознавать свое знаніе до безконечности, пока самъ не устанетъ всходить все дальше по этой лѣстницѣ внутреннихъ самоотраженій, или пока мы не устанемъ за нимъ слѣдовать. И то и другое наступитъ очень скоро, такъ какъ мы вскорѣ убѣдимся, что отъ подобнаго восхожденья кругозоръ передъ нами ни мало не расширяется. Если низшая ступень лѣстницы должна быть поприщемъ храненія и исчезновенья непосредственныхъ впечатлѣній, вяжущихся между собой по общимъ механическимъ законамъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, то, конечно, подмѣта этихъ отношеній между впечатлѣніями и сознательное сопряженіе ихъ въ связный образъ міра будетъ новымъ событіемъ въ душѣ и новою ступенью ея развитія. Если это пер-

Digitized by Google

вое пробужденье соотносительнаго знанія будетъ вмѣстѣ и дѣятельною выработкою нагляднаго, созерцанья, но притомъ вполнѣ захваченною содержаніемъ представленій и потому не сознающею своей дѣятельности, какъ чего-то совсѣмъ особаго, то самовразумленіе на этотъ счетъ, которое поймет наконецъ эти (безсознательныя) инстинктивныя усилія въ ихъ общей связи, какъ дѣятельности все одного и того же *я*, и отрѣшитъ общую форму ихъ отъ частныхъ случаевъ ихъ примѣненія, — это самовразумленіе безспорно будетъ опять новою, уже третьею ступенью развитія. Но ни какая высшая ступень не поведетъ за тѣмъ ни къ существенному преобразованію самаго дѣла, ни къ новому положенію вникающей въ себя души относительно непосредственныхъ ея состояній; всякое вновь повторяющееся отраженіе этого вѣдѣнья въ какомъ-то еще высшемъ только мутитъ и затемняетъ очерки его содержанія, точно такъ же, какъ при многократномъ отраженіи любого видимаго образа очерки его теряютъ для насъ свою опредѣленность. Далѣе подвинемся мы только тогда, если воспользуемся вторымъ изъ вышепомянутыхъ пріемовъ уморазвитія. Когда въ безконечно разнообразныхъ случаяхъ внѣшнихъ впечатлѣній мы станемъ сознавать различныя каждый разъ, и между-тѣмъ существенно однородныя, соотносительныя дѣйствія, на которыя они насъ вызываютъ, то этой возростающею многосторонностью размышленья мы поднимемъ уровень своего знанія не только о вещахъ, но и о себѣ самихъ, и думаемъ тогда, что благодаря новой высшей точкѣ зрѣнія пріобрѣли то, чѣмъ въ сущности обязаны только всестороннему употребленію въ дѣло одной и той же прежней. Сообразимъ теперь, въ какомъ видѣ являются три эти разныя ступени знанія въ душѣ животнаго и, сравнительно, въ человѣческомъ духѣ.

Первый элементъ всякой внутренней жизни, непосредственныя ощущенія, причиняемыя намъ внѣшнимъ міромъ, прини-

Digitized by Google

мали мы за однородныя у всѣхъ тѣхъ созданій, которыхъ сравненіе съ человѣкомъ могло имѣть для насъ какой-нибудь интересъ, и мы не намѣрены возвращаться здѣсь къ пересмотру ихъ сызнова. Другой элементъ состоитъ въ формахъ сопряженія, порождаемыхъ механизмомъ внутреннихъ состояній и связывающихъ эти впечатлѣнія въ образъ открытаго передъ нами міра; это такія формы, которыми орудуютъ не сознаніе и не произволъ души, но которыя внѣдряются въ содержаніе чувственности совершенно помимо сознанія, принимающаго ихъ потомъ къ свѣдѣнію, какъ уже вполнѣ готовый результатъ. Мы можемъ впослѣдствіи пускаться въ научныя догадки о томъ, какъ именно работаетъ душа надъ уряженіемъ разнообразныхъ впечатлѣній въ пространствѣ и времени, но непосредственно подмѣтить эту работу мы не въ силахъ; взору нашему предстаетъ уже совсѣмъ обдѣланный, готовый пространственный образъ міра, и намъ послѣ того кажется, будто мы непосредственно подмѣчаемъ въ немъ время и теченіе событій. Съ такою же безсознательной необходимостью возникаютъ въ насъ представленія о вещахъ вообще, и навычка, къ каждой перемѣнѣ настоящаго примышлять нѣчто такое, отъ чего она произошла, нѣчто другое, къ чему поведетъ она далѣе, и наконецъ многое еще вокругъ нея, на чемъ она выдается, какъ на всегдашней своей обстановкѣ. Далѣе, всѣ сравненія и различенія начинаются съ подмѣты подобій или разностей, непосредственно данныхъ въ наглядномъ созерцаньи. Они могутъ лишь утончиться съ помощью сознательнаго ихъ обмысла; но всякое соотносительное вѣдѣніе вообще, заключаясь въ сознаніи перемѣны, испытываемой внутреннимъ нашимъ состояніемъ при переходѣ отъ одного впечатлѣнія къ другому, можетъ подмѣтить родъ и величину этой перемѣны только какъ возникшій уже результатъ, а самое производство его должно предоставить безсознательному механизму нашей природы. По-

Digitized by Google

хожъ или непохожъ одинъ цвѣтъ на другой, ближе ли онъ къ третьему, нежели къ четвертому, сравненіе это не лежитъ, правда, въ самомъ ощущеньи, тѣмъ не менѣе мы правы въ своемъ убѣжденіи, что отношенія такого рода непремѣнно надо видѣть, и невозможно постигать ихъ только мыслію, умомъ. Взаимнодѣйствія, въ силу которыхъ соотвѣтственныя разнымъ цвѣтамъ душевныя возбужденья опредѣляютъ сужденіе наше объ ихъ сходствѣ или степеняхъ близости, совершенно вѣдь ускользаютъ отъ нашего сознанія; одинъ уже готовый результатъ, содержаніе этого сужденья, предстаетъ намъ просто-напросто какъ чувственный фактъ. Точно такъ же никогда не удалось бы намъ опредѣлить относительныя величины двухъ видимыхъ предметовъ, еслибъ всѣ искусственные пріемы вычисленія, употребляемые въ затруднительнѣйшихъ случаяхъ, не находили себѣ всегдашней опоры въ томъ, что равенство или неравенство частей (прилагаемаго тутъ) окончательнаго масштаба, къ которому сводится это вычисленіе, подмѣчаемъ мы непосредственно и на первый же взглядъ. Такимъ образомъ можно сказать, что въ цѣломъ объемѣ этой дѣятельности, — второй изъ различенныхъ нами выше степеней уморазвитія, — сознаніе только уже послѣ принимаетъ къ свѣдѣнію тѣ соотношенья, которыя установились не его собственною самодѣятельностью, а приготовлены для него безсознательнымъ механизмомъ психическихъ состояній. И изъ соотношеній этихъ, которыми безрядное многоразличіе стекающихся отовсюда впечатлѣній впервые расчленяется въ цѣльное и общее міропредставленье, ни въ одномъ не льзя по настоящему отказать животнымъ безъ того, чтобъ повседневная ихъ жизнь не стала для насъ рѣшительно непонятною. Не говоря ужь о пространственныхъ созерцаньяхъ, съ которыми они управляются не хуже нашего, способность оцѣнять величины они ясно обнаруживаютъ въ себѣ своимъ страхомъ передъ всѣмъ громаднымъ

Digitized by Google

и пренебреженіемъ ко всему мелкому; своимъ пониманіемъ угрозы обличаютъ навыкъ, съ представленіемъ настоящаго связывать представленье о ближайшемъ слѣдствіи, а своей оглядкою въ случаѣ неожиданныхъ впечатлѣній выказываютъ другой навыкъ, присматриваться къ источнику, откуда идетъ небывалая новизна. Постройка гнѣзда птицею или хитрая ткань паука, а тѣмъ болѣе явное здѣсь соображеніе ими разныхъ обстоятельствъ и случайныхъ помѣхъ или разстройствъ, — все это останется совершенно необъяснимымъ, если не допустить, что и ихъ души сравниваютъ наличное съ отсутственнымъ, недостаточную дѣйствительность съ совершеннымъ образцомъ желаннаго, подмѣчаютъ разность между тѣмъ и другимъ и, наконецъ, распознаютъ въ третьемъ средство пособить горю.

Но въ живомъ и многостороннемъ отправленіи этихъ способностей значительный перевѣсъ на нашей сторонѣ. Поразительно, до какой степени животное вызывается къ подмѣтѣ или къ дѣятельности только мгновенно какимъ-нибудь событіемъ, пробуждающемъ свойственный его породѣ себялюбивый интересъ, и какъ скоро, даже и въ этомъ случаѣ, начинаетъ слабѣть его живость послѣ первыхъ же шаговъ, лишь только удовлетворится раздраженный побудъ или когда дальнѣйшее занятіе поразившимъ его предметомъ не дастъ ему никакихъ новыхъ представленій, близко связанныхъ съ его насущными потребностями. Тысячи явленій и событій постоянно окружаютъ животное и не только производятъ на его организацію свои физическія впечатлѣнія, но неоспоримо пробуждаютъ въ немъ и представленья; однако весьма немногія изъ этихъ тысячъ имѣютъ для сознанія его затрогивающій интересъ, который могъ бы вызвать и поддержать въ немъ послѣдовательный и постепенно расширяющійся токъ мыслей. Мы, конечно, ошибемся, принявъ всю душевную жизнь животнаго за одинъ лишь инстинктъ, идущій, безъ малѣйшей воспріимчивости ко

Digitized by Google

всему побочному, прямо къ такимъ цѣлямъ, которыя обоснованы характеромъ его породы; несомнѣнно, и душѣ животнаго присуща цѣлая область вольной живоподвижности, воспріимчивой къ многоразличнымъ перемѣнамъ жизненныхъ положеній, такъ точно, какъ, наоборотъ, и духовная жизнь человѣка не сплошь же чистое самосознаніе и вполнѣ свободное самоопредѣленье: она тоже влечется къ органическимъ цѣлямъ своей породы инстинктивными отчасти побудами. Но животному, въ его внутренней подмѣтѣ ощущеній, недостаетъ того тревожнаго любопытства, той неугомонной любознательности, которыя и малое и большое, и близкое и дальнее, хватаютъ съ одинаковою охотой, помимо всякой особенной отъ нихъ выгоды; и вѣроятно по преимуществу этимъ недостаткомъ обусловливается въ животномъ и другой, — что въ практической дѣятельности нѣтъ у него ни малѣйшаго побуда къ прогрессу. Справедливо, или нѣтъ, будто грѣющаяся у костра обезьяна никогда не догадается поддержать огонь, оставленный разведшимъ его путникомъ; мы во всякомъ случаѣ рѣшительно нигдѣ не замѣчаемъ, чтобъ и смышленѣйшимъ животнымъ пришло въ голову когда-либо употребить для улучшенія своего быта тѣ пріемы или сноровки, которымъ иногда старательно обучилъ ихъ человѣкъ. Въ противоположность этой односторонней и безплодной способности ихъ чему-нибудь выучиться, человѣческій духъ отличается природнымъ инстинктомъ всеобщей жажды знанія и всеобщаго влеченья къ разнороднѣйшей практической дѣятельности.

Несправедливо придавать этому зародышному побуду какое-нибудь болѣе глубокое значенье: не устремленъ же онъ въ самомъ дѣлѣ изначала къ познанію истины, да и вообще не вѣдаетъ онъ сперва ни какой цѣли, къ которой слѣдовало бы ему идти; подобно физическому голоду, погоняющему организацію, онъ только еще одна тревога души, ищущей се-

Digitized by Google

бѣ дѣла. Даже и совершенно дикій здоровый человѣкъ вездѣ жаденъ до новыхъ впечатлѣній; сначала чувства его гонятся за всѣмъ, что̀ даетъ имъ какую-нибудь пищу, потомъ его мысли ловятъ все то, что̀ способно пріумножить наличный запасъ его представленій новымъ содержаніемъ, - все же однако такимъ, которое понятно для него своей соединимостью съ прежде нажитымъ запасомъ *). Яркіе, пестрые цвѣта, шумъ и гамъ, все, гдѣ есть что посмотрѣть и послушать, особенно радуетъ чувство дикихъ племенъ; и даже слѣпая падкость дитяти на лакомства обличаетъ можетъ-быть скорѣе эту общую жажду впечатлѣній, нежели прямое желанье усладить свой вкусъ; до сказокъ и расказовъ вообще и дикій, и ребенокъ, оба страстные охотники, и по крайней мѣрѣ вначалѣ не требуютъ отъ содержанія ихъ ничего, кромѣ пестроты и яркости, способныхъ заморить первый голодъ воображенья. Эта общая и безформная еще потѣха простымъ разнообразіемъ вещей мало по малу вступаетъ въ извѣстныя границы, становится опредѣленнѣе и утончается въ теченіе жизни; интересъ къ отдѣльнымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, ежедневно представляющимся на одинъ и тотъ же ладъ, переносится на измѣнчивые образы ихъ сочетанія; съ умноженіемъ личныхъ опытовъ относительно радости и горя жизни выигрываютъ въ значеніи всѣ тѣ подмѣты, которыя, въ качествѣ причинъ или слѣдствій, въ качествѣ подобій и символовъ, напоминаютъ собой пережитое; и вотъ, мало по малу доходитъ до того, что, кромѣ одной чистой забавы, отъ впечатлѣній требуется

*) Нѣтъ надобности говорить, какъ важно это замѣчаніе въ педагогическомъ отношеніи, особенно, если взять педагогику не въ одномъ лишь тѣсномъ, школьномъ смыслѣ, но въ значеніи всякой вообще передачи новыхъ свѣдѣній тому, кому они совершенно еще незнакомы. А между тѣмъ, какъ часто видимъ мы нарушеніе этого коренного правила вездѣ, начиная съ самой простой бесѣды до обсужденія щекотливѣйшихъ практическихъ вопросовъ и затруднительнѣйшихъ научныхъ задачъ!

Digitized by Google

и другой, поучительный уже, элементъ. Но это обуженіе естественнаго потока мыслей рѣдко вполнѣ упраздняетъ всестороннюю сначала впечатлительность: она остается отчасти въ томъ неискоренимомъ любопытствѣ человѣка, которое вездѣ хочетъ быть самъ и желало бы сдѣлать наше собственное я участникомъ или по крайней мѣрѣ зрителемъ всѣхъ событій въ мірѣ; отчасти же принимаетъ оно болѣе утонченную форму въ поэтическомъ разгулѣ, который, не ища ни какихъ особыхъ разъясненій, не задаваясь ни какими опредѣленными цѣлями, тѣшится безмѣрнымъ разнообразіемъ видимаго міра, счастливый помысломъ, что міръ довольно великъ для того, чтобы давать всегда новую пищу нашей воспріимчивости.

И рядомъ съ этимъ живымъ взглядомъ на окружающую обстановку такъ же рано замѣтно душевное стремленіе измѣнять ее и надъ нею властвовать. Участіе наше не на долго прилѣпляется къ явленіямъ, противостоящимъ намъ вполнѣ неизмѣнно; только высшее уже образованіе души способно погружаться въ нихъ думою, сближаясь съ ними полнотою своей внутренней жизни. Но все, что попадаетъ ему подъ руку, еще и ребенокъ начинаетъ передѣлывать по своему; сперва онъ ломаетъ, коверкаетъ, отчасти по неумѣнью, отчасти по тому, что это вѣдь самая простая форма заявить себя въ отношеніи къ предметности, которая сначала кажется только предѣломъ нашего собственнаго существа *); вскорѣ однакожь пробуждается болѣе утонченный позывъ къ преобразованію, ищущій воплотить свой произволъ въ постоянномъ и положительномъ произведеніи. Извѣстно какъ мало удовлетворяется ребенокъ неизмѣняемою, косною игрушкой, которой не льзя сообщить

*) Сознаніе, что этотъ предѣлъ опредѣляетъ, сооружаетъ въ то же время и насъ самихъ, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ личнаго развитія.

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ разныхъ формъ движенія, и какъ рано и повсемѣстно обнаруживается у него наклонность измѣнять порядокъ всякой найденной имъ сопоставки многоразличнаго, не потому, чтобъ въ прежнемъ своемъ видѣ она противорѣчила какой-нибудь особенной потребности, но потому, что влеченью личнаго произвола противорѣчитъ вообще всякой распорядокъ, установленный не имъ самимъ. Да и еще гораздо проще обнаруживается этотъ перехватъ нашего *я* за данныя грани міра. Ребенку не нужно положить свой трудъ на какую-либо вещь для того, чтобъ присвоить себѣ надъ нею право собственности; собственностью кажется ему уже и то, на что онъ только лишь взглянулъ, потому что вѣдь остановилъ же онъ на немъ свои глазки, — тѣмъ болѣе смотритъ онъ такъ на любой предметъ, бывшій долго вблизи его, часто служившій ему игрушкою и состоявшій съ нимъ во взаимнодѣйствіи данныхъ и принятыхъ впечатлѣній. Да въ этомъ, сказать правду, подобенъ ребенку и взрослый: первый, кто случайно открылъ какое-нибудь естественное произведеніе, кто замѣтилъ какой нибудь прекрасный видъ, чувствуетъ себя духовнымъ его владѣльцемъ и часто готовъ принять чуть не въ обиду себѣ, когда знаніе другихъ въ свою очередь овладѣетъ его находкой. Вѣдь, наконецъ, рѣшительно все, и земля и растущія на ней деревья, всякая бездушная движимость и животныя, — все стало собственностью человѣка вначалѣ именно такимъ путемъ; только уже спорныя притязанья разныхъ личностей повели потомъ къ болѣе опредѣленнымъ формамъ завладѣнія.

Вся эта тревожная жажда дѣятельности помѣшала бы съ весьма раннихъ поръ многосторонности образованія, попади она вскорѣ на предметы, которые своимъ постояннымъ интересомъ могли бы заполонить душу надолго. Въ дальнѣйшій періодъ жизни выборъ какого-нибудь призванія дѣйствительно ведетъ къ такому стѣсненію духовной живоподвижности и къ

Digitized by Google

умственному развитію извѣстнаго односторонняго инстинкта, безучастно относящагося ко многому, въ чемъ свѣжее первобытное настроенье находитъ несомнѣнный интересъ. Но ужь издавна справедливо обращали вниманіе на то, какое благопріятное условіе лучшаго успѣха въ будущемъ представляетъ продолжительная безпомощность дѣтства для человѣка. Въ ближайшей своей обстановкѣ непосѣдная рѣзвость дитяти едва ли встрѣтитъ что-нибудь такое, что привлекая его долго и особенно, могло бы сдѣлаться для него постоянною цѣлью стремленій; да еслибъ даже и сдѣлалось, то самый недостатокъ силы помѣшалъ бы энергическому и настойчивому преслѣдованію этой цѣли съ его стороны. А между тѣмъ успѣетъ накопиться бездна представленій, не переходящихъ тотчасъ же въ дѣло, а потому и не отвлекающихъ воспріимчивость отъ другихъ образовательныхъ впечатлѣній. Для ребенка остаются возможными только внѣшнія, поверхностныя преобразованія его обстановки, не сопровождаемыя собственно ни какимъ видимымъ успѣхомъ, ни какимъ сильнымъ чувственнымъ наслажденіемъ, не удовлетворяющія ни какихъ насущныхъ потребностей, но доставляющія зато тѣмъ изобильнѣйшій запасъ новыхъ созерцаній и представленій взаимной связи между перемѣнчивыми отношеніями. Дѣтство человѣка не только что веселый разгулъ чувственнаго удовольствія, какъ, напримѣръ, игривая молодость животнаго; оно вмѣстѣ и (неизбѣжная) пора ученья, пора поэзіи. Поэзія эта, правда, ребяческая, но все же настоящая, такая, которая удивительно легко и безкорыстно сжимается съ соотношеніями вещей не только однимъ познаніемъ, но и самымъ сердцемъ; отблескъ ея и въ послѣдствіи бросаетъ лучи свои на постепенно вянущую и скудѣющую жизнь.

Множество возникшихъ такимъ образомъ познаній сперва имѣетъ, повидимому, цѣну только въ качествѣ запаса средствъ, готоваго на случай выполненія имѣющихъ представиться намъ

Digitized by Google

дѣлей; но если мы и обойдемъ теперь ту важную черту, что человѣчность состоитъ не въ превосходствѣ свѣдѣній какого бы то ни было содержанія, но зависитъ въ высшей степени отъ цѣнности и многосторонняго значенія того, что именно входитъ въ это содержаніе нашего міровоззрѣнья, то все-таки по крайней мѣрѣ для чисто формальнаго усовершенія человѣческаго ума огромное приращеніе запаса представленій имѣетъ уже очевидную свою выгоду. Пустое суевѣріе, воображать себѣ, что даже еслибъ жизненная обстановка доставляла человѣку самобѣднѣйшія и однообразнѣйшія только впечатлѣнія, онъ, не смотря на то, однимъ прирожденнымъ умѣньемъ понимать ихъ, безконечно превосходилъ бы животное; вѣдь способы или пріемы пониманія только и образуются у него упражненіемъ на матеріалѣ опыта, и гдѣ скудость впечатлѣній внѣшняго міра, повидимому, не слишкомъ препятствуетъ такому образованію, тамъ — хотя мы часто о томъ забываемъ — скудость эта значительно вознаграждается воспитаніемъ, которое, путемъ живой передачи изъ рода въ родъ, привноситъ съ своей стороны несмѣтное число опорныхъ точекъ соображенія, не представляемыхъ данною наличностью внѣшней жизни. На эту постепенную выработку умственной природы человѣка необходимо намъ теперь взглянуть.

Первые шаги ея едва ли обличаютъ какую либо дѣятельность, которой не пришлось бы намъ признать точно такъ же и за животнымъ. Пока пестрая, разноцвѣтная площадь, представляемая полемъ зрѣнія, остается неизмѣнною и неподвижной, до тѣхъ поръ наглядное созерцанье, приступи оно къ ней даже и въ видахъ строгаго разбора, но безъ всякой предварительной опытности, конечно не найдетъ еще повода нанести на свой предметъ тѣ разграничивающія черты, которыя подѣлили бы всю картину на нѣсколько единичныхъ образовъ. Только движеніе, разрывающее прежній рисунокъ въ данномъ

Digitized by Google

его распорядкѣ, наводитъ взоръ наблюдателя на отдѣльный обликъ, который, удерживая составныя части свои неизмѣнно, выдѣляется изъ окружающей его обстановки; и по мѣрѣ того какъ глазъ слѣдитъ за нимъ, постоянная тожественность облика съ самимъ собой все болѣе выигрываетъ въ ясности противъ перемѣнчивыхъ и затемняющихъ другъ друга заднихъ плановъ, передъ которыми она особенно выдается. Такъ возникаютъ опредѣленные образы вещей, какъ у животнаго, такъ и у человѣка, съ тою только разницей, что послѣдній, обозначая ихъ словесно именами, выражаетъ рано привходящее у него побочное чувство, которое едва ли есть у животнаго, — именно то, что въ каждомъ такомъ образѣ многоразличное не только соприсуще, но и сопринадлежно, какъ внутреннее единство цѣлаго, состоящаго изъ разныхъ частей, а не какъ внѣшнее только единство скученнаго множества. Весь доступный ощущенью міръ состоитъ однако не изъ несчётнаго числа простыхъ единичностей, но изъ многоразлично подобранныхъ связокъ впечатлѣній, распадающихся въ общей ихъ совокупности на немногія, несводимыя другъ на друга, группы. Между-тѣмъ, и само непосредственное ощущенье различаетъ уже только несовершеннымъ образомъ два смежныя звена такихъ группъ или рядовъ, — напримѣръ два близкіе цвѣтооттѣнка или два тона почти одинаковой высоты; еще легче подобныя разности ускользаютъ отъ воспоминанья, если между первымъ и вторымъ изъ этихъ впечатлѣній пройдетъ болѣе или менѣе времени. Съ другой стороны, непосредственно ясно для нашего созерцанія выступаетъ близкое, схожее между собою во многихъ звеньяхъ каждаго ряда, каждой череды, хотя оно и неразлучно съ не менѣе ощутительнымъ для насъ несходнымъ или различнымъ. То, что дѣлаетъ и красное и синее равномѣрно цвѣтами, неразлучно для насъ съ тѣмъ, что красное дѣлаетъ краснымъ, а синее — синимъ (то-есть,

Digitized by Google

что рознитъ ихъ между собою); и при всей невозможности раздѣлить въ нихъ два эти отношенія, мы все таки живо сознаемъ сходство ихъ подъ общимъ именемъ цвѣта То же самое повторяется съ звуками, вкусами, запахами и ощупами осязанья, и такимъ образомъ возникаетъ у насъ группа общихъ представленій, которыхъ содержаніе не производится подбирающею дѣятельностью мысли, да никогда не предстаетъ намъ наглядно и само по себѣ, а всегда только въ различныхъ примѣрахъ или образцахъ, ощущаясь нами (по ихъ поводу) непосредственно, какъ простой ихъ общій характеръ. Но вмѣстѣ съ этой группою и благодаря отчасти легкому совпаденію сродственныхъ, и между-тѣмъ не совсѣмъ одинакихъ, признаковъ въ одно и тоже впечатлѣнье, развиваются другіе общіе образы, въ которыхъ многоразличіе связанныхъ частей прямо рознится уже самою подмѣчающею мыслью: — это образы предметовъ, которые внѣшнее впечатлѣніе давало ей часто въ разныхъ экземплярахъ, и которыхъ особыя формы, за опущеніемъ въ нихъ тонкихъ разностей и усиленіемъ сходныхъ чертъ, сливаются въ одинъ средній, общій очеркъ. И здѣсь нѣтъ ничего такого, чѣмъ отличалось бы особенно человѣческое разумѣніе; такіе же точно среднесложные образы несомнѣнно встрѣчаются и въ ходѣ представленій у животнаго: ему необходимы они уже для того, чтобы оно могло распознавать своихъ недруговъ, а равно и средства для удовлетворенія своихъ потребностей; вѣдь и тѣ и другія предстаютъ его опыту въ различныхъ, не тожественныхъ, а только подобныхъ экземплярахъ, и тѣ и другія могутъ, напримѣръ, возбуждать видимое у животныхъ опасеніе предстоящаго, только въ качествѣ этихъ неопредѣленныхъ, среднесложныхъ образовъ. Одна собственно черта можетъ здѣсь исключительно принадлежать человѣческому представленію: новое впечатлѣнье не только вызываетъ у насъ въ памяти, какъ сопровождающую его принадлежность, общій

Digitized by Google

типъ того, на что оно похоже, но это общее представляется нам и какъ коренной законъ, требующій такого именно соединенія признаковъ въ каждомъ отдѣльномъ впечатлѣніи, или какъ тотъ постоянный кряжъ, къ которому измѣнчиво примыкаютъ здѣсь одни, тамъ другія ближе опредѣляющія свойства.

Въ этомъ состоитъ единственная характеристическая особенность, которою отличаются понятія человѣческой мысли, если разсматривать ихъ только такъ, какъ они возникаютъ въ насъ дѣйствительно при безпредубѣжденномъ созерцаніи видимаго міра, то-есть помимо той высшей обработки, какую силится придать имъ школьное мышленіе и которую часто совсѣмъ напрасно думаетъ оно видѣть въ нихъ уже совсѣмъ готовою. Многимъ словамъ языка, даже и въ обычномъ ихъ употребленіи, соотвѣтствуетъ очень мало выработанное понятіе ихъ содержанья: говоря, напримѣръ, о природѣ, о жизни, объ исторіи, мы часто скучиваемъ въ этихъ именахъ неопредѣленное множество отдѣльныхъ, только лишь весьма урывочно извѣстныхъ, событій, и сопровождаемъ неполный этотъ итогъ побочною мыслію, что будто онъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ цѣлое, даже и не думая при этомъ о необходимости высказать какой-либо законъ, опредѣляющій форму ихъ взаимной связи. Но даже и тамъ, гдѣ требованіе это повидимому удовлетворяется, какъ напримѣръ въ собственномъ имени личности, къ индивидуальнымъ признакамъ которой мы всегда уже примышляемъ общій образъ человѣка, какъ объединительный ихъ типъ, — эта уясняющая и формодатная дѣятельность нашего представленія всегда остается несовершенной и незавершимой. Если имя собственное уясняется образомъ человѣка, то самый образъ этотъ — только вѣдь представленіе, сопрягающее части въ одно цѣлое; если же и эту связь пояснимъ мы далѣе тѣмъ, что общій образъ человѣка опредѣлимъ

Digitized by Google

еще болѣе общимъ типомъ — животнаго, къ которому, какъ къ нормирующей своей формулѣ, примкнутъ теперь особенные признаки перваго, то вторичный этотъ поясните́льный типъ будетъ опять только новымъ, равно смутнымъ очеркомъ, котораго норму пришлось бы намъ искать въ еще высшемъ общемъ понятіи. Всякое опредѣленіе, силящееся выяснить непосредственно данный предметъ внутреннимъ закономъ его образованія, восходя такимъ образомъ все къ болѣе общему виду или роду, только отстраняетъ бо́льшую часть предлежащаго ему труда, какъ будто совсѣмъ покончено уже дѣло. Оно ссылается на увѣренность, что естественный механизмъ хода представленій долженъ будто бы самъ собою породить въ каждомъ сознаніи понятные и наглядные образы того болѣе общаго, съ которыхъ оно и хочетъ теперь начать (какъ съ общепризнанной и всѣмъ равно доступной основы), чтобы присовокупленіемъ къ нимъ послѣднихъ отличительныхъ признаковъ завершить тотъ единичный образъ частнаго содержанія, о которомъ собственно идетъ рѣчь. Между тѣмъ, чѣмъ больше общія эти представленія удаляются отъ непосредственной подмѣты единичнаго, тѣмъ, очевидно, менѣе можно расчитывать на полноту, ясность и гармоническую установку его содержанья; наоборотъ, при естественномъ, такъ-сказать самородномъ, употребленіи мысли, всякое понятіе всего лучше уяснится тогда, когда сошлется на ближайшій только общій образъ, котораго существенныя черты любое сознаніе способно еще удержать въ связи достаточно отчетливо и полно. Еслибъ на общій грунтъ этого образа пришлось наносить частныя черты какого-нибудь отдѣльнаго предмета, тогда каждый изъ общихъ признаковъ перваго потребовалъ бы понастоящему особеннаго видоизмѣненья для того, чтобы ему можно было служить признакомъ послѣднему; каждая черта общаго характера, хоть напримѣръ животнаго, приняла бы тогда въ особомъ существѣ

Digitized by Google

человѣка непремѣнно и своеобразную человѣческую форму. Вмѣсто этой, даже и для науки неисполнимой, задачи, логическое опредѣленіе, а равно и простое обиходное мышленье, должны довольствоваться только выставкою одной или немногихъ характерныхъ особенностей человѣка, которыми отличается онъ отъ всякой другой породы живыхъ тварей, но которыхъ соединеніе со всѣми прочими его свойствами должно быть предоставлено опускаемому здѣсь втихомолку неясному общему впечатлѣнію, точно такъ же какъ предоставлялось ему прежде разъяснить про себя и значеніе высшаго понятія,—понятія о животномъ. Такъ плохо обыкновенныя наши понятія передаютъ внутреннюю организацію своего содержанья; служа не столько для познанія того, что̀ составляетъ предметъ ихъ въ собственномъ смыслѣ, сколько для одного различенія его съ тѣмъ, что̀ онъ не есть, они по большой части привязываютъ лишь къ неотчетливому валовому впечатлѣнію смутное напоминаніе о чемъ-то господствующемъ въ немъ общемъ, да сверхъ того немногія еще особыя примѣты, не допускающія смѣшать его съ чѣмъ-либо другимъ. Что даже и въ этомъ они всегда зависятъ отъ наличнаго состоянія нашихъ свѣдѣній, что при расширеніи опыта они отчасти устраняютъ допущенные прежде отличительные признаки, отчасти иначе и ближе опредѣляютъ (связывающее ихъ) общее, что, наконецъ, вынуждаемыя разными потребностями изслѣдованія и вседневнаго размышленья, они должны проникать глубже и глубже въ нерасчлененную полноту своего содержанія и стараться болѣе и болѣе ея выяснить, — все это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, точно такъ же какъ и часто высказанное уже замѣчаніе, что никогда не приходятъ они съ этой работою къ концу, что слѣдовательно понятія остаются всегда измѣнчивыми, все болѣе и болѣе вырабатывающимися постройками нашего представленья.

Digitized by Google

Но не только съ ходомъ этого развитія достигаютъ они наконецъ такой степени совершенства, которая остается недоступною для помысловъ животнаго, но и всегда отличаются отъ общихъ образовъ, заступающихъ у него ихъ мѣсто, тою, помянутою выше, существенною чертой, что общее примышляется нами къ частному, въ видѣ оформливающаго или нормирующаго его закона. Сколь ни неисполнима иногда въ частности и сколь ни сомнительна во многихъ своихъ приложеніяхъ эта (коренная) повадка нашей мысли, но рядомъ съ простѣйшею мыслію о цѣломъ и его частяхъ, которою сопринсутствіе иногаго превращается (какъ мы неоднократно говорили) въ сопринадлежность, она служитъ новымъ выраженіемъ стремленью духа искать внутренней связи и законности во всѣхъ вообще явленіяхъ, хотя оно иногда и сбивается съ ведущаго къ тому пути. Побочная эта мысль такъ же неотъемно присуща самымъ неяснымъ, какъ и совершеннѣйшимъ понятіямъ, и вовсе не искусственному строю школьныхъ умствованій обязана своимъ началомъ та догадка, что все обиліе видимаго міра можетъ быть понято нами только въ обширной системѣ постепенности родовъ, видовъ и подвидовъ; напротивъ, неизбѣжное это предположеніе укоренено вездѣ въ самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка. Не стану возвращаться снизнова къ тому, какое чарующее вліяніе оказываетъ уже одно словесное имя вещи, и какъ одинъ простой выговоръ его считаемъ мы будто за дѣйствительное ознакомленіе насъ съ тѣмъ прежде неизвѣстнымъ, — считаемъ, только благодаря увѣренности, что эта названная намъ вещь должна же непремѣнно пріурочиваться къ чему-нибудь общему, находить въ немъ подобающее себѣ мѣсто: напомню лишь о той легкости, съ какою, въ ущербъ самой себѣ, удовлетворяется наша любознательность, едва только научатъ ее подводить любой встрѣтившійся случай подъ общее его видовое понятіе; о неискоренимой

Digitized by Google

въ насъ слабости думать, что мы скорѣе поймемъ изъ систематическаго положенія въ какой нибудь классификаціи такія даже событія и состоянья, которыхъ настоящая природа можетъ во всякомъ случаѣ быть понята только изъ совокупнаго дѣйствія ихъ особенныхъ условій; о той логической занесчивости или робости, которая ведетъ къ столь многоразличнымъ софизмамъ при обсужденіи вещей и всѣхъ житейскихъ отношеній, смотря по тому, останавливается ли мысль на мельчайшихъ разностяхъ даннаго содержанія и, для разновидныхъ обстоятельствъ, требуетъ на каждый случай различныхъ пріемовъ и мѣръ, или опрометчиво скользитъ по безчисленнымъ несходствамъ и требуетъ одинаковаго отношенія ко всему, что представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ подвести подъ одно и то же видовое понятіе. Отъ всѣхъ вообще не ступковъ мы обыкновенно требуемъ, чтобъ они были благовидны, имѣли общепризнанный за ними видъ; отказывая имъ въ этомъ, мы выражаемъ порицаніе, которое, помимо всякихъ болѣе нравственныхъ расчетовъ, падаетъ съ нашей стороны уже и на то, что вздумаетъ произвольно устранить себя отъ этой необходимой сопривязанности всѣхъ вещей и отношеній. Эгоизмъ отдѣльнаго лица признаетъ важность этого понятія даже тѣми противорѣчіями, въ какія онъ невольно иногда вдается: ни кому не лестно узнать, что его считаютъ просто какимъ-нибудь человѣкомъ, индивидуальность его возмущается такимъ пригономъ ея къ уровню общаго видоваго мѣрила; но, въ опору своимъ притязаньямъ, каждый готовъ сослаться не только на то, что онъ человѣкъ, но зачастую и на то, что онъ принадлежитъ къ особому, отборному разряду человѣчества. Грубѣйшій деспотическій произволъ только въ безсловномъ дѣйствіи доходитъ до того, чтобъ требовать отъ другаго чего либо, вытекающаго изъ совершенно-личной прихоти, и крайне рѣдко простираетъ свои требованія такъ далеко на словахъ: тутъ

Digitized by Google

онъ всегда почти прибѣгаетъ къ софистическому предлогу, чтобы хоть для вида вывесть свой поступокъ изъ какой-нибудь общей принадлежности того или другаго человѣческаго разряда, изъ какого-нибудь общаго свойства вещей или отношеній. Первая установка соціальныхъ порядковъ возникла не подъ господствомъ общихъ нравственныхъ законовъ или началъ, которые относились бы всего ближе къ поступкамъ и образу мыслей, но именно подъ вліяніемъ видовыхъ понятій: она начинала съ опредѣленія особой природы и особливаго положенія каждаго отдѣльнаго лица, для вывода отсюда той суммы обязанностей и правъ, которая подобаетъ ему, какъ существу такого именно вида или разряда; — а какъ распространенъ еще и до сихъ поръ печальный навыкъ отверждать случайновозникшія разности общественнаго положенія въ неизгладимыя видовыя понятія, и выводить изъ нихъ слѣдствія (иногда роковыя для практической жизни)! Стоитъ окинуть лишь бѣглымъ взоромъ великій потокъ исторіи, чтобъ увидѣть, какъ рѣшительно во всѣ моменты, когда дѣло идетъ о преобразованіи заново общественныхъ отношеній, вездѣ, рядомъ съ совершенно-скотскою грубостью, выступаетъ и неискоренимая наклонность человѣка къ систематическому доктринерству. Къ числу величайшихъ результатовъ образованія принадлежитъ умѣнье различать, въ какихъ именно случаяхъ должно восходить при этомъ къ высшимъ началамъ и считать любую частную мѣру только пагубной, и въ какихъ слѣдуетъ, напротивъ, щадить несходства и неравенства, уразумѣвать наличное состояніе изъ особенныхъ его условій и улучшать его частнымъ измѣненіемъ послѣднихъ, временными мѣрами, исключительными правилами, пригодными только на этотъ данный случай. Рѣдки способные къ тому умы; обыкновенно, чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, чѣмъ непривычнѣе онъ къ той сферѣ, гдѣ внезапно призвали его дѣйствовать, тѣмъ болѣе развивается

Digitized by Google

въ немъ все систематизирующій формализмъ, сухое пристрастіе къ симметрическимъ распорядкамъ, непоэтичная гоньба за жалкими символами, о которыхъ въ сущности не стоитъ хлопотать, наклонность занумерить все индивидуальное (то-есть дѣйствительно-живое), въ качествѣ отдѣльныхъ экземпляровъ одного лишь холоднаго видоваго понятія Но и въ этихъ односторонностяхъ мы все-таки найдемъ только стремленіе дать ходъ самой существенной чертѣ нашего ума, — чаянію всеобщей законности, и приложить ее, хотя бы даже въ простѣйшей и грубѣйшей формѣ, къ тому содержанію, которое, по своей природѣ, требуетъ обыкновенно гораздо болѣе тонкаго примѣненія того же самаго неизбѣжнаго для насъ домысла.

Мы не намѣрены слѣдить далѣе за превращеніями формъ тѣхъ понятій, которыя относятся не къ жизни человѣческой вообще, но въ частности къ наукѣ. Напомнимъ только, что точно такъ же, какъ общіе эти образы или понятія предметовъ, развиваются и понятія событій, отношеній, обстоятельствъ, только отчасти еще неявственнѣе и ненадежнѣй, чего впрочемъ и слѣдовало ожидать при меньшей самостоятельности и наглядности ихъ содержанія. Но мы отнюдь не можемъ допустить, чтобъ, кромѣ этихъ очевидно взросшихъ на опытѣ и вскорѣ переросшихъ его понятій, въ духѣ находились еще другія, свойственныя ему прежде всякаго опыта, прирожденныя (какъ ихъ обыкновенно называютъ), будто бы дающія ему изначала ясное сознаніе тѣхъ правилъ, какихъ онъ держится и долженъ держаться въ умственной переработкѣ впечатлѣній. Мы прежде высказались уже въ томъ смыслѣ, что злоупотребляемое часто имя прирожденныхъ идей можетъ означать только навыки дѣйствія, необходимо развивающіеся изъ природы духа, но вначалѣ не сознающіе своей цѣли и настоящаго своего смысла, и что только дальнѣйшее самоуглубленіе ума въ свою дѣятельность даетъ ему знать объ этихъ (тайныхъ) побудахъ

Digitized by Google

его, которыми онъ влекся уже давнымъ-давно въ неисчетаемомъ множествѣ (безсознательныхъ частныхъ) примѣненій *). Такъ много было говорено о чистыхъ понятіяхъ смысла, которыя человѣкъ несетъ будто бы, какъ первобытную свою собственность, навстрѣчу внѣшнимъ впечатлѣньямъ; а между тѣмъ ни кто не съумѣлъ выяснить, какимъ образомъ могли они заключаться въ немъ такъ первоначально, потому что легко было показать, что ни сознаніе ребенка, ни сознаніе необразованнаго взрослаго не содержитъ же ихъ въ себѣ въ видѣ готовыхъ представленій. Надѣялись выставить всю наличность ихъ вполнѣ или въ простомъ табличномъ перечнѣ, или въ какомъ-нибудь систематически-расчлененномъ порядкѣ, но никогда не прекращалось разногласіе насчетъ того, что именно причислить къ суммѣ этой врожденной намъ мыслинеобходимости,—разногласіе, котораго отнюдь не могло бы и произойти, будь вправду изначала укоренена въ духѣ совокупность такой истины, и не будь мы вынуждены обрѣтать ее въ теченіе развитія, допускающаго и ошибки, и сомнѣнья. А еслибъ мы открыли наконецъ этотъ кладъ, то убѣдились бы до очевидности, что для выраженія его всего неблагопріятнѣе именно та издавна привычная намъ форма, которая все толкуетъ о прирожденныхъ понятіяхъ. Если есть въ насъ зерно истины, благодаря которому могли бы мы приводить во внутреннюю связь разнообразныя впечатлѣнья, то зерно это должно по крайней мѣрѣ быть дано въ формѣ точныхъ сужденій, переводящихъ смыслъ нашъ вполнѣ основательно и въ силу внутренней необходимости отъ одного ощущаемаго содержанія къ другому; оно было бы совсѣмъ безполезно для насъ въ видѣ общихъ понятій, съ которыми все-таки не знаешь, какъ при-

*) Это-то и назвали мы въ предисловіи къ первому тому «Микрокосма» предсознательнымъ развитіемъ человѣчества.

Digitized by Google

ступиться къ дѣлу (то-есть, какъ именно применить ихъ къ данному случаю). Но и въ первой даже формѣ, будучи скорѣе только предразсужденіями о необходимой связи всѣхъ могущихъ встрѣтиться намъ опытовъ, сужденія эти являются по большей части не сознательными и завѣдомыми мѣрилами нашихъ разсудочныхъ помысловъ; напротивъ, они первоначально дѣйствуютъ въ насъ всегда, какъ затаенныя, не сознающія себя предположенья, подъ вліяніемъ которыхъ мы, правда, приступаемъ къ дальнѣйшему сопряженію своихъ чувственныхъ подмѣтъ, но не вѣдая ни самихъ тѣхъ предположеній, ни существеннаго ихъ содержанія, независимо отъ той или другой подмѣты. Только, когда мы обратимся къ нимъ съ рѣшительнымъ вопросомъ о томъ, на какія именно основанія опирается у насъ инстинктивное обсужденіе предметовъ, на чемъ утверждено убѣжденіе въ вѣрности нашего и въ невѣрности противоположнаго взгляда, — только уже тогда прорываются въ сознаніе эти прежде слѣпо дѣйствовавшія предразсужденья. И тогда мы въ самомъ дѣлѣ находимъ, что нѣкоторыя, очень немногія, изъ нихъ неизбѣжно предстаютъ намъ съ полной ясностью непреложной истины; многія же, напротивъ, при первой попыткѣ высказать ихъ, теряютъ ту благонадежность и безусловную достовѣрность, съ какими они руководили насъ, какъ невысказанныя еще предразсужденія; иныя, наконецъ, какъ скоро мы захотимъ отвлечь ихъ въ общей формѣ отъ обычныхъ предметовъ ихъ приложенія, тотчасъ же оказываются заблужденьями, которыхъ ложность могла оставаться незамѣченной, только благодаря особой своеобразности этихъ предметовъ.

Всмотрѣвшись въ нихъ еще разъ попристальнѣй, мы далѣе увидимъ, что даже и тѣ сужденія, которыхъ убѣдительность не такъ скоро теряетъ свою силу, возникаютъ однако изъ весьма различныхъ источниковъ. Только весьма немногія изъ

Digitized by Google

ихъ дотого независимы отъ всякаго опредѣленно-опытнаго содержанія, что представляются намъ необходимыми законами какого бы то ни было міра, и стало-быть неизбѣжными условіями мыслимости всего сущаго. Многія другія имѣютъ только посредственную состоятельность, и заповѣди ихъ кажутся намъ непреложными только потому, что такова ужь разъ навсегда природа этого объемлющаго насъ міра; великія общія формы дѣйствительности навязали ихъ намъ волей и неволею, и пріучили насъ считать самопонятнымъ и необходимымъ то, что на дѣлѣ повторяется вездѣ постоянно. Наконецъ, мы легко замѣтили бы при этомъ, что кажущаяся необходимость того или другаго постояннаго свойства вещей, высказываемая, какъ мы видимъ, и въ другихъ сужденіяхъ, часто ни чуть не подтверждается рѣшительною немыслимостью противоположнаго тому свойства, что она стало-быть вовсе не выражаетъ чего-либо такого, что отнюдь не могло бы уже быть иначе, но выражаетъ лишь нѣчто, чему слѣдуетъ быть такъ по нашему мнѣнію, и что было бы нелѣпо, будь оно иначе; эстетическія и нравственныя движенія нашей души дѣйствовали тутъ втихомолку и внушили намъ считать за необходимые законы всякаго вообще дѣйствительнаго міра такія отношенія, которыя понастоящему соотвѣтствуютъ только нашему идеалу міросовершенства. Законъ тожества и законъ взаимной связи между причиною и дѣйствіемъ могутъ служить примѣрами первой изъ этихъ группъ; представленіе о необходимомъ постоянствѣ массы, о неистребимости вещества, и множество другихъ предположеній, которыя мы составляемъ себѣ по поводу естественныхъ событій, наполняютъ вторую группу; и, наконецъ, жажда какого-нибудь высшаго единства міра, благоговѣніе передъ понятіемъ единства вообще, принадлежатъ очевидно къ третьей. Во всѣхъ этихъ вещахъ, чистая умственность, называйся она смысломъ или разумомъ, все равно,

Digitized by Google

никогда почти не внушаетъ намъ одна тѣхъ предположеній, которыя мы считаемъ необходимыми и безотмѣнными; вездѣ, всецѣлый, вмѣстѣ и мыслящій, и эстетически-чувствующій, и нравственно-судящій духъ, изъ совокупной полноты своей природы порождаетъ въ насъ эти безмолвно опускаемыя главныя посылки, которымъ наша чувственная воспріимчивость старается подчинить все содержаніе опыта. Съ другой стороны, и всецѣлый духъ, пока онъ еще чистъ и нетронутъ опытомъ, не надѣляетъ насъ этими предположеньями, какъ готовыми уже орудіями, которыя бы породилъ онъ самъ въ видѣ результатовъ общаго согласія между всѣми требованіями своей умственной, эстетической и нравственной природы; напротивъ, только именно дѣйствительные опыты и возбуждаютъ духъ постепенно раскрывать свою сущность и, путемъ самой борьбы съ вещами, вырабатывать себѣ пріемы для борьбы. Всѣ системы, считавшія возможнымъ выставить содержаніе необходимо-мыслимой истины въ видѣ замкнутой полной цѣпи равно-первобытныхъ коренныхъ познаній, успѣли въ самомъ дѣлѣ подобрать только очень разновременные помыслы, которые, въ историческомъ ходѣ своего образованія, умъ научился приноравливать къ матеріалу внѣшнихъ впечатлѣній и житейскихъ судебъ своихъ; въ числѣ ихъ только весьма немногія основныя начала мысли можно почесть за исперва-присущія ему истины, то-есть такія, которыя, независимо отъ опредѣленнаго опытнаго содержанья, развиваются въ любой душѣ такъ рано и притомъ такъ сходственно, что пріобрѣтеніе всѣхъ другихъ познаній совершается только съ ихъ помощью и подъ очевиднымъ ихъ вліяньемъ.

Даже не раздѣляй мы сами этого взгляда (слѣдовательно, не имѣй впереди еще многихъ случаевъ разъяснить его на дѣлѣ), то и въ такомъ случаѣ настоящая наша цѣль побудила бы насъ ограничиться здѣсь только небольшимъ числомъ при-

Digitized by Google

мѣровъ: мы вѣдь вовсе не имѣемъ теперь въ виду изложить всю достижимую для насъ истину; намъ хотѣлось лишь представить, какимъ способомъ часть этой истины достигается безъискуственнымъ, самороднымъ развитіемъ человѣка. Законъ тожества, по которому всякое простое содержаніе мысли равно самому себѣ, и законъ виновословности, по которому всякая перемѣна требуетъ своей причины, принадлежатъ оба къ числу послѣдняго рода началъ. *) Хотя они навѣрно не прирождены уму, какъ сознательныя его принадлежности, однакожь всякаго легко привесть къ тому, чтобы онъ высказалъ ихъ, въ какомъ бы впрочемъ ни было неуклюжемъ видѣ, и припомнилъ въ нихъ тѣ прежде безсознательно руководившія его начала вѣдѣнія, которыхъ, ради ихъ очевидной необходимости, станетъ онъ сознательно держаться и впередъ. Откуда жь содержаніе этихъ коренныхъ началъ, откуда чувство ихъ необходимости? Развѣ,спокойною неизмѣнностью предоставленныхъ самимъ себѣ вещей, и перемѣнами, которыя такъ часто сопровождаютъ ихъ встрѣчу, внѣшній опытъ пріучилъ насъ, съ представленіемъ каждаго отдѣльнаго простаго содержанья связывать ожиданіе всегдашняго равенства (или вѣрности) его самому себѣ, а со встрѣчею многихъ содержаній вмѣстѣ— ожиданіе перемѣны, и, наоборотъ, съ подмѣтой в:якой перемѣны — мысль о причинѣ, ей предшествующей? Внѣшній опытъ представляетъ намъ бездну совсѣмъ противоположныхъ случаевъ, — вещи, предоставленныя, повидимому, самимъ себѣ и неостающіяся однако тѣми чѣмъ были прежде, — перемѣны, которыхъ причины и слѣдствія ускользаютъ отъ насъ вполнѣ; изъ опыта не можетъ возникнуть ни какой необходимо мыслимый законъ, по которому образъ бытія, свойствен-

*) То-есть, въ числу такихъ, которыми обусловлено пріобрѣтеніе всѣхъ другихъ познаній.

Digitized by Google

ный, какъ показываетъ тотъ же опытъ, одной только части дѣйствительности, переносился бы на всю ея совокупность и притомъ навсегда. Но когда, не оставаясь просто зрителями, а дѣйствуя какъ испытатели, мы замѣчаемъ, что вездѣ, гдѣ ни произведемъ извѣстныя обстоятельства, за ними наступаетъ опредѣленное слѣдствіе, — развѣ не видимъ мы тогда передъ собой и внутреннюю связь условности, и тожество слѣдствія, постоянно отвѣчающее однимъ и тѣмъ же условіямъ? Однакожь и это дало бы намъ только право утверждать, что есть взаимная связь между тѣми четами событій, гдѣ указаны они нарочнымъ нашимъ опытомъ, но отнюдь не управомочило бы насъ на смѣлое предположеніе, что такая же точно связь объемлетъ и всю вообще дѣйствительность. За очевидной недостаточностью внѣшняго опыта, перейдемъ же теперь къ внутреннему и попробуемъ, не удастся ли понять какое нибудь простое опредѣленное содержанье, вмѣстѣ и какъ то, что̀ оно есть, и какъ то, что̀ оно не есть, другими словами — какъ измѣняющееся, безъ всякой причины этого измѣненья. При каждой отдѣльной попыткѣ такого рода, мы, разумѣется, встрѣтимъ неуспѣхъ, все равно, за какое содержаніе ни возмемся; но, самъ по себѣ, неуспѣхъ въ одинъ извѣстный моментъ и надъ однимъ извѣстнымъ предметомъ вовсе не доказываетъ еще, чтобы тотъ же опытъ непремѣнно долженъ былъ неудасться въ другой моментъ и надъ другимъ предметомъ: развѣ привзойдетъ здѣсь что-нибудь, что̀ дастъ намъ право принимать каждый изъ особыхъ этихъ случаевъ ручательствомъ за всѣ возможные случаи безъ изъятія. Это что-нибудь и есть тутъ на лицо: это именно законъ тожества, котораго вѣрно-понятый смыслъ долженъ быть вполнѣ усвоенъ сознаніемъ въ видѣ безпричинной и безусловно необходимой истины, прежде нежели зайдетъ рѣчь о томъ, чтобы какой бы то ни было образъ сопряженія впечатлѣній, подведенный механизмомъ духовной нашей

Digitized by Google

природы и сначала выполненный безсознательно, а потомъ уже подмѣченный съ сознаніемъ, одолѣлъ и покорилъ насъ чувствомъ своей общезаконности и необходимости. Не тѣмъ доказывается для насъ необходимость начала тожества, что оно царитъ прежде всего внутри насъ, и что мы потомъ замѣчаемъ это господство при всякой попыткѣ сдѣлать что-нибудь вопреки ему; напротивъ, для того, чтобъ изъ отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ мы только и можемъ произвесть такой опытъ, надъ нимъ ли собственно, или надъ другимъ необходимо мыслимымъ началомъ, для того, чтобъ имѣть право заключить изъ нихъ о неудачѣ и во всѣхъ вообще подобныхъ случаяхъ, непремѣнно должна предшествовать непосредственная увѣренность въ этомъ именно началѣ, увѣренность, что одинъ случай все равно, что безчисленное множество другихъ такихъ же, что вездѣ, гдѣ встрѣтятся одинакія условія, съ ними неразлучно будетъ и одинаковое слѣдствіе,—увѣренность, что природѣ нашего духа, равно какъ и природѣ предстающихъ ему вещей, свойственна такая выдержка, такая вѣрность самимъ себѣ, въ силу которой все именно и есть, какъ есть, косное—косно, измѣнчивое—измѣнчиво, противорѣчивое—противорѣчиво; одна вѣрность эта и дозволяетъ всякой другой взаимной связи или послѣдовательности быть необходимою и общезаконною, даже вообще только возможною: вѣдь какъ же бы представить себѣ между какими либо двумя существами или событіями какую бы то ни было связь, еслибъ, благодаря своей вѣрности самимъ себѣ и въ томъ, что они есть, и въ томъ, чѣмъ они становятся, не давали они напрягающемуся между ними отношенію опираться на себя, какъ на твердыя опоры, или благонадежно слѣдовать ихъ движенію, идущему разъ въ опредѣленномъ направленьи? Гдѣжь была бы возможность основательно вывесть какое-нибудь заключеніе изъ насъ самихъ или какое-нибудь слѣдствіе изъ вещей, если то сущее или становя-

Digitized by Google

щееся бытіе откуда надлежитъ истекать заключенію и слѣдствію, было бы или становилось въ то же время не тѣмъ, на чемъ основаны они оба?

Нечего надѣяться, чтобъ въ силу предположенія о дѣйствительной подчиненности механическаго хода нашей внутренней жизни общимъ и неизмѣннымъ законамъ, какая бы то ни было психологія успѣла когда-либо вывесть изъ одного этого хода неизбѣжное признаніе ихъ необходимости, зарожденіе сознательнаго понятія необходимости въ насъ самихъ; такъ же мало вѣроятно, чтобы способна была породить его и душа животнаго. Напротивъ, человѣческій духъ отличается именно тѣмъ, что, обдумывая механически-выполненныя дѣйствія своего вѣдѣнія, онъ способенъ приходить къ сознанію въ нихъ такой законности, которая идетъ безконечно дальше тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, въ какихъ подмѣчается она внутреннимъ его опытомъ; что вообще есть нѣчто, чему слѣдуетъ дать названіе истины не въ ограниченномъ смыслѣ согласія между представленіемъ и представляемымъ содержаньемъ, но въ значеніи послѣдовательности, благодаря которой только и можетъ состояться удобопредставимое содержаніе, благодаря которой пестрому потоку нашихъ впечатлѣній и подмѣтъ обезпечивается надежная основа вездѣ выдержанной взаимной условности, каждому условію—вѣрность его слѣдствія, цѣлому явленію—внутренняя связность дѣйствительнаго бытія, въ противоположность безрядному произволу шаткой грезы, всякому пытливому вопросу — устойчивая, неуклонная точка зрѣнія. Если духъ нашъ, въ моментъ размышленія о томъ, что въ немъ происходитъ, ощущаетъ полную увѣренность въ существованіи истины вообще, то въ этомъ именно и состоитъ одно изъ первобытнѣйшихъ его проявленій, только отвѣчающее на всякій механизмъ, а отнюдь не подсказываемое механизмомъ, — одно изъ главныхъ проявленій той сущности, которая оспособляетъ

Digitized by Google

духъ къ истинѣ и къ превращенію простаго хода представленій въ настоящее знаніе. Предположивъ въ немъ одну эту черту, мы уже легко поймемъ, какъ, возбуждаясь далѣе опытомъ, онъ приходитъ къ розысканію и открытію отдѣльныхъ истинъ. Озадачиваясь каждымъ явленіемъ внутренняго и внѣшняго опыта, противорѣчащимъ на первый взглядъ той состоятельности и выдержкѣ, въ которыхъ лежитъ для него всякая истина, духъ, чрезъ сопряженіе того, что разрознено въ чувственной подмѣтѣ, даннаго ею — съ тѣмъ, что въ ней не дано, наличнаго съ отсутственнымъ, настоящаго съ прошедшимъ, научается мало по малу отыскивать болѣе опредѣленные, многосодержательные, общіе законы, которымъ необходимо долженъ подчиняться этотъ міръ, при однажды данныхъ основныхъ чертахъ своего строенія, чтобы соотвѣтствовать высшему мѣрилу всякой истины (состоящему, какъ мы видѣли, въ постоянной вѣрности самому себѣ, въ благонадежной выдержкѣ и послѣдовательности).

Путь постепенной этой выработки дологъ и незавершимъ; отъ него часто уклоняется не только обыкновенный складъ жизни, когда оснуетъ свои соображенія на случайно представшемъ отрывкѣ опыта, помимо связи его съ цѣлымъ, и свои мѣстно возбужденныя череды мыслей проведетъ лишь недалеко впередъ, а затѣмъ вскорѣ утомится и не подумаетъ свести ихъ подъ конецъ вмѣстѣ: мало того, и сама наука нерѣдко впадаетъ въ заблужденія, когда захочетъ связать по-своему въ строгую систему то, что, изъ-за той же безусловной истины, становится для насъ необходимо-мыслимымъ при посредствѣ дѣйствительности. Еще менѣе обиходная наша жизнь обладаетъ общими истинами въ готовомъ видѣ, и всего менѣе сознаетъ она ихъ вполнѣ. Только одно (коренное) чаяніе, что есть же вѣдь вообще истина, преслѣдуетъ человѣка повсемѣстно, и даже тамъ, гдѣ понятіе ея никогда не мыслилось са о по себѣ,

Digitized by Google

отдѣльно, она дѣйствуетъ какъ сокровенная мощь, подъ вліяніемъ которой работаетъ сознаніе. Напротивъ, относительно того, какъ примѣнять ее каждый разъ къ одиночнымъ явленіямъ, насъ слишкомъ часто вводитъ въ заблужденіе запутанность послѣднихъ, и немногихъ примѣровъ довольно для того чтобъ показать, какъ, изъ-за недоразумѣнія насчетъ искомыхъ нами рѣшеній, въ обыкновенномъ нашемъ сознаніи уживаются иногда самыя несовмѣстныя между собой понятія.

Если, въ избѣжаніе запутанности даннаго содержанья, мы обратимся къ чему-нибудь совершенно простому, то относительно послѣдняго всякой вѣрно выскажетъ начало тожества и будетъ, напримѣръ, положительно стоять на томъ, что синее всегда сине, и красное никогда не бываетъ некраснымъ. Но обокъ съ этой увѣренностью идутъ, совершенно о ней не заботясь, представленія о такихъ вещахъ, которыя измѣняются, и при этой перемѣнѣ остаются все тѣ же: о субстанціяхъ, которыя превращаются, но отнюдь не перестаютъ существовать, о сущности, которая проявляется и есть вмѣстѣ сама это явленіе, да и нѣчто отъ него различное, наконецъ о субъектахъ, которые то дѣйствуютъ, то нѣтъ, не теряя отъ этихъ разнорѣчивыхъ о нихъ показаній тожественности своей самихъ съ собою. Я хочу сказать собственно не то, чтобы въ этихъ способахъ представленія человѣческій смыслъ шелъ совсѣмъ ложною дорогой, но, побуждаемый неанализированнымъ еще впечатлѣніемъ своихъ подмѣтъ, онъ очевидно прилагаетъ коренное начало самотожественности опрометчиво и противорѣчиво, не оправдывая разборомъ даннаго содержанія ни возможности этихъ выраженій, ни совмѣстности ихъ съ началомъ тожества (которое онъ тутъ же подразумѣваетъ). И когда возникающее потомъ размышленіе приходитъ къ сознанію этихъ грубыхъ противорѣчій, оно нерѣдко впадаетъ въ противоположную погрѣшность: въ общихъ началахъ ищетъ

Digitized by Google

оно относительно природы вещей такихъ поясненій, которыхъ сами по себѣ они вовсе не даютъ, но которыя можно извлечь изъ нихъ путемъ осторожнаго и правильнаго ихъ приложенія. Далѣе, всякую возможность текущаго или становящагося бытія, то-есть видоизмѣненія, дѣйствія, размышленіе готово иногда отвергнуть, какъ нѣчто противорѣчивое въ себѣ самомъ: какъ будто бы начало тожества возбраняло чему-либо становиться, дѣлаться, или вообще не допускало перемѣннаго; тогда какъ оно напротивъ утверждаетъ, что становящееся, пока оно становится, только именно становится, а не есть, но никогда не дозволитъ себѣ выдавать измѣнчиваго за неизмѣнное. Сколь ни близки къ коренному смыслу начала эти простѣйшія его приложенія, даже и они требуютъ особеннаго оправданья, отъ котораго обыкновенное наше мышленіе по большей части себя увольняетъ. Такъ же мало выработаны (говоря вообще) и представленія наши о виновной связи. То расширяются они до нелѣпой мысли, что все, не только одно измѣненіе существующаго, но даже и первичное бытіе, нуждается въ причинахъ, а послѣднія, въ свою очередь, требуютъ еще новыхъ причинъ, до безконечности; то, рядомъ съ этимъ, является вдругъ представленіе случая, дозволяющаго будто бы сбываться иному вполнѣ безпричинно; обыкновенное понятіе о причинѣ и дѣйствіи вообще есть только грубый примѣръ того необходимаго закона, который нудитъ насъ привязывать перемѣны къ условіямъ, — примѣръ, очевидно занятый изъ опыта нашей собственной дѣятельности и изъ противоположности между живодѣйствующимъ и бездушно-страдательнымъ. Гдѣ мы считаемъ себя въ полномъ правѣ не предполагать ни какой внутренней подвижности, тамъ ищемъ мы всегда внѣшнихъ причинъ перемѣны; гдѣ, напротивъ, мы думаемъ угадывать эту подвижность, тамъ мы не ищемъ уже ни какихъ внѣшнихъ причинъ, и сбывающееся кажется намъ по-

Digitized by Google

нятнымъ само собою. А при маломъ знакомствѣ нашемъ со внутренностью вещей, послѣднею этою вольностью можемъ мы пользоваться чуть не повсемѣстно. Огромное количество среднихъ и возвратныхъ глаголовъ — краснорѣчивый документъ того, далеко ли ушла выработка обычныхъ намъ винословныхъ понятій: растеніе (говоримъ мы) ростетъ, облака идутъ, становится холодно, воздухъ движется, туманъ падаетъ или садится. Такъ это среднее (то-есть собственно не дѣйствующее и не страдательное), само собою понятное совершеніе, истеченіе и явленье, идетъ себѣ у насъ безъ заботно до тѣхъ поръ, пока новые опыты не уяснятъ намъ его зависимости отъ внѣшнихъ вліяній, и тогда такъ же односторонне выступаютъ на сцену противоположныя представленія о причинахъ и силахъ, которыя порождаютъ въ вещахъ перемѣну или привносятъ ее въ нихъ отъ себя; но и тутъ не производится тщательнаго разбора между этими мыслями, слишкомъ непосредственно примыкающими къ наглядкѣ. Итакъ, обыкновенное мнѣніе очень далеко отъ понятія о томъ винословномъ законѣ, который впослѣдствіи можетъ быть употребленъ въ дѣло наукою; даже правильность въ возвратѣ естественныхъ явленій совсѣмъ не легко приводитъ къ его выработкѣ: она часто упускается изъ виду, какъ нѣчто ужь слишкомъ заобычное, простое; потребности человѣка, вынуждая у него нарочные технические опыты, гораздо настойчивѣе ведутъ къ уразумѣнію настоящаго свойства причинной условности, и отъ разсмотрѣнія строимыхъ имъ для себя грубыхъ машинъ онъ мало по малу переноситъ вопросъ о причинѣ постоянства дѣйствій и объ измѣнчивости ихъ величинъ также на изслѣдованіе всего одушевленнаго и своей собственной внутренней природы.

Мы не можемъ послѣдовать за нимъ здѣсь по этому пути постепеннаго усовершенія его метафизики, очень шаткой и ненадежной сначала: исторію науки и идей отлагаемъ мы до другаго

Digitized by Google

случая, потому что это требуетъ предварительнаго обзора историческихъ условій, при которыхъ она развивается и преуспѣваетъ. Захоти мы отыскать наглядный образчикъ той средней высоты, какой утонченность знанія достигаетъ въ развитіи человѣческаго духа, пока, кромѣ обычныхъ жизненныхъ возбужденій, на него ни что еще не дѣйствуетъ со стороны, мы нашли бы въ организаціи языка образчикъ именно такого рода. Я разумѣю здѣсь не величину словозапаса и множество обозначеній для отвлеченныхъ помысловъ, которыми дума отдѣльныхъ лицъ постепенно обогатила слово и которыя отчасти остаются чужды говорящему большинству, отчасти входятъ въ общее употребленье, только уже огрубѣвъ въ своемъ значеніи: я говорю о грамматической и синтактической организаціи языка. Съ самыхъ древнихъ временъ и у многоразличнѣйшихъ народовъ представляетъ она такъ же рѣшительно извѣстнаго рода согласіе во взглядѣ на вещи, какъ, съ другой стороны, и разныя національныя особенности въ пріемахъ распоряжаться этимъ взглядомъ на свой собственный ладъ. Что есть вообще слова, обозначающія, въ качествѣ именъ, какое-нибудь содержанье, — это возможно лишь подъ щитомъ сознанія, что всякое подобное содержаніе есть нѣчто само себѣ равное, благонадежное, а потому и подлежащее наименованью; если вездѣ есть формы для существительныхъ, глаголовъ и прилагательныхъ, то вездѣ же выработаны духомъ и понятія о чемъ-то сущемъ, о становящемся, объ отношеніи и о свойствѣ, и вездѣ привыкъ онъ сопрягать между собою то, что усвоено имъ въ формѣ такихъ понятій; при этомъ всякое мѣстоименіе, всякій членъ, показываютъ, что содержаніе, будь оно вещь, или событіе, или свойство, понимается какъ единство сопринадлежнаго цѣлаго, и что не были бы возможны ни именительный, ни винительный падежи, ни какая либо иная форма, синтактически имъ равноцѣнная, не предшествуй

Digitized by Google

всему этому въ сознаніи различеніе между субъектомъ и объектомъ дѣйствія, эта обычная форма общепринятаго винословнаго понятія. Прослѣдимъ ли мы, далѣе, значенье словъ и при этомъ увидимъ, какъ названія для внутренней зависимости и сверхчувственныхъ отношеній сводятся на созерцанія движенья и заимствуются отъ пространственно-временныхъ отношеній, какъ притомъ далеко простирается символизирующая виртуозность языка, которая для любого сверхопытнаго содержанія мастерски умѣетъ подъискать подобія изъ области того, что подлежитъ чувственной полмѣтѣ: тогда мы скоро убѣдимся въ истинѣ, что сложенная въ языкѣ познавательная работа природнаго ума, — работа, изъ-за которой человѣкъ справедливо считаетъ себя прирожденнымъ философомъ, — заключается преимущественно въ сведеніи безконечнаго многоразличія условныхъ отношеній на небольшое число великихъ типическихъ примѣровъ или образцовъ. Объясненіе одного примѣра болѣе наглядным другимъ долго еще остается любимымъ пріемомъ ненашколеннаго (здраваго) смысла, и только уже наука начинаетъ объяснять всѣ примѣры изъ закона, всѣмъ имъ общаго. Въ этомъ своемъ видѣ, наличный въ языкѣ запасъ свѣдѣній всегда пересиливаетъ необразованный умъ каждаго отдѣльнаго лица; неловкое употребленіе послѣднимъ щедро предлагаемыхъ ему словъ показываетъ какъ не льзя яснѣе, что онъ далеко не такъ тонко понимаетъ ту синтактическую и логическую цѣнность, какую придаетъ имъ самъ языкъ. Для образованнаго же ума языкъ часто становится, напротивъ, препятствіемъ, потому что не довольно податливо идетъ за нимъ въ тѣхъ ненаглядныхъ отвлеченіяхъ, которыя ему нужны; но, съ другой стороны, языкъ пересиливаетъ и его безконечнымъ обиліемъ тѣхъ разнообразныхъ отношеній, которыя имъ всѣ подмѣчены и названы, и которыя воспроизвесть и

Digitized by Google

разобрать не подъ силу ни какому въ мірѣ уму, сколько бы онъ ни былъ образованъ

Такъ возникаетъ въ насъ зачатокъ познанія истины, благодаря отчасти попыткѣ достигать тѣхъ или другихъ цѣлей посредствомъ употребленія вещей, отчасти же благодаря тому побужденію, какое даетъ намъ воспитывающее насъ (готовое уже) слово. Зачатокъ этотъ, при благопріятныхъ условіяхъ, способенъ возростать, когда, по удовлетвореніи крайнихъ нуждъ существованья, наклонность къ улучшенію и обогащенію жизни даетъ болѣе спокойному побуду къ пытливости досугъ углубиться въ ходъ вещей многоразличнѣйшими путями и достаточно извѣдать, какъ вездѣ сомкнута и надежна та сѣть соотношеній, въ которой онѣ пребываютъ. Тогда объяснительное наше разысканіе убѣждается въ томъ, что цѣпь мысленныхъ доказательствъ можетъ иногда надолго и далеко отходить отъ точки чувственнаго ея повода, какого-нибудь подмѣченнаго нами факта, и, подъ руководствомъ общихъ законовъ, продолжать свой путь въ нашемъ умѣ; но что тѣмъ не менѣе окончательный ея выводъ, подобно круто-направленному выстрѣлу, все таки вѣрно попадетъ опять въ какой нибудь новый, чувственный же фактъ. Хотя путь, избранный нашей мыслью, былъ и не тотъ, какимъ шло само совершившееся дѣло, но обѣ они подъ-конецъ сошлись, и взаимная связь міра кажется намъ дотого сплошною и тѣсною, что отъ одной точки до другой можно дойдти тысячью путями, не встрѣтивъ нигдѣ пади или пропасти, прерывающей эту вседержительную связь. Человѣческое образованіе не вездѣ идетъ такъ далеко; но какъ бы ни задерживалось оно невзгодой обстоятельствъ на низшихъ ступеняхъ развитія, по крайней мѣрѣ въ понятіи Немезиды, карательной судьбы, или въ искаженномъ видѣ суевѣрія, льнущаго къ нечистой силѣ и всякимъ чарамъ, проявится гдѣ-нибудь въ мысли человѣка первичное убѣжденье въ существо-

Digitized by Google

ваніи необходимости, этомъ неотъемлемомъ достояніи нашего духа, точно такъ же, какъ мы замѣчали проявленіе его въ чувственности человѣческой, во всѣхъ ея повадкахъ и пріемахъ. Итакъ, человѣческій умъ, правда, очень знаменательно разнится отъ понятливости животнаго безмѣрно обширнѣйшимъ кругозоромъ, но отнюдь не особыми какими-либо формами, въ которыхъ сопрягались бы наши мысли. Тутъ всего важнѣе то, что животныя терпятъ въ ходѣ своихъ представленій одно только стѣсненіе со стороны тѣхъ самыхъ законовъ, которые мы, равномѣрно неся ихъ иго, признаемъ однако за необходимую истину и самодѣятельно употребляемъ въ пользу для расширенія сферы нашихъ свѣдѣній, для основанія настоящаго познанья. Да такъ оно и .быть должно: предназначенныя къ совмѣстной жизни съ нами на одной и той же Землѣ, вынужденныя устроиться, пріютиться на ней подобно человѣку, наитствуясь одними и тѣми же внѣшними условіями и воздѣйствуя на нихъ сами своей живоподвижностью, неоспоримо довольно сходною съ нашей, животныя очевидно нуждаются въ томъ, чтобы связь впечатлѣній и происходящія отъ нея слѣдствія повиновались у нихъ тѣмъ же законамъ, что и у человѣка, и вели бы къ результатамъ, этому соотвѣтственнымъ, чтобы, слѣдовательно, мысль слагалась у нихъ тѣмъ же путемъ, какъ и у насъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Совѣсть и нравственность.

Міровоззрѣніе сердца. — Содержаніе совѣсти. — Довольство и недовольство, какъ дѣйствующія причины поступковъ. — Довольство и благо. — Понятіе достоинства или внутренней цѣнности и связь его съ понятіемъ довольства. — Довольство въ смыслѣ нравственнаго начала. — Чувственныя влеченія души. — Личныя чувства. — Эгоизмъ и всеобщее. — Нравы и ихъ содержанье.

Какъ бы ни разросся запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ любознательностью человѣка, до какого совершенства ни дошло бы у него постепенно уразумѣніе взаимной связи между явленіями, возвышаясь при благопріятныхъ обстоятельствахъ до научнаго сознанія ея общихъ законовъ, все-же чисто человѣческій характеръ нашего міровоззрѣнія заключается не столько въ обширности и ясности его кругозора, сколько въ той живительной теплотѣ, какую придаетъ ему постоянное участіе сердца въ его выработкѣ. Ощущая то страду, то удовольствіе отъ впечатлѣній внѣшняго міра, то разочаровываясь въ своихъ чаяніяхъ и стремленьяхъ или противъ воли задерживаясь событіями, то напротивъ ублажаясь и споспѣшествуясь ими, душа не находитъ для своей думы ни чего, такъ по-

Digitized by Google

стоянно возбуждающаго интересъ ея, какъ эта благотворная или зловредная мощь окружающаго ее міра и мѣсто, занимаемое нами посреди его. Тогда какъ животное принимаетъ въ расчетъ и хранитъ въ памяти только ту дробную часть коварства или пріязни со стороны вещей, которая падаетъ на него непосредственно, усиленная подвижность человѣческой фантазіи ведетъ духъ къ гораздо болѣе объемчивому созерцанью. Судя по образцу той внутренней дѣятельности, какую ощущаетъ онъ въ самомъ себѣ, человѣкъ приписываетъ въ началѣ подобному же умыслу со стороны внѣшняго міра тѣ препятствія или подспорья, которыя уготовляются ему событіями, и думаетъ видѣть въ немъ многоразличную живую волю, направляющую всѣ рѣшительно вещи ко взаимному противодѣйствію. И какъ на долю намъ самимъ выпадаетъ то скорбь, то радость, когда волны широкаго потока событій обдаютъ и возбуждаютъ прямо насъ, такъ, думаемъ мы, потокъ страды и удовольствія подѣляетъ себя между вещами, и каждая изъ нихъ чувствуетъ своеобразное счастье или несчастье тѣхъ многоразличныхъ отношеній, въ какія становится она къ другимъ. Возрастающій опытъ сгоняетъ мало по малу живость красокъ съ этой яркой картины міра, не отучая насъ вполнѣ отъ произведшихъ ее помысловъ. Мы привыкаемъ, наконецъ, понимать безнамѣренность бо́льшей части случающихся между вещами событій и уже не находимъ въ нихъ недвусмысленныхъ примѣтъ сознанія, съ какимъ (казалось намъ прежде) принимаютъ онѣ обоюдныя свои впечатлѣнья. Но неясное какое-то чувство и влеченіе, безсознательную любовь и безотчетное отвращенье хотѣлось бы намъ все-таки удержать за природой, какъ вездѣ разновидную внутреннюю ея живодѣйственность. Мы ограничиваемся подъ конецъ еще мѣньшимъ, — рѣшаемся понять весь многоразличный ходъ міра, по крайней мѣрѣ какъ пестрое выраженіе одной и той же идеи, да и единствомъ

Digitized by Google

этой идеи едва ли дорожимъ мы такъ изъ-за того, что будто бы она даетъ нашей любознательности общее истолкованіе взаимной связи явленій, а скорѣе потому, что она доставляетъ возможность свести на нее какъ на коренную причину все благо и всю скорбь существованія, въ которомъ хочется намъ видѣть предобдуманное развитіе (общій выдержанный планъ). Намъ кажется вѣдь совершенно невозможнымъ; чтобы однимъ только простымъ придаткомъ къ міру явленій было существованіе скорби и радости, чтобъ, наряду съ нормально развивающимися бытіемъ, наслажденіе имъ, какъ сущимъ и становящимся, не было неразлучной его принадлежностью; вся необходимая связь вещей осталась бы для насъ непонятной, не имѣй мы права видѣть въ ней только подготовительное основаніе, на которомъ зиждется цѣлый міръ счастья и несчастья.

Съ подтвержденіемъ или съ отрицаньемъ, съ увлеченіемъ восторга или съ отчаяньемъ выступаетъ въ глубинѣ души нашей этотъ взглядъ, смотря по тому, проясняютъ или омрачаютъ ея настроеніе событія и удары жизни. Съ одной стороны, блаженный энтузіазмъ, мечтающій ясно видѣть передъ собой животворную гармонію общаго міротеченья, съ другой, — меланхолическое раздумье, которое, углубляясь въ ходъ человѣческихъ дѣлъ, заключаетъ обзоръ свой грустнымъ восклицаніемъ: такова ужь видно судьба міра! — оба они содержатъ въ себѣ безотчетное предположенье, что дѣйствительность имѣетъ смыслъ только какъ почва для порожденія счастія, съ тою однако разницей, что первое считаетъ это чаяніе вполнѣ удовлетвореннымъ, а послѣднее — несправедливо обманутымъ. Да и наконецъ, всякая поэзія, развивая въ богатую мыслями картину то суровый вопль скорби, то ликованіе радости, и пережитому въ данный мигъ отыскивая подобія Богъ вѣсть въ какомъ отдаленьи, что́ дѣлаетъ она въ этомъ случаѣ? Прочувствованное ею содержаніе старается она включить въ

Digitized by Google

общій ходъ міропорядка, какъ сопринадлежное звено или какъ противорѣчіе, которому навѣрно предстоитъ разрѣшиться въ будущемъ; она старается объ этомъ въ полномъ убѣжденіи, что какова бы ни была на видъ поверхность міроваго потока, въ глубинѣ его всегда есть стремленье осуществить всеобщее благоустроенное счастіе. Все равно, какимъ именно родомъ представленій удовлетворяется наконецъ эта фантазія, проникающая въ глубину вещей, заглядывающая въ самое ихъ сердце: во всякомъ случаѣ, тотъ подъ-часъ элегическій, подъ-часъ мрачный, иногда унылый, а иногда восторженный взглядъ, какимъ мы смотримъ на отношеніе текущаго міропорядка къ потребностямъ нашей души, имѣетъ на своеобразный складъ жизни человѣческой несравненно болѣе вліянія, нежели выводы науки, за которыми не многіе гонятся, да которые мало кто и понимаетъ.

Не только услажденіе нашимъ существованіемъ, но и самый образъ нашей дѣятельности, — бодрая предпріимчивость здѣсь, смиренная покорность судьбѣ тамъ, все находится подъ тѣмъ же вліяніемъ. Мнѣніе, какое сложится въ насъ о цѣнности вещей и о направленіи всего хода міра, неизбѣжно опредѣляетъ собою и другое мнѣніе о значеніи и достоинствѣ индивидуальной личности, о притязаніяхъ, какія мы считаемъ себя въ правѣ предъявлять, о цѣляхъ, какія намъ можно ставить себѣ съ надеждою ихъ достигнуть, наконецъ — о лежащихъ на насъ обязанностяхъ, о томъ, что намъ вмѣнять себѣ за долгъ. Если ходъ жизни человѣческой отличается такой широкой обдуманностью отъ животнаго бытія, которое прямо слѣдуетъ внушеніямъ данной минуты и руководится опытомъ развѣ только въ своихъ средствахъ, но едвали когда сообразжается съ нимъ, ставя себѣ цѣль, то, съ другой стороны, искони идетъ вѣрованіе, приписывающее человѣку вопервыхъ врожденное обладаніе нравственнымъ закономъ, который на-

Digitized by Google

правляетъ будто бы его образъ мыслей и чувствованій, и во-вторыхъ внутреннее религіозное откровеніе, будто бы указывающее ему конечныя его цѣли, — и то и другое, какъ двѣ прочныя точки опоры для естественнаго стремленія, которое само по себѣ готово идти туда и сюда. Первобытной ли наклонности къ обоимъ должно намъ искать въ духѣ человѣческомъ, или развиваются они только въ видѣ цвѣтка жизненнымъ уже образованіемъ, вотъ вопросъ, которымъ предстоитъ заняться намъ теперь.

Мы нашли, что міропознаніе предоставлено разработкѣ опытомъ не только въ своихъ подробностяхъ; но что даже небольшое число общихъ и нормативныхъ истинъ, долженствующихъ руководить эту разработку, не прирождено нашему духу въ надлежащей полнотѣ: въ насъ лежитъ сначала одинъ только зародышъ высшаго уразумѣнія, который при неодинаково-благопріятныхъ обстоятельствахъ мы развертываемъ въ болѣе или менѣе ясную, а иногда сбивчивую систему понятій. Послѣ этого мы втайнѣ должны ожидать, что почти то же выйдетъ и съ первоосновами нравственной нашей жизни. Если предназначеніе человѣка вообще таково, чтобы только собственною своею дѣятельностью становился онъ тѣмъ, чѣмъ повелѣваетъ ему быть его понятіе, то и идеаловъ для своихъ дѣйствій не найдетъ онъ въ себѣ готовымъ даромъ своей организаціи, а долженъ будетъ овладѣвать ими постепенно въ теченіе своего развитія. Правда, что именно съ этой стороны хотѣли видѣть преимущество нравственной его природы надъ познавательною способностью. Утверждали, что послѣдняя даетъ ему только немногія несомнѣнныя начала для правильнаго обсужденія вещей, да и тѣ, при проводѣ ихъ наперекоръ кажущейся очевидности, не избавляютъ его отъ множества ошибокъ; напротивъ, даже и бѣднѣйшій человѣческій духъ имѣетъ въ своей совѣсти, независимо отъ высоты и обшир-

Digitized by Google

ности пріобрѣтенныхъ познаній, непреложную норму дѣятельности и высшіе предметы вѣры, предстающіе ему всегда одинаково ясно. Но сравненіе разныхъ ступеней человѣческаго быта давно ужь научило насъ бо́льшей осмотрительности въ такого рода мнѣніяхъ. Пришлось отказаться отъ мысли основывать вѣру въ бытіе Божіе на единодушномъ согласіи всѣхъ въ мірѣ племенъ. Подъ напоромъ житейскихъ опытовъ въ каждой человѣческой груди развиваются, правда, настроенія и чаянія, намекающія на нѣчто невидимое и неизвѣстное; но при отсутствіи благопріятныхъ условій для ихъ выработки, они едва ли порождаютъ что-нибудь, кромѣ той безпредметной боязни, которая овладѣвала бы конечно и душой животнаго, не мѣшай ему крайнее скудоуміе собирать въ постоянную группу мыслей тѣ единичные страхи, какіе испытываетъ оно по временамъ. Не найдется пожалуй ни одного такого человѣка, у котораго неложный голосъ совѣсти безмолвствовалъ бы всегда совершенно; но что же именно одобряетъ и повелѣваетъ этотъ голосъ? Если взять человѣка, каковъ онъ есть, во что выработался онъ своими отношеніями и обстоятельствами, надо признаться безъ обиняковъ, что голосъ совѣсти повелѣваетъ въ немъ очень разнообразно. Ограниченный и односторонній кругъ опыта обыкновенно пріучаетъ насъ къ извѣстнымъ способамъ представленья, которые, не находя себѣ противорѣчія въ этомъ собственно кругу, мало по малу вполнѣ принимаютъ для насъ видъ безусловной очевидности. Извѣстно, какъ неодолимо противостоятъ такіе предразсудки истинѣ даже и тогда, когда она предлагается намъ совсѣмъ готовой, не обязывая насъ къ труднымъ за ней поискамъ. Не менѣе живучи практическіе предразсудки, прививаемые намъ воспитаніемъ, народностью, нравами, званіемъ и духомъ времени, и нѣтъ возможности отрицать, что въ силу этихъ явленій принимаются за священный долгъ совѣсти не только безразличныя по себѣ

Digitized by Google

дѣйствія, не только часто маловажные обряды, но много и такого, что образованіе другой эпохи и другой мѣстности осудило бы просто какъ безчеловѣчное варварство; а между-тѣмъ нарушеніе этого мнимо-священнаго долга стоитъ намъ такихъ же точно душевныхъ тревогъ, какія по справедливости должны бы были возбуждаться въ насъ только преступленіемъ заповѣдей истинно-нравственнаго закона. Подобно тому, какъ вѣра въ существованіе истины живитъ и одушевляетъ человѣческое познаніе, предоставляя часто-заблуждающемуся изслѣдованію рѣшить самому вопросъ, въ чемъ-состоитъ истина: такъ другою, столь же существенною чертой человѣческой природы можно назвать то, что она вообще носитъ въ себѣ мысль обязанности и долга; но что именно соотвѣтствуетъ этимъ понятіямъ и какую форму поступковъ они повелѣваютъ, въ это предстоитъ ей медленно вдумываться и вникать, въ теченіе всего ея развитія. Едвали еще есть надобность особенно указывать читателю на то, что мы отстаиваемъ здѣсь двѣ разнородныя вещи: развивающую силу опыта съ одной стороны, съ другой же, и притомъ не менѣе рѣшительно, первобытное существованіе зародыша, на который дѣйствуетъ эта сила. Никогда не удастся намъ внести въ совершенно пустую, порожнюю душу сознаніе долга, съ помощью однихъ только впечатлѣній опыта.

Вздумай мы разграничить трудно-опредѣлимую область того, что мы собственно дѣлаемъ, съ тѣмъ, что происходитъ въ насъ самихъ или отъ насъ, то первымъ розняшимъ здѣсь отличіемъ выступятъ повидимому чувства довольства и недовольства, которыми внутреннія событія или сопровождаются, или нѣтъ. Проявленіе, необходимо возникшее изъ подѣйствовавшихъ на насъ впечатлѣній, безъ всякаго измѣренія цѣнности ихъ для насъ чувствомъ отрады или боли, не нашли бы мы ни какого повода отличить въ ряду разныхъ другихъ

Digitized by Google

дѣйствій именемъ поступка, дѣянія. Не нашли бы даже и въ томъ случаѣ, еслибъ потрясеніе, произведенное въ насъ какимъ-либо раздраженьемъ, сопровождалось сознательными представленьями, и наступающее за тѣмъ воздѣйствіе вызывалось бы только посредствующимъ звеномъ какого-нибудь ряда мыслей. Проявленіе наше имѣло бы тогда правда болѣе сложный источникъ, но въ сущности было бы все-таки подобно тѣмъ результатамъ, какихъ можно ожидать и отъ механическаго возбужденія многосложныхъ орудій. Въ простомъ знаніи и мысленномъ воспроизведеніи мы сами себѣ кажемся дѣлимыми, и рядъ движущихся въ насъ представленій какъ будто занимаетъ только извѣстную ограниченную мѣстность нашего существа, тогда какъ весь прочій составъ его остается къ нимъ безучастнымъ; на то, что идетъ отъ нихъ въ видѣ проявленья, мы не смотримъ еще какъ на дѣло нашего *я*, мы видимъ здѣсь только происходящее изъ него событіе (въ которомъ само оно собственно ни при чемъ). Но въ чувствахъ довольства и недовольства наше *я* сознаетъ наконецъ принадлежность къ нему этихъ отдѣльныхъ его состояній, сознаетъ себя захваченнымъ ими сплошь и цѣликомъ; то, что произойдетъ изъ нихъ, кажется намъ уже совокупнымъ воздѣйствіемъ всей нашей природы. Страданія въ собственномъ смыслѣ слова не думаемъ мы еще видѣть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ просто лишь порушается наличный составъ какого-нибудь существа; мы признаемъ страданіе только уже тамъ, гдѣ существо болѣзненно ощущаетъ эту поруху: такъ точно и дѣйствіемъ, въ смыслѣ поступка, считаемъ мы не то, когда выступитъ изнутри наружу какое-нибудь проявленіе; мы видимъ его только въ тѣхъ случаяхъ, когда за побудительныя причины этого выступа можемъ принять чувства довольства или недовольства. Не то, чтобы въ воздѣйствіяхъ, производимыхъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, мы не различали нѣкоторыхъ отъ желан-

Digitized by Google

наго нами поступка, въ качествѣ непроизвольныхъ движеній; но, съ другой стороны, не предшествіемъ же воли и стремленія можемъ мы отличать и розпить поступки отъ простыхъ дѣйствій. Вѣдь воля и стремленіе сами суть то, что́ они есть, только благодаря ихъ отношенію къ внутренно-ощущаемой цѣнности своей цѣли. Будь какая либо возможность отдѣлить стремленіе разумнаго существа отъ малѣйшей тѣни радостнаго или скорбнаго участія его къ своимъ цѣлямъ, оно превратилось бы опять въ безжизненный позывъ къ дѣйствію, способный порождать физическія событія, но отнюдь ужь не поступки.

Поэтому, если прежде чѣмъ спрашивать объ идеалахъ, какими должна опредѣляться наша дѣятельность, мы поведемъ рѣчь о силахъ, которыя вездѣ приводятъ ее въ движеніе, то увидимъ всю невозможность отрицать, что стремленіе удерживать за собою или вновь пріобрѣтать довольство, и напротивъ избѣгать недовольства, составляетъ единственную пружину всякой практической дѣятельности. Отъ двухъ условій зависитъ различная степень выработки, до какой общее это стремленіе доводитъ разныя породы живыхъ тварей. Вопервыхъ,—отъ разнообразія вспомогательныхъ средствъ, которыя утонченность тѣлесной и духовной организаціи представляетъ жаждущему довольства существу для достиженій его цѣлей; вовторыхъ, —отъ своеобразности его природы, которою опредѣляется для него то, въ чемъ именно находить ему довольство или недовольство, и въ силу которой одно какое-нибудь существо ограничено самымъ единообразнымъ кругомъ наслажденія, тогда какъ другому открытъ богатый выборъ достижимыхъ для него благъ, среди котораго легко ему начать противопоставленіе бо́льшихъ мѣньшимъ, благороднѣйшихъ — дюжиннымъ, священныхъ — несвященнымъ. Мы не имѣемъ въ виду подробно разсмотрѣть здѣсь первое изъ этихъ условій, а равно и порождае-

Digitized by Google

мую имъ степень благоразумія и настойчивости человѣческихъ стремленій, такъ какъ предлежащій далѣе обзоръ историческаго развитія приведетъ насъ къ этому неизбѣжно; но второе условіе заключаетъ въ себѣ тѣ именно черты, изъ которыхъ должно объясняться различіе человѣческой нравственности отъ животнаго влеченья, — а это такой вопросъ, котораго общее значеніе неотложно требуетъ всей нашей внимательности.

Общеизвѣстно и часто уже высказано было замѣчаніе, что чувства довольства и недовольства не могутъ привиться къ простому, единичному впечатлѣнью, а ощущаются только по поводу соотношенія между многими. Для меня сомнительна вѣрность этого замѣчанія, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ. Каково бы ни было соотношеніе двухъ впечатлѣній между собою, то, что оно подмѣчается нами не равнодушно, безъ участія, но чувствуется какъ пріятное или непріятное, не можетъ происходить отъ того, что оно есть именно это соотношеніе, а имѣетъ свой источникъ единственно лишь въ томъ, что, будучи такимъ, какъ оно есть, оно находится въ согласіи или въ противорѣчіи съ тѣмъ существомъ, которое его подмѣчаетъ. Не то, что совершается между двумя чуждыми намъ предметами, но то, что происходитъ между каждымъ изъ нихъ порознь и нами, вотъ причина возбуждаемаго въ насъ довольства или недовольства, и всякое простое впечатлѣніе можетъ вызвать любое изъ этихъ чувствъ, смотря по тому, какъ отнесется оно къ тѣмъ состояніямъ, дѣятельностямъ, стремленьямъ и повадкамъ, какія найдетъ оно внутри насъ, то-есть нарушитъ ли ихъ и отобьетъ отъ естественнаго ихъ направленія, или, напротивъ, поддержитъ въ немъ и окажетъ имъ вообще помогу и подспорье. Конечно, въ числѣ причинъ, производящихъ такія перемѣны въ насъ самихъ, найдутся и отношенія между многими соединенными другъ съ другомъ впе-

Digitized by Google

чатлѣньями, и мы готовы даже допустить, что они-то именно и возбуждаютъ тѣ чувства, которыя всего важнѣе и всего характеристичнѣе для человѣческаго образованія. Но цѣнность и такого рода впечатлѣній ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы считать зависимою отъ одного взаимнаго отношенія ихъ многоразличныхъ содержаній, безъ того, чтобъ не измѣрить послѣдняго степенью согласія его съ нами самими, или же съ какимъ либо другимъ подобнымъ отношеніемъ, вопросъ о цѣнности котораго былъ разрѣшенъ точно такимъ же способомъ, только прежде. Неоспоримо, малоцѣннѣе то, что̀ отвѣчаетъ только минутному и случайному настроенію или какой-нибудь индивидуальной особенности того духа, на который ложится оно впечатлѣніемъ; цѣннѣе уже то, что гармонируетъ съ общими и нормальными чертами организаціи, оспособляющими духъ къ выполненію его предназначенья; всего выше будетъ, пожалуй, то, что̀ было бы подъ-ладъ постоянному настроенію такой идеальной души, которая не допускала бы въ своихъ внутреннихъ состояньяхъ уже ни малѣйшихъ уклоненій отъ цѣли своего развитія. Выше этого нѣтъ рѣшительно ничего; и мысль о чемъ бы то ни было безусловно-цѣнномъ, что̀ не доказывало бы этой цѣны своей способностью порождать (соотвѣтственное) довольство, — это мысль вполнѣ несостоятельная, мысль ума, заходящаго, какъ говорится, за разумъ.

Со стороны практической философіи было конечно похвальною строгостью, освободить нравственныя начала отъ всякихъ побочныхъ соображеній съ собственною выгодой дѣйствующаго лица; но напрасно старался этотъ ригоризмъ порвать ту ясную и неотразимую связь, которою, презрительное въ большей части своихъ приложеній, понятіе самоуслажденья соединяется тѣмъ не менѣе съ понятіемъ цѣнности или достоинства. Когда, въ противоположность своекорыстнымъ цѣлямъ, Кантъ почелъ возможнымъ отыскать общую формулу для всѣхъ нравствен-

Digitized by Google

ныхъ поступковъ, онъ чистосердечно признавался самъ, что не открылъ въ ней однако настоящей причины ея обязательнаго для насъ значенія *). Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ же могло бы разумѣться само собой, чтобы руководящія правила личныхъ дѣйствій нашихъ годились быть началами общаго законодательства? И которыя же изъ нихъ именно къ тому негодны? Очевидно, тѣ, изъ общаго повиновенія которымъ произошло бы разочарованіе во всѣхъ возможныхъ стремленьяхъ человѣка, возникла бы всеобщая безрядица. Но этотъ интересъ къ порядку и къ возможности успѣшныхъ дѣйствій нашей воли, что же это, если не допущеніе величаваго и многообъемлющаго начала пользы на мѣсто мелочныхъ и единичныхъ пользъ, или же полное признанье въ томъ, что всякія иныя правила, кромѣ требуемыхъ этимъ началомъ, привели бы къ общему злополучію и потому должны рѣшительно быть отвергнуты? Другія системы, также страшась всякаго самоуслажденія, увѣряютъ насъ, что нравственная заповѣдь одна: конечное существо должно подчиняться безусловному, каждая точка окружности должна зависѣть отъ центра, воля человѣка должна идти въ параллель съ развитіемъ безконечной идеи и работать въ ея смыслѣ. Ну, а еслибъ само безусловное именно и не хотѣло такого подражанья? Еслибъ центръ не находилъ для себя въ этой покорности ничего, кромѣ досады и горя, неужели можно бъ было все-таки утверждать, что слѣдуетъ не смотря на то держаться той же заповѣди, какъ безусловно-истинной и достойной? Тогда пришлось бы наконецъ вспомнить, что святость заповѣди основана на волѣ Верховнаго Существа, на Его способности быть довольнымъ или недовольнымъ нашими повѣнове-

*) Формула эта говоритъ: «Поступай такъ, чтобы руководящее правило твоей воли всегда могло въ то же время служить и кореннымъ началомъ общему законодательству.»

Digitized by Google

ніемъ и ослушаньемъ, и наконецъ на томъ отношеніи нашемъ къ Нему, въ силу котораго мы находимъ свое блаженство въ Его удовольствіи. Стоитъ столько заглушить малѣйшій отзывъ сердца въ понятіи объ этомъ Верховномъ Существѣ и превратить его въ косную естественную силу безчувственной, хотя бы, положимъ, и разумной мощи, — и мы тотчасъ же убѣдимся въ томъ, что вышеупомянутое подчиненіе не имѣетъ ровно ни какой самобытной, самоутвердительной цѣнности. Тогда прійдется, напротивъ, съ участіемъ смотрѣть на каждое конечное существо, которое прерветъ эту скуку вѣчно-однообразнаго развитія, и, взявшись за умъ, постарается лучше «провести во что бы ни стало безусловную свободу и самостоятельность своего *я*». Почему опять и эта автономія должна имѣть безусловную цѣнность, останется, правда, непонятнымъ въ свою очередь, но останется не надолго: въ ней скоро признаемъ мы самодовольство благородной гордости, подобно тому, какъ въ самодовольствѣ добровольно-покорной любви мы видѣли ту истинную силу, которая побуждаетъ точки окружности двигаться вокругъ центра. Еслибъ, наконецъ, намъ вздумали сказать: всякая борьба, всякій споръ сами по себѣ непріятны, мы просто отвѣтили бы на это рѣшительнымъ отрицаніемъ; намъ не нравится вообще брань, и въ спорѣ непріятно только бранное, признакъ явнаго недоброжелательства, озлобленія сопротивниковъ. Но отложимъ это въ сторону, и тогда всякая борьба двухъ волъ будетъ сама по себѣ лишь занимательною для насъ игрой природы; только весьма косвеннымъ образомъ могла бы она не нравиться еще и помимо всякаго зложелательства,—не сама по себѣ, но изъ-за того неизбѣжнаго, хотя и неумышленнаго, неудовольствія, какое причиняетъ она обѣимъ сторонамъ, или изъ-за напрасной траты силъ, которыя, дѣйствуй онѣ заодно, могли бы породить только обоюдное удовольствіе. Вообще что такое значитъ, что есть извѣстныя отношенія разныхъ

Digitized by Google

воль, заслуживающія безусловнаго одобренья? Существуетъ ли гдѣ-нибудь на свѣтѣ подобное отношеніе? Существуютъ ли такія воли, которыя имѣли бы свою дѣйствительность отдѣльно отъ всякихъ задушевныхъ чувствъ и могли бы, помимо нихъ, вступать въ соотношеніе между собою? И даже пусть будетъ такъ, пусть весь міръ состоитъ только изъ существъ, одаренныхъ разумной волей, но съ тѣмъ, чтобъ ни одно изъ нихъ, ни конечные духи, ни само ихъ Божество, не были способны ощущать довольство и недовольство, — какой же смыслъ имѣли бы тогда эти идеалы воли, не находя теперь ровно ни кого, кто бы могъ ихъ одобрять? Развѣ осталось бы въ самомъ дѣлѣ и тогда безусловнымъ нравственнымъ требованіемъ, чтобъ на мѣсто одного фактическаго состоянія, не причинявшаго ни кому ни добра, ни худа, наступало другое состояніе, также ни кому въ мірѣ не приносящее ни малѣйшаго добра? Неужели прійдется намъ вѣрить, будто весь міръ такъ дочиста разрѣшается въ чинность одного внѣшняго этикета, что тутъ все дѣло лишь въ осуществленіи формальныхъ фактическихъ состояній (не находящихъ себѣ ни какой внутренней оцѣнки, и потому не имѣющихъ ровно ни какой цѣны)? Послѣдніе эти выводы, то-есть превращеніе всякой нравственной дѣятельности въ чистое производство, въ одну только изготовку или поставку разныхъ дѣлъ, чрезмѣрно-строгая мораль можетъ прикрыть для себя самымъ легкимъ образомъ; потому что въ частности ни кому вѣдь не прійдетъ на умъ выставить ни одного нравственнаго закона, въ которомъ не таилось бы неизбѣжно соображенія съ презираемымъ ею самоудовлетвореньемъ; въ другихъ областяхъ жизни слѣдствія такого невѣрнаго основанія сами выступаютъ наружу. Давно уже привыкли смотрѣть свысока на чувство впечатлѣній прекраснаго и искать сущность красоты въ разныхъ форменныхъ соотношеніяхъ идей между собою: отсюда рождаются произведе-

Digitized by Google

нія искусства, которыхъ достоинство можно вполнѣ доказать діалектическимъ способомъ, но которыя, на бѣду, ни кому не нравятся (кромѣ развѣ самихъ производителей). А въ попыткахъ общественныхъ перестроекъ и преобразованій какъ часто видимъ мы то же идолопоклонство передъ формальными началами! Иному кажется, что все уже и сдѣлано, когда достигнута какая-нибудь форма политическаго строя, все равно, источаетъ ли этотъ искусственный строй хоть каплю дѣйствительнаго жизнеуслажденія, или же всѣ чувствуютъ въ немъ неодолимую скуку и тоску, а не то — еще и хуже, просто — бѣдствуютъ.

Природному здравомыслію собственно чужды эти заблужденья. Заботиться о себѣ самомъ кажется ему самымъ естественнымъ дѣломъ, а не какою либо нравственной заслугою; дѣлать добро другимъ и пріумножать сумму, услаждающаго міръ, довольства, — вотъ единственная задача, въ выполненіи которой сходятся для него всѣ нравственныя обязанности. Я говорю это не въ похвалу безмысленной добротѣ или тому жалкому слабодушію, которое ни въ чемъ не умѣетъ отказать, ни въ чемъ не рѣшится прекословить, и мгновенную благодарность опрометчиво удовлетвореннаго имъ лица покупаетъ слѣдующимъ за тѣмъ укоромъ въ своей безразсудной податливости. Подобно тому, какъ въ природѣ не каждое отдѣльное существо возникаетъ и развивается непосредственно, благодаря силѣ, направленной къ его порожденью, но слагается и ростетъ соотвѣтственно общимъ законамъ цѣлаго, изъ котораго почерпаетъ свои потребности: такъ и всякое добро, предназначенное равномѣрно для всѣхъ членовъ совокупнаго множества, конечно будетъ нуждаться въ извѣстной экономіи своего производства и распредѣленія, и общія правила послѣдней не могутъ быть нарушены безъ того, чтобы не сгибла цѣль, которой предполагалось ими достигнуть. Вотъ, на что надѣется

Digitized by Google

нашъ безпредубѣжденный духъ, и если даже замѣтитъ, что совѣсть предначертываетъ ему такіе законы дѣйствія, которыхъ связь съ цѣлію высшаго довольства прямо для него не ясна, то все-таки никогда не усомнится въ томъ, что связь эта дѣйствительно существуетъ и что вся строгость міровыхъ законовъ царитъ не для самой себя, но для проложенія вѣрнаго пути къ тому всеблагому результату. Унижать значенье этихъ законовъ всего менѣе можетъ прійдти намъ въ голову послѣ того, что мы такъ часто отстаивали рѣшительную необходимость стройнаго механизма для осуществленія всего прекраснаго и великаго, — отстаивали даже и тамъ, гдѣ другіе видѣли только непосредственное творчество одной внѣзаконной благости идеи. Но такъ же мало расположены мы ставить законы эти слишкомъ высоко; пока мы держимся убѣжденія, что ни какой механизмъ не существуетъ ради самого себя, до тѣхъ поръ ни какая дѣйствительность не можетъ существовать для насъ только ради своего существованія, и ни какая практическая дѣятельность не можетъ не имѣть въ виду произведенія чего нибудь, прежде не бывшаго. Это производство внѣшнихъ фактическихъ постановокъ и всякая законность его хода должны же непремѣнно завершаться гдѣ-нибудь внутреннимъ актомъ довольства и окончательнаго услажденія.

Однако жестоко ошибется тотъ, кто вздумаетъ признать за всѣми моральными законами только производную эту цѣнность, принадлежащую имъ потому, что они необходимыя нормы или правила всеобщей экономіи довольства; бо́льшая часть даже тѣхъ изъ нихъ, которые предписываютъ не общегодный способъ дѣйствія, но лишь разсчитанный на какія-нибудь опредѣленныя соотношенія, связана съ порожденіемъ извѣстныхъ благъ гораздо непосредственнѣе и тѣснѣе. Никто вѣдь не отважится выставлять довольство, все равно въ какой бы то ни

Digitized by Google

было фомѣ или купленное какою ни имѣетъ цѣной, за достохвальную цѣль человѣческаго стремленья; но не одна лишь нравственная совѣсть, а также и логическая невозможность этого положенія, не дозволила бы намъ признать его за истину. Довольство само по себѣ мысль неполная, пока не сказано, чѣмъ именно въ немъ удовлетворяются, что въ немъ собственно отрадно. Я разумѣю здѣсь не прямо то внѣшнее впечатлѣніе, откуда оно для насъ происходитъ, но его собственное специфическое содержаніе, присущее ему, когда оно однажды произведено. Какъ нѣтъ возможности ощущать только вообще, не ощущая вмѣстѣ съ тѣмъ чего-нибудь или, точнѣе, какъ-нибудь, — не ощущая, напримѣръ, въ видѣ краснаго и сладкаго, твердаго или горячаго; какъ нельзя представить себѣ этого ощущенья слабѣйшимъ или сильнѣйшимъ только въ степени (помимо опредѣленнаго качества): такъ же точно не льзя говорить и о довольствѣ, которое было бы наслажденіемъ вообще, а не исключительно лишь наслажденіемъ чѣмъ либо опредѣленнымъ, — которое было бы поэтому наслажденіемъ, способнымъ быть только больше или меньше, мимолетнѣе или прочнѣе, но впрочемъ безъ всякаго качественнаго содержанія. Красный цвѣтъ не противень или снимокъ съ волнъ эѳира, причиняющихъ его видимость, но какъ ощущеніе краснаго, онъ все-таки же переводъ только этого опредѣленнаго раздраженья на особенный языкъ души, и всякое иное раздраженіе подверглось бы уже другому такому переводу: такъ точно и особенное удовольствіе, получаемое нами отъ какого-либо единичнаго впечатлѣнія или отъ соотношенія многихъ впечатлѣній между собою, вовсе не снимокъ съ этихъ впечатлѣній, къ которому прививалась бы потомъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ качественно-одинакая отрада; напротивъ, специфическое это чувство есть прямо и нераздѣльно переводъ той цѣнности, какая присуща только этому опредѣленному случаю возбужденья,

Digitized by Google

на языкъ душевной воспріимчивости къ удовольствію. Мы говоримъ о довольствѣ и недовольствѣ вообще точно такъ же, какъ о движеніяхъ; можно мысленно отвлекать послѣднія отъ ихъ направленія и скорости, но ни одно изъ нихъ не способно ни существовать, ни возникнуть безъ того, чтобъ у него не было уже скорости и направленья: подобно тому довольство и недовольство никогда не могутъ состояться въ этой безформной и безцвѣтной всеобщности, но всегда имѣютъ опредѣленный колоритъ, или собственно не то, что имѣютъ, а сами суть этотъ колоритъ, точно такъ же, какъ движеніе не то, чтобы имѣло скорость и направленіе: оно само и есть куда-либо направленная скорость. Изъ-за теоріи лишишь себя лучшаго, что̀ есть въ удовольствіи, если вздумаешь держаться мысли, будто оно когда либо можетъ состоять въ томъ, что мы чѣмъ нибудь радуемся или тѣшимся. Это вѣдь совсѣмъ не то, чтобы намъ надо было сначала признать только холодное превосходство какого нибудь обстоятельства, а потомъ вознаградить его за это опредѣленнымъ количествомъ своего удовольствія, которымъ, словно всеобщею духовною монетой, оплачиваемъ мы одинаково вездѣ, только въ бо̀льшихъ или мѐньшихъ суммахъ, разномѣрную цѣнность впечатлѣній. Напротивъ, вещи одолѣваютъ насъ своею собственною цѣнностью; а если утѣха ею по необходимости и зависитъ отъ нашей индивидуальной природы, такъ какъ чувствовать можно намъ вѣдь только то, къ чему мы именно способны; все же однако особенныя различія, возникающія на этомъ основаніи между чувствами нашего довольства, отнюдь не могутъ быть сведены на чисто-количественныя разности вполнѣ тожественнаго личнаго благосостоянія.

Съ устраненіемъ этого невѣрнаго способа представлять себѣ дѣло, исчезъ бы поводъ ко многимъ упрекамъ и укоризнамъ, какимъ подвергается довольство вообще. Оно не представля-

Digitized by Google

лось бы уже въ невыгодномъ свѣтѣ эгоизма, употребляющаго все, и даже самоё своеобразную природу вещей, только въ видѣ топлива для своего собственнаго согрѣванія; тогда увидѣли бы наконецъ, что довольство есть само тотъ свѣтъ, въ которомъ всякое объективное превосходство и изящество дѣйствительнаго только и становится истинно свѣтлымъ. И не льзя бы уже было по справедливости повторять тогда избитый, стародавній укоръ, что будто понятію довольства недостаетъ той внутренней основы его собственнаго обсужденія, которая научала бы отличать высшія и благороднѣйшія его формы отъ низшихъ и пошлѣйшихъ, или указывала бы намъ въ которой либо изъ нихъ настоящій образецъ совершенства. Захоти мы только бросить безполезную научную спѣсь, мы должны будемъ чистосердечно признаться, что еще ни одна система морали, пытавшаяся вывесть цѣлый рядъ обязанностей или нравственныхъ идеаловъ изъ одного высшаго начала, не смогла успѣть ни въ чемъ, кромѣ установки понятнаго логическаго подчиненія своихъ выводовъ этому высшему началу. Но увѣренность, что самые тѣ выводы дѣйствительно содержатъ въ себѣ обязательные для насъ образцы, и что одинъ изъ нихъ выше и цѣннѣе другаго, никогда не вытекала сама собою изъ начала, а высказывалась только непосредственнымъ голосомъ совѣсти, съ приговоромъ которой справлялись при каждомъ отдѣльномъ вопросѣ. Если же другіе взгляды основывали нравственныя убѣжденья наши на извѣстныхъ отношеніяхъ различныхъ воль, съ которыми будто бы неразлучно безусловное одобреніе или порицанье, то и они ни мало не помышляютъ при этомъ о возможности, изъ понятія о подобномъ отношеніи опредѣлить, что именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ достойно одобренія, и что подлежитъ порицанью: рѣшительнаго приговора они также ждутъ отъ совѣсти. Не знаю, почему отъ понятія о довольствѣ приходилось бы ждать болѣе нежели даютъ

Digitized by Google

всѣ другія подобныя начала. Быть-можетъ, оно однакожь такъ и дѣлаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ; но для насъ достаточно здѣсь положительно ввести въ расчетъ ту неизбѣжную ссылку на совѣсть, безъ которой другія воззрѣнія обходятся вѣдь только повидимому. Мы несомнѣнно знаемъ, что отдѣльныя формы довольства разновидны между собою, что одна изъ нихъ всегда бываетъ выше или ниже другой, что каждая, будучи положительна сама въ себѣ, можетъ стать отрицательной въ сравненіи съ другою, и что только удовлетвореніе самой совѣсти, слѣдовательно — довольство согласіемъ каждой отдѣльной услады съ этимъ закономъ, съ этой нормою для всѣхъ, изъято отъ всякихъ колебаній въ своей цѣнности. Намъ остается присовокупить нѣсколько указаній насчетъ того, какимъ образомъ въ коренной природѣ человѣческаго духа и вездѣ замѣтныхъ первоначальныхъ шагахъ его развитія возникаютъ побуды къ нравственнымъ поступкамъ и является сознаніе цѣны имъ.

Чувственное довольство не только составляетъ ту цѣль, къ которой первоначально направлена всякая живоподвижность, но и въ выработавшейся уже жизни мы находимъ его опять затаенной пружиною многоразличнѣйшихъ дѣйствій. Конечно, помимо внѣшняго возбужденія, живымъ существамъ не можетъ быть отъ природы свойственно стремленіе увеличивать сумму своихъ наслажденій; безъ такого побуда они не знали бы, гдѣ искать этого большаго блага. Вѣдь только опытъ указываетъ намъ пути къ нему и будитъ, съ одной стороны, жажду снова воспользоваться разъ извѣданнымъ счастіемъ, съ другой—такого рода желаніе, которое направлено ко всѣмъ благамъ вообще, даже и къ совершенно невѣдомымъ. Отдаваться этимъ влеченьямъ не могло бы помѣшать душѣ ни какое другое соображеніе, кромѣ развѣ знанія невыгодъ безграничнаго самоудовлетворенія или кромѣ извѣстности о большихъ еще благахъ,

Digitized by Google

которыхъ списканію перечитъ послѣднее. Впрочемъ естественный ходъ вещей уменьшаетъ здѣсь опасность крайнихъ увлеченій и ведетъ самъ собой къ постепенному ознакомленію съ лучшими благами. Онъ по крайней мѣрѣ рано приводитъ къ тому, что въ общей совокупности стремленій нашихъ утонченнѣйшее довольство внутренняго чувства и смысла участвуетъ гораздо болѣе нежели падкость къ чисто-тѣлесной утѣхѣ. Простыя, неусложненныя еще образованностью состоянія быта соединены съ гораздо болѣе измѣнчивыми потребностями, которыя приходится удовлетворять собственнымъ напряженнымъ трудомъ; съ другой стороны, высшія степени тѣлеснаго наслажденья мимолетны, кратковременны, но въ продолжительные ихъ промежутки не угасаетъ однако живая воспріимчивость души. Такимъ образомъ, чрезмѣрное пристрастіе къ какому либо одному разряду наслажденій не встрѣчаетъ себѣ особеннаго поощренія; но зато случается, что душа, въ своихъ поискахъ за средствами къ удовлетворенью, встрѣчается на этомъ самомъ пути съ такими впечатлѣніями, которыя непримѣтно увлекаютъ и приковываютъ ее къ себѣ въ свою очередь. Ей не подъ силу обойдти ихъ и не предаться отчасти раздражающему ихъ вліянію на любознательность, отчасти тѣмъ внутреннимъ настроеньямъ, какія вызываются въ ней ихъ значеніемъ и смысломъ. Такъ стремленіе къ цѣли наслажденія часто замедляется то тѣмъ, то другимъ, и въ промежуткахъ моментовъ чувственнаго наслажденія возвращаются въ душѣ эти усвоенныя ею впечатлѣнья. Мало по малу привыкаетъ она предпочитать болѣе равномѣрное и не такъ пылкое удовольствіе, доставляющее постоянно благотворную пищу ея внутреннему чувству и уму. Утѣха безцѣльною риѳмическою игрою впечатлѣній, развлекающею общительностью, упражненіемъ собственной силы и ловкости занимаетъ въ самомъ естественномъ быту народовъ, равно какъ и при развитой уже граждан-

Digitized by Google

ственности, гораздо болѣе мѣста нежели страсть къ чисто-чувственнымъ наслажденіямъ. Да и тамъ, гдѣ падкость къ нимъ еще невольно бросается въ глаза, мы все-таки найдемъ, что она рѣдко направлена къ одному грубому плотоугодію; желаемое представляется желаннымъ гораздо менѣе само въ себѣ, нежели по тому множеству помысловъ, какое прививается къ его значенію для болѣе глубокой внутренней жизни; подготовка, придаточныя обстоятельства и слѣдующія за этимъ думы, возвышаютъ своимъ особеннымъ, разнообразнымъ и болѣе или менѣе утонченнымъ интересомъ скудное само по себѣ достоинство первоначальной цѣли. Пріятныя формы обстановки, гармонически-дружное содѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній, эстетическое украшеніе жизни и навыкъ встрѣчать какъ-бы всегдашній привѣтъ со стороны цѣлаго своего существованья, — вотъ требованія этой утонченной чувственности, и удовлетвореніе ихъ ищется, какъ среди образованнѣйшаго быта, такъ и среди самаго простонравнаго общежитія, въ разныхъ обычаяхъ и пріемахъ, насчетъ которыхъ всегда трудно бываетъ рѣшить, не выражаютъ ли они скорѣе радушную готовность произвесть что нибудь пріятное и граціозное, нежели воспользоваться отъ него какою нибудь (болѣе своекорыстною) утѣхой.

Подлежа въ концѣ концовъ однимъ и тѣмъ же всеобщимъ законамъ развитія, тѣлесная жизнь, равно какъ и жизнь душевная, кипитъ въ разныхъ особяхъ съ различною силой и не безъ отмѣнныхъ уклоненій въ своей раздражимости. Только относительно самыхъ жестокихъ и тяжкихъ впечатлѣній можемъ мы разсчитывать на то, что они во всякомъ произведутъ одинаковую боль или одинаковое недовольство; напротивъ, посредственно-сильныя возбужденья одному кажутся все еще слишкомъ значительными, а другому уже вполнѣ ничтожными и ни мало не затрогивающими. Сверхъ-того, въ одномъ данномъ случаѣ извѣстному раздраженью противодѣйствуютъ необъ-

Digitized by Google

яснимыя отвращенья, тогда какъ въ другомъ ощущается къ нему страстное влеченіе. Разности эти касаются не только предметовъ внѣшнихъ чувствъ, но и тѣхъ формальныхъ соотношеній между впечатлѣньями, которыми возбуждаются въ насъ эстетическія чувства. Величина перемѣны въ ощущеніяхъ, скоропостижный толчокъ внезапности, сплошная напряженность послѣдовательнаго настроенія или связной череды идей, — все это составляетъ насущную потребность для одного какого-нибудь темперамента, и истинную муку для другаго; одна и та же форма сопряженія впечатлѣній, одинъ и тотъ же характеръ внѣшнихъ пріемовъ, составляютъ отрадную жизненную стихію для одного, и предметъ особеннаго отвращенья для другаго. Быть сноснымъ въ этомъ отношеніи и сознавать, что ни одинъ видъ и способъ дѣйствій не имѣетъ вездѣ годнаго, общезаконнаго значенія, что нашъ собственный образъ мыслей и поступковъ не надѣленъ ни какимъ особымъ преимуществомъ передъ чуждымъ намъ другимъ, — это обыкновенно является только уже плодомъ образованія и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ непосредственнымъ даромъ счастливой природы. Мы чуть не съ колыбели наклонны въ этомъ къ тираніи и едва ли рѣшимся отрицать что готовы смотрѣть свысока даже и на того, кому не понравится любимое наше кушанье и что въ насъ шевелится зародышъ маленькой ненависти къ человѣку, который вздумаетъ упорно держаться другаго мнѣнія на этотъ счетъ. Естественно, гораздо сильнѣе выступитъ это разногласіе наклонностей, когда обопрется на многія точки сходства или противорѣчія зараз; и тѣмъ необъяснимѣе становится оно тогда для ощущающей его личности, что при этомъ все менѣе и менѣе возможенъ ясный обзоръ тѣхъ единичныхъ причинъ, которыя сливаются всѣ сплошь въ одно сильное инстинктивное чувство. Пока всѣ отдѣльныя члены какого-нибудь общества соединены между собою рѣзко выдающимся од-

Digitized by Google

нообразіемъ своего племеннаго характера, до тѣхъ поръ индивидуальныя эти явленія обнаруживаются не такъ сильно, составляя тѣмъ не менѣе корень той національной ненависти, которая съ весьма раннихъ поръ розпитъ между собою человѣческія племена, какъ ненавидятъ другъ друга и извѣстныя породы животныхъ. Высшее образованіе приводитъ къ бо́льшему многоразличію индивидуа́льныхъ характеровъ и тѣмъ самымъ влечетъ за собой сильнѣйшую обидчивость одного чуждымъ ему характеромъ другаго, но наверстываетъ это возростающею вмѣстѣ съ тѣмъ силою любви и пріязни по выбору (или по нравственному сродству). Такъ, между соучастниками ограждавшагося общества возникаютъ живо-напряженныя отношенія, еще независимо отъ ихъ взаимныхъ поступковъ; и какая бездна важныхъ событій вытекаетъ наповѣрку изъ этихъ скрытыхъ и вовѣки не разъяснимыхъ побужденій! Прежде чѣмъ нравственное размышленіе успѣетъ наложить на упрямыя повадки духа никогда не сдерживающую ихъ вполнѣ узду, онѣ ведутъ къ тому образу чувствъ и мыслей, который тайно или явно всегда лежалъ въ основѣ взаимныхъ человѣческихъ отношеній, и нерѣдко высказывался даже въ видѣ несомнѣнной и самостоятельной нормы поступковъ нашихъ: мы говоримъ о доброжелательствѣ къ друзьямъ и о ненависти къ непріятелямъ. Оба эти чувства возростаютъ въ силѣ, когда къ дѣйствію, производимому на насъ со стороны другаго тѣмъ, что онъ есть, присоединяется еще впечатлѣніе его поступковъ. И подобно тому, какъ ребенокъ готовъ прибить камень, о который онъ споткнется, и приласкать постель, на которой онъ сладко спитъ, такъ точно развиваются признательность и мщеніе, какъ великія естественныя побужденья, искони одушевлявшія людей въ ихъ взаимныхъ поступкахъ. Очевидно, что всѣмъ этимъ человѣкъ мало превосходитъ животное; но напрасно было бы скрывать отъ себя живодѣйствен-

Digitized by Google

ность обоихъ побужденій. Духъ человѣка, пока онъ еще не подмѣтилъ въ себѣ присутствія иныхъ непреложныхъ законовъ своей дѣятельности, неизбѣжно долженъ слѣдовать этимъ природнымъ влеченьямъ, безъ которыхъ всякое добро оставалось бы въ немъ холодно, и преодолѣніе зла не составляло бы ни какой заслуги.

Всѣми этими стремленьями мы собственно только обороняемъ свой коренной характеръ отъ всего, что̀ съ нимъ не сообразно, и ищемъ того, что̀ ему подъ ладъ. Но человѣкъ не только что особый экземпляръ своего общаго родоваго типа; постепеннымъ скопомъ въ себѣ того, что онъ пережилъ, вырабатываетъ онъ себя въ индивидуальную личность, прилагающуюся новымъ мѣриломъ ко всѣмъ встрѣчнымъ раздраженьямъ,— масштабомъ, которымъ измѣряется для насъ ихъ цѣнность. Возбужденіемъ этой стороны нашего существа порождаются у насъ личныя чувства, которыя хотя и зависятъ въ главныхъ своихъ формахъ отъ общаго характера личности, но для каждой особи слагаются иначе; ибо число и положеніе повредимыхъ и раздражимыхъ точекъ сообразуется съ первобытною или нажитою особенностью того существа, которое носитъ эту особую форму личности. Пока дальнѣйшее развитіе не успѣетъ отыскать лучшихъ идеаловъ дѣятельности, движущею ея силой можно считать только начало совершенно голаго эгоизма. Но въ настоящей жизни вездѣ встрѣчаетъ оно себѣ совокупное противорѣчіе разнообразнѣйшихъ стремленій многосторонняго человѣческаго существа, и потому едвали когда могло имѣть полную и исключительную власть безоглядное, слѣпое проведеніе своевольства, въ видѣ физически-прирожденной силы. Не мыслимо ни одно дѣятельное существо, способное отрѣшиться отъ своей воспріимчивости, въ силу которой оно подлежитъ, съ одной стороны, вышеупомянутымъ нами наклонностямъ и отвращеньямъ, а съ другой—противу-

Digitized by Google

вольному признанію чуждаго ему, иного бытія. Да въ эгоизмѣ и вообще есть внутреннее противорѣчіе, цѣлебно противодѣйствующее односторонности его собственныхъ послѣдствій.

Самое непосредственное самосознаніе причисляетъ просто и прямо къ своей личности все то, что̀ мы получили отъ природы въ видѣ тѣлесной или духовной силы. Еще прежде чѣмъ различныя особи успѣютъ столкнуться въ спорныхъ своихъ притязаніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, каждая изъ нихъ помѣрится силой съ другими, и подмѣта собственной энергіи рядомъ съ мѣньшею чужой прямо ведетъ къ той заносчивости сильнѣйшаго и къ тому презрѣнію всего слабаго и жалкаго, которыя такъ живо высказываются въ любомъ первоначальномъ быту, да никогда не остаются вполнѣ бездѣйственными и при высшемъ уже образованьи. Подобную вещь нашли бы мы совершенно естественною и справедливой, идя только рѣчь о соотношеніи двухъ физическихъ силъ Вѣдь во всякомъ случаѣ и мы всегда скорѣе наклонны мѣрить свои обязанности и свои дѣла по тому, что̀ мы есть сами, и что̀ (сравнительно съ нами) есть другой, нежели опираться на какіе нибудь для всѣхъ обязательные образцы чувствъ и помысловъ, — образцы, которые не говорятъ ни о какомъ еще лицѣ, и которымъ, только по положительномъ признаніи ихъ нами, можемъ мы подчинять отмѣнныя обстоятельства особаго даннаго случая, какъ (ближайшія) причины неравнаго распредѣленія личныхъ обязанностей и правъ. Но мнѣ сдается, что и въ гордой этой заносчивости лежитъ уже неистребимое зерно лучшаго человѣческаго развитія. Мы никогда не сравниваемъ себя съ тѣмъ, что̀ не нашего же рода, или чего по крайней мѣрѣ не льзя подвести, какъ близкаго къ намъ, подъ одно съ нами высшее общее понятіе. Мы, напримѣръ, и не пожелаемъ быть тверже какой-нибудь скалы или могучѣе какой-нибудь силы природы; и если мы возвышаемся надъ себѣ подобными, то утѣха этой гордости

Digitized by Google

неразлучна съ присущимъ тому чувствомъ, что общую всѣмъ намъ задачу рѣшаемъ мы съ особенною личною способностью, что поэтому, помѣрившись съ другими на благонадежномъ основаніи естественной сравнимости, мы оказались лучше ихъ и тѣмъ самымъ пріобрѣли болѣе правъ на высокое о себѣ мнѣніе. Гордость тѣлеснымъ совершенствомъ въ этомъ смыслѣ столько же справедлива и естественна, какъ и киченіе изъ-за духовныхъ преимуществъ; и образованные народы и дикія племена властны смотрѣть другъ на друга со взаимнымъ неуваженіемъ: этимъ они высказываютъ только два односторонне-вѣрныя сужденія *). Мы можемъ сравнивать себя такимъ образомъ даже еще и съ животными; ихъ можно подвести подъ общее представленіе живыхъ, внутренно-подвижныхъ тварей, не только по сходству съ нами въ организаціи и дѣятельности, но и особенно потому, что жизнь ихъ такъ часто соприкасается съ нашею, и въ борьбѣ и въ обоюдныхъ послугахъ. Понятно наше радостное самодовольство, когда намъ удастся перехитрить или осилить эти созданія, которыхъ сама природа какъ будто предназначала для того, чтобы состязаться съ нами въ услажденіи и въ пользованіи жизнью. Отъ тайной этой ссылки на причины, оправдывающія ея спѣсь, гордость ни какъ не можетъ вполнѣ отказаться, и въ тотъ самый моментъ, какъ она признаетъ управомочивающую власть всеобщаго, она ступила уже первый шагъ къ самообузданію и смиренью. Можно далѣе присовокупить, что у эгоизма есть и еще одна скрытая потребность, обозначать

*) Не правы ли были, съ своей точки зрѣнія, американскіе дикари, презрительно глядя на неумѣнье какого-нибудь Гумбольдта перебѣгать по перекинутому шесту черезъ глубокіе и быстрые потоки? Но конечно, не менѣе правъ былъ и Гумбольдтъ, когда уступкой въ подобныхъ акробатическихъ упражненіяхъ, онъ пріобрѣлъ себѣ гораздо высшія блага человѣческой образованности.

Digitized by Google

опять-таки общимъ, простирающимся и на другіе случаи, понятіемъ, такое даже преимущество, которое онъ присвоиваетъ себѣ въ силу только общаго же понятія; ему стало быть хочется выставить это преимущество не исключительною своей привилегіей, но чѣмъ-то само собою понятнымъ, и доступнымъ хотя для немногихъ, но все же однако для нѣсколькихъ. Быть въ цѣломъ народѣ единственнымъ носителемъ своего сословія, сбереженнымъ волею судебъ, — могло бы слыть источникомъ великой гордости; воспоминаніе о прошедшемъ ясно обнаруживало бы тогда цѣну положенія, котораго почетъ и представительство выпали на долю одному. Но быть въ своемъ родѣ единственнымъ когда-либо существовавшимъ его представителемъ — это кажется уже какою-то непостижимою цѣлью желаній; всякое сильное честолюбіе всегда ищетъ вмѣстѣ съ могуществомъ также и имени этого могущества, и совсѣмъ необычайные титулы манятъ къ себѣ душу не болѣе, какъ бы можно было полагать, а напротивъ гораздо меньше. Всякое вполнѣ единственное преимущество, какъ впрочемъ ни будь оно велико, останется для насъ непонятнымъ; вотъ почему самоуваженіе всегда естественно стремится примкнуть къ какому-нибудь сословію или званью, въ которомъ участвуютъ многіе, и за высшее слыветъ вездѣ то, что первенствуетъ между сопривнимымъ. Та же зависимость самоуваженія отъ всеобщаго обнаруживается и въ духовномъ развитіи. Мы обыкновенно гордимся тѣмъ, что своимъ личнымъ умѣньемъ выманили истину у какихъ нибудь запутанныхъ явленій, и тогда мы смотримъ на нее ревниво, какъ на нашъ собственный подвигъ, на наше завоеваніе Но мы чувствуемъ себя несчастными, когда другіе съ ней не согласны: она вѣдь остается пока нашимъ только мнѣніемъ, а этого намъ и хотѣлось бы, и нѣтъ. Дабы пріобрѣтенное нами съ бою имѣло цѣну для насъ самихъ, необходимо, чтобъ его признали, отрѣшимымъ

Digitized by Google

отъ нашей личности, существомъ самаго дѣла, — всеобщею истиной. Въ этомъ заключается единственная уважительная причина того можно-сказать изувѣрства, съ какимъ всякое индивидуально-возникшее мнѣніе тѣмъ болѣе усиливается навязать себя, чѣмъ менѣе оно имѣетъ видъ яснаго для всѣхъ общаго достоянья и чѣмъ глубже его содержаніе затрогиваетъ всѣ стороны человѣческаго существа. Поэтому, сколь ни непріятна фанатическая ревность въ какой бы то ни было области, надо однакожь согласиться, что она основана не исключительно лишь на желаніи провести во что бы ни стало личное свое мнѣнье, но что каждый ратуетъ здѣсь за честь того общезаконнаго, что, какъ ему кажется, открылъ онъ въ самомъ себѣ, и что тревожитъ его до тѣхъ поръ, пока остается непризнаннымъ. Такимъ образомъ фанатизмъ есть вполнѣ самородное душевное движенье, и ожесточенность его проникаетъ иногда, какъ извѣстно, даже и до нравственно образованнѣйшихъ сферъ. Не всеобще ли почти то суевѣріе, будто человѣкъ обязанъ не только ничего не дѣлать вопреки своему убѣжденію, но проводить его во что бы то ни стало даже и тамъ, гдѣ онъ вообще ни чуть не обязанъ дѣйствовать? Навстрѣчу этому недоразумѣнію идетъ съ готовымъ привѣтомъ столь же недоразумѣвающее удивленіе, а отсюда возникаетъ потомъ настоящее идолопоклонство передъ такими великими людьми, которые въ сущности не что иное, какъ самодуры, и которые, въ тотъ самый мигъ, какъ они думаютъ служить лишь идеѣ и всеобщему, силятся навязать міру случайную форму своихъ личныхъ затѣй. Ихъ надо впрочемъ извинить, потому что всѣ мы заблуждаемся отчасти въ томъ же смыслѣ.

Тѣ внутреннія узы, которыя эгоизмъ носитъ въ себѣ самомъ, вынужденный неизбѣжно ссылаться въ оправданіе себѣ на что-нибудь всеобщее, вскорѣ становятся для него и внѣшними узами, настоящими цѣпями: чтобы услаждаться собою,

Digitized by Google

надменности необходимо быть знаемой и признаваемой со стороны другихъ. Даже и грубѣйшая форма властолюбія не можетъ удовлетвориться одною чисто-фактическою покорностью, или однимъ только уничтоженіемъ чужой воли; она должна поддерживать эту волю и даже давать ей на столько свободы, чтобы оставалась по крайней мѣрѣ какая-нибудь возможность быть ею признанной. Упоеніе властью не мыслимо въ совершенномъ уединеніи, и для своенравнѣйшаго изъ всѣхъ негритянскихъ деспотовъ было бы недостаточно отсѣкать головы по первому знаку своей воли, не будь тутъ налицо по крайней мѣрѣ того, кто отсѣкаетъ, и мгновеннымъ послушаніемъ своимъ знаку деспота признаетъ этотъ властительный его актъ. И даже покоряйся ему всѣ вполнѣ безмолвно, повелитель все-таки былъ бы увѣренъ въ томъ, что они при этомъ взаимно наблюдаютъ другъ друга: что за утѣха была бы въ такомъ могуществѣ, еслибъ дѣйствительное повиновеніе одного не льзя было показать ни кому другому? Эта глубокая потребность эгоизма, оправдывать себя признаніемъ со стороны, объясняетъ и ту крайне сдерживающую, ограничивающую силу, какую оказываетъ на наши стремленія судъ общественнаго мнѣнья. Всегдашнее соображеніе съ тѣмъ, что подумаютъ объ насъ другіе, противостоящіе нашей индивидуальности, въ качествѣ представителей всеобщаго, — это соображеніе заступаетъ болѣе или менѣе удачно мѣсто собственно-моральной совѣсти, какъ въ первыя историческія времена человѣческаго рода, такъ и при началѣ развитія каждаго отдѣльнаго лица, да наконецъ и на тѣхъ низшихъ степеняхъ образованія, за которыя (значительная) часть человѣчества не переходитъ можно-сказать никогда. Эта зависимость отъ чужаго мнѣнія растетъ и вмѣстѣ облагораживается тамъ, гдѣ естественныя отношенія дадутъ одной изъ сторонъ такой непосредственный авторитетъ, который скрѣпляется безчисленны-

Digitized by Google

ми связями расточаемыхъ благодѣяній и признательныхъ воспоминаній. Поэтому и самый дикій народъ никогда не допускалъ эгоистической войны всѣхъ противу всѣхъ, но различалъ друзей и родичей отъ враговъ и чужеродцевъ; естественно, что стыдливая робость передъ воспитателемъ, повиновеніе къ оберегающей силѣ и мудрости, становятся по преимуществу началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ добродѣтелей. И при этомъ не должно еще забывать, что въ природѣ человѣческой вовсе не укоренена исперва одна только заносчивость, которая не хочетъ знать ничего чужаго; напротивъ, уже непреодолимая въ насъ подражательность показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что въ тотъ самый мигъ, какъ намъ не хотѣлось бы отстать отъ другихъ, мы невольно признаемъ дѣйствительное за ними преимущество. Въ самомъ дѣлѣ, необразованный человѣкъ, чѣмъ меньше далеки и многосторонни цѣли его собственныхъ стремленій, тѣмъ болѣе склоненъ дивиться и подчиняться чужой силѣ и чужому величію; а это такая черта, безъ которой трудно было бы представить себѣ возможность общежитія. Податливость эта вырабатывается въ вѣрность и преданность руководителямъ и начальнымъ лицамъ, содержащія въ себѣ несомнѣнный зародышъ истинно-нравственнаго развитія. Но такая (зародышная) нравственность управляется не общими законами моральнаго порядка; она опирается на одно личное значеніе для насъ того, къ кому обращены поступки наши. Зломъ слыветъ здѣсь оскорбленіе личности, которую мы любимъ, и тогда какъ по отношенію къ ней развиваются у насъ всѣ доброжелательныя свойства съ удивительною даже нѣжностью, противъ всего враждебнаго можетъ безъзавѣтно продолжаться прежняя ненависть и месть. И ребенокъ, въ извѣстную пору жизни, понимаетъ только грозу наказанія, въ которомъ неожиданно выясняется для него скорбная досада родителей; въ равнодушномъ же на-

Digitized by Google

казанія (такъ часто одобряемомъ и донынѣ) видитъ онъ одно напрасно раздражающее зло. Только уже позже научается онъ сознавать, что для поступковъ его есть общіе законы, обязательные даже и въ томъ случаѣ, когда нарушеніе ихъ не сопряжено ни съ какимъ замѣтнымъ ущербомъ для блага другихъ лицъ.

Предписанія, даваемыя авторитетомъ воспитателей въ началѣ человѣческаго образованія, содержатъ въ себѣ этотъ спасительный урокъ совсѣмъ не въ такой формѣ, въ какой, подъ вліяніемъ христіанской жизни, мы навыкли принимать его исперва. Это прежде всего были распоряженія, болѣе касавшіяся дѣловаго общенія людей и взаимнаго отношенія отдѣльныхъ личностей между собою, нежели какихъ-либо внутреннихъ свойствъ духовнаго характера. Будучи преимущественно нравообрядными постановленьями, требовали они для каждаго предмета особаго настроенія, для каждаго обстоятельства — особаго пріема, вовсе не вдаваясь въ изложеніе тѣхъ общихъ началъ, съ которыми должна соображаться воля въ крайнемъ многоразличіи всѣхъ возможныхъ случаевъ. Самое содержаніе этого образовательнаго преданія выросло вѣдь не изъ общихъ какихъ-либо положеній, но явилось плодомъ опыта, который научилъ, что въ такихъ-то обстоятельствахъ жизни, при такомъ-то темпераментѣ общества, при такихъ-то ближайшихъ цѣляхъ и занятіяхъ, обусловленныхъ даннымъ положеніемъ вещей, именно такой родъ взаимныхъ отношеній, эта сумма правъ и обязанностей каждаго отдѣльнаго лица, наиболѣе удовлетворятъ притязаніямъ всѣхъ и каждаго. Чѣмъ непроизвольнѣе сложилась такая совокупность обычаевъ и нравовъ, чѣмъ менѣе похожа она въ этомъ на уставъ внезапно образовавшагося общества (новѣйшей эпохи), чѣмъ напротивъ постепеннѣе она развивалась, по мѣрѣ того какъ каждый, кто чувствовалъ себя пригнетеннымъ своимъ положеніемъ, старался

Digitized by Google

пробиться изъ него въ другое, болѣе выгодное, тѣмъ прочнѣе выйдетъ строй этого преемственно сложившагося (традиціональнаго) быта; онъ несомнѣнно просуществуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, общій темпераментъ и умственный кругозоръ останутся все одни и тѣ же. Что каждый находитъ уже готовымъ и въ полной силѣ, чему видитъ онъ общее повиновеніе со стороны другихъ, и чему слѣдовать вызывается онъ самъ тысячью отчасти выраженныхъ, отчасти скрытыхъ въ обстановкѣ увѣтовъ, то естественно сложится для него въ такую же самопонятную необходимость, какъ и тѣ предубѣжденія, въ которыхъ онъ возросъ. Всякое нарушеніе этого преданія, каково бы оно тамъ ни было, будетъ, подобно всякому забвенію укоренившейся привычки, сопровождаться и душевной тревогой и раскаяньемъ.

Надо сказать, что въ такихъ формахъ жизни можетъ таиться очень энергическое сознаніе долга и нравственной обязанности; но нравственная цѣнность подобныхъ обычаевъ все-таки можетъ быть чрезвычайно различна. Отъ духовнаго и физическаго характера общества и отъ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ зависитъ то, какое разумное или нелѣпое содержаніе должно заступить здѣсь мѣсто вполнѣ обязательнаго для всѣхъ нравственнаго закона. Смотря по понятію, какое мы составимъ себѣ о смыслѣ своего существованія, о достоинствѣ, котораго представителемъ долженъ быть человѣкъ, о цѣляхъ, какихъ слѣдуетъ ему достигнуть, — смотря по этому понятію колеблемся мы въ сужденіи рѣшительно обо всемъ. Если дикій Индѣецъ мучитъ плѣннаго непріятеля, это отнюдь не доказательство, чтобъ онъ не руководился здѣсь никакою идеей права вообще; онъ только доставляетъ побѣжденному случай заявить геройски свою честь тѣмъ безмолвнымъ перенесеніемъ страданій и презрѣніемъ ко всѣмъ возможнымъ болямъ, которыя самъ побѣдитель считаетъ идеаломъ мужественнаго со-

Digitized by Google

верженства, и, при неблагопріятномъ для него оборотѣ судьбы, онъ съ одинаковой покорностью готовъ вытерпѣть причиняемыя имъ муки. Подвергая себя такимъ образомъ той же самой мѣрѣ, какою мѣритъ онъ и другихъ, дикарь неоспоримо руководится варварскимъ чувствомъ справедливости, которое однакожь не достигаетъ своей цѣли. Когда однообразная, скудная высшими помыслами, жизнь подавляетъ, заодно съ физической нуждой, достоинство человѣческихъ стремленій, и когда каждый способенъ видѣть въ другомъ только чувственно-наслаждающееся созданіе, а вовсе не разумное существо, котораго каждый мигъ долженствовалъ бы принадлежать какой-нибудь завѣтной и святой задачѣ: тогда ни мало не удивительно, что жизнь человѣческая падаетъ въ цѣнѣ, и ни кто не поколеблется принести другаго въ жертву своимъ цѣлямъ или затѣйливымъ выдумкамъ, да не потребуетъ, чтобъ и третій поступилъ иначе съ нимъ самимъ. Если мы содрагаемся передъ звѣрской жестокостью, съ какою многія дикія племена свирѣпствуютъ противъ своего собственнаго рода, то не надо при этомъ забывать и тупоумной покорности, съ какою все это переносится. Ни та, ни другая не доказываютъ однакожь полнаго отсутствія чувства права; онѣ обличаютъ только неумѣніе понять всю цѣнность существованія. И не только что жалкая распущенность южноокеанійскихъ племенъ, но и высокое образованіе классической древности, развили не мало нравственныхъ грѣховъ, проистекающихъ изъ недостаточнаго уразумѣнія смысла человѣческой жизни.

Отчасти неизбѣжныя во всякомъ случаѣ столкновенія между стремленьями индивидуальнаго духа и господствующимъ обычаемъ, отчасти перемѣна того положенія, на которое опирался послѣдній, отчасти, наконецъ, неугомонность пробужденнаго однажды размышленія, которое, и помимо этого личнаго интереса, нѣтъ ни какой возможности удержать отъ бо-

Digitized by Google

думыванія и изслѣдованія всѣхъ предметовъ человѣческой жизни, а также, разумѣется, и обязательности самаго обычая, —все это влечетъ за собой мало по малу переходъ отъ инстинктивнаго повиновенія къ выясненію сознательныхъ началъ всякой между-человѣческой дѣятельности. Замѣчательно, что изъ двухъ направленій, какія можетъ себѣ при этомъ усвоить мысль, одного держится она сперва какъ бы украдкою. Обыкновенно она вовсе не начинаетъ съ опредѣленія тѣхъ общихъ нормъ душевнаго настроенья, которыя, въ случаѣ всякаго ожидаемаго вызова со стороны, должны руководить нашу дѣятельность; а между тѣмъ языкъ уже весьма рано заключаетъ въ себѣ имена добродѣтелей и пороковъ, доказывающія, что цѣнность или наоборотъ нецѣнность, достойность или недостойность этихъ общихъ формъ дѣятельности не оставалась ни незамѣченною, ни необсужденной. Размышленіе начинаетъ обыкновенно свой (первосознательный) процессъ съ понятія о дѣйствующемъ субъектѣ, и въ природѣ человѣческаго существа ищетъ основаній для различныхъ родовъ дѣйствія, соотвѣтственныхъ этой природѣ. Такимъ образомъ, оно или слѣдитъ естественныя пожеланья, грубыя и утонченныя потребности, самородныя стремленія человѣка, и старается устроить жизнь на такой ладъ, чтобы она всѣмъ имъ доставляла случай къ равномѣрному развитію и удовлетворенью; или же, при дальнѣйшемъ усовершенія, ведетъ помыслы и поступки преимущественно къ сообразности съ человѣческимъ достоинствомъ, такъ что, смотря по разнымъ степенямъ выработки нашихъ понятій о достоинствѣ личности, колеблются исторически и національно и наши представленія о чести, напримѣръ. Поэтому, коль скоро какое-нибудь общество захочетъ освободиться отъ завѣтныхъ нравовъ старины, оно обыкновенно возвращается прежде всего къ опредѣленію общихъ правъ человѣка:—пріемъ, непрактичный въ высшей степени, потому что всего труднѣе формулировать

Digitized by Google

эти права, въ виду необходимости положительно соображаться здѣсь съ насущною пользой отъ какого-нибудь даннаго уже состоянія, но пріемъ, свидѣтельствующій, что верховная норма всѣхъ житейскихъ учрежденій предпочтительно ищется въ природѣ дѣйствующей личности, а не прямо въ собственномъ достоинствѣ ея дѣлъ.

Но что такое человѣкъ, этого ни какое размышленіе не думаетъ открыть наблюденіемъ фактической его природы; или, скорѣе, это именно наблюденіе наводитъ насъ на множество лежащихъ въ природѣ его стремленій, которыхъ смыслъ направленъ не къ одному только самосохраненію человѣка, но вмѣстѣ и къ достиженію чаемаго имъ предназначенья. Однажды пробудясь къ самоизслѣдованію, духъ не можетъ уже размышлять о себѣ самомъ, чтобъ не спросить тутъ о причинахъ своего бытія, о своемъ значеніи въ остальномъ мірѣ, о своемъ концѣ и продолженіи; и всегда могли существовать только философскія школы, а отнюдь не народы или племена, которые, не прикрѣпляя жизни человѣка ни къ какимъ религіознымъ созерцаніямъ относительно великой связи всего міра, думали бы обладать тѣмъ полнымъ разумѣніемъ человѣческой природы, изъ котораго можно было бъ вывесть сумму нравственныхъ обязанностей. Мы вѣруемъ въ свое призваніе участвовать въ созиданіи сверхчувственнаго міропорядка, и сколь ни неясенъ оставался бы для насъ планъ его и смыслъ нашего собственнаго ему содѣйствія, мы тѣмъ не менѣе чувствуемъ, что все, предстающее намъ въ видѣ долга, имѣетъ послѣднюю основу своей обязательности въ томъ, что оно соотвѣтствуетъ не только понятію нашей налично-данной природы, но еще и самому ея назначенію. А назначеніе это состоитъ не въ одномъ самораскрытіи, возбуждаемомъ какъ бы только съ тыла энергіей развертывающагося зерна, но сверхъ-того въ движеніи къ предпоставленной намъ цѣли (неослабно влекущей насъ все

Digitized by Google

далѣе). Религіозное созерцаніе можетъ однако заблуждаться точно такъ же, какъ и всякое другое человѣческое вѣдѣніе, и хотя мысль опредѣлять поступки человѣка Божеской волей — неоспоримо великое формальное начало, но и оно не охранитъ насъ отъ ложнаго пониманія этой воли. Вѣдь для истолкованія ея нѣтъ у насъ никакихъ другихъ средствъ, кромѣ союза нашего теоретическаго міровоззрѣнія съ нашими нравственными же чувствами, и можно назвать развѣ счастіемъ, а ужь вовсе не необходимостью, тотъ случай, когда свойственныя обоимъ односторонности хоть сколько-нибудь наверстываются другъ другомъ, а не слагаются въ одинъ общій (рѣшительно односторонній) результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, языческія религіи едвали сдѣлали что-нибудь кромѣ того, что важные уставы общежитія, которыхъ нерушимость не всегда равно убѣдительна и ясна для естественнаго смысла, онѣ освятили печатью божественнаго учрежденія и вдохнули въ цѣлый составъ жизни это всепроникающее чувство зависимости отъ высшаго міра. Напротивъ, опредѣлить строй души, обусловливающій достоинство самой личности, предоставили онѣ, хотя не совсѣмъ, но наибольшею конечно частію, на разборъ и оцѣнку живому чувству, котораго самоиспытующій смыслъ наводится на одобреніе одного и на порицаніе другаго способа дѣйствій въ особенности представленіемъ того довольства или недовольства, какое причинили бы намъ подобные поступки, будь они обращены на самихъ насъ. И въ этомъ-то именно беззаслужная доброта и безвинная суровость природно-племеннаго характера находятъ себѣ самый широкій просторъ, чтобы, отдаваясь то тонкой воспріимчивости къ благороднымъ чувствамъ, то слѣпой наклонности къ дикимъ и жестокимъ выходкамъ, порождать самые разнообразные обычаи и нравы, всѣ сквозящіе извѣстными понятіями права и обязанности, но единственно лишь такими, которыя прилагаются къ отдѣльнымъ

Digitized by Google

поступкамъ въ житейскомъ быту безъ всякой послѣдовательности и выдержки, то-есть то правильно и вѣрно, то самымъ превратнымъ образомъ (такъ что отсюда выходитъ иногда попраніе всякой справедливости).

Бѣглый обзоръ бытовой исторіи человѣчества, вызванный у насъ ходомъ этихъ замѣчаній, а равно и взглядъ на разности нравственнаго образованія, которыя мы встрѣчаемъ еще и теперь у различныхъ племенъ, конечно подтвердили предположеніе, высказанное нами насчетъ коренной обосновки нравственности въ духовной нашей природѣ. Знаніе, непримѣтно возникающее подъ наитіемъ опыта, развиваетъ бездну отчасти вѣрныхъ, отчасти ложныхъ предразсужденій; вразумляясь само въ себя, находитъ оно единственнымъ, прямо-несомнѣннымъ своимъ достояніемъ вѣру въ существованіе истины вообще: но въ чемъ она заключается и многое ли изъ нея намъ доступно, отвѣтъ на это зависитъ частію отъ содержанія опыта, частію —отъ степени зоркости и внимательности, вызываемой въ насъ наблюденіемъ процессовъ нашей внутренней жизни. Точно такъ же развиваются изъ даннаго характера души и дѣйствующихъ втихомолку впечатлѣній внѣшней обстановки многія вѣрныя и невѣрныя предразсужденія о томъ, что собственно намъ должно дѣлать; вникая въ самихъ себя, мы открываемъ прежде всего только вѣру въ долгъ вообще, въ обязательную подзаконность нашихъ дѣйствій, какъ единую лучезарную, несомнѣнную въ себѣ, точку: но какіе это именно законы и насколько способны мы ихъ понимать, отвѣтъ на это зависитъ частію отъ вліянія внѣшнихъ житейскихъ обстоятельствъ, то унимающихъ, то возбуждающихъ наши природныя влеченья, частію же отъ точности соображенія, съ какимъ общія заповѣди совѣсти умѣемъ мы отличать отъ тѣхъ частныхъ, единичныхъ формъ, въ которыхъ даются онѣ намъ подъ руку, примѣнительно къ особымъ отношеніямъ нашей жизненной сферы.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ людской родъ, онъ наблюдалъ внѣшнюю природу, пользовался ея веществами и силами, размышлялъ объ ея дѣйствіяхъ; многія частности подсмотрѣлъ онъ спозаранку; разныя практическія приложенья произведеній природы, даже нѣкоторыя прозрѣнія будущаго удались ему чуть не съ первыхъ поръ. Но все это было лишь ненадежною разработкой на угадъ (которою почва истощается нерѣдко понапрасну): и знаніямъ и ихъ приложенью мѣшали вездѣ неточность полуистинныхъ, опрометчивыхъ аналогій; путь къ осиленію природы мыслію, къ обузданію ея благонадежной техникой, проложенъ только тогда, когда одному даровитому народу удалось открыть математику, то-есть связать въ цѣлую науку отдѣльныя истины, которыя инстинктивно постигались и сознавались уже многими умами. Нѣчто этому подобное есть и въ нравственномъ мірѣ. Добрыя и злыя влеченія нѣдрились въ сердцахъ человѣческихъ всегда, и всегда же существовалъ въ нихъ такой судъ совѣсти, которымъ, говоря вообще, устранялось отъ жизни человѣка по крайней мѣрѣ совершенно слѣпое неразуміе скотскихъ пожеланій, и сквозь чувственную страсть проводились хоть нѣкоторыя твердыя черты признанныхъ правъ и обязанностей; иная область нравственной жизни выяснилась даже рано, и душа человѣка благовременно поняла цѣну многихъ добрыхъ чувствъ и помысловъ, важность многихъ нравственныхъ установленій; тонкія, нѣжныя въ этомъ отношеніи черты встрѣчаемъ мы во всѣ эпохи. Но все это оставалось только обычаемъ, такъ же ненадежнымъ и шаткимъ, какъ и упомянутое нами первоначальное знаніе природы; отъ сравнительно болѣе крѣпкихъ или слабыхъ нервъ, отъ чувственнаго пыла или холодности темперамента, зависѣлъ способъ примѣненія того начала, чтобъ поступать съ другими такъ, какъ желаешь чтобъ поступали съ самимъ тобою. Среди крови и всѣхъ ужасовъ жестокости мож-

Digitized by Google

но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, формально такъ же хорошо блюсти вѣру, вѣрность и справедливость, какъ и среди нѣги мирныхъ наслажденій, среди грязи упоительнаго сластолюбія. Легко удовлетворить ту часть нашей совѣсти, которая говоритъ о взаимныхъ обязанностяхъ, и тѣмъ легче, чѣмъ ниже уровень притязаній, заявляемыхъ всею совокупностью членовъ общества на жизнь и наслажденіе ею. Но другая часть, которая именно повелѣваетъ намъ поднимать этотъ уровень высоко, можетъ высказываться громче только по мѣрѣ возрастающаго умѣнья вникать въ назначеніе человѣчества и въ его отношеніе къ цѣлой природѣ. Эта высшая нравственность никогда не пріобрѣтается безъ живѣйшаго участія ума, даже никогда совсѣмъ помимо участія научной собственно мысли, но конечно никогда и посредствомъ ихъ однихъ: она пріобрѣтается самою жизнію, которая, въ возрастающемъ многоразличіи своихъ нравственныхъ отношеній, приводитъ къ сознанію все болѣе и болѣе такихъ новыхъ точекъ, которыя казались прежде простому чувству и смыслу совершенно безразличными, а теперь, на взглядъ болѣе утонченной нравственной чуткости, представляются такими, на которыя тоже должна простереться организующая послѣдовательность и выдержка человѣчной идеи. Поэтому, пусть прирождено нашему духу въ совѣсти неистребимое зерно, — и мы неуклонно остаемся при этой вѣрѣ,— пусть свойственная человѣку доброта заботится даже и о томъ, чтобъ не вездѣ и не сплошь формальное чувство права скрѣпляло своей печатью такія отношенія, которыя противорѣчатъ настоящей задачѣ человѣчности: мы тѣмъ не менѣе чувствуемъ необходимость отстаивать убѣжденіе, что душа человѣческая сама собой вовсе не порождаетъ того яснаго пониманія всѣхъ нравственныхъ заповѣдей, которое кажется естественнымъ только потому, что родникъ христіанскаго воспитанія предлагаетъ его намъ совсѣмъ готовымъ.

Digitized by Google

Если мы бросимъ теперь бѣглый взглядъ на занимавшія насъ здѣсь соображенія, намъ предстанутъ опять тѣ же вопросы, которые мы задали себѣ при самомъ началѣ. Всякое животное, если не загубитъ его преждевременно ходъ естественныхъ событій, переживаетъ на свободѣ полное развитіе, возможное для его породы; и даже тамъ, гдѣ путемъ приученья человѣкъ вырабатываетъ въ немъ нѣкоторыя способности болѣе и лучше, нежели могла бы выработать естественная обстановка, оно все-таки никогда не выступитъ замѣтнымъ образомъ изъ круга цѣлей и помысловъ своей природы. Человѣческій же родъ производитъ, напротивъ, въ своей духовной жизни столь отдаленныя разности, что можно было бы, пожалуй, усомниться въ томъ, лежитъ ли въ основѣ этого крайняго многоразличія какая-нибудь общая мѣра. Мы полагали, однакожь, что можно указать на нѣкоторыя опредѣленныя черты и характеристическія повадки дѣятельности, которыя, встрѣчаясь во всѣхъ вообще человѣческихъ душахъ, смыкаютъ ихъ въ совокупность одного сопринадлежнаго рода, но являясь у отдѣльныхъ особей въ безконечно различныхъ степеняхъ, обусловливаютъ собою многочисленность индивидуальныхъ образованій. Въ идеѣ самосильной и самообязательной истины, въ чаяніи одного общаго мѣрила и одного общаго права, которымъ измѣряется и цѣнится всякая дѣйствительность, пытались мы указать эту всеобщую и неизгладимую черту человѣческаго духа и ту бо́льшую или мѣньшею высоту развитія, какой зародышъ этотъ можетъ достигать въ теченіе жизни. Уже въ пріемахъ чувственной стороны духа усматривали мы наклонность, опредѣлять каждому ощущаемому содержанію законное его мѣсто среди другихъ, въ каждой получаемой утѣхѣ чувствовать собственное превосходство услаждающаго, и дѣятельно расширяться во всѣхъ направленіяхъ не только для того, чтобы доставить собственному *я* выгоду или пользу отраднаго

Digitized by Google

подспорья, но вмѣстѣ и для того, чтобъ въ личномъ наслажденіи своемъ уготовить (сочувственный) пріютъ существованія для цѣнности вещей и событій. Тотъ же самый позывъ замѣтили мы потомъ и въ языкѣ, который, какъ впрочемъ ни будь онъ бѣденъ, нигдѣ не былъ сборникомъ однихъ только возгласовъ, невольно обличающихъ душевное возбужденье; вездѣ былъ онъ изображеніемъ того законнаго и общепризнаннаго порядка, въ какомъ взаимно захватываются и вяжутся между собою различныя соотношенія вещей. Такъ предварялъ языкъ работу познанія, или былъ самымъ раннимъ и естественнымъ его выраженьемъ. Мы далѣе нашли, что самое вѣдѣніе человѣческаго духа возвышалось надъ ходомъ представленій животненной души неотразимо-яснымъ сознаніемъ существованія всеобщей и необходимой истины. Наконецъ, довольство и недовольство пришлось намъ подѣлить между человѣкомъ и всѣми живыми тварями, равно какъ и естественное побужденіе, искать одного и избѣгать другаго. Но неизгладимая идея обязательнаго долга, сопровождающая наши чувства и нашу дѣятельность, неизбѣжный самосудъ нашей совѣсти, порознили и здѣсь человѣческое существо, какъ звено духовнаго царства, отъ страстной живоподвижности (безсовѣстнаго) міра животныхъ. Если подъ именемъ безконечнаго захотимъ мы совокупить то, что противостоитъ особымъ конечнымъ образованіямъ, какъ властительный законъ или какъ идеалъ, зовущій на трудъ и подвигъ, то мы можемъ сказать, что способность внутренно постигать безконечное есть отличительный даръ человѣческаго духа, и мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя въ правѣ заявить выводомъ своихъ соображеній то, что не опытъ и какое бы то ни было многоразличное содержаніе его привили намъ эту способность своимъ вліяніемъ, но что, непосредственно нѣдрясь въ природѣ нашего существа, она только для развитія своего нуждалась въ благопріятныхъ условіяхъ опыта.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ШЕСТАЯ.

ХОДЪ МІРА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вліяніе внѣшней природы.

Ходъ міра и исторіи. — Космическія и теллурическія дѣйствія на душу человѣка — Параллелизмъ макрокосма съ микрокосмомъ. — Свойство края и природный характеръ жителей. — Жизнь съ природою.

Минувшіе вѣка, до которыхъ не восходитъ уже наше собственное воспоминаніе, представляются воображенію замѣчательною загадкой. Обиліе важныхъ жизненныхъ интересовъ и вмѣстѣ всякаго вздора и безумія, которыхъ тревожную суетню чувствуемъ мы въ себѣ сами, такъ тѣсно связано съ опредѣленнымъ очеркомъ нагляднаго образа нашей обстановки, что мы сбиваемся съ толку и съ пути, когда намъ прійдется вообразить себѣ ту же самую пестроту быта въ такія эпохи, между которыми и нашимъ настоящимъ прошелъ необозримый рядъ перемѣнъ, совершенно преобразившій и сцену и костюмы. Чуть не готовы мы думать, что солнце сіяло тогда иначе, что всѣ голоса природы звучали на другой ладъ въ эту дальнюю эпоху, — туманную (какъ мы говоримъ) сравнительно съ яснымъ, бѣлымъ днемъ нынѣшняго времени. Правда, на этомъ темномъ грунтѣ исторія рисуетъ намъ великія дѣла, громадныя событія; но слишкомъ часто таитъ она тѣ мелкія средства,

Digitized by Google

изъ соединенія которыхъ они возникли; какъ герои жили въ домашнемъ быту, какъ одѣвались и говорили, чѣмъ наполняли пустые промежутки своихъ подвиговъ, все это предоставляетъ она обыкновенно догадкамъ разгульной фантазіи. Лишь немногіе періоды человѣческаго быта оставили въ созданіяхъ своего искусства краснорѣчивые памятники, которые, кромѣ блеска подвиговъ, обличаютъ намъ отчасти тѣ внутреннія движенія души, то міровоззрѣніе, тотъ способъ наслаждаться жизнью и наконецъ тѣ стремленія, изъ которыхъ произошли великіе эти результаты. Но сколь ни вѣрно и пластично передавала бы намъ поэзія разныя черты повседневной жизни, она естественно оставляетъ много пробѣловъ, и всего менѣе можемъ мы вынудить, натянуть себя къ признанію за помыслами объ этихъ далекихъ отъ насъ образахъ той податливой примѣнимости къ обиходнымъ вещамъ, на которую преимущественно опирается наше собственное жизненное чувство. Любое предпринимаемое нами изображеніе какой-нибудь давноминувшей эпохи кажется намъ тѣмъ правдивѣе и вѣрнѣе, чѣмъ отрывочнѣе и угловатѣе выдвигаетъ оно впередъ лишь нѣкоторыя главныя (казистыя) черты и подробности; такъ намъ кажется не только оттого, что, по историческому своему невѣдѣнію мы не умѣемъ одѣть этотъ остовъ мягкими переходами посредствующихъ звеньевъ, но въ самомъ дѣлѣ еще и потому, что намъ крайне трудно отрѣшиться отъ представленія, будто въ ту пору все говорилось и дѣлалось на монументальный только ладъ, отзывающійся неподвижностью каменныхъ изваяній. Когда въ сочиненіяхъ древнихъ писателей попадется намъ какая-нибудь мелкая, граціозная черта одушевленной, кипучей жизни, какая-нибудь наивная шалость, небрежный, но наглядный очеркъ сценической обстановки положенія, — какъ и теперь еще цѣлая толпа изумленныхъ комментаторовъ сейчасъ же готова заставить насъ удивляться этому классическому откровенію истинной

Digitized by Google

человѣчности! Какъ будто бы слѣдовало ожидать чего-либо совсѣмъ другаго; какъ будто бы непозволительно было догадываться, что образованный народъ древности былъ въ свою очередь воспріимчивъ къ тысячѣ плѣнительныхъ мелочей и умѣлъ выразить это точно такъ же, какъ умѣетъ чуть не каждый пошлякъ новѣйшаго времени! Конечно, благодаря возростающему знакомству съ земнымъ поприщемъ, благодаря международнымъ сношеніямъ и расширяющемуся познанію міра идей, ходъ исторіи постепенно придавалъ фантазіи человѣческой разнообразные оттѣнки и весьма различные объемы кругозора; но не вся же сплошь жизнь увлечена только этимъ поступательнымъ движеніемъ: всегда остается затѣмъ такая доля человѣческаго существованія, которую мы неизмѣнно встрѣчаемъ во всѣ эпохи съ одинаковыми цѣлями, побужденіями и привычками. Всѣ отшедшія поколѣнья мечтали и наблюдали, любили и ненавидѣли, надѣялись и приходили въ отчаянье, трудились и потѣшались подобно намъ, и тѣ, что придутъ послѣ насъ, будутъ въ этомъ непремѣнно схожи съ нами. Тѣ же, волнующія насъ, страсти, тѣ же хитрые разсчеты честолюбія и корысти, тѣ же затаенныя побужденія или та же чистосердечная преданность любви, которыя мы порицаемъ въ себѣ или хвалимъ, — все это съ самыхъ раннихъ поръ внутренно возбуждало родъ человѣческій; и хотя внѣшній результатъ, смотря по высотѣ и свойству наличнаго образованія, принималъ разныя формы и размѣры, однакожь мы безъ сомнѣнія ошибемся, если положась на неразумную аналогію, вздумаемъ видѣть въ первоначальной эпохѣ человѣчества одну только ребяческую пустоту, одно безрасчетное простодушіе.

Таковъ ходъ міра, этотъ всегда одинаково зеленѣющій побѣгъ, на которомъ распускаются ярко-пестрые цвѣты исторіи, этотъ вѣчный кругооборотъ, въ которомъ движутся судьбы человѣческаго рода. Конечно, онѣ не составляютъ кругооборота

Digitized by Google

въ собственномъ значеніи, потому что въ видимомъ возвратѣ ихъ къ самимъ себѣ заключается всегда и сокровенный шагъ впередъ. Но даже мы сами, живущіе въ такой вѣкъ, когда по крайней мѣрѣ внѣшній блескъ прогресса ярче бросается въ глаза, нежели въ былыя времена, — даже и мы тѣмъ не менѣе въ правѣ сказать себѣ, что внутренняя наша жизнь выигрываетъ отъ всего этого очень понемногу и едвали пріобрѣтаетъ сколько-нибудь истиннаго добра. Не открывается же въ самомъ дѣлѣ новыхъ источниковъ наслажденія, да если и откроется, то вѣдь, что бы ни доставили они намъ, все это будетъ прежнимъ же довольствомъ, къ которому предопредѣлены мы по природѣ; пусть безгранично расширится наше знаніе, но результаты его почти всегда приводятъ опять къ тому, о чемъ давно уже помышляли люди; и надо сказать, что прежнія времена умѣли почерпать изъ другихъ, скуднѣйшихъ можетъ-быть, поводовъ тѣ же самыя блага возвышенныхъ и одушевляющихъ настроеній, которыя мы мечтаемъ открывать снизнова съ гораздо большею потратой научныхъ и техническихъ силъ. До чего дорабатываемся мы такъ многотрудно, то самое, хотя конечно не вполнѣ, но все же однако гораздо большею долею, нежели мы обыкновенно думаемъ, есть лишь медлительнѣйшая подготовка къ жизни, а вовсе не сама болѣе напряженная жизнь; и наше возростающее образованіе немножко похоже на великолѣпный водопадъ, изъ-дали обѣщающій что-то необычайное, тогда какъ вблизи отъ него падаетъ на почву жизни не болѣе освѣжительныхъ, истинно плодотворныхъ капель, чѣмъ и отъ скромнѣйшаго ручья гораздо менѣе блестящей образованности, — ручья, которымъ утолялась жажда сравнительно безшумнаго быта старины.

Не льзя намъ обойдтись безъ надежды, что въ этомъ шатькомъ ходѣ человѣческаго развитія все-таки можно открыть направленіе къ какой-нибудь конечной цѣли; но не пускаясь

Digitized by Google

еще слѣдить планъ историческаго прогресса и постепеннаго воспитанія человѣчества, остановимся пока на картинѣ того сплошь-постояннаго потока, какой представляютъ намъ всего прежде его стремленія и его судьбы. Съ весьма различными чувствами можно смотрѣть на это зрѣлище. Не безъ грусти увидимъ мы передъ собой во всѣ времена тѣ же бѣдствія, тѣ же страсти, тѣ же сѣмена всякаго зла; съ другой стороны, отрадно будетъ узнать, что ко всему, что истинно счастливитъ сердце, имѣла доступъ всякая рѣшительно пора, и каждая на свой ладъ, да притомъ и удовлетворяясь этимъ ладомъ, принимала участіе въ томъ вышнемъ мірѣ, который сталъ для насъ теперь явственнѣй, но оттого ни чуть не крѣпче нѣдрится въ глубинѣ нашей души. Въ природѣ человѣческаго духа и во всѣхъ вѣчно-возвратныхъ условіяхъ его жизни хотѣлось бы намъ отыскать тѣ готовыя средства и орудія, которыми Промыслъ дѣйствуетъ въ исторіи, открыть тотъ естественный ходъ міра, о которомъ дальнѣйшему разысканію предоставляется вопросъ, къ какой цѣли верховная воля направляетъ всегда-равное его теченіе.

Изъ числа этихъ условій прежде всего привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе тѣ внѣшнія обстоятельства, которыми окружаетъ насъ природа, и тѣ многочисленныя вліянія, какія она производитъ въ насъ то довольно явственно, то едва замѣтно. Поскольку она разстроиваетъ ими тѣлесную нашу жизнь или поскольку доставляетъ средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, дѣйствіе ея вообще для насъ ясно, и лишь ради особыхъ цѣлей понадобилось бы стараніе опредѣлить относительную цѣнность каждаго изъ этихъ вліяній на человѣческое образованіе, — задача, требующая столь подробнаго изслѣдованія, что мы не можемъ себѣ его здѣсь дозволить. Но вѣдь размышленіе вообще наклонно смотрѣть на взаимныя отношенія между природою и человѣкомъ не съ ближайшей или под-

Digitized by Google

ручнѣйшей точки зрѣнія, и вмѣсто того, чтобъ измѣрять пользу или вредъ, приносимыя намъ естественными событіями, или соображать то направленіе, какое даютъ они нашей дѣятельности, оно обыкновенно предпочитаетъ говорить о непосредственномъ и таинственномъ какомъ-то сочувствіи, которымъ человѣкъ невольно привязанъ къ природѣ и прежде всего къ своему обиталищу, Землѣ. Или, точнѣе сказать, не только что къ обиталищу: какъ младенецъ глубоко и тѣсно связанъ съ матерью, а чужеядникъ съ организмомъ, на которомъ онъ живетъ, такъ будто бы и человѣкъ связанъ съ Землею; присущія ей силы и образовательныя стремленія повторяетъ будто бы въ выразительнѣйшихъ формахъ и его тѣло; всякое внутреннее колебаніе ея жизни отзывается въ перемѣнахъ человѣческой организаціи, и то, что̀ природа самой Земли тщетно силится выразить въ своихъ порывахъ, то будто бы выступаетъ, одухотворенное, въ природѣ сознательныхъ существъ.

Мы прежде подробно уже говорили о томъ, насколько типъ органическихъ существъ, живущихъ на поверхности нашей планеты, опредѣляется въ самомъ дѣлѣ ея особенностью, благодаря составнымъ частямъ почвы и тѣмъ условіямъ, какія представляетъ она для ихъ подвижности и соединимости. Но чтобы связь эта понималась еще и ина́че, чтобы Земля нудила жизнь къ опредѣленнымъ способамъ дѣятельности для достиженія ея цѣлей не тѣмъ однимъ, что̀ она есть; чтобы не только тѣми вліяніями, какія она еще постоянно оказываетъ, производила она новыя возбужденья, которыя организмъ долженъ употреблять и переработывать посвоему, но чтобы и вся эта жизнь была только мистическимъ воспроизведеніемъ существа Земли и внутреннихъ ея содроганій: это мнѣніе, если и имѣетъ какую-нибудь убѣдительность, обязано ею повидимому только той странной въ насъ чертѣ, что мы часто готовы считать истиннымъ и чрезвычайно глубокимъ просто непо-

Digitized by Google

нятное и бездоказательное, особенно когда къ нему легко прививается внутреннее чувство необъяснимаго ужаса. Нѣтъ нужды отрицать ни одного изъ дѣйствительныхъ фактовъ, обыкновенно сопоставляемыхъ по поводу помянутаго выше таинственнаго соотношенья; но можно скоро убѣдиться въ томъ, что одно лишь упорное пристрастіе къ неясному наводитъ здѣсь наше сужденіе предпочтительно на такую смутную точку зрѣнья *). Какъ часто размышленіе объ этомъ начинаютъ со смѣны между сномъ и бдѣніемъ, въ которыхъ организмъ переживаетъ будто бы ночь и день всего міра, а также и съ тѣхъ непреодолимыхъ страховъ, отъ которыхъ не можетъ будто бы отдѣлаться ни одна душа при наступленіи темноты! Но что же такое день и ночь для нашей планеты? Не произвольная ли игра остроумія называть Землю спящею, потому, что тутъ недостаетъ на ней именно того шума, который середи дня подымаемъ только мы же сами, да животныя? или потому, что тутъ успокоиваются свѣтодрожанія, которыя днемъ производятъ въ нашемъ глазу блескъ, а въ Землѣ—возвышеніе температуры, проникающее лишь на нѣсколько дюймовъ въ глубину? Какія же еще другія дѣятельности прекращаются на ночь? или какой собственно ужасъ, какіе страхи испытываетъ сама природа, а мы переживаемъ лишь по сочувствію? Вѣдь въ насъ только бываютъ свѣтъ и темь, въ насъ только бываютъ страхъ или веселая бодрость; и то и другое — со-

*) Припомнимъ, до какой степени были въ ходу темныя эти грезы подъ вліяніемъ романтизма и метафизическаго его противня, — натурофилософіи; какъ съ легкой руки Шуберта часто заходила рѣчь о такъ-называемой „ночной сторонѣ природы“ (die Nachtseite der Natur). Новѣйшій спиритизмъ, тамъ, гдѣ онъ не просто надувательство, представляется отголоскомъ этихъ же неясныхъ гаданій: и въ немъ очевидно стремленіе обойдти необходимую вѣру въ истину и подмѣнить ее произвольною, такъ-сказать, карманною, вѣрой въ непостижимыя чудеса.

Digitized by Google

всѣмъ не потому, чтобы мы переживали въ себѣ общее состояніе земнаго шара, но оттого, что, безразличныя сами по себѣ, смѣны внѣшнихъ обстоятельствъ то благопріятны, то неблагопріятны для нашихъ потребностей; попадая на чувствительную душу нашу, способную ощущать не только величину доставляемаго ей подспорья или полагаемаго препятствія, но и особенное свойство каждаго изъ нихъ порознь, — способную притомъ связывать ихъ съ многоразличными рядами помысловъ, — попадая на такую именно душу, вызываютъ эти событія тѣ настроенья, которыя принадлежатъ вполнѣ намъ однимъ, а вовсе не суть доли нашего участія въ той общей жизни, какой природа сама не способна и вести. Какъ часто говорится еще о томъ, что со смѣною временъ года тѣло и духъ отдѣльнаго лица, а вмѣстѣ съ ходомъ исторіи нашей планеты даже и естественный характеръ цѣлыхъ племенъ сорадуется и соболѣзнуетъ юности или одряхлѣнію всеобщей земной природы; что рядомъ съ переворотами человѣческой исторіи идутъ и перевороты въ жизни нашей Земли; что въ темпераментѣ и племенной фантазіи обитателей любого края непосредственно отражается формація почвы и цвѣтъ простертаго надъ ними свода небесъ! Не льзя спорить, чтобы такого рода мнѣнія не основывались отчасти на извѣстныхъ фактахъ; но было бы гораздо лучше отыскать въ каждомъ данномъ случаѣ тѣ посредствующіе способы, какими тому или другому состоянію природы удается запечатлѣть себя въ духовной или органической жизни именно этимъ отраженіемъ, а не инымъ; вѣдь, кромѣ того рода интереса, какой возбуждаютъ расказы о привидѣніяхъ, не добиться намъ почти ровно ничего, если мы станемъ только преувеличивать съ благоговѣйнымъ удивленьемъ несоизмѣримость и нераціональность этихъ событій, вмѣсто того, чтобъ устранять ее путемъ тщательнаго разысканія.

Не льзя безъ грусти подумать объ этомъ превратномъ на-

Digitized by Google

правленіи ума, унаслѣдованномъ отъ старушки астрологіи *). Оно не только что замедлило починъ точнѣйшихъ изслѣдованій но и вообще пріучило къ такому фантазёрству о явленіяхъ, которое, безъ всякаго на то права, слыветъ часто за глубину премудрости. Такъ, безъ сомнѣнія, было бы очень интересно прослѣдить историческія колебанья общаго тѣлеснаго и духовнаго чувства человѣчества въ ихъ отношеніи къ физическимъ перемѣнамъ земной поверхности. Исторія болѣзней явно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что не всякой возвратъ одной и той же эпидеміи встрѣчаетъ себѣ въ живомъ тѣлѣ одинаковую воспріимчивость и одинакія повадки воздѣйствія, и можно различить довольно большіе періоды, когда человѣческая организація склоннѣе къ заболѣваніямъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Вѣроятно, что одна и та же сумма внутреннихъ и внѣшнихъ условій, на которой основана односторонняя эта повредимость, даетъ и здоровому своеобразный оттѣнокъ общаго чувства и настроенія. Духовные интересы человѣчества встрѣчались бы поэтому въ разныя времена съ различною формой душевныхъ состояній, то съ апатіей и ослабленьемъ, то съ тревожной возбужденностью, и дѣло возможное, что въ колоритѣ своей поэзіи, въ родѣ господствующаго своего суевѣрія, въ томъ общемъ направленіи, какое даетъ онъ духовнымъ своимъ силамъ каждый вѣкъ хранитъ въ себѣ отзывъ тѣхъ особенныхъ вліяній, которыя производила тогда внѣшняя природа на людей. Но самое необходимое правило при такого рода изслѣдованіяхъ, — не хотѣть видѣть во что бы ни стало то, чего вовсе нѣтъ на дѣлѣ, и не придавать этимъ вліяніямъ природы, толь-

*) Этотъ намекъ, брошенный въ огородъ мечтательнаго натурализма, пришелся многимъ не по душѣ; тѣмъ не менѣе трудно спорить противъ нѣтной справедливости подобнаго упрека.

Digitized by Google

ко потому что они темнѣе, болѣе цѣны противъ тѣхъ очевиднѣйшихъ вліяній, какія лежатъ въ непрерывной передачѣ потребностей, задачъ, интересовъ и страданій путемъ воспитанія и преемственнаго общежитія. Мнѣнія о параллелизмѣ естественныхъ переворотовъ съ духовными рѣдко идутъ такъ осмотрительно впередъ. Что великое общественное потрясенье со всѣми истекающими изъ него натугами тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, съ недостаткомъ въ естественныхъ средствахъ жизни и скудными ихъ замѣнами, порождаетъ путемъ прямаго винословнаго вліянія опустошительныя эпидеміи, это точно такъ же понятно, какъ, наоборотъ, и возникновеніе соціальныхъ движеній изъ крайней физической нужды, причиняемой людямъ великими событіями природы, — землетрясеніями, наводненьями, жестокими заразами. Съ печальнымъ единогласіемъ поучаютъ насъ описанія моровыхъ язвъ во всѣхъ вѣкахъ, какъ быстро, подъ напоромъ страха и ужаса, рушатся всѣ нравственныя связи порядка, долга и пріязни, какъ у напуганнаго воображенія тотчасъ теряется всякая мѣрка вѣроятности, и самое нелѣпое суевѣріе готово чередоваться съ совершеннымъ притупленьемъ смысла. Но все же едва ли найдется въ исторіи хоть одинъ великій переворотъ, который возникъ бы единственно изъ этого источника; лишь только пройдетъ бѣда, волны тревожнаго раздраженія скоро утихаютъ. Искать здѣсь какой-то болѣе таинственной связи между міровою и человѣческою жизнію, право очень ненадежная затѣя. Легко привести въ подтвержденіе ей, что гибель цвѣта греческаго образованія въ Пелопонезскую войну, предсмертныя судороги Римской имперіи, возникновеніе ислама, крестовые походы, открытіе Америки и реформація сопровождались страшными повѣтріями; но при этомъ обыкновенно забываютъ, что во многія другія эпохи, оставившія гораздо менѣе историческихъ воспоминаній, и въ странахъ, далекихъ

Digitized by Google

отъ всякаго общеисторическаго развитія, тѣже самыя заразы свирѣпствовали отчасти при одинаковыхъ обстоятельствахъ, отчасти возникали при условіяхъ, намъ неизвѣстныхъ, а затѣмъ, путемъ обычныхъ сношеній, распространялись по такимъ краямъ, съ общественнымъ состояніемъ которыхъ не имѣли первоначально ни малѣйшей связи. Чума и желтая горячка продолжали свирѣпствовать у себя дома до послѣдняго времени, не совпадая ни съ какими политическими переворотами, и едвали можно считать вѣроятнымъ, чтобы холерѣ надо было начаться въ Индіи собственно для того, чтобъ отвѣчать революціоннымъ движеніямъ на берегахъ Сены.

Та же сама ненадежность присуща и нашимъ мнѣніямъ о вліяніи климата на природныя свойства живущихъ въ немъ людей. Отсталость черной расы во всякомъ человѣческомъ образованіи не льзя же взаправду такъ прямо и выводить изъ одного лишь дѣйствія солнца, которое будто бы дотого ярко, что постоянно мѣшаетъ взглянуть вверхъ, и зноемъ своимъ порождаетъ дикую страстность въ бурливой крови негра. Вѣдь и на самомъ экваторѣ солнце не стоитъ же день и ночь въ зенитѣ, и когда у насъ при этомъ на умѣ ослабляющее и вмѣстѣ раздражающее дѣйствіе сильнѣйшихъ жаровъ нашего лѣта, мы забываемъ, что это-то именно (рѣдкое у насъ) дѣйствіе, можетъ умѣряться для негра долгимъ навыкомъ и переходить въ пріятное жизневозбужденье, вовсе не полагающее неодолимой преграды дальнѣйшему развитію. Другое препятствіе высшему образованью хотѣли видѣть въ монотонномъ ходѣ природы между тропиками, сравнительно съ чередованіемъ годовыхъ временъ у насъ. Неоспоримо-существующія и дѣйствительно-ощущаемыя нами колебанія жизненнаго чувства, производимыя смѣной годовыхъ временъ и побуждающія экономію тѣла къ разнымъ изворотамъ, — эти колебанія мало извѣстны намъ въ подробностяхъ; духовное же дѣйствіе естественныхъ событій

Digitized by Google

такого рода конечно заключается больше въ наблюденіяхъ, къ которымъ они вызываютъ, нежели въ тѣхъ чувственныхъ впечатлѣньяхъ, какія мы непосредственно отъ нихъ принимаемъ. Поэты (и древніе миѳы) довольно поучаютъ насъ насчетъ того, какое важное значеніе для задушевной жизни нашей имѣютъ эти главныя періодическія смѣны то замирающей, то опять воскресающей природы вмѣстѣ съ надеждами и воспоминаньями, которыя льнутъ къ различнымъ ея переходамъ. Не только наша собственная судьба предстоитъ намъ здѣсь символизованною въ тысячѣ многосмысленныхъ обликовъ, но къ этому наглядному подѣлу времени дѣйствительно можетъ примыкать и болѣе глубокое чувство постепенно-развертывающихся періодовъ человѣческой жизни и соединенныхъ съ каждымъ преимуществъ. Эти поводы къ вдумчивому самосозерцанію мысли конечно выступаютъ не такъ дѣятельно тамъ, гдѣ рядомъ съ новыми отпрысками, непрерывно ростутъ, распускаются и зрѣютъ цвѣты и плоды, все вмѣстѣ: вѣдь и для насъ самихъ впечатлѣніе человѣческой бренности не смягчается ли тѣмъ, что, незамѣтнымъ образомъ, пробѣлы, выхватываемые смертію, ежемгновенно восполняются новымъ нарожденьемъ? Конечно, ужь совсѣмъ не то было бы тогда, еслибъ и людской родъ, старѣясь и обновляясь весь разомъ, въ извѣстные періоды вымиралъ бы сплошь и тутъ же замѣнялся юными ростками. Но при всемъ томъ, кому однако прійдетъ въ голову, изъ отсутствія (привычныхъ намъ) годовыхъ временъ выводить отсутствіе историческихъ воспоминаній и историческаго прогресса у черныхъ?

Многимъ казалось, что материковая природа Африки, ея безсливная замкнутость и недоступность, отразились въ негритянскомъ характерѣ. Не льзя оспоривать вліянія формаціи края, но нѣтъ нужды искать его въ такомъ непостижимомъ отраженіи. Вліяніе это будетъ состоять въ великихъ трудно-

Digitized by Google

стяхъ, противопоставляемыхъ громаднымъ протяженіемъ материка, безъ соразмѣрнаго числа судоходныхъ рѣкъ, всѣмъ международнымъ сношеніямъ, тогда какъ недостатокъ большихъ заливовъ или многочисленныхъ и выгодно распредѣленныхъ горныхъ высотъ препятствуетъ просто даже ясной наглядности обоюднаго положенія и относительнаго сосѣдства. При сравненіи разныхъ ландшафтныхъ картинъ тотчасъ же чувствуешь, какой благотворный и расширяющій душу элементъ заключается въ одновременномъ обзорѣ широкой дали, и какое наслажденіе доставляетъ возможность оглянуть за одинъ разъ множество различныхъ предметовъ въ ихъ относительномъ положеніи, гдѣ они охвачены со всѣхъ сторонъ надежно-вѣрною сѣтью взаимныхъ соотношеній. Если мы только представляемъ себѣ возможность достигнуть какого-либо мѣста извѣстной продолжительностью движенія въ опредѣленномъ направленьи, то это никогда не замѣнитъ намъ той особенно-разительной ясности, какую доставляетъ одинъ взглядъ на положеніе этого мѣста относительно къ другимъ. Жителю пустынь открытъ по крайней мѣрѣ безпредѣльный кругозоръ; но среди материка, гдѣ нѣтъ горныхъ возвышеній, дозволяющихъ оглянуть край черезъ непроницаемую завѣсу растительности, ближайшее сосѣдство будетъ оставаться чѣмъ-то темнымъ, и никогда не прозрѣть здѣсь фантазіи такъ вольно и ясно въ великую связь жизни человѣческой, какъ прозрѣла она съ давнихъ поръ на благословенныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Тамъ можно было найдти много точекъ по горамъ, по берегу и на морѣ, откуда сразу виднѣлись, будто вѣнокъ пестрѣющихъ цвѣтовъ, разныя земли и острова, да вмѣстѣ и явныя примѣты того промышленнаго движенія, которымъ всѣ они связывались и сближались между собою. Какъ вездѣ, гдѣ данное многоразличіе распредѣляется въ стройныя одиночныя массы; ясно отграниченныя одна отъ другой, глазамъ пред-

Digitized by Google

ставляется всегда болѣе отчетливая и понятная картина, такъ и здѣсь разнообразная череда моря и суши много облегчила выработку географическаго созерцанія, а вмѣстѣ съ нимъ отчасти и сознательныхъ понятій нашихъ о положеніи человѣка среди міра. Но ни эти благопріятныя вліянія, ни тѣ трудности, какія полагаетъ международнымъ связямъ обширный материкъ, не льзя почесть достаточными основаніями для объясненія отсталости негритянскихъ народовъ; вѣдь послѣднеуказаннымъ препятствіямъ придаемъ мы обыкновенно важность въ томъ лишь отношеніи, что они дѣйствительно мѣшаютъ всегда торопливой ревности нашихъ открытій, но для многовѣковаго, досужаго стремленія туземныхъ племенъ не могли они имѣть такой задерживающей силы, не будь тутъ и иныхъ еще причинъ, которыя перечили ему въ свою очередь.

Если другаго условія, которое должно привзойдти къ выгодному или невыгодному внѣшнему положенію для объясненія бо́льшихъ или мѣньшихъ успѣховъ народа, мы станемъ искать въ характерѣ страны, отражающемся въ настроеніи жителей, здѣсь благопріятно, а тамъ напротивъ, то вступимъ на еще болѣе скользкій путь, и наблюденія, которыя думаемъ мы дѣлать въ этомъ смыслѣ, конечно содержатъ въ себѣ слишкомъ много эстетическаго самообольщенія. Отъ чрезмѣрной стужи и суровости климата мы безспорно въ правѣ ожидать меньшей живоподвижности въ характерѣ народа, а отъ значительной теплоты и ровности—болѣе свободнаго развитія всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, и если въ заключеніяхъ своихъ не пойдемъ далѣе этого, то они пожалуй подтвердятся провѣрочнымъ сравненіемъ обитателей съ краями, гдѣ они живутъ. Но когда мы думаемъ видѣть прямое соотвѣтствіе страны съ особенными свойствами фантазіи, образованія и духовнаго настроенія ея жителей, тогда насъ конечно обманываетъ здѣсь то обстоятельство, что общая картина и края и народа представляется намъ всегда за одинъ

Digitized by Google

разъ и потому естественно принимаетъ для насъ видъ внутренней эстетической сопринадлежности, пріобрѣтаемый вѣдь напослѣдокъ любымъ фактомъ, который упорно предстаетъ наблюдателю все на одинъ и тотъ же ладъ. Голландецъ въ Голландіи кажется намъ исключительно сопринадлежнымъ съ своей плодоносною, однообразною низиной; одинъ лишь, думаемъ мы, Индѣецъ можетъ быть естественнымъ обитателемъ степей и лѣсовъ: но мійнхеръ на Сондскихъ островахъ или англосаксонскій первоселецъ (pioneer) на дальнемъ Западѣ Америки едвали произведутъ на безпредубѣжденнаго наблюдателя такое впечатлѣнье, чтобы они были въ полномъ противорѣчіи съ мѣстностью, столь различной отъ родной ихъ стороны. По той же самой землѣ, которая носила нѣкогда лики древнихъ Эллиновъ, преспокойно расхаживаютъ теперь Турки и оживляютъ своими фигурами этотъ край такъ же, право, естественно и гармонично, какъ оживляли его Греки. Природа края — собраніе самыхъ разновидныхъ частностей, природа жителей, въ свою очередь, —такое же собраніе. Сравненіе двухъ столь многоразличныхъ образовъ представитъ тому, кто ищетъ между ними сродства, всегда нѣсколько доводовъ въ его пользу, если онъ только не совсѣмъ лишенъ дара разборчивой комбинаціи (или, попросту, смѣтки); но также представитъ она изрядное число точекъ необъяснимаго противорѣчія, захоти онъ только поискать ихъ. Творческая сила природы создала въ Индіи, рядомъ съ колосальными слонами, вовсе не такую же колосальную породу людей, а напротивъ неожиданно-щедушную и слабую; между тѣмъ, иному очень можетъ показаться, что лукавая свирѣпость туземныхъ хищныхъ звѣрей замѣтна и въ характерѣ коренныхъ жителей, тогда какъ другіе находили въ нихъ только стройность и грацію, свойственныя многимъ растительнымъ формамъ того края. Роскошь самыхъ величавыхъ красотъ природы часто отражается въ душѣ жителей только чув-

Digitized by Google

ствомъ многихъ неудобствъ, неразлучныхъ съ этой роскошью для обиходной жизни: въ обитателѣ альпійскихъ горъ свойство роднаго края развиваетъ, правда, тѣлесную крѣпость и, при неизбѣжной для него необходимости полагаться на самого себя, помогаетъ ему выработать въ себѣ чувство собственнаго значенья, но не даетъ ни свободы, ни шири ни величія интересовъ, что, повидимому, было бы сообразнѣе всего съ открытымъ передъ нимъ необъятнымъ кругозоромъ во всѣ стороны. Ложныя представленія, такъ часто пускаемыя въ ходъ насчетъ этой взаимной связи края съ населяющимъ его племенемъ, происходятъ отъ небрежности къ изслѣдованію тѣхъ особенныхъ посредствъ, черезъ которыя природа дѣйствительно выражаетъ себя въ духовной жизни. Обстоятельство, что какой-нибудь предметъ имѣетъ эту опредѣленную форму и это именно положеніе, вовсе еще не даетъ намъ права заключать, чтобы намъ было неизбѣжно видѣть его вообще, и видѣть притомъ въ этой только формѣ и обстановкѣ; тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы его форма и положеніе, однимъ словомъ, все, что онъ *есть*, живо представлялось своими дѣйствіями въ нашемъ глазу и въ нашемъ внѣшнемъ чувствѣ. Такъ же точно, мало того, чтобъ небо стелилось надъ нами въ различныхъ степеняхъ чистоты, синевы и блеска, чтобы земля окружала насъ смѣлыми формаціями, а растительность роскошнымъ богатствомъ: чтобы понять образовательное дѣйствіе на насъ природы, намъ слѣдовало бы еще знать, сколько именно изъ всего этого производитъ въ насъ замѣтное физическое впечатлѣніе, потомъ — насколько эстетическая цѣнность этихъ зрѣлищъ встрѣчаетъ въ насъ воспріимчивости, необходимой, чтобы ощутить ее и съ пользою ввести въ составъ всего нашего развитія; сколько, наконецъ, теряется для насъ совершенно, оттого что другія, побочныя вліянія, которымъ отвѣчаетъ однакожь болѣе настоятельный врожденный интересъ, затемняютъ и

Digitized by Google

оттѣсняютъ эту (незамѣтную намъ) часть въ нашемъ сознаніи. Если духовная природа наша и зависитъ отъ внѣшней природы, то зависитъ все-таки не отъ того, что она есть, а отъ того какъ дѣйствуетъ она на невоспитанную еще душу человѣка, постоянно его окружая; но дѣйствіе это не льзя непосредственно разгадать изъ впечатлѣнія, производимаго ею на внимательность образованнаго уже духа, живущаго не заодно съ нею и не въ ней, а только наблюдающаго ее созерцательно.

Надо вообще замѣтить: такъ много толкуютъ о прекраснѣйшей порѣ, когда человѣкъ стоялъ еще ближе къ природѣ, и хотятъ изъ неоглядной переобразованности нашего настоящаго воротиться къ этой ясной, первобытной простотѣ. Подобное стремленіе пожалуй себѣ и право, если оно жаждетъ такихъ общественныхъ учрежденій, которыя приходились бы поближе къ непосредственнымъ влеченьямъ нашего человѣческаго существа, помимо цѣлой массы унаслѣдованныхъ стѣсненій, связывающей насъ теперь своими путами на каждомъ шагу; но оно конечно неправо, если отъ обильнѣйшаго наслажденія окружающею внѣшнею природой, и въ противоположность соціальной жизни вообще, оно ожидаетъ какого-нибудь высшаго благоденствія и чистѣйшей выработки человѣчности. Кто, утомясь несообразимою часто сутолокой повседневныхъ дѣлъ и хлопотъ, спѣшитъ раскрыть передъ собой великую книгу природы и заняться ея чтеніемъ, тотъ едвали подмѣтитъ единственную вѣрную черту безвкусной педантичности этого подобія: именно — сознаніе, что природа постоянно привлекательна только для глазъ, много упражнявшихъ свою способность надъ какою-нибудь великой цѣлью научныхъ или общественныхъ интересовъ, или, точнѣе, для души, которая, послѣ такого упражненія, разумѣется находитъ во внѣшнихъ явленіяхъ безчисленное множество подобій своимъ житейскимъ опытамъ, наглядныхъ рѣшеній своимъ сомнѣніямъ, опроверженій своимъ предразсуд-

Digitized by Google

камъ, подтвержденій своимъ чаяніямъ и возбужденій все къ новымъ и новымъ вопросамъ. Только образованіе сердца и ума, развиваемое (ближайшими намъ) отношеніями человѣка къ человѣку, сообщаетъ намъ воспріимчивость къ дальнѣйшей затѣмъ образовательной силѣ природы *); всегда бывшій одинокимъ, человѣкъ, продолжая жить въ ней по прежнему одиноко, едвали испыталъ бы отъ нея больше возбужденія, чѣмъ испытываютъ разныя породы животныхъ, которыя, живя среди всей ея красы, ни мало не смягчаются и не облагораживаются ея вліяніемъ.

Можно, пожалуй, восторгаться естественнымъ бытомъ охотника, одиноко блуждающаго по лѣсамъ и луговымъ степямъ (prairies) Америки: но тѣмъ осмысленнымъ взглядомъ, который способенъ понимать разнообразныя явленія этой обстановки и наслаждаться ими, обязанъ онъ все-таки воспитанію своей юности, долго не слышимому иногда родному языку, который тѣмъ не менѣе сопровождаетъ всѣ его помыслы тысячью воспоминаній о покинутой цивилизаціи, о родинѣ, котораго духовныя вліянія на него такъ же неизбѣжны, какъ необходима ему и матеріальная его помощь. Увлекательна для юноши мечта о дальнихъ странствіяхъ, полныхъ приключеній! Какъ часто думаетъ онъ погрузиться всей душой въ уединенное наслажденіе природой! И не замѣчаетъ, какая доля путеваго удовольствія принадлежитъ чисто сотовариществу и какъ мало долгое разобщеніе съ людьми вознаграждается даже тѣми многоразличными поводами, которые образованный умъ ловитъ въ природѣ для того, чтобы прививать къ нимъ вереницы помысловъ и соображеній. Долгое созерцаніе какой бы то ни

*) Люди, непричастные этому образованію, всего менѣе способны наслаждаться природой: они даже не могутъ помянуть о сельской жизни безъ насмѣшливыхъ остротъ.

Digitized by Google

было необыкновенной красы природы дѣйствуетъ на насъ въ одиночествѣ, какъ постепенно ростущій гнетъ, какъ возбужденіе, не находящее себѣ удовлетворенья. Это полугорькое, полусладкое напряженіе смягчится, пожалуй, но никогда не устранится вполнѣ сознаніемъ, что другіе раздѣляютъ его вмѣстѣ съ нами; потому что оно возникаетъ не изъ одной только потребности дѣлиться имъ, но также еще изъ того, что мы собственно не знаемъ, что намъ дѣлать съ этою красой природы, что начать. А начать что-нибудь хочется человѣку со всѣмъ, что его интересуетъ; онъ не въ силахъ долго оставаться при бездѣйственномъ наслажденіи и не ощутить отъ того внутренней тревоги неудовлетвореннаго раздраженья. Но природа всегда ставитъ его прежде всего въ это именно положеніе; вся чувственная ея роскошь, сколь ни ясно, повидимому, она предстаетъ намъ, сама по себѣ непостижима для насъ даже и въ крайней близи. Нѣтъ спору, что красный день, вечерняя заря, свѣжесть весенней зелени, плѣнительныя очертанья горъ и долинъ всегда снова очаровываютъ душу; но все это великолѣпіе остается такимъ безмолвнымъ, да мы же хорошенько и не знаемъ, о чемъ бы наконецъ намъ его спросить; ни къ одному изъ этихъ явленій не подойдти намъ внутренно ближе, и какъ долго ни сіялъ бы дневной свѣтъ, какъ долго лѣсъ не переливалъ бы изумрудами своей зелени, наслажденіе этою картиной ни увеличится для насъ, ни станетъ яснѣе, пока мы не приложимъ къ ней своихъ собственныхъ помысловъ. Что же намъ съ ней дѣлать, что начать? Еслибъ по крайней мѣрѣ можно было хоть обнять вечернюю зарю или, напримѣръ, отвѣдать зеленыхъ оттѣнковъ лѣса; будь вообще какая-нибудь возможность погрузиться глубже и самодѣятельнѣе въ эту явную и однакожь столь безмолвную тайну природы, въ эту повидимому глубь, которая, при ближайшемъ обзорѣ, всегда становится опять только поверхностью! Такъ какъ возможности этой нѣтъ,

Digitized by Google

то скоро гаснетъ и наше участіе къ такой вовѣки неразрѣшимой загадкѣ; правда, мы остаемся всегда доступными новому отъ нея возбужденью, но постоянно и исключительно не можетъ она занимать нашей души. Съ великимъ трудомъ и тщаніемъ взростимъ мы какой-нибудь цвѣтокъ, и едва распустится онъ въ самомъ дѣлѣ, нами овладѣваетъ уже какое-то недоумѣніе, что же съ нимъ теперь начать? Интересъ къ нему мгновенно пробуждается въ насъ почти только тогда, когда мы показываемъ свой выходокъ кому-нибудь другому; но посмотри мы на него подолѣе, и насъ одолѣетъ чувство, что это вѣдь ровно ни къ чему не ведетъ. Самую очаровательную мѣстность не пожелали бы мы видѣть передъ собой неизмѣнно: въ сущности она черезчуръ мало говоритъ намъ; всѣхъ подобныхъ явленій достаетъ лишь на то, чтобы окружать человѣческую жизнь нашу изящною обстановкой, служить ей декораціей, прикрасой, къ которой мы иногда съ удовольствіемъ возвращаемся, на которую отрадно бываетъ намъ взглянуть. Одинъ день уединеннаго наслажденія природою, даже съ придаткомъ того духовнаго подспорья, какое можетъ доставить намъ чтеніе (хорошей книги) про себя, все таки выйдетъ чѣмъ-то незавершеннымъ и полупотерянным, если наконецъ живая человѣческая рѣчь не напомнитъ намъ о томъ общемъ составѣ быта, къ которому мы собственно принадлежимъ. Думаю, такія внутреннія движенья бываютъ у каждаго, кто хоть немного наблюдалъ за собою самъ, и ими объясняется то тяжкое и непріятное впечатлѣніе, какое производятъ на насъ натянутыя попытки иной слабосильной поэзіи занимать постояннымъ погруженіемъ въ мистику и романтику природы, тогда какъ сердце наше не всегда же ловитъ одни символы да подобія, а напротивъ иногда горячо желаетъ полной жизни и рѣшительно жаждетъ дѣйствительности.

Мы разумѣемъ подъ этимъ впечатлѣнія образованнаго бы-

Digitized by Google

та. Кто считаетъ его за искаженіе жизни человѣческой и превозноситъ въ первобытномъ состояніи людей именно то, что природа являлась тогда духу менѣе непроницаемой, тотъ толкуетъ о чемъ-то вполнѣ невѣроятномъ. Вѣдь у простолюдиновъ, которые и теперь еще пользуются преимуществомъ ближе стоять къ природѣ, замѣтно не высшее ея пониманіе, а напротивъ низшее нежели у тѣхъ, кто возвращается къ ней повременамъ изъ сферы образованной жизни; простолюдинъ-то именно всегда и цѣнитъ полезное, трудъ и дѣло человѣческой руки, болѣе чѣмъ какую бы то ни было поэзію природы. А на племенахъ, которыя, при малоразвитости общественнаго быта, живутъ отчасти въ истинно райскихъ мѣстностяхъ земнаго шара, можемъ мы видѣть еще и до сихъ поръ, какъ мало непосредственной образовательности заключается въ элементарномъ впечатлѣніи природы. Лишенный же и той скудной доли организованнаго общенія съ себѣ подобными, какою пользуются эти племена, совсѣмъ одинокій человѣкъ еще болѣе испыталъ бы на себѣ усыпляющее дѣйствіе, производимое всякою чувственно прекрасною обстановкой, пока она не возбуждаетъ ни пытливости къ изслѣдованію, ни практической наклонности къ многотруднымъ преобразованьямъ. Природа дѣлаетъ и то и другое, вызывая потребности и предлагая средства къ ихъ удовлетворенію. Давно уже справедливо настаивали на томъ, что не только слишкомъ неблагопріятныя обстоятельства, но точно такъ же и чрезмѣрная щедрость климата, расточающая все нужное мимо всякаго человѣческаго труда, равномѣрно препятствуютъ высшему образованью. Бытовое развитіе человѣчества началось съ тѣхъ поръ, какъ земля представилась ему плодоноснымъ, рабочимъ полемъ; красота же и идеальное значеніе обстановки (въ смыслѣ декораціи) сами по себѣ не породили ни на волосъ образованія; да и понятными-то становились они только по мѣрѣ того, какъ школа труда пріучала

Digitized by Google

человѣческій смыслъ къ предначертанію себѣ всякихъ плановъ и развила въ немъ способность цѣнить удачу его дѣйствій, то-есть цѣнить всякую гармонію, въ которой разсѣянные сперва зачатки сходятся подъ-конецъ въ одинъ общій результатъ. Это великое благо истины и надежной, постоянной законности, научается онъ познавать и цѣнить, когда (воздѣланная имъ) почва правильно даетъ ему всходъ и сборъ отъ посѣянныхъ въ нее зеренъ, или когда предразсчитанный успѣхъ дѣйствительно поощритъ первыя попытки его въ тѣхъ искусственныхъ приспособленіяхъ, гдѣ опираясь на аналогіи прежняго опыта, онъ старается подчинить собственнымъ своимъ потребностямъ (чуждыя ему) силы природы. Тогда, незамѣтное въ своемъ началѣ, прокрадывается къ нему убѣжденіе въ той неизбѣжной послѣдовательности и связи, которая каждому началу обезпечиваетъ продолженіе, каждой попыткѣ — результатъ, каждой одинаковой причинѣ — одинаковое дѣйствіе, всѣмъ событіямъ — возможность стройной гармоніи, общаго лада, каждой отдѣльной точкѣ міра — полное ручательство не сгинуть и не разобщиться отъ другихъ, но всегда найдти себѣ готовые пути, которыми ея движеніе и стремленье можетъ влиться въ совокупность цѣлаго и пріобрѣсти въ немъ свое значенье. Въ какихъ бы впрочемъ формахъ первобытная миѳологическая фантазія ни постигала жизнь природы, — вся сущность дѣла состояла въ томъ, что подзаконная механика внѣшняго міра, подмѣчаясь человѣкомъ, дѣйствовала на него воспитательно, прежде всего озадачивая и покоряя его смыслъ своимъ неизмѣннымъ постоянствомъ; вольную красу ея научился онъ разумѣть только по мѣрѣ того, какъ пріобрѣталъ возможность, съ одной стороны, переживать въ себѣ счастіе всеобщаго міропорядка, съ другой — скорбь случайнаго разлада между послѣднимъ и своими личными желаньями, а потомъ, на основа-

Digitized by Google

ніи этихъ житейскихъ опытовъ, истолковывать себѣ естественныя явленія.

Сомнѣнія наши касались доселѣ, вопервыхъ, той преувеличенной мысли, будто вообще въ характерѣ человѣческой души отражается своеобразность нашей планеты, или будто въ духѣ отдѣльныхъ народовъ просвѣчиваетъ домашній геній ихъ обиталища, а во вторыхъ — того не менѣе страннаго вѣрованья, будто бы изъ этихъ таинственныхъ вліяній всемірной жизни истекаетъ для человѣчества какое-либо образовательное подспорье. Мы возобновляемъ здѣсь прежнюю борьбу съ наклонностью, видѣть въ каждомъ отдѣльномъ царствѣ дѣйствительности только подражательный отголосокъ или предзнаменующій символъ другаго царства, а въ цѣломъ великомъ кругооборотѣ явленій — постоянно лишь какую-то обоюдную копировку высшаго низшимъ, и наоборотъ. Какъ душевная жизнь вовсе не представлялась намъ подобіемъ тѣлесной, какъ она вовсе не казалась обязанною развивать для каждаго изъ отправленій тѣла параллельную дѣятельность внутри себя, какъ, напротивъ, во всемъ физическомъ видѣли мы только систему средствъ, которая служитъ духу для его совсѣмъ инородныхъ цѣлей, и отъ которой онъ принимаетъ въ себя одни только полезныя для него дѣйствія, ни мало не заботясь о томъ, какою именно чередою дѣятельностей тѣлесная организація порождаетъ тотъ излишекъ возбужденій, которымъ властенъ онъ распорядиться на свой ладъ: такъ же точно и человѣкъ вовсе не сколокъ или противень съ внѣшней природы, но своеобразная живая точка, совершенно особаго свойства, правда принимающая извнѣ бездну впечатлѣній, но ужь конечно не для того, чтобы отразить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ ею приняты, но съ тѣмъ, чтобы, въ силу своей собственной природы, побуждаться ими къ такимъ воздѣйствіямъ и развитіямъ, которыхъ объяснительная причина лежитъ въ ней самой, а отнюдь не во внѣшности (меха-

Digitized by Google

ически-правильной и потому слишком общей и однообразной, если взять ее помимо той разнодѣйственности, какою обязана она своему отраженію въ разночувствительныхъ душахъ). Мы вовсе не отвергаемъ этимъ опредѣленность человѣка со стороны природы; мы готовы признать даже тотъ родъ зависимости, въ силу котораго колебанія естественныхъ событій бросаютъ измѣнчивый оттѣнокъ и на внутреннюю нашу жизнь. Пусть остается справедливымъ, что общее чувство наше подвластно вліянію погоды, наше настроеніе зависимо отъ свѣта и воздуха, колоритъ нашей мысли отъ временъ года и климата. Но, во-первыхъ, — чистое суевѣріе, слишкомъ выдвигать впередъ вліяніе этихъ трудно расчислимыхъ условій, тогда какъ ясныя и настоятельныя побужденія къ внутреннимъ перемѣнамъ нашимъ гораздо очевиднѣе лежатъ въ нашихъ отношеніяхъ и страстяхъ; во-вторыхъ, дѣйствіямъ природы подлежитъ въ насъ именно только область настроеній, тѣхъ безформныхъ состояній нашей души, которыя конечно могутъ помѣшать или пособить развитію возникшаго отнуда стремленія, но никогда сами по себѣ не смогли бы дать человѣческому прогрессу опредѣленнаго направленья.

Если отъ этихъ соображеній мы перейдемъ къ вопросу о томъ, какими именно образцами дѣятельности природа могла споспѣшествовать нравственному развитію человѣчества, тогда начало всякаго человѣчнаго образованія покажется намъ еще чудеснѣе. Вѣдь очевидна вся безплодность попытки почерпнуть изъ законовъ, управляющихъ неодушевленною дѣйствительностью, такія правила, которыя бы могли имѣть ненатянутое приложеніе къ поступкамъ человѣческимъ, при всей инородности ихъ цѣлей и побужденій. Всеобщій фактъ порядка и законности, — вотъ одно, что душа, ставшая воспріимчивою къ его оцѣнкѣ, можетъ признать во внѣшнемъ мірѣ за сродственное совѣсти явленіе и за наглядный со стороны его увѣтъ,

Digitized by Google

который ей можно употребить себѣ въ пользу; но особенности формъ, въ какихъ явленія внѣшней природы зависятъ другъ отъ друга, принимать за образецъ для обязанностей духовныхъ существъ и для порядковъ общественнаго ихъ взаимнодѣйствія, одинъ изъ самыхъ тяжкихъ и притомъ безплодныхъ грѣховъ той символизующей романтики, противъ которой мы ратуемъ здѣсь постоянно. Одинъ только міръ живыхъ тварей, съ которымъ неразлученъ царящій въ немъ вѣрный инстинктъ, могъ бы, повидимому, представить человѣку точное и неложное истолкованіе того, чего хочетъ отъ него природа и къ чему она его предназначила. Но какіе образцы находитъ онъ въ мірѣ животныхъ, мы знаемъ очень хорошо. Рядомъ съ силою и граціей одного, лѣнь и совершенную тупоту другаго, рядомъ съ одиночными проблесками самоотверженной любви и вѣрности, фальшъ самаго слѣпаго и безпощаднаго эгоизма, рядомъ съ скромной утонченностью и стыдливою красой внѣшняго характера встрѣчается въ одномъ и томъ же существѣ злораднѣйшая жестокость къ его добычѣ, а цѣлое этой пестрой картины представляется въ постоянномъ броженіи и разгарѣ взаимнаго истребленья. Какое убѣжденіе въ разумной связи міра и какое сознаніе своихъ собственныхъ обязанностей могло бы выйдти для насъ изъ этихъ наблюденій? Конечно, кто возьметъ себѣ руководителемъ природу животныхъ, дойдетъ съ этимъ только до сознательнаго развитія скотства, а ужь отнюдь не человѣчности. Кто же пустится въ разборъ между всеобщими (годными для насъ) указаньями, какія природа даетъ намъ въ жизни животныхъ, и тѣми влеченьями, которыя рождаетъ у нихъ, повидимому, слѣпой инстинктъ, а намъ воспрещаетъ высшій законъ совѣсти, тотъ находится уже на точкѣ зрѣнія такой критики, гдѣ исчезаетъ для него всякая обязательность мѣрить себя только на аршинъ природныхъ побужденій. Вѣдь не станетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ отрицать

Digitized by Google

что и въ его собственной природѣ многіе изъ осужденныхъ такимъ разборомъ побудовъ выступаютъ со всею живостью настойчиваго раздраженья; а послѣ этого не ясно ли какъ день, что все естественное становится для человѣка источникамъ права и обязанности только тогда, когда будетъ одобрено высшимъ закономъ въ немъ самомъ и примется въ составъ разумной связи свехчувственнаго жизнепорядка *).

---

*) Крайняя сторона современнаго натуралистическаго направленія очевидно погрѣшаетъ тѣмъ, что образцомъ для человѣческихъ отношеній принимаетъ общеживотненныя, скотскія, подъ предлогомъ ихъ сразу-понятной естественности, но забывая при этомъ одно: что далеко не все, естественное для животнаго, достойно человѣка, котораго не даромъ же вѣдь сама природа надѣлила и поставила въ мірѣ совсѣмъ иначе.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природное свойство человѣка.

Темпераменты, понятіе и различіе ихъ. — Преемственность возрастовъ. — Связь жизненныхъ чувствъ тѣла и души. — Разность половъ. — Общая духовная своеобразность женщинъ.

Если отъ внѣшней природы, которой опредѣляющаго вліянія на душу не льзя намъ было ни отринуть, ни безоговорочно допустить, мы обратимся теперь къ себѣ самимъ, то найдемъ, что наша личность многообразно ограничена въ своемъ развитіи особенностями нашего естественнаго свойства. Темпераменты, природныя способности, перестановка всего заднаго плана душевной нашей жизни, неразлучная съ послѣдовательнымъ ходомъ разныхъ возрастовъ, половое различіе, народный пошибъ нашей воспріимчивости и живоподвижности, — все это вѣдь естественныя же опредѣленія, отъ которыхъ развитіе наше уклониться не въ силахъ. Да безъ сомнѣнія не непремѣнно и должно. Идеалъ человѣчности, правда, можетъ встрѣчать въ этомъ прирожденномъ надѣлѣ болѣе или менѣе преградъ своему осуществленію; но самъ онъ все-таки не состоитъ же въ томъ, чтобы требовать такого однообразія въ способахъ дѣятельнаго и страдательнаго существованія, которое

Digitized by Google

исключало бы рѣшительно всякій индивидуальный оттѣнокъ. Только въ мірѣ животныхъ господствуетъ въ такомъ полномъ смыслѣ родовое понятіе; въ человѣческомъ же родѣ каждое отдѣльное лицо должно освѣщать особымъ колоритомъ своего характера тѣ основныя нормы родоваго бытія, которыя предначертаны ему общимъ понятіемъ.

Намъ очень мало извѣстны причины отъ которыхъ зависитъ это разнообразіе человѣческихъ даровъ. Въ значительной степени обусловливается оно, пожалуй, и тѣлосложеньемъ; съ другой стороны можетъ оно происходить отъ постепеннаго наростанія безчисленныхъ впечатлѣній, примыкавшихъ одно къ другому въ исторической послѣдовательности, — все равно, отвердились ли эти настойчивыя вліянія до извѣстной степени въ образовательномъ побудѣ самаго тѣла, или же, еще менѣе понятнымъ для насъ способомъ, внутренній порядокъ царства душъ сосредоточилъ духовную выработку праотцевъ въ прирожденное свойство потомковъ. Какъ бы то ни было, разности эти существуютъ, онѣ у насъ на лицо, и не льзя намъ уклониться отъ разсмотрѣнія ихъ послѣдствій, если мы даже и обойдемъ вопросъ объ ихъ происхожденіи.

Разница темпераментовъ, какъ и всѣхъ другихъ природныхъ особенностей или естественныхъ опредѣленій, бросается намъ въ глаза среди образованнаго быта по преимуществу, — оттого ли, что, благодаря мѣньшему знакомству нашему съ самыми простыми формами жизни, однообразіе ихъ представляется намъ изъ-дали болѣе сплошнымъ, нежели какова оно въ самомъ дѣлѣ, или же оттого, что только именно высшимъ образованіемъ и вырабатываются глубже характеристическія свойства отдѣльныхъ личностей. Но сколь ни явно во многихъ случаяхъ несомнѣнное существованіе этой разницы, тѣмъ неменѣе значеніе имени, которымъ мы ее называемъ, остается очень неопредѣленнымъ. Первоначаль-

Digitized by Google

ный смыслъ слова склоняетъ насъ разумѣть подъ именемъ темпераментовъ общія форморазличія въ ходѣ нашихъ внутреннихъ состояній, которыя сами по себѣ не обусловливаютъ исключительно заранѣе ни опредѣленной высоты, ни опредѣленнаго направленія образованья, но неоспоримо представляютъ развитію ума и нравственнаго характера разнородныя подспорья и препятствія, а, съ другой стороны, не совсѣмъ отрѣшены отъ связи съ тѣлосложеньемъ и господствующей въ немъ наклонностью къ нѣкоторымъ формамъ заболѣванія, да и не неразрывно же однако соединены съ нимъ. Множество представленій, одновременно идущихъ въ сознаніи, быстрота ихъ смѣны, живость, съ какою мысли предпочтительно распространяются въ одномъ направленіи или равномѣрно во многихъ, и, затрогивая прежнія впечатлѣнія, вызываютъ себѣ то болѣе обильный, то болѣе скудный гармоническій подпѣвъ; точность, съ какою неизмѣнно сохраняются прошлыя впечатлѣнія, или быстрое слiяніе ихъ въ мутную неопредѣленность общихъ состояній; постоянство, съ какимъ, среди всѣхъ этихъ перемѣнъ, удерживается заинтересовавшая насъ идея, или та легкость, съ какою участіе и внимательность мигомъ переходятъ отъ первоначальнаго своего предмета къ множеству оттѣсняющихъ его побочныхъ обстоятельствъ; величина чувства, возбуждаемая впечатлѣніями вообще, и особенная его устойчивость или та миолетность, съ какой исчезаетъ оно въ одно мгновеніе; скопъ или напоръ душевныхъ стремленій вкругъ немногихъ точекъ, продолжительно ихъ занимающихъ, или наклонность тотчасъ перейдти отъ одной задачи къ другой; различныя степени влеченья выразить свои внутреннія состоянія движеньями, жестами, словами: — все это такія явленія, которыя одинаково входятъ въ широкую область темпераментовъ. Они подобны форморазличіямъ въ движеніи потока, который, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ преградъ и смотря не легко-

Digitized by Google

сти или тяжелинѣ текущей влаги, по склону паденія и видообразованію русла, идетъ то глубокими и увѣнистыми волнами, то выбѣется только на поверхности быстро-измѣнчивою, перекрестною и извилистою рябью.

Еслибъ изъ несмѣтнаго числа индивидуальныхъ темпераментовъ, какое дѣйствительно представляетъ намъ опытъ, мы захотѣли выдвинуть впередъ извѣстныя характерныя формы, подъ которыми упомянутыя нами разнообразныя черты преимущественно группируются въ связные, типическіе образы, мы пришли бы опять къ тѣмъ же завѣтнымъ четыремъ темпераментамъ, которымъ нарекла имя еще древность, соединявшая несостоятельныя теоріи съ вѣрнымъ въ сущности наблюденьемъ. Но не было бы ни какой пользы рисовать здѣсь снова эти часто воспроизводимыя картины: посмотримъ лучше, какъ естественно въ развитіи отдѣльнаго лица и общества отчасти являются подобія этихъ темпераментовъ, отчасти должны бы были являться при нормальномъ ходѣ образованія.

Тѣлесное здоровье основано въ значительной степени на томъ, что не всѣ составныя части тѣла такъ тѣсно между собою связаны, чтобы для нихъ была неизбѣжна взаимная передача другъ другу каждаго испытываемаго потрясенія. Признакъ болѣзненной слабонервности, когда эта благотворная задержка, препятствующая разливу частныхъ возбужденій, умаляется дотого, что любое ничтожное раздраженье вызываетъ сочувственную страду во всемъ тѣлѣ, и даже умѣренныя разстройства естественнаго общаго чувства тотчасъ производятъ множество сощущеній, судорожныхъ схватокъ и ускоренныхъ или видоизмѣненныхся выдѣленій. Можно напротивъ того подозрѣвать, не эта ли именно всесторонняя раздражительность и есть въ самомъ дѣлѣ первобытное состоянie души. Конечно, ей не предназначено оставаться въ этомъ состояніи надолго; но задачу образовать себя самой и дать постепенно утвердить-

Digitized by Google

ся основнымъ чертамъ своего характера, рѣшитъ она успѣшно только тогда, если не задерживаетъ ее ни какая первобытная косность или неподвижность природнаго ея свойства. Постоянный избытокъ этой всесторонней раздражимости психическихъ состояній другъ другомъ, а души — всѣми возбужденьями извнѣ, — вотъ что называемъ мы сангвиническимъ темпераментомъ, и всегда съ какимъ-то оттѣнкомъ порицанья. Мы находимъ естественнымъ, что дѣтскій возрастъ, предназначенный собирать безъ всякихъ предразсудковъ и безъ особливыхъ еще наклонностей тѣ впечатлѣнія, которыми можетъ онъ себя образовать, обнаруживаетъ въ себѣ эту податливость на возбужденіе и переходчивость изъ одного душевнаго настроенія въ другое; и въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ не замедляютъ появиться эти свойства, развитіе ребенка обыкновенно всего быстрѣе подвигается впередъ. Столь же естественною находимъ мы сангвиническую живость у необразованныхъ народовъ, которыхъ бытъ вообще такъ мало порождаетъ разнообразныхъ и глубокихъ интересовъ, розняющихъ отдѣльныя лица между собой, что здѣсь нѣтъ еще того односторонняго преслѣдованія извѣстныхъ цѣлей, которое могло бы ослаблять безпредубѣжденную воспріимчивость ко всякаго рода впечатлѣньямъ. Только благопріятныя условія естественной внѣшней обстановки необходимы для того, чтобы дать развиться душевной живости вмѣстѣ съ бодрою подвижностію тѣла.

Но для дальнѣйшей выработки какъ умственной, такъ и сердечной стороны духа, для развитія нравственнаго характера, это настроеніе представляетъ столько же препятствій, сколько оно выгодно для начала образованія. Крайняя быстрота въ смѣнѣ представленій, возможная только при неустойчивости интереса, пробуждаемаго каждымъ изъ нихъ порознь, для ребенка въ извѣстной степени совершенно необходима. Благодаря ей, не только пріумножается у него запасъ свѣдѣ-

Digitized by Google

ній, но многосторонностью поправляющихъ другъ друга представленій отвращается захрястость въ слишкомъ ограниченномъ кругу помысловъ, навычка къ случайнымъ только частностямъ и мелочамъ, не имѣющимъ ни какого всеобщаго значенья; а это такіе недостатки, къ которымъ и безъ того легко ведетъ дальнѣйшая жизнь, благодаря неизбѣжному однообразію того или другаго дѣловаго занятія. Но эта же самая измѣнчивость мѣшаетъ, съ другой стороны надлежащему отверженію пріобрѣтеннаго запаса и точной размежовкѣ его такимъ образомъ, чтобы тотчасъ было ясно, въ предѣлахъ какого именно участка имѣетъ силу легко-давшееся общее его понятіе, и гдѣ теряетъ оно все свое значеніе. Для ребенка, далѣе, совершенно необходимо, чтобы и къ мелкимъ впечатлѣніямъ, къ неважнымъ сравнительно подмѣтамъ, тотчасъ примыкало у него чуткое внутреннее чувство, но равно необходимо и то, чтобы чувства эти быстро исчезали вмѣстѣ съ вызвавшими ихъ поводами. Худо было бы, еслибъ смѣхъ не наступалъ у него вслѣдъ за горькими слезами, и вмѣсто блаженной забывчивости ко всякому неудовольствію, въ извѣстной степени даже и къ воспитывающему наказанью, памятованіе всего горькаго, всякой несправедливости, обиды или скорби потемняло въ немъ надолго своей печальной тѣнью вполнѣ беззавѣтную воспріимчивость. Но и это первоначальное преимущество становится невыгоднымъ для дальнѣйшаго прогресса. Быстрота, съ которой каждому мгновенному впечатлѣнью тотчасъ идетъ навстрѣчу живое чувство, сопровождаемое той малой долею стремленія, какую способно вызвать содержаніе этого мимолетнаго возбужденья, естественно ведетъ къ опрометчивости въ поступкахъ вообще, такъ какъ мотивы ихъ исходятъ не изъ многообъемчиваго соображенья, не изъ совокупности постояннаго настроенія души, а почерпаются неосмотрительно и врасплохъ изъ той или другой черты мгновен-

Digitized by Google

ныхъ поводовъ. Всякая человѣческая жизнь имѣетъ неизбѣжною задачей, изъ безконечной опредѣлимости зерна, обѣщавшаго одинаково раскрыться во всѣ стороны, заключить себя въ конечность извѣстной характеристической формы, которая оставляетъ невыполненными тысячи преждевременныхъ надеждъ, но зато изъ немногихъ, дѣйствительно развиваемыхъ ею побудовъ, взрощаетъ тысячи своеобразныхъ плодовъ, которыхъ многоразличіе въ зернѣ даже и не подозрѣвалось. Поэтому сангвиникъ, если его темпераментъ переживетъ естественный свой срокъ, справедливо производитъ на насъ впечатлѣніе состарѣвшагося ребенка; и та любезность въ обществѣ, которую охотно признаютъ за его всестороннею возбудимостью и его даромъ входить во всѣ возможныя положенья, не вознаграждаетъ за отсутствіе благонадежности и не внушаетъ къ нему того участія, какое мы невольно принимаемъ въ каждой человѣческой особи, выработавшейся мало по малу изъ естественной опредѣлимости наконецъ и въ дѣйствительную опредѣленность.

Исправлять такіе недостатки, щадя прекрасныя стороны этого темперамента, будетъ стало-быть задачею дальнѣйшаго развитія: душа сохранитъ за собою безущербно воспріимчивость къ великому и малому и къ самымъ разнообразнымъ видамъ возбужденья; но навыкнетъ при этомъ различать крупныя цѣнности отъ мелкихъ и соразмѣрять степень своего участливаго воздѣйствія съ тѣмъ значеніемъ, какимъ вызывающее его впечатлѣнье обладаетъ въ постепенно уясняемой совокупности жизненныхъ интересовъ человѣка. Естественный ходъ образованія начинаетъ рѣшать задачу эту самъ собой, именно тѣмъ, что сангвиническій темпераментъ ребенка онъ превращаетъ въ сентиментальный, свойственный юношѣ. Выбираю имя: сентиментальный, чтобъ избѣжать неточности, заключающейся въ обыкновенномъ названіи, — меланхолическій.

Digitized by Google

Унылая грусть, которая невольно приходитъ намъ на мысль при этомъ словѣ, поддерживаемая продолжительной невзгодой и упорной памятью о претерпѣнныхъ бѣдахъ, или наконецъ тѣлесною болѣзнью, конечно можетъ наложить мрачную тѣнь свою на всѣ духовныя дѣятельности; но сама она не есть же одна изъ тѣхъ всеобщихъ форморазличій внутренней жизни, за которыми хотѣлось бы намъ удержать имя темпераментовъ. Напротивъ, это настроеніе, какъ и всякое другое, совмѣстно съ любымъ даннымъ темпераментомъ, хотя одинъ конечно способенъ располагать къ нему на болѣе долгое время нежели другой; сентиментальный же темпераментъ, который мы собственно имѣемъ здѣсь въ виду, вовсе не единичное настроеніе, случайно осилившее всѣ возможныя для насъ другія, но формальная наклонность къ такого именно рода настроеньямъ вообще, наклонность искать ихъ и производить съ бо́льшею живостью и въ гораздо большемъ объемѣ, нежели это оправдывается наличнымъ поводомъ. Дѣтство не разборчиво на впечатлѣнія, которымъ всегда готово оно отдаться; любопытство его легко возбудить какими бы то ни было фактами, будь они только вообще способны занять его представленіе. Если же мы иногда видимъ въ немъ неохоту къ ученью, то должны при этомъ сообразить, какъ мало затрогиваетъ его въ предметахъ тотъ именно интересъ, какой находимъ мы сами въ познаніи ихъ внутренняго смысла. Тогда мы согласимся уже вполнѣ, что въ ребенкѣ лежитъ совсѣмъ безкорыстная (ни чѣмъ не заинтересованная) готовность усвоивать себѣ разнообразнѣйшія впечатлѣнія, которыхъ дѣйствіе въ первые годы жизни далеко превышаетъ все то, чему научитъ насъ такой же періодъ времени впослѣдствіи. Естественно, что безразличная эта воспріимчивость слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ выдвигается впередъ другая задача, — распредѣлить и организовать пріобрѣтенный матеріалъ образованія. Юность становится уже раз-

Digitized by Google

борчивѣе на впечатлѣнья; ей кажется безразличнымъ и безвкуснымъ многое изъ того, съ чѣмъ умственное пищевареніе дитяти ладило не обинуясь. Но чѣмъ менѣе и здѣсь успѣютъ ясно выступить опредѣленныя цѣли жизни, къ которымъ могли бы вѣрно пріурочиваться единичные опыты, тѣмъ болѣе участіе души гонится еще за цѣнностью впечатлѣній для одного чувства; она уклоняется отъ всего, что не сулитъ удовлетворить этой наклонности ея только къ такого рода возбужденью, или, пожалуй наоборотъ, умѣетъ воспользоваться каждымъ впечатлѣніемъ для прививки къ нему цѣлой вереницы чувствъ, равнодушно отбрасывая въ сторону познательное его содержанье. Такъ слагается этотъ сентиментальный темпераментъ, какъ естественный оттѣнокъ душевной жизни юности, и на немъ-то, если онъ только не переходитъ за предѣлъ нормальной своей поры, основана большая часть благороднѣйшей стихіи нашего образованія. Преимущественно способный постигать гармоническое или негармоническое свойство формальнаго соотношенья впечатлѣній, любитъ онъ вдумчивое повтореніе всего ритмическаго (мѣрно-возвратнаго), всѣхъ эстетическихъ впечатлѣній вообще; не такъ склонный къ настоящему труду, но увлекаемый тревогой чувства къ фантастической дѣятельности, нытается онъ отвести душу частію въ художественномъ творчествѣ, частію въ предначертаньи идеаловъ лучшаго строя дѣйствительности. Но крайне воспріимчивый къ цѣнѣ впечатлѣній для внутренняго чувства, онъ вмѣстѣ и наклоненъ къ теоретической неопредѣленности, такъ какъ ему менѣе удается выдержка тѣхъ опредѣленныхъ точекъ, между которыми неизбѣжно идутъ нити, связывающія эти дорогія для него соотношенія. Такимъ образомъ онъ выходитъ непрактичнымъ, потому что желалъ бы и на дѣлѣ воспроизвесть смыслъ своихъ настроеній, а между тѣмъ не оказываетъ ни какого участія къ безразличнымъ для него подробностямъ тѣхъ разумныхъ

Digitized by Google

средствъ, которыя могутъ вести къ достиженію его цѣлей; и такъ же часто бываетъ онъ несправедливъ, ощущая враждебные или явное нерасположеніе другихъ къ его эстетическимъ предразсудкамъ съ такою горечью, которая исключаетъ всякое безпристрастное обсужденье, всякій просторъ существованія для другаго рода убѣжденій.

Надлежитъ признать благотворною особенностью нашей природы то, что воспоминаніе претерпѣннаго горя продолжается у насъ не такъ живо, какъ воспоминаніе испытанныхъ радостей; но въ моментъ своего дѣйствія всякая скорбь сильнѣе волнуетъ намъ душу и производитъ болѣе тревоги въ нашихъ помыслахъ, ищущихъ освободить ее отъ тяжкаго гнета. Самое довольство не знаетъ иногда въ первую минуту, что̀ съ собою дѣлать, и должно̀ ожидать отъ времени постепеннаго раскрытія добрыхъ слѣдствій, заключающихся въ данномъ благѣ (какъ въ зернѣ): тогда только надоумится оно, какъ именно выразить ему свою радость. Отсюда понятна наклонность человѣка доставлять себѣ болѣе ясное чувство дѣйствительно существующихъ или могущихъ существовать гармоній косвеннымъ путемъ диссонансовъ, которые онъ готовъ нарочно отыскать или по крайней мѣрѣ преувеличить данные, въ тѣхъ видахъ, что цѣнность гармоніи, противополагаясь угрожающей ей опасности, всегда явнѣе выступаетъ наружу. Вотъ почему чувствительныя души любятъ нѣжную грусть, которая какъ сѣроватый грунтъ стелется подъ радужнымъ блескомъ отдѣльныхъ моментовъ радости; и древніе были не совсѣмъ неправы въ томъ, что прозвали сентиментальный темпераментъ именемъ меланхоліи, къ которой онъ дѣйствительно близокъ по природѣ.

Свойственный этому настроенію души опасный недостатокъ заключается въ томъ, что преобладающая чувствительность легко можетъ помѣшать развитію или утвержденію сознанія

Digitized by Google

долга. Какъ темпераментъ этотъ ни необходимъ не только для художественнаго генія, но и для всякаго истинно-человѣчнаго строя практической жизни, тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ, одинъ и при продолжительномъ своемъ владычествѣ, онъ ведетъ въ обоихъ этихъ направленьяхъ только къ самодовольной виртуозности, не знающей затѣмъ никакихъ иныхъ задачъ. Нѣтъ нужды приводить здѣсь въ примѣръ ту противную сентиментальность, которая пользуется всѣми жизненными событіями, только какъ случаями для раздраженій чувствительности: дурныя слѣдствія этого настроенія отзываются даже въ искусствѣ и въ наукѣ. Оно обнаруживается въ первомъ неспособностью собирать истинно-производительнымъ образомъ въ одно связное цѣлое единичныя лирическія движенія души, которыя сами собою возникаютъ въ человѣкѣ, а природною даровитостью или сильно распространившимся образованіемъ приводятся къ изящному по формѣ выраженію; въ царствѣ науки отзывается оно тѣми частыми примѣрами большихъ природныхъ способностей, которыя довольствуются однакожь тѣмъ, чтобъ остроумно и щегольски принаряжать вновь наличный запасъ свѣдѣній, располагать и заострять ихъ день ото дня хитрѣе, и никогда не сдѣлать добросовѣстно ни чего для окончательнаго рѣшенія какого бы то ни была вопроса. Значительную часть даже и дѣльныхъ навидъ стремленій можно было бы понастоящему приписать этой сухой формѣ сентиментальности; великое въ жизни и въ наукѣ всегда возникало только изъ дружно-соединенныхъ силъ, которыя, не отрицая важности другаго рода впечатлѣній, оставляли ихъ однакожь въ сторонѣ, чтобы прямо идти къ своей собственной цѣли, но зато тѣмъ ревностнѣе заботиться о неинтересныхъ по себѣ средствахъ, которыми позволительно было до времени пренебрегать слишкомъ возбужденному еще юношескому чувству, увлекаемому исканіемъ достойныхъ цѣлей (и забывав-

Digitized by Google

нему изъ-за этого о совершенной необходимости пригодныхъ къ тому средствъ).

Очевидно, что развитія холерическаго темперамента въ зрѣломъ возрастѣ должны мы желать естественнымъ преемникомъ сентиментальному; слишкомъ раннее его наступленье столько же повредило бы полнотѣ человѣческаго развитія, какъ и совершенное отсутствіе его потомъ. Тугая на подъемъ раздражимость, приписываемая этому темпераменту, обруку съ большою силой однажды вызваннаго воздѣйствія, неосперимо часто происходитъ или отъ нравственной твердости характера, рѣшившейся идти къ какимъ нибудь опредѣленнымъ цѣлямъ и не дающей сбить себя съ пути ни какимъ сторонними раздраженіямъ, или же отъ порождаемаго однообразіемъ житейской обстановки слишкомъ съуженнаго тока представленій, чѣмъ совершенно притупляется интересъ ко многимъ разнородными возбужденіямъ. Но часто встрѣчается уже и у дѣтей такое упорство въ преслѣдованіи однажды избраннаго пути мыслей, что препятствія только подстрекаютъ его къ усиленной дѣятельности: вотъ почему мы и считаемъ себя въ правѣ обозначать это состояніе души именемъ особеннаго темперамента *). Существенныя черты его должны заключаться въ (относительной) непріимчивости къ случайнымъ раздраженьямъ, лежащимъ внѣ обычнаго хода его мыслей, въ ограниченности, съ какою новыя впечатлѣнія вызываютъ одни ближайшія воспоминанья, связанныя съ ними въ смыслѣ этого хода исключительно, наконецъ—въ малосильности тѣхъ чувствъ, которыя способны вызвать всѣ другія сознательныя

*) Принадлежи оно исключительно какому-нибудь возрасту, мы могли бы видѣть въ немъ лишь переходное явленіе, временно порождаемое фазисомъ развитія, а не всеобщую коренную его норму или черту, только что нынѣ выступающую наружу при извѣстныхъ условіяхъ.

Digitized by Google

ощущенія, не вступившія въ главное направленіе душевнаго потока. Съ тѣмъ же однако постоянствомъ дѣйствуетъ въ свою очередь однажды пробудившійся интересъ обратно на ходъ представленій и на стремленья воли, и такимъ образомъ холерическій этотъ темпераментъ оказывается преимущественно практическимъ, сколько по опредѣленности цѣлей, предоставляемыхъ ему (остепенившемся уже) фантазіей, сколько и потому, что его менѣе притязательное и менѣе обидчивое чувство не чуждается орудовать безъинтересными или даже и трудными для него средствами, которыя, не имѣя сами по себѣ цѣны, все-таки вполнѣ необходимы для достиженія цѣли. Но уже частое смѣшеніе этого темперамента съ тѣмъ, что мы попросту зовемъ упрямствомъ, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ выгодною его стороной и очевидныя невыгоды. Дѣйствительно, даже практическая его виртуозность часто съуживается отъ постепенно возрастающей ограниченности духовной жизни, — ограниченности, которая вскорѣ заходитъ такъ далеко, что избравъ себѣ исключительно одну какую-нибудь цѣль, она такъ же исключительно и упрямо держится потомъ за одни и тѣ же средства; которая, наконецъ, сосредоточиваясь сама въ себѣ, не обращаетъ уже ни какого вниманія на другія прямо важныя цѣли и становится карикатурой неуклонной послѣдовательности, явнымъ крѣпкоумiемъ или крѣпколобьемъ. Это уже не тотъ прогрессъ образованія, котораго приходилось намъ желать. Какъ отъ сангвинической раздражительности и легкоподвижности, такъ и отъ сентиментальнаго вхожденія во все, что по своей природѣ можетъ интересовать человѣческую душу, на долю позднѣйшей жизни долженъ же вѣдь оставаться достаточный удѣлъ; и сложеніе характера, приличнаго человѣческому назначенію, основывается конечно ни на томъ полномъ безучастьи, ни на томъ презрѣніи, какія исключи-

Digitized by Google

тельно предавшееся своей цѣли узкосердіе оказываетъ ко всему, что̀ лежитъ внѣ собственнаго его стремленья.

Можетъ показаться страннымъ, если я вздумаю утверждать, что для преклонныхъ лѣтъ флегматическій темпераментъ является не только естественнымъ настроеньемъ, но вмѣстѣ и поправкою односторонностей холерическаго темперамента. Всякое изображеніе темпераментовъ вообще такъ готово рисовать каждый изъ нихъ въ характеристической его крайности, что при одномъ уже имени флегмы обыкновенно мы думаемъ только о духовной лѣни, въ которой, конечно несогласно съ назначеніемъ человѣка, почти вполнѣ теряется и воспріимчивость къ новымъ впечатлѣньямъ и всякая охота на нихъ воздѣйствовать. Но въ этомъ образѣ смѣшиваютъ душевную пустоту съ такою формой внутренняго движенія, которая одинаково можетъ принадлежать и чему-нибудь совершенно полному и чему-нибудь совершенно пустому. Всегдашнее равновѣсіе было бы невыносимо и противно въ молодой душѣ, которой только предстоитъ еще развиваться и которой надлежитъ пріобрѣсть форму своего образованія изъ многоразличныхъ жизненныхъ потрясеній. Но то же самое спокойствіе достопочтенно въ зрѣломъ духѣ, преодолѣвшемъ уже эти потрясенія и научившемся изъ множества опытовъ не отдаваться безоглядно волненью чувствъ, вызываемому мимолетною смѣной впечатлѣній, да и не держаться слишкомъ исключительно и въ ущербъ всѣмъ другимъ одной формы и направленія человѣческихъ стремленій. Конечно, пока подъ именемъ темперамента мы разумѣемъ только природное настроенье, въ противоположность пріобрѣтенному нами внутреннему характеру, до тѣхъ поръ флегматическая неподатливость на впечатлѣнія должна представляться самымъ нерадостнымъ изъ всѣхъ расположеній человѣка. Но и тутъ мы часто бываемъ къ нему слишкомъ несправедливы: изъ неохоты къ тѣлесному движенью

Digitized by Google

мы неосновательно заключаемъ о такой же лѣни помысловъ; изъ отсутствія страстныхъ потрясеній и излишнихъ выраженій чувства—о сердечномъ безучастіи. А вѣдь какъ часто бываемъ мы потомъ изумлены, когда сильныя и настойчивыя возбужденья внезапно зажгутъ въ этихъ холодныхъ, повидимому, душахъ пламенный и неугасимый потокъ дѣятельной страсти: подобныя событія нерѣдко встрѣчаются въ большихъ размѣрахъ у племенъ, которыхъ народный темпераментъ рѣшительно флегматиченъ. Отсюда мы почерпаемъ тотъ урокъ, что въ такой туготѣ внутренней жизни напрасно предполагать неспособность и неподвижность тупоумія: правда, она чуть замѣтно волнуется отдѣльными впечатлѣньями, но собираетъ ихъ не спѣша, до великаго и энергическаго взрыва въ какомъ нибудь подвигѣ; а гдѣ нѣтъ ей случая практически заявить свою силу, тамъ она дѣйствительно не лелѣетъ въ себѣ попусту тровожнаго волненія и не ищетъ такого случая во что бы ни стало. Подобно всякому покою, это равновѣсіе души — знаменательное явленіе, и цѣнность его опредѣляется величиной дремлющихъ въ немъ напряженныхъ силъ. Мы жалѣемъ о безчувственности, которую ничто не трогаетъ, потому что нѣтъ въ ней ни къ чему ни понятія, ни участья; но всѣ мы ищемъ того мира, который ни чѣмъ безъ мѣры не возмущается, потому что для него ни что уже вполнѣ не ново; который переиспыталъ всѣ чувства, но давно отнялъ у страстнаго участія случайную силу мгновенной энергіи и привелъ его въ ту именно мѣру, какая подобаетъ ему въ ряду человѣческихъ интересовъ по внимательнѣйшемъ ихъ разсмотрѣніи; который, наконецъ, не спѣшитъ уже дѣлить пылъ рьянаго стремленья научась заранѣе тому, что судьбы жизни слишкомъ измѣнчивы, а поприще человѣческой дѣятельности слишкомъ коротко, и что поэтому не льзя придавать безусловной цѣны какому бы то ни было дѣлу исключительно, да и ни одному изъ нашихъ

Digitized by Google

дѣлъ вообще. Мы только чаемъ этого настроенія, какъ естественнаго темперамента старости, и отнюдь не можемъ сказать, чтобы оно достигалось у всѣхъ и вездѣ; но мы видимъ, съ другой стороны, что при особенно благопріятной духовной организаціи бываютъ иногда избранныя души, которымъ это равновѣсіе присуще въ теченіе цѣлой ихъ жизни. Съ благодушною и всегда свѣжею воспріимчивостью обнимаютъ онѣ и великое и всякую малость; ни одинъ элементъ чувства не минуетъ ихъ безвпечатлительно, но ни одинъ и не завлечетъ въ перепутанный лабиринтъ какого-нибудь односторонняго настроенья; съ яснымъ взглядомъ на вещи, осторожно-терпѣливою рукой орудуютъ они въ тиши средствами для достиженія неуклонно-преслѣдуемой цѣли, орудуютъ безъ той рьяной суровости, которая не въ силахъ потерпѣть, чтобы когда-нибудь перерывали ея дѣло, и безъ надменнаго пренебреженія ко всѣмъ инымъ путямъ, сроднаго характеру, знакомому только съ своей собственной дорогой. Намъ припоминаются здѣсь не великія имена исторіи, но тѣ скромныя, счастливыя явленья, которыя, какъ воплощенный идеалъ, проходятъ жизнь незамѣтно и безъ огласки; то, что знаменательно врывалось въ ходъ историческихъ формацій, обязано силою своего дѣйствія гораздо чаще тѣмъ односторонимъ жесткостямъ, благодаря которымъ оно, лишенное само внутренняго равновѣсія, успѣвало навязать міру свое порывистое движенье.

Наблюденіе только приблизительно и притомъ изъ-дали подтвердитъ намъ этотъ постепенный ходъ человѣческаго развитія. Чтобы пройдти его весь сплошь и дать каждому изъ приведенныхъ нами настроеній изжиться въ полной чистотѣ и мѣрѣ, для этого понадобилось бы особенное благопріятство, какъ со стороны природнаго характера, такъ и со стороны внѣшнихъ условій жизни. Только уже извѣстный достатокъ бытоваго образованія можетъ сообщить разнымъ возрастамъ

Digitized by Google

все то многоразличіе сродныхъ имъ интересовъ, въ которомъ эти особенныя настроенія души нашли бы каждое вполнѣ пригодный матеріалъ для своего энергическаго саморазвитія: однообразіе простыхъ, малосодержательныхъ состояній быта непремѣнно ослабитъ и душевныя разности (то-есть сдѣлаетъ характеры однообразнѣе). Но правильная выработка послѣднихъ можетъ точно такъ же встрѣтить себѣ препятствіе и въ многосторонности житейскихъ судебъ, если онѣ дотого гнетутъ душу своей тягостью, что ей не останется простора свободно развивать себя дальше. Наконецъ, чѣмъ глубже души и характеры выработались многоразличнымъ житейскимъ опытомъ, тѣмъ своеобразнѣе природное свойство позднѣйшихъ поколѣній развѣтвляется обыкновенно на индивидуальныя особенности, которыя въ пути своего развитія часто поразительно отходятъ отъ общей нормы. Наконецъ, многія болѣзни насильственно измѣняютъ темпераментъ и настроеніе; столь же многочисленныя разстройства другаго рода, прежде чѣмъ выступить явными болѣзнями, обнаруживаются тревогами въ общемъ чувствѣ, непонятными даже и для того, кто ощущаетъ ихъ, но постепенно оттѣняющими совсѣмъ иначе совокупность его внутреннихъ чувствъ и взглядовъ. Было бы очень интересно прослѣдить причины такихъ явленій, будь къ тому какая-нибудь возможность. Но въ нихъ не льзя уже положительно отдѣлить того, что, совершаясь на духовной почвѣ вслѣдствіе безчисленныхъ извивовъ индивидуальнаго образованія, воздѣйствуетъ отчасти и на тѣлесную организацію, а съ другой стороны — того, что, обусловливаясь органическимъ развитіемъ и его разстройствами, оказываетъ соопредѣляющее вліяніе на складъ внутренней нашей жизни. Быть-можетъ, иногда слишкомъ преувеличиваютъ значеніе послѣдняго; но что оно дѣйствительно существуетъ въ сильной степени, это очевидно. Вмѣстѣ съ замедленіемъ или преждевременностью

Digitized by Google

тѣлеснаго развитія, наступаютъ позже или раньше и соотвѣтственныя этимъ порамъ роста настроенія души; и, говоря вообще, всего естественнѣе предположеніе, что сплошное общее чувство нашей жизни получаетъ разновременно разные оттѣнки, смотря по тому, тотъ или другой органъ, та или другая система тѣла, вырабатываясь быстрѣе или, напротивъ, замедляясь въ своей дѣятельности, болѣе или менѣе вліяютъ на насъ происходящимъ отъ нихъ несмѣтнымъ множествомъ повторительныхъ и въ частности незамѣтныхъ возбужденій. Но въ то время, когда прошла уже пора живо помнить сопровождавшіе ихъ приливы и отливы желчи, не наставала вѣдь еще другая, которая предлагала бы намъ, въ видѣ объяснительныхъ началъ, точныя наблюденія величины различныхъ отправленій нашего организма и достовѣрныя данныя объ ихъ вліяніи на духовную нашу жизнь.

Какъ тѣсно продолжительныя состоянія нашего тѣла могутъ быть связаны съ продолжительными же настроеньями души, —это показываетъ намъ наблюденіе мимолетнаго вліянія ихъ другъ на друга. Не даромъ было сказано, что лежа мы думаемъ не такъ, какъ стоя; принужденное, сдавленое положеніе тѣла невольно смиряетъ нашу отвагу, нашу прыть; спокойно и небрежно развалясь, мы едвали можемъ предаваться благоговѣйнымъ чувствамъ набожности; всякой гнѣвъ болѣе или менѣе унимается тѣлеснымъ спокойствіемъ, и не безъ основанія стараются усадить взбѣшеннаго въ удобное кресло; рука, поглаживая наморщенный лобъ, умѣряетъ вмѣстѣ съ этимъ и душевное разстройство. Право, можно еще спросить: наше эстетическое и нравственное сужденіе, или помыслы наши объ опасности и удачѣ, не пріобрѣтаютъ ли полной своей живости именно отъ побочной игры этихъ чувственныхъ ощущеній, благодаря которымъ цѣнное само по себѣ предстаетъ намъ вмѣстѣ и въ своемъ согласіи съ глубочайшими условіями на-

Digitized by Google

шего тѣлесно-индивидуальнаго существованья. Есть такія апатическія состоянія, которыя этихъ побочныхъ ощущеній не допускаютъ вовсе: мы и тутъ усматриваемъ, пожалуй, все съ прежнею же ясностью объективное превосходство одного поступка, и недостойность другаго, мы признаемъ всякое справедливое притязаніе стороннаго лица на нашу любовь и участіе; но намъ невозможно уже отнестись къ чему-либо съ той сердечной теплотой, какая принадлежитъ ему по достоинству. Какъ часто бываетъ это съ нами, напримѣръ, при услажденіи безспорной красотою! Постигать ее, не значитъ вѣдь только отвлеченно утѣшаться ея гармоническими соотношеньями; всякая утѣха, всякая радость вообще не ограничивается однимъ лишь умственнымъ или духовнымъ процессомъ: нѣтъ, въ болѣе живомъ и вольномъ дыханіи, въ ускоренномъ біеньи сердца и въ упругомъ растяженіи мышцъ ощущаемъ мы, что насъ что-то подымаетъ, возноситъ; раскаянье въ прошлой винѣ есть не только нравственное это осужденіе, высказываемое внутри насъ самихъ и внимаемое только душою: нѣтъ, ослабленіе всѣхъ членовъ, стѣсненіе въ груди, а въ припадкѣ гнѣва пожалуй еще судорожное съуженіе дыхалъ и удушливое движенье кверху пищевода, такъ что нейдетъ въ горло ни одинъ кусокъ, — все это обнаруживаетъ до очевидности, какъ и тѣлесная организація стремится символически оттолкнуть то тяжкое, что ее гнететъ и давитъ. Самое даже чувство благочестія не ограничивается однимъ духовнымъ возвышеньемъ: тогда какъ съ его наступленіемъ незамѣтно исчезаетъ, напримѣръ, обычная спѣшность нашей походки, движенія становятся медленнѣе и сдержаннѣй, все положеніе тѣла принимаетъ своеобразный типъ, не слабости, но покорствующей силы, въ то же самое время отъ тѣлесныхъ этихъ дѣйствій возвращается въ сознаніе нашей души какое-то особое чувство, подкрѣпляющее духовное ея настроеніе и съ этой еще стороны. Понят-

Digitized by Google

но, какъ совсѣмъ иначе живется тому, чье тѣло даетъ эти отголоски несовершеннымъ образомъ, или болѣзненно измѣняя ихъ звуки, какъ вообще однородныя впрочемъ настроенія отдѣльныхъ лицъ никогда не могутъ вполнѣ приравниваться одно къ другому. Цвѣтущая пора юности представляетъ намъ это слiяніе духовной жизни съ тѣлесною ея оболочкой въ самой очаровательной и совершенной выработкѣ; дальнѣйшая жизнь, съ ея постепенно ростущими преградами и столкновеньями, болѣе и болѣе обнаруживаетъ разныя безсвязности и нелады въ сродственныхъ между собою побудахъ первой и послѣдней. Въ движеніи, въ поступи, во всѣхъ пріемахъ нѣтъ уже той полной задушевности; обиходныя, вседневныя дѣла совершаются съ равнодушной ловкостью, ѣда и питье часто съ неизящно-бездушною алчбою; и только признакомъ глубокаго сердечнаго образованія является уже та черта, когда мысли старѣющаго человѣка не витаютъ съ мертвенною холодностью, безотносительно и въ общихъ сферахъ, надъ чувственною теплотой даннаго случая.

Недостаточность вѣрнаго познанія психической цѣнности тѣлесныхъ органовъ и ихъ внѣшнихъ соотношеній ощущаемъ мы съ новой силою, приступая къ самой трудной части своей задачи, — духовному различію между полами. Не буду останавливаться на волнистой линіи очертаній женскаго тѣла сравнительно съ болѣе угловатыми формами мужчинъ; пожалуй, не даромъ замѣчали въ этихъ формахъ перевѣсъ характерно-обособляющаго побуда, тогда какъ быть-можетъ и дѣйствительно однообразнѣйшее сложеніе женскихъ тѣлъ подтверждаетъ ихъ большую близость къ одному общему помибу или типу. Даже и здѣсь, гдѣ наружная форма тѣла конечно должна выяснить собою для другихъ присущую ему внутреннюю жизнь, я не могу придать большаго вѣса одной только символической (прообразовательной) цѣнности облика; гораздо интe-

Digitized by Google

реснѣе было бы, если можно, показать, какое своеобразное жизненное чувство пріобрѣтаетъ самый обликъ особыми пропорціями своего строя и своихъ отправленій. Объ этомъ мы знаемъ очень мало (почти ровно ничего). Отъ соразмѣрностей костяка и мышчатаго слоя зависитъ мѣньшая рабочая сила въ тѣлѣ женщины; ни плеча, ни грудь не благопріятны у ней для подъема, носки, преодолѣнія большихъ массъ и значительныхъ препятствій; бедра и голени устроены не для скораго бѣга, да и не для твердаго шага подъ увѣсистою тяжестью; мышцы, повидимому, менѣе способны къ непрерывному напряженію, сколь ни велика ихъ сносливость при чередованіи дѣятельнаго состоянія съ покоемъ. Обстоятельства эти таковы, что едвали могутъ не отозваться на общемъ чувствѣ, гдѣ внутреннее ощущеніе удобства, упругости и особенной благонадежности нашего внѣшняго положенья, устоя и движенія всегда играетъ значительную роль. Что мужское тѣло образуетъ овалъ съ бо́льшимъ поперечникомъ между плечами, а женское — такой же овалъ, но наиболѣе расширенный въ бедрахъ, — это само по себѣ было бы безразличною подробностью; но жизненному чувству мужчины туловище дѣйствительно можетъ казаться тяжестью, которой перевѣсъ, при существованіи упругихъ опоръ отовнѣ, какъ бы просится навстрѣчу всѣмъ преградамъ, тогда какъ женщина, не ощущая такой свободы въ этомъ отношеніи, естественно находитъ свой кругъ дѣйствія въ близи и ждетъ, чтобы отдаленное само къ ней подступало. Эта меньшая степень силы наверстывается высшею мѣрою способности приноравливаться къ разнообразнѣйшимъ обстоятельствамъ. Тѣлесныя потребности женщинъ гораздо ограниченнѣе мужскихъ: онѣ и ѣдятъ и пьютъ меньше, онѣ менѣе дышатъ, и, какъ утверждаютъ многіе, даже лучше сопротивляются удушенью; всѣ затрудненія, или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя постепенно ростутъ и продолжаются, въ томъ числѣ всякія вообще

Digitized by Google

лишенья, переносятъ онѣ отчасти легче противъ мужчинъ, отчасти по крайней мѣрѣ благополучнѣе, нежели можно бъ было ожидать судя по одной ихъ тѣлесной силѣ. Къ тяжкимъ потерямъ крови и продолжительнымъ болямъ онѣ обыкновенно сноснѣй, даже бо́льшая раздражительность ихъ нервной системы, благодаря которой маловажныя разстройства вызываютъ иногда обширныя послѣдствія, настолько же повидимому благопріятствуетъ скорому и безопасному разсѣянію испытанныхъ потрясеній. Вотъ почему, и при невыгодныхъ обстоятельствахъ, достигаютъ онѣ часто глубокой старости, хотя примѣры крайняго долголѣтія, переходящаго далеко за цѣлый вѣкъ, почти исключительно выпадаютъ на долю мужскаго пола. Отъ природы не расположенныя къ слишкомъ сильнымъ чувственнымъ раздраженьямъ, имѣютъ онѣ однакожь ко всему непріятному гораздо болѣе эстетическаго только отвращенія, тогда какъ напротивъ мужчинѣ въ этихъ случаяхъ труднѣе бываетъ совладать съ физической брезгливостью: всѣ операціи для возстановленія опрятности вѣдь уже сами по себѣ неопрятны. Та же приноровчивость къ обстоятельствамъ видна у женщинъ и въ различныхъ житейскихъ положеніяхъ. Справедливо замѣчено съ давнихъ поръ, что женщины гораздо легче примѣняются къ новому быту, къ непривычному сану или внезапно измѣнившейся экономической обстановкѣ, тогда какъ мужчина едва можетъ изгладить слѣды своего юношескаго воспитанія. Да и пріобрѣтенные навыки держатся въ немъ гораздо крѣпче, а перерывъ однажды заведеннаго порядка, отсутствіе срочнаго удовлетворенія извѣстныхъ потребностей причиняютъ общему его расположенію гораздо болѣе разстройства нежели женскому. Съ этими чертами сама собою соединяется та смѣсь сангвинической живости и сентиментальной теплоты сердца, которую мы или находимъ въ женщинѣ или объ отсутствіи которой жалѣемъ, какъ о недостат-

Digitized by Google

кѣ. Многое покрывается тутъ разностями пріобрѣтеннаго образованія; но даже и на противоположныхъ его краяхъ чуть ли не всегда встрѣтимъ мы у женщины особенную черту любопытства, ищущую разговора только для того, чтобы поговорить, и потомъ хоть какую-нибудь искру удовольствія при видѣ изящныхъ и гармоническихъ соотношеній.

Но едвали есть возможность отвѣчать на вопросъ, какимъ именно образомъ, благодаря этимъ естественнымъ чертамъ, высшая духовная жизнь обоихъ половъ становится характеристически-противоположною. Безчисленное множество, частію только остроумныхъ, частію же вмѣстѣ и справедливыхъ замѣчаній, какія породилъ этотъ вопросъ, рѣдко интересовались проведеніемъ явственной границы между первобытнымъ, природнымъ свойствомъ и между тѣмъ, что слѣдуетъ почесть за косвенный, опосредствованный результатъ тѣхъ житейскихъ отношеній и тѣхъ сферъ образованія, которыя подѣйствовали на тотъ и на другой полъ весьма различно, хотя все таки же въ соотвѣтствіи съ ихъ природными наклонностями. Сколько ни пытайся мы свести на простыя выраженія понятій обиліе этихъ разнообразныхъ особенностей, открываемыхъ намъ только жизненнымъ опытомъ и пластически воспроизводимыхъ только поэзіей, мы всегда съумѣемъ дать одинъ лишь крайне безцвѣтный очеркъ того, что въ необозримой пестротѣ своей доставляетъ нескончаемое занятіе нашему живому, дѣйствительному міросозерцанью.

Не думаю, чтобы духовныя способности обоихъ половъ разнились еще какъ-нибудь иначе, помимо тѣхъ своеобразныхъ интересовъ внутренняго чувства, которыми онѣ направляются. Едвали есть что-нибудь на свѣтѣ, чего женскій умъ не смогъ бы понять (наравнѣ съ мужскимъ), но есть очень много такого, чѣмъ никогда не привыкнутъ интересоваться женщины. Часто говорятъ, что познавательность мужчины ищетъ всегда

Digitized by Google

общаго, а познавательность женщины — частнаго и единичнаго; но во множествѣ случаевъ мы видимъ совсѣмъ наоборотъ, что именно обособляющая сила у женщинъ слабѣе, а инстинктивная чуткость къ общему гораздо сильнѣе; да и кромѣ того такое распредѣленіе познавательнаго дѣла между полами вовсе не соотвѣтствовало бы эгоистическимъ стремленьямъ, обыкновенно предполагаемымъ въ мужской волѣ, и той подчиненности общимъ порядкамъ и ходячимъ мнѣніямъ, какую приписываютъ самоограниченію женщины. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сказать, что познаніе и воля у мужчины направлены къ общему, а у женщины обыкновенно къ цѣлому. Дѣло мужской философіи точно разлагать прекрасныя отдѣльныя явленья и изслѣдовать, отъ какой именно перекрестной встрѣчи общихъ условій каждое изъ нихъ, сколько бы ни казалось оно предобдуманнымъ, любимымъ созданіемъ дѣйствительности, произошло однакожь съ безпристрастно-роковою необходимостью; женщинѣ же свойственно скорѣе ненавидѣть анализъ и съ удивленіемъ наслаждаться непредвидимо-возникшимъ цѣлымъ, въ полной его законченности, непосредственной цѣнѣ и красотѣ. Всѣ механизмы изобрѣтены мужчинами, мужчины тѣшатся обыкновенно тѣмъ, что съ помощью всеобщихъ силъ и по всеобщимъ законамъ могутъ, не прямо, а посредственно, производить разнообразнѣйшія дѣйствія, достигать многоразличнѣйшихъ результатовъ; женщина, напротивъ, всегда рада прямо приложить руку къ самому дѣлу, ей хотѣлось бы ощущать дѣятельную теплоту чувства въ ея непосредственномъ переходѣ къ дѣйствительности, къ насущному факту. Дѣло мужской мысли — глубокое убѣжденіе, что все величайшее и прекраснѣйшее въ мірѣ имѣетъ свои механическія условія, и что ни какой скороспѣлый результатъ, предвозъятый у этого коснаго процесса осуществленія, не можетъ быть ни проченъ, ни надеженъ: изъ такого кореннаго помы-

Digitized by Google

сла вышелъ весь великій порядокъ бытовой организаціи: она вездѣ основывается на общемъ началѣ строгой правомѣрности, то-есть на той вѣрѣ, что сперва слѣдуетъ удовлетворить всѣмъ общепотребнымъ условіямъ истины, прежде чѣмъ можетъ зайдти рѣчь о желательномъ въ данномъ случаѣ результатѣ. Не менѣе правая и не менѣе необходимая для блага жизни вѣра женщины состоитъ въ томъ, что ни одно общее, ни одна въ мірѣ форма никогда не имѣютъ самобытной, безусловной цѣнности, а имѣетъ ее только лишь живое, къ обоснованію котораго могутъ они, неоспоримо, вести: изъ этой вѣры выходитъ всякое примиреніе, вся красота жизни, ибо вездѣ основывается она на началѣ сердечной справедливости (Billigkeit, équité), по которому мы чувствуемъ въ себѣ долгъ смягчать свободною любовью и благостью жесткія стороны чисто-правомѣрныхъ отношеній; жаль только, что это благоволеніе часто бываетъ готово нарушить даже и тѣ формы права, которыя мѣшаютъ его намѣреньямъ. Всѣ истинно-мужскія стремленія основаны на глубокомъ уваженіи къ всеобщему; даже гордость и честолюбіе мужчинъ не удовлетворяются безпричинною уступкой ихъ желаніямъ: въ притязаніяхъ своихъ опираются они на ту долю общепризнанныхъ преимуществъ, какую по крайней мѣрѣ сами себѣ приписываютъ; они постоянно чувствуютъ себя чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели только особливый примѣръ всеобщаго, и требуютъ, чтобъ ихъ мѣрили одною мѣрой съ другими *). Женскій нравъ столько же наклоненъ къ благоговѣнію передъ цѣлымъ: какъ красу одного цвѣтка не слѣдъ мѣрить красой другаго, такъ точно и женщина не захочетъ стать на одну доску ни съ какою другой; и тамъ, гдѣ для служенія всеобщему мужчина добровольно вступитъ въ рядъ единомышленныхъ и потеряется въ немъ

*) Всегда, конечно, въ той увѣренности, что тутъ-то и обнаружатся вполнѣ всѣ ихъ преимущества.

Digitized by Google

незамѣтною единицей, женщина все-таки желаетъ быть искомою и любимой только какъ прекрасное само по себѣ цѣлое, понятное лишь изъ самого себя-и дорогое несравнимою особенностью, безподобіемъ своего индивидуальнаго существа. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, собственно только любовь, а не уваженіе по преимуществу можно питать къ цѣлому такого рода; предпочтительно уваженія, а не любви, хочетъ, напротивъ, мужчина за свои качества, не только допуская, но и требуя, чтобъ его мѣрили одною общею всѣмъ мѣрой. Ни кто, конечно, не приметъ этой противоположности въ такомъ крайнемъ смыслѣ, что будто женскій нравъ, подобно неразложимому запаху какого-нибудь цвѣтка, не имѣетъ уже ровно ни какихъ правъ на уваженіе: напротивъ, въ виду многихъ общесравнимыхъ добродѣтелей, мы обязаны уважать его тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ невольно заставляетъ себя и любить.

Надобно хорошенько осмотрѣться въ жизни для того, чтобы въ тысячѣ подробностей найдти доказательные примѣры этихъ общихъ полоразличій. Дѣловые переговоры мужчинъ обыкновенно коротки, женскіе многословны и рѣдко обойдутся безъ частыхъ повтореній; женщины очевидно мало довѣряютъ просто данному слову, основанному только на всеобщемъ долгѣ вѣры и вѣрности и не усиленному сверхъ того цѣлой массой мелочныхъ ручательствъ и подпоръ, вытекающихъ изъ подробностей наличнаго случая. Мужчины придаютъ менѣе цѣны стройному распорядку своей пространственной обстановки, лишь бы она обезпечивала имъ готовую сподручность всѣхъ необходимыхъ къ дѣлу средствъ; но они ставятъ высоко точное соблюденіе времени, особенно служащее механическимъ условіемъ всякому успѣху: съ удачно-импровизирующей фантіей расположитъ женщина бездну предметовъ такъ, что всѣ вмѣстѣ они составятъ пріятное навидъ цѣлое, конечно ужь не въ строгомъ стилѣ; но она гораздо небрежнѣе обходится съ

Digitized by Google

временемъ, котораго распредѣленіе не предстаетъ ей въ наглядныхъ образахъ, въ сейчасъ видимыхъ примѣтахъ. Говоря о соблюденьи формъ, мужчины и женщины обыкновенно понимаютъ подъ этимъ нѣчто совсѣмъ разное: женскому нраву ближе всего забота округлить въ пріятный и гармоническій образъ готовящееся появленіе законченнаго результата; все искусство ихъ въ томъ, чтобы знать, что̀ прилично, что̀ къ чему идетъ, и что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ часто бываетъ поводомъ къ осужденію со стороны мужчины: вѣдь формы, соблюденіе которыхъ ему дорого, суть общія правила законнаго образа дѣйствій, — и эти правила готовъ онъ проводить, даже и не обойдясь тутъ безъ какихъ-нибудь разладовъ. Извѣстная неюридичность женщинъ находится съ этимъ въ непосредственной связи. Она лежитъ не въ неспособности жертвовать въ случаѣ нужды личнымъ притязаньемъ, потому что ни кто не превзойдетъ женщину въ радостной готовности къ подобнымъ жертвамъ, если только она видитъ передъ собой то добро, изъ-за котораго должно принести ихъ. Но она оскорбляется здѣсь тѣмъ, что законы весьма часто смотрятъ на цѣлость даннаго обстоятельства собственно не какъ на цѣлое, но изъза какихъ-нибудь отдѣльныхъ чертъ, на которыя особенно налегать женскій умъ считаетъ произвольнымъ, они подводятъ его подъ то или другое общее опредѣленіе, которое кажется женщинѣ не менѣе произвольнымъ потому, что въ немъ, какъ въ общей формулѣ дѣятельности, не обнаруживается непосредственно и наглядно то окончательное добро, къ обезпеченію котораго оно однако служитъ. Мужчина не прочь предпринять и такія вещи, которымъ рѣшительно не видать конца, если только дѣло идетъ о проведеніи какого нибудь общаго начала; женщинамъ необходимо наглядно выставить ожидаемый успѣхъ: онѣ хотятъ предчувствовать окончательный видъ того, къ чему должна напослѣдокъ привести (неинтересная для нихъ)

Digitized by Google

тревога дѣятельности. Неоспоримо, что въ этой наклонности, въ томъ миломъ вѣрованіи, будто для всѣхъ возможныхъ затрудненій найдется разрѣшающій исходъ, родъ полюбовной сдѣлки для всѣхъ споровъ, и для всѣхъ разсѣянныхъ началъ — округляющее ихъ подъ-конецъ соединеніе, — неоспоримо, что тутъ, рядомъ съ полезною стороной, заключается и вредъ, оказываемый женскимъ вліяніемъ на воспитаніе мужскаго духа Преимущественно отъ матерей идетъ у насъ сдерживающее раздумье, насчетъ возможнаго исхода поступковъ въ такихъ вещахъ, гдѣ впереди всего надлежало бы стоять выполненію неизбѣжнаго долга. Въ собственности мужчина видитъ обыкновенно то, что она есть дѣйствительно, — совокупность употребимыхъ въ пользу, а слѣдовательно и разрознимыхъ средствъ, такъ что, напримѣръ, щедролюбіе его не ставитъ ни во что ихъ мнимую (или привычную) сопринадлежность; мотовство женщинъ состоитъ по большой части въ закупкахъ, оплачиваемыхъ обыкновенно не на ихъ счетъ. Но однажды пріобрѣтенную собственность легко принимаютъ онѣ, напротивъ, за нѣчто завѣтное, котораго части, составляющія одно цѣлое, какъ будто бы и не годится уже разрознять. Не бережливость, въ точномъ смыслѣ слова, навлекаетъ имъ подозрѣніе въ скупости или сквалыжничествѣ, но, отчасти, конечно это благоговѣніе передъ внутренней сопринадлежностью вещей, столько же замѣтное въ боязни разрознить что-нибудь, сросшееся съ цѣлымъ бытомъ, составляющее дорогую память, сколько и въ мистическомъ уваженіи къ полной дюжинѣ (всякихъ принадлежностей стола, бѣлья и т. д.). Я рѣшился бы, наконецъ утверждать, что для женской души истина вообще имѣетъ не тотъ смыслъ, какой для мужскаго духа. Въ глазахъ женщинъ истинно все то, что можно оправдать тѣмъ разумнымъ значеніемъ, съ какимъ пріурочивается оно ко всему остальному міру и его соотношеніямъ; дѣйствительная же его осу-

Digitized by Google

щественность важна для нихъ гораздо менѣе. Поэтому онѣ наклонны не то чтобы ко лжи, но, безспорно, къ призрачному, къ выказному, и не озабочиваются вопросомъ, дѣйствительно ли служащее имъ на показъ въ извѣстномъ, почему-либо дорогомъ для нихъ, отношеніи заявитъ себя и при другихъ обстоятельствахъ въ качествѣ того, чему слѣдуетъ казаться такимъ взаправду. Желаніе казаться не тѣми, что̀ мы въ самомъ дѣлѣ есть, конечно — общая человѣческая слабость; но по крайней мѣрѣ отъ принадлежащихъ ему вещей мужчина требуетъ, чтобъ онѣ были прочны и настоящи; женщины же, напротивъ, обнаруживаютъ сильное пристрастіе къ замѣнѣ настоящаго хоть подложнымъ, лишь будь оно красивѣе на видъ. Съ такого рода наклонностями онѣ недоступны истинно-научнымъ стремленьямъ, и мысли ихъ отличаются скорѣе художественно-наглядными направленіемъ. Подобно тому какъ поэтъ создаетъ характеры не путемъ анализа и разсчета, но провѣряя истину ихъ тѣмъ, что чувствуетъ возможность пережить всю природу ихъ въ своей собственной душѣ безъ искусственнаго самовозвращенья или натяжки, такъ и женская фантазія любитъ переноситься прямо внутрь вещей, и коль скоро добьется наглядnаго представленія о томъ, какими чувствами должно̀ сопровождаться ихъ внутреннее существованіе, движенье и развитіе, ей кажется, что она ужь совершенно постигла, въ чемъ дѣло. Трудно дать женщинамъ понять, что именно возможность осуществленія того, что̀ такимъ образомъ гадательно предполагается, сама еще составляетъ научную загадку. Очевидно, до какой степени связаны съ этимъ великія блага жизни, твердость религіозныхъ вѣрованій и миръ нравственнаго чувства; но даже и въ мелкихъ, малозамѣтныхъ чертахъ находимъ мы всегда у женщинъ перевѣсъ живой чуткости надъ строго-научнымъ анализомъ. Тысячи самыхъ ловкихъ техническихъ пріемовъ употребляютъ онѣ въ повседневныхъ своихъ

Digitized by Google

работахъ; но то самое, что̀ такъ искусно выполняется ими, едва-ли съумѣютъ онѣ точно описать, а развѣ только покажутъ. Анализирующая вдумчивость въ ихъ собственныя движенья чужда имъ въ высшей степени, и, не рискуя сильно ошибиться, мы дозволимъ себѣ утверждать, что даже такія обыкновенныя слова, какъ напримѣръ: вправо, влѣво, поперекъ, наизворотъ, означаютъ на языкѣ женщинъ совсѣмъ не математическія соотношенія, но какія-то особаго рода чувства, ощущаемыя при слѣдованіи этимъ указаніямъ въ рукодѣльныхъ работахъ.

Однако я, пожалуй, навлеку себѣ укоръ въ затѣѣ исчерпать неисчерпаемое, а мнѣ тѣмъ болѣе должно избѣгать его, что предстоящій намъ впослѣдствіи обзоръ дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній будетъ вездѣ наводить насъ на ту долю участія, какая принадлежитъ обоимъ половинамъ въ установкѣ общественнаго быта и въ наслажденіи его благами. Краткое упоминаніе о предѣлахъ, полагаемыхъ каждому изъ нихъ особеннымъ его характеромъ, можетъ однако руководить насъ въ предварительномъ соображеніи тѣхъ розныхъ путей развитія, какими идутъ различныя племена и породы, въ силу прирожденныхъ имъ національныхъ свойствъ. Даже среди одного и того же народа находимъ мы, рядомъ съ тѣлесными, и такія духовныя отмѣны, которыя, не принадлежа къ общеплеменному характеру, часто съ удивительнымъ постоянствомъ переходятъ изъ рода въ родъ черезъ нѣсколько поколѣній сряду; всего же чаще дарованія къ такимъ искусствамъ, которыхъ цѣль — наглядныя сочетанья многихъ элементовъ въ порядокъ стройной совокупности Примѣры наслѣдственной передачи математическихъ, музыкальныхъ, живописческихъ и техническихъ способностей очень нерѣдки, а къ нимъ всего ближе примыкаютъ подобные же переносы одинаковыхъ темпераментовъ, въ которыхъ мы вѣдь также признали общія

Digitized by Google

форморазличія внутренней жизни. Съ изумленіемъ видятъ часто родители повтореніе у дѣтей тѣхъ же самыхъ недостатковъ, тѣхъ же мелкихъ повадокъ и навыковъ, какіе сознаютъ они за собой сами; и если справедливо, что въ образованномъ быту, соединяющемъ столь различно-выработанные характеры въ новыя семьи, такъ же часто встѣчаются примѣры противоположнаго, или, если по крайней мѣрѣ часто не льзя бываетъ свести натуру ребенка ни на какую смѣсь родительскихъ наклонностей, зато у необразованныхъ племенъ не только должно ожидать тѣмъ большаго постоянства въ этой передачѣ, но наше ожиданіе положительно подтвердится и опытомъ. Національныя разности образованныхъ народовъ можно пытаться объяснить могучимъ и всепроникающимъ вліяніемъ особенностей ихъ развитія, зависящихъ преимущественно отъ географическаго положенія и отъ случайностей исторіи; но этимъ не устранить того всеобщаго впечатлѣнія, какое производитъ въ насъ наблюдательный опытъ, а оно явно говоритъ въ пользу первобытнаго племеннаго характера, или по крайней мѣрѣ такого, который неизбѣжно передается всякой нарождающейся жизни, независимо отъ позднѣйшаго соприкосновенія ея съ національною сферой образованія. Тщетно было бы стараться объяснить эту черту, пока господствуетъ еще такое разномысліе между наблюдателями относительно ея объема. Мы не можемъ вѣдь окончательно рѣшить, всѣ ли человѣческія породы способны къ одинаковой высотѣ образованія, но видимъ, что и самыя ущедренныя племена не равномѣрно и притомъ своеобразно участвуютъ въ развитіи человѣчности, и что средь одного и того же народа энергія и подвижность духовной жизни распредѣляется между личностями также очень неравно; у насъ есть, наконецъ, всѣ основанія къ домыслу, что одичалость, въ какой находимъ мы до сихъ поръ цвѣтныя породы, вовсе не неразлучная принадлежность ихъ

Digitized by Google

природныхъ свойствъ. Изъ этихъ соображеній выводимъ мы вопервыхъ то мнѣніе, что отрицать первоначальную разность дарованій совсѣмъ напрасная затѣя, потому что разность эта неизбѣжно возвращается опять у отдѣльныхъ лицъ, еслибъ мы даже и устранили ее отъ большихъ семей человѣчества, и, какъ предѣлъ, положенный отъ природы и тѣмъ и другимъ, послѣднимъ не тяжеле же переносить ее нежели первымъ. Стало-быть дѣло только въ томъ, всѣмъ ли видамъ, всѣмъ ли разрядамъ людей свойственны по крайней мѣрѣ на столько однородныя способности, на сколько это нужно для того, чтобы вести всѣхъ къ наслажденію нравственными благами человѣчности и совокупить одной общей связью въ единое человѣчество. Мы не имѣемъ въ виду отвѣчать здѣсь на этотъ вопросъ, котораго разборъ предстоитъ философіи исторіи; но предуготовленіемъ къ отвѣту послужитъ размышленіе о томъ, какимъ образомъ вообще, благодаря воспитательному дѣйствію природы и общественныхъ отношеній, коренное свойство человѣка возбуждается къ произведенію существенныхъ житейскихъ благъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нравы и обычаи.

Совѣсть и нравственный вкусъ. — Неблагонадежность естественной душевной жизни. — Яства. — Людоѣдство. — Жестокость и кровожадность. — Чистота тѣла и души. — Стыдливость. — Ненависть и пристрастіе къ природѣ. — Реализмъ прекрасной личности и идеализмъ труда. — Обходительность

Отыскивая въ человѣческомъ духѣ плодотворное зерно нравственнаго его развитія, мы не думали найдти въ немъ такое подробное откровенье, которое непосредственно давало бы ему способность соглашать свои житейскія отношенія, или даже самые обыкновенные свои поступки, съ истинными нормами нравственнаго порядка. Вѣдь и въ выработавшемся уже сознаніи живое и глубокое чувство цѣнности какихъ-либо идеаловъ вовсе не ручается еще за необходимую чуткость того разсудка, которому предстоитъ отличать образцы истиннаго ихъ осуществленія отъ призрачнаго, ложнаго, или за ту творческую фантазію, которая умѣла бы примѣнять къ условіямъ даннаго на лицо случая вполнѣ дознанный идеальный образецъ, безъ ошибки и безъ искаженья. Развѣ мало было умовъ, стремившихся къ самымъ высокимъ идеаламъ, и которымъ совре-

Digitized by Google

менность ихъ не представила ни одной вполнѣ художественной выработки чаемаго ими типа, а между тѣмъ восторженные эти умы вѣдь думали же видѣть воплощеніе его въ такихъ жалкихъ образованіяхъ, которыхъ ничтожность изумляетъ позднѣйшую, болѣе развитую эпоху. Вынужденная утолять жажду свою тѣмъ, что̀ найдется у ней подъ рукою, душа наклонна преувеличивать цѣну этихъ скудныхъ очерковъ, на которые она переноситъ всю теплоту внутреннихъ своихъ чувствъ, и навыкнувъ такимъ образомъ принимать свое желаніе за самое дѣло *), она становится непріимчивой, дикой и неподатливой передъ той обильнѣйшею красотой, которая предстаетъ ей наконецъ дѣйствительно, и которая, будь она только понятна, удовлетворила бы душевныя потребности невпримѣръ лучше. Нѣчто весьма сходное бываетъ и съ нравственнымъ развитіемъ. Мы конечно можемъ приписать человѣческому духу, въ видѣ коренной его принадлежности, всеобщія представленія о такомъ правѣ, которому слѣдовало бы вездѣ царить; но нравственное чутье и тактъ, оспособляющіе насъ въ каждомъ данномъ случаѣ находить ту опредѣленную форму, въ какой право это должно быть осуществлено, есть рѣшительно уже плодъ преуспѣвающаго образованія, и счастливыя отдѣльныя черты природнаго характера могутъ замѣнить его развѣ только отрывочно и очень несовершенно, а никогда не замѣнятъ въ достаточной степени или тѣмъ менѣе еще — вполнѣ.

Это окажется понятнымъ само собой вразсужденіи всѣхъ великихъ порядковъ человѣческаго быта, которые, какъ государство и гражданское общество, должны, въ своей искусственной постройкѣ, опираться на снискиваемое только въ теченіе жизни и постепенно совершенствуемое познаніе

*) По поговорнѣ: чего хочется, тому и вѣрится.

Digitized by Google

тѣхъ безчисленныхъ соотношеній, какими члены всякаго общества связаны не только между собой, но также и съ условіями внѣшней обстановки. Но, гдѣ еще, помимо этихъ многосложныхъ отношеній, человѣкъ стоитъ съ человѣкомъ или съ природою наединѣ, тамъ можно бы предполагать, что поступки его явнѣе руководятся врожденнымъ голосомъ совѣсти, способнымъ внушить ему не только нравственный строй чувствъ и помысловъ, но и соотвѣтственные тому обычаи и нравы, какъ прямое выраженіе ихъ во внѣшнемъ быту. Сравнительное изученіе быта разныхъ народовъ ведетъ однакожь къ совсѣмъ противоположному выводу. Что̀ прилично человѣку дѣлать и допускать, какъ ему уряжать свою обстановку и свои общественныя взаимнодѣйствія, что̀ должно ему чтить и чего избѣгать, что̀ въ отношеніи къ нему дѣйствительно безправно и несамосильно, какъ, наконецъ, слить въ цѣлость гармоническаго быта всѣ составныя части его учрежденій, всѣ единичныя черты его дѣятельности, — всему этому научаемся мы только съ медленнымъ ходомъ образованія, и никогда не научаемся вполнѣ. Естественная же доброта человѣческаго рода очень далека отъ того, чтобы вести насъ прямо къ нравственному развитію. Пусть найдется у дикихъ племенъ тотъ или другой простой обычай, говорящій въ ихъ пользу противъ переобразованности нашей цивилизаціи, пусть наивное проявленіе иныхъ прекрасныхъ сторонъ природнаго ихъ характера очаровываетъ насъ своей граціей: рядомъ съ этими свѣтлыми точками лежитъ обыкновенно тѣмъ болѣе мрачная тѣнь, и общій типъ этой натуралистической жизни и любого дикаго племени представляетъ такое непостоянство, такую безсвязность и непредвидимую безпослѣдовательность, что обокъ съ милѣйшими проявленіями отдѣльныхъ нравственныхъ чувствъ въ изобиліи кишатъ самыя неожиданныя гнусности и самыя безчеловѣчныя злодѣйства. Въ дикихъ состояніяхъ людскаго

Digitized by Google

рода насъ закупаютъ иныя преимущества, которыми цивилизація поступилась большею частью для высшихъ цѣлей, хотя нигдѣ, конечно, не принесла этой жертвы съ полной неизбѣжностью; и вотъ, мы жаждемъ вернуться къ простотѣ той первобытной жизни, позабывая, что вѣдь одно только образованіе изощряетъ въ насъ воспріимчивость къ миловиднымъ ея чертамъ, какъ пріятному противію невыгодамъ нашего собственнаго общежитія, и что съ той прелестью быта неразлучна вѣдь такая нищета, которая знать не знаетъ, да не способна и произвесть множества высшихъ благъ, самыхъ для насъ драгоцѣнныхъ. Въ подобныхъ чувствахъ лежитъ то очень распространенное недоразумѣніе, которое, среди трудностей великихъ и не вполнѣ удачливыхъ предпріятій, вмѣсто того, чтобы побуждать насъ впередъ и впередъ, внушаетъ намъ лучше отступиться и скорѣе потѣшить себя вѣрнымъ успѣхомъ въ бездѣлицахъ. Легко пересчитать маленькое стадо, и кому страшно пуститься въ открытый океанъ и отвѣчать на тысячи противоположныхъ запросовъ духовно-кипучей гражданственности, тотъ всегда можетъ разыграть идиллію, на которой минутно съ удовольствіемъ остановится, пожалуй, нашъ взоръ, но тотчасъ же соскучится и отвернется. Счастливый климатъ, родовая добротность физической организаціи и отсутствіе трудной работы развиваютъ у людей, точно такъ же, какъ и у животныхъ, красоту и гибкость тѣла и естественную грацію пріемовъ и поступи, помимо всякой душевной глубины; гдѣ простота отношеній не даетъ ни какого повода къ продолжительнымъ и непримиримымъ раздорамъ, тамъ благорасположеніе и добродушіе, охотно причисляемыя нами къ врожденнымъ наклонностямъ человѣка, легко могутъ проснить собой существованіе и украсить его извѣстными чертами общежительной деликатности; но безъ привычки озирать человѣческую жизнь въ ея полнотѣ, не вѣдая ни ея смысла,

Digitized by Google

ни ея цѣлей, этотъ естественный строй души встрѣчаетъ въ нашемъ существованіи слишкомъ много пробѣловъ, слишкомъ много такихъ вещей, которымъ не льзя, повидимому, дать ни какого нравственнаго опредѣленья, слишкомъ много такихъ отношеній, которыя можно толковать такъ или иначе, и которыя потомъ, при первомъ толчкѣ со стороны темперамента или какой-нибудь внѣшней случайности, переходятъ вдругъ въ совершенное безчеловѣчіе и варварство, часто совсѣмъ наперекоръ тѣмъ умилительнымъ и прекраснымъ чертамъ, которыя сперва такъ много обѣщали.

Эта нравственная неблагонадежность или несостоятельность сродны не одному только естественному быту необразованныхъ племенъ. И среди нашей цивилизаціи не только много злыхъ помысловъ сдерживается постояннымъ и всестороннимъ гнетомъ, который налагаетъ на нихъ авторитетъ однажды признанныхъ общественныхъ учрежденій, но сверхъ-того еще ограниченность нравственнаго смысла, недостатокъ тонкаго чутья тѣхъ разнообразныхъ путей, какими нравственный идеалъ долженъ проникать во всякое, даже и самое простое, бытовое отношенье, — все это варварство природно-личнаго характера, уже и помимо чистаго зложелательства, могло бы ежемгновенно прорываться къ общей смутѣ и у насъ, еслибъ многовѣковое преданіе не сберегло и не взростило великихъ духовныхъ силъ въ наукѣ, искусствѣ, праводанствѣ и религіи. Онѣ-то помогаютъ благороднѣйшимъ душамъ познавать взаимную связь всѣхъ священныхъ благъ человѣчности, что было бы не подъ силу каждому отдѣльно отъ другихъ, и онѣ же удерживаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ тѣ неблагородныя души, для которыхъ служатъ, хотя и непонятною, но все же неодолимо крѣпкою уздой. И, наконецъ, все это медленно-возводимое зданіе человѣческой благовоспитанности не завершается вѣдь никогда, да никогда и не подвигается во всѣхъ

Digitized by Google

частяхъ своихъ равномѣрно. Вездѣ есть области жизни, способныя къ глубокой нравственной разработкѣ и однакожь все еще кажущіяся намъ чѣмъ-то вольнымъ и внѣзаконнымъ, предоставленнымъ на личный произволъ субъективнаго темперамента; есть другіе участки, въ которыхъ безразличные по себѣ навыки укоренились въ качествѣ непреложныхъ правилъ и иногда въ явный ущербъ дальнѣйшему развитію; наконецъ, всей совокупности нашихъ нравовъ недостаетъ яснаго теоретическаго пониманія причинъ обязательной ихъ силы,— пониманія, которое было бы способно оградить вѣру въ достоинство нравственныхъ уставовъ отъ перемѣнчивости душевнаго настроенія, а тѣмъ самымъ и отъ скептицизма, легко пробуждаемаго въ насъ страстями и великими превратностями нашей судьбы. Недостатокъ этого теоретическаго пониманія не устранимъ вполнѣ никогда, да понастоящему и не долженъ совершенно устраняться. Этимъ мы хотимъ сказать только то, что было бы не въ интересѣ нравственнаго образованія, еслибъ обязательная истина каждаго завѣта совѣсти и неразрывная связь всѣхъ ихъ между собою представлялась уму отдѣльнаго лица съ теоретическою очевидностью простого вычисленья, и еслибъ не надобилось уже ни живовѣрующаго подвига, ни сердечнаго напряженья для того, чтобы завоевать себѣ жизненной борьбой эту ясность объемчиваго нравственнаго созерцанія. Какъ вездѣ открытая возможность зла есть условіе для полноцѣннаго осуществленія блага, такъ и эта особенность нраворазвитія оставляетъ свободные пути отступничеству и пожалуй даже возврату въ первобытную дичь варварства. Достоинство какого бы то ни было нравственнаго обычая или учрежденья очень рѣдко можно доказать вполнѣ, какъ скоро возьмешь его врознищу, а не въ общей связи со всѣмъ осмысленнымъ значеніемъ человѣческой жизни; вплетаясь въ это цѣлое тысячью корней, оно обыкновенно несовмѣстно съ краткостью простого

Digitized by Google

силлогистическаго довода, который потребовалъ бы въ такомъ случаѣ до безконечности все новыхъ и новыхъ доказательствъ своимъ собственнымъ предположеньямъ. И вотъ почему всякая нравственная заповѣдь доступна той разрушительной софистикѣ, которая, простымъ отрѣшеніемъ вопроса отъ совокупнаго состава цѣлой жизни, умѣетъ придать видъ безвредности всему, чѣмъ наиболѣе возмущается образованное наше чувство; вотъ почему понятно и то, что необразованный смыслъ такъ-называемаго природнаго состоянія человѣчества едва ли способенъ избѣжать бѣды, чтобъ рядомъ съ добромъ, къ которому поведетъ его, пожалуй, счастливый темпераментъ, не развить также самыхъ превратныхъ и варварскихъ навыковъ.

Не безъинтересно будетъ припомнить себѣ нѣкоторые примѣры пробуждающагося нравственнаго вкуса, въ силу котораго человѣкъ старается выйдти изъ-подъ непосредственной опеки природнаго инстинкта, а вмѣстѣ и тѣ промахи, какимъ подвергается при этомъ его вдумчивая мысль. Начнемъ съ тѣлесныхъ потребностей, прежде всего вызывающихъ его къ дѣятельности и къ изобрѣтенію самыхъ простыхъ обычаевъ: здѣсь мы тотчасъ замѣтимъ, что противъ употребленія растительныхъ яствъ ни одинъ народъ никогда не питалъ нравственнаго недовѣрія или сомнѣнья. Жизненный процессъ растеній такъ непохожъ на собственный нашъ, что зрѣющіе плоды положительно представлялись годными на потребу и притомъ безправными въ себѣ средствами; они такъ же далеки отъ косной жесткости неорганическихъ веществъ, какъ и отъ живости звѣрей, запугивающей нашу алчбу естественнымъ и невольнымъ какимъ-то страхомъ. Благочестивый пустынникъ, питающійся отъ корней и плодовъ, да развѣ еще отъ медоваго сота, хотя и выработаннаго животною дѣятельностью, но оставленнаго ею въ видѣ бездушнаго произведенія; потомъ цѣ-

Digitized by Google

лыя племена, поддерживающія жизнь свою въ первобытной простотѣ дарами хлѣбнаго дерева и пальмы, — вотъ гармоническіе образы, близко знакомые нашей фантазіи. Но начинающаяся образованность скоро уже стыдится этого непосредственнаго пользованія природою; ей кажется не совсѣмъ приличнымъ брать пищу прямо съ дерева да въ ротъ, и если она не пойдетъ далѣе, то ужь во всякомъ случаѣ распорядится по крайней мѣрѣ собирать плодъ заранѣе и приготовлять себѣ продовольственные склады. Какъ будто бы промежутокъ времени между мгновеніемъ, когда созрѣли плоды на мѣстѣ, и порой, когда мы ихъ ѣдимъ, ослаблялъ связь ихъ съ внѣшнимъ міромъ, или какъ будто бы то время, пока оставались они въ нашемъ владѣніи, сближало ихъ больше съ нашимъ существомъ. Но рѣдко останавливаемся мы на этомъ: открытія поваренаго искусства правда служатъ по большой части къ увеличенію одного чувственнаго наслажденія; однако же другой, болѣе скрытый мотивъ его дѣятельности лежитъ безспорно въ темномъ побудѣ, до употребленія въ пищу непосредственныхъ, сырыхъ произведеній природы, превратить ихъ на сколько можно въ созданія нашей собственной фантазіи. Напрасно было бы возражать противъ этого удовольствіемъ, какое находимъ мы теперь въ томъ, чтобы, вырвавшись изъ среды чинныхъ приличій нашей образованности, иногда самимъ взлѣзть на дерево и ѣсть плоды прямо съ его вѣтвей: вѣдь самоувѣренность образованной жизни именно и причиною той утѣхи, съ какою мы на минуту освобождаемся отъ того, что̀ всегда опять найдемъ по первому желанію, и съ какою мы при этомъ сознаемъ отрадность своего чувственнаго существованія и его тѣсной связи съ природой. Легко усмотрѣть справедливость этого замѣчанія, если только мы сообразимъ, что̀ бы съ нами сталось въ томъ случаѣ, еслибъ мыслящему и дѣловому человѣку пришлось каждый Божій день въ обѣ-

Digitized by Google

ленный часъ выходить въ поле и тамъ на мѣстѣ потреблять морковь или рѣпу, которую онъ только-что вынулъ изъ земли.

Что-жь касается до правомѣрности и приличія животной пищи, надъ этимъ недоумѣвало почти всякое первоначальное образованіе. Поѣдать трупы живыхъ существъ воздерживаетъ человѣка такой глубокій ужасъ, что онъ всегда предпочиталъ брать на себя намѣренное умерщвленіе животныхъ, облегчавшееся для него по большой части еще вызовомъ къ оборонѣ отъ нападеній съ ихъ стороны. Но въ самомъ выборѣ съѣдобнаго неоспоримый нравственный вкусъ постепенно установилъ извѣстныя границы, которыхъ важность и смыслъ трудно свести на какія-нибудь опредѣленныя понятія. Образованные народы почти исключительно ѣдятъ только позвоночныхъ, да и изъ нихъ земноводныя не служили общеупотребительною пищею въ строгомъ смыслѣ никогда; напротивъ, изъ безпозвоночныхъ можно привести только отдѣльные примѣры, какъ-то раковъ и устрицъ, которыхъ рѣшались потреблять въ ихъ природномъ видѣ, тогда какъ остальныя, напримѣръ—улитки, терпѣлись только въ качествѣ незамѣтныхъ подмѣсей къ другимъ. Разсудочной доктринѣ очень легкое дѣло доказать, что въ сущности какое бы то ни было мясо — все таки же мясо, если ей не удается пожалуй еще и важнѣйшее открытіе, что естественный нашъ аппетитъ въ самомъ дѣлѣ нейдетъ далѣе того, докуда простираются бѣлковинныя вещества въ животномъ царствѣ; но непредубѣжденный вкусъ образованнаго человѣка, вопреки всѣмъ разсудочнымъ доводамъ, будетъ упорно стоять на своемъ, что между разными животными положительно слѣдуетъ отличать чистыхъ отъ нечистыхъ. Ѣсть насѣкомыхъ и червей, піявокъ, гусеницъ и всякую гадину всегда будетъ слыть чертою отвратительнаго варварства, сколько бы ни оказались современемъ питательны такія яства. Отчасти противна уже безформность этихъ все-таки одушевленныхъ

Digitized by Google

тѣлъ, отчасти нѣкоторыя особенно-непріятныя наружныя ихъ свойства, каково напримѣръ свойство холодной слизости, отчасти наконецъ блазнитъ намъ непривлекательная странность ихъ вида и даже самая ихъ мелкота: вѣдь если мы и ѣдимъ спокойно животныя вещества въ болѣе крупныхъ кускахъ мяса, то все же намъ какъ-то жутко проглатывать цѣлые организмы за одинъ разъ, со всѣми орудіями и снарядами живоподвижности, вообще принимать въ себя что-либо многоразличное, что вмѣстѣ съ тѣмъ и недѣлимо. Такимъ образомъ природный инстинктъ побуждаетъ насъ употреблять въ пищу высшіе разряды животныхъ, болѣе подходящіе къ нашъ организаціей.

Нѣтъ нужды особенно разъяснять всю соблазнительную опасность этого намека или указанія: логическое его слѣдствіе — очевидно, людоѣдство. И дѣйствительно, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первобытное, естественное состояніе человѣчества довольно часто попадало на этотъ выводъ, не подозрѣвая въ немъ ничего особенно гнуснаго и даже, при дальнѣйшемъ вразумленіи, вовсе не затрудняясь отыскиваніемъ предлоговъ, придававшихъ видъ нѣжнаго участія тому, въ чемъ наше нравственное чувство справедливо видитъ крайній предѣлъ безчеловѣчнаго варварства. Какой жребій могъ тогда всего приличнѣе выпадать на долю органическихъ остатковъ тѣхъ лицъ, которыми особенно дорожили пережившіе? Не лучше ли было избавить ихъ отъ печальнаго перехода въ гнилое разложеніе и дать имъ продолжать дѣятельную жизнь въ тѣлѣ и крови ихъ потомства? Въ то самое время, какъ рука людоѣда пожалуй играла въ бѣлыя косточки пожраннаго друга или сродника, естественное настроеніе души все-таки могло нѣжно углубляться въ его память, и конечно было бы очень удивлено, еслибъ цивилизованный приплодъ невольно содрогнулся отъ такого ужаса. Намъ возразятъ,

Digitized by Google

что и людоѣдство гнушается трупами, и что въ сущности умерщвленіе вездѣ предшествуетъ наслажденью мясомъ. Но что же могло бы взаправду удержать естественнаго человѣка отъ убійства не только своихъ недруговъ, но и своихъ близкихъ, которые ему впрочемъ по душѣ? Тутъ надо себѣ припомнить, какъ даже и вскормленное нами домашнее животное словно приростаетъ намъ къ сердцу, а между тѣмъ, не чувствуя почти нравственной борьбы, мы готовы приласкать его еще наканунѣ вечеромъ, съ тѣмъ чтобъ на слѣдующее же утро зарѣзать. Въ душѣ у насъ совмѣщается вѣдь такая бездна противорѣчій, что намъ нечего слишкомъ изумляться разсказами о томъ, какъ дикіе приглашаютъ своихъ состарѣвшихся родителей убить себя имъ на съѣденье, или какъ изъ за естественно милаго и любезнаго обращенія океанійскихъ островитянъ явно выглядываетъ иногда падкость на человѣчину.

Сообразивъ, какъ легко было бы ловкому уму выставить цѣлые ряды очень правдоподобныхъ и неудобоопровержимыхъ доводовъ въ теоретическое оправданье такимъ страшнымъ навыкамъ, мы тѣмъ лучше оцѣнимъ и поймемъ, какое великое нравственное дѣло совершаетъ образованіе уже тѣмъ, что оно крѣпко держится за противоположное свое убѣжденье и энергически отвращается отъ всѣхъ этихъ лжеумствованій, несмотря ровно ни на что. Ему трудно было бы развить основныя начала своей собственной вѣры, такъ какъ они не лежатъ поверхъ нашего образованія въ видѣ легко дающихся положеній, но глубоко укоренены въ совокупности всего нашего міросозерцанія. Чѣмъ больше вразумляемся мы въ назначеніе жизни человѣческой, тѣмъ священнѣе кажется для насъ всякое человѣческое существованье, тѣмъ безусловнѣе возбраняемъ мы себѣ произносить послѣдніе приговоры объ относительной его цѣнности, рѣшать, напримѣръ, по своему соображенію, выполнило ли уже оно свою задачу, насладилось ли

Digitized by Google

своимъ удѣломъ добра, и можетъ ли затѣмъ подлежать произвольному уничтоженію, какъ безправный самъ въ себѣ, чисто физическій только матеріалъ; тѣмъ невыносимѣе для нашего чувства именно та мысль, что тѣло, служившее личному духу несравнимо-своеобразною оболочкой, разлагалось бы какими-либо иными силами кромѣ силъ той всеобщей природы, которая его сложила и образовала, или: чтобы существо его досталось на долю другимъ, какъ безразличное подспорье для животной ихъ жизни. На образѣ человѣческой личности должно лежать, въ смыслѣ цивилизаціи, то же завѣтное табу *), которое превратность естественнаго состоянія налагаетъ иногда на внѣшніе предметы; и вездѣ, гдѣ поступки наши не проникнуты задушевнымъ этимъ убѣжденіемъ, гдѣ административный механизмъ еще дозволяетъ себѣ обходиться съ лицами, какъ съ вещами, образованіе наше страдаетъ остаткомъ варварства, котораго начало преодолѣно имъ только вообще (а не въ частныхъ подробностяхъ).

Что преодолѣніе это было не легкимъ дѣломъ и совершилось не вполнѣ, что съ значительно высокимъ уровнемъ очень нарядной образованности не несовмѣстенъ еще и кровавый задній планъ — то природно-дикой, то доктринерски-холодной жестокости, въ этомъ удостовѣряетъ насъ первый же взглядъ, брошенный на самыя различныя эпохи исторіи. Наклонность мучить животныхъ весьма часто замѣчается у дѣтей; говорятъ, что сѣвероамериканскій Индѣецъ не пропуститъ ни одного птичьяго гнѣзда, чтобъ не разорить его мимоходомъ; у первобытныхъ племенъ, и физическая отвага, которую дѣ-

*) Суевѣрный обычай Полинезіецъ, объявлять чрезъ жрецовъ и князей неприкосновенною святынею извѣстныя лица и предметы, отрѣшаемые такимъ образомъ отъ всѣхъ общепринятыхъ условій бытоваго порядка и ставимые въ совсѣмъ исключительное положеніе.

Digitized by Google

лять они съ животными, и разныя черты сластолюбивой нѣги, часто соединяются съ умышленной жестокостью, и если кровожадность не коренное свойство человѣческой природы вообще, то по крайней мѣрѣ и кровебоязнь вовсе не укоренена въ ней до такой степени, какъ находятъ нѣкоторые оптимистическіе взгляды. Кровомщеніе встрѣчаемъ мы въ началѣ каждой почти цивилизаціи, и именно то обстоятельство, что оно вездѣ является въ видѣ крѣпкаго обычая, въ видѣ систематизированнаго долга, научаетъ насъ, что и установившійся уже общественный нарядъ перенесъ къ себѣ дикую эту мстительность изъ естественнаго быта, будучи не въ силахъ совладать съ нею. Только вкратцѣ упомяну я объ остъ-индскихъ тёгахъ *) и ассассинахъ (ближайшаго Востока), такъ какъ отъ мистическаго изувѣрства всего легче ожидать полнаго забвенія человѣчности даже и среди высокаго уже образованья. Но въ самыя свѣтлыя эпохи греческой и римской древности мы видимъ, что обычай выставлять или кидать на произволъ судьбы слаборожденныхъ дѣтей открыто похваляется даже въ идеальной государственной теоріи **), а на практикѣ невозбранно господствуютъ всѣ ужасы рабства; не поддерживаясь тѣмъ презрѣніемъ, какое внушаетъ бѣлому негровладѣльцу чернота породы, слывущей у него за полускотскую, но угнетая своихъ же одноплеменниковъ, оно было гораздо богаче холодною систематическою жестокостью, да ед-

*) Тёги (Thugs) — сектаторы, думающіе угодить своей страшной богинѣ Кали избіеніемъ всѣхъ попадающихся имъ въ руки иновѣрцевъ.

**) Платонъ, въ «Государствѣ» Кн. V, не ограничиваетъ законность этого обычая одними только хилыми или увѣчными дѣтьми; онъ распространяетъ его равно на всѣхъ побочныхъ, такъ и на худорожденныхъ вообще. Обычай выставлять дѣтей существовалъ, какъ извѣстно, во всей Греціи, за исключеніемъ однѣхъ только Ѳивъ, гдѣ предписывалось продавать ненадежнаго ребенка въ рабство.

Digitized by Google

ли бѣдніе и страстнѣе, чѣмъ невольничество нашей эпохи. Все это было, правда, окружено отраднымъ міромъ искусства и блистательною политическою славою. Не зачѣмъ восходить къ отдаленнымъ вѣкамъ, когда мы можемъ найдти у себя подъ рукой почти то же самое. Я говорю не о бѣдствіяхъ войны, готовой всегда снова возгорѣться во всѣ эпохи; надежда замѣнить ее масличною вѣтвію мира будетъ, конечно, одна тщетная мечта. Когда высокая цивилизація приступаетъ къ этому крайнему средству, она разнуздываетъ на время убійственныя силы безспорно не изъ страсти къ ужасамъ, а только пришедши къ печальному сознанію такой запутанности въ положеніи дѣлъ, что наличная человѣческая мудрость не можетъ порѣшить ее удовлетворительнымъ образомъ. Ни кто, однако, не станетъ отрицать, что, вопреки этому сознанію, рѣшеніе все-таки легко было бы найдти; но то именно, что единственный вѣрный взглядъ не въ силахъ иногда проложить себѣ путей къ осуществленію, это и принадлежитъ къ неизбѣжнымъ грѣхамъ той человѣческой цивилизаціи, которая въ такихъ случаяхъ сама невольно заявляетъ свою несостоятельность *). Вотъ почему и хватаются наконецъ за крайнее средство, — пріостановить дѣйствіе законовъ человѣчности и передать силѣ рѣшающую власть, которой не смогъ отстоять за собой разсудокъ; однакожь пріостановка эта только частная, и вездѣ слывутъ священными по крайней мѣрѣ тѣ формы взаимнаго общенья, которыми овозможивается въ каждую минуту возвратъ

*) Едвали для кого было тайною, что еслибъ передъ началомъ нынѣшней войны Австрія рѣшилась на уступку Венеціанской области, она или отвратила бы этимъ опасность, грозившую ей да сѣверѣ, или уже по крайней мѣрѣ существенно измѣнила вѣроятности успѣха въ свою пользу. Не именно то обстоятельство, что явное для всѣхъ осталось тайной для одной Австріи, и повело къ послѣдствіямъ, какихъ она конечно вовсе не желала.

Digitized by Google

отъ насильственнаго состоянія опять къ мирному. Поэтому, какъ ни прискорбно это всегда повторяющееся воззваніе образованности къ силѣ, мы все-таки и въ немъ еще находимъ памятованіе того добра, къ которому должно оно привести сызнова; но продолжающееся дѣйствіе варварскаго міровоззрѣнья среди цивилизаціи обличается тѣми дикими выходками, которыя беззазорно появляются и до сихъ поръ: вызовами къ войнѣ чисто-лишь опустошительной и кровопролитной, уговорами на смертоубійства, подстрекательствами искать ненасытной кровавой мести далеко за всѣ предѣлы самозащищенія и возстановки нарушеннаго права.

Но воротимся къ простѣйшимъ явленіямъ, которыми нарождающаяся образованность заявляетъ постепенный ростъ человѣческаго самоуваженія. Освобождать поверхность собственнаго тѣла отъ всѣхъ налетовъ, пристающихъ къ нему извнѣ, этотъ побудъ къ опрятности вездѣ знаменуетъ собою или начатокъ образованія, или по крайней мѣрѣ счастливое природное свойство, обѣщающее споспѣшествовать его водворенію. Однако вообще едвали можно утверждать, чтобы опрятность прирождена была человѣку болѣе чѣмъ животнымъ: конечно, она является сама собою у племенъ, которыхъ окружающее море манитъ къ частому наслажденію купаньемъ; но тамъ, гдѣ благопріятной этой обстановки нѣтъ, мы видимъ погрязшими въ нечистоту не только дикарей или полудикихъ, но даже и такіе народы, которые имѣютъ притязаніе относить себя къ цивилизованнымъ; неопрятность уживается вѣдь очень хорошо гдѣ съ мягкимъ добросердечіемъ, гдѣ съ живымъ эстетическимъ вкусомъ къ красотѣ наружныхъ формъ и движеній, и нестерпимою становится она только для тѣхъ образованныхъ племенъ, которыя ищутъ прежде всего порядка и послѣдовательности внутри самихъ себя, въ системѣ своихъ мыслей, чувствованій и стремленій. Даровитость, точно такъ

Digitized by Google

же какъ и доброжелательство, во всѣхъ отношеніяхъ удивительно мирятся съ неопрятностью и нравственнымъ неряествомъ; напротивъ того племена, не столько отличающіяся этими природными свойствами, но зато производящія тѣмъ болѣе цѣльныхъ характеровъ, любятъ и разсужденіи своего тѣла соблюдать ту же отчетливую чистоту и формальную строгость, какую соблюдаютъ они въ своихъ предпріятіяхъ и въ своей обстановкѣ.

Мнѣ кажется, вовсе не будетъ съ моей стороны натянутою аналогіей, если, наряду съ этой, повидимому, чисто-наружной добродѣтелью, я упомяну кстати и о внутренней любви къ правдѣ *). Ни чѣмъ не замѣнимое достоинство истины и совершенная невозможность поддерживать человѣческое общеніе на одной лжи такъ очевидны даже и для грубѣйшаго изъ дикихъ состояній, что ложь, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ того круга интересовъ, въ какомъ привыкли разсчитывать на истину, вездѣ слыла корнемъ всякаго зла. Однако побудъ высказывать правду вовсе не непосредственно связанъ съ признаніемъ ея достоинства, и самому себѣ лжецъ кажется негоднымъ въ образованномъ только обществѣ, тогда какъ бытъ первичныхъ народовъ основанъ во многихъ отношеніяхъ на лукавствѣ и на технической выработкѣ лицемѣрія. Притомъ можно замѣтить, что нравственно образованному характеру особенно трудно вдругъ придумать ложь для какой нибудь единичной, мгновенной цѣли: тутъ слишкомъ явно чувствуешь себя вырваннымъ изъ послѣдовательнаго строя своей личности и невольно сознаешь измѣну самому себѣ; гораздо легче, напротивъ, сразу поставить себѣ выдержанную ложь за пра-

*) Быть правдивымъ, не значитъ ли ставить всего выше внутреннюю чистоту? Доступная намъ правда — не извнѣ приходящее качество, но самородная и саморазвитая прозрачность нашей собственной души.

Digitized by Google

вило: тогда почувствуешь себя по крайней мѣрѣ опять цѣльною, неразорванною личностью, въ которой есть послѣдовательность и система. Въ сущности то же самое выходитъ и со всѣми другими нравственными отношеніями: намъ страшнѣе нарушить одинъ какой-нибудь законъ общественнаго порядка, пока мы признаемъ еще все остальные, и этимъ признаніемъ сами произносимъ надъ собой судъ; напротивъ, уже нѣсколько легче стать во вражду со всѣмъ общественнымъ порядкомъ и бороться съ нимъ въ качествѣ вполнѣ отрѣшившагося его изгоя. Даже и въ крайнихъ этихъ заблужденіяхъ все-таки сказывается еще коренное влеченье личности, не зависѣть отъ чуждыхъ условій урывками, по частямъ, но установить себѣ основу своихъ дѣйствій подъ-ладъ съ самимъ собой, по одному началу *). Вкругъ этихъ, все-таки же рѣдкихъ, случаевъ сознательной, огульной и систематической неправды группируется неимовѣрная масса мелочной, розничной, безсвязной лжи, пропикающей въ разнообразнѣйшихъ формахъ всѣ слои цивилизованнаго общества: въ виду ея мнѣ гораздо менѣе припоминается обычное понятіе о лжи, нежели та общая нечистота и неправда внутренней жизни, которая въ естественномъ быту человѣчества составляетъ правильное, нормальное явленье, только плохо прикрывающееся миловидною внѣшностью. Нравственно-выработавшемуся характеру всякая неразрѣшенная путаница обстоятельствъ, всякое сомнѣніе насчетъ притязаній, какія можетъ онъ предъявить или удовлетворить самъ, всякая неясность соотношеній его съ другими, — все это противно ему на столько же, какъ и неопрятность собственнаго тѣла. Стоитъ сопоставить съ этимъ для сравненія

*) Вотъ еще одинъ изъ множества примѣровъ того, какъ важна для насъ всеобщая категорія цѣлаго, о которой не разъ говорено въ первомъ томѣ, особенно въ примѣчаніи къ стран. 238.

Digitized by Google

любимыя наклонности низшихъ сословій, чтобы замѣтить неизбѣжные почти нравственные недостатки ограниченнаго образованія: трудность привести ихъ въ чемъ-нибудь къ рѣшительному твердому согласію, постоянную ихъ слабость оставлять сколько можно болѣе неопредѣленнымъ, невѣрнымъ, шаткимъ (въ видѣ лазѣйки, на всякій случай), недоступность убѣжденію, что данное слово—тотъ же законъ, а въ болѣе обширныхъ кругахъ — наклонность пробавляться кое-какъ въ невыносимыхъ почти отношеніяхъ, надежда, что если всегда избѣгать рѣшительнаго шага, то въ путаницѣ обстоятельствъ можно уловить еще пожалуй и нежданую какую-нибудь выгоду: коротко сказать, — неистощимая сноснвость ко всему запутанному и неясному и повадка пробираться сквозь сбивчивый лабиринтъ шаткихъ житейскихъ отношеній, гдѣ медленіемъ и выжиданьемъ, гдѣ полусогласіемъ и потомъ отказомъ, то-есть такою же шаткостью и неблагонадежностью съ своей собственной стороны. Высшія сословія, при болѣе обширномъ умственномъ развитіи, повторяютъ эти недостатки, только въ другихъ формахъ, или пожалуй и въ такихъ же, да только по отношенію къ другимъ обстоятельствамъ; но конечно, во всякомъ рѣшительно быту найдутся благородныя души, которыя, при неослабномъ влеченіи къ истинѣ, отнимутъ сами у себя всѣ тѣ предлоги, какими нравственная распущенность и лѣнь стараются обыкновенно прикрыть внутреннюю несостоятельность, и которыя, въ силу горячаго и строгаго нравственнаго убѣжденья, не только хотятъ видѣть передъ собой ясно, какъ Божій день, всю полноту своихъ обязанностей въ любой данный мигъ тревожной жизни, но всегда готовы непосредственно и рѣшительно на всякой подвигъ, какого потребуетъ отъ нихъ ясно сознанный и глубоко-прочувствованный долгъ.

Неожиданное вѣроломство и совершенно внезапныя, непостижимыя перемѣны чувствъ и мыслей всегда были первыми

Digitized by Google

привѣтами, внушавшими недовѣріе къ заманчивому часто дружелюбію дикихъ племенъ. Животному средно руководиться мгновеннымъ приступомъ страсти; человѣкъ долженъ умѣрять страстныя влеченья, возбуждаемыя мимолетными состояніями души, противодѣйствуя имъ силою другихъ нравственныхъ мотивовъ, сложившихся изъ воспоминаній всего житейскаго его опыта. Дѣтямъ и младенчествующимъ народамъ недостаетъ этого замедляющаго и направляющаго противовѣсія, которое, подобно тому какъ бываетъ въ машинахъ, могло бы помѣшать слишкомъ быстрому сходу лущенныхъ въ дѣйствіе пружинъ, и оттого на постоянство ихъ чувствъ и мыслей такъ же мало надежды какъ на погоду. Надо заглянуть въ свою собственную грудь, чтобы понять это по возможности живѣе. Какъ легко на одинъ мигъ восторгаемся мы прекраснымъ помысломъ, намѣреніемъ совершить великое! Но за мгновеннымъ возбужденіемъ слѣдуютъ состоянія нервической слабости или, говоря откровеннѣе, — просто лѣни; просыпаются тысячи заглушенныхъ прежде мелкихъ наклонностей и нерасположеній, и мы подъ-конецъ находимъ, что будь замышленное нами дѣло пожалуй себѣ и очень хорошо, все же можно обойдтись и безъ этого; да притомъ, кто скажетъ намъ за него спасибо? *). Вотъ нравственная слабость, охотно прикрывающаяся (по мѣрѣ умѣнья) взглядомъ свысока, но не имѣющая на столько энергіи, чтобы выдержать идеалы юности и потомъ съ видомъ холодной, все обсудившей думы, отталкивающая, какъ праздную мечту, тѣ помыслы, которые, лѣнится она осуществить на дѣлѣ. Нравъ, которому ни воспитаніе, ни богатое жизненное содержанье не дали довольно силъ, чтобы противодѣйствовать

*) Все это слишкомъ знакомыя намъ явленія; у насъ есть для такихъ случаевъ даже очень утѣшительная поговорка: «Оно и лучше, безъ хлопотъ, а убытка Богъ избавилъ!»

Digitized by Google

этой гибельной для всякаго добра лѣни, но который, по природной раздражительности готовъ увлечься выгодой или невыгодой данной минуты, — такой нравъ почти неизбѣжно дойдетъ до вѣроломства, до измѣны самому себѣ и другимъ. Какая-нибудь въ сущности пустая затѣя, какое нибудь превратное мыслесочетаніе уже способны пробудить подозрительность и нарушить равновѣсіе въ этихъ жалкихъ душахъ, и всякое прочее нравственное общеніе становится невозможнымъ съ ними, такъ какъ не льзя ни предусмотрѣть, ни руководить ихъ внутреннія движенія, не поддающіяся ни какому общему мѣрилу справедливости, твердыхъ правилъ и самообладанія. Эту порывистость въ ходѣ мыслей и смѣнѣ чувствъ, равно какъ и другіе нравственные недостатки, находимъ мы не въ первичныхъ только состояніяхъ человѣчества; мы встрѣчаемъ ихъ у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые не прошли еще длинный путь развитія, равномѣрно обнимающій всѣ сферы человѣчности, и не сдѣлались такимъ образомъ настоящими носителями человѣческой культуры; и надо, къ сожалѣнію, сказать, эта небывшая еще въ дѣлѣ, свѣжая природная сила слишкомъ часто озадачиваетъ своими выходками болѣе скромный геній цивилизаціи, сосредоточенный въ себѣ самомъ и ограниченный тысячью поставляемыхъ имъ себѣ цѣлей. Мы готовы честить именемъ свѣжести и другими столь же ласкательными прозвищами эту необуздонную и невоспитанную дикую силу, которая подкупаетъ эстетическій нашъ судъ то богатырскимъ шумомъ неудержно и безоглядно изливаемой страсти, то другою еще приманкою, — соблазномъ, присущимъ всему странному, непонѣрному, демоническому. Мы слишкомъ легко забываемъ при этомъ, что многое можетъ быть очень картинно и составлять прекрасную черту поэзіи, а между-тѣмъ быть все-таки недостойнымъ нашей слабости къ нему, съ точки зрѣнія общественной жизни, гдѣ ему должно оказать себя не на одинъ только бла-

Digitized by Google

гопріятный мигъ, но во всѣхъ многоразличныхъ своихъ послѣдствіяхъ. Прелесть чуднаго, характернаго и односторонне-оригинальнаго въ самомъ дѣлѣ такова, что всякому случается иногда быть изъ-за нея несправедливымъ къ менѣе цвѣтистой и яркой, но зато безмѣрно-драгоцѣннѣйшей послѣдовательности (вѣками сложившихся) порядковъ цивилизованной жизни.

Еще разъ воротимся мы къ первоначальному звену естественнаго быта всего человѣчества, — къ великому таинству, связавшему духовную нашу жизнь съ тѣлеснымъ обликомъ и всѣ внутренніе позывы съ наружными тѣлодвиженьями, приковавшему продолженіе нашей личной живости къ постоянной работѣ физической машины, — именно: этого тѣла, такъ близкаго человѣку, пока оно ему служитъ, и такъ страшнаго, когда жизнь его покинетъ,—обусловившему, наконецъ, существованіе наше вообще непостижимымъ фактомъ тѣлеснаго расплода. Чѣмъ глубже духъ вникаетъ въ самого себя и въ свое предназначеніе, тѣмъ болѣе самочувствіе его оскорбляется непосредственнымъ единствомъ, въ какомъ видитъ онъ внутреннюю свою жизнь спаянною съ этимъ чудомъ матеріальнаго организма и вынужденною ощущать съ неизбѣжнымъ довольствомъ или недовольствомъ всѣ движенія тѣлесности, а также предоставлять исключительно ей выраженіе, исполненіе, даже самое оживотворенье всѣхъ присущихъ ему стремленій. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, духъ живетъ полною и теплою жизнью только тогда, когда къ сверхчувственной игрѣ его состояній и дѣятельностей приходитъ, какъ сопровождающій ее чувственный отголосокъ, совокупность всѣхъ тѣхъ ощущеній, которыя какъ будто обличаютъ намъ въявѣ силу и упругость, напряженіе или ослабу, спокойствіе или сочувственное потрясеніе нашего земнаго элемента. Духовный міръ вообще стыдится своей неразрывной связи съ міромъ чувственности; онъ

Digitized by Google

сознаетъ, что его собственныя цѣли имѣютъ свою цѣну въ самихъ себѣ и далеки отъ процессовъ этого другаго міра; но въ то же время есть въ насъ и сознаніе того, что мы все таки же связаны съ механическою подзаконностью природы, и что изъ всего назначенія нашего не осуществилось бы ни единой черты безъ посредства природныхъ нѣбудовъ, ставящихъ стремленьямъ нашимъ видимыя цѣли и вмѣстѣ дающихъ средства къ ихъ выполненію: это смутное общее сознанье породило въ самомъ началѣ нравственнаго образованія многоразличные виды стыда, которыми человѣческій родъ старается прикрыть естественную основу своего духовнаго существованія всегда и вездѣ, особенно же тамъ, гдѣ она служитъ самымъ чувственнымъ посредствомъ для духовнѣйшихъ благъ любви и жизни. Не стану разбирать, въ какомъ смыслѣ признаки стыдливости встрѣчаются уже и въ общеніи между животными, и въ какой степени можно считать ее прирожденною людскому роду искони. Наблюденія надъ дикими племенами иногда обнаруживали въ нихъ тонкую деликатность и цѣломудріе, но гораздо чаще — скотскую необузданность въ удовлетвореніи всѣхъ чувственныхъ потребностей и пожеланій; остается сомнительнымъ, которое изъ двухъ свойствъ принять за первобытное, и которое за плодъ или только-что начавшагося образованья, или уже почти совершенной одичалости, или, наконецъ, различія племенъ въ этомъ отношеніи прійдется намъ свести на такія особенности природныхъ чертъ, которыя выходятъ изъ круга общечеловѣческаго характера. Но рядомъ съ нравственнымъ чувствомъ, развившимся въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе цѣлостно и прочно у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, рефлекція и софистика образованія породили еще двѣ противоположныя односторонности: вопервыхъ, чрезмѣрное презрѣніе, съ какимъ изувѣрный спиритуализмъ смотритъ на всю вообще природу, какъ на что то само по себѣ нечистое и за-

Digitized by Google

зорное, противъ чего должно ратовать всѣми средствами мрачной аскетики; а вовторыхъ, — холодное, равнодушное правило, что все естественное уже по тому самому и чисто. Ни яркая ненависть къ природѣ съ одной стороны, ни слишкомъ беззаботная небрежность, съ другой, не смогли увлечь за собою нравственное чувство образованнаго человѣчества, по крайней мѣрѣ вообще, объ однакожь оказывали значительное практическое вліяніе на душевную жизнь въ различныя эпохи и не мало помутили теоретическія убѣжденія насчетъ основаній этого чувства и его требованій.

Не дѣло истинно-человѣческой стыдливости презирать великія и многознаменательныя блага жизни, которыхъ осуществленіе возможно лишь чрезъ посредствующее звено чувственности, — презирать изъ-за одного этого средства, съ которымъ связаны они всеобщимъ порядкомъ естества; напротивъ, это родъ несознательнаго безстыдства, которое напрасно хочетъ оправдать себя желаніемъ оказать самой наукѣ важную услугу тѣмъ, чтобъ намѣренно углубиться въ темную область таинственной связи между духомъ и природою, въ помощь христіанскому смиренію подробно разобрать всю грязь и гниль, на которыхъ основана будто бы и наша красота и вся самодовольная радость жизни, вообще — исключительно отыскивать одно нечистое и грѣховное, чего конечно найдется всегда тѣмъ больше, чѣмъ съ развратнѣйшимъ воображеніемъ примутся искать. Истинно-нравственное чувство во всемъ подмѣтитъ напередъ чистое, великое, божественное; а неразрывная связь всего этого съ міромъ внѣшнихъ чувствъ предстанетъ ему роковымъ жребіемъ его собственной конечности, безсильной упразднить вѣру въ безцѣнность этихъ благъ, доступныхъ для него только при такомъ неизбѣжномъ посредствѣ. Но, съ другой стороны, правило считать чистымъ все естественное, ведетъ къ такому взгляду и такому способу дѣйствій, которые

Digitized by Google

не менѣе противны образованному нравственному чувству. Зависимость отъ тѣлесной организаціи, разумѣется, не льзя ставить въ упрекъ конечному существу, и было бы уже слишкомъ дешевою мудростью хотѣть высказать только подобнаго рода правду. Но считать естественности эти за нѣчто такое, что можетъ выступать сплошь и наголо, въ цѣломъ составѣ человѣческой жизни и смѣшиваться не обинуясь даже съ нравственнымъ содержаньемъ нашего образованія, — это такая вещь, которую мы всегда должны отталкивать, какъ черту нечеловѣчнаго варварства. Трудно рѣшить, чѣмъ мы болѣе грѣшимъ противъ этого требованія нравственной образованности въ жизни и въ искусствѣ: страстнымъ ли сластолюбіемъ, часто нарушающимъ предѣлы добрыхъ нравовъ и злоупотребляющимъ поэзіей для собственнаго возвеличенія, или же холоднымъ, объективнымъ юморомъ, который кичится тѣмъ, что чувствуетъ себя выше всякаго искушенья, и вмѣсто соблазнительнаго знаетъ уже одно только грязное, его только ищетъ, его выставляетъ или воспроизводитъ во всей наготѣ, какъ истую природу человѣка или всегдашнюю ея принадлежность. Положимъ, наглядный примѣръ сладострастія скорѣе соблазнитъ переступить границу добрыхъ нравъ,—но въ немъ все-таки жива еще по крайней мѣрѣ память природнаго влеченія, которому подвластенъ человѣкъ; напротивъ, тотъ, иногда грубый, иногда ядовитый реализмъ, который во всемъ прекрасномъ и благородномъ любитъ выставить одну только неизбѣжно земную сторону и вездѣ готовъ положительно признать нечистоту, отъ которой не можетъ вполнѣ омыться наша природа, — онъ заключаетъ въ себѣ такую порчу развратія, отъ которой, хоть пожалуй не такъ скоро, но зато гораздо многостороннѣе, притупится всякая деликатность нравственнаго чувства. Конечно, рядомъ съ обѣими этими крайностями, начало природной чистоты будетъ по бо́льшей части вести ко

Digitized by Google

мнѣнію, занимающему между ними середину: оно оставитъ всю практическую силу за стыдливымъ приличіемъ, но осудитъ, какъ нѣчто-черезчуръ сентиментальное, затѣю отрицать естественности, которыхъ отринуть невозможно. Съ этимъ мнѣніемъ, совѣтующимъ называть все прямо по имени, обыкновенно и согласны въ своихъ поступкахъ зрѣлые люди. Чѣмъ болѣе человѣкъ старѣется, тѣмъ беззастѣнчивѣй выдаетъ онъ чисто природную сторону своего (тѣлесно-духовнаго) существа, если не оберегается отъ этого высокимъ образованіемъ сердца; возрастающія тѣлесныя слабости даютъ бездну случаевъ внимательно слѣдить отправленія животной жизни и требовать для нихъ совѣта и помощи; а это все поводы къ ослабленію гордой и брезгливой стыдливости личнаго духа, начинающаго мало по малу отрѣшаться отъ обветшалой оболочки. Если мы, напротивъ, припомнимъ, съ какимъ возмущеніемъ благородная молодая душа принимаетъ хладнокровное и безоколичное упоминаніе старшими такихъ подробностей, которыя она чувствуетъ себя обязанною таить отъ самой себя, то не льзя намъ будетъ спорить противъ того, что и приведенное нами благонамѣренное среднее мнѣніе людей степенныхъ есть уже чувствительный шагъ назадъ въ нравственной деликатности, и что изъ всѣхъ видовъ умопросвѣщенія ни одинъ, конечно, не идетъ такимъ скользкимъ путемъ, какъ поднятый теперь споръ и крикъ противъ такъ-называемыхъ предразсудковъ стыдливости.

Дѣятельныхъ примѣненій этого чувства ожидаемъ мы обыкновенно всего болѣе въ общеніи между полами; и въ самомъ дѣлѣ, формы, въ какихъ сложится послѣднее, выступаютъ тѣмъ существеннѣйшими признаками высоты нравственнаго образованья, чѣмъ менѣе естественныя условія сами по себѣ предначертываютъ этой сторонѣ быта опредѣленную форму. Только бракъ между родителями и дѣтьми могъ бы вездѣ казаться неестественнымъ по разнолѣтности; но ничего не воз-

Digitized by Google

разила бы, повидимому, природа противъ браковъ между братьями и сестрами, и силою многочисленныхъ аналогій могли бы она точно такъ же склонять насъ въ пользу многоженства, какъ и въ пользу единоженства, силою другихъ; изъ уставовъ природы не истекало бы вообще ни какихъ достаточныхъ причинъ, на мѣсто минолетнаго сочетанія для одной чувственной утѣхи, ставить прочный союзъ на всю жизнь. Всѣ предѣлы, положенные людскимъ родомъ своимъ пожеланьямъ въ этомъ отношеніи, порождены постепеннымъ пробужденіемъ нравственнаго его духа: они не сдѣлаются ни священнѣе, ни понятнѣй отъ того, что мы станемъ искать для нихъ внѣшне-природныхъ основаній, которыхъ они вовсе не имѣютъ. Вѣдь ни что не управомочиваетъ или не обязываетъ насъ слѣдовать указаніямъ природы только потому, что это ея указанія: дерзка и напрасна была бы только затѣя поступать противъ законовъ природы, на соблюденіи которыхъ основана удача всякаго нашего дѣйствія; но изъ того, что̀ ею дозволяется, или къ чему предоставляетъ она возможность, нравственный духъ обязанъ дѣлать такой выборъ, на какой управомочивается онъ только своимъ идеальнымъ предназначеніемъ *). Изъ различныхъ степеней ясности, съ какою достоинство человѣческаго лица и индивидуальнаго духа представлялось разнымъ племенамъ и эпохамъ, понятно и то многоразличіе правовъ, которое ни по какой другой статьѣ общаго порядка жизни не вдавалось въ болѣе изумительныя отклоненія. Инымъ народамъ древности браки между братьевъ и сестеръ казались прямо дозволи-

*) Тѣмъ предназначеніемъ, котораго необходимость постигнима только для его не глубочайшей думы, а отнюдь не для чувствъ, не для внѣшняго опыта, не для математическаго разсчета. Законы природы тутъ очевидно ни при чемъ: они общія условія всякой дѣятельности, все равно, будь она высоко-нравственна или, напротивъ, омерзительно-гнусна. Ея качество, ея внутренняя цѣнность выходятъ совсѣмъ изъ другаго источника.

Digitized by Google

тельнымъ дѣломъ; нашему нынѣшнему чувству непонятно это до того, что именно неизбѣжность такого случая выдается обыкновенно за достаточный доводъ противъ возможности происхожденія человѣчества отъ одной пары. Послѣднее конечно уже — неосновательно; потому что было бы несомнѣннымъ заблужденіемъ предполагать, будто грѣховность такого отношенія внушена человѣку непосредственно врожденнымъ ему голосомъ природы. Напротивъ, только голосъ болѣе образованнаго нравственнаго смысла воспрещаетъ смѣшивать два человѣческія отношенія такого свойства, что каждое изъ нихъ только чисто поддерживаясь само въ себѣ и порознь отъ другаго, можетъ быть пережито во всей прекрасной полнотѣ своего нравственно-бытоваго содержанія. Смыслъ подобнаго увѣта едвали доступенъ для первоначальныхъ братьевъ и сестеръ, еще не видавшихъ вокругъ себя рѣшительно ни кого стороняго.

Подобно тому, какъ съ тѣлесной опрятностью связали мы выше чистоту внутренней жизни, такъ хотѣлось бы намъ отвесть и стыдливости удѣлъ гораздо обширнѣе того, какой обыкновенно ей отводятъ. Конечно, только одностороннее образованіе можетъ пренебречь развитіемъ тѣлеснаго облика и его способностей; но на столько же несогласно съ чисто-нравственнымъ чувствомъ выѣзжать и на одной внѣшности. Приличіе образованнѣйшихъ народовъ и сословій требуетъ прежде всего извѣстной правильности въ наружныхъ пріемахъ, не вызывающей укоризны, да и не выставляющейся на показъ, и потому наиболѣе способной устранить отъ тѣлесной индивидуальности всякое излишнее вниманье. Меньшую степень образованія показываетъ уже слабость, щеголять физическою силою и ловкостью внѣ круга тѣхъ работъ, которымъ обречены онѣ на службу, и вообще стараніе занять мѣсто свое въ мірѣ болѣе или менѣе шумною выставкой полученныхъ отъ природы тѣ-

Digitized by Google

лесныхъ даровъ. Народы, какъ и особи, дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ различныя группы, которыхъ особенности проникаютъ и отцвѣчиваютъ собою всѣ области человѣческаго образованія. Есть, съ одной стороны, такой природный типъ, который — выражаясь однимъ изъ самыхъ противныхъ словъ, придуманныхъ нашимъ временемъ — видитъ задачу жизни въ томъ, чтобъ «изжиться» самому до тла, до послѣдней капли; есть другой характеръ, который, съ забвеніемъ и небрежностью къ самому себѣ, хочетъ видѣть себя только въ какомъ-нибудь дѣлѣ, трудѣ, въ какомъ нибудь воплощенномъ порядкѣ своихъ помысловъ: оба питаютъ другъ къ другу антипатію, уступающую обоюдному удивленію только тогда, когда они взглянутъ другъ на друга изъ-дали, и каждый, въ свою очередь, замѣтитъ, что его собственные недостатки наверстываются особенностями противника. Не станемъ, однакожь, скрывать, что, въ интересѣ человѣческаго образованія, мы рѣшительно беремъ сторону послѣдняго, при всѣхъ очевидныхъ его недостаткахъ. Глубоко укорененная боязнь взяться за какое-нибудь тяжелое орудіе, съ которымъ совладать бываетъ трудно, вообще — за выполненіе серьёзныхъ работъ, обыкновенно соединяется въ томъ первомъ характерѣ съ наклонностью къ непомѣрному шуму изъ-за собственной выставки и изъ-за тѣхъ физическихъ силъ, какія тѣлесная организація предупредительно ставитъ въ легкое распоряженіе любой душевной затѣѣ. Пытливая возбужденность внѣшнихъ чувствъ и вмѣстѣ быстрая воспріимчивость дѣлаютъ такихъ людей хорошими наблюдателями текущей минуты; жаль только, что легко-разлекающееся вниманіе схватываетъ у нихъ при этомъ почти одну поверхностную гармонію внѣшнихъ формъ, или же ихъ противорѣчія, то-есть, ловитъ только миловидное или смѣшное. Такая же постоянная потребность обнаруживать свои внутреннія состоянія, сколько бы ни были они мимолетны и незначитель-

Digitized by Google

ны, вынуждаетъ ихъ, съ одной стороны, ежемгновенно щеголять своей наружностью и живописно драпироваться своимъ нарядомъ или пожалуй даже своими лохмотьями, съ другой— потихоньку приводить и свою душу въ драматическое настроеніе, на которое сами они украдкою любуются, а иногда какъ будто смотрятъ съ назиданьемъ. Несклонные къ напряженію силъ въ настоящемъ смыслѣ слова, употребляютъ они тѣлесныя свои средства театрально-мастерски; говорливые и въ рѣчахъ своихъ всегда готовые описать, размалевать и прикрасить, все это съ звучнымъ многословіемъ, далеко переходящимъ за предѣлы дѣйствительной нужды; охочіе до пѣсенъ и всякаго шума, присоединяютъ они къ тому неистощимый запасъ выразительныхъ тѣлодвиженій. Преимущественно южные края умѣреннаго пояса, благодаря счастливому климату, развили въ своихъ обитателяхъ, рядомъ съ энергическою красотой тѣлесной организаціи, и это полное довольство ею и первобытнѣйшими ея проявленьями, а также и ту пылкую живость, съ какою наслаждаются они всякимъ новымъ положеніемъ,—будь это радость или восторженное удивленіе, любовь или ненависть, благоговѣніе или отчаянье, все равно. Если мы прибавимъ сюда еще то, что философская рефлекція давно уже признала въ похвалу имъ за техническую формулу ихъ существеннаго типа, — именно, что будто въ нихъ и въ ихъ образованіи живой человѣческій обликъ представляетъ высшее свое развитіе, то, я думаю, мы укажемъ этимъ вмѣстѣ и на недостатокъ, находимый въ нихъ образомъ мыслей и чувствъ другаго, противоположнаго характера.

Образовать самого себя и сдѣлаться совершеннымъ человѣкомъ, — вотъ что можно принять за общую совокупность всѣхъ рѣшительно человѣческихъ задачъ; но тутъ мы должны будемъ согласиться, что именно тому пылкому характеру, который или съ инстинктивнымъ увлеченьемъ, или съ доктри-

Digitized by Google

нерскою самоувѣренностью ищетъ выработать въ пластически-прекрасное цѣлое только свое собственное существо, недостаетъ для достиженія этой цѣли одного важнаго элемента нравственности, — преданной любви и самоотреченья. И замѣчаніе это сохраняетъ свою силу не только относительно такъ-называемой здоровой и свѣжей чувственности, которая, щеголяя физическими дарами организаціи, въ сущности найдетъ далѣе того, чтобъ дать лишь отличный экземпляръ роднаго понятія человѣка въ естественно-историческомъ значеніи; но, какъ болѣе утонченный эгоизмъ, должно подвергнуться укору и то заманчивое самовоспитаніе, которое хотя и ищетъ вездѣ блага и изящества, но единственно лишь съ тѣмъ, чтобы всѣ украшенія добродѣтели собрались въ одной любимой точкѣ, которую мы зовемъ своимъ безцѣннымъ *я*. Всѣ обязанности, какія налагаетъ на себя этотъ блестящій характеръ, кажутся ему обязанностями только вразсужденіи самого себя; достоинство собственной личности — вотъ цѣль, которой посвящены всѣ усилія его жизни. Не льзя сказать, чтобы и другой характеръ, противополагаемый нами этому, не достигалъ, въ свою очередь, выполненія тѣхъ же самыхъ задачъ; но, стремясь прежде всего не къ этой цѣли, а самоотверженно идя къ общему осуществленію всемірнаго добра, онъ обрѣтаетъ сознаніе личнаго своего достоинства болѣе нежели только побочно-зрѣющимъ плодомъ этого постепеннаго процесса. Или, точнѣе сказать, онъ обрѣтаетъ не столько сознаніе, сколько навыкъ сообразоваться съ нимъ въ чувствахъ и дѣйствіяхъ, а потому и не достигаетъ такой виртуозности внѣшнихъ выразительныхъ проявленій, какая естественно дается тому, кто за нею только гонится, кто смотритъ на самого себя, какъ на художественное произведеніе, (исключительно) предназначенное къ высшему совершенству (а не къ тому, чтобъ быть орудіемъ многотруднаго всемірнаго подвига, хотя бы и не бле-

Digitized by Google

стящимъ, да надежнымъ). Сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ и занять свое мѣсто въ свѣтѣ посильнымъ служеніемъ всеобщему добру, — вотъ гораздо прозаичнѣйшій свиду девизъ этого характера, который и на собственную личность смотритъ только какъ на одного изъ участниковъ, долженствующихъ наслаждаться всемірнымъ благомъ. Вездѣ, гдѣ въ извѣстныя времена и у извѣстныхъ народовъ получаетъ перевѣсъ это душевное настроеніе, видимъ мы пробужденіе охоты къ труду, благотворной для быта цѣлаго общества, и дающей каждой отдѣльной личности вполнѣ выразиться въ трудовыхъ произведеніяхъ, которыхъ характерныя формы воплощаютъ въ себѣ достоинство и своеобразную фантазію ея собственнаго существа. Не себя самого, но то, что имъ создано, не свою особу, одинъ изъ несмѣтныхъ плодовъ естественнаго міротеченія, но отблескъ своего собственнаго существа, произведенный тѣлеснымъ и духовнымъ трудомъ его въ окружающей обстановкѣ, ставитъ себѣ тогда человѣкъ заслугою, изъ-за которой значитъ онъ что-нибудь на свѣтѣ, и въ той же мѣрѣ ростетъ отвращеніе его ко всякому тщеславію, превозносящемуся самородной силою и красотой одного внѣшняго проявленья. Говорить громче нежели требуетъ цѣль взаимнаго сообщенія, считаетъ онъ за грубое хвастовство природными голосовыми средствами; возбуждаться сильнѣе чѣмъ заслуживаетъ того цѣнность впечатлѣнья, кажется ему опрометчивымъ покорствомъ простой силѣ внѣшняго вызова; нестерпимы становятся для него излишняя живость тѣлодвиженій, говоръ пальцевъ и гримасъ лица, сопровождающіе въ видѣ совсѣмъ безполезной и непроизводительной роскоши правильный ходъ простаго выраженья; противны ему всѣ расплывчатыя и безводныя откровенія душевныхъ состояній, точно такъ же какъ и очевидное стараніе держать себя постоянно эффектнымъ образомъ. Легко замѣтить, какъ съ этими антипатіями въ наружныхъ

Digitized by Google

пріемахъ соединяются выгоды и невыгоды для духовной стороны, и какъ, при дальнѣйшемъ погруженіи въ себя этого идеалистическаго направленія, красота жизни и искусства рискуетъ наконецъ дойдти до такой замкнутости, сосредоточенія и неподатливой ни на что сдержки, которыхъ понастоящему было очень мало въ первоначальномъ строѣ этого характера, пока онъ не ушелъ въ себя совсѣмъ.

Въ предѣлахъ тѣсной рамы этихъ изслѣдованій невозможно разсмотрѣть безчисленныя другія особенности нравственнаго чувства, которыя высказываются въ формахъ повседневнаго общенія людей между собою, и къ развитію которыхъ содѣйствовало отчасти своеобразное бытовое положеніе, отчасти первичное естественное свойство каждаго народа порознь. Вообще легко усмотрѣть, что вмѣстѣ съ начатками образованія встрѣчаются вездѣ въ возростающемъ числѣ положительно установившіяся правила этикета, не только насчетъ обхожденія низшихъ съ высшими, но и касательно того, чтобы въ повседневныхъ сношеніяхъ между равными удержать естественную страстность и пытливость отъ оскорбленій чувству личнаго достоинства, и нерушимымъ, до мелочи опредѣлительнымъ обычаемъ обезпечить каждому тѣ изъ междучеловѣческихъ повинностей и послугъ, которыхъ выполненію противятся эгоизмъ и лѣность. Чѣмъ менѣе оставляется простора произволу въ опредѣленіи формы каждой такой повинности, тѣмъ представляется невозможнѣе отказать въ ней. Но этимъ мы вовсе не хотимъ утверждать, чтобъ деликатность и вѣжливость въ обращеніи, гостепріимство и другія добродѣтели, встрѣчаемыя иногда въ простѣйшихъ состояніяхъ быта, не основывались въ то же время и на природномъ добродушіи. Дальнѣйшій ходъ образованія обыкновенно нарушаетъ эту уставную обходительность или въ выгодную, или въ невыгодную сторону. Даже тамъ, гдѣ и нынѣшнія наши отношенія еще

Digitized by Google

наиболѣе управляются этикетомъ, онъ обыкновенно имѣетъ значеніе правомѣрнаго или политическаго обряда, служащаго не для личнаго общенія, а просто какъ символъ объективнаго порядка, стоящаго выше всякой субъективности; или же, гдѣ онъ дѣйствительно составляетъ только форму обхожденія, тамъ онъ рѣдко бываетъ такъ строго опредѣленъ, чтобы образованному уму вовсе не льзя уже было замѣнить одну форму равнозначительною другою. Здѣсь цивилизація обходится безъ всякихъ подробно опредѣленныхъ правилъ и довѣряетъ болѣе свободѣ того нравственнаго чувства, котораго преобладаніемъ общительность цивилизованныхъ племенъ неоспоримо превосходитъ чинную обрядность менѣе развившихся народовъ. Но надо, съ другой стороны, сознаться въ томъ, что, со снятіемъ узды обрядности въ цивилизованныхъ обществахъ, пріемы обращенія неблаговоспитанной толпы теряютъ уже почти всякую сдержку: грубое любопытство, всякаго рода назойливость и отсутствіе малѣйшаго уваженія къ внутренней личности другаго роняютъ здѣсь достоинство повседневнаго общенія гораздо ниже уровня той бережной чливости, съ какою гостепріимство болѣе простыхъ племенъ встрѣчаетъ и чествуетъ захожаго человѣка, не безпокоя его распросами, какъ его зовутъ, откуда онъ и куда именно идетъ. Все рѣже и рѣже становятся теперь кружки быта, гдѣ стародавній обычай, со всѣми его околичностями и мелочными порядками, придаетъ еще обхожденію опредѣленный, бережный и чливый характеръ.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Расчлененіе внѣшняго быта.

Природа и образованность. — Родной край. — Охотничій бытъ; кочевой бытъ; осѣдлость и земледѣліе. — Домъ и семья. — Общество. — Подѣлъ труда и званій — Однообразное и многообразное расчлененіе общества. — Цивилизація. — Исторія.

Кому, среди безчисленныхъ заботъ и тягостей жизни, не доводилось иногда со вздохомъ спросить: да къ чему же всѣ эти хлопоты и муки? къ чему всѣ эти приличія, то нудящія насъ безполезно выбиваться изъ силъ, то налагающія на нашу внѣшнюю дѣятельность гнетъ столько же неудобной сдержки? къ чему это стремленіе къ наживѣ, тогда какъ наша организація не доставляетъ же намъ другаго наслажденія отъ ежечасно ростущихъ богатствъ, кромѣ одного воображаемаго? къ чему такъ раздражительно дорожить честью, когда почетъ, въ какомъ стоимъ мы у другихъ, приноситъ по крайней мѣрѣ непосредственно такую малую долю пользы нашему благоденствію? зачѣмъ не ограничиться намъ просто естественными потребностями своего существа и не отступиться отъ гоньбы за всѣмъ, что имѣетъ цѣну только для достиженія чего-то другаго или третьяго, а эти оба, въ свою очередь, оказываются

Digitized by Google

подъ-конецъ мнимымъ только благомъ? Подъ вліяніемъ такихъ настроеній намъ кажется, что настоящую житейскую мудрость открылъ, сидя въ своей бочкѣ, Діогенъ, и что всего лучше, еслибъ окружающее насъ со всѣхъ сторонъ многосложное и нескончаемое быторазвитіе упразднилось вдругъ само собою и не стѣсняло бы бездною совсѣмъ ненужныхъ искусственныхъ затѣй удовлетвореніе тѣхъ немногихъ потребностей, безъ которыхъ дѣйствительно не можетъ обойдтись человѣческая природа.

Но тщетно протестовалъ уже и Діогенъ противъ современнаго ему образованія, а всѣ отдѣльныя личности, которыя по его слѣдамъ отвертывались иногда отъ человѣческой культуры, почерпали возможность переносить свое уединеніе только въ тѣхъ помыслахъ, знаніяхъ и думахъ, которыми обязаны были ея же вліянію. Оппозиція противъ многосложной обстановки образованія сохраняетъ своего рода интересъ только до тѣхъ поръ, пока она остается лишь оппозиціей (то-есть частнымъ, исключительнымъ явленьемъ); а рѣшись въ извѣстную минуту цѣлое человѣчество воротиться къ простотѣ самыхъ естественныхъ отношеній, тогда тѣ же самыя силы духа, которыя привели къ этому замыслу, тотчасъ принялись бы воспроизводить одну за другою всѣ мнимыя ненужности покинутаго образованія. Конечно, очень можно допустить, что весьма многое въ нашемъ сложномъ житейскомъ быту не имѣетъ само по себѣ ни значенія, ни пользы, и что мы поступили бы умнѣе и были бы счастливѣй, устранивъ отъ себя извѣстныя потребности. Но разъ уже онѣ усвоены нами, и простое уразумѣніе того, что вообще онѣ не необходимо связаны съ человѣческою природой, ни на волосъ не измѣняетъ того факта, что онѣ тѣмъ крѣпче приросли къ нашей опредѣленной природной особенности, выработавшейся историческимъ развитіемъ и воспитаньемъ. Мы, каковы мы теперь есть, непремѣнно постра-

Digitized by Google

дали бы отъ нихъ неудовлетворенія, и та же степень благоденствія, какой естественный бытъ достигалъ немногими средствами, достижима для насъ только совмѣстнымъ выполненіемъ множества условій, или же сознательнымъ и произвольнымъ отказомъ себѣ во многихъ частныхъ удовлетвореніяхъ. Напротивъ, намъ вовсе не дано по произволенію забывать то, къ чему стремится наше сердце; только великіе историческіе перевороты могутъ иногда затмить у какого нибудь народа память о тысячѣ многоразличныхъ притязаній, которыя предъявлялъ онъ въ жизненномъ быту, и повернувъ его опять къ варварству, заставить удовлетворяться простѣйшими и первоначальнѣйшими благами жизни.

Но мы, въ правѣ ли мы говорить такимъ образомъ и предпочитать свою цивилизацію тому варварству? Развѣ высота нашего образованія, именно потому, что удовлетвореніе ея зависитъ отъ столь многихъ условій и что она должна вознаграждать себя въ столь многихъ отношеніяхъ однимъ только добровольнымъ самопожертвованьемъ, заключаетъ въ себѣ менѣе благополучія нежели тотъ естественнѣйшій бытъ, который скорѣе и вѣрнѣе достигаетъ своего нехитраго равновѣсія, повидимому подвергаясь однимъ только такимъ бѣдамъ, которыя неизбѣжно навлекаетъ ему безпощадный ходъ природы. Отвѣтъ на подобные вопросы найдти однако очень легко. Вѣдь чѣмъ живѣе вдумываемся мы въ обстоятельства того простѣйшаго естественнаго быта, тѣмъ болѣе становится для насъ ясно, не только, что содержанія его никогда не было бы достаточно для наполненія нашей души, но что и тѣ изъ живущихъ въ насъ стремленій, которыя препятствуютъ намъ удовольствоваться его скудостью, имѣютъ при всѣхъ своихъ тревогахъ и бѣдствіяхъ, безусловное право быть предпочтены той мирной нищетѣ духовной жизни, которая только въ видѣ роздыха отъ треволненій нашей образованности можетъ иногда

Digitized by Google

казаться нам желательной. Предназначенное человѣческому духу счастіе состоитъ отнюдь не въ отсутствіи всѣхъ помѣхъ и разстройствъ, которыя могли бы затруднить собою первыя, непосредственно изъ природы его вытекающія стремленія, а также и не въ поддержкѣ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя доставляли бы тѣмъ стремленіямъ сплошь-однообразное удовлетворенье; ходъ образованія вовсе не одна сплошная череда взаимно наверстывающихся между собою усилій, которымъ предстояло бы только возстановлять утраченное равновѣсіе и возможную прежде величину благоденствія, что̀, при наступленіи менѣе благопріятныхъ условій, требуетъ конечно и бо̀льшей затраты средствъ. Всего этого слишкомъ мало: благодаря тому сопротивленію, какое самый ходъ вещей представляетъ слишкомъ легкому удовольствованію естественныхъ по̀будовъ; благодаря труду, къ какому вынуждается человѣкъ и которымъ пріобрѣтаетъ онъ знаніе разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ умѣньемъ распоряжаться ими при случаѣ; наконецъ, благодаря самому несчастію и множеству разныхъ скорбныхъ опытовъ, извѣдываемыхъ подъ гнетомъ постепенно усложняющихся житейскихъ отношеній, — благодаря всему этому въ совокупности, съ одной стороны открывается передъ нимъ обширнѣйшій кругозоръ гораздо болѣе разнообразнаго наслажденія, съ другой — тутъ только уясняется ему неисчерпаемое значеніе нравственныхъ идей, получающихъ какъ бы новое приращенье своей цѣнности съ каждымъ новымъ отношеніемъ, на которое распространяютъ онѣ свое нормативное или организующее вліяніе. Жажда воротиться опять къ простѣйшимъ формамъ быта легкомысленно преувеличиваетъ цѣну чисто-чувственнаго благоденствія, и образумившись, мы тотчасъ же увидимъ, что счастіе течетъ въ образованной душѣ гораздо многочисленнѣйшими ручьями, выходящими часто изъ таинственнаго родника. Вѣдь даже и

Digitized by Google

съ скорбью невольнаго самоотреченія не разстались бы мы, пожалуй, охотно навсегда; а вспомнивъ еще безчисленное множество почти невыразимыхъ чувствъ, порождаемыхъ то ощущеніемъ такихъ страданій, которыхъ горечь понятна только изъ самыхъ тонкихъ отношеній общежительности, то созна-ніемъ торжества надъ ними и вмѣстѣ какого-то примиренія, которое можетъ быть плодомъ только уже очень зрѣлаго нравственнаго опыта: развѣ не проникнута этими чувствами вся наша жизнь, словно прекраснымъ какимъ то запахомъ, отъ котораго не отреклись бы мы ни за что на свѣтѣ? Люди чрезчуръ наклонны обманывать себя мечтой, будто есть возможность совмѣстить два несовмѣстимыя блага: простоту естественнаго быта и тѣ настроенія, съ какими приступаемъ мы ко внѣшнему міру, воспитавшись наукой, искусствомъ и религіей. Въ самомъ дѣлѣ, намъ хотѣлось бы взять съ собой всѣ эти настроенія при желанномъ переходѣ въ тотъ первоначальный бытъ; но вѣдь всѣ они — плоды нашей образованности, не мыслимые безъ того, крайне многосложнаго, механизма, который иногда такъ тяжекъ для насъ своимъ скрипучимъ и безпощаднымъ ходомъ. Можно было бы избрать только одно изъ двухъ: или простой, всегда однообразный строй того колыбельнаго затишья, или полную, многочленную мелодію образованности, развивающуюся среди бездны диссонансовъ; и ни кто не усомнится ни на одинъ мигъ, что послѣдняя гораздо прекраснѣе, и что образованность является не только многосложнѣйшимъ средствомъ, дозволяющимъ при перемѣненныхъ условіяхъ возсоздать опять ту же величину отрады, какую доставлялъ самъ собою естественный бытъ, но что, напротивъ, она-то именно и есть та сила, благодаря которой раскрываются въ полномъ цвѣту вся цѣнность и все счастіе многоразличныхъ нравственныхъ отношеній.

Мнѣ остается прибавить къ этому еще немного самыхъ

Digitized by Google

простыхъ замѣтокъ. Не войду здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о первоначальномъ происхожденіи образованности: какіе именно поводы, отчасти въ духѣ отдѣльныхъ лицъ и народовъ, отчасти во внѣшнихъ обстоятельствахъ, пробудили и направляли влеченіе къ прогрессу, какія препятствія, иногда, жизненное положеніе, иногда — уже гораздо впрочемъ загадочнѣй — само природное свойство племенъ, полагали, или развитію въ общемъ смыслѣ, или отдѣльнымъ направленіямъ его порознь, — это въ большинствѣ случаевъ останется для насъ вовѣки неизвѣстнымъ; а то, что здѣсь можно себѣ выяснить, предоставляемъ мы дальнѣйшему историческому разысканію. Я также не имѣю теперь въ виду сравнивать между собой различныя эпохи образованія, пережитыя донынѣ человѣчествомъ, хотя опытъ такого рода могъ бы заранѣе внушить намъ полезную осмотрительность во многихъ отношеньяхъ. Потому что онъ, вопервыхъ, навелъ бы насъ опять на прежде высказанное уже замѣчаніе, что очевидный прогрессъ въ знаніи и умѣньи и во всей вообще внѣшней обстановкѣ быта не всегда ведетъ съ собой непосредственное и мгновенное приращеніе тѣхъ истинныхъ житейскихъ благъ, изъ-за которыхъ подъемлется весь трудъ образованія. Съ возвышеніемъ культуры и господства ея надъ внѣшнимъ міромъ, правда, развиваются вездѣ новыя отношенія, а съ ними и новые источники наслажденья; но неразлучная съ тѣмъ перемѣна общественныхъ состояній неизбѣжно уничтожаетъ также иную стародавнюю форму быта, которой своеобразная цѣнность и отрада остаются доступными для одной поэзіи, а съ дѣйствительностью распростились уже навсегда. Тужить ли намъ о томъ, или же въ совокупности нашихъ судебъ всякое добро уступаетъ мѣсто всегда лишь чему-нибудь лучшему, — отвѣта на этотъ вопросъ можемъ мы искать, только углубляясь въ исторію человѣческаго рода. Но отъ этого ни чуть не становится сомнительнѣй достоинство

Digitized by Google

образованья вообще, въ противоположность естественному быту, который предстаетъ намъ то состояніемъ невинности, то просто варварскою дичью. И хотя для рѣзкаго ихъ разграниченія потребовалось бы состоянію полнаго скотоподобія противопоставить никогда не осуществленный образецъ совершенной человѣчности, тѣмъ не менѣе есть возможность выдвинуть впередъ такія отдѣльныя черты общаго жизнепорядка, присутствіемъ которыхъ обусловливается вездѣ доброкачественность быторазвитія, тогда какъ отъ ихъ болѣе или менѣе организованнаго сочетанія въ цѣлость внутренно связной системы зависитъ преимущество одной ступени этого развитія передъ другой.

Прежде всего нужно человѣку занять опредѣленное мѣсто въ общей связи міра посредствомъ родины, собственности и круга дѣятельности; далѣе ему нужно, не только случайно встрѣчаться съ себѣ подобными, но состоять по крайней мѣрѣ хоть съ однимъ изъ нихъ въ прочномъ жизнеобщеніи, которое обезпечивало бы всей его личности ея пониманіе и живое къ ней участье; эта тѣсная группа семьи нуждается еще чтобы вокругъ нея простиралась болѣе широкая обстановка общества, котораго общимъ убѣжденіемъ, нравообычаемъ и праводавствомъ измѣрялась бы она въ своей жизни и стремленіяхъ, и которое, какъ сплошная ея основа была бы ей вмѣстѣ и носителемъ, и опорою, и судьей; вездѣ, наконецъ, неизбѣжно, чтобы духъ этого общества связывалъ всецѣлую жизнь его и существованіе каждаго отдѣльнаго лица сознаніемъ земной ихъ исторіи съ прошедшимъ и будущимъ, а общимъ религіознымъ вѣрованьемъ прикрѣплялъ всю совокупность земной жизни къ еще болѣе обширной системѣ всемірной исторіи.

Вѣдь и животныя не блуждаютъ по свѣту совсѣмъ безъ родины; даже тамъ, гдѣ обширная полоса представляетъ имъ

Digitized by Google

вездѣ одинаковыя средства существованія, они ограничиваютъ свои переходы извѣстнымъ участкомъ, за который увлекаетъ ихъ не собственное побужденіе, а развѣ лишь насильство или какое нибудь необыкновенное событіе. Какъ будто всякая душа наслаждается спокойствіемъ и привольемъ въ томъ лишь случаѣ, когда не чувствуетъ себя затерянной въ безпрерывно смѣняющемся наплывѣ новыхъ впечатлѣній, и когда вкругъ постояннаго образа привычной обстановки многоразличіе всего остальнаго міра группируется съ убывающею по мѣрѣ дали ясностью. Свойственная человѣку наклонность къ похожденіямъ выманила бы изъ этого очарованнаго круга скорѣе его, нежели всякое животное; но этому противудѣйствуетъ у него другое, болѣе глубокое влеченье: духъ практической дѣятельности, который не хочетъ, чтобъ результаты его дѣйствій исчезали вмѣстѣ съ быстрой смѣною мимолетныхъ предметовъ, но старается мало по малу сосредоточить ихъ на предметѣ своего труда и собрать въ тотъ или другой наглядный образъ внутренно-связной жизнеполезности.

Естественныя отношенія благопріятствуютъ или мѣшаютъ этой наклонности въ весьма различныхъ степеняхъ. Гдѣ роскошный преизбытокъ животныхъ и необходимость обороняться отъ ихъ нападенія побуждаютъ бездомнаго еще человѣка жить и довольствоваться охотою, тамъ зачатки высшаго образованія встрѣтятъ себѣ болѣе препятствій нежели поощрительнаго подспорья. Всегдашняя забота слѣдить непосѣдную дичь ставитъ на мѣсто настоящей родины гораздо просторнѣйшее понятіе привольнаго для охоты края; а легкость, съ какою полученная добыча, по самой ничтожной подготовкѣ, удовлетворяетъ естественныя потребности, а равно и безслѣдность, съ какою всякій плодъ усилій въ этомъ быту исчезаетъ почти тутъ же подъ рукою, не даютъ возникнуть мысли о собраніи труда въ одно замкнутое издѣліе, или о такомъ образѣ жизни,

Digitized by Google

которыхъ разсѣянные порывы дѣятельности смыкались бы въ совокупность цѣльнаго развитія по какому-нибудь плану. Хитрая терпѣливость выжиданья и страстный пылъ нападенія,— вотъ тѣ главныя способности, которыя этотъ бытъ и вызываетъ и упражняетъ; но обѣ онѣ плохая помощь высшему нравственному развитію. Только спокойствіе, съ какимъ сѣвероамериканскій Индѣецъ выслушиваетъ рѣчь другаго, не перебивая, и страдательное мужество его въ физическихъ болѣхъ, — вотъ полезные элементы, развитые школою этой дикой жизни, которая вынуждаетъ хладнокровно переносить бездну всякихъ неудобствъ и бѣдствій и научаетъ съ самыхъ раннихъ поръ безмолвно и осторожно выжидать каждое движеніе ягуара или дикаго буйвола, чтобы малѣйшею неловкостью не выдать себя слишкомъ рано. Не будь, наконецъ, другихъ неискоренимыхъ влеченій, которыя нудили бы отдѣльныхъ людей къ какому-нибудь сближенію, то въ особенностяхъ этого быта для бездомныхъ охотниковъ не нашлось бы почти и повода къ общественному союзу и къ выработкѣ формъ человѣческихъ соотношеній между ними: дотого однообразны занятія всѣхъ ихъ сплошь, что одному нечего искать у другаго особаго какого-либо дополненія своему собственному знанію и умѣнью.

Бытъ пастушескихъ народовъ ведетъ съ собою уже нѣсколько благопріятнѣйшія условія развитія. Ему тоже не льзя вполнѣ обойдтись безъ бодрости и отваги для защиты своихъ стадъ, но онъ основанъ не на истребленіи животныхъ, а на уходѣ за ними: по этому, рядомъ не съ мужественно-сторожкимъ, но съ спокойно-выдержаннымъ терпѣніемъ, онъ вызоветъ разные предусмотрительные и заботливые помыслы, а при возростающемъ разнообразіи потребностей поведетъ и къ первоначальному подѣлу занятій между небольшимъ обществомъ взаимно помогающихъ другъ другу рабочихъ рукъ.

Digitized by Google

Мѣсто внезапныхъ смѣнъ вполнѣ бездѣйственнаго досуга томительнымъ напряженіемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ охотничьемъ быту, заступитъ здѣсь непрерывная череда правильно смѣняющихся и разсчитанныхъ другъ на друга занятій; мѣсто разброда въ одиночку заступитъ общежитіе, гдѣ отношенія къ общей или частной собственности, которой управленіемъ заняты всѣ и каждый, сами собой порождаютъ простыя различія въ общественномъ значеньи того или другаго лица. Такъ, вмѣстѣ съ движимой собственностью, возникаютъ первые зачатки двухъ чуждыхъ охотничьему быту понятій: хозяйства и общества. Становится необходимымъ, хоть и не всегда еще постоянное, но все-таки какое-нибудь водвореніе на извѣстныхъ мѣстахъ и на довольно продолжительное время, а если навыкъ прокармливать стада только вытравомъ пастбищъ и понуждаетъ къ періодическимъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, то все-таки возвратъ къ знакомымъ уже разъ лугамъ предпочитается невѣрному скитанію по безвѣстной дали. Такимъ образомъ сердце человѣка болѣе и болѣе роднится съ краемъ, котораго предѣлы теперь только и становятся для него отечествомъ; къ ручьямъ, холмамъ и рощамъ этого края начинаетъ прививаться воспоминаніе всего здѣсь пережитаго; ужь не только какъ поприще испытанныхъ приключеній, но какъ поприще правильнаго и связнаго въ себѣ общаго труда, ложится онъ тѣмъ заднимъ планомъ обиходной жизни, съ которымъ невольно соображается фантазія всѣхъ обитателей. Тѣмъ не менѣе, пастушескій бытъ, самъ по себѣ, одинъ, не вездѣ даетъ тѣ прекрасные начатки образованія, какими любуемся мы въ нѣкоторыхъ его примѣрахъ. Отчасти природа и особенная добротность одомашенныхъ животныхъ, способъ ухода за ними и степень приручимости ихъ къ человѣку, отчасти климатическая и общественная обстановка, въ какой ведется этого рода жизнь, наконецъ — неподдающееся ни ка-

Digitized by Google

какому разсчету природное свойство племени, — все это много видоизмѣняетъ уровень ея развитія. Пастушескія племена полярныхъ странъ, гнетомыя рукой суровой природы и отрѣзанныя большими пространствами отъ соприкосновенія со всякою иною и высшею цивилизаціей, представляютъ самый жалкій видъ сравнительно съ бытомъ сиимтскихъ патріарховъ, которыхъ величавая простота ясно обнаруживаетъ слѣды довольно разнообразнаго общенія съ гражданственностью осѣдлыхъ народовъ. Не только начавшаяся уже торговая мѣна доставляетъ пастухамъ издѣлія иноземной промышленности въ облегченіе и прикрасу ихъ существованью: уже одно знаніе того, что за предѣлами непосредственнаго ихъ кругозора движется другая еще человѣческая жизнь, въ иныхъ формахъ и навыкахъ, должно выводить созерцаніе и мысли изъ того скуднаго однообразія, которое укореняется среди болѣе замкнутыхъ племенъ, при отсутствіи всякаго понятія о человѣческомъ общеньѣ. А понятія этого дѣйствительно нѣтъ еще тамъ, гдѣ даже и довольно обширный союзъ семей повторяетъ въ каждой одинъ и тотъ же образъ жизни, одну и ту же кротохотную систему домохозяйства.

Настоящее начало высшаго образованія составляетъ вездѣ поворотъ отъ кочевки къ осѣдлости: это замѣтила уже древность, и замѣтила съ чувствомъ гораздо болѣе свѣжей памяти прошлаго, нежели возможно оно для насъ. Къ этому необходимо должна была вести потребность извлекать средства продовольствія изъ несравненно обильнѣйшаго и правильнѣй текущаго источника растительной жизни. Между тѣмъ, одинъ только роскошный тропическій край доставляетъ всѣ эти средства безъ труда и въ полномъ избыткѣ; и въ этихъ-то именно странахъ человѣкъ остался бы всего скорѣе совершеннымъ чужеядцемъ своей хлѣбоносной растительности, еслибы по крайней мѣрѣ позывъ къ общественнымъ наслажденіямъ и

Digitized by Google

нѣкоторыя неудержно-вспыхивающія чувственныя влеченья среди быстро прибывающей и тѣснящейся массы народа не привели къ установкѣ какого-нибудь порядка общежитія, или, наконецъ, насильственно нарушая этотъ порядокъ, не дали бы жизни по крайней мѣрѣ хоть страстнаго содержанія. Гдѣ благодатныя питательныя деревья разсѣяны не столь щедрою рукой, тамъ отдѣльными ихъ купами обозначаются и жилыя мѣста человѣка, находящаго себѣ здѣсь удобный пріютъ; но цѣльная, послѣдовательная образованность развивается все же только тамъ, гдѣ природа предпослала наслажденію работу. Благодѣянія, оказываемыя человѣку со стороны растительности производствомъ для него банановъ, хлѣбнаго дерева, финиковыхъ и кокосовыхъ пальмъ, конечно не пріемлются имъ совсѣмъ безмысленно, и фантазія питающихся ими народовъ довольно чутка для того, чтобы прививать къ ихъ величавымъ образамъ съ признательнымъ почетомъ тѣ поэтическія думы, какія способенъ внушить имъ простой бытъ. Но несравненно важнѣе всѣхъ подобныхъ вызововъ та образующая характеръ сила, которая всегда проистекаетъ изъ разнообразныхъ работъ, требуемыхъ воздѣлкою хлѣбныхъ растеній. Земледѣльчествующій человѣкъ, для удовлетворенія своихъ потребностей, необходимо долженъ приложить собственную свою силу; вѣдь природа и почва, съ которыми онъ обращается, не даютъ своихъ плодовъ ни на шарамыгу, ни даромъ, но уступаютъ ихъ только прилежному и тщательному труду. Необходимость подмѣчать бездну мелочныхъ условій, изъ которыхъ каждое въ свою очередь болѣе или менѣе обезпечиваетъ ему вѣрный успѣхъ; неизбѣжность опредѣленной череды въ работахъ, которой порядка не властенъ извратить ни чей въ мірѣ произволъ и отъ которой не отступитъ безнаказанно ни какое легкомысленное своевольство; терпѣніе не только въ борьбѣ съ ненастьемъ и норою года, но и въ ожиданіи мед-

Digitized by Google

ленаго созрѣва, котораго не ускорить ни какимъ спѣхомъ пылкихъ чувствъ; наконецъ видъ того правильнаго однообразія, съ какимъ подвигается впередъ общая работа естественныхъ силъ въ совокупномъ своемъ составѣ: все это научаетъ духъ чувствовать себя принятымъ и внѣдреннымъ въ строго послѣдовательную и многовѣтвистую связь природной законности, и даже въ самой бѣдно одаренной душѣ непремѣнно породитъ болѣе или менѣе ясное сознаніе, какъ необходима для удачи всякаго дѣла полнота связнаго въ себѣ формальнаго опосредствованія, и какъ мало можетъ разсчитывать на удовлетворительный успѣхъ опрометчивая жизнь на авось, какъ попало.

Съ возростающими трудами земледѣліе соединяется начало не переходнаго, а постояннаго уже водворенія, настоящей осѣдлости; и только благодаря ей становится теперь человѣкъ въ ту разнообразно-соотносительную противоположность къ природѣ, на которой основаны всѣ дальнѣйшіе успѣхи его образованія. Дѣйствительно, главное тутъ не въ прикрѣпленіи его къ почвѣ, чѣмъ на первый разъ всего болѣе бросается въ глаза осѣдлость, и едвали правъ вольнобродячій кочевникъ, когда онъ презрительно смотритъ на нее, именно какъ на такого рода узничество; напротивъ, онъ самъ въ гораздо большей зависимости отъ природы, принадлежа къ сценическимъ принадлежностямъ ея почти на столько же, сколько и пасомое имъ стадо, или преслѣдуемая имъ дичь. Стѣны дома, гдѣ, уединясь отъ внѣшнихъ впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ или наслаждаться надосугѣ радостями семейной жизни, или подготовлять техническія орудія, съ которыми выйдетъ онъ въ поле и станетъ его обработывать, а потомъ собирать жатву,— эти стѣны гораздо болѣе освобождаютъ его изъ подъ власти внѣшняго міра, нежели кочевника быстрый его бѣгъ, которымъ, правда, переносится онъ съ мѣста на мѣсто, но не на-

Digitized by Google

ходитъ доступа къ внутреннему міру нигдѣ, кромѣ развѣ своей ставки, куда послѣ всѣхъ странствованій и переходовъ ему все-таки должно наконецъ обратиться. Стѣны дома замыкаютъ въ себѣ новое царство человѣческаго существованія; въ нихъ подростающее поколѣніе находитъ первый жизненный пріютъ, наполненный наглядными воспоминаніями предковъ; настоящая, наличная жизнь впервые ощущаетъ себя здѣсь въ неразрывномъ общеніи съ отжившими ихъ ликами, и къ оставленному ими наслѣдію труда каждое новое поколѣніе можетъ присовокупить свою долю работы, пополняя, передѣлывая и продолжая то, что было начато прежними. Но было бы совсѣмъ напрасно изображать тѣ чувства и настроенія, которыя овладѣваютъ каждымъ при одномъ названіи нашъ домъ и которыя повторяются со всей свѣжестью и донынѣ при каждомъ новомъ водвореніи на прочную осѣдлость, предназначенную на неопредѣленный срокъ быть нагляднымъ поприщемъ цѣлой многосложной вереницы радостей, скорбей, надеждъ и воспоминаній. Довольно сказать, что при началѣ образованія противоположность духовнаго міра и природы впервые проявилась съ выразительнѣйшею наглядностью въ противоположности тѣснаго домашняго быта съ тою безпредѣльной перспективой, которою охватываетъ его внѣшній міръ.

И въ современной нашей жизни, гдѣ перепутанная плетеница духовныхъ интересовъ всячески затемняетъ прямое отношеніе къ природѣ, легко замѣтить, какое значительное вліяніе оказываетъ на состояніе души наглядное воплощеніе стремленій нашихъ во внѣшнихъ произведеніяхъ. Рабочій, когда онъ успѣшно трудится надъ какимъ-либо издѣліемъ и когда сторонніе недостатки общественнаго порядка не мѣшаютъ ему радоваться дѣломъ своихъ рукъ, всегда почти сохраняетъ болѣе ровное и самодовольное настроеніе, нежели, напримѣръ,

Digitized by Google

изслѣдователь, постоянно вращающійся въ сверхчувственномъ мірѣ однихъ умственныхъ интересовъ. Положимъ, что за продолжительную борьбу способна вознаградить одна та минута, когда окончательнымъ плодомъ усилій является напослѣдокъ прекрасный по мысли результатъ; но рѣдко этотъ результатъ бываетъ такъ несомнительно законченъ, какъ любое внѣшнее произведеніе, которое, со всѣми его качествами и недостатками, предстаетъ вполнѣ ясно и обсудимо нашимъ взорамъ, и котораго самое возниканіе ежемгновенно доставляло намъ случай всматриваться въ очевидное преодолѣніе каждой изъ тѣхъ трудностей, какія при этомъ неизбѣжно обнаруживались. Тѣмъ болѣе въ началѣ образованія, какъ и теперь еще бываетъ въ началѣ каждой индивидуальной жизни, человѣческое самочувствіе должно было торжествовать свое радостное пробужденье всякой разъ, когда въ первыхъ своихъ произведеніяхъ оно видѣло внутреннюю жизнь свою воплощенною въ законченномъ обликѣ. Каждая созданная человѣкомъ вещь, каждая домашняя утварь становится для него наглядныимъ выраженіемъ какого-либо его помысла, и онъ видитъ въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ еще и ожидаемое отъ нея подспорье, при которомъ собственный духъ его способенъ теперь дѣйствовать на внѣшній міръ гораздо сильнѣе и успѣшнѣе нежели съ помощію средствъ одной только тѣлесной его организаціи. Эта глубокая потребность видѣть отраженіе жизни нашей въ преобразованной нами внѣшней обстановкѣ направляетъ шаги наши вездѣ. Не только домъ и дворъ должны наглядно представлять намъ исторію прошлой дѣятельности и средства для будущей; даже для такихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, которымъ не можетъ отвѣчать ни одно пространственное явленье, мы любимъ отвести по крайней мѣрѣ особый пріютъ, какъ средоточіе, откуда всегда должно исходить одной и той же человѣческой дѣятельности. Правда, что Богъ вездѣ къ намъ близко; тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе каждый первозачатокъ образованія основываетъ мѣстныя, постоянныя святилища и алтари, и хочетъ молиться предпочтительно лишь тамъ, гдѣ извѣстная точка является его сердцу особенно освященною и молитвами его предковъ, и благочестивымъ сочувствіемъ современниковъ. Не одна нудящая потребность обезпеченнаго продовольствія ведетъ къ учрежденію прочныхъ поселеній; но вмѣстѣ съ установкой домашняго очага и все окружающее его принимается въ духовное владѣніе, или, точнѣе, сама духовная жизнь получаетъ свое мѣстное проявленье.

Съ основаніемъ постояннаго круга дѣятельности и его средоточія, достигаютъ первой возможности успѣшно развиваться и всѣ прочія нравственныя отношенья. Общеніе половъ, напримѣръ, едвали способно получить въ дикомъ охотничьемъ быту значеніе глубже того, какое мы дѣйствительно тамъ находимъ. Постояннаго участія въ тяжкихъ трудахъ мужа сама природа не допускаетъ для женщины; да будь оно даже и возможнымъ, все-таки изъ него вышло бы лишь такое товарищество, которое доставляло бы различной духовной природѣ обоихъ участниковъ весьма рѣдкіе случаи раскрыться въ своихъ особенностяхъ. Жизнь эта дотого бѣдна и представляетъ такъ мало затрогивающихъ душу общеинтересныхъ для нихъ опытовъ, а при отсутствіи собственности, требующей постоянной хозяйственной управы, вмѣстѣ и такъ мало общихъ заботъ и трудовъ, что мужская сила не можетъ находить въ женской душѣ существенной наверстки своимъ собственнымъ недостаткамъ. Да и вся вообще семейная связь терпитъ отъ отсутствія настоящей жизненной цѣли. Подобно тому какъ въ животномъ мірѣ самоотверженная любовь родителей окружаетъ только самую молодую жизнь, а лишь прошла ея безпомощность, чувство любви скоро остываетъ: такъ точно и естественный бытъ человѣчества представляетъ разительные при-

Digitized by Google

мѣры преданности родителей своимъ дѣтямъ, но вмѣстѣ и всю ненадежность этого отношенія, какъ скоро дѣти сложатся наконецъ совсѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ позднѣйшее поколѣніе не берется продолжать труды прежняго, гдѣ, напротивъ, каждое стоитъ совсѣмъ въ одиночку и, начиная всегда сызнова, всегда обращается опять прямо къ внѣшней природѣ, чтобы удовлетворить свои потребности все тѣмъ же давно извѣстнымъ и перезвѣстнымъ путемъ, тамъ разумѣется не можетъ быть и того вростанія душъ одна въ другую со всѣми общими имъ жизненными интересами и однакожь индивидуально-различными свойствами и направленьями фантазіи, того общенія и вмѣстѣ того противоборства желаній, надеждъ и опасеній, которыя изъ кровныхъ узъ природы развиваютъ въ образованномъ мірѣ нравственную сопринадлежность душъ и сердецъ. Часто замѣчали, какъ легко и безотрадно Индѣецъ покидаетъ своихъ родителей; а знаменательность и красота братско-сестринскихъ отношеній еще гораздо менѣе затрогиваетъ душу естественнаго человѣка.

Я могъ бы, пожалуй, идти далѣе и похвалить пастушескую жизнь за высшее значеніе, придаваемое ею семейнымъ связямъ, за свободнѣйшее положеніе женщины, которая изъ прислужницы возводится здѣсь на степень подруги мужа, за умѣнье цѣнить важность родословныхъ сказокъ, обезпечивающихъ каждому отдѣльному члену постепенно разросшейся общины непрерывную связь дальняго родства съ такими предками, которыхъ имена завѣтное преданіе окружило блескомъ знаменитыхъ дѣлъ и событій. Но, въ сущности, эти прекрасные зачатки образованія свойственны вѣдь только немногимъ избраннымъ племенамъ и особенно той досточтимой древности снимковъ, на которую мы привыкли смотрѣть какъ на зеркало чистѣйшаго и первобытнѣйшаго человѣческаго развитія. Въ уменьшенномъ видѣ и съ гораздо меньшею душевной глубиной явля-

Digitized by Google

ются они у воинственныхъ пастушескихъ народовъ, оживляющихъ донынѣ степи и пустыни Азіи и Африки, и исчезаютъ почти совершенно среди прозаической одичалости полярныхъ племенъ. Намъ не льзя входить здѣсь въ подробности, но болѣе широкое этнографическое сравненіе выяснило бы вполнѣ, какъ мало высота развитія зависитъ отъ однѣхъ только разностей быта, на которыхъ мы хотѣли остановиться; какъ, напротивъ, много значитъ необъясненная еще разность первоначальныхъ духовныхъ даровъ, выпавшихъ на долю тому или другому человѣческому племени и пролагающихъ, при одинаковыхъ впрочемъ условіяхъ, совсѣмъ различные пути образованью; сверхъ того многое, въ чемъ готовы бы мы были видѣть почти непосредственное дѣйствіе быта, обусловленнаго только внѣшнею обстановкой, есть можетъ-статься только отголосокъ давно погибшей или отблескъ существующей гдѣ-нибудь образованности, съ которою историческій ходъ событій привелъ въ плодотворныя соотношенія иной, повидимому, совсѣмъ одиноко развивающійся народъ. Пусть историческое изслѣдованіе старается выяснить себѣ эту совмѣстность разнородныхъ вліяній; если же, напротивъ, рѣчь идетъ лишь объ одномъ, чтобъ обсудить нравственную цѣну тѣхъ бытовыхъ формъ, на которыхъ основана еще и нынѣшняя цивилизація, то мы не усомнимся, что осѣдлое поселеніе и кругъ дѣятельности, открываемый намъ домомъ и дворомъ, составляютъ прочную основу замкнутой семейной жизни, а черезъ нее и основу обширнѣйшаго порядка всей общественности Не льзя, конечно, назвать ни возможностью, дающеюся самимъ ходомъ вещей и событій, ни необходимою потребностью человѣческой природы, того, чтобы одинъ и тотъ же родной кровъ постоянно ютилъ нарождающіяся другъ за другомъ поколѣнія, или чтобъ узы родства, соединяющія размножившееся потомство съ его предками и между собою, оставались въ воспоминаніи

Digitized by Google

ясно и живо навсегда. Дѣдовъ съ внуками связываетъ еще довольно крѣпкая естественная сопринадлежность, но за предѣлами третьяго поколѣнія и, соотвѣтственно тому, въ расходящихся все далѣе боковыхъ степеняхъ родства, чувства единокровности сводятся уже на одинъ общій интересъ, какой питаетъ всякой человѣкъ къ человѣку, или всякой землякъ къ земляку. Но это отнюдь не уничтожаетъ того чарующаго дѣйствія, какое всегда будетъ производить на душу возможное для насъ воспоминаніе о цѣломъ рядѣ поколѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ теченіе вѣковъ и которыхъ послѣднимъ звеномъ мы чувствуемъ себя сами; но такъ какъ это преданіе возможно только подъ условіемъ окрѣпшаго уже чувства гражданственности, то и значеніе его лежитъ или въ сознаніи какой-нибудь унаслѣдованной исторической задачи, которую предстоитъ вести далѣе, или въ глубокой думѣ о преемственной связи человѣческихъ судебъ, которую можно ясно прослѣдить здѣсь по единичной и притомъ неразрывной цѣпи событій, тогда какъ всеобщая исторія, изъ за созерцанія судебъ всего человѣческаго рода, обыкновенно теряетъ отдѣльныя нити изъ виду. Только немногимъ доступенъ такой близкій пересмотръ прошлаго и немногимъ дается счастье проводить жизнь въ древнемъ родовомъ владѣніи, среди памятниковъ отдаленныхъ предковъ; для большинства людей недавнее домохозяйство родителей заступаетъ мѣсто наслѣдственнаго крова. Но и къ этому родительскому дому воображеніе охотно возвращается по временамъ изъ передрягъ треволненной жизни, а по разсѣяньи семьи въ разныя стороны, когда все труднѣе становится оглянуть жизненныя распутія отдѣльныхъ ея членовъ, и чувство взаимной связи между ними начинаетъ уже видимо слабѣть, тогда самое стремленье наше воротиться къ глубокому чувству счастія прежняго семейнаго союза ясно свидѣтельствуетъ, какую цѣну еще и въ нынѣшнемъ быту

Digitized by Google

имѣетъ прочная осѣдлость цѣлаго сосредоточеннаго семейства. Разсѣяніе это, въ свою очередь, смягчается однако болѣе и болѣе выступающимъ значеніемъ общества, которое, чѣмъ совершеннѣе и богаче оно въ своемъ расчлененіи, тѣмъ болѣе порождаетъ между отдѣльными лицами другихъ нравственныхъ отношеній, не уступающихъ въ достоинствѣ связямъ родства, а иногда начинающихъ и первенствовать надъ ними. Но едвали нужно доказывать, что нравственная сила этихъ общественныхъ отношеній сама коренится въ почвѣ той же семейности, и что каждый жизненный путь, какъ бы ни былъ онъ повидимому своеобычевъ, все-таки тяготѣетъ въ тиши къ этому же средоточію и имѣетъ человѣческую цѣнность свою только въ томъ, что возникъ первоначально изъ семейной жизни и ею же завершается, или что поработаетъ по крайней мѣрѣ для того или другаго общественнаго союза, основаннаго во всякомъ случаѣ на ней.

Еслибъ естественный ходъ вещей не породилъ отъ одной пары день ото дня разростающагося общества, или не ставилъ теперь каждаго, мимо его воли, прямо въ ту или другую общественную среду, то для полнаго развитія человѣчности и для удовлетворенія всѣхъ потребностей души, той первой, одинокой четѣ пришлось бы всего болѣе желать себѣ такой именно одушевленной обстановки. Безспорно, что и въ малѣйшей хижинѣ найдется мѣсто для двухъ любящихся сердецъ; но мы можемъ быть увѣрены, что безъ воспоминаній объ обществѣ, котораго образовательное вліяніе испытали они на себѣ до своего уединенья, и безъ чаемаго возврата въ этотъ же наконецъ живой кругъ, счастіе любви ихъ ни чѣмъ въ сущности не будетъ превышать счастія лѣсныхъ Индѣйцевъ, которыхъ грустныя четы бродятъ безмолвно и одиноко, ища удовлетворенія ежедневнымъ своимъ потребностямъ. Драма жизни выходитъ слишкомъ безсодержательна, разыгрываясь исклю-

Digitized by Google

чительно вдвоемъ; дѣйствующія лица нуждаются по крайней мѣрѣ въ хорѣ, который постоянно напоминалъ бы имъ о безконечномъ обилін человѣческихъ интересовъ, изъ которыхъ взаимныя отношенія любовниковъ доводятъ до ихъ сознанія все-таки самомалѣйшую только часть. Человѣкъ не довольствуется одинокимъ сожительствомъ съ другимъ себѣ подобнымъ; онъ хочетъ наблюдать его въ отношеніи къ третьему лицу; онъ хочетъ, наконецъ, чтобы его собственное воздѣйствіе видѣлось и признавалось со стороны такой же одушевленной обстановки: а наслаждаться въ полной безвѣстности почти все равно, что не существовать. Потребность эта проникаетъ всѣ переходы нашей жизни: даже и стыдливѣйшей любви захочется наконецъ, чтобъ увидѣли ея счастье; другу хочется гордиться своимъ другомъ передъ сторонними; не столько радуетъ насъ похвала со стороны другаго, сколько сознаніе, что мы явимся въ ея блескѣ передъ третьимъ; всякое художественное стремленье нуждается въ признаніи, и даже самоотверженнѣйшая ученая дѣятельность которая, чуждаясь современной славы, погружается сама въ себя, и та разсчитываетъ въ тишинѣ на незримое для нея потомство и на оцѣнку съ его стороны; не даромъ, наконецъ, во всѣ времена любимымъ предметомъ разговора постоянно былъ ближній: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что ни совершалось бы себѣ впрочемъ на небѣ и на землѣ, всему этому далеко до непосредственнаго интереса, возбуждаемаго человѣческими поступками, въ наблюденіи, изслѣдованіи, порицаніи и одобреніи которыхъ всего лучше можемъ мы сознавать свои собственныя преимущества, недостатки, стремленія и цѣли.

Пока въ значительномъ обществѣ людей образъ жизни поддерживаетъ совершенную однородность цѣлей и занятій всѣхъ и каждаго, до тѣхъ поръ взаимное участіе ихъ другъ къ другу не можетъ еще проявить всей своей образовательности. Только

Digitized by Google

постоянная осѣдлость и основанное на земледѣліи многоразличіе работъ ведетъ къ возростающему разнообразію дѣловыхъ призваній, которыхъ особенный духъ, не подавляя конечно общечеловѣческихъ качествъ, овладѣваетъ однакожь человѣкомъ въ полномъ смыслѣ и проникаетъ его такъ-сказать насквозь. Въ этомъ заключается двойная выгода. Каждый предпочтительно избираемый житейскій трудъ обусловливаетъ вопервыхъ не только основательнѣйшее знаніе предметовъ, которымъ онъ посвящается, и пріучаетъ къ болѣе строгой формальной послѣдовательности въ технической ихъ обработкѣ, но и открываетъ притомъ простой наглядкѣ связный въ себѣ кругозоръ, въ предѣлахъ котораго всеобщія истины выступаютъ тѣмъ убѣдительнѣй, чѣмъ явнѣе и очевиднѣе обнаруживаются онѣ на самыхъ спеціальныхъ примѣрахъ, такъ что кажутся навычному занятію просто чѣмъ то самороднымъ и вполнѣ естественнымъ (о чемъ нечего и разсуждать). Чтобъ оцѣнить это вполнѣ, надо только подумать о сокровищѣ пословицъ и поговорокъ, въ которыхъ каждый народъ обыкновенно собираетъ выводы своей житейской мудрости: выразительнѣйшія изъ нихъ скоро обличатъ намъ, что всеобщая ихъ истина почерпнута въ опредѣленной дѣловой сферѣ изъ спеціальныхъ примѣровъ, встрѣчающихся только въ ней одной. Съ другой стороны, всякое занятіе даетъ своеобразный оттѣнокъ или темпераментъ характеру, особое направленіе фантазіи, отмѣнныя точки зрѣнья и пріемы сужденія міросозерцанью, наконецъ особый гармоническій типъ страстямъ и всему личному обиходу человѣка: вотъ этимъ-то именно одинъ человѣкъ и становится предметомъ живѣйшаго интереса для другаго. Углубляясь въ изученіе этого, столько намъ чуждаго и непохожаго на насъ, явленія, мы замѣчаемъ, что рядомъ съ безчисленными особенностями, возбуждающими наше участье, тѣмъ явнѣе выступаетъ передъ нами общечеловѣческій характеръ, и нрав-

Digitized by Google

ственный кругозоръ непремѣнно расширится, когда мы увидимъ, что не въ правѣ считать свой личный способъ существованія за единственно мыслимый и исключительно похвальный. Но такъ какъ уже и начало Одиссеи выставляетъ на видъ то, что подтверждается нашей современной страстью къ путешествіямъ, — именно, какъ важно «многихъ людей города посѣтить и обычаи видѣть», то эта сторона образовательнаго вліянія общества не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Напротивъ, намъ скорѣе должно упомянуть о тѣхъ опасностяхъ, какія навлекаетъ разростающееся многоразличіе образовъ жизни и взаимное ознакомленіе ихъ между собою.

Дочего съуживается ходъ всѣхъ помысловъ, какъ терпитъ воспріимчивость даже къ существеннымъ человѣческимъ интересамъ отъ однообразія ограниченной сферы понятій, объ этомъ нечего много говорить; но и совмѣстное существованіе разнородныхъ образовъ жизни рядомъ имѣетъ вмѣстѣ съ выгодами и многія невыгоды. Чѣмъ однороднѣе понятія значительнаго общества, тѣмъ легче слагается въ видѣ нормы для всѣхъ ихъ отношеній прочный, преобладающій обычай, который, пока остается онъ въ силѣ, правда, дозволяетъ отдѣльному лицу жить только почти въ видѣ особаго примѣра одного и того же національно-типическаго образованія, но за то и ограждаетъ его отъ золъ сомнѣнія и нравственной распущенности или отсутствія нравственной сдержки. Напротивъ, тамъ, гдѣ образованіемъ порождено уже многоразличнѣйшее расчлененіе труда и формъ жизни, особенно же тамъ, гдѣ вслѣдствіе историческихъ столкновеній перемѣшались между собой цѣлыя быторазвитія разныхъ народовъ, — взору д. ха представляется сбивчивая пестрота всѣхъ возможныхъ разновидностей существованія, которая, правда, энергически выводитъ умъ изъ тѣснаго круга закоснѣлыхъ предубѣжденій, но за то потрясаетъ прочность и надежность всякихъ нравственныхъ сдержекъ и границъ. Ве-

Digitized by Google

ликія смѣшенія народовъ, многократно наступавшія въ теченіе исторіи, составляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ самыя интересныя эпохи человѣческаго развитія. На развалинахъ внутренно крѣпкой и гармонической культуры мечется въ живыхъ поискахъ и безъ всякой узды полная чаяній фантазія человѣчества, склонная, при недостаткѣ внутренняго равновѣсія, ко всякимъ блестящимъ затѣямъ и страннымъ выходкамъ, можно-сказать одичалая и однакожь все еще разнообразно возбуждаемая вліяніями прошлой своей жизни; но если она порождаетъ болѣе яркія, теплыя и разнообразныя произведенія нежели, говоря вообще, цвѣтущій періодъ всякой уравновѣсившейся культуры, которая преслѣдуетъ исключительно одинъ какой нибудь идеалъ, то, съ другой стороны, эти времена впадаютъ обыкновенно въ какую-то смѣсь полудикаго варварства и разныхъ перечащихъ природѣ нравственныхъ преувеличеній и излишковъ. Эти нравственно разлагающія силы можно наблюдать еще и теперь во всѣхъ тѣхъ человѣческихъ средоточіяхъ, гдѣ соприкасаются между собой рѣзкія противоположности разнокалибернаго быта. Давно уже очень вѣрно замѣчено, какъ сбивчиво на слабые характеры Востока долженъ дѣйствовать видъ различныхъ племенъ, которыя то бѣлыя, то темнокожія, то гордыя свободой, то пресмыкаясь въ жалчайшемъ рабствѣ, молятся здѣсь однимъ богамъ, тамъ другимъ, здѣсь соблюдаютъ брачную вѣрность, тамъ наслаждаются утѣхами многоженства; и все это преспокойно сходитъ съ рукъ, всѣ чувствуютъ себя по своему благополучно, и ни гдѣ не упадаетъ съ неба громъ, чтобы порѣшить наконецъ всегдашній споръ въ этомъ неисходномъ хаосѣ противоположныхъ мнѣній.

Чтобы отъ порядка національно-обычной жизни перейдти къ болѣе сознательной человѣчности, образованіе должно преодолѣть всѣ опасные соблазны этого скептицизма, а исторія

Digitized by Google

между-тѣмъ постоянно возобновляетъ свои старанія усилить взаимнодѣйствія между разными племенами. Значительныя переселенія отдѣльныхъ лицъ и народовъ рѣже вызываются недостаткомъ самыхъ простыхъ и естественныхъ средствъ въ жизни, скорѣе, напротивъ, непосѣднымъ искательствомъ приключеній, всего же чаще стремленіемъ къ такимъ предметамъ, которые не имѣютъ для человѣческой природы почти никакой непосредственной цѣны, но отчасти манятъ чувства и любопытство красотою вида и рѣдкостью, отчасти получаютъ значеніе необходимыхъ приправъ жизни только благодаря навыку, съ дальнѣйшимъ развитіемъ образованья. Уже поэты и моралисты древности говорили о ненасытной жаждѣ человѣка, которая, возбуждаясь тысячью искусственныхъ потребностей, одолѣваетъ всѣ естественныя преграды и вноситъ тревогу и опасность дальнометкихъ предпріятій въ ту самую жизнь, которая безъ этого могла бы себѣ идти такъ просто и такъ мирно. А сколько вѣдь могли бы мы теперь прибавить къ этимъ жалобамъ! Нѣтъ царства природы, которое предлагаемыми имъ произведеніями не воспламеняло бы человѣческаго рода къ нескончаемымъ трудамъ. Золотомъ и драгоцѣнными камнями, желѣзомъ, сѣрой и углемъ манило его царство ископаемыхъ и привело къ открытію новыхъ частей Свѣта и къ такому развитію промышленности, которое посредственнымъ образомъ возбудило бездну другихъ человѣческихъ дѣятельностей и доставило имъ обширный кругъ дѣйствій. Своими питательными плодами царство растеній оживляло торговлю уже съ самыхъ раннихъ поръ, но сахаромъ, кофеемъ, чаемъ и разнаго рода пряностями, безъ которыхъ очень можно было обойдтись, пока ихъ не знали, оно въ несравненно большей степени вызвало корыстную предпріимчивость. Наконецъ, царство животныхъ, выставивъ приманкою кита и дорогіе мѣха сѣверныхъ четвероногихъ, завлекло отвагу и пытливость человѣка даже въ

Digitized by Google

негостепріимный край полярныхъ льдовъ, а пряжею невзрачнаго шелковаго червячка рано побудило образованные народы ко взаимнымъ сношеньямъ. Нашему времени до того знакома неизмѣримость вліяній, оказанныхъ всѣмъ этимъ на развитіе человѣческихъ силъ, что нѣтъ никакой нужды о ней распространяться. Жизнь, ограничивайся она удовлетвореніемъ только самыхъ естественныхъ своихъ потребностей, мало нашла бы поводовъ къ дальнѣйшему образованью; напротивъ, совсѣмъ не необходимая роскошь возбудила физическія и духовныя силы къ высшей степени напряженія, и такъ какъ постоянно возростало съ каждымъ днемъ мѣрило усилій, поддерживаемыхъ успѣхомъ и надеждою, то на службѣ имъ созрѣли и наука, человѣческая фантазія нашла себѣ среди новыхъ, совсѣмъ особенныхъ условій тьму образовательныхъ задачъ, а нравственное мужество — несмѣтное число случаевъ показать себя на дѣлѣ въ полномъ блескѣ.

Доселѣ разсматривали мы быторазвитіе только относительно къ тѣмъ благамъ жизни, которыя оно производитъ и предлагаетъ отдѣльному лицу; но чѣмъ выше подымается его уровень, тѣмъ болѣе нуждается оно и во внѣшнихъ твердо-установленныхъ нормахъ для соотношеній между отдѣльными лицами, а также и въ опредѣленномъ порядкѣ управленія, который обезпечивалъ бы удовлетвореніе потребностей всѣхъ этихъ лицъ наличнымъ или только еще достижимымъ количествомъ жизненныхъ способовъ. Общество съ его естественно-возникшими нравами и обычаемъ превращается тогда въ государство, которое должно искусственнымъ уже путемъ и съ сознательнымъ разсчетомъ живущія въ духѣ общества нравственныя идеи проводить во всѣ подробности наличнаго его положенія, какъ направляющія или уряжающія ихъ начала, и вырабатывая въ цѣлую систему правъ и обязанностей тотъ духовный организмъ, къ которому каждая отдѣльная душа пріурочивается

Digitized by Google

въ качествѣ его члена, представлять и отстаивать передъ ней систему эту, какъ полную, объективную дѣйствительность. Здѣсь не мѣсто предначертывать идеалъ политическаго порядка: къ этой задачѣ воротимся мы уже подъ-конецъ своихъ изслѣдованій; коснемся вкратцѣ только необходимости преслѣдовать такой идеалъ въ болѣе или менѣе удачныхъ опытахъ, коснемся также и тѣхъ неизбѣжныхъ положеній, въ какія становится къ нему отдѣльное лицо силою хода вещей и міровыхъ событій. Всегда будетъ обнаруживаться при этомъ двоякаго рода столкновенье: одно — между личнымъ произволомъ вообще и связывающимъ его объективнымъ порядкомъ, другое — между потребностями отдѣльнаго лица и механизмомъ политическаго строя жизни, который не всѣ ихъ удовлетворяетъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ есть государства на свѣтѣ, существуетъ и тотъ гнетъ, какимъ ихъ учрежденія ложатся на отдѣльныхъ участниковъ государственнаго союза: онъ достоинъ порицанія вездѣ, гдѣ заслугѣ и стремленію къ дѣятельности законы не даютъ свободы раскрыться и снискать себѣ соотвѣтственное положеніе; онъ вполнѣ извинителенъ тамъ, гдѣ, давая просторъ для всѣхъ возможныхъ путей жизни, онъ не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ удалить и всѣхъ препятствій, противопоставляемыхъ вступленію на эти пути или со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, или со стороны человѣческой природы, ея немощи и дурныхъ наклонностей. Впослѣдствіи мы найдемъ двоякій поводъ воротиться къ этимъ частію обходимымъ, частію неизбѣжнымъ недостаткамъ человѣческихъ учрежденій; мы упоминаемъ объ нихъ теперь только ради того сомнѣнія, какое возбуждается ими насчетъ благотворности культуры вообще и ради высказываемыхъ иногда желаній воротиться къ простотѣ естественнаго быта. Что возрастающая утонченность жизни распредѣляется не между всѣми одинако-

Digitized by Google

во и что неограниченное наслажденіе физическими и духовными благами образованія достается только очень немногимъ, что, напротивъ, во всѣ времена значительная часть человѣчества стоитъ гораздо ниже уровня достижимаго тогда образованья и далека отъ доставляемаго имъ наслажденія, противъ этого едвали можно будетъ спорить. Тѣмъ безумнѣе мечта, будто тѣмъ самымъ, что образованность поднимаетъ счастливыхъ избранниковъ, она неизбѣжно должна пригнетать всѣхъ остальныхъ ниже той мѣры житейскаго наслажденія, какая была бы для нихъ возможна, еслибъ только устранить всѣ узы порядка многосложной общественности. Раздраженная душа страждущаго позабываетъ тутъ бездну благодѣяній, оказываемыхъ этимъ порядкомъ и ему, — позабываетъ тѣмъ скорѣе, что такъ какъ они не принимаютъ осязательнаго облика чьего-либо частнаго достоянья, то ихъ такъ же легко просмотрѣть, какъ напримѣръ, присутствіе воздуха, спокойно объемлющаго насъ со всѣхъ сторонъ и возможивающаго намъ дыханіе: она позабываетъ обезпеченіе его личности, правозащиту, доставляемую всѣмъ его законнымъ притязаньямъ, открытые ему способы образованія, возможность пользоваться множествомъ правильныхъ и заранѣе уготовленныхъ путей для попытокъ выгодно употребить свои силы себѣ же на пользу, да наконецъ и самое существованіе этихъ путей (немыслимыхъ внѣ общественнаго порядка). Она позабываетъ, что все это, равно какъ и познаніе бо́льшей части недоступныхъ ему благъ, возможны только благодаря поносимой имъ цивилизаціи, и что, съ другой стороны, простой естественный бытъ, къ которому онъ иногда такъ пламенно стремится, въ бо́льшей части климатовъ не доставилъ бы совсѣмъ, а въ весьма немногихъ могъ бы постоянно доставлять разможившемуся населенію только приблизительно то удовлетвореніе потребностей, какимъ пользуется онъ по милости образованья. Горькая доля нищеты и

Digitized by Google

всѣхъ ея послѣдствій, которыя мы часто видимъ въ такой печальной противоположности обокъ съ ослѣпительнымъ блескомъ богатства, должна, конечно, побудить къ настойчивымъ усиліямъ улучшать общественныя учрежденья, но она ни чуть не опровергнетъ той истины, что, гдѣ не помѣшаетъ человѣку собственная его вина, тамъ каждый, кто принадлежитъ къ цивилизованному обществу, хоть даже только въ самомъ низкомъ и невыгодномъ положеньи, не только соучаствуетъ въ безмѣрно-обильнѣйшемъ запасѣ духовной жизни, но и имѣетъ возможность достичь такого матеріальнаго благосостоянія, какого никогда бы не доставила ему одиночная его сила.

Только однимъ словомъ коснемся мы еще и другаго столкновенія, о которомъ упомянули вначалѣ. Гнетъ производимый общимъ порядкомъ на отдѣльное лицо, предѣлы, поставляемые имъ его страстямъ, фантазіямъ и затѣямъ, возбуждаютъ въ немъ естественное противостремленіе, — или выйдти изъ пригнетеннаго положенья, или же, когда это невозможно, устранить, а не то преобразовать самый тотъ порядокъ. Общество чувствуетъ себя въ правѣ испытать послѣднее, когда само оно, въ цѣломъ своемъ составѣ, страждетъ отъ установленій, сдѣлавшихся для него непригодными. И въ самомъ дѣлѣ, пустымъ идолопоклонствомъ передъ формами была бы неразумная затѣя поддерживать существующій порядокъ совсѣмъ наперекоръ тѣмъ общимъ потребностямъ, для систематическаго удовлетворенія которыхъ онъ собственно и учрежденъ. Тѣмъ не менѣе этотъ данный порядокъ противостоитъ не только что отдѣльному лицу, но въ чисто-человѣческомъ своемъ смыслѣ учрежденіе его не такъ совершенно зависимо даже и отъ общаго произвола, чтобы могло быть только излюбленнымъ произведеніемъ взаимнаго соглашенія между собою всѣхъ. Уставъ частнаго вольнообразовавшагося общества конечно слыветъ обязательнымъ у добросовѣстныхъ общни-

Digitized by Google

ковъ, но никто не считаетъ его священнымъ; самое даже признаніе его обязательности, строгое соблюденіе его на вѣру и совѣсть, кажется мнѣ возможнымъ только въ средѣ образованнаго общественнаго союза, навыкшаго уже и прежде свято блюсти обязательный порядокъ вещей, независимый отъ его произвола. Великій политическій союзъ вездѣ является преимущественно дѣломъ самой природы, или не одной только природы, но и независимаго отъ отдѣльныхъ лицъ нравственнаго міропорядка, котораго заповѣди людской родъ мало по малу припоминаетъ и уясняетъ себѣ въ своемъ общежитіи. Этотъ союзъ коренится, съ одной стороны, въ сердечной признательности къ тому, что̀ начали развивать предки по части человѣческаго труда и всякой вообще человѣчности, съ другой — въ заботливой любви къ потомству, которому обязаны мы сберечь полученное наслѣдіе и передать пріумноженнымъ. Человѣчество, которое вздумало бы совсѣмъ забыть прошлое и будущее и устроить формы жизни исключительно лишь въ угоду настоящему, отличалось бы отъ чистаго скотства одною только лучшею приноровкой своихъ средствъ. Поэтому, хотя правда, что механизмъ гражданственнаго порядка существуетъ только для общества, а не общество наоборотъ для него, однако все же не льзя приравнивать и общество къ совокупности всѣхъ одновременно существующихъ въ немъ отдѣльныхъ членовъ. Еслибъ и наступилъ неимовѣрный случай безъизъятнаго согласія всѣхъ ихъ сплошь, они все-таки не составили бы собою той всецѣлой общины, которая съ нравственной точки зрѣнія имѣла бы право рѣшать съ самодержавнымъ произволомъ участь всѣхъ формъ своего собственнаго существованія *);

*) Напомнимъ здѣсь еще разъ всю громадную важность категоріи цѣлаго. Съ каждымъ шагомъ впередъ болѣе и болѣе выяснятся намъ причины, почему ее такъ усильно желаютъ обойдти извѣстныя псевдофилософскія направленія.

Digitized by Google

отжившія поколѣнія, равно какъ и тѣ, которыя покоятся еще въ лонѣ будущаго, принадлежатъ вѣдь къ этой общинѣ, какъ существенные ея члены. Человѣкъ только тогда становится истиннымъ гражданиномъ государства или образованнаго міра вообще, когда чувствуетъ себя настоящимъ, живымъ звеномъ этой непрерывной цѣпи временнаго развитія человѣчности, надѣленный безмѣрнымъ обиліемъ благъ, которыя снискало для него прошлое, и потому именно крѣпкій тѣломъ и душой этому историческому цѣлому, которое не исключаетъ, не поглощаетъ въ себѣ мыслимости его собственнаго существованья и котораго начатую работу онъ призванъ продолжать своей дѣятельностью и своимъ болѣе и болѣе зрѣющимъ умомъ. Доля этого чувства жива была въ человѣкѣ во всѣ времена, но внимательный взглядъ на исторію покажетъ, какъ рѣдко односторонняя цѣпкость къ старинѣ и ослѣпленная падкость къ новшествамъ сознательно соединялись на общій подвигъ этого истиннаго развитія, и какъ, напротивъ, часто предоставлялось безсознательно нудящей необходимости историческихъ обстоятельствъ постепенно порождать тотъ прогрессъ, который то задерживался (старовѣрами), то портился и искажался (новщиками).

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внутренняя жизнь.

Сомнѣнія насчетъ цѣлей и назначенія жизни – Человѣкъ, какъ преходящее произведеніе природы. — Непосредственныя мнѣнія и думы на этотъ счетъ. — Связь съ сверхчувственнымъ міромъ. — Суевѣріе — Религіозность. — Непостоянство и безсвязность человѣческихъ стремленій.

Чѣмъ многообразнѣе развѣтвляется внѣшній порядокъ жизни, тѣмъ настойчивѣе выступаетъ вопросъ о зернѣ этой скорлупы и о той чистой прибыли, которая должна выручиться за всѣми издержками жизненной работы. Вопросъ этотъ ставится не только тѣмъ, кого неблагопріятный жребій, среди многосложныхъ условій образованнаго быта, вынуждаетъ къ долгой борьбѣ за существованіе и къ цѣлому ряду томительныхъ усилій, гдѣ каждый достигнутый успѣхъ, вызываетъ тотчасъ же необходимость новой работы и едва только въ неоглядной дали манитъ видами на обезпеченное наконецъ положеніе. Столь же часто занимаетъ онъ и того, кому наслажденье всѣми благами жизни достается безъ всякой заботы объ ихъ достиженіи; и ему зачастую кажется, что цѣли бытія существуютъ для насъ только до тѣхъ поръ, пока мы ихъ произвольно себѣ ставимъ; повидимому, одинъ только страстный

Digitized by Google

порывъ къ недостигнутому способенъ оживлять намъ душу, а каждое достигнутое благо тотчасъ испаряется, и пустота оставшагося за тѣмъ разочарованья только напрасно ищетъ новой цѣли, которой прелесть переживала бы моментъ ея достиженія. Есть, конечно, благопріятнѣйшіе жребіи, въ которыхъ тяжкіе рабочіе дни и веселые праздники, трудъ и вознаграждающая отрада перемѣшаны вольготнѣе; но довольство и такихъ свѣтлыхъ жизненныхъ путей пугаетъ насъ иногда сомнѣніемъ, возбуждаемымъ какъ со стороны бѣдъ, которыми грозитъ безжалостный ходъ природы, такъ и со стороны историческихъ превратностей. Отрада, какую могли бы доставить глубокое соображеніе человѣческихъ судебъ и слѣды божественнаго водительства въ исторіи, лежатъ вѣдь далеко за кругозоромъ большинства; его же близорукому взгляду предстаетъ почти лишь тотъ тѣсный кругъ вещей и событій, въ которомъ оскорбляющіе элементы наверстываются примирительными только для души, и безъ того уже достигшей внутренняго мира и спокойствія. Не всякому честному стремленью есть возможность добиться удовлетворительнаго житейскаго положенія, и если даже допустить, что въ самомъ дѣлѣ ни одна бѣда не приходитъ безъ вины того, кто ей подвергается, то все-таки этимъ мало смягчится горечь, съ какою невольно смотримъ мы на гораздо бо̀льшіе грѣхи, награждаемые благопріятными обстоятельствами ужь вовсе не по заслугамъ. Наконецъ, какая бездна надеждъ прерывается болѣзнью или смертію; какъ много душъ является на свѣтъ только для того, чтобы почти тутъ же его и покинуть, — покинуть, не достигнувъ ни какой цѣли, не развивъ ни малѣйшаго плода въ теченіе короткаго своего существованья! А пересмотръ человѣческихъ судебъ, на сколько онѣ входятъ въ живое наше воспоминаніе, что̀ представляетъ онъ намъ, кромѣ постояннаго возврата все тѣхъ же усилій и страдъ, тѣхъ же недоразумѣній

Digitized by Google

и глупостей, разнящихся только по внѣшней обстановкѣ и освѣщаемыхъ все тѣми же одиночными проблесками скоро-гаснущаго наслажденья? Какъ длинна вереница часовъ и дней, которыхъ и не видишь средь трудовъ и напряженій, предпринятыхъ въ надеждѣ на успѣхъ, болѣе цѣнный нежели они сами; и какъ малочисленны тѣ мгновенія, въ которыя намъ сдается, что мы въ самомъ дѣлѣ жили, а не готовились только пожить! Такихъ помысловъ не миновала, вѣрно, ни одна душа, сколь ни мимолетно, къ великому счастію человѣчества, всплывали бы они у бо́льшей части, вскорѣ уступая тому легкомыслію, а иногда и самоотверженью, съ какими сердце наше тотчасъ поддается опять малѣйшей приманкѣ жизни и удовлетворяется ею на одинъ мигъ. Давно ужь сказано: мы не знаемъ, откуда мы, не вѣдаемъ, куда идемъ, — право, удивительно, чему мы такъ рады.

Бѣглый обзоръ человѣческаго существованья, которымъ хотѣлось намъ до сихъ поръ только подготовить къ изученію историческаго его развитія, не могъ, разумѣется, имѣть въ виду отвѣтовъ на эти многосодержательные вопросы. Но то уже, что они вообще ставились и что человѣчество, то съ сомнѣніемъ, то съ надеждою, то съ восторженной мечтательностью, то съ вѣрою, ищетъ цѣлей своего бытія, что оно ощущаетъ себя въ постоянной связи съ сверхчувственнымъ міромъ и даже преднамѣренною борьбой съ этимъ ощущеніемъ только еще болѣе доказываетъ упорную его живучесть, — вся эта совокупность помысловъ и душевныхъ движеній должна, точно такъ же какъ и внѣшній порядокъ общества, даже еще болѣе послѣдняго, войдти въ число тѣхъ рѣшительныхъ фактовъ, благодаря которымъ человѣчность возвышается надъ всякимъ животнымъ развитіемъ. Къ постояннымъ формамъ общежитія ведетъ вѣдь и нѣкоторыя скотскія породы взаимнодѣйствіе ихъ психическаго механизма съ физическою организаціей; но

Digitized by Google

въ то время какъ въ этихъ звѣриныхъ государствахъ предуставленный порядокъ, ни чего не оставляющій нерѣшеннымъ, смыкаетъ дѣеспособности всѣхъ отдѣльныхъ членовъ въ одно всегда единообразное цѣлое, только въ человѣчествѣ, ставящемъ вопросъ о своемъ собственномъ существѣ и его предназначеніи, впервые возникаетъ проблескъ истинно-внутренней жизни, къ выработкѣ и обогащенію которой предопредѣленъ, повидимому, весь наличный запасъ внѣшней дѣятельности. Тѣ взгляды на жизнь, которые порождаетъ въ человѣческомъ духѣ во всѣ времена попытка отвѣчать на подобные вопросы, будутъ послѣднимъ предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

Едвали какому теоретическому убѣжденію сравнительная провѣрка его опытомъ давалась такъ трудно и тяжело, какъ именно тѣмъ мнѣніямъ, какія мы составляемъ себѣ о своей человѣческой природѣ и ея назначеніи. Въ затишьѣ умозрительнаго созерцанія по большей части выступаетъ передъ нами одна добрая, благородная, знаменательная сторона человѣческаго существа, какъ будто бы другой вовсе и не бывало, и, съ отпаденіемъ всѣхъ накипей, образъ человѣка незамѣтно просвѣтляется въ идеальный обликъ, не только гармонически понимающій свое мѣсто въ составѣ общаго міропорядка, но и заслуживающій въ немъ такой высокой череды, что важность его назначенья и его положенія среди видимаго міра едвали могутъ найдти себѣ достойное выраженіе. Жестокое столкновеніе ожидаетъ насъ въ томъ случаѣ, когда храня это благоговѣйное чувство къ понятію человѣчности въ глубинѣ своей души, мы вдругъ повстрѣчаемся на пути жизни съ отдѣльными его носителями. Конечно, общія физическія и духовныя средства, данныя человѣку для выполненія высокаго его назначенія, найдемъ мы у каждаго, вездѣ, но найдемъ ихъ такъ мало употребленными на службу этому назначенію, что человѣколюбіе вообще и презрѣніе къ человѣку въ част-

Digitized by Google

ности представятся намъ слишкомъ уживчивыми между собою чувствами. Положимъ, послѣднее можно еще посмягчить справедливѣйшею внимательностью къ тѣмъ лучшимъ сѣмянамъ, которыя все таки найдутся даже и въ испорченной человѣческой природѣ; но, говоря вообще, впечатлѣнію подобныхъ опытовъ надлежало бы воздерживать насъ отъ того преувеличенія человѣческой цѣнности, которое такъ сроднилось съ ходомъ нашихъ антропологическихъ соображеній и которое понастоящему такъ плохо отвѣчаетъ тому болѣе скромному суду, какимъ людской родъ обыкновенно мѣритъ самъ себя въ своемъ живомъ и безпредубѣжденномъ самочувствіи. Подобно тому, какъ въ земной природѣ всегда хотѣли видѣть единственный міръ явленій, въ который будто бы излилось все обиліе верховнаго творчества: такъ и философія обыкновенно смотрѣла на человѣка, какъ на самую вершину этого міра и полагала, что между нимъ и Богомъ нѣтъ ни какого иного посредства, кромѣ бездны, которой совершенная пустота едвали много затруднитъ попытку перескочить ее такъ или иначе. Кто хочетъ довѣрять непосредственному только опыту, который не даетъ намъ сверхчувственнаго ни чего, а въ чувственномъ мірѣ представляетъ человѣка, какъ высшее, тотъ посвоему пожалуй и въ полномъ правѣ. Но кто разъ дозволитъ своему чаянію перешагнуть за предѣлы чувственнаго, тотъ уже не правъ, когда не хочетъ съ тѣмъ вмѣстѣ признать возможной безконечности сверхчувственнаго царства, и высшее въ извѣстномъ ему чувственномъ мірѣ пытается выставить ближайшимъ звеномъ къ ключу цѣлаго міроздапія. Мы вовсе не беремъ на себя задачу наполнить безпредѣльную эту даль болѣе или менѣе смѣлыми и ненадежными мечтами; но не можемъ не высказать напрямикъ, что ставимъ ни во что такую теорію, которая, въ тщетномъ упованіи овладѣть посредствомъ какой бы то ни было діалектики уравненіемъ нормальной кривой,

Digitized by Google

опредѣляющей будто бы цѣлое мірозвитіе, думаетъ доказательно выяснить человѣческій духъ, какъ послѣднее и высшее окончаніе безконечнаго, а человѣческое существованіе и человѣческую жизнь — какъ крайнее звено великой цѣпи его саморазвитій *). Оставимъ этотъ дерзостный замыселъ, изъ достовѣрнаго будто бы познанія того іерархическаго порядка, который даетъ намъ столь высокую чреду въ совокупности мірозданія, истолковать себѣ всѣ тайны нашего существа, нашихъ надеждъ и нашего предназначенья, и начнемъ лучше съ откровенной исповѣди, что родъ нашъ немощенъ и слабъ, что почасту, безсовѣстно и безпомощно, волнуется онъ бездною тревожныхъ сомнѣній и всего непосредственнѣе ощущаетъ неувѣренность насчетъ своего происхожденія, своихъ судебъ и своихъ цѣлей.

То же величавое и торжественное освѣщеніе, въ какомъ представляется обыкновенно умозрѣнію понятіе человѣчества, разлито еще болѣе лучезарнымъ и живымъ блескомъ надъ мирными обликами первобытныхъ человѣковъ, какъ изображаетъ ихъ преданіе въ началѣ исторіи, среди рая, или блуждающими въ патріархальной простотѣ по этой землѣ, еще молодой и свѣжей. Какъ скоро измѣняется, однако, блескъ и этого образа, когда мы взглянемъ на размножившійся между тѣмъ до безчисленности родъ людской! Какъ трудно нашей фантазіи, среди смутнаго шума самыхъ прозаическихъ встрѣчъ и сдѣлокъ, сохранить то же впечатлѣніе, какое естественно вызывалось въ насъ небольшой семейной общиной первобытнаго міра и поэтическою величавостью простыхъ ея отношеній!

---

*) Для читателей, не близко знакомыхъ съ исторіей философіи, быть можетъ не излишне будетъ сказать, что это болѣе чѣмъ прозрачный намекъ на блестящій діалектическій методъ Гегеля, думавшій всецѣло охватить міровую жизнь такъ-называемымъ саморазвитіемъ одного отвлеченнаго понятія.

Digitized by Google

Мы выскажемъ, конечно, всѣмъ знакомое чувство, напомнивъ о томъ принижающемъ и смущающемъ душу дѣйствіи, какое производитъ на насъ видъ безчисленнаго множества людей, въ толкотнѣ которыхъ личность наша какъ будто совсѣмъ затеряна. Можетъ-быть, совсѣмъ не вполнѣ одинокій человѣкъ ощущаетъ себя всего ближе къ Богу, подъ надежною охраной непосредственнаго къ Нему отношенія; скорѣе счастіе это доступно тому, кто, заключась въ нравственной средѣ семейства, чувствуетъ въ своей собственной груди знаменательный обмѣнъ тѣхъ взаимнодѣйствій, который доставляетъ она каждой живой душѣ при встрѣчѣ съ другой, и не смущается при этомъ даже помысломъ о тысячекратномъ повтореніи того же самаго во всѣхъ уголкахъ земнаго шара, — помысломъ, отъ котораго и эта созвучная гармонія бытія предстаетъ намъ только однимъ изъ самыхъ будничныхъ, обиходныхъ процессовъ въ общемъ ходѣ міра. Такъ какъ сердце наше не довольно емко для того, чтобы обнять все сущее съ одинаково пылкою любовью, то намъ какъ-то неловко и даже совѣстно дѣлить съ несмѣтнымъ числомъ другихъ отношеніе свое къ Безконечному, и сила этого отношенія, даже увѣренность въ его истинѣ, словно убываютъ по мѣрѣ того, какъ распространяются безъ всякихъ границъ на возростающее число соучастниковъ *). Чѣмъ болѣе человѣкъ начинаетъ выходить изъ патріархальной замкнутости и сознавать, съ какимъ неистощимымъ плодоносіемъ Земля искони производила поколѣнія за поколѣньями, весьма различныя по наружности и внутреннимъ свойствамъ, и однако всѣ существенно на одинъ ладъ, — сходныя даже по формѣ и условіямъ жизни съ поколѣніями животныхъ, которыя, возникая и исчезая массами,

*) Вотъ психологическое основаніе домашнихъ алтарей и семейныхъ культовъ, представляемыхъ намъ глубокой древностью человѣческаго рода.

Digitized by Google

въ гораздо бо́льшемъ еще обилiи оживляютъ собою всѣ отдаленнѣйшіе уголки міра: чѣмъ болѣе все это непосредственно предстаетъ сознанію, тѣмъ робче начинаетъ человѣкъ думать о цѣнности своего собственнаго бытія, и мало по малу овладѣваетъ душою его вѣрованіе, что и онъ не что иное, какъ одно изъ преходящихъ явленій, которыя безцѣльно производитъ и потомъ губитъ вѣчная мощь, только и услаждающаяся чередованіемъ творчества съ уничтоженьемъ.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы подобный взглядъ былъ когда-либо исторически-господствующимъ въ человѣческомъ родѣ, хотя дѣйствительно его иногда можно было бы признать за преобладающее настроеніе той или другой эпохи. Скорѣе назову я его такимъ, который можно пожалуй найдти во всякое время, конечно можетъ-быть не въ качествѣ неоспоримаго вѣрованья, но въ качествѣ очень распространеннаго чувства, бросающаго тѣнь свою довольно явственно на всѣ вообще человѣческія стремленья. И притомъ въ двоякомъ видѣ встрѣчается намъ это низкое мнѣніе человѣка о самомъ себѣ. Вопервыхъ, не изощренное и не развитое еще думой, выступаетъ оно въ видѣ непосредственнаго чувства своей жалкости и пошлости у огромнаго числа тѣхъ, кто, запертый въ узкій кругозоръ силою неблагопріятныхъ обстоятельствъ и вынужденный ежедневно бороться съ разными мелочными препятствіями, въ сущности только страдательно выноситъ жизнь, какъ навязанную ему роковую долю. Коротко знакомые съ бѣдствіемъ, люди эти насмотрѣлись, какъ безпощадно ходъ природы подкашиваетъ ихъ цѣлыми массами, тогда какъ для избраннаго счастливца рѣже виданный имъ закатъ жизни у другихъ возвышается по крайней мѣрѣ торжественностью какого-то словно необычайнаго случая. Всѣ тѣневыя стороны существованія, всѣ передряги пошлаго обихода врываются въ ихъ повседневный опытъ наголо, и онѣ-то порождаютъ то без-

Digitized by Google

защитное смиреніе, съ какимъ жизнь и смерть переносятся большинствомъ человѣческаго рода во всѣ эпохи исторіи. Эти люди не то, чтобъ вели жизнь; они ее только терпятъ, не ставя себѣ цѣлей вообще, а разсчитывая врозницу только на посильное устраненіе мгновенныхъ бѣдствій и на снисканіе ближайшихъ мелкихъ благъ; такъ же точно переносятъ они и смерть, какъ такую необходимость, которой избѣгать едвали и стоитъ какихъ-либо заботъ; вѣдь, сколько ни припоминай они себѣ единичныхъ наслажденій, едвали найдти имъ хоть одно постоянное, крупное добро, за которое стоило бы постоять и поспорить. Та же сила, которая помогаетъ намъ переходить черезъ всѣ темныя дебри жизни, смягчаетъ и грустный оттѣнокъ этого настроенія: я говорю о той легкомысленной забывчивости, съ какой человѣческая душа ютитъ въ себѣ столь разнообразныя группы мыслей, даже и не знающія одна о другой, и которая оспособляетъ насъ, рядомъ съ низкимъ мнѣніемъ о цѣнности всей нашей жизни, все-таки вполнѣ отдаваться мимолетному удовольствію, хотя бы на единый только мигъ.

Что̀ является здѣсь непосредственнымъ общимъ чувствомъ существованія, то самое, утончившись размышленіемъ и возвысившись до сознательнаго вѣрованья, выступаетъ въ безконечно разнообразныхъ формахъ теоретическаго убѣжденія, за которыми слѣдить далѣе мы теперь не станемъ. Конечно, не было такой поры, когда вовсе не встрѣчалось бы мнѣній, положительно смотрѣвшихъ на человѣческую жизнь, какъ на бѣгучую волну, вздымаемую безвѣстною причиной въ вѣчномъ ея движеніи; но всѣ эти взгляды, мало цѣнившіе индивидуальную личность, какъ бренный и скоропреходящій зракъ, оказывали замѣтное вліяніе на самую жизнь только тамъ, гдѣ они находили себѣ живую основу въ только что описанномъ нами непосредственномъ настроеніи: его-то побуды и заключе-

Digitized by Google

нія приводились ими въ обдуманное сознанье. Напротивъ, тамъ, гдѣ это непосредственное чувство существованія было иное и лучшее, гдѣ душу волновали между прочимъ и великіе интересы быторазвитія и гражданственности, тамъ дѣйствительная жизнь вездѣ оказывалась сильнѣе тѣхъ пантеистическихъ и матеріалистическихъ мнѣній, которыя рефлекція или школа успѣвали развить помимо ея; и люди въ самомъ дѣлѣ жили, стремились и чувствовали совсѣмъ не такъ, какъ требовала бы послѣдовательность ихъ теоріи о самихъ себѣ и своей природѣ Я знаю, что это будутъ оспоривать, и напротивъ утверждать, будто всякое нравственное величіе и всякая чистота жизни вполнѣ совмѣстны съ убѣжденіемъ, прямо отрицающимъ существованіе сверхъестественнаго порядка вещей, нашу связь съ нимъ и продолженіе нашего бытія за предѣлами земной жизни. Допускаю фактъ этой совмѣстности, но не могу допустить, чтобы она была послѣдовательна, логична; напротивъ, непослѣдовательность нашего существа, такъ часто оберегающая нашъ характеръ отъ разврата теоретическими заблужденіями, именно и даетъ намъ фактическую возможность соединять самымъ противорѣчивымъ, на мой взглядъ, образомъ достоинство человѣчности въ дѣйствительной жизни съ такими мнѣніями, которыя должны бы были упразднить его рѣшительно. Если говорятъ, будто обязательность нравственныхъ законовъ вовсе не измѣнится отъ того, что мы будемъ смотрѣть на духовную жизнь, какъ на механическое дѣйствіе вещества и случайныхъ его сочетаній, безъ всякаго высшаго предназначенія кромѣ того, чтобъ продолжаться и гомозиться по прежнему, пока требуетъ того данная группировка матеріальныхъ составныхъ частей: то въ предположеніи такого рода очевидно нѣтъ послѣдовательной сопринадлежности обѣихъ вошедшихъ въ него мыслей, а есть только насильственно принятое нравственное рѣшеніе, наперекоръ матеріалистической

Digitized by Google

теоріи, все-таки удержать за собой и несоединимое съ нею уваженіе къ нравственной идеѣ. На мѣсто полнаго тайнъ сверхчувственнаго міра, откуда вытекаетъ для насъ обязательность нравственныхъ заповѣдей, вздумаютъ можетъ-быть поставить достоинство человѣка, самоуваженіе, которое даже и помимо всякаго отношенія его къ высшему, повелѣваетъ ему пригнетать въ себѣ низшую свою природу и надъ нею властвовать. Но я сомнѣваюсь, чтобы взглядъ, которому знакомъ одинъ механическій ходъ природы, могъ послѣдовательно сдѣлать тутъ что-нибудь кромѣ того, какъ развѣ лишь причислить такія понятія, какъ уваженіе, къ тѣмъ болѣзненнымъ исчадіямъ фантазіи, которымъ нѣтъ ни чего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности и какихъ онъ такъ много успѣлъ уже отвергнуть или упразднить. Я сомнѣваюсь потомъ, чтобы мнѣніе, будто индивидуальная личность есть только быстро исчезающій моментъ въ самодвиженіи безконечной сущности, имѣло хоть малѣйшій логическій поводъ возлагать на такое ничтожное по себѣ существо обязанность блюсти какое бы то ни было достоинство, которое принадлежало бы ему какъ этой именно преходящей особи, которое слѣдовало или можно бъ было ему заявить и отстоять своей собственной самодѣятельностью, и которое, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, или гдѣ его недостаетъ, не приходилось бы, какъ наличное или отсутствующее, скорѣе отнести къ дѣятельности безконечнаго (а не его личной). Правильный выводъ изъ всѣхъ подобныхъ взглядовъ можетъ быть только одинъ, что конечному существу слѣдуетъ идти туда, куда движетъ его природа, и что тою загадочною искрой самостоятельности, какую мы тѣмъ не менѣе въ себѣ находимъ, должно намъ воспользоваться ловко и поумнѣй для достиженія и прирощенья естественнаго своего благоденствія. Однимъ лишь побочнымъ значеніемъ своей огульной (среднесложной) полезности могли бы

Digitized by Google

тогда получить доступъ къ нашей жизни нравственныя заповѣди, какъ правила, пригодныя для практическихъ дѣйствій.

Но здѣсь намъ нѣтъ еще возможности говорить о безусловномъ правѣ или неправѣ различныхъ мнѣній относительно сверхчувственнаго міра; намъ хотѣлось упомянуть объ нихъ въ томъ лишь смыслѣ, какъ они обыкновенно входятъ фактическими составными частями въ кругъ человѣческаго образованія. И въ этомъ именно отношеніи выражаемъ мы еще разъ сомнѣніе свое насчетъ того, чтобы когда либо какой-нибудь изъ подобныхъ взглядовъ о несамобытности и бренности человѣческаго существа становился истинно-живымъ чувствомъ, вполнѣ проникающимъ всю индивидуальность не только въ отвлеченныхъ ея помыслахъ, но и въ ея непосредственныхъ настроеніяхъ и думахъ. Выходитъ, правда, очень недурно, когда древній поэтъ *), отринувъ всѣ представленія о богахъ и о загробномъ возмездіи, какъ безполезныя страшила, которыя только мѣшаютъ спокойно наслаждаться жизнію, принимается затѣмъ корить самый страхъ смерти и спрашиваетъ, гдѣ же у насъ стыдъ и совѣсть, что мы вѣчно хотимъ наслаждаться и никогда не покинуть жизненнаго пира съ достойнымъ приличіемъ, какъ дѣлаетъ любой насытившійся уже гость? Но не забываетъ ли онъ при этомъ, что увѣтъ къ совѣстливости и приличію звучитъ слишкомъ холодно въ ушахъ того, кого черезъ минуту не станетъ? или, не таится ли, пожалуй, въ этомъ, противорѣчащемъ умыслу поэта, сравненіи болѣе вѣрное понятіе, что, конечно, земная наша жизнь — мимолетная пирушка, изъ-за которой насытившійся, но не такой же скоротечный, гость отходитъ только къ иному существованію, и притомъ съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ наслажденій? Какое поэтически-пламенное выраженіе находили себѣ, съ дру-

*) Лукреція, «О природѣ вещей» Кн. III, стихъ 591 и слѣд.

Digitized by Google

гой стороны, нерѣдко и пантеистическіе взгляды! Но именно, превознося съ благочестивымъ восторгомъ разрѣшеніе особи во всеобщемъ, развѣ не прославляютъ они тѣмъ самымъ постояннаго и всегдашняго удовольствія, ощущаемаго преходящимъ существомъ при возсоединеніи его съ вѣчнымъ? и не высказываютъ ли они въ то же время нетлѣнность этого преходящаго, которое, какъ ни приходи оно къ концу, прійдетъ всегда къ тому, въ чемъ оно какъ нибудь да уцѣлѣетъ? Отъ этого побочнаго чувства, котораго не избѣжать ни какой рѣшительно пантеистической поэзіи, не отдѣлаться вполнѣ даже и самому прозаичному резонёрству пошлыхъ, обиходныхъ мнѣній. Сколько ни будь мы, повидимому, убѣждены въ предстоящемъ намъ уничтоженіи, или сколько бы ни толковали мы объ исчезновеніи личнаго нашего бытія въ лонѣ всеобщей природы, — конечно, намъ можно представить себѣ, что не будетъ чего-нибудь дѣлаться, что дѣлалось прежде, но отнюдь не льзя вообразить, чтобы когда-нибудь совсѣмъ какъ и не бывало прежде бывшаго. И какъ ни старайся мы убѣдить себя, что наше собственное *я* въ сущности одинъ только процессъ, нѣчто временно происходящее между разнообразно движимыхъ атомовъ, — непосредственное чувство нашей личной реальности остается непреодолимымъ для всѣхъ подобныхъ попытокъ, и мы никогда не сможемъ помыслить о своемъ расплывѣ въ безднѣ всеобщаго безъ того, чтобъ не считать себя даже и въ этомъ расплывчатомъ состояніи все таки опять уцѣлѣвшими и продолжающимися.

Повторяю, что представленій этихъ я вовсе не выдаю за истины, но излагаю ихъ какъ факты нашего природнаго сознанья; правы ли они, нѣтъ ли, но съ ними именно, а не съ какими либо другими, пробиваемся мы сквозь всѣ трудности жизненнаго пути; думы наши никогда не освобождаются вполотъ чаяній чего-то сверхчувственнаго. Съ другой стороны,

Digitized by Google

онѣ также не могутъ возвести это чаянье до неоспоримаго значенья, безъ усильнаго, положительнаго рѣшенія вѣры; естественное состояніе человѣчества есть колебанье между сознаніемъ нашего вѣчнаго, вселенскаго призванія и между всегда возникающею боязнью, что мы лишь безразличныя и безцѣльныя произведенія всеобщаго потока природы, но оба эти чувства равно умѣряются въ насъ вѣтренымъ легкомыслiемъ *). Даже и въ изображенное нами выше апатическое настроеніе толпы упадаютъ тамъ и сямъ свѣтлыя полоски вѣщихъ чаяній, и изъ увѣтовъ совѣсти для всякаго становится хоть на минуту ясно, что онъ не совсѣмъ то же, что растущая и истлѣвающая въ полѣ трава; наоборотъ, и твердость самаго глубоко-вѣрующаго убѣжденія въ вѣчномъ значеніи духа колеблется иногда передъ слишкомъ настойчивою ясностью, съ какою ходъ природы, въ свою очередь, твердитъ, что въ виду разрушенія, загубляющаго неизбѣжно каждый живой обликъ, долженъ же изъ общаго состава насущной дѣйствительности безслѣдно исчезать и духъ.

Остановимся еще одну минуту на этомъ міровоззрѣніи, котораго животрепетное чувство рѣшительно отличается отъ другихъ сознаніемъ нашей ничтожности и бренности: не ясно ли, что оно едва въ правѣ говорить о какихъ бы то ни было цѣляхъ жизни? Дѣйствительно, всѣ научныя его обработки почти всегда приходили только къ тому, чтобы отсовѣтовать всякую заботу объ этихъ цѣляхъ и о сверхчувственномъ, и

*) Духъ человѣка, по своему положенію на грани двухъ міровъ, постоянно живетъ двойственною жизнію, коренясь въ одномъ изъ нихъ и невольно устремляясь въ другому. Высшее духовное развитіе заключается именно въ томъ, чтобы мало по малу упразднить все нашущееся намъ невольнымъ въ фантѣ этой двойственности, и понять, что верховнымъ идеаломъ и послѣднею цѣлью полнаго міроразвитія можетъ бы только безконечно-разумное и благое, а потому всемогущее и вполнѣ свободное творчество. Принять это въ сердцу и усвоять себѣ всѣми силами души—значитъ, однимъ словомъ, увѣровать.

Digitized by Google

отстаивать, напротивъ, ту благоразумную умѣренность, которая ограничиваетъ свои притязанья однимъ удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей. Но зато никогда не удалось имъ унять прекословіе со стороны лучшаго человѣческаго чувства, всегда возставшаго противъ крайности такого упрощенія жизни, которымъ она сводилась бы на одно спокойное, безцѣльное прозябанье. Съ одной стороны, онѣ вынуждены были уступить человѣческой природѣ въ томъ, что тихомолкомъ допускали то преимущество, какое всякая душа невольно отдаетъ познанію истины, очарованію красоты, величію нравственныхъ заповѣдей передъ всѣми неотложнѣйшими влеченьями природы, — допускали, не имѣя однако ни какой возможности понять это изъ своихъ собственныхъ мыслеосновъ; съ другой стороны, никогда не могли онѣ воздержать практическихъ стремленій, выходившихъ далеко за скудныя потребности того прозябательнаго типа жизни. То въ невольно заботливой любви ко благу отдаленнаго потомства, то въ живѣйшемъ участіи къ историческому развитію человѣчества вообще, и какъ часто, наконецъ, въ волнующихъ земной міръ честолюбивыхъ порывахъ, дѣятельно обнаруживалось это неистребимое чувство связи съ другимъ непреходящимъ міромъ, хотя теоретически оно и не допускало своего собственнаго существованія. Единичный духъ, считавшій себя за мимолетное произведеніе текущаго кругооборота природы, рѣдко бывалъ вполнѣ равнодушенъ къ посмертной славѣ; а въ чемъ заключалась бы прелесть этой славы, прививайся она только къ имени, не носимому уже рѣшительно ни кѣмъ? Во всѣхъ этихъ явленіяхъ просвѣчиваетъ затаенная вѣра, что есть цѣлый міръ духовныхъ интересовъ, не выпускающій изъ себя тѣхъ звеньевъ, которыя разъ къ нему принадлежатъ, сколь ни будь далеко до яснаго представленія о способѣ, какъ происходитъ это вѣчное сохраніе того, что̀ повидимому исчезло.

Digitized by Google

Но и въ загадочной смѣси нашихъ жизненныхъ, задушевныхъ ощущеній не вездѣ же выступаетъ господствующимъ это одно чувство совершеннаго ничтожества и затерянности нашего земнаго бытія. — Прозѣ такого смиреннаго настроенья противустоитъ другая главная форма человѣческаго самосознанія, — именно дикая поэзія суевѣрства. Давно уже замѣчено, какъ преизбытокъ въ послѣднемъ неожиданно близокъ къ полному невѣрію, и какъ отъ него-то именно онъ и происходитъ. И дѣйствительно, оба помысла о наглядной, естественно-законной бренности всякаго отдѣльнаго лица и объ исключительной пребываемости неизслѣдимо-темной бездны вѣчнаго, подобны двумъ вмѣстѣ раздающимся звукамъ; довольно маленькаго вѣтерка, чтобы усилился тотъ, либо другой, и превозмогъ товарища. На томъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ и основано всякое суевѣрство, что дѣятельность безконечной сущности, направлявшая прежде ходъ отдѣльныхъ вещей только посредственно, равнодушно-дѣловымъ порядкомъ и какъ-бы изъ-дали, вдругъ прямо вступаетъ во всѣ мельчайшіе извивы этого хода и переполняетъ установленную связь явленій таинственно-мрачнымъ пыломъ такого жаркаго взаимнодѣйствія, которымъ единичная тварь объемлется со всѣхъ сторонъ и отъ котораго уклониться она не можетъ. Также и это настроеніе, воображать себя отовсюда охваченнымъ силами сверхчувственнаго міра, въ смутномъ волненіи которыхъ сплошь и неразличимо теряются ближайшіе, явственные очерки жизненныхъ состояній, — настроеніе это отчасти преобладало въ цѣлыя историческія эпохи человѣческаго развитія, отчасти готово оно выступить, по крайней мѣрѣ одиночными проблесками, во всякое рѣшительно время. На сложеніе жизненнаго строя дѣйствовало оно весьма различно смотря по тому, какъ темпераментъ и естественное свойство народовъ и бо́льшая или мѣньшая воспріимчивость ихъ къ яснымъ фактическимъ даннымъ опыта и

Digitized by Google

къ простѣйшимъ нравственнымъ требованіямъ духа клонили фантазію то къ свѣтлому эстетическому взгляду на міръ, то къ мрачной и непомѣрной въ своихъ порывахъ мечтательности. Разгулъ воображенія восточныхъ народовъ выбралъ для рисуемыхъ имъ картинъ самые широкіе планы и краски самыя яркія; представленія о происхожденіи вселенной, о добрыхъ и злыхъ началахъ всѣхъ вещей, о демоническомъ отпаденіи созданія отъ перваго его предназначенья, о всемірной исторіи, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ связнаго и послѣдовательнаго развитія всей видимой и невидимой дѣйствительности, — всѣ эти крайніе помыслы, которыхъ человѣческій умъ касается обыкновенно только робко и осторожно, вступили здѣсь въ кругозоръ повседневной жизни съ какимъ-то панибратствомъ, въ видѣ очень коротко-знакомыхъ вещей; они и удерживались въ немъ безчисленнымъ множествомъ обрядовъ, — то страшными, чудовищными видами покаянья, которыми фантазія думала навѣрно добиться того освященія и той міровластительной силы, какихъ трезвый наблюдатель не открылъ бы на дѣлѣ ни малѣйшаго слѣда, то одиночными заповѣдями, стѣснявшими мучительно, безполезно и до послѣдней мелочи самыя естественныя движенья обиходной жизни, постоянно напоминая о мнимой зависимости ихъ отъ таинственныхъ связей міроздания. — Совсѣмъ иначе вышло это въ миѳологіи древнихъ Грековъ: не безъ сильнаго ущерба назидательному содержанію, но съ явною выгодой для отрадно художественной формы, освободила она опять бо́льшую часть жизни человѣческой и избавила ее отъ гнетущаго наплыва мистики, охватившей вселенную съ одного края до другаго. Иныя времена и иные нравы выводили, въ свою очередь, другія формы этого же настроенія; но вездѣ, гдѣ убѣжденіе о тѣсной и всепроникающей связи земного нашего бытія со всеобщею міровою жизнью укоренялось въ немъ слишкомъ непосредственно и вело къ

Digitized by Google

выдержаннымъ попыткамъ мистическаго и теократическаго уряда обиходныхъ общественныхъ отношеній, тамъ оно всегда только мѣшало естественному развитію постановкою искусственныхъ, отчасти даже и непонятныхъ задачъ, которыми заслоняла настоящіе физическіе и нравственные интересы здравой человѣческой природы. Рядомъ съ превратными теоріями, безоглядно противорѣчившими самому повседневному опыту, возникала отсюда бездна мрачныхъ аскетическихъ стремленій, которыя — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ въ мірѣ — подымали изъ-за идеальнаго назначенія жизни рѣшительную борьбу противъ реальныхъ естественныхъ основаній, на которыхъ утверждено существованіе самого ратующаго. Гдѣ же, напротивъ, благопріятнѣйшій ходъ вещей болѣе располагалъ смыслъ человѣка къ ежедневной работѣ, къ созидающей и обдѣлывающей производительности, тамъ, передъ участіемъ къ этому ясно расчлененному организму ближайшихъ жизненныхъ задачъ, отступала на задній планъ забота о сопринадлежности земной жизни съ невидимымъ, таинственнымъ порядкомъ и проявлялась опять развѣ только въ отдѣльныхъ чертахъ суевѣрія, которыя упорно, но, говоря вообще, напрасно, силятся иногда противорѣчить опыту. Весь этотъ взглядъ на жизнь сплошь отмѣченъ преобладаніемъ невольной грусти, и суевѣріе, воображающее, что оно опутано со всѣхъ сторонъ непосредственнымъ присутствіемъ глубочайшихъ міровыхъ соотношеній, чувствуетъ на себѣ эту сѣть, какъ постоянный гнетъ подозрительности, искушенья и угрозы, которымъ окружаетъ и тѣснитъ его отовсюда какая-то мрачно роковая мощь. Но съ печальнымъ оттѣнкомъ этимъ соединяется у него всегда и бо́льшая цѣна, придаваемая имъ безсознательно и непроизвольно конечной личности. Именно потому, что таинственная связь вещей вездѣ о ней заботится и не отпускаетъ ее отъ себя ни на минуту, личность представ-

Digitized by Google

ляется сама себѣ ужь не безразлично-преходящимъ и незначительнымъ элементомъ общаго міротеченія, который будто бы и слагается и разлагается послѣднимъ; она видитъ въ себѣ, напротивъ, неразложимое реальное существо, свободно и по выбору отвѣчающее на его искусительные вопросы и способное своимъ выборомъ обременить себя нескончаемою виной. Такимъ образомъ суевѣріе полно мысли объ отвѣтственности, незнакомой тому другому взгляду, который въ каждомъ конечномъ существѣ видитъ только маловажное произведеніе всеобщаго.

Въ короткихъ словахъ спѣшу я къ заключенію, которое предназначено лишь для того, чтобъ послужить исходной точкой окончательнымъ нашимъ соображеніямъ. Изъ колебаній между описанными мною двумя взглядами на жизнь возникаетъ состояніе такого равновѣсія, которое не совсѣмъ недоступно для человѣка, но достигается имъ вполнѣ можетъ-быть не иначе какъ лишь въ иныя, особенно благопріятныя мгновенья. Эту третью форму жизненнаго чувства назовемъ мы религіозностью, въ которой сознаніе собственной немощи сливается тѣмъ не менѣе съ сознаніемъ вѣчнаго міроваго призванья, и убѣжденіе въ тѣсной связи между земнымъ нашимъ бытіемъ и многотаинственной цѣлостью мірозданія не потемняетъ уже воспріимчивости и къ мелкимъ задачамъ нашей жизни. Не силѣ обширнѣйшаго знанія удается соединить противоборствующіе эти помыслы, но силѣ большей и живѣйшей вѣры, которая даетъ голосу внутренняго опыта и совѣсти столько же значенья, сколько и свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, не перетолковываетъ послѣдняго въ смыслѣ какого-то мнимо-высшаго вѣдѣнья и во всемъ покоряется упованію, что, одному Богу извѣстны время и часъ, когда надлежитъ исполниться завѣтнымъ нашимъ чаяньямъ. Въ неизмѣримый составъ всеобщаго бытія земная жизнь включена повидимому въ смыслѣ

Digitized by Google

предуготовительнаго труда, образовательнаго искуса или испытанія, не безъ цѣли и особаго значенья, какъ преходящая наличность, за которою не слѣдовало бы ни какой будущности, съ другой стороны — и не самоцѣльно, или не дотого уже неупразднимо, чтобы каждое заблужденіе жизненной этой школы становилось неотмѣннымъ, роковымъ приговоромъ навсегда. Добросовѣстность, дѣльность и любовь, которыя душа обязана посвящать трудовому подвигу нашей жизни, проистекаютъ изъ этого рода представленій, вмѣстѣ съ болѣе зрѣлымъ и свѣтлымъ сознаніемъ, что тѣмъ самымъ отнято у природнаго несовершенства стремленій нашихъ острое его жало; потому что ихъ цѣль и наше призваніе составляетъ не выработанный нами внѣшній результатъ, но именно вѣрность и добросовѣстность самой работы.

Однако только лишь въ извѣстныя мгновенія дѣйствительно осуществляется этотъ міръ нашего жизненнаго чувства. Не стану упоминать о борьбахъ, о нападеніяхъ, о непрестанно обновляющейся тревогѣ, — возникающихъ изъ унятой, но не устраненной розни и вражды между рѣшеніями вѣры и настойчивыми возраженіями знанія: вѣдь изъ живаго чувства этой-то именно вражды и проистекла вся попытка наша, выяснить себѣ положеніе и назначенье человѣка. Тѣмъ менѣе нужды снова упоминать здѣсь о томъ, какимъ сильнымъ потрясеніямъ направленіе это обыкновенно подвергаетъ нашу душу. Скорѣе о другомъ несовершенствѣ человѣческомъ, про которое мы часто уже помиялали, должны мы подъ конецъ этого обзора нашихъ внутреннихъ настроеній упомянуть и еще разъ: я говорю о томъ непостоянствѣ нашихъ чувствъ и мыслей, которое рѣдко дозволяетъ намъ удержать въ одной общей связи все сопринадлежное къ нашему внутреннему міру, съ тѣмъ чтобы оно постоянно звучало сильнымъ и выдержан-

Digitized by Google

нымъ аккордомъ не колеблясь. То думаемъ мы объ однѣхъ цѣляхъ, и оставляемъ средства въ сторонѣ; то углубляемся въ орудованіе средствами, и совсѣмъ позабываемъ о цѣляхъ; то высокое ослѣпляетъ насъ и вполнѣ потемняетъ собой мелкія задачи, а съ другой стороны и мелочь точно такъ же заслоняетъ собой великое; напряженіе и ослаба чередуются здѣсь какъ и въ тѣлесныхъ состояніяхъ, и помыслы наши въ праздникъ совсѣмъ уже не тѣ, что въ будній день. Какъ многое изъ того, что въ минуты внутренняго сосредоточенія признаемъ мы за рѣшительное свое убѣжденье, остается долго внѣ нашей памяти, какимъ-то накопленнымъ кладомъ, которымъ достаточно уже обладать (не пользуясь имъ впрочемъ дѣйствительно), и какъ рѣдко сознаемъ мы, что сверхчувственный міръ, въ который мы вѣримъ, есть полная истина, дѣйствительно проникающая въ нашу жизнь! Мы такъ часто подмѣчаемъ въ грубомъ видѣ отлагательство добрыхъ намѣреній у другихъ, а вѣдь это бываетъ по мелочи чуть не безпрестанно и съ нами самими; съ искренней вѣрою въ единство задачи нашей и въ сопринадлежность всѣхъ человѣческихъ стремленій къ выполненію одного и того же предназначенья, мы оставляемъ тьму вопросовъ въ сторонѣ и дозволяемъ своимъ дѣятельностямъ расходиться въ одиночку по самымъ разнообразнымъ направленьямъ. Такъ царство наукъ, да и каждая изъ нихъ въ свою очередь, замыкается въ себя, какъ вполнѣ самостоятельная и самодовлѣющая область интересовъ, такъ искусство и производительность, служащая потребностямъ внѣшней жизни, разобщаются съ сознательнымъ отношеніемъ къ тому общему средоточію, и обокъ съ праздничнымъ признаніемъ высшей и безусловной цѣли бытія идетъ у насъ изо-дня-въ-день будничная работа только для низшихъ цѣлей третьяго и четвертаго разряда. Мы не столько хотимъ высказать этимъ тяжкій

Digitized by Google

упрекъ, сколько обрисовать недостатокъ, отъ котораго не избавиться человѣческой природѣ совершенно, при всемъ добромъ желаніи. Но именно сознаться въ этомъ недостаткѣ было послѣднимъ долгомъ нашего обозрѣнія, имѣвшаго въ виду начертать не идеалы, которымъ мы обязаны слѣдовать, но изобразить только мнѣнія, какія людской родъ обыкновенно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ о своихъ идеалахъ, и тѣ стремленія, которыми пытается онъ посильно ихъ достигать.

Digitized by Google

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы достигли не окончательной еще точки зрѣнія, но такого откоса, по которому предстоитъ намъ катиться далѣе и съ котораго мы лишь бѣгло опознаемъ, откуда пришли и куда собственно идемъ.

Неудовлетворительный взглядъ вышелъ результатомъ первой, бо́льшей половины соображеній нашихъ: рядомъ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ примѣровъ, явился намъ и самъ человѣкъ также лишь примѣромъ того, что́ способно произойдти изъ всеобщей подзаконности механизма природы. Конечно, намъ было извѣстно, что никогда одни законы сами по себѣ не могутъ породить ни какой дѣйствительности; они производятъ ее только посредствомъ прежде уже дѣйственнаго разнообразнаго реальнаго бытія, которое будучи дано безпроизводно отъ чего либо иного, подчиняетъ имъ само себя и свои дѣйствія, и къ дѣеспособной силѣ котораго они относятся только какъ направляющія мѣроопредѣленья. Но весь предполагаемый такимъ образомъ избытокъ дѣйствительности представлялся намъ сперва только разсѣяннымъ множествомъ случайныхъ фактовъ, не сомкнутымъ ни какою живоединяющею связью, чтобы стать вторымъ великимъ звеномъ мірозданія,

Digitized by Google

подобно тому, какъ различные законы механическаго порядка природы слаживаются въ одну общую необходимость, — первоначальное, закладочное звено того же самаго мірозданья. Если опытъ и обнаруживалъ намъ слѣды не только подчиненія всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ одинаковымъ всеобщимъ законамъ, но и соподчиненія ихъ плану одного цѣлаго, котораго части взаимно дополняютъ другъ друга, то все же и эта гармонія извращалась всегда снова въ слѣпой результатъ первоначальной природы и данной сгруппировки элементовъ міра, которымъ надо же вѣдь было имѣть какую-нибудь природу и какое-нибудь положеніе, и которые, именно потому, что они имѣли тѣ, а не другія, могли вести только къ такому общему порядку, а не къ вѣчному хаосу. Но и упорство этого безотраднаго воззрѣнія успѣли мы, наконецъ, преодолѣть; оно должно было оказаться только затаеннымъ и противувольнымъ выраженіемъ той исповѣди, что самый крайній, все объемлющій и все обосновывающій, фактъ дѣйствительности есть именно единство и внутренняя сопринадлежность творящей природы, которая не то, чтобъ выкинула только необходимой сферѣ законовъ какую-нибудь безсвязную груду примѣровъ для упражненія (въ родѣ школьныхъ ариѳметическихъ задачъ), но предложила имъ на развитіе сомкнутое въ себѣ зерно цѣлаго благоустроеннаго міра. А къ этому самопровѣрчивость ума, заранѣе обдумывающаго позднѣйшую связь отдѣльныхъ своихъ соображеній, должна была присовокупить еще мысль, что вѣдь и вообще то царство законовъ, которому, какъ видимъ, покоряется все сущее, не можетъ въ самомъ дѣлѣ быть предсуществующею необходимостью, которой подчинялась бы такимъ образомъ позже-пришлая дѣйствительность, что, напротивъ, именно сама творческая природа, повидимому приноровляющаяся къ требованіямъ міровой механики, есть первое и единственное дѣйствительно-сущее, а механизмъ

Digitized by Google

только вытекающая изъ нея форма ея дѣятельности, которая, благодаря повсюдному единству и выдержкѣ этого дѣйствія, (мысленно) отрѣшима отъ бездны частныхъ его примѣровъ, разобщима въ видѣ всемірной, вездѣ равной себѣ необходимости и, наконецъ, предмыслима въ видѣ чуждаго самостоятельнаго предѣла тому, чего, она въ сущности есть собственная природа.

Живую эту дѣйствительность старались мы себѣ разъяснить; мы искали въ ней человѣка и того положенія, какое своеобразная его природа занимаетъ въ ней въ противень къ столь же своеобразнымъ природамъ другихъ тварей. Но почти только съ отрицательной стороны достигло это изслѣдованіе своей цѣли: сколь ни обширнымъ оказалось вліяніе общихъ законно-дѣйствующихъ условій на развитіе человѣческаго бытія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли, что никогда не достаточно его для объясненія этого развитія, помимо тѣхъ совершенно особыхъ предрасположеній къ образованью, какія встрѣчаетъ оно въ человѣческомъ существѣ, но вовсе ихъ не порождаетъ. Чтожь касается, напротивъ, до того, какимъ образомъ положительно опредѣлить сопринадлежность человѣческой природы съ совокупной дѣйствительностью и знаменательное положеніе ея среди послѣдней, насчетъ этого всѣ соображенія наши привели насъ только къ сомнѣнію и темнотѣ. Мы не знаемъ, что́ таится въ безчисленныхъ звѣздахъ, проникающихъ, повидимому, въ нашу жизнь однимъ лишь ночнымъ своимъ мерцаніемъ: каково же теперь наше положеніе во вселенной, которой извѣстна намъ самомалѣйшая только часть? На поверхности этой планеты мы видимъ себя во главѣ череды животныхъ, которыхъ типъ получаетъ въ нашей организаціи высшее свое завершенье; но что значитъ это систематическое достоинство, о которомъ мы едвали когда помышляемъ въ жизни, и которое не приноситъ ни какой пользы

Digitized by Google

прогрессу нашего развитія! Наконецъ, мы чувствуемъ себя духовно разобщенными отъ міра животныхъ громадною бездной; но преслѣдуя идеалы, имѣющіе значенье для насъ однихъ, мы чувствуемъ, вопервыхъ, что всегда почти далеки отъ того, чему считаемъ себя обязанными исключительно давать цѣну, а потомъ мы невольно замѣчаемъ, какъ здорово и свѣжо прозябаетъ вокругъ насъ и та дикая душевная жизнь, которой идеалы эти невѣдомы. Наши собственныя цѣли для насъ неясны, а внѣ насъ существуетъ тьма вещей, которыхъ смыслъ и назначеніе еще намъ недоступнѣй: кто захотѣлъ бы узнать самого себя, тому слѣдовало бы разгадать планъ великаго мірозданія, а къ нему соустремлено столько многоразличныхъ членовъ!

Что именно изъ этого плана можетъ разъясниться для насъ историческимъ обзоромъ и сочетаніемъ идей, постепенно выработавшихся и усвоенныхъ трудомъ человѣческаго духа, — это постараемся мы развить въ послѣдней части своихъ изслѣдованій, соединяя разсѣянныя нити отдѣльныхъ вдумчивыхъ помысловъ и ведя къ разрѣшенію многихъ кажущихся противорѣчій.

Digitized by Google

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ „МИКРОКОЗМА“.

Стран.	Напечатано:	Вмѣсто:
IV	Вездѣприсутствіе души и тѣла. .	Вездѣприсутствіе души въ тѣлѣ.
XX	неутешимую жажду	неутолимую жажду
28	живость ваша	живость наша
31	не вездѣ	не вездѣ
83	которое бы они не произвели . .	котораго бы они не произвели
141	на возвратномъ ти	на возвратномъ пути
169	боращаются противъ	обращаются противъ
193	разнообразіе явленія	разнообразіе явленій
216	на второе драженіе	на второе раздраженіе.
465	опосредственнаго взаимнодѣйствія .	опосредствованнаго взаимнодѣйствія

Примѣчаніе. Незамѣтными считаемъ мы тѣ явныя буквенныя опечатки, отъ которыхъ ни сколько не терпитъ смыслъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

a 550

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google